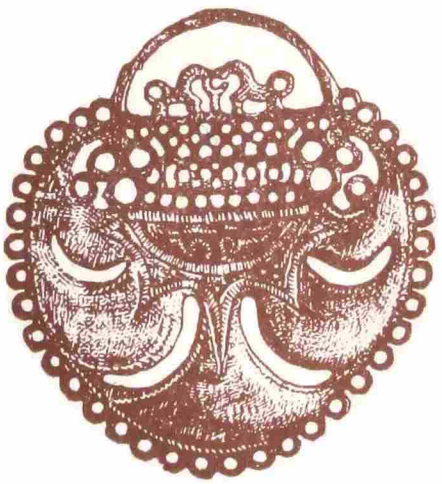
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1981

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева* (зам. главного редактора), *А. А. Формозов*

СОДЕРЖАНИЕ

Шелов Д. Б. (Москва). За высокое качество полевых археологических исследований 5
Черных Е. Н. (Москва). Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы 19
Отрешко В. М. (Киев). Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья 27
Носов Е. Н. (Ленинград). Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье . . 42
Станюкович А. К. (Москва). Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные привески) 57
Лабутина И. К., Костючук Л. Я. (Псков). Псковские берестяные грамоты № 3 и 4 66
Немцева Н. Б. (Ташкент). К вопросу о методике полевых археологических работ на памятниках зодчества Средней Азии 79
Курлов В. И. (Москва). О реставрации Соловецкого Преображенского собора XVI века 88
Георгиев П. П. (г. Шумен, Болгария). К вопросу о древнерусских банях . 100
Абрамова З. А. (Ленинград). Г. П. Сосновский (1899—1941) и проблемы палеолита Северной Азии 109

Публикации

Сорокин А. Н. (Москва). Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера) 118
Мацкевой Л. Г. (Львов). Новые мезолитические и неолитические поселения Краснодарского края 134
Дзис-Райко Г. А., Черняков И. Т. (Одесса). Золотая чаша вылчетрыновского типа из Северо-Западного Причерноморья 151
Данилова Е. И., Корпусова В. Н. (Киев). Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму 163
Крис Х. И. (Москва). Предметы звериного стиля из дьяковских городищ 171

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1981 г.

Гопак В. Д., Заверняев Ф. М. (Винница, Брянск). Железные изделия Почепского селища 181
Копейкина Л. В. (Ленинград). Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) 192
Воробьева Е. В. (Харьков). Рельеф с драконом из Галича 209
Фомичев Н. М. (Азов). Джучидские монеты из Азова 219
Фахрутдинов Р. Г. (Казань). Исследования булгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.) 242

Заметки

Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка I 261
Аншлогов А. В. (Петрозаводск). Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в центральной части Кольского полуострова . . . 266
Кореневский С. Н. (Москва). Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии 274
Мамонтов В. И. (Волгоград). Погребения эпохи бронзы Глазуновского курганного могильника 279
Гришин Ю. С. (Москва). Закаменский клад медно-бронзовых изделий из Забайкалья 282
Ртвеладзе Э. В. (Ташкент). Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар) 285
Левушкина С. В., Флициян Е. (Ташкент). Химический состав металла кинжала из Вахшувара 287
Сарианиди В. И. (Москва). Зеркала древней Бактрии 288
Недошивина Н. Г. (Москва). Новлянские курганы 293
Рыбина Е. А. (Москва). Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде 298
Татаринов С. И., Копыл А. Г. (Артемовск). Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец 300
Юшко А. А. (Москва). Монетные находки из раскопок Звенигорода Московского 307
Формозов А. А. (Москва). К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX века 312

Критика и библиография

Борисковский П. И., Хлобыстин Л. П. (Ленинград). Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977; Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979 314
Грязнов М. П. (Ленинград). Гурина Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976 318
Окладников А. П., Окладникова Е. А. (Новосибирск, Ленинград). [Рец.]. Новое исследование по петроглифам Дагестана 320
Козловская В. И. (Владимир). [Rec.]. Hispania Antiqua. Revista de Historia Antigua. Universidad de Valladolid, 1976 324

Хроника

Мелюкова А. И., Смирнова Г. И. (Москва, Ленинград). Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры» . . 329

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1
1981

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Shelov D. B. (Moscow). For the high quality of the field archaeological investigations 5
Chernykh E. N. (Moscow). The Constanța hoard and the problems of the Balkan-Caucasian links of the late Bronze Age 19
Otreshko V. M. (Kiev). The Kallipides, Alazones and the settlements on the Lower Bug 27
Nosov E. N. (Leningrad). Some general aspects of the investigation of the burial sites of the second half of the Ist millenium A. D. in the Ilmen region 42
Stanyukovich A. K. (Moscow). On one rare type of ancient Russian ornaments (the trefle-shaped pendants) 57
Labutina I. K., Kostjuchuk L. Ya. (Pskov). Pskovian birch-bark charter № 3 and 4 66
Nemtseva N. B. (Tashkent). On the methods of field archaeological investigations of the architectural monuments of the Middle Asia 79
Kurlov V. I. (Moscow). On the restoration of the Preobrazhenski church of the XVIth century in the Solovki islands 88
Georgiev P. P. (Shumen, Bulgaria). On the ancient Russian bathhouses 100
Abramova Z. A. (Leningrad). G. P. Sosnovski and the problems of the palaeolithic of Northern Asia 109

Publications

Sorokin A. N. (Moscow). The late mesolithic site Mikulino (Meshera) . . . 118
Matskevoy L. G. (Lvov). New mesolithic and neolithic sites in Krasnodar region 134
Dzis-Rayko G. A., Chernyakov I. T. (Odessa). A golden bowl of the Vylchetryn type from the North-Western Pontic area 151
Danilova E. I., Korpusova V. N. (Kiev). Catacomb burial with trepaned scull (Krimea) 163
Kris H. I. (Moscow). The animal style objects from the fortified settlements of the Dyakovo culture 171
Gopak V. D., Zavernyaev F. M. (Vinnitsa, Bryansk). Iron artifacts from the Pochep settlement 181
Kopeikina L. V. (Leningrad). The peculiarities of the development of the Berezan settlement in the archaic period 192
Vorobyeva E. V. (Kharkov). A relief with a dragoon from ancient Galich . . 209
Fomichev N. M. (Azov). The Djuchid coins from Azov 219
Fakhrutdinov R. G. (Kazan). Investigations of the Bulgarian fortified settlements in Tataria and the Ulyanovsk region 242

Notes

Serikov Yu. B. (Nizhniy Tagil). The complex of stone artifacts from the dwelling at the neolithic site Poludenka I 261
Anpilogov A. V. (Petrozavodsk). The classification of pottery from the sites in the Voronya river basin 266
Korenevski S. N. (Moscow). Maikop culture grave in Kabardino-Balkaria . . . 274

Mamontov V. I. (Volgograd). The Bronze Age burials of the Glazunovo barrow cemetery 279
Grishin Yu. S. (Moscow). The hoard of copper-bronze artifacts from Zakamenskoe in the Trans-Baikal region 282
Rtveladze E. V. (Tashkent). A bronze dagger from the Southern Uzbekistan (Vakhshuvar) 285
Levushkina S. V., Flitsiyan E. (Tashkent). The chemical composition of the dagger from Vakhshuvar 287
Sarianidi V. I. (Moscow). The mirrors of ancient Bactria 288
Nedoshivina N. G. (Moscow). The barrows in Novlyanskoe 293
Rybina E. A. (Moscow). The leads from Turnae in Novgorod 298
Tatarinov S. I., Kopyl A. G. (Artemovsk). The ancient Bulgarian cemeteries in Dronovo at the Severski Donets river 300
Yushko A. A. (Moscow). The coin finds from the excavations of Zvenigorod (Moscow region) 307
Formozov A. A. (Moscow). On the history of archaeological excavations in Kiev in the early XIXth century 312

Reviews and Bibliography

Boriskovski P. I., Khlobystin L. P. (Leningrad). [Rec.] Dikov N. N. Archaeological sites of Kamchatka. Chukotka and Upper Kolyma. Asia at the border of America in the prehistory. M., 1977. Dikov N. N. Ancient cultures of the North-Eastern Asia. Asia at the border of America in the prehistory. M., 1979 314
Gryaznov M. P. (Leningrad). [Rec.] Gurina N. N. Ancient flint mines at the territory of the USSR. L., 1976 318
Okladnikov A. P., Okladnikova E. A. (Novosibirsk, Leningrad). The new investigations of petroglyphs in Daghestan 320
Kozlovskaya V. I. (Vladimir). [Rec.] Hispania Antiqua. Revista de Historia Antiqua. Universidad de Valladolid, 1976 324

Chronicle

Melyukova A. I., Smirnova G. I. (Moscow, Leningrad). The all-union symposium «The problems of the genesis and chronology of the Scythian culture» 329

Д. Б. ШЕЛОВ

ЗА ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выполнение широкой программы экономического, социального и культурного развития, намеченной в решениях партии и правительства, требует не только напряженного труда всего советского народа, но и постоянного улучшения планирования, организации, повышения эффективности и производительности нашей работы. Предстоящий XXVI съезд КПСС несомненно явится важнейшей вехой на пути поступательного развития всего советского общества и станет мощным стимулом дальнейшего подъема в самых различных областях жизни и деятельности советских людей. Понятно стремление в преддверии съезда подвести итоги нашим достижениям, выявить существующие недостатки, наметить ближайшие задачи. Это относится как к сфере производственной деятельности во всех отраслях народного хозяйства, так и к научным исследованиям и разработкам.

Успешное осуществление многих народнохозяйственных программ, общий рост культуры советского народа позволили в последние годы уделить особое внимание решению на государственном уровне ряда задач культурного строительства. Видное место в их числе занимает забота о сохранении и пропаганде исторического наследия народов нашей страны, об охране исторических и художественных памятников. Эта забота получила яркое выражение в одной из статей Конституции СССР и в принятии специального Закона Союза ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Естественно, что это пристальное внимание партии, государства и народа к сохранению культурных ценностей, в том числе и памятников археологии, резко повышает ответственность специалистов-археологов за качество их полевой деятельности, за методику разведочных и раскопочных работ, за состояние тех памятников, которые они исследуют.

Если забота об охране памятников древности является непременной обязанностью каждого советского гражданина, закрепленной в статье 68-й Конституции СССР, то тем более эта забота должна быть священным долгом археологов, самой своей профессией призванных не только к исследованию соответствующих объектов, но и к осуществлению всемерного контроля за их состоянием и сохранностью. Мы не можем теперь довольствоваться ни прежним уровнем наших полевых археологических исследований, ни состоянием контроля над ними, но обязаны принять меры к дальнейшему их улучшению.

Колоссальный размах строительных, ирригационных и других народнохозяйственных работ, осуществляемых на всей территории нашей страны и неизбежно приводящих к разрушению многих памятников археологии, ставит перед советскими археологами новые задачи, главной из которых является разработка системы быстрого и в то же время достаточно тщательного и всестороннего исследования археологических объектов в

районах новостроек. Организация спасательной археологической службы требует очень продуманных и хорошо подготовленных действий. Быстрота и оперативность не должны приводить к снижению качества работ, полевая методика всегда должна оставаться на уровне современной науки. Большинство новостроечных экспедиций успешно справляется с этими сложными задачами, сочетая широкий размах полевых исследований с чистотой научных методов, получая и сохраняя полноценную информацию о подлежащих уничтожению археологических памятниках. Но следует признать, что в ряде случаев исследователи допускают и серьезные недостатки в полевой работе, о которых подробнее будет сказано ниже. Усиление контроля за полевой деятельностью археологов становится важным и необходимым условием дальнейшего повышения качества нашей коллективной работы.

Повышение уровня полевых археологических исследований, постоянное совершенствование методики раскопок являются одной из важных задач советских археологов. Эта задача связана не только с развитием советской археологической науки и усложнением стоящих перед ней исследовательских проблем, но и с заботой об охране археологических памятников.

В полевой деятельности советских археологов за последнее десятилетие произошли серьезные изменения, объясняющиеся отчасти внутренним развитием самой археологической науки, ростом археологических кадров, но в еще большей степени той ситуацией, которая складывается вокруг археологических памятников в процессе народнохозяйственного строительства в стране. Эти изменения также властно диктуют необходимость более жесткого и более строгого контроля за полевыми археологическими исследованиями. Здесь могут быть названы несколько факторов, определяющих эти изменения.

Первое. Неизмеримо увеличился размах раскопочных работ, особенно в зонах новостроек. Сейчас многие десятки научно-исследовательских учреждений, университетов, педагогических институтов имеют хозяйственные договоры со строительными или иными организациями и, пользуясь большими средствами, выделяемыми на археологические исследования согласно Закону об охране памятников, ведут широкие разведочные и раскопочные работы во всех районах страны. К сожалению, при этом далеко не всегда наличие квалифицированных археологических кадров соответствует размаху археологических работ, определяемых условиями договора, и к самостоятельной археологической деятельности иногда привлекаются лица, не обладающие необходимой теоретической подготовкой и практическими навыками.

Второе. Характерным и симптоматичным для наших дней явлением стала ярко выраженная «децентрализация» археологических работ. Еще полтора-два десятилетия тому назад важнейшие археологические экспедиции проводились главным образом сотрудниками нескольких центральных научных учреждений, музеев и вузов, а в периферийных городах раскопки вели лишь отдельные исследователи, чьи работы и по размаху, и по значению заметно уступали экспедиционной деятельности Московского и Ленинградского университетов, Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения, Эрмитажа, Исторического музея. Теперь во многих городах Российской Федерации, таких, как Свердловск, Новосибирск, Куйбышев, Ижевск, Владивосток, Ростов-на-Дону, Иркутск, Кемерово, Челябинск и некоторые другие, создались многолюдные коллективы археологов, сложились местные археологические школы, чрезвычайно активно ведущие полевые исследования в своем районе, а иногда (свердловские, куйбышевские, новосибирские, ижевские и другие археологи) работающие в соседних краях и областях. Размах их полевых работ часто значительно превышает масштабы исследований центральных археологических учреждений. Это в высшей степени отрадное и положитель-

ное явление имеет, однако, и свою негативную сторону, так как в некоторых случаях работам всех участников такого коллектива оказываются присущи одни и те же методические недостатки, обычно характерные для деятельности руководителя и организатора местной школы. Отделу полевых исследований Института археологии АН СССР пришлось много сил потратить на исправление некоторых ошибочных методических установок в работе сыктывкарских, владивостокских, петрозаводских археологов.

Третье. Очень быстро возрастает число археологических экспедиций и отрядов и число лиц, самостоятельно ведущих археологические разведки и раскопки. Показательны такие цифры: в 1967 г. Отдел полевых исследований выдал всего 229 открытых листов на право археологических работ на территории РСФСР, в 1976 г.— вдвое больше — 453 листа, из них 49 было выдано лицам, впервые получающим право на самостоятельные работы, в 1979 г. число выданных открытых листов достигло 603, а число лиц, впервые получающих открытые листы,— 88. Такое расширение круга полевых исследователей безусловно весьма отрадно. Но нельзя закрывать глаза на опасность того, что при столь широком вовлечении в самостоятельную полевую практику новых людей среди них могут оказаться и недостаточно подготовленные и просто случайные лица. Примеры тому имеются. Так, ОПИ выдал в 1979 г. по рекомендации Т. Н. Троицкой открытый лист на археологические разведки одному из студентов Новосибирского пединститута, но представленный этим студентом отчет свидетельствует, что автор его недостаточно подготовлен к ведению самостоятельных разведок даже по листу формы № 3. Такими же несостоятельными оказались рекомендации, данные некоторым молодым исследователям археологами А. Х. Халиковым, А. Д. Столяром, В. Б. Виноградовым, Н. Н. Дроздовым. Начальникам экспедиций и отрядов следует более внимательно и ответственно относиться к выпуску на самостоятельную археологическую работу молодежи и к даче рекомендаций на выдачу открытых листов.

Четвертое. В практике полевых археологических исследований все более часто и в более широких масштабах применяется современная мощная землеройная техника. Если раньше скреперы и бульдозеры использовались для сноса насыпей курганов лишь в исключительных случаях, когда приходилось вести работы ускоренными темпами, в виду угрозы разрушения памятников, то теперь почти каждая экспедиция применяет для сноса курганных насыпей землеройные машины. Известны и случаи использования техники при исследовании грунтовых могил, выборке заполнения катакомб и даже при раскопке культурного слоя городищ. Разумеется, примеры последнего рода (вроде уничтожения во время «раскопок» бульдозерами культурного слоя и древних сооружений одного из Старо-Корсунских городищ на Кубани) лежат уже вне всяких норм полевой деятельности археолога, но и при обычном применении землеройных машин в археологических целях, например при раскопках курганов, часто создается угроза слишком быстрого и «упрощенного» разрушения памятника. Вряд ли нужно доказывать, что повышенная оснащенность экспедиций мощной современной техникой, вызывающая соблазн быстрого и легкого решения с ее помощью стоящих перед экспедицией задач, особенно повышает ответственность производителей работ и требует особенно тщательного контроля за деятельностью археологических экспедиций и отрядов как со стороны организующих их научных учреждений, так и со стороны Отдела полевых исследований ИА АН СССР.

Пятое. Внедрение в практику камеральной обработки и исследования добытых раскопками археологических материалов новых методов, в том числе методов естественных наук и математической статистики, настоятельно требует и в раскопочной деятельности обращать внимание на факторы, которым ранее не придавалось большого значения. К ним от-

носятся, в частности, определенная унификация в фиксации результатов полевых работ, получение при раскопках дополнительной информации, которая могла бы составить основу дальнейших специальных лабораторных исследований.

Шестое. В условиях резкого усиления хозяйственного строительства и неизбежно связанного с ним исчезновения тысяч памятников археологии неизмеримо возрастает значение тех из них, которые уже находятся в сфере исследовательской деятельности археологов, а следовательно, и обостряется внимание к сохранности исследуемых объектов. Каждый археолог обязан постоянно заботиться о том, чтобы изучаемые им объекты в наименьшей мере подвергались разрушению, о первоочередном исследовании именно наиболее уязвимых с точки зрения сохранности участков, о консервировании памятника после раскопок, о засыпке котлованов раскопов по окончании полевого сезона, о восстановлении экологической системы на месте раскопок. Это прямо предписывается и Законом об охране и использовании памятников истории и культуры и системой законодательства об охране природы и природных ресурсов СССР. Предусмотрено это и инструкцией к открытому листу. К сожалению, археологи нередко пренебрегают этой стороной полевой работы, считая ее несущественной или обременительной для экспедиции, нанося тем самым серьезный вред и памятнику, и окружающей среде. Подобные случаи могут вызывать осуждение не только со стороны археологических учреждений, но и широкой общественности, как это уже имело место в некоторых заметках, опубликованных в 1979 г. в «Литературной газете».

Уже этот краткий и далеко не полный перечень тех явлений и условий, которые характеризуют современную полевую деятельность советских археологов, показывает, что Институт археологии АН СССР как главное археологическое учреждение страны и особенно его Отдел полевых исследований как орган, призванный санкционировать полевые археологические исследования и контролировать их качество, должны всемерно способствовать улучшению планирования и организации экспедиционной работы, повышению качества археологических раскопок, обогащению их методики, совершенствованию археологической отчетности. Высказанные далее соображения базируются на анализе материалов отчетов археологов Российской Федерации главным образом за 1979—1980 гг., но, вероятно, многие вопросы, затрагиваемые в статье, окажутся актуальными и для полевой деятельности археологов из других союзных республик, и для работы соответствующих археологических учреждений в этих республиках.

Несмотря на вовлечение в полевую археологическую деятельность большого числа новых людей, наличных сил археологов на местах все же часто не хватает для проведения всех тех полевых работ, которых требуют интересы охраны и исследования памятников, особенно в районах больших новостроек. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы при планировании работ археологических экспедиций и отрядов учитывалась научная значимость и неотложность исследования того или иного памятника или района. При этом предпочтение должно отдаваться памятникам, над которыми нависает непосредственная угроза уничтожения в процессе мелиоративных, строительных или иных хозяйственных работ или в результате быстродействующих естественных процессов, например абразии на берегах морей. Дирекции учреждений, организующих экспедиции, руководители студенческой археологической практики не всегда принимают во внимание эти соображения, результатом чего является распыление сил, крайняя неэффективность работы отдельных отрядов или групп, и в то же время упускается возможность действительно необходимого исследования важных или гибнущих памятников. Более всего это относится к недостаточно продуманным разведочным работам студенческих групп, когда имеют место досадные случаи прямого дублирования работы,

вторичного «открытия» уже известных и зафиксированных памятников, причем им даются иногда новые названия, что вносит путаницу в материалы к археологической карте. Бывает, что интересы двух исследователей или двух разных учреждений сталкиваются на одном каком-нибудь памятнике и возникает конфликт из-за права его раскопок, тогда как рядом лежит множество других, нередко не менее интересных объектов, тщетно ждущих своего исследователя. В таких случаях Отдел полевых исследований бывает вынужден вмешиваться и осуществлять регулирующие функции, как это было, например, при конфликтах якутских и магаданских археологов в бассейне правых притоков Колымы или новосибирских и владивостокских исследователей на некоторых памятниках Приамурья.

Но для того чтобы сознательно и плодотворно воздействовать на направление раскопочной деятельности, содействовать повышению эффективности экспедиционных работ, Институт археологии должен располагать значительно большей информацией о полевой деятельности различных экспедиций и учреждений, о состоянии памятников, предполагаемых к раскопке, о возможностях и намерениях планируемых экспедиций. Несколько лет тому назад Отделом полевых исследований была разработана и введена специальная форма заявки на выдачу открытых листов: в заявку обязательно должна включаться обоснованная просьба и некоторые сведения как об организуемой экспедиции, так и о намеченных к исследованию памятниках. Соответствующее инструктивное письмо было разослано всем организациям и лицам, получающим открытые листы. Большинство научных учреждений и учебных заведений присылает теперь такие обоснованные заявки. Таковы, например, подробные заявки Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, Уральского университета, научно-исследовательского института при СМ Удмуртской АССР и многих других учреждений. Но некоторые руководители научных коллективов все же и сейчас еще присылают ничего не говорящие заявки или отделываются формальной фразой: «Раскопки нужны для решения научной темы» или «проводятся с охранной целью» и т. п. Отдел полевых исследований в таких случаях задерживает выписку открытых листов, просит дать необходимые разъяснения, уточнения и пр. Это вызывает долгую переписку или приводит вообще к отказу в выдаче листа. Отдел полевых исследований не смог, например, удовлетворить в 1980 г. недостаточно обоснованные заявки историко-филологического факультета Петрозаводского университета, Геленджикского историко-краеведческого музея и некоторых других учреждений. Нужно подчеркнуть то обстоятельство, что учреждения, организующие полевые археологические исследования и испрашивающие на них открытые листы, несут ответственность за качество полевых работ и отчетности по ним наряду с археологом, получившим открытый лист.

Следует обратить внимание полевых исследователей на необходимость строгого соблюдения характера и объема работ, разрешаемых открытым листом. Бывают случаи, когда отдельные археологи проводят работы за пределами того памятника или района, на который им был выдан открытый лист. Так, В. А. Голубев (Южно-Сахалинский педагогический институт), имея в 1979 г. открытый лист на раскопки нескольких памятников в разных районах Сахалинской области, вел раскопки еще и в Невельском районе, на которые открытого листа не получал и даже не запрашивал. У. И. Сулейманов (Башкирский университет) имел открытый лист на разведки в Салаватском, Дуванском и Караидельском районах Башкирии, а работал в Туймазинском и Белебеевском районах. Краевед С. Ф. Иночкин (Саратов) незаконно раскопал курган у с. Ершовка в Аткарском районе, хотя получил открытый лист на раскопки другой курганной группы. И. В. Асеев (ИИФФ СО АН СССР) брал лист на развед-

ки и раскопки средневековых памятников в Ольхонском районе Иркутской области, а вел раскопки могильников самого различного времени, весьма далекого от средневековья. Подобные случаи, оправдываемые обычно изменившимися обстоятельствами, являются фактически работами без открытого листа, они грубо нарушают закон и должны быть решительно осуждены как случаи прямого археологического браконьерства. Даже на непредусмотренные ранее спасательные работы необходимо срочно запрашивать открытый лист, чего не сделала, например, В. Б. Ковалевская (ИА АН СССР), раскопавшая в 1980 г. разрушаемые погребения в Каменномостском и Кичмаякинском могильниках в Кабардино-Балкарии. Таким же нарушением закона являются даже небольшие раскопки или шурфовка, производимые держателями открытого листа формы № 3, не дающего права ни на какие земляные работы; или значительные раскопки, в том числе раскопки курганов по листу формы № 2, предоставляющему его обладателю право лишь на разведочные раскопки поселений. Примерами подобных нарушений в 1979 г. может быть деятельность Е. Ю. Расторгуевой (ЛГУ), раскопавшей курган у дер. Варшавский шлюз в Ленинградской области, Н. П. Матвеевой (Тюменский университет) и И. Г. Глушкова (Омский университет), проведших весьма значительные раскопки памятников в Западной Сибири, хотя все они обладали открытыми листами формы № 2. Н. И. Анищук (Уральский университет) произвела вскрытие погребальных сооружений в районе «тропы Чингиз-хана» в Туве, имея открытый лист формы № 3, а держатели таких же листов Г. Д. Глоба (Алтайский университет) и М. Ш. Галимова (Казанский университет) проводили шурфовку обследуемых ими памятников. В случаях особо злостных нарушений и неудовлетворительного проведения таких работ Отделу полевых исследований приходится лишать лиц, злоупотребивших его доверием, права на получение открытых листов в дальнейшем (Е. Ю. Расторгуева, М. Ш. Галимова).

Открытый лист формы № 4 дает право на значительные раскопки памятников, как и лист формы № 1, но только в тех случаях, когда памятник подвергается интенсивному разрушению, главным образом в процессе хозяйственного строительства. В практике Отдела полевых исследований бывали случаи, когда некоторые археологи, желая получить разрешение на широкие раскопки памятника, представляли его как разрушаемый, хотя никакая реальная опасность ему в тот момент не грозила. Предусмотренное существующими правилами оформление заявок на открытые листы призвано упорядочить и этот вопрос.

Важнейшей проблемой полевой археологической деятельности остается, разумеется, проблема качества археологических раскопок, правильности применяемой методики. Анализ археологической отчетности показывает, что в подавляющем большинстве случаев исследователи вполне удовлетворительно ведут раскопочные работы, соблюдая обязательные для раскопщика правила. Правда, мелких и частных замечаний по отдельным деталям исследования Отделу полевых исследований приходится делать довольно много, но со значительными отклонениями от правил раскопок, заставляющими признать ведение работ неудовлетворительным, приходится сталкиваться не так уже часто. Здесь, конечно, невозможно разбирать все случаи разных нарушений методики, но все же упомянем о некоторых наиболее частых или типичных ошибках исследователей.

Довольно распространенным является злоупотребление шурфовкой памятников. Закладка шурфов иногда бывает необходима при разведке новых памятников, но и в этих случаях она должна быть максимально ограничена и продумана, чтобы не создавать опасность излишнего нарушения культурного слоя. Всегда лучше, если можно, ограничиваться зачисткой берегового обрыва, стенок ям или других уже имеющихся повреждений. Между тем многие археологи, не задумываясь, закладывают несколько шурфов на одном памятнике, иногда в непосредственной бли-

зости друг от друга, что, как правило, не дает никакого исследовательского эффекта, но наносит существенный вред памятнику. Не оправдывают себя и применяемые некоторыми археологами микрошурфы в 40—50 *см* в поперечнике, именуемые ими «закопушками». И уж во всяком случае недопустима закладка больших серий шурфов и зачистки на стационарно исследуемых памятниках, равно как и разбивка на них системы узких траншей вместо вскрытия памятников широкими площадями. В 1979 г. методические ошибки такого рода допустили: М. Ш. Галимова, сделавшая 16 зачисток на стоянке каменного века Сюкеевский взвоз; В. Б. Бородаев (Алтайский университет), заложивший на поселении Новый мир-3 более десятка неодинаковых по площади и по-разному ориентированных шурфов; сотрудники Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР Н. В. Антипина и В. И. Козлов, исследовавшие шурфами и траншеями стоянки Еличей, Хаттынгнах и Онньес; Ю. А. Поляков (Пермский университет), копавший траншеями Назаровское городище, и некоторые другие. С. Ф. Иночкин попытался закладывать шурфы даже в насыпях курганов.

Нельзя признать правильной и практику шурфовки (или закладки траншей) внутри жилищных впадин в тех случаях, когда эти впадины прослеживаются на поверхности. Шурфы и траншеи в таких случаях приводят к последующему разрушению жилища, не давая в то же время достаточной характеристики памятника. Однако многие археологи, соблазняемые кажущейся легкостью и «беспроигрышностью» такой методики исследования, закладывают шурфы или траншеи внутри жилищ, причем делают это не только сравнительно молодые исследователи, недавно начавшие самостоятельные археологические работы,— В. Б. Бородаев, А. Л. Ивлиев (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР), Т. Б. Шикаева (ИЯЛИЭ Марийской АССР), В. И. Семенова (Тюменский университет), Э. С. Логинова (ИЯЛИ Коми филиала АН СССР), но и такие опытные археологи, как Л. И. Ашихмина (ИЯЛИ Коми филиала АН СССР), Ю. П. Чемякин (Уральский университет), Ю. А. Савватеев (ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР). Последний исследователь заложил в 1979 г. в некоторых жилищных впадинах даже по нескольку шурфов.

Безусловно порочной является широко практиковавшаяся недавно многими уральскими, сыктывкарскими, владивостокскими и другими археологами практика раскопок первобытных и средневековых поселений не сплошной площадью, а отдельными раскопчиками, закладываемыми точно над жилищными впадинами и даже по форме повторяющими форму жилищ. При такой методике раскопок межжилищные пространства остаются неисследованными и полная характеристика поселения оказывается невозможной. Отдел полевых исследований неоднократно указывал на неприемлемый характер такой методики, и в результате большинство исследователей отказались от этого неверного метода, перейдя к раскопкам всех поселений сплошными площадями. Но все же некоторые археологи упорно цепляются за эту давно отвергнутую современной наукой методику. Таковы, например, А. И. Гоголев из Якутского университета и сотрудники Томского университета Л. А. Чиндина, Л. М. Плетнева, Е. А. Васильев, раскопавшие в 1979 г. отдельные жилищные впадины на разных поселениях. Отдел полевых исследований предупредил томских археологов, что продолжение этой порочной практики приведет к полному прекращению выдачи им открытых листов. Столь же неправомерными являются раскопки грунтового Усть-Пуйского могильника не сплошной площадью, а путем закладки отдельных раскопов над каждой могилой, отмеченной на поверхности западиной. Такие раскопки провел в 1979 г. О. В. Овсянников (ЛОИА).

Не оправдывает себя закладка многих небольших раскопов разной конфигурации, иногда даже по-разному ориентированных, на территории

больших городищ, селищ или могильников (В. А. Иванов —ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР; А. И. Мартынов, А. В. Циркин — Кемеровский университет, и др.). При многолетних планомерных исследованиях таких памятников предпочтительнее постепенное расширение одного или нескольких (немногих) раскопов путем прирезки к ним дополнительно исследуемой площади.

Резкое возражение вызывают встречающиеся иногда случаи неполного исследования жилищ, могил, хозяйственных сооружений, когда часть такого комплекса остается за пределами раскопа. Такие случаи допускали в своей работе в 1979 г. Е. А. Сидоров (Новосибирский пединститут), Л. Р. Ротермель (Омский университет), Л. Н. Корякова (Уральский университет), вскрывшие некоторые жилища лишь частично; Г. И. Матвеева (Куйбышевский университет), которая начала, но не закончила исследования многих древних шахт на Михайло-Овсянском селище. В последнем случае шахты не только не были прослежены целиком в плане, но и не были докопаны до дна, что тоже не может быть признано нормальным. При инспекционной поездке членов Отдела полевых исследований на Дальний Восток в июне 1980 г. выяснилось, что некоторые археологи владивостокского ИИАЭ ДВНЦ (Э. В. Шавкунов, В. А. Хорев и др.) не докапывают до конца жилища — не прокапывают полы, не раскрывают и не разбирают каны. Это уменьшает объем получаемой при раскопках информации, создает возможность оставления на месте раскопок важных находок, но все равно не обеспечивает сохранности вскрытых сооружений, которые после окончания полевого сезона быстро разрушаются. Иногда производители работ забывают или не успевают снять оставленные при раскопках бровки и уходящие под бровки сооружения не докапываются (В. Д. Кубарев, ИИФФ СО АН СССР; Г. И. Матвеева), что также является грубым нарушением правил раскопок.

Неполные раскопки жилых хозяйственных или погребальных комплексов чаще всего объясняются тем, что археолог берется одновременно за исследование нескольких памятников и для завершения исследований начатого раскопа и осуществления необходимых прирезок у него не хватает сил или времени. Отдел полевых исследований в таких случаях обязывает раскопщика доследовать начатые объекты в следующем полевом сезоне. Но, безусловно, надо с самого начала планировать работы так, чтобы небольшие жилые производственные или погребальные комплексы раскапывались в один прием.

Хотя метод раскопок курганов «колодцем» или траншеей давно ушел в прошлое, все же иногда исследователи курганов не доводят раскопки до конца, оставляя недоследованными расплывшиеся полы курганов или их части. Тем самым не только допускается возможность оставления необнаруженных впускных погребений, но и исключается полнота исследования конструкции сооружения. Снос всей курганной насыпи полностью — непременное условие методически правильной раскопки кургана. Особо следует обратить внимание исследователей на необходимость выяснения наличия ровиков вокруг кургана или с одной из его сторон, для чего следует хотя бы небольшими траншеями выходить за пределы курганной насыпи. Исследователи часто не придают значения этим обстоятельствам, а между тем изучение ровиков важно для понимания не только конструкции курганной насыпи, но и всего погребального обряда — в ровиках часто встречаются кострища, следы тризн и другие вещевые остатки.

Перечисленные отступления от принятых правил раскопок не исчерпывают всех возможных нарушений правил. Отдел полевых исследований по возможности никогда не оставляет их без внимания и в своих решениях и письмах авторам отчетов, а также при инспекционных поездках членов Отдела на места раскопок стремится оказать полевикам-ис-

следователям всестороннюю помощь в совершенствовании раскопочной методики. От авторов раскопок и отчетов требуется внимательное отношение к замечаниям, сделанным по их отчетам Отделом полевых исследований и его рецензентами, обычно наиболее опытными и авторитетными полевыми работниками. В некоторых случаях Отдел полевых исследований рекомендует археологам, полевая методика которых неудовлетворительна, пройти стажировку в экспедициях у авторитетных специалистов, известных своей полевой методикой.

Упомянутые нами недостатки работы отдельных археологов не определяют, конечно, общего положения полевых археологических исследований на территории Российской Федерации. В целом качество разведочных и раскопочных работ в подавляющем большинстве экспедиций и отрядов находится на достаточно высоком уровне и отвечает основным требованиям современной полевой методики. Заострение внимания на недостатках в полевых работах диктуется необходимостью дальнейшего совершенствования этих работ в условиях того небывалого размаха раскопочной археологической деятельности, о котором говорилось выше.

В значительно худшем состоянии, чем собственно полевые работы, находится археологическая отчетность об этих работах. Сравнительно небольшое число отчетов полностью отвечает предъявляемым требованиям и принимается Отделом полевых исследований без всяких замечаний. По большинству отчетов рецензенты и члены ОПИ вынуждены делать авторам критические замечания, иногда повторяющиеся неоднократно из года в год. Многие отчеты ОПИ бывает вынужден возвращать на доработку или требовать представления дополнительных материалов, или, наконец, просто признавать отчеты неудовлетворительными. Так, в 1979 г. ОПИ рассмотрел 488 отчетов, не более 15—20% из них было утверждено без замечаний, 49 отчетов было возвращено авторам на доработку, еще несколько десятков отчетов потребовали присылки дополнительных материалов, 9 отчетов были признаны полностью неудовлетворительными.

Большое число недоброкачественных отчетов зависит не от низкого качества полевой работы, а от недостаточно ответственного и серьезного отношения некоторых исследователей к самому отчету. У некоторых археологов сложилось представление о полевом отчете как о хотя и неизбежной, но неприятной формальной обязанности, отвлекающей исследователя от его основной научной или педагогической работы. Такой взгляд разделяют иногда и руководители учреждений, где работают археологи-полевики. Между тем отчет об археологических разведках и раскопках является полноценным научным трудом, абсолютная научная ценность которого не уступает, а в большинстве случаев превосходит ценность наших статей и книг, публикуемых на основании анализа тех же отчетов. Любые наши статьи все равно через сравнительно непродолжительный срок безнадежно устареют и будут представлять только библиографический интерес, а наши отчеты, содержащие объективные данные об исследованных нами памятниках, поступившие в архив на вечное хранение, составляют фонд непреходящей ценности. Необходимо помнить, что, раскапывая памятник, археолог уничтожает его, и отчет о раскопках остается почти единственным свидетельством о характере памятника и о самом его существовании. Именно по качеству и количеству заложенной в отчете информации будут судить о нашей работе не только наши коллеги-современники, но и наши научные наследники и потомки. С полной уверенностью можно утверждать: чем более полно и компетентно составлен отчет, чем совершеннее он по содержанию и по форме, тем более весомый вклад вносит его автор в общую сокровищницу археологии, тем более ощутимый след оставит он в истории нашей науки. И наоборот, недостаточный, недостоверный, неполный, неряшливый отчет, какие, к сожалению, еще встречаются, демонстрирует теперь и будет

демонстрировать всегда только неуважение автора к своей науке, к своим коллегам и, в конечном счете, к себе самому, его профессиональную некомпетентность или недобросовестность. Хочу подчеркнуть, что все отчеты поступают в научный архив на вечное хранение вместе с теми критическими комментариями, которые даются им Отделом полевых исследований, и должны быть всегда доступны для работы настоящим и будущим исследователям. И только качество отчета явится мерой того уважения или того пренебрежения, которое приобретет в глазах этих исследователей автор.

Следует обратить внимание всех исследователей на слишком частые случаи несвоевременной сдачи отчетов в ОПИ. Правила требуют, чтобы отчет о работах в истекшем полевом сезоне представлялся не позднее 30 апреля следующего года. Но многие археологи нарушают этот срок, присылая отчеты и в мае, и в июне, и в июле, когда Отдел полевых исследований из-за начавшегося полевого сезона уже не может организовать их рецензирование и обсуждение. Еще чаще нарушается другое правило, гласящее, что исследователь обязан сдать отчет о работах предыдущего года не позднее чем за два месяца до начала нового сезона. То есть, если археолог намерен выехать в поле в середине мая, он должен прислать в ОПИ отчет о прошлогодних работах не в конце апреля, а не позднее середины марта. Только тогда он может рассчитывать вовремя получить открытый лист. Слишком позднее представление отчетов ведет к задержкам или к прямому отказу в выдаче открытого листа на новый полевой сезон. Так, в 1980 г. Отдел полевых исследований не смог удовлетворить заявки о выдаче открытых листов на разведки и раскопки В. И. Стефанову (Уральский университет), В. А. Падину (Трубчевский музей), Р. Г. Фахрутдинову (ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР), М. Х. Маннай-оолу (Тувинский ИЯЛИ), Н. Д. Архипову (Якутский университет), Л. Д. Макарову (Удмуртский университет) и некоторым другим археологам ввиду слишком поздней сдачи и невозможности в срок рассмотреть их отчеты о раскопках 1979 г. Бывает, что некоторые недисциплинированные и не слишком щепетильные археологи, поздно послав отчет в ОПИ, выезжают в поле без открытого листа в надежде на то, что полученный позднее лист покроет их незаконные раскопки. Так, сотрудники Новосибирского педагогического института Т. Н. Троицкая и В. И. Соболев получили в 1979 г. открытые листы только в октябре, тогда как работы, на которые эти листы запрашивались, они провели еще летом. Т. Н. Троицкая сумела даже отметять открытый лист 1979 г. в облисполкоме задним числом в феврале 1980 г. И летом 1980 г. были случаи выезда некоторых археологов в поле до получения открытых листов. Такие действия должны рассматриваться как грубое нарушение не только правил производства раскопок, но и советских законов.

Своевременная сдача высококачественных отчетов — первейший долг и обязанность советских археологов. Практика показывает, что опоздание с представлением отчета часто приводит к тому, что отчет вообще оказывается не сделанным. Когда в 1976 г. Отдел полевых исследований произвел общую проверку всех дел по отчетности, оказалось, что за 30 послевоенных лет в Отдел не было представлено более 400 отчетов. Благодаря мерам, принятым ОПИ, некоторое число из этих отчетов удалось получить, но многие отчеты уже никогда не смогут быть получены либо ввиду смерти производителей работ, либо ввиду утраты ими документации. Таким образом, памятники, раскопанные когда-то этими археологами и никак не отраженные в археологической документации, оказались просто погубленными, причем погубленными археологами-профессионалами. Для того чтобы подобные печальные явления не повторялись, необходимо добиться, чтобы все отчеты сдавались производителями работ высококачественными и в срок, независимо от того, собирается ли иссле-

дователь проводить раскопки в новом полевом сезоне или нет. Естественно, что добиться этого можно только с помощью всей археологической общественности, всех руководителей экспедиций и учреждений, организующих археологические раскопки.

Здесь невозможно, да и не нужно перечислять все требования, которые предъявляются к отчету об археологических разведках и раскопках, так как каждый археолог располагает специальной инструкцией по составлению полевой отчетности, изданной недавно ОПИ, размноженной и разосланной всем исследователям, получающим открытые листы. Требуется только почаще заглядывать в эту инструкцию и точно соблюдать ее предписания. К сожалению, многие исследователи пренебрегают этими обязанностями и в результате представляют отчеты, нуждающиеся в исправлениях и доработке. Имеет смысл упомянуть здесь о наиболее типичных и часто повторяющихся недостатках отчетов, чтобы обратить на них внимание всех археологов.

1. В отчете об археологической разведке обязательно должна быть маршрутная карта. В отчетах такая карта часто отсутствет, или на ней не указываются открытые и осмотренные памятники (должны быть отмечены все), или не приводится сам маршрут разведки. Карта, как и все чертежные материалы отчета, должна иметь масштабную линейку.

2. На каждый разведанный памятник должен быть представлен отдельный план. Он не обязательно должен быть инструментальным, во время разведки можно снимать и глазомерные планы, но полное отсутствие плана памятника в отчете недопустимо. На плане должны быть отражены в масштабе размеры и конфигурация памятника, показаны основные топографические особенности, рельеф, отношение памятника к водоемам и т. п. Если на памятнике закладывались шурфы или производились зачистки, они все должны быть нанесены на план.

3. Часто забывают о необходимости топографической привязки памятника, т. е. указания в тексте и на плане направлений и расстояний от памятника до ближайших населенных пунктов, дорог, мостов, озер и других постоянных ориентиров. Эта привязка должна делаться с таким расчетом, чтобы, пользуясь отчетом, легко можно было бы найти памятник на местности.

4. Очень многие археологи (например, почти все якутские исследователи) не умеют изображать рельеф местности при помощи горизонталей: не обозначают направление склонов бергштрихами, не указывают высоту сечения горизонталей, горизонтали у них примыкают друг к другу или пересекаются, чего, конечно, быть не может. Очевидно, недостатки топографической подготовки в учебных заведениях археологам следует компенсировать самостоятельным знакомством с элементарным курсом топографии или хотя бы с соответствующим разделом общего курса «Полевой археологии СССР» Д. А. Авдусина.

5. Всякая зачистка обнажений или шурфовка должна детально документироваться как описанием стратиграфии, так и профилями зачисток и шурфов. При этом должен быть представлен конкретный профиль каждого шурфа (хотя бы по одной стенке), а не усредненная общая стратиграфия памятника, как это иногда делается.

6. Недостаточное количество профилей и разрезов составляет одно из самых слабых мест полевой отчетности не только по разведочным, но и по раскопочным работам. При раскопках поселений большими площадями профили необходимо давать не по одному, а по нескольким бортам раскопа и по внутренним бровкам.

7. В ряде случаев представленные профили как будто бы вполне удовлетворительны, но их невозможно сопоставить с планом, так как либо на плане не показаны бровки и не известно, где проводился разрез, по которому снят профиль, либо планы и профили выполнены в разных

масштабах. Одномасштабность и полное соответствие планов и профилей друг другу — обязательное требование к полевым чертежам.

8. При раскопках курганов обязательно составление как минимум одного (при раскопках больших курганов скрепером — нескольких по ходу скрепера), а при перпендикулярных бровках двух стратиграфических профилей. Обычно они и даются вместе с планом кургана, но нередко бывает, что профили эти «пустые» — они дают только абрис курганной насыпи, но не содержат характеристики грунта насыпи, засыпки могильных ям, уровня погребенной почвы, выкидов из могил и других деталей погребального сооружения.

9. Некоторые археологи каким-то удивительным образом умудряются давать профили в зеркальном отражении, какими их никак нельзя видеть в натуре. Профиль должен содержать только то (и все то), что реально видит перед собой на раскопе составляющий чертеж исследователь. В профиль курганов должны включаться только те могильные ямы, которые лежат в плоскости бровки, нельзя «проецировать» на бровку погребения, лежащие в стороне.

10. Очень распространенным недостатком отчетов является отсутствие общего плана памятника с нанесением на него раскопов, исследовательских траншей и т. п. Чаще всего это бывает при многолетних раскопках одного памятника, и авторы отчетов ссылаются на то, что план этого поселения или могильника уже был дан в отчете за какой-нибудь предыдущий год. Но ведь на том плане не были обозначены раскопы отчетного года. Хотя бы схематический (если подробный план был дан ранее) план всего памятника с нанесением на него всех раскопок, шурфов, траншей как прошлых лет, так и отчетного сезона должен включаться в отчет каждого года.

11. На планах раскопов исследователи иногда фиксируют только вскрытые сооружения и грунтовые пятна, не нанося на них отдельных находок. Между тем планиметрическое распределение находок в раскопе очень важно и должно быть отражено на планах. Если находок очень много, рядовой массовый материал может не отмечаться, но индивидуальные находки, целые вещи, развалы сосудов, датирующие предметы и т. п. должны обозначаться на плане непременно.

12. Недостаточное внимание к нивелировочным данным является распространенным недостатком отчетов ленинградских, сибирских и многих других археологов. Исследователи ограничиваются иногда нивелировкой поверхности раскопа или кургана, но не приводят нивелировочных данных, относящихся к вскрытым сооружениям и их деталям. Между тем глубинные отметки, обозначающие уровень залегания полов, кладок, дна ям, погребений, очагов и других сооружений, должны обязательно присутствовать на планах раскопов и курганов. Глубинные отметки должны ставиться на планах и при обозначении отдельных находок. Упоминание глубин в тексте не снимает с исследователя обязанности давать нивелировочные отметки и на чертежах.

13. Описание погребений нередко дается слишком скупо и кратко. Не всегда достаточно подробно описывается поза погребенного, положение костей конечностей, расположение могильного инвентаря в могиле, детали погребального сооружения. Хотя все эти данные могут быть получены из рассмотрения чертежей и фотографий погребений, они должны приводиться и в текстовой части отчета, причем, естественно, иллюстративная и текстовая часть должны полностью соответствовать друг другу.

14. Многие отчеты грешат недостаточностью или просто отсутствием фотографической фиксации памятников, процессов раскопок и их результатов.

15. Перед фотографированием профилей или грунтовых пятен (могил, ям, жилищ и пр.) некоторые археологи для наглядности прочерчивают границы слоев или пятен ножом. Делать этого не следует, так как этим

вносится элемент субъективного восприятия и фотография теряет значение объективного документа.

16. Во многих отчетах дается недостаточное количество рисунков или фотографий находок. В отчетах о раскопках могильников должны приводиться полностью комплексы погребального инвентаря, а в отчетах о раскопках и разведках поселений — все важнейшие индивидуальные находки, типичные предметы или фрагменты, находки, документирующие культурную принадлежность исследуемых памятников и их хронологическое определение.

Можно было бы назвать и некоторые другие промахи, допускаемые исследователями при составлении отчетов. Очень неприятное впечатление производят многочисленные недостатки, вызываемые небрежностью авторов. Очень часто приходится возвращать отчеты на доработку и исправление из-за несоответствия описания сооружений, слоев, погребений и т. п. в тексте изображению на чертежах или фотографиях (особенно это относится к размерам, расстояниям, ориентировкам). Изображения одних и тех же объектов иногда выглядят по-разному на чертежах и фотографиях, на планах и профилях, соприкасающиеся профили не всегда стыкуются друг с другом в местах соприкосновения и т. п. Все прекрасно знают, что к любому плану или карте должен быть приложен линейный указатель масштаба, но на многих чертежах все же поставлен цифровой масштаб или вообще масштаб не указан. Так же хорошо всем известно, что к чертежам полагается давать расшифровку условных обозначений, но читателям отчетов часто приходится разгадывать ребусы, так как авторы частенько забывают эту расшифровку дать. Можно упомянуть еще о неподписанных иллюстрациях, непроставленных в тексте или проставленных неверно ссылках на рисунки и чертежи, о непронумерованных объектах на таблицах находок, невыправленном машинописном тексте и многих других небрежностях, нередко допускаемых авторами отчетов. Обо всех этих недостатках, может быть, не стоило бы говорить, если бы в отчетах некоторых археологов они не повторялись из года в год и не присутствовали бы в таком количестве, что в значительной степени обесценивают самый отчет. Печальными примерами неряшливого и небрежного составления и оформления отчетов могут служить отчеты Т. Н. Троицкой, В. И. Соболева (оба — Новосибирский пединститут), В. Ф. Каховского (Чувашский ИЯЛИ), В. А. Миролюбова (Гос. Эрмитаж), В. П. Глазова (Владимирские реставрационные мастерские), В. П. Третьякова (ЛОИА АН СССР), В. В. Бурилова, И. В. Асеева (оба — ИИФФ СО АН СССР), И. К. Цветковой (ГИМ), Н. Н. Чесноковой (Сыктывкарский университет), А. А. Кудрявцева (ИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР) и некоторых других. Авторы этих и подобных отчетов не думают о том, что составленные ими описания и планы, хранящиеся в архивах, будут в течение многих десятилетий служить объектом изучения археологов и историков, которые станут искать в них объективные и по возможности полные сведения о раскопанных и уже не существующих в натуре памятниках. Какую же научную информацию смогут передать путаные, противоречивые, изобилующие ошибками, неряшливо выполненные отчеты?

И еще один важный момент. Среди авторов неудовлетворительных раскопок и отчетов довольно высокий процент составляют сотрудники университетов и педагогических вузов, преподающие археологию и проводящие археологическую практику. Чему могут научить они своих учеников и какой пример подают будущим исследователям, демонстрируя пренебрежение к законоположениям, правилам, этическим нормам собственной науки? Только резкое повышение требовательности к собственным полевым работам и к своей отчетности позволит некоторым археологам занять достойное место среди исследователей отечественных древностей и утвердить свое доброе имя в ряду этих исследователей.

Хотелось бы обратить внимание всех полевых исследователей еще на одно обстоятельство. Использованные открытые листы возвращаются вместе с отчетом в Отдел полевых исследований часто без отметки в исполкоме по месту работы. Закон требует, чтобы открытый лист был зафиксирован на месте производства работ. Это предусмотрено для того, чтобы местные органы власти были в курсе археологических мероприятий, проводимых на их территории, что особенно существенно в свете нового Закона об охране памятников истории и культуры, возлагающего ответственность за эту охрану именно на местные органы власти. Многие археологи забывают о необходимости ставить местные исполкомы в известность о своих работах и либо совсем не визируют открытые листы, либо регистрируют их в каких-нибудь других учреждениях — в музеях, университетах, хозяйственных или строительных организациях, даже в редакции районной газеты, что никакого смысла не имеет.

Почти не соблюдается и другое правило, также предусмотренное соответствующей инструкцией, согласно которому исследователь, обнаруживший новые, неизвестные ранее археологические памятники, должен сообщить об этом культотделам местных советов. Смысл этого правила в том, чтобы вновь открытые памятники своевременно ставились на учет и брались под охрану. При составлении списков памятников истории и культуры по областям обнаруживается, что, как правило, исполкомы очень плохо представляют себе, какие памятники, в том числе и археологические, расположены на их территориях. Доля вины в этом ложится и на нас, археологов-профессионалов, обычно не заботящихся о том, чтобы информировать местные органы власти о существовании и состоянии изучаемых нами памятников. Вообще установление постоянных контактов между археологическими экспедициями, работающими в том или ином районе, и исполкомами местных советов народных депутатов было бы чрезвычайно полезно для повышения эффективности мер по охране археологических памятников, пока что во многих местах совершенно недостаточных. Об этом, равно как и о необходимости максимально совершенствовать методику раскопочных работ и качество археологической отчетности, следует постоянно помнить всем археологам, ведущим полевые работы.

Рассмотренные здесь вопросы не исчерпывают всей проблемы повышения уровня полевых исследований советских археологов. Перед археологической наукой стоят задачи дальнейшей разработки методики раскопок памятников разного характера, внедрения в полевую практику новых технических средств, совершенствования приемов охранно-консервационных и реставрационных работ на археологических объектах и т. д. Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР разрабатывает в настоящее время серию методических пособий и инструкций по отдельным вопросам этой программы. Но необходимым и первоочередным условием улучшения качества нашей полевой работы является неуклонное выполнение всеми археологами всех требований, установленных существующими методическими нормативами и инструкциями. Только участие всей археологической общественности в постоянной борьбе за повышение эффективности и качества раскопочных работ обеспечит тот методический уровень полевой археологии, который определяется и состоянием современной науки и задачами сохранения и дальнейшего изучения богатейшего фонда исторических памятников нашей Родины.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

КЛАД ИЗ КОНСТАНЦЫ И ВОПРОСЫ БАЛКАНО-КАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Комплекс металлических предметов позднебронзового времени из г. Констанцы (Румыния), безусловно, заслуживает специальной публикации, поскольку среди составляющих его бронз типично нижнедунайских (балкано-карпатских) форм были обнаружены два серпа прикубанского облика. В сущности, это едва ли не единственный бесспорный случай сопряженности в закрытом комплексе типов орудий двух металлургических провинций позднего бронзового века — Кавказской и Европейской (Карпатской).

Клад нашли в 1966 г., и уже в 1968 г. М. Иримия полностью опубликовал его в ежегоднике музея [1]. Датировав клад XIII в. до н. э. (Br D), он лишь кратко указал на вероятный восточный характер двух упомянутых серпов. Последующие исследователи фактически не обратили особого внимания на своеобразие этого комплекса. Так, М. Петреску-Дымбовица поместил его в своей сводке бронзовых кладов Румынии [2], также датировав комплекс XIII в. до н. э., но чуждая здесь форма двух прикубанских серпов выпала из поля зрения исследователя.

Клад, общим весом 7226 *г*, состоит из 38 предметов: 23 серпа и их обломки, 12 топоров-кельтов, 1 обломок ножа, 1 слиток-сплеск и 1 слиток черновой меди. В 1978 г. автор настоящей публикации имел возможность познакомиться с этим комплексом в музее г. Констанцы и отобрал со всех предметов пробы металла для спектрального анализа. Исследование его химического состава проведено в лаборатории Института археологии Академии наук СССР.

В морфологическом отношении предметы клада из Констанцы весьма типичны для одного из нижнедунайских очагов металлообработки, названном на болгарских материалах дичевским (по кладу из Дичева близ г. Тутракан в Болгарии) [3]. На территории Болгарии к этому очагу также относятся клады Суворово I и II, Исперих, Тыкач, Дибич. Северная часть очага охватывает территорию румынской Мунтении и Добруджи и характеризуется кладами Дражна-де-Жос, Ойнак, Николае Бэлческу, Гура Добруджей [4] и др.

Самым типичным для дичевского нижнедунайского очага является класс так называемых «больших» серпов с намечающимся крюком. На хвостовой части орудий обычно утолщение, иногда венчающееся «кнопкой» (типы С-2/4 и С-6/8 по типологической номенклатуре болгарского

---

[1] *Irimia M.* Un depozit de bronzuri la Constanța.— Pontice, I, Constanța, 1968, p. 89—105.

[2] *Petrescu-Dîmboviţa M.* Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti, 1977, p. 80, pl. 97, 98, *1—6*.

[3] *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии, ч. IV. София, 1978, с. 184—253.

[4] *Petrescu-Dîmboviţa M.* Op. cit., p. 78—80, pl. 89—100.

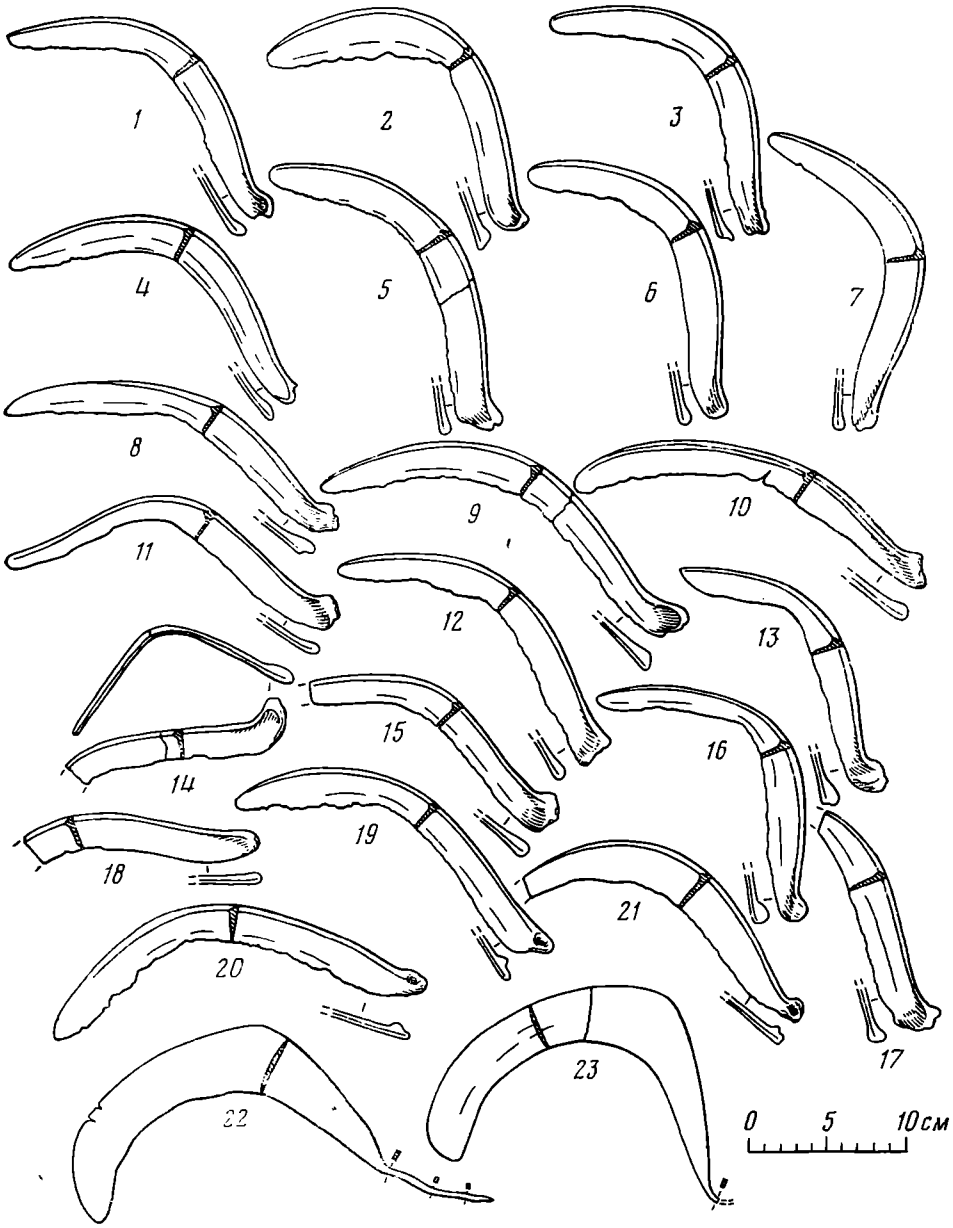


Рис. 1. Бронзовые серпы в кладе из Констанцы

металла). Именно к этим серпам относится 21 орудие клада из Констанцы (рис. 1, *1—21*), три из них отличаются явно выраженной «кнопкой» (рис. 1, *19—21*).

Подобные же серпы встречаются и на Юго-Западе СССР в комплексах, относящихся к ингуло-красномаяцкому очагу (Ореховский клад) [5], или в кладах, сопрягающихся с этим очагом по времени (Козорезовский клад) [6] — тип С-22 по номенклатуре юго-западного металла СССР. При этом важно заметить, что дичевский очаг был очень тесно связан с ингуло-красномаяцким.

Следующим наиболее типичным разрядом дичевского очага являются безушковые кельты с арочной фаской и так называемой «пещеркой» —

[5] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 91, рис. 41; с. 96, табл. XX. *1—14*; XLII; XLIII.

[6] *Мурзакевич Н.* Древности, открытые в Херсонской губ.— ЗООИД, т. III, 1853, с. 567; *Tallgren A.* Le Pontide prescythique après les introductions des métaux.— ESA, II, 1926, fig. 97.

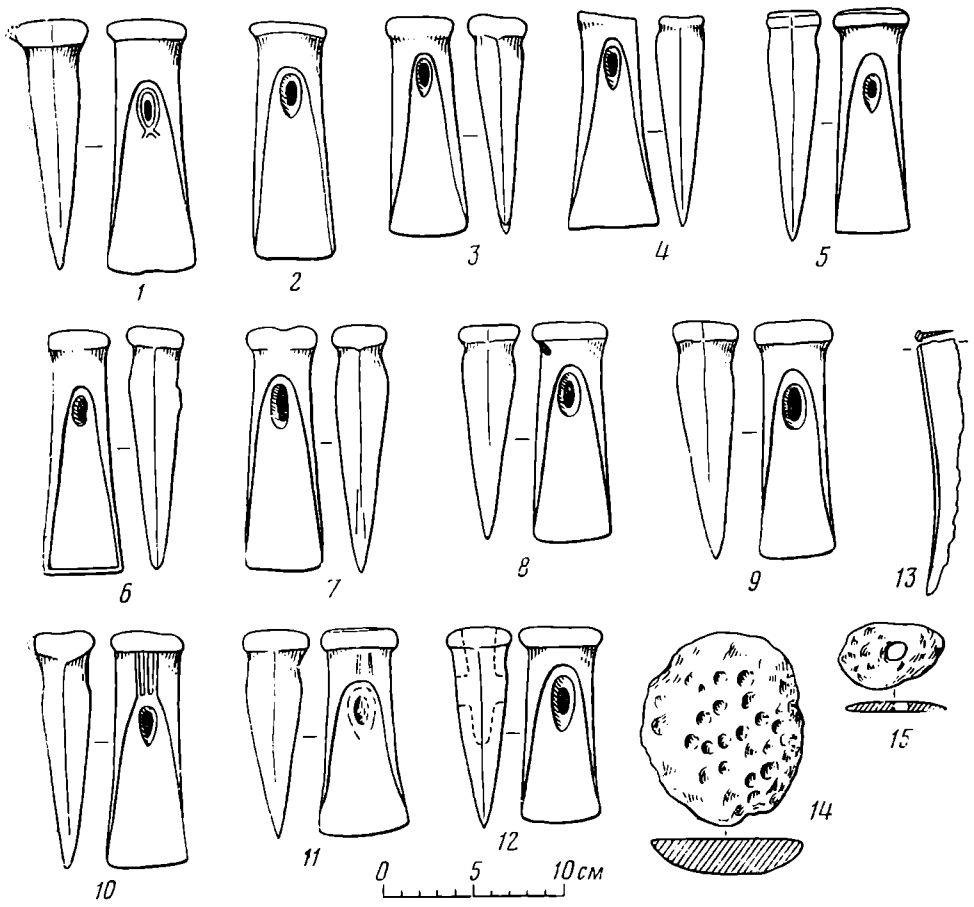


Рис. 2. Кельты (*1—12*), нож (*13*), черновой слиток меди (*14*) и слиток-сплеск (*15*) в кладе из Констанцы

отверстием на фаске. По номенклатуре древнего болгарского металла к ним относятся типы: К-18 (девять орудий; рис. 2, *1—9*), К-20 (одно орудие; рис. 2, *12*) и К-22 (два орудия; рис. 2, *10*, *11*). Отличия между этими типологическими разрядами несущественны и касаются лишь количества «пещерок» на фасках, а также наличия или отсутствия орнамента под венчиком кельтов. Подобные же орудия встречаются изредка и на Юго-Западе СССР (тип К-12 по номенклатуре юго-западного металла поздней бронзы) среди комплексов ингуло-красномаяцкого очага [7].

Нож из клада в Констанце (рис. 2, *13*) — однолезвийный, с обушком-утолщением на тыльной части клинка (тип Н-16 по номенклатуре болгарского металла) — сохранился, к сожалению, в обломке. Эта форма сравнительно редка для дичевского очага, но довольно обычна в более северных районах Европейской металлургической провинции (Трансильвания, Альпы, Средняя Европа и т. д.).

Слиток черновой меди (рис. 2, *14*) весом 667 *г* и слиточек-сплеск (рис. 2, *15*) весом 64 *г* — также достаточно типичные находки для многих десятков кладов Европейской провинции.

Два серпа прикубанского типа (рис. 1, *22*, *23*) абсолютно чужды по своей форме всей Европейской провинции, и в частности Западному Причерноморью. Всеми своими деталями они совпадают с орудиями прикубанского очага металлообработки [8].

---

[7] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 73, рис. 30, табл. I, II, *15—17*; XLII; XLIII.

[8] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951, с. 40 сл., рис. 17; 18, *2*; 21, *1—3* и др.; *Сокольский Н. И.* Таманский клад бронзовых орудий.— СА, 1980, № 2, с. 144—150.

Результаты спектрального анализа металла из клада в Констанце

Шифр	Предмет	Рис.	Шифр музея	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
25030	Серп	*1, 1*	15578	10	0,02	0,01	0,001	0,01	0,015	0,7	0,003	0,12	0,015	~0,001
25031	»	*1, 2*	15574	8	0,2	0,01	0,001	0,01	0,2	0,2	0,006	0,35	0,03	<0,001
25032	»	*1, 3*	15575	9	0,02	0,01	0,003	0,01	0,01	0,5	0,005	0,06	0,008	<0,001
25033	»	*1, 4*	15581	9	0,009	0,01	0,001	0,01	0,035	0,7	0,006	0,1	0,015	<0,001
25034	»	*1, 5*	15584	15	0,2	0,01	0,0005	0,002	0,03	0,08	0,003	0,12	0,012	<0,001
25035	»	*1, 6*	15587	8	0,06	<0,01	0,0005	0,01	0,015	0,07	0,003	0,1	0,012	<0,001
25036	»	*1, 7*	15588	8	0,01	?	0,001	0,01	0,015	0,8	0,007	0,1	0,01	<0,001
25037	»	*1, 8*	15585	0,7	0,1	?	0,001	0,002	0,015	0,025	0,001	0,1	0,015	–
25038	»	*1, 22*	15595	0,01	0,03	0,01	0,01	0,01	0,003	0,3	0,002	0,09	0,01	~0,001
25039	»	*1, 23*	15596	0,025	0,06	0,02	0,008	0,01	?	0,25	0,05	0,07	0,1	<0,001
25040	»	*1, 9*	15590	10	0,03	0,01	~0,0005	0,0007	0,009	0,1	0,01	0,1	0,04	<0,001
25041	»	*1, 10*	15583	8	0,2	0,01	0,001	0,001	0,025	0,1	0,007	0,15	0,01	<0,001
25042	»	*1, 11*	15586	8	0,2	–	0,006	0,01	0,09	0,15	0,01	0,35	0,04	<0,001
25043	»	*1, 12*	15577	8	0,08	0,01	~0,0005	0,0005	0,01	0,1	0,1	0,05	0,008	<0,001
25044	»	*1, 13*	15593	8	0,2	?	0,001	0,0008	0,02	0,1	0,007	0,1	0,01	<0,001
25045	»	*1, 19*	15576	8	0,09	<0,01	0,001	0,01	0,09	0,25	0,05	0,35	0,04	<0,01
25046	»	*1, 14*	15595	8	0,06	0,01	0,0005	0,0007	0,009	0,15	0,01	0,05	0,015	<0,001
25047	»	*1, 20*	15580	10	0,03	<0,01	0,0005	0,0008	0,01	0,2	0,08	0,06	0,035	<0,001
25048	»	*1, 15*	15579	9	0,07	0,01	0,0005	0,0007	0,01	0,1	0,01	0,1	0,04	<0,001
25049	»	*1, 21*	15582	8	0,06	?	0,0005	0,0008	0,03	0,3	0,15	0,1	0,04	?
25050	»	*1, 16*	15587	8	0,06	0,01	0,006	0,005	0,04	0,25	0,003	0,15	0,015	<0,001
25051	»	*1, 17*	15591	8	0,06	0,01	0,0005	0,0006	0,015	0,08	0,006	0,12	0,012	<0,001

Шифр	Предмет	Рис.	Шифр музея	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
25052	»	*1, 18*	15592	8	0,06	0,01	0,0005	0,0007	0,015	0,08	0,003	0,1	0,012	<0,001
25053	Нож	*2, 13*	15597	8	0,1	0,01	0,0005	0,0001	0,04	0,08	–	0,3	0,015	<0,001
25054	Слиток	*2, 14*	15599	0,4	0,02	0,02	0,004	0,01	–	–	0,04	0,015	0,012	?
25055	Слиток-сплеск	*2, 15*	15598	8	0,06	0,01	0,0003	0,0007	0,02	0,07	0,3	0,1	0,008	<0,001
25056	Кельт	*2, 10*	15564	~15	0,2	<0,01	0,0005	0,001	0,015	0,1	0,02	0,1	0,017	<0,001
25057	»	*2, 9*	15572	8	>10	<0,01	0,003	0,001	0,01	0,2	0,002	0,05	0,006	<0,001
25058	»	*2, 3*	15567	8	0,08	0,01	0,0006	0,0007	0,007	0,15	0,03	0,05	0,04	<0,001
25059	»	*2, 4*	15568	8	0,06	0,01	0,0005	0,0008	0,012	0,1	0,01	0,12	0,015	<0,001
25060	»	*2, 1*	15585	10	0,1	0,01	0,0009	0,0008	0,018	0,1	0,01	0,015	0,012	<0,001
25061	»	*2, 12*	15563	8	0,2	0,01	0,0006	0,004	0,04	0,07	?	0,15	0,012	<0,001
25062	»	*2, 5*	15573	9	0,07	?	0,004	0,02	0,004	1,5	?	0,1	0,01	~0,003
25063	»	*2, 6*	15589	8	0,06	?	0,001	0,01	0,008	0,09	0,1	0,05	0,04	<0,001
25064	»	*2, 7*	15571	6	0,01	?	0,001	0,0008	0,01	0,8	0,002	0,05	0,006	~0,001
25065	»	*2, 8*	15566	8	0,06	?	0,0005	0,0007	0,015	0,1	0,003	0,1	0,015	<0,001
25066	»	*2, 9*	15577	8	0,2	0,01	0,0004	0,0006	0,015	0,1	0,008	0,06	0,01	<0,001
25067	»	*2, 11*	15562	8	0,02	0,01	0,0005	0,0002	0,004	0,1	0,04	0,05	0,01	<0,001

Примечание. Все предметы из клада хранятся в Национальном музее истории и археологии г. Констанцы (Румыния). Основой сплавов во всех случаях является медь (Cu).

Для решения вопроса о характере проникновения прикубанских серпов в Западное Причерноморье наиболее существенные результаты могут быть получены при спектральном анализе металла клада (см. таблицу). Химический состав металла всех изделий находится в полном соответствии с данными типологического изучения коллекции. Все 34 орудия нижнедунайских типов и оба слитка отлиты из металла, весьма характерного для балкано-карпатской зоны всей провинции в целом, и в частности для дичевского очага. Этот металл, исключая черновой слиток меди, представляет собой высококачественную оловянную бронзу с концентрациями олова от 6 до 15%. Даже в черновом слитке меди содержание этого элемента достигает 0,4% (ан. 25 054); лишь один из серпов (ан. 25 037) отлит из низколегированной бронзы (концентрация олова достигает лишь 0,7%).

В противоположность этому серпы прикубанского типа (ан. 25 038, 25 039) отлиты или, точнее, откованы из металлургически «чистой» меди, насыщенной лишь примесями естественного происхождения. Концентрации олова достигают в них только 0,01 и 0,025%.

С точки зрения химических групп принадлежность основной части клада из Констанцы к местному — балкано-карпатскому металлу не вызывает сомнения Используя номенклатуру химических групп хорошо изученного болгарского металла, медь пяти изделий (ан. 25 032, 25 042, 25 054, 25 057, 25 062) следует отнести к группе X, а все прочие 29 предметов нижнедунайских типов — к группе XI. Такое соотношение между X и XI группами

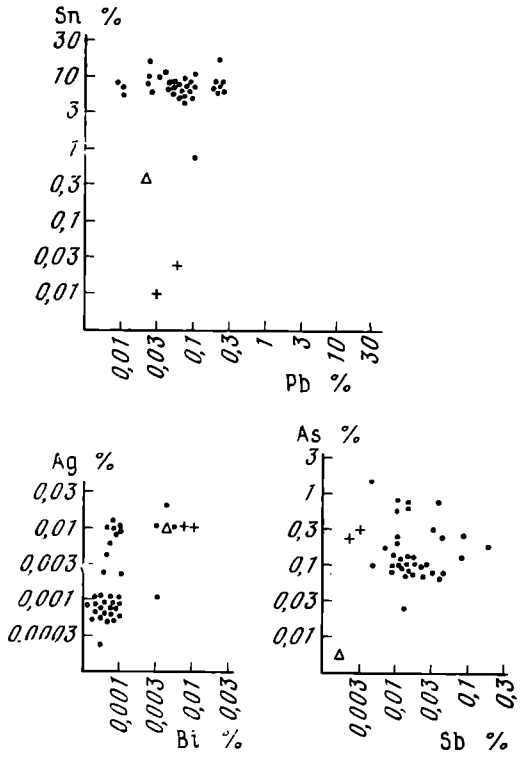


Рис. 3. Корреляционная взаимозависимость концентраций ряда элементов-примесей в меди клада из Констанцы (крестиками помечены значения концентраций в меди серпов прикубанского типа — ан. 25 038 и 25 039; треугольником — в «черновом» слитке меди — ан. 25 054)

меди весьма характерно для ряда комплексов дичевского очага.

Подобный же металл распространен и на Юго-Западе СССР среди памятников ингуло-красномаяцкого очага: X группе болгарского металла там соответствует группа КТ (карпато-трансильванская), а XI — Пб (правобережная). Интересно, что преобладание здесь меди группы Пб отмечается лишь в ранних комплексах очага [9], тогда как доля меди группы КТ (или X) резко увеличивается в поздних кладах.

Медь серпов прикубанского типа к балкано-карпатским группам отношения не имеет, и ее отличия от последней демонстрируются на ряде корреляционных графиков (рис. 3). Как известно, мастера металлообработки прикубанского очага практически не употребляли оловянных бронз и изготовляли орудия из весьма архаических мышьяковых бронз, где концентрация мышьяка колеблется в пределах 1—6%. Однако оба указанных серпа откованы по существу из металлургически «чистой» меди, где содержания мышьяка достигают лишь 0,25 и 0,3%. Вопрос об истинном отношении металла этих серпов к меди, бытовавшей в прикубанском очаге, решается через сравнение их с химическим составом меди «черновых» слитков, известных, например, в Таманском кладе [10]. Такое сопоставление приводит нас к выводу о принципиальном сходстве меди прикубанских слитков и двух серпов из Констанцы (см. таблицу, ан. 25 038 и 25 039). Древний мастер изготовил оба эти серпа из имевшей хождение в Прикубанье «черновой» меди, без добавки в нее мышьяка. Причиной последнего явилось, по-видимому, отсутствие у кузнеца-литейщика этого легирующего компонента.

Следовательно, мы столкнулись в Констанце не с фактом местных подражаний кавказским формам орудий, как, например, при аналогичном исследовании степных типов орудий в Таманском кладе, но с прямым импортом орудий в Западном Причерноморье в область периферийного крайнего юго-восточного очага Европейской металлургической провинции. Весьма примечательно, что эти вещи были включены местными литейщиками в состав своего клада. Вряд ли, однако, выявленный здесь импорт исходил непосредственно из самого прикубанского очага: в таком случае наиболее вероятным было бы изготовление этих серпов из мышьяковой бронзы, что можно заключить из химического состава всех ныне известных и проанализированных серпов этого очага. Видимо, их изготовил кузнец, хорошо знавший стереотип этих форм, обладавший каким-то запасом прикубанской меди, но территориально оторванный от

[9] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 183; *его же.* Горное дело и металлургия..., с. 178—182.

[10] *Черных Е. Н.* О химическом составе металла Таманского клада.— СА, 1980, № 2, с. 152, табл. 1, ан. 5033, 5034.

своей исконной территории и в силу этого не имевший возможности получить мышьяк для добавки его в сплав. Естественно, что все сказанное здесь является лишь предположением.

Значение изученного здесь комплекса не вызывает сомнений. Кроме выявления характера спорадических связей между мастерами металлообработки обеих изолированных между собой металлургических провинций — Кавказской и Европейской — особый интерес этого комплекса представляют его хронологические аспекты. Вопросы датировок для Кавказской позднебронзовой провинции чрезвычайно остры. Хронологические построения обычно базируются здесь на иранских, передне- и малоазиатских параллелях. Хронология древностей второй половины II тысячелетия до н. э. в этих районах разработана недостаточно надежно и тщательно. Еще хуже обстоит дело с хронологическими мостиками между этими районами и Закавказьем. Северокавказские же материалы датируются обычно через посредство закавказских, что еще более усложняет проблему. Однако особенно неблагополучной представляется хронология древностей прикубанского очага в связи с малым количеством комплексов, их слабой насыщенностью предметами, архаичностью технологии металлообработки в очаге, а также практическим отсутствием импортов из хорошо датированных районов.

Благодаря кладу из Констанцы Прикубанье оказалось связанным, правда пока еще тоненькой ниточкой, с Балкано-Карпатьем, районом сосредоточения множества богатейших бронзовых комплексов, сравнительно хорошо распределенных по хронологической шкале. Выше я уже писал, что румынские исследователи, следуя широко распространенной в Карпатском бассейне системе датировок, восходящей в основном к работе Г. Мюллера-Карпе 1959 г.[11], определяют время комплекса из Констанцы XIII в. до н. э., помещая его по существу в свиту древнейших кладов позднебронзового времени Балкано-Карпатской области.

Автором настоящей публикации на болгарских материалах и их сопряженности с эгейско-средиземноморскими бронзами была предпринята попытка удревнить начало позднего бронзового века Балкано-Карпатской зоны Европейской металлургической провинции вплоть до XV/XIV вв. до н. э. и рассматривать весь этот горизонт древнейших кладов (следующий за периодом микенских влияний или горизонтом Хайдушамшон—Апа[12]) — в пределах XV/XIV — XIII/XII вв. до н. э. Естественно, в настоящей публикации я лишь вкратце упоминаю об этом, отсылая читателя к опубликованной работе[13]. В этих же хронологических рамках может датироваться клад из Констанцы вместе с прикубанскими серпами.

Удревнение нижней грани позднебронзового века и соответственно начала Европейской (Карпатской) металлургической провинции может вызвать цепную реакцию понижения датировок целых периодов поздней бронзы в Восточной Европе, базирующихся на системе хронологии Балкано-Карпатья. В частности, придется, видимо, удревнить рамки деятельности ингуло-красномаяцкого и завадово-лобойковского очагов на Юго-Западе СССР. У последнего, благодаря Таманскому кладу, намечаются явные контакты с очагом прикубанским. Следовательно, сторонники длинной хронологии кавказских культур позднебронзового века получают новые аргументы для своих заключений в нижнедунайских и иных комплексах.

---

[11] *Müller-Karpe H.* Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959.

[12] См., например: *Mozsolics A.* Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967; *idem.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1973.

[13] *Черных Е. Н.* Горное дело..., с. 254—261.

E. N. Chernykh

A HOARD FROM CONSTANȚA AND SOME QUESTIONS OF THE BALKAN-CAUCASIAN LINKS OF THE LATE BRONZE AGE

Summary

In a hoard of the late Bronze Age from Constanța (Romania) two metallic sickles of the Kuban type (fig. 1, *22*, *23*) were found. The spectral analysis showed sharp differences between them (table, 25038, 25039) and the rest artifacts, made of the typical Balkan metal. The sickles of the Kuban type, made of the Northern Caucasian metall, are, obviously, imported here. In the late Bronze Age the links between the Caucasus and the Balkan-Carpathian are extremely rare. The find from Constanța enabled the author to put up a question about dating the emergence of the Kuban centre of metalwork to the XVth — XIVth — XIIIth centuries B. C.

В. М. ОТРЕШКО

КАЛЛИПИДЫ, АЛАЗОНЫ И ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ *

Этническая атрибуция поселений Нижнего Побужья привлекает внимание современных исследователей как самостоятельный вопрос, так и в связи с другими проблемами скифской и античной археологии. Авторы многочисленных работ, преимущественно общего характера, следуют традиционной точке зрения и считают эти поселения скифскими [1]. В то же время работающие в Нижнем Побужье археологи все настойчивее утверждают, что поселения принадлежали грекам [2]. Поскольку первая точка зрения, предложенная еще В. В. Латышевым [3], сложилась главным образом на основе интерпретации сообщения Геродота, а вторая опирается на обильный археологический материал (рисунок 1), полученный при планомерном изучении Нижнего Побужья в последние десятилетия, целесообразно будет вновь проанализировать письменный источник и сопоставить результаты этого анализа с данными археологии.

О каллипидах и алазонах, по свидетельству Страбона (XII, 3, 21), писали еще Гелланик и Евдокс, однако их сведения до нас не дошли. Помпоний Мела (De chorogr., II, 1, 7) упоминает лишь о том, что западная граница каллипидов проходила по р. Асиак (совр. Тилигул). Поэтому единственным литературным источником о ближайших соседях Ольвии было и остается сообщение Геродота (IV, 17; 52; 81). Сообщение это, как известно, сводится к следующему.

По берегам Гипаниса обитают скифские племена: первыми от эмпория борисфенитов — каллипиды, являющиеся эллинами-скифами, выше их (т. е. севернее) — алазоны, еще выше — скифы-пахари. В земле алазонов Тирас и Гипанис очень близко подходят друг к другу, затем промежуток между ними расширяется и обе реки поворачивают в разные стороны. Между Борисфеном и Гипанисом, на границе страны алазонов и скифов-пахарей, находится горький источник Эксампей, который портит воду Гипаниса. Алазоны, как и каллипиды, ведут одинаковый образ жиз-

От редакции. Статья публикуется в дискуссионном порядке, поскольку из-за недостатка источников вопрос о каллипидах пока не может быть решен однозначно.

* Доклад на эту тему был прочитан автором на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР 28 декабря 1977 г.

[1] Археологія Українськоі РСР, т. II. Київ, 1971, с. 72; *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 61; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 115; *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 136 сл.; *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 156—159.

[2] *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 148; *Славин Л. М.* Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры.— ХКААМ, с. 184; *Рубан В. В.* Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.— НОСА. ч. II, с. 88; *Отрешко В. М.* Западный район Ольвийской периферии в позднеархаическое время.— НОСА, ч. II, с. 93; *Марченко К. К.* Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.— МСПГК, с. 43; *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды.— ВДИ, 1979, № 4, с. 25.

[3] *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 18.

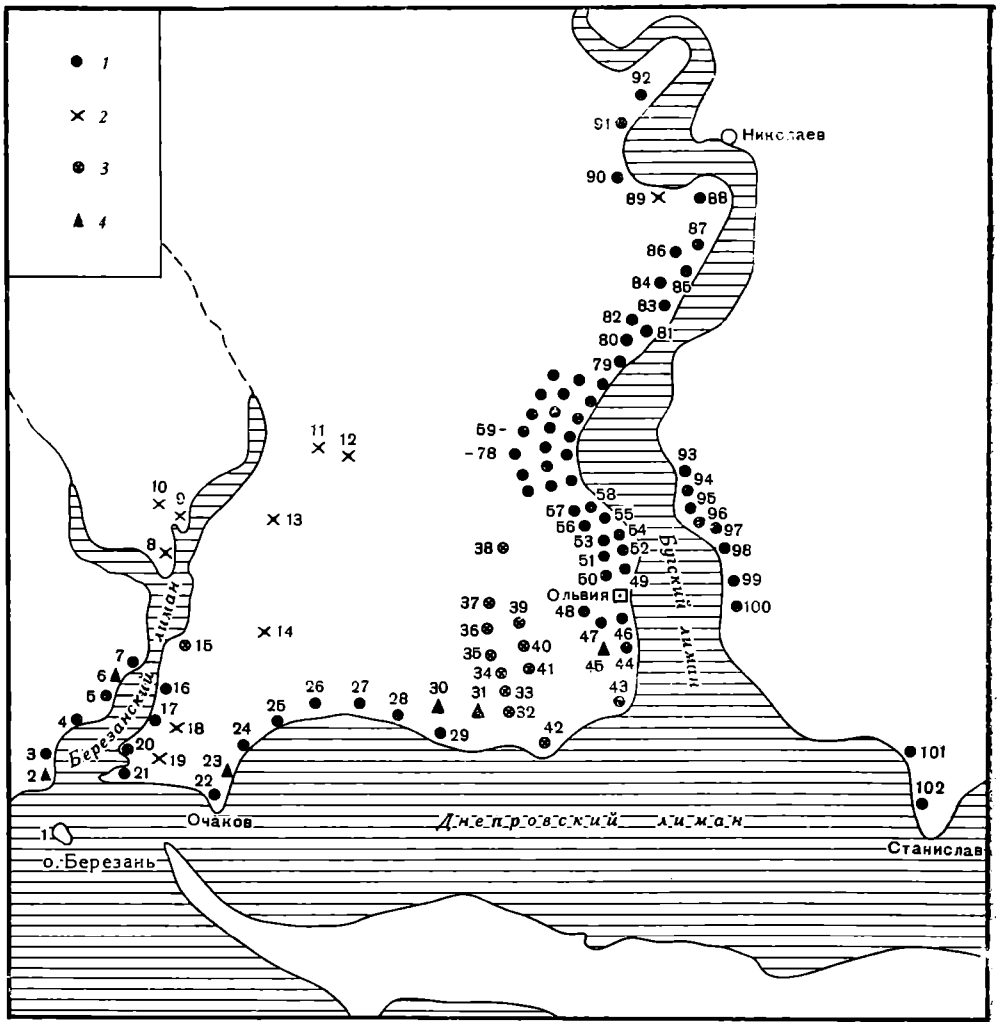


Схема расположения археологических памятников VII—V вв. до н. э. в Нижнем Побужье

Условные обозначения:

I — поселения; II — кратковременные стоянки; III — памятники, характер которых неясен; IV — могильники. Список памятников: *1* — Березань, *2* — Рыбаковка II, *3* — Викторовка I, *4* — Малая Лящевая коса, *5* — Большая Лящевая коса I, *6* — Большая Лящевая коса II, *7* — Лиманы (Коза), *8* — Мыс II, *9* — Андреево-Зорино, *10* — Шмидтовка III, *11* — Каменка VI, *12* — Каменка III, *13* — Ижецкое IV; *14* — Большая Черноморка IX, *15* — Каборга VI, *16* — Каборга I, *17* — Большая Черноморка II, *18* — Большая Черноморка III, *19* — Малая Черноморка IV, *20* — Малая Черноморка II (Бейкушское), *21* — Малая Черноморка I, *22* — Очаков II, *23* — Очаков I, *24* — Куцуруб III, *25* — Куцуруб I, *26* — Покровка, *27* — Ивановка I, *28* — Дмитриевка I, *29* — Петуховка I, *30* — Петуховский могильник, *31* — Аджигольский могильник, *32* — Аджигольская балка IX, *33* — Аджигольская балка VIII, *34* — Аджигольская балка VII, *35* — Аджигольская балка V, *36* — Аджигольская балка III, *37* — Аджигольская балка II, *38* — Аджигольская балка XIV, *39* — Аджигольская балка X, *40* — Аджигольская балка XI, *41* — Аджигольская балка XII, *42* — Аджигольская коса I, *43* — Днепровское, *44* — Закисова балка, *45* — Закисова балка (могильник), *46* — Широкая балка I, *47* — Широкая балка IV, *48* — Широкая балка IX, *49* — Чертоватое I, *50* — Чертоватое II, *51* — Чертоватое VII, *52* — Чертоватое V, *53* — Чертоватое III, *54* — Чертоватое IV, *55* — Кателино IV, *56* — Кателино I, *57* — Кателино II, *58* — Кателино III, *59—78* — Поселения у с. Козырка, № II—VII, IX—XI, XIII, XV—XXIV, *79* — Старая Богдановка II, *80* — Старая Богдановка IV, *81* — Старая Богдановка VI, *82* — Старая Богдановка VII, *83* — Новая Богдановка III, *84* — Новая Богдановка IV, *85* — Новая Богдановка VIII, *86* — Новая Богдановка V, *87* — Радсад II; *88* — Малая Корениха IV, *89* — Дидова Хата II, *90* — Большая Корениха I, *91* — Варваровка I, *92* — Варваровка IV, *93* — Лиманы III, *94* — Лиманы II, *95* — Лиманы I, *96* — Лиманы IV, *97* — Лиманы V, *98* — Лиманы VI, *99* — Лупарево I, *100* — Лупарево II, *101* — Александровка, *102* — Станислав

ни с остальными скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. В отличие от них, скифы-пахари сеют хлеб не для собственного пропитания, а на продажу.

Историкам понадобилось, во-первых, очертить примерные границы владений каллипидов и алазонов и для этого локализовать эмпорий борисфенитов и Эксампей; во-вторых, определить образ жизни и уровень развития хозяйства обоих скифских племен и, наконец, объяснить термин «эллины-скифы».

На все эти вопросы исследователи дали ответ еще в прошлом веке. Эмпорий борисфенитов — это Ольвия, Эксампей — один из притоков Буга — р. Мертвовод или р. Синюха. Правда, В. В. Латышев считал, что, строго придерживаясь Геродотова текста, горький источник надо искать несколько выше этих рек, но тут же признавал, что в конечном итоге это не имеет принципиального значения. «Как бы то ни было,— писал он,— область каллипидов и алазонов должна была приходиться главным образом на нынешнюю Херсонскую губернию, а скифов-пахарей — на губернии Подольскую, Киевскую и северо-восточную часть Херсонской, еще и теперь отличающиеся своим плодородием» [4].

В наше время интересное исследование о местоположении Эксампея провел К. К. Шилик [5]. Он отождествил Эксампей с Гнилым Еланцем, который впадает в Буг у с. Новая Одесса, в 135 *км* от моря, у вершины современного лимана. Граница между алазонами и скифами-пахарями, по его мнению, проходила по верховьям Гнилого Еланца, Мертвовода и далее на запад через Синюху и большую излучину Буга. Более убедительной представляется нам локализация Б. А. Рыбакова, отождествляющего Эксампей с притоком Синюхи — речкой Черный Ташлык, которая и являлась границей скифов-пахарей и алазонов [6].

Что касается эмпория борисфенитов, то некоторые современные ученые склонны отождествлять его не с Ольвией, а с поселением на о. Березань. Для Геродота эмпорий борисфенитов служил не в качестве пограничного пункта, как, скажем, Эксампей, а в качестве ориентира на географической карте, поэтому независимо от того, Березань или Ольвию имел он в виду, можно и сегодня с полным правом сказать, пользуясь словами В. В. Латышева, что «как бы там ни было», а каллипиды и алазоны занимали обширную территорию в Днепро-Бугском и Буго-Днестровском междуречьях к югу от большой излучины Буга.

Теперь об образе жизни каллипидов и алазонов. Кем они были — оседлыми или кочевыми племенами? Это ключевой вопрос. От правильного решения этого вопроса зависит вся концепция, и в частности определение того, какой именно смысл вкладывал отец истории в термин «эллины-скифы» применительно к каллипидам. Если оба племени были оседлыми — значит, археологи должны будут найти следы их оседлого пребывания на указанной Геродотом территории и на основе вещественного материала определить степень экономического развития, культуру, быт и религиозные представления. Если же кочевниками, то, значит, исследователи неправильно поняли термин «эллины-скифы», ибо самое предположение об эллинизированных кочевниках по сути своей абсурдно.

Описание каллипидов и алазонов у Геродота (IV, 17) состоит как бы из двух частей; в первой части говорится, что оба племени вели одинаковый с остальными скифами образ жизни (τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταὐτὰ Σκύθῃσι ἐπασκέοσι), во второй — что они занимались земледелием. Поскольку скифы, по Геродоту (IV, 2, и 46), были кочевниками, промыш-

---

[4] *Латышев В. В.* Ук. соч., с. 20.

[5] *Шилик К. К.* К палеогеографии Ольвии.— В сб.: Ольвия. Киев, 1975, с. 81; *его же.* Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе.— В сб.: XIV Международная конференция «Эйрене». Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 502.

[6] *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979, с. 36, 37.

ляли скотоводством, а жилища свои устраивали на повозках, то и каллипидов с алазонами следовало бы признать такими же кочевниками. Вторая часть описания давала повод считать их земледельцами. Традиционная точка зрения исходит из второй части сообщения, на основе которой сделан вывод, что каллипиды и алазоны являлись оседлыми земледельческими племенами. Этому способствовал и термин «эллины-скифы», примененный Геродотом в отношении каллипидов и свидетельствовавший, по общему мнению, об эллинизации последних. Такой вывод представлялся ученым столь доказательным («сеяли хлеб...»), столь бесспорным, что никто, по существу, и не пытался его пересматривать или оспаривать. Больше того, со временем убеждение в том, будто оба племени были оседлыми земледельцами, настолько укоренилось в науке, что некоторые ученые склонны были даже укорять отца истории в непоследовательности. Вот, например, что писал М. И. Артамонов: «...приведенное указание на быт алазонов, будто бы одинаковый со скифским, выглядит довольно странно. Образ жизни алазонов не мог быть таким же, как у кочевых скифов, уже по одному тому, что они занимались земледелием» [7]. Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова высказали по этому вопросу компромиссное предположение: Геродот в данном случае имел в виду не хозяйство, а культуру и быт, т. е. подчеркивал единство обычаев при разном типе хозяйства: каллипиды и алазоны, ведя оседлый земледельческий образ жизни, продолжали оставаться скифами по языку, нравам, религии и политической организации [8].

При таком толковании сообщение Геродота приходится уже понимать так: хотя каллипиды и алазоны и говорят на скифском языке, следуют скифским обычаям, поклоняются скифским богам, но тем не менее они сеют и употребляют в пищу хлеб и т. д. Какая связь между языком и земледелием, непонятно. Может быть, Геродота удивило, что племена скифов, этнически родственные, различаются в хозяйственном отношении? Вряд ли, поскольку он знал, например, персидских кочевников и земледельцев. Если Геродот считал, что занятие земледелием может быть воспринято как противоречащее принадлежности какого-либо племени к скифам, то почему нет аналогичных указаний относительно скифов-пахарей и земледельцев? Или те племена быть скифами перестали? В связи с тем, что Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова считали каллипидов населением эллинизированным или даже смешавшимся с греками, возникают и другие вопросы. Если каллипиды являлись скифами по языку, религии, нравам и политической организации, то в каком отношении они были эллинизированы? Или, сформулировав иначе: если каллипиды являлись оседлыми земледельцами, воспринявшими эллинскую культуру, «огреченными», то в каких все-таки отношениях они жили одинаково с остальными скифами?

В целом, традиционное представление об оседлом земледельческом образе жизни каллипидов и алазонов представляется неубедительным по следующим соображениям. Во-первых, упоминание о земледелии само по себе не является достаточным доказательством оседлости. Земледелие может служить дополнительным источником существования и у кочевых скотоводов, и у охотников или рыболовов [9]. Во-вторых, представляется неудачной сама интерпретация текста Геродота. Сначала, на основании второй части его сообщения, делается вполне определенный и окончательный вывод об оседлом земледельческом образе жизни каллипидов и

[7] *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. наук, вып. 13, 1949, с. 151.

[8] *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время— ВССА, с. 44.

[9] *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— В сб.: Материалы по этнографии, вып. 1, Л., 1961, с. 2—15; *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 74, 83, 92.

алазонов (хотя Геродот говорит лишь о том, что они занимались земледелием). Затем, с разной степенью убедительности, предпринимаются попытки согласовать полученный результат с первой частью все того же сообщения Геродота, где утверждается, что данные племена живут одинаково с остальными скифами.

Попробуем понять сообщение Геродота в целом, а не по частям. Итак, каллипиды и алазоны живут одинаково с остальными скифами. Воспользуемся описанием самого Геродота о том, как эти остальные скифы живут: каллипиды и алазоны, как и остальные скифы, не оседлые земледельцы, а кочевники, являются конными лучниками, свои жилища устраивают на повозках, средства к жизни добывают скотоводством, но в то же время сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо.

В общем, это достаточно четкое описание кочевников, в хозяйстве которых вспомогательную роль играло земледелие. Трудно удержаться от предположения, что именно так понимали Геродота его античные читатели. По крайней мере Страбон (XII, 3, 22) и, судя по его высказыванию, Деметрий Скепсийский считали алазонов кочевниками. Правда, они могли опираться и на другие источники, нам недоступные. Однако в любом случае этот факт может служить подтверждением справедливости наших выводов. Следует отметить, что Б. Н. Граков в конце жизни пришел к аналогичным представлениям о хозяйстве степных скифских племен, но уже на основании археологических данных.

Как известно, многолетние археологические работы в степной зоне Причерноморья не привели к открытию поселений времен Геродота [10]. Об алазонах, в частности, М. С. Синицын еще два десятилетия назад писал, что они «жили в той части Днестро-Бугского Причерноморья, где в VI—IV вв. до н. э. поселения отсутствовали» [11]. Б. Н. Граков в конечном итоге пришел к следующим выводам: «Земледелие, по-видимому, не мешало населению кочевать между севом и покосом, а молотьба могла тянуться все оседлую зиму. Недаром же эллины-скифы назывались еще каллипидами (т. е. «потомки прекрасноконных»), пахари сеяли хлеб не столько для себя, сколько для продажи грекам, а «алазоны» значит «бродяги». Погребения мужчин в огромном большинстве воинские, да еще и конные» [12]. И в другом месте: «Возможно, что и земледельческие племена степного Побужья и Поднепровья были полукочевыми. Их поселения практически почти не известны: чаще всего это — ничтожный след на местах более древних поселений племен срубной культуры. Немного своей керамики и обломки греческих амфор — вот и все. Лишь по Бугскому лиману есть несколько поселений с каменными постройками у Широкой Балки, у Закисовой Балки, у Дидовой Хаты, у Варваровки около Николаева» [13].

О приольвийских поселениях Нижнего Побужья (можно ли считать их памятниками скифской культуры) речь пойдет ниже. Кстати, непосредственно во времена Геродота поселений не было и в этом районе [14]. С мнением же Б. Н. Гракова, что «земледельческие» племена степного

---

[10] *Граков Б. Н.* О работе Степной скифской экспедиции.— КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 134, сл.; *Тереножкін О. І.* Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області.— Археологія, т. VII, 1952, с. 117; *Елагина Н. Г., Погребова Н. Н.* Археологическая разведка по берегам Ингула.— КСИММК, вып. 77, 1959, с. 26, 33; *Погребова Н. Н., Кондрацкий Л. В.* Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области.— КСИММК, вып. 78, 1960, с. 84; *Іллінська В. А.* Андрофаги, меланхлени будини або скіфи? — Археологія, т. XXIII, 1970, с. 28.

[11] *Синицын М. С.* Населення Дністро-Бузького Причерномор'я скіфсько-сарматського часу.— МАСП, вып. II, 1959, с. 23.

[12] *Граков Б. Н.* Скифы, с. 39.

[13] Там же, с. 61.

[14] *Рубан В. В.* Ук. соч., с. 87.

Побужья и Поднепровья оказываются полукочевыми, в общем, трудно не согласиться. Вероятно, сразу следует предупредить, что к скифам-пахарям сказанное выше не относится, поскольку существуют серьезные основания для локализации их в лесостепи [15].

Предположение В. В. Латышева, что каллипиды и алазоны «сеяли хлеб (не на продажу только, но и) для употребления в пищу», в то время как скифы-пахари «также сеяли хлеб, но не для собственного употребления, а только на продажу» [16], выглядит неубедительно. Получается, что различие между племенами заключалось в том, что одни ели хлеб, а другие не ели. При этом существование хлебной торговли у каллипидов и алазонов домысливается. Исходя же из Геродота, об этих племенах можно лишь сказать, что их земледелие удовлетворяло собственные потребности, т. е. было натуральным. Производство же скифов-пахарей было товарным. Именно так и понимают информацию Геродота современные исследователи, которые ищут скифов-пахарей в местах концентрации предметов греческого импорта, а не там, где отсутствуют находки зернотерок.

В общем получается, что каллипиды и алазоны считались оседлыми земледельцами ошибочно. Упоминание Геродота о занятии земледелием было напрасно воспринято как доказательство оседлого образа жизни.

Язык, обычаи и религиозные представления этих племен были, судя по всему, такими же, как и у остальных скифов. Этническое единство скифов прослеживается на протяжении всего труда Геродота [17], и никаких указаний, что каллипиды и алазоны говорили не на скифском языке или почитали каких-то иных, не скифских, богов, не имеется. Правда, каллипиды названы Геродотом эллинами-скифами, и, возможно, в этом термине (особенно, если считать его равнозначным термину «миксэллины») и скрывается какая-то дополнительная информация. В силу этого необходимо остановиться на результатах, полученных специалистами при анализе данных терминов.

Геродот не объясняет смысла примененного им выражения «эллины-скифы», и в последующем тексте не сообщает ни прямой, ни косвенной информации к его пониманию. Это обстоятельство дает интерпретаторам полную свободу строить любые догадки и гипотезы. Наиболее распространенными были в XIX в. и остаются до сих пор две версии: ближайшие к Ольвии скифы ко времени появления в этих краях Геродота настолько смешались с греками, что образовалась новая этническая общность (А. Бек, Н. Надеждин, Э. Боннель, Ф. Г. Мищенко и др.); каллипиды были скифами, перенявшими эллинскую культуру (Г. Штейн, В. Н. Юргевич, П. И. Люперсольский). В. В. Латышев совмещал оба объяснения, считая, что без родственных с греками связей целое племя скифов не могло поддаться влиянию эллинской образованности [18]. Каллипиды, по его мнению,— это особое население побережья Гипаниса, возникшее в результате брачных связей эллинов со скифами и имевшее эллинскую культуру. Вслед за А. Беком и другими учеными В. В. Латышев считал «эллинов-скифов» Геродота тождественными «миксэллинам» из декрета в честь Протогена (IPE, I², № 32). Что касается ольвиополитов, то «еще во времена Протогена (не говорю уже о временах Иродота) они ясно сознавали свою противоположность варварам, считали себя (судя по ономатологическим данным, вполне справедливо) истыми эллинами и резко отличали от себя посредством особого термина (μιξέλληνες) народность,

---

[15] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., с. 138—145; *Ильинская В. А.* О скифах-пахарях и будинах Геродота.— КСИИМК, вып. 40, 1951, с. 28; *Либеров П. Д.* К вопросу о скифах-пахарях.— ВДИ, 1951, № 4, с. 178.

[16] *Латышев В. В.* Ук. соч., с. 17, 20.

[17] *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 39.

[18] *Латышев В. В.* Исследования..., с. 17.

сложившуюся из смешения эллинов с варварами и жившую вне города» [19].

Каким образом каллипидам удалось смешаться с греками, если ольвиополиты столь строго хранили свою этническую чистоту, остается неясным. Правда, в противном случае было бы столь же неясным, чем каллипиды отличались от ольвиополитов. Долгое время версия В. В. Латышева была самой распространенной, но впоследствии некоторые ее положения подверглись критике. Так, В. Д. Блаватский считал, что в «эллино-скифах Геродота трудно видеть смешанное греко-скифское население, ибо тогда нужно допустить массовое переселение эллинов на обширную территорию Нижнего Буга в VI в. до н. э.» [20] Этот же аргумент был использован и М. Ф. Болтенко, который предложил собственное понимание термина «эллины-скифы». По его мнению, ионийцы с полным правом считали тех, кто живет оседло, сеет хлеб и овощи, не скальпирует врагов и не пьет их крови, полуэллинами, тем более что и этногенические легенды позволяли выводить их от эллинских героев [21].

Наиболее детальный анализ терминов «эллины-скифы» и «микс-эллины» принадлежит Н. В. Шафранской [22]. Относительно «эллино-скифов» она пришла к следующим выводам. Во-первых, подобные двойные этноконы применялись для обозначения племенных групп, образовавшихся в результате смешения различных этнических элементов. Например, Диодор (V, 32) писал, что галаты из-за смешения своего с эллинами названы были эллино-галатами (ἑλληνογαλάται). Однако появляются подобные термины лишь в эллинистическое время. Поэтому, очевидно, эллины-скифы Геродота не означали племенного смешения. Во-вторых, существуют аналогичные термины, носящие топонимический характер, когда двойное название определяет не сложность этнического происхождения, а место поселения. Например, Аристагор Милетский (FGH, II, 98, 5) называл греческих и карийских солдат, поселенных Псамметихом I в Мемфисе, Ἑλληνομεμφῖται и Καρικομεμφῖται . В географическом смысле, эллино-скифы Геродота могли обозначать либо скифов, живших на Ольвийской территории, либо эллинов, поселившихся на скифской земле. Последнее, по мнению Н. В. Шафранской, противоречит как словам Геродота, так и данным археологии. Поэтому она не сочла возможным понимать эллинов-скифов в географическом смысле и пришла к выводу, что этот термин, видимо, означал лишь особенно активное влияние греческой культуры на скифов-каллипидов. Однако Н. В. Шафранская ни единым словом не объяснила, почему каллипиды не могли быть скифами, жившими на греческой территории.

Здесь будет уместным привести мнение Э. И. Соломоник относительно аналогичного термина «тавро-скифы» [23]. По ее наблюдениям, в античной традиции обнаруживается путаница в понимании этого термина. Одни авторы понимают под ним тавров в целом (поскольку те жили в пределах Скифии), другие — тавров, смешавшихся со скифами, третьи — скифов Тавриды. В частности, Евстафий (Комментарий к «Землеописанию» Дионисия, 163) утверждал, что тавро-скифами называются скифы, жившие на Таврическом полуострове.

Что касается миксэллинов, то, по утверждению Н. В. Шафранской, во всех известных случаях этот термин применялся для обозначения не целого племени или народа, а отдельных людей или групп. Так, у Геллаиика — это разбойники-синтийцы, у Полибия (I, 67, 7) — часть карфагенских наемников, у Плутарха (Crass, 31) — воины Сурены, у Гелиодора

---

[19] Там же, с. 172.
[20] *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор.— МИА, № 33, 1954, с. 43, прим. 3.
[21] *Болтенко М. Ф.* Herodoteanea.— МАСП, вып. III, 1960, с. 53.
[22] *Шафранская Н. В.* О миксэллинах.— ВДИ, 1956, № 3, с. 37.
[23] *Соломонік Е. І.* Про значення терміна «тавроскіфи».— АП, т. XI, 1962, с. 155.

(IX, 24) — страж, в декрете в честь Протогена (IPE, I², № 32) — люди с гор или пограничные жители численностью 1500 человек, ранее сражавшиеся вместе с ольвиополитами, а затем изменившие им. По сведениям Полибия, среди карфагенских наемников миксэллины были большей частью перебежчиками и рабами. Наряду с рабами упоминаются миксэллины и в декрете в честь Протогена. Таким образом, нет достаточно веских оснований считать миксэллинов отдельным народом и отождествлять их с племенем каллипидов. Скорее, это была неполноправная группа населения, возможно, близкая метекам, которую ольвиополиты использовали в своих военных отрядах.

То, что миксэллины в декрете в честь Протогена названы союзниками, некоторые исследователи понимают в том смысле, что они были независимы от Ольвии — могли быть то ее союзниками, то врагами [24]. Возражая В. Д. Блаватскому, Н. В. Шафранская ограничилась замечанием, что миксэллины упоминаются в декрете наряду с рабами, которых нельзя причислить к категории независимого населения. Несомненно, что этот пассаж заслуживал бы более развернутого филологического комментария. Интересно отметить, что Геродот (VII, 99; VIII, 19, 68, 69 и т. д.) называл союзниками (οἱ σύμμαχοι) отряды войска Ксеркса.

Подытожим вкратце результаты изучения текста Геродота. В середине V в. до н. э. на обширной территории степного Побужья обитали скифские кочевые племена каллипидов и алазонов, в хозяйстве которых основную роль играло скотоводство, а земледелие имело подсобный характер. Почему Геродот назвал каллипидов эллинами-скифами — неизвестно, ответ на этот вопрос можно будет получить лишь в том случае, если появятся новые (например, эпиграфические) источники. Сведения Геродота о каллипидах и алазонах относятся к середине V в. до н. э. С этого и начнем рассмотрение археологических материалов, полученных при полевых исследованиях района Нижнего Побужья.

Поселения указанного региона в хронологическом отношении подразделяются на две группы: VI — первая четверть V в. до н. э. и IV — первая половина III в. до н. э.[25]. Некоторые из них, например у Широкой балки, прекратив существование в V в. до н. э., были вновь заселены в IV в.[26], и поначалу, на основании материалов разведок, период их существования датировался VI—II вв. до н. э.[27]. Однако раскопки и повторные разведки позволили обнаружить хронологический разрыв и уточнить датировки. Большинство поселений второго периода основано на новом месте.

Таким образом, в середине V в. до н. э., т. е. непосредственно во времена Геродота, поселений в Нижнем Побужье не существовало: одни из них уже были покинуты жителями и заброшены, другие еще не возникли. Однако в принципе можно предположить, что сведения Геродота относятся не к середине V в. до н. э., а к более раннему времени, т. е. являются не свидетельством очевидца, а лишь попыткой реконструкции прошлого, что, конечно, снижает их ценность. Такая возможность заставляет нас обратить основное внимание на памятники VI—V вв. до н. э. Нельзя не отметить, что каллипиды и алазоны, по Геродоту, владели территорией примерно до большой излучины Буга. Что же касается приольвийских аграрных поселений, то северной границей их распространения по Бугскому лиману является район г. Николаева, а на Березан-

---

[24] *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 53; *Шелов Д. Б., Брашинский И. Б.* Рец.: Лапин В. В Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.— ВДИ, 1969, № 3, с. 169.

[25] *Рубан В. В.* Ук. соч., с. 87.

[26] *Славін Л. М.* Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949—1950 рр.— АП, т. V, 1955, с. 132.

[27] *Славін Л. М.* Наслідки археологічних досліджень Ольвійської экспедиції в 1947—1948 рр.— АП, т. IV, 1952, с. 56.

ском лимане были заселены лишь низовья. Кому же принадлежали указанные поселения?

Достаточно полное представление о догетских поселениях Нижнего Побужья исследователи получили лишь в послевоенные годы. Систематизировав имевшиеся в то время материалы, Ф. М. Штительман признала характерным для поселений этого района сочетание «местных традиций с элементами, привнесенными греческими поселенцами». Местные, т. е. скифские, традиции, по мнению Ф. М. Штительман, заключались прежде всего в характере домостроения и наличии лепной керамики [28].

В дальнейшем спор относительно этнической атрибуции поселений вращался главным образом вокруг этих признаков, а точка зрения менялась по мере того, как увеличивался объем полевых исследований и накапливался новый археологический материал. Ф. М. Штительман считала, что обитателями поселений как VI—V вв., так и IV—III вв. до н. э. «очевидно, и были те каллипиды — эллино-скифы — миксэллины, которые, благодаря своему соседству и в силу социально-экономических связей с греческим населением Ольвии, ближе других скифских племен стояли к рабовладельческому классовому обществу» [29].

Я. В. Доманский выделял в Нижнем Побужье две группы поселений [30]. Первая группа (Закисова балка, Чертоватое I, Дидова Хата, Петуховка I) характеризовалась чертами греческого происхождения: наземные сырцово-каменные дома сооружались по типу ольвийских зданий с применением ольвийских же строительных приемов; керамический комплекс близок ольвийскому; часты находки греческих граффити. Вторая группа (Широкая балка, Викторовка I, Александровка, Станислав) выглядела иначе: постройки полуземляночные; лепная керамика преобладает над кружальной; предметы быта в массе своей скифские. Соответственно, Я. В. Доманский предполагал, что в Нижнем Побужье скифские поселения перемежались с греческими.

Нельзя не отметить, что характеристика поселений первой группы основывалась на материалах IV—III вв. до н. э., а второй группы — на материалах VI—V вв. до н. э. Видимо, греческую принадлежность памятников IV—III вв. Я. В. Доманскому удалось доказать достаточно убедительно; по крайней мере, аргументированных возражений на этот счет в литературе не появилось. Что же касается поселений типа Широкой балки (VI—V вв. до н. э.), то сильными аргументами в пользу их скифской принадлежности выглядели характер домостроительства и состав керамического комплекса.

Несколько лет спустя В. В. Лапин на основании того, что полуземлянки открыты на всех наиболее ранних поселениях, в том числе и в Ольвии и на Березани, пришел к выводу, что различия в домостроительстве объясняются не этническими традициями, а хронологией. Полуземлянки, по мнению В. В. Лапина, составляли специфическую особенность раннего времени, что дает основания видеть в них отражение не этнических, а общественно-экономических факторов [31].

Справедливость выводов В. В. Лапина относительно домостроения сомнений не вызывает. Наиболее ранний и массовый тип жилищ Ольвии и Березани представлен полуземлянками, которые лишь в конце VI — начале V в. до н. э. начинают сменяться наземными сооружениями [32].

---

[28] *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, № 50, 1956, с. 258.

[29] Там же, с. 272.

[30] *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.— АСб.ГЭ, вып. 2, 1961, с. 31—35.

[31] *Лапин В. В.* Ук. соч., с. 148.

[32] *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период.— СА, 1975, № 2, с. 188—199; *Крижицький С. Д., Русяєва А. С.* Найдавніші житла Ольвії.— Археологія, 1978, № 28, с. 3—25.

Та же картина наблюдается на сельских поселениях Побужья [33]. И в настоящее время можно с полным правом утверждать, что полуземляночные и наземные жилища характеризуют собой этапы единого процесса развития домостроения Нижнего Побужья и присущи всем населенным пунктам этого района, включая Березань и Ольвию. По мнению С. Д. Крыжицкого, тот факт, что во всех пунктах Нижнего Побужья полуземлянки предшествуют наземным сооружениям, позволяет рассматривать их в качестве типа греческого дома — однокамерного дома колониста [34].

Другим веским аргументом в пользу скифской принадлежности поселений типа Широкой балки служит утверждение о преобладании среди находок лепной керамики над кружальной. Как писал в свое время Я. В. Доманский, «... только о Широкой балке нельзя сказать, что там лепная керамика преобладает» [35]. И действительно, о Широкой балке этого сказать нельзя — в 1949 г. здесь было найдено 4476 фрагментов керамики (без учета 16 697 обломков амфор), из которых лепных — 1172, т. е. 26,2% [36]. При этом необходимо учитывать большое количество находок эпохи бронзы, так что на самом деле удельный вес лепной керамики в комплексе поселения был меньше. Широкая балка долгое время являлась наиболее изученным архаическим памятником, а ее керамический комплекс наиболее показательным. Тем не менее исследователи обычно считали это поселение исключением из общего правила, а преобладание кружальной посуды объясняли близостью к Ольвии. Однако кружальная посуда преобладала и на других памятниках. При раскопках одного из жилых комплексов на Викторовке I найдено 1019 фрагментов керамики без учета амфор, среди них 401 лепной обломок, т. е. 39,3% [37]. Среди находок 1950 г. на поселении у с. Днепровское, по данным С. И. Капошиной, наиболее многочисленной оказалась сероглиняная керамика, а лепной было найдено «очень немного» [38].

Лепная керамика преобладала лишь на двух поселениях левого берега Бугского лимана — у Станислава и южнее с. Александровка. На поселении у Станислава в 1947 г. найдено 84 фрагмента керамики без учета амфор, из них лепных 66, т. е. 82% [39]. На поселении южнее с. Александровки в 1947—1948 гг. были обследованы две части — селища № 1 и 2. В результате сбора подъемного материала и шурфовки на селище № 1 найдено 144 фрагмента керамики (не считая 24 обломков амфор), из них 97 лепных, т. е. 67,3%. На селище № 2 — 59 фрагментов керамики (не считая 22 обломков амфор), из них 3 лепных, т. е. 5% [40]. Ясно, что при столь незначительном количестве находок результатам особенно доверять не приходится.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, нельзя говорить о преобладании лепной керамики в комплексах поселений типа Широкой балки. Что же касается гораздо более масштабных раскопочных и разведочных работ последнего десятилетия, то их результаты заставляют полностью отказаться от выводов Я. В. Доманского.

---

[33] *Рубан В. В.* Ук. соч., с. 88; *Отрешко В. М.* Западный район Ольвийской периферии..., с. 94; *его же.* Архаические и классические слои на поселении у Закисовой балки.— В сб.: 150 лет ОАМ АН УССР. Тезисы докладов. Киев, 1975, с. 129.

[34] *Крыжицкий С. Д.* Древнейшие слои жилых кварталов Ольвии.— XIV Международная конференция «Эйрене». Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 220.

[35] *Доманский Я. В.* Ук. соч., с. 33.

[36] Подсчеты автора по спискам находок, содержащимся в дневнике Б. М. Рабичкина (*Рабичкин Б. М.* Дневник раскопок поселения у Широкой балки в 1949 г.— Архив ИА АН УССР, 1949/20).

[37] *Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья.— МИА, № 50, 1956, с. 243.

[38] Там же, с. 246.

[39] *Штительман Ф. М.* Городища, поселения и могильники Бугского лимана в VII—II вв. до н. э. Канд. дис. Киев, 1951.— Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 344, с. 294.

[40] Там же, с. 293.

Среди керамических находок на Бейкуше (раскопки А. С. Русяевой в 1967—1969 гг.) обломки лепных сосудов составили 9% [41]; на Каборге I (раскопки автора в 1971—1972 гг.) — около 16%; на Черноморке II (раскопки автора в 1973—1977 гг.) — около 24%, однако необходимо отметить примесь керамики эпохи бронзы. Аналогичные результаты были получены при раскопках поселений Старая Богдановка II, Чертоватое II, Закисова балка, Кутуруб III, а также в результате разведочных работ на ряде других памятников. Мнение о безусловном преобладании лепной керамики в комплексах поселений левого берега Бугского лимана опровергается раскопками К. К. Марченко и Я. В. Доманского на поселении Лупарево II. Среди находок 1977 г. лепная керамика составляла 4,9% находок (без учета амфор) в культурном слое и около 3% в заполнении полуземлянки [42].

Определенные различия в процентных соотношениях разных групп керамики на поселениях объясняются на наш взгляд, преимущественно случайными отклонениями от среднестатистической картины. При увеличении объема материала эти различия обычно погашаются. В качестве иллюстрации приведем данные об отдельных памятниках. Среди находок 1977 г. на Старой Богдановке II лепная керамика составляла в культурном слое 18,9% находок без учета амфор, а в заполнении полуземлянок — от 13 до 38% [43]. На поселении Большая Черноморка II в 1973 г. на раскопе II лепная керамика составила 44,5% находок (211 фрагментов из 474). К 1977 г. по мере увеличения количества материала удельный вес лепной керамики сократился до 23,3% (4771 фрагмент из 20 515 без учета 68 042 обломков амфор). Несомненно, что определенные различия в удельном весе лепной керамики могли зависеть и от других причин: например, низкий процент находок на Бейкуше (меньше, чем на Березани) может быть связан с существованием здесь святилища Ахилла — точно так же, как на ольвийском теменосе лепной керамики меньше, чем в жилых районах города [44]. Однако детальное рассмотрение подобных возможностей не входит в задачи данной работы.

В общем, удельный вес лепной керамики в комплексах поселений не превышает 20%. Относительно состава этой группы керамики определенный интерес представляет исследование, предпринятое К. К. Марченко [45], который отмечает присутствие в материалах сельских поселений тех же групп лепной керамики, что и в материалах Ольвии и Березани. Прямое сопоставление с какой-либо одной из выделенных в настоящее время групп варварских памятников Причерноморья оказалось невозможным. Имеются три генетически неоднородные группы. К первой отнесена посуда, находящая аналогии среди фракийских памятников Карпато-Дунайского бассейна; ко второй — керамика, аналогичная материалам раннескифских памятников лесостепной Украины. Третью группу составляют сосуды, сходные с керамикой белозерского этапа срубной культуры. Все это, по мнению К. К. Марченко, свидетельствует о присутствии в Ольвии и ее окрестностях выходцев из фракийского мира и Среднего Поднепровья, а также прямых потомков скотоводов и земледельцев эпохи поздней бронзы из степной зоны Северного Причерноморья. Фракий-

---

[41] Подсчеты автора по спискам находок, имеющимся в отчетах А. С. Русяевой (*Русяева А. С.* Отчет о раскопках Бейкушского позднеархаического поселения в 1967 г.— Архив ИА АН УССР, 1967/7в; 1968 г.— 1968/12в; 1969 г.— 1969/17а).

[42] *Марченко К. К.* Отчет о работах Периферийного отряда Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1977 г.— Архив ИА АН УССР, 1977/81, с. 31—33.

[43] *Марченко К. К.* Ук. отчет за 1977 г., с. 16—25.

[44] *Марченко К. К.* Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э.— СА, 1972, № 4, с. 59—67.

[45] *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Л., 1974; *его же.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э.— ВДИ, 1974, № 2, с. 149.

цы и лесостепные скифы внедряются в население Березани, а затем Ольвии и других поселений Побужья, начиная еще со второй половины VII в. до н. э. В VI в. появляются степняки, которые на рубеже VI—V вв. до н. э. полностью вытесняют лесостепных скифов и фракийцев. В силу этого определенные различия в лепной керамике поселений Побужья (большое количество фракийских материалов на Бейкуше и почти полное их отсутствие на Широкой балке) объясняются К. К. Марченко как явление хронологическое, поскольку Бейкуш вообще дает более ранние материалы, чем Широкая балка.

Нельзя не отметить, что лепную керамику таких несомненно греческих центров, как Березань и Ольвия, К. К. Марченко почему-то не сравнивает с греческой лепной керамикой метрополии. Ограничиваясь аналогиями с материалами варварских памятников, он не объясняет, почему грекам, появившимся в Нижнем Побужье около середины VII в. до н. э., употребление лепной керамики было несвойственно, в то время как, например, в Афинах, лепная керамика в это и несколько более позднее время отнюдь не была вытеснена кружальной [46]. Поэтому утверждение, будто греки Побужья могли употреблять лепную керамику лишь с конца IV в. до н. э., выглядит неубедительно. В дальнейшем, видимо, среди материалов поселений Нижнего Побужья удастся выделить и греческие формы.

Что касается этнической принадлежности комплексов V — первой половины IV в., то, по мнению К. К. Марченко, «Варварский компонент населения Ольвии и окружавших ее сельскохозяйственных поселений состоял в это время почти исключительно из осевших в Нижнем Побужье степных скифов. Под последними можно подразумевать каллипидов Геродота (IV, 17)» [47]. Это мнение вызывает серьезные возражения. Во-первых, каллипиды выступают у К. К. Марченко не как самостоятельный скифский этнос, а лишь как «варварский компонент» греческих поселений. Во-вторых, учитывая отсутствие поселений середины V в. до н. э., получается, что во времена Геродота основными местами пребывания каллипидов были Ольвия и Березань. Вероятно, приведенное выше высказывание является случайным. Несколько ранее К. К. Марченко считал необходимым и возможным допускать, что среди жителей Нижнего Побужья преобладали эллины [48]. В своей более поздней работе он утверждает, что поселения Нижнего Побужья основаны эллинами. В процессе освоения этого региона греки создали слой экономически и политически зависимого населения, рекрутируемого из разных районов Карпато-Дунайского бассейна и лесостепной зоны Северного Причерноморья. В начале — первой половине V в. до н. э. военная и политическая активизация скифов-кочевников привела к резкому сокращению числа эллинских поселений и одновременно к ликвидации традиционных путей проникновения варваров на территорию Нижнего Побужья. Отныне вплоть до второй половины IV в. до н. э. пополнение рядов зависимого от ольвиополитов слоя населения шло преимущественно за счет жителей степной зоны [49].

Таким образом, материальная культура поселений не дает оснований для выводов об их скифской принадлежности, скорее наоборот. Что касается духовной культуры, то о языке, письменности, именах и религиозных представлениях жителей можно судить по находкам граффити и терракот. Повсеместные находки на поселениях буквенных граффити свидетельствуют о грекоязычности населения, использовании греческой

---

[46] *Brann E. T. H.* Late Geometric and Protogattic pottery mid 8th to late 7th century B. C.— In: The Athenian Agora, 1962, vol. VIII, p. 3, 4, 29.

[47] *Марченко К. К.* Варвары в составе населения..., с. 17.

[48] *Марченко К. К.* Фракийцы на территории..., с. 156.

[49] *Марченко К. К.* Взаимодействие эллинских и варварских элементов..., с. 43.

письменности и высоком уровне грамотности. Хотя сравнения количественного характера в настоящее время сделать и затруднительно, очевидно, однако, что сельские поселения по этому признаку ничуть не уступают Березани или Ольвии [50]. Что же касается Бейкуша, то количество находок граффити здесь вообще уникально [51].

Обитатели поселений носили греческие имена. Часты находки обломков днищ сосудов с надписями типа АОН, АП, ІФ, ІК и др. Подобные граффити могли являться сокращениями как имен богов, так и имен владельцев сосудов. Последнее более вероятно, поскольку посвящения богам вырезались на донышках сосудов сравнительно редко. Имеются и полностью сохранившиеся антропонимы, такие, как Агрот [52] или Гекатей [53].

Одной из наиболее многочисленных категорий граффити являются культовые надписи, которые свидетельствуют о почитании в архаическое время Ахилла [54], Афродиты [55], Коры [56]. Такие граффити, как ІЕРН, могли относиться к любому греческому культу. Наибольшее количество культовых граффити связано с почитанием Ахилла и происходит из раскопок Бейкуша, где находилось его святилище. В пользу такого утверждения свидетельствуют открытые здесь жертвенные ямы [57]. Одна из них была цилиндрической формы, диаметром 3,2 и глубиной 2,8 *м*. На дне ее на песчаной подсыпке лежала верхняя часть черепа быка, под которой был найден сделанный из стенки амфоры кружок с посвящением Ахиллу. Заполнение ямы представляло собой чередующиеся слои пепла и чистой глины. Рядом находилась другая яма, меньших размеров, заполненная пеплом. В ее заполнении найдена фрагментированная серолощеная эйнохоя с посвящением Ахиллу и вотивные «кружки» из стенок сосудов. На одном из вотивных «кружков», найденных на поселении, процарапано слово Αλσο; (роща) [58], которым часто называли святилище, даже если священной рощи там и не было [59]. Граффити «Агрет послал Ахиллу из дому» [60] может свидетельствовать о популярности культа среди жителей других населенных пунктов.

Следует отметить, что и в более поздние времена принадлежавшие ольвиополитам святилища Ахилла располагались не в Ольвии, а в различных пунктах принадлежавшей государству территории, в том числе и в районе Бейкуша (ныне с. Черноморка Очаковского р-на Николаевской обл.) [61].

Весьма многочисленными являются находки терракот. Преобладают среди них статуэтки сидящих богинь, встречаются изображения птиц. Частота подобных находок на аграрных поселениях вполне сопоставима с картиной, наблюдаемой на Березани или в Ольвии. Например, на по-

---

[50] *Русяєва Г. С.* Поселення Пітухівка біля Ольвії.— Археологія, XXI, 1968, с. 212; *ее же.* Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань.— Археологія, 1971, № 2, с. 22; *Отрешко В. М.* Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г.— В сб.: Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977, с. 40. Большая часть граффити не опубликована.

[51] Граффити имеются почти на каждом сотом черепке.

[52] *Русяєва А. С.* Культові предмети..., с. 25 сл.

[53] *Русяєва А. С.* Разведки и раскопки поселений близ Ольвии.— АИУ — III, Киев, 1971, с. 183.

[54] *Русяєва А. С.* Культові предмети..., с. 22—28; *Отрешко В. М.* Граффити..., с. 41.

[55] Инв. № БЧ-74/265. Хранится в фондах ИА АН УССР.

[56] Инв. № Бейк-68/78. Хранится в фондах ИА АН УССР.

[57] *Русяєва А. С.* Разведки и раскопки поселений..., с. 183; *ее же.* Розкопки Бейкушського поселення.— АИУ — IV; Киев, 1972, с. 175, 176.

[58] Инв. № Бейк-69/64. Хранится в фондах ИА АН УССР.

[59] *Латышев В. В.* Очерки греческих древностей, ч. II. СПб., 1899, с. 20.

[60] *Русяєва А. С.* Культові предмети..., с. 25.

[61] *Карышковский П. О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 1962, № 3, с. 145, табл. I.

селении Большая Черноморка II за 5 лет раскопок (1973—1977 гг.) найдено 12 терракот. На Березани за 9 лет (1962—1970 гг.) на участке Г найдено 15 экз.[62], причем объем работ и общее количество вещественных находок здесь гораздо больше. В Ольвии за несколько лет раскопок на участке АГД найдено не более 10 фрагментов архаических терракот [63].

Наконец, необходимо упомянуть и о греческом происхождении топонимов — Гилея, Ахиллов Бег, Роща Гекаты, Гипполаев мыс (на котором, по Геродоту, находился храм Деметры). Видимо, названиями поселений являлись Арбинаты и Тюора из березанского письма на свинце [64].

В заключение несколько слов о хозяйстве поселений, как архаических, так и более поздних. Основой экономики являлось земледелие, что подтверждается большим количеством зерновых ям, открытием печи для сушки зерна, находками серпов, мотыг, зернотерок и, наконец, зерен культурных растений. Земледелие носило явно товарный характер [65]. Когда на Широкой балке было вскрыто зернохранилище из 12 ям общей вместимостью около 20 *т* зерна, то высказывались предположения, что здесь находился эмпорий и зерно скупалось у окрестного населения. Однако множество подобных ям открыто и на других архаических поселениях. То же можно сказать и о памятниках IV—III вв. до н. э.

Большой удельный вес в экономике имело скотоводство: найдены кости быка, козы, овцы, свиньи, лошади. Разводили и домашнюю птицу. Значение охоты было, видимо, минимальным. Повсеместные находки рыболовных грузил, а на поселении у Дидовой Хаты и печи для копчения рыбы свидетельствуют о развитии рыболовства. На приморских поселениях в огромных количествах встречаются раковины мидий. О высоком развитии товарно-денежных отношений можно судить как по объему импорта, прежде всего керамического, так и по многочисленным находкам бронзовых ольвийских монет [66], в том числе в кладах.

Таким образом, археологические материалы позволяют с полной уверенностью утверждать, что аграрные поселения, расположенные по берегам Бугского, Буго-Днепровского и Березанского лиманов, принадлежали грекам. Что же касается каллипидов и алазонов, то ими, скорее всего, оставлены памятники типа временных стоянок, известные в Нижнем Побужье и далее к северу [67]. На юге они доходят до моря, а на севере — вплоть до лесостепи. Возможно, каллипиды потому и названы «эллинами-скифами», что подкочевывали в степные районы между лиманами, побережье которых было заселено греками. Впрочем, как уже отмечалось, окончательно установить содержание данного термина без новых источников практически невозможно.

---

[62] *Копейкина Л. В.* Комплекс архаических терракот с Березани.— ВДИ, 1977, № 3, с. 92, прим. 2.

[63] Любезное сообщение А. С. Русяевой.

[64] *Брашинский И. Б.* [Рец.]: *Wąsowicz A.* Olbia et son territoire. Paris, 1975.— СА, 1977, № 3, с. 304.

[65] *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода..., с. 267.

[66] Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, на поселениях VI—V вв. дельфинчик или монета-стрелка приходятся обычно на 1—3 тыс. обломков керамики. Примерно такое же соотношение сохраняется на поселениях IV—III вв. до н. э.

[67] *Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б., Назарчук В. И.* Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО — 1974. М., 1975, с. 262, 263. Возможно, что некоторые стоянки, расположенные вблизи аграрных поселений, оставлены греческими пастухами.

V. M. Otreshko

THE KALLIPIDES, ALAZONES AND THE SETTLEMENTS ON THE LOWER BUG

Summary

The traditional point of view, according to which the Kallipides and Alazones, described by Herodotus, were the settled farmers predominates in modern science. The majority of investigators considers the rural settlements of the Lower Bug belonging to Kallipides. The analysis of the text of Herodotus led the author to the conclusion, that the Kallipides and Alazones were semi-nomads. Their economy was based on cattle-breeding and farming played an auxiliary role. The majority of temporary settlements, spread from the Black Sea coast to the forest-steppe might belong to these tribes. The material and spiritual culture of the inhabitants of the rural settlements at the Lower Bug showed that they were the Greeks.

Е. Н. НОСОВ

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. В ПРИИЛЬМЕНЬЕ

Время и характер славянского расселения в Приильменье до сих пор остаются одними из наиболее слабо разработанных вопросов славянской археологии. Вместе с тем именно от их решения зависит выяснение той культурной и этнической основы, на которой складывалась Северная Русь и ее городские центры. Письменные источники сообщают лишь крайне скупые и отрывочные сведения о событиях последних веков I тысячелетия н. э.[1], а поэтому решающая роль в их освещении принадлежит археологии.

Основным археологическим источником для общих заключений по истории Приильменья рассматриваемого периода являются в настоящее время погребальные памятники — сопки и длинные курганы. Вопрос о этнической принадлежности этих групп древностей все еще остается предметом дискуссии, хотя большинство советских археологов связывают их со славянами (сопки — с новгородскими словенами, длинные курганы — с кривичами), в той или иной степени поглотившими местное балтское и финно-угорское население. Несмотря на определенные успехи, достигнутые за последние десятилетия в изучении сопок и особенно длинных курганов[2], до сих пор остается много неясного не только в отношении их общей этнической оценки, но и в отношении их хронологии, территории распространения, конструктивных особенностей, деталей погребального обряда. Сейчас совершенно ясно, что сопки и длинные курганы как своеобразные типы погребальных сооружений сложились непосредственно на территории лесной зоны Восточной Европы, и в частности в Приильменье, а не были привнесены сюда в готовом виде откуда-то извне. Но означает ли отсутствие сопок и длинных курганов в районах распространения достоверно славянских культур середины I тысячелетия н. э. неславянскую принадлежность этих погребальных памятников? С этим вопросом теснейшим образом переплетается и другая принципиальная проблема — имелось ли накануне образования Древнерусского государства на обширной территории Восточной Европы значительное культурное единство славянского населения или существовали различные группы восточных славян с определенными отличиями в материальной культуре? В конечном счете дискуссии последних лет о расселении славян в лесной зоне Восточной Европы упираются в то или иное понимание исследователями этих общих вопросов.

---

[1] *Куза А. В.* Новгородская земля.— В сб.: Древнерусские княжества X—XII вв. М., 1975, с. 145.

[2] *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки.— МИА, № 6, 1941, с. 93—148; *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена.— МИА, № 6, 1941, с. 9—55; *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, вып. Е1-8. М., 1970; *его же.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8. М., 1974.

Рассмотрим прежде всего некоторые общие моменты концепции И. И. Ляпушкина. Решительно отбросив сопки и длинные курганы как возможные памятники славян, он предложил кардинальное решение проблемы и высказал предположение, что «в лесной зоне достоверно славянскими могильными памятниками времени накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.) следует считать круглые, полусферические курганы с трупосожжением», которые «и по внешнему облику, и по содержанию мало чем отличаются от славянских курганов той же поры смежных лесостепных районов» [3]. В монографии 1968 г. И. И. Ляпушкиным был опубликован каталог таких полусферических курганов лесной зоны [4]. Предположение И. И. Ляпушкина логично включалось в его общую концепцию культурного единства восточнославянского населения накануне образования древнерусского государства и в общем плане было поддержано М. И. Артамоновым [5].

На первый взгляд гипотеза И. И. Ляпушкина действительно представлялась весьма плодотворной и успешно разрешающей основные спорные вопросы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы. Казалось, остается лишь подтвердить ее дальнейшими конкретными разработками, тем более что исходная база для такого анализа была создана самим И. И. Ляпушкиным в виде опубликованного каталога курганов. И все же эта гипотеза широкого признания среди исследователей не получила. В настоящее время ее отстаивают только Г. С. Лебедев и в определенной степени В. А. Булкин [6]. В то же время точка зрения о славянской, в своей основе, принадлежности длинных курганов и сопок получила дополнительные обоснования в исследованиях В. В. Седова [7].

В связи с создавшимся положением необходимо достаточно определенно ответить на вопрос о том, существовала ли на Северо-Западе России в конце I тысячелетия н. э. одновременно с сопками и насыпями культуры длинных курганов противостоящая им особая группа полусферических курганов с сожжениями, о которой писал И. И. Ляпушкин.

На территории лесной зоны Восточной Европы полусферические курганы с сожжением очень часто находятся в одних группах с насыпями других форм — длинными, четырехугольными, комбинированными и др. И. И. Ляпушкин в свой каталог включал полусферические курганы из таких смешанных могильников, считая, что генетической связи между курганами различных типов нет [8]. Этот вывод находится в противоречии с наблюдениями всех исследователей, обращавшихся к изучению длинных курганов.

Еще в 1903 г. А. А. Спицын, подводя первые итоги изучения длинных курганов, пришел к выводу, что «не может быть никаких сомнений, что длинные псковские курганы принадлежат той же народности и тому же времени, как и древнейшие местные курганы обычной круглой фор-

[3] *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VII—IX вв.).— В сб.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 134.

[4] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.).— МИА, № 152, 1968, с. 97—110.

[5] *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— В сб.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 63—68.

[6] *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии.— В сб.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 90—95; *его же.* Новые данные о длинных курганах и сопках.— В сб.: Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977, с. 37—46; *его же.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978; *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жальники.— В сб.: Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978, с. 152—163.

[7] *Седов В. В.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163, 1970; *его же.* Новгородские сопки; *его же.* Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря.— In: Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, 1970, S. 11—23; *его же.* Длинные курганы кривичей.

[8] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы..., с. 94, 95 и каталог.

мы...[9]. Н. Н. Чернягин в 1941 г. также отмечал, что «длинные курганы, как и удлиненные, четырехугольные, серповидные и т. д., представляют собой лишь различные формы коллективных курганов, синхроничные и однородные многим круглым» [10]. В 1974 г. В. В. Седов, разбирая аргументацию И. И. Ляпушкина, показал, что в конечном итоге И. И. Ляпушкин, исходя из общей концепции о единстве восточнославянской культуры, отделял полусферические курганы от прочих типов насыпей во многом лишь по их внешнему виду, не приняв во внимание закономерного вхождения в одни могильники курганов различных форм и не учитывая единства их погребального обряда и инвентаря. В длинных курганах, полагает В. В. Седов, «хоронило умерших то же население, которое позднее, а некоторый отрезок времени одновременно, сооружало круглые погребальные насыпи» [11]. В настоящее время все исследователи независимо от расхождения в своих общих взглядах на этническую принадлежность длинных курганов (В. В. Седов, Е. А. Шмидт, С. К. Лаул, Э. Ю. Тыниссон, М. Э. Аун, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин) считают, что население, сооружавшее длинные курганы, возводило курганы и других форм (хотя взгляды исследователей на хронологическое соотнесение различных типов насыпей отличаются) [12]. Именно поэтому следует говорить о культуре длинных курганов, включающей насыпи разных типов.

Совершенно ясно, что в каталог И. И. Ляпушкина оказались широко включенными полусферические насыпи культуры длинных курганов. В одном лишь Ильменском бассейне (бассейны рек Мсты, Полы и Ловати) из 29 курганных групп, учтенных в каталоге, в 18 известны длинные курганы [13], а в одной сопки [14], и при этом нет никакой уверенности, что эти данные окончательны. Такая же картина наблюдается и в других районах.

Г. С. Лебедев, поддерживая мнение И. И. Ляпушкина о сопках и длинных курганах как памятниках неславянских и о полусферических курганах как о противостоящих им славянских древностях, значительно сужает источниковедческую основу концепции И. И. Ляпушкина, предполагая, что «особую группу памятников» составляют не все могильники, учтенные в каталоге И. И. Ляпушкина, а лишь те из них, которые состоят «только из круглых курганов, с сожжением» [15]. Для территории Новгородской, Псковской и юга Ленинградской области Г. С. Лебедев из каталога И. И. Ляпушкина вычленяет 36 таких могильников [16]. Все они располагаются в тех же районах, что и группы с круглыми и длинными насыпями, часто в непосредственной близости с ними и в тех же топографических условиях. По подсчетам Г. С. Лебедева, в курганах из

---

[9] *Спицын А. А.* Удлиненные и длинные русские курганы.— ЗОРСА, т. V, вып. I, 1903, с. 198.

[10] *Чернягин Н. Н.* Ук. соч., с. 95.

[11] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 36—39.

[12] *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 224—229; *Лаул С.* Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1971, № 3, с. 325; *Тыниссон Э.* Монография о длинных курганах.—Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1976, № 3, с. 301; *Аун М.* Исследование курганов в Пыльваском районе.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1976, № 1, с. 63; *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 40; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Ук. соч., с. 21, 22.

[13] Березовый Рядок, Потерпилицы (Плесо) — Крюково и Сопочный Бор, Подол, Кончанское, Дубровка, Низовка, Далево, Жерновка, Полищи, Глазова, Подсосонье, Обрынь, Липицы, Бологово, Сатонкино (2 группы), Борисоглеб. Длинные курганы в 14 из этих пунктов учтены в своде В. В. Седова (*Седов В. В.* Длинные курганы..., № 192, 193, 201, 202, 205, 210—212, 215, 221—223, 227, 228); в 4 пунктах они известны по данным обследований последних лет.

[14] Хозюпино (*Седов В. В.* Новгородские сопки, № 99).

[15] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 41; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Ук. соч., с. 74.

[16] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники..., с. 74, 75.

17 могильников обнаружены захоронения по обряду сожжения, а в остальных 19 курганных группах погребений при раскопках вообще не найдено [17].

Никаких критериев для выделения 36 могильников с круглыми курганами в особую группу Г. С. Лебедев не приводит. Таких критериев просто нет. Об этом говорит хотя бы то, что уже сейчас мы можем указать на наличие в 10 из этих могильников длинных курганов, а в одном — сопок [18]. Таким образом, число могильников только с круглыми курганами сразу сокращается до 25. При неотчетливости сведений о целом ряде курганных групп нельзя исключать, что и в некоторых из этих 25 могильников при новых обследованиях будут открыты курганы различных форм. С другой стороны, известны могильники, состоящие только из полусферических насыпей культуры длинных курганов [19].

Итак, на территории бассейнов Чудского и Ильменского озер, в Верхнем Полужье и в сопредельных районах действительно имеются полусферические курганы с сожжениями, а некоторые могильники состоят исключительно из таких насыпей, но мы не знаем, вопреки мнению И. И. Ляпушкина и Г. С. Лебедева, никаких особых типов полусферических курганов, отличающихся от курганов, сооруженных носителями культуры длинных курганов и сопок, а также потомками этого населения.

Таким образом, в настоящее время общие построения И. И. Ляпушкина для рассматриваемых районов лесной зоны Восточной Европы не имеют под собой достаточной источниковедческой основы. Исследователи, поддерживающие мнение И. И. Ляпушкина, теперь не вправе ограничиваться простой ссылкой на его каталог курганов, а должны предложить новое фактическое обоснование гипотезы.

Для территории Верхнего Поднепровья источниковедческий анализ каталога курганов И. И. Ляпушкина провел В. А. Булкин. Он пришел к заключению, во многом аналогичному сделанному нами, о том, что в каталог И. И. Ляпушкина в значительном числе попали насыпи из групп с длинными курганами и именно поэтому «перечни использованных курганных могильников» для составления свода полусферических курганов И. И. Ляпушкина и свода длинных курганов В. В. Седова «совпадают». По мнению В. А. Булкина, «более оправданным» было бы выделение целых могильников, состоящих из круглых курганов с сожжением и с лепной керамикой [20].

Итак, в настоящее время мы не знаем на северо-западе лесной зоны погребальных памятников, синхронных и убедительно противостоящих сопкам и насыпям культуры длинных курганов, если эти группы древностей считать не славянскими.

Наиболее полные каталоги сопок и длинных курганов и карты их распространенения составлены сейчас В. В. Седовым. По его данным, «основным районом распространения сопок является бассейн оз. Ильменя» (здесь зафиксировано 337 из 479 известных могильников), а «остальные сопки стоят главным образом в верховьях Луги и Плюссы, а также в системе верхнего и среднего течения р. Мологи, т. е. в районах, непосредственно примыкающих к Ильменскому бассейну. Вне этой территории известны весьма немногочисленные и разрозненные насыпи, которые порой

---

[17] Там же, с. 75.

[18] Длинные курганы известны в пунктах Лапина, Шильско, Чернея, Селянь, Полищи, Глазова, Потерпилици (Плесо) — Крюково и Сопочный Бор, Кончанское, Жерновка; сопки зафиксированы в пункте Хозюпино.

[19] *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5994, с. 25—27, 29 и № 5994а, рис. 88; *Конецкий В. Я.* Отчет о работах отряда Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника в 1978 г. Архив ИА АН СССР; *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки, с. 115, № 241.

[20] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Ук. соч., с. 41, 43.

лишь условно могут быть классифицированы как сопки»[21]. «Основная территория распространения длинных курганов приходится на бассейны р. Великой и Псковского озера, а также на верховье р. Луги и верхние части Западнодвинского и Днепровского бассейнов. В других местах могильники с валообразными насыпями сравнительно малочисленны. Они известны в бассейнах рр. Плюссы, Луги, Мсты, Полы, Волги. Единичные могильники зафиксированы в верховьях рр. Вилии и Гауи». «В целом же,— по мнению В. В. Седова,— ареалы длинных курганов и новгородских сопок различны и вплотную соприкасаются друг с другом»[22].

Иной точки зрения на распространение указанных групп древностей придерживается Г. С. Лебедев. Он считает, что их ареалы «в значительной мере накладываются друг на друга» и «сосуществование сопок и длинных курганов в той или иной мере прослеживается всюду в местах распространения длинных курганов северной (псковско-новгородской) группы»[23]. Карт такого распространения сопок и длинных курганов Г. С. Лебедев не приводит.

Остановимся первоначально на вопросе о территории, занимаемой сопками. В статье 1974 г. мы уже отмечали необходимость учета сопок по течению р. Сяси, не вошедших в свод В. В. Седова. По нашему мнению, требует уточнения южная граница ареала сопок, прежде всего в бассейне Западной Двины[24]. Можно также ожидать открытия целого ряда новых пунктов в некоторых других районах, целенаправленные обследования которых начаты лишь в последние годы. Но при всех возможных дополнениях очевидно, что основным районом широкого распространения сопок является прежде всего бассейн Ильменя. В то же время Ильменский бассейн считается районом, где известны лишь единичные группы с длинными курганами. В своде длинных курганов В. В. Седов отметил, что они, по всей вероятности, «отражают проникновение отдельных групп населения, оставившего длинные курганы, на территорию словен»[25]. Новейшие археологические исследования вносят существенные коррективы в карту распространения длинных курганов и заставляют пересмотреть общие представления о территориальном соотношении длинных курганов и сопок.

Во время разведок новгородских краеведов, в первую очередь Г. И. Ивановского и М. М. Аксенова, а особенно при обследованиях, проведенных В. Я. Конецким, В. В. Мильковым, С. Н. Орловым, Г. Н. Прониным и нами, в бассейнах рек Полы и Мсты, а также р. Мологи (в пределах Новгородской области) зафиксировано 67 местонахождений длинных курганов[26] (рисунок). В могильниках у оз. Крюково, на

---

[21] *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 9, и табл. 1.

[22] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 11 и табл. 1, 3.

[23] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 45; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Ук. соч., с. 63.

[24] *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли.— ВИД, т. VI, 1974, с. 227—229, 230.

[25] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 11.

[26] Картотека НИМ; *Орлов С. Н.* Отчет о раскопках 1964—1965 гг. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3027, 3027а; 1966 г., р-1, № 3278, 3278а; 1971 г., р-1, № 4517, 4517а; *Мильков В. В.* Отчет об охранных раскопках в районе Полищи — Кулотино в 1974 г. Архив НИМ; *его же.* Отчет о проведении археологических разведок в Окуловском районе Новгородской области в 1977 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6638, 6638а; *его же.* Отчет о проведении археологических разведок в Окуловском районе Новгородской области в 1978 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 7147; *Мильков В. В., Пронин Г. Н.* Отчет о проведении археологической разведки в Холмском и Маревском районах Новгородской области. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6872, 6872а; *Носов Е. Н.* Ук. отчет за 1975 г.; 1976 г., р-1, № 6076, 6076а; *Конецкий В. Я.* Отчет о разведках в Крестецком районе Новгородской области в 1976 г. Архив НИМ; *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Новгородского отряда ИА АН СССР 1976 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6478, 6478а—г; 1977 г., р-1, № 6236, 6236а — в.

оз. Съезжем и у станции Кабожа С. Н. Орловым, Е. Н. Носовым и Г. Н. Прониным предприняты раскопки длинных курганов [27].

Могильники, включающие длинные курганы, образуют скопления на правобережье р. Явони, в районе р. Перетны и озер Боровно, Перетно и Окуловского, у оз. Крюково близ г. Боровичи, а также по берегам карстовых озер к северо-востоку от Боровичей. В других местах бассейнов Мсты, Полы и притоков Мологи могильники с длинными курганами расположены более редко, но обычно несколько подобных могильников находятся поблизости друг от друга.

Большинство длинных курганов входит в состав небольших курганных групп, насчитывающих до 10 или 20 погребальных насыпей (соответственно 35 и 17 могильников). Известны и более крупные могильники (9), состоящие из нескольких десятков насыпей. Среди них самая значительная группа расположена у дер. Полищи на р. Перетне. В ее составе 101 курган — 62 круглых и 39 длинных и удлиненых. В рассматриваемом районе известно также 6 одиночных длинных курганов.

Таким образом, в бассейнах Мсты, Полы и левых притоков Мологи длинные курганы отнюдь не единичны, как представлялось до последнего времени, а являются массовыми памятниками, типичными для этой территории. Число известных здесь длинных курганов будет, безусловно, пополнено, поскольку обследования Ильменского бассейна еще не завершены. Гораздо больше длинных курганов, очевидно, и в междуречье верхней Мсты и Волги, но, к сожалению, В. А. Мальм и М. В. Фехнер, проводившие раскопки в этом районе, дали недостаточно четкие описания форм насыпей, введя особое обозначение — «прямоугольные курганы», что затрудняет пользование их материалами [28]. Новые пункты с длинными курганами обнаружены на Верхней Волге [29]. Происходит также постоянное открытие новых местоположений длинных курганов в районах, где насыпи подобного типа были известны и ранее. Так, к примеру, в Верхнем Полужье В. В. Седов в своде 1974 г. учел семь групп с длинными курганами в пяти пунктах, а сейчас на этой территории мы знаем 18 таких могильников и одиночных насыпей [30].

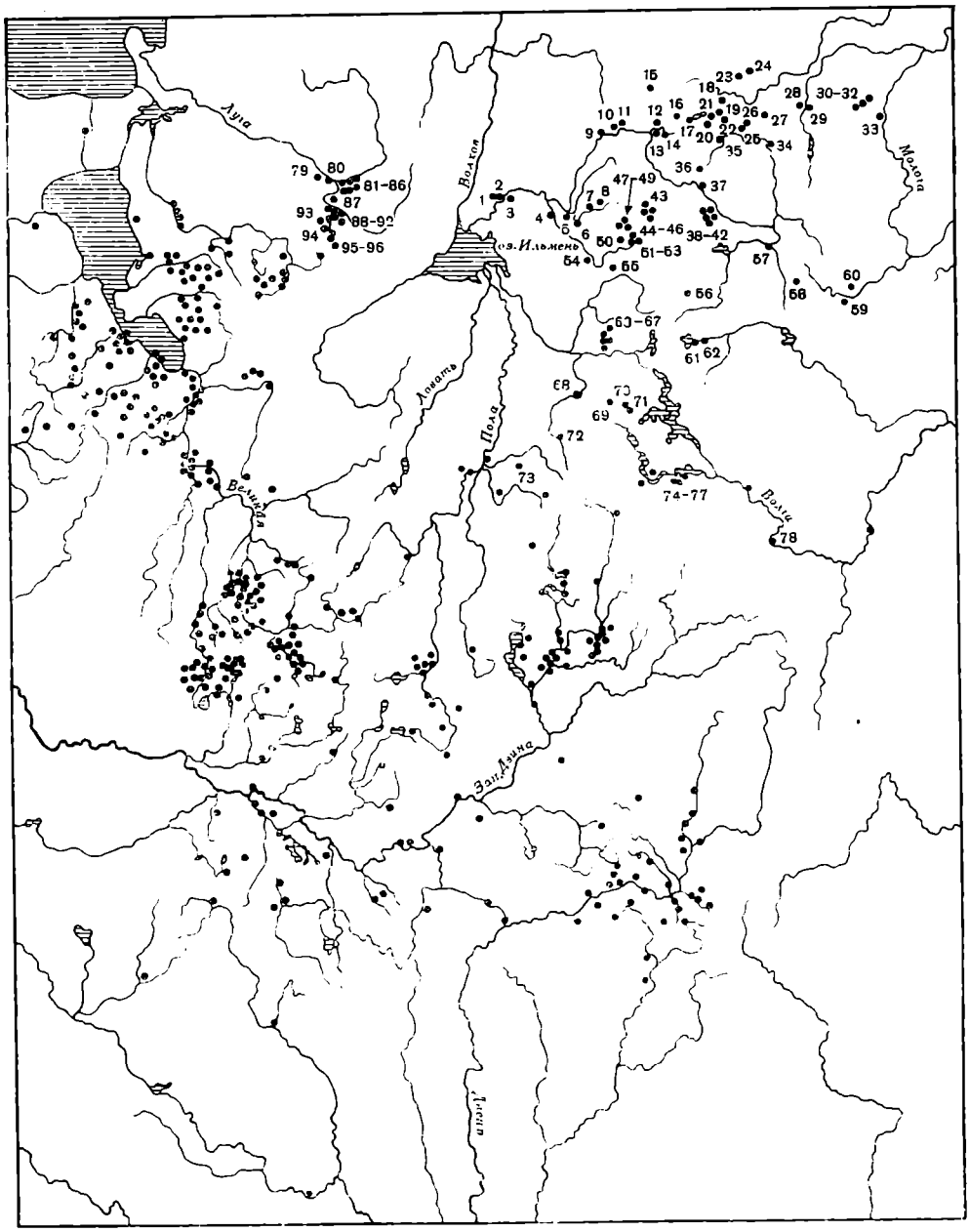
Приведенные данные свидетельствуют о том, что во второй половине I тысячелетия н. э. население, оставившее насыпи культуры длинных курганов, заселяло обширные пространства лесной зоны Восточной Европы — от бассейна Псковского озера на западе до левых притоков Мологи на востоке и от верхней Луги на севере до Верхнего Поднепровья на юге. Область же, занятая населением, сооружавшим сопки, была гораздо у́же и охватывала прежде всего Ильменский бассейн с прилегающими районами. Здесь ареалы сопок и длинных курганов в значительной части накладывались друга на друга. Для бассейнов рек, впадающих в Псковское озеро (Великой, Желчи, Черной, Пизы, Выханды, Ахьи),— территории массового расположения длинных курганов северной группы,

[27] *Орлов С. Н.* Памятники кривичей в среднем течении реки Мсты.— АО — 1972. М., 1973, с. 32, 33; *Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л.* Исследование комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области.— АО — 1976. М., 1977, с. 25, 26; *Пронин Г. Н.* Работы Новгородского отряда.— АО — 1976. М., 1977, с. 30, 31.

[28] *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Об этническом составе населения верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н. э.— В сб.: Экспедиции государственного исторического музея. М., 1969, с. 159—188.

[29] *Харитонов Г. В.* Отчет о разведывательных работах, проведенных на территории Селижаровского, Ржевского, Старицкого и Калининского районов Калининской области в 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5466, 5466а; *Бодунов Е. В.* Отчет о разведках и раскопках, произведенных в 1976 г. в Калининской области в составе историко-археологической экспедиции Калининского гос. университета. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6754.

[30] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 51, № 183—187, табл. 1. Г. С. Лебедев в 1974 г. отмечал в Полужье 12 могильников с длинными курганами, а в 1977—1978 гг. Ю. М. Лесман открыл еще 6 новых пунктов (*Лебедев Г. С.* Длинные курганы Верхнего Полужья.— КСИА АН СССР, № 139, 1974, с. 69, 70, рис. 21; *Лесман Ю. М.* Разведочные работы в Верхнем Полужье.— АО — 1977. М., 1978, с. 21, 22).



Карта распространения могильников с длинными курганами (на основе карты В. В. Седова с новыми дополнениями). *1, 2* — Рышево I и II; *3* — Кобылья Голова; *4* — Далево; *5* — Жерновка; *6* — Вороново; *7* — Низовка — Дубровка; *8* — Низовка; *9* — Сорочино; *10* — Наволок; *11* — Селище; *12* — Княжее Село; *13, 14* — Квасильниково — Моревское I и II; *15* — Мачеха; *16* — Хвошня; *17* — Ерошаты (Никандрово); *18* — Ракитно; *19* — Опарино; *20* — Ореховое I; *21* — Ореховое II; *22* — Съезжее; *23* — Заполье; *24* — Обечище — Шварково; *25* — Гусево I; *26* — Гусево II; *27* — Шилово; *28* — Левоча; *29* — Кабожа — Левоча; *30—32* — Климовщина — Сорокино, Климовщина I и II; *33* — Братское (Пестово); *34* — Столбово; *35* — Кончанское; *36* — Люто; *37* — Черемошье; *38—42* — Крюково I—III, Крюково-Плесо, Крюково-Потерпилицы; *43* — Полищи-Кулотино; *44—46* — Камака I и II, Окуловское (Глазова); *47—49* — Перетно I и II, Завод; *50* — Хирики; *51—53* — Горнешное I и II, Котчено; *54* — Старая Болотница; *55* — Подцепиха; *56* — Новая Ситенка; *57* — Березовый Рядок; *58* — Пуйга; *59* — Шихино; *60* — Молдино; *61* — Яхново; *62* — Яблонька; *63—67* — Липицы, Обрынь, Подсосонье, Беляевщина, Новинка; *68* — Новая Русса; *69* — Горки; *70—71* — Мамоновщина I и II; *72* — Овсянниково; *73* — Высокое; *74—77* — Тухачево, Девичье I—III; *78* — Киселево; *79* — Сытенка — Островенка; *80* — Сытенка; *81—86* — Мерево, Мерево-Бетково I и II; Поддубье, Заполье, Келла; *87* — Замошье; *88—92* — Естомичи, Рапти (Богатырь), Рапти (Фазанник), Рапти — Наволок I и II; *93—94* — Лопанец, Ретюнь; *95—96* — Березицы, Париши

сопки не характерны (наличие нескольких указанных В. В. Седовым пунктов не меняет общей картины). Все это не позволяет согласиться ни с традиционной точкой зрения, поддерживаемой В. В. Седовым, о том, что «ареалы длинных курганов и новгородских сопок различны и вплотную соприкасаются друг с другом» [31], ни с утверждением Г. С. Лебедева о сосуществовании сопок и длинных курганов «всюду в местах распространения длинных курганов северной (псковско-новгородской) группы» [32].

Значительный интерес представляет вопрос о топографическом, культурном и хронологическом соотношении длинных курганов и сопок в Приильменье — районе, где известны оба типа памятников. Как правило, сопки располагаются на берегах рек и озер в непосредственной близости от воды, в тех местах, где рельеф местности достаточно разработан и имеются обширные поймы и хорошо дренированные террасы. При этом определяющим является именно рельеф, а не величина реки. При характеристике сопок Н. Н. Чернягин справедливо отметил, что «существеннейшими их признаками являются неизменная связь с водой и расположение — или одиночное или цепью нескольких насыпей, иногда состоящей из ряда звеньев» [33]. Большинство сопок топографически составляет единые комплексы с находящимися рядом с ними поселениями [34].

Топография могильников с длинными курганами совсем иная. Большинство из них располагается в стороне от водоемов на расстоянии до нескольких километров, на песчаных возвышенностях в сухих сосновых борах. Обычно и сами могильники, и длинные курганы вытянуты вдоль лесных дорог. Могильники почти всегда сосредоточены в бассейнах малых рек и у лесных озер и редко встречаются на крупных водных артериях. Поиски поселений населения культуры длинных курганов затруднены из-за отдаленности многих могильников от водоемов. Несколько селищ открыты рядом с теми курганными группами, которые находились поблизости от воды. Топография поселений, связанных с сопками и с длинными курганами, отражает различную специфику хозяйственной деятельности их обитателей. Если основным занятием носителей культуры сопок было земледелие, то в отношении населения, оставившего длинные круганы, этого сказать в полной мере нельзя.

Намечается ряд территориально обособленных микрорегионов, где доминируют сопки или могильники, включающие длинные курганы, на что уже обращал внимание В. Я. Конецкий [35]. Так, особенно отчетливо выделяется район среднего течения р. Мсты, где на участке общей протяженностью около 85 *км*, между устьями притоков Мсты — рек Хубы и Мды, находятся исключительно сопки, а могильники с полусферическими курганами, в том числе длинными, известны ниже или выше по течению Мсты от этого района, а также по рекам Волме и Хубе. Точно такая же картина прослеживается и в Полужье. Здесь сопки встречаются по всему верхнему течению р. Луги, а все длинные курганы сосредоточены в районе озер Врево и Черменецкое и на прилегающем участке р. Луги. Только сопки зафиксированы по берегам Шелони и в нижнем и среднем течении р. Ловати, но, с другой стороны, в окрестностях озер Боровно, Перетно, Окуловское встречено много пунктов с длинными курганами, а сопки единичны.

Различия в расположении длинных курганов и сопок по отдельным микрорегионам и по топографии вполне согласуются с мнением подавляющего большинства исследователей (А. А. Спицына, Н. Н. Чернягина, П. Н. Третьякова, В. В. Седова и др.) о существенном отличии рассмат-

[31] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 14.

[32] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Ук. соч., с. 63.

[33] *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки, с. 96.

[34] *Носов Е. Н.* Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 8—10, 19, 20.

[35] *Конецкий В. Я.* К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Мсты.— В сб.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 83—85.

риваемых погребальных памятников. Иную позицию занимает Г. С. Лебедев, по мнению которого, «пока нет достаточных оснований для резкого разграничения „культуры сопок" и „культуры длинных курганов" на значительной части ареала тех и других» и оба типа погребальных памятников в центральных районах Северо-Запада «развиваются одновременно и на близкой культурной основе» [36]. Г. С. Лебедев полагает, что «до появления обычая воздвигать курганы население рассматриваемой территории Северо-Запада составляло особую однородную археологическую культуру — „предкурганную"» [37].

Во многом основой для подобных заключений Г. С. Лебедева послужили материалы его раскопок в 1972 г. сопки у дер. Репьи на берегу Черменецкого озера в Верхнем Полужье, представлявшей собой, по мнению автора, «классический образец такого рода насыпей» [38]. Рассмотрение конструкции кургана, погребального обряда и инвентаря захоронений позволило Г. С. Лебедеву сделать выводы о начале сооружения сопок одновременно с длинными курганами в VI—VII вв., о сходстве материальной культуры длинных курганов и древнейших сопок и возведении сопок вплоть до позднего средневековья. Предложенная Г. С. Лебедевым интерпретация исследованного памятника весьма спорна.

Сопка имела высоту 3,7—3,8 *м*, диаметр 18—20 *м*, уплощенную вершину, и с южной стороны до раскопок была заметна каменная вымостка (венец). Г. С. Лебедев установил несколько этапов возведения насыпи. Первоначально был сооружен круглый в плане курган высотой 1,3 *м* и диаметром 13—15 *м*. В его основании было зафиксировано кострище с несколькими скоплениями кальцинированных костей и инвентарем, характерным для длинных курганов. Г. С. Лебедев датировал первый этап сооружения насыпи VI—VII вв. Позднее на вершине и склоне первоначальной насыпи были совершены новые погребения по обряду сожжения. При этом высота насыпи достигла 2,3 *м*, диаметр 16—17 *м* (в статье 1978 г. указана высота 2,3—2,7 *м*, диаметр 14—16 *м* [39]). Погребения этого этапа отнесены автором к VIII—X вв.

В дальнейшем на поверхности кургана и у его основания были совершены 26 трупоположений (одно на вершине, остальные по южному и западному склонам и вокруг основания) [40]. Все трупоположения были «перекрыты сплошной каменной вымосткой из валунов и плит, начинавшейся от основания и поднимавшейся с юга почти до середины склона», которая, как предполагает Г. С. Лебедев возможно, «образовалась в результате ряда последовательных захоронений» [41]. Все погребения безынвентарные (на их уровне найдена лишь бронзовая спираль в полтора оборота). На камнях обнаружена позднесредневековая гончарная керамика. В предварительной информации о раскопках она была отнесена к XIII—XV вв.[42] В очерке по археологии Ленинградской области (1977 г.) датирована XIII и в основном XIV—XV вв.[43] В публикации 1977 г. последний этап сооружения насыпи «по находкам керамики среди камней» был отнесен Г. С. Лебедевым к XI—XIV вв.[44] В статье 1978 г.

---

[36] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 46.

[37] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Ук. соч., с. 62—64, 97.

[38] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 42. О результатах раскопок см. также: *Лебедев Г. С. и др.* Раскопки под Лугой.— АО — 1972. М., 1973, с. 22, 23; *его же.* Археологические памятники..., с. 89—97; *его же.* Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье.— КСИА АН СССР, № 155, 1978, с. 93—99.

[39] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 44; *его же.* Сопка..., с. 94; *Лебедев Г. С. и др.* Раскопки под Лугой, с. 23.

[40] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 44; *его же.* Археологические памятники..., с. 91—93; *его же.* Сопка..., с. 94.

[41] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 44, 45.

[42] *Лебедев Г. С. и др.* Раскопки под Лугой, с. 23.

[43] *Лебедев Г. С.* Археологические памятники, с. 94.

[44] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 45.

автор датировал гончарную посуду XII—XIV вв. и заключил, что «судя по встреченной выше камней керамике, погребения появились не позднее XII—XIII вв.»[45]

Рассмотрим первоначально курган в Репьях на стадии его двух первых этапов сооружения. К концу второго этапа была возведена достаточно высокая насыпь, содержащая целый ряд трупосожжений, древнейшие из которых сопровождались инвентарем, типичным для длинных курганов. Насыпь никаких каменных конструкций не имела. Анализ состава могильников с длинными курганами псковско-новгородской группы показывает, что во многих из них наряду с длинными и удлиненными встречаются насыпи и других форм — полусферические, образующие наиболее многочисленную группу, четырехугольные, плоские блинообразные, комбинированные. Отдельные полусферические курганы иногда достигают 1,5—2 *м* высоты, редко несколько выше. При описании памятников исследователи обычно называют такие курганы в сравнении с окружающими «сопкообразными». Эти высокие курганы в группах с длинными, как правило, единичны, имеют хорошо выраженные ровики у основания, и в них не прослеживается каменных венцов и обкладок. В Ильменском бассейне примерами могильников с высокими насыпями могут служить группы Рышево II, Кобылья Голова, Селище, Камака II, Полищи, Окуловская (Глазова). Точно такая же картина наблюдается в юго-восточной Эстонии, где культура длинных курганов сейчас изучена наиболее полно. На этой территории, как отмечает М. Аун, в состав могильников с длинными насыпями входят и единичные высокие курганы, наибольший из которых у дер. Пайдра в бассейне р. Выханды достигает высоты 2,4 *м* при диаметре 20 *м*[46].

При раскопках могильников культур длинных курганов высокие насыпи, имеющиеся в некоторых из них, не привлекали специального внимания исследователей. В 1915 г. А. А. Спицыным были опубликованы находки, характерные для длинных курганов псковско-новгородской группы, из такого высокого кургана в могильнике у дер. Горско (бассейн р. Плюссы). Предметы были собраны «на верху сравнительно высокого кургана (до 1 $^1/_2$ саж. вышины)», входившего в состав курганной группы, включавшей также и «продолговатые» насыпи[47]. В 1978 г. этот могильник был обследован Н. В. Хвощинской. В курганной группе, расположенной в сосновом бору и вытянутой вдоль лесной дороги, насчитывается 8 длинных и 16 полусферических насыпей. Большинство полусферических курганов имеет высоту 0,4—0,8 *м*, два — 1,3 и 1,5 *м* и один — 2 *м*[48]. Вещи, изданные А. А. Спицыным, и были найдены на вершине самого значительного кургана, вокруг которого имеется ровик. В древности высота кургана была несколько больше 2 *м*, но ненамного, так как диаметр насыпи всего 15 *м*, что соответствует указанию А. А. Спицына о ее высоте до 3 м. Составляя свод сопок и длинных курганов, Н. Н. Чернягин в 1941 г., ссылаясь на публикацию А. А. Спицына, ошибочно указал, что высота насыпи достигала 5 *м*[49]. В. В. Седов в своде сопок повторил эту неточность. Он отмечал, что «нет уверенности в том, что горский курган с описанными находками был новгородской сопкой»[50]. В настоящее время, учитывая структуру могильника Горско, его топографию и коррективы высоты кургана, можно полагать, что рассматриваемый курган является высокой насыпью культуры длинных курганов

---

[45] *Лебедев Г. С.* Сопка..., с. 93, 94.

[46] *Аун М. Э.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на юго-востоке Эстонии. Доклад на заседании сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР 15 марта 1979 г.

[47] *Спицын А. А.* Археологический альбом.— ЗОРСА, 1915, т. XI, с. 238, 241, рис. 34.

[48] По сообщению Н. В. Хвощинской.

[49] *Чернягин Н. Н.* Ук. соч., с. 100, № 32.

[50] *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 28, 47, № 383.

и высказанные В. В. Седовым сомнения в его принадлежности к сопкам были совершенно справедливы. По нашему мнению, курган в Репьях, достигший к X в. высоты 2,3—2,7 *м* при диаметре 16—17 м, являлся такой же высокой насыпью культуры длинных курганов, как курган в могильнике Горско и высокие курганы из других аналогичных групп. К собственно новгородским сопкам, т. е. к высоким насыпям с трупосожжениями, сложными каменными конструкциями и специфическим погребальным обрядом, разбросанным по одиночке или небольшими группами по берегам рек и озер центральных районов Новгородской земли, курган в Репьях отношения не имеет.

Курган был досыпан до значительных размеров в позднем средневековье в связи с совершением трупоположений на его склонах у основания. Г. С. Лебедев справедливо указал, что «нет никаких сомнений в том, что последний этап сооружения сопки связан и синхронен с курганно-жальничным могильником, расположенным вокруг нее» [51]. В статье 1977 г. он датировал этот этап в целом XI—XIV вв., а в работе 1978 г. отметил, что трупоположения появились не позднее XII—XIII вв.[52] Судя по полному отсутствию при погребенных сопровождающего инвентаря, что не характерно для захоронений XI и даже XII вв., по наличию в обкладке наряду с валунами плитняка — черты, не свойственной ранним жальникам, а также на основании найденной на камнях позднесредневековой керамики, трупоположения на склонах кургана и у его оснований должны быть отнесены, на наш взгляд, ко времени не ранее XIII в.

Таким образом, между совершенными в кургане Репьи трупосожжениями и трупоположениями существует значительный хронологический разрыв. Материалы раскопок кургана не дают оснований для вывода, сделанного Г. С. Лебедевым, о том, что сопки непрерывно сооружались вплоть до глубокого средневековья [53]. В данном случае мы просто имеем дело с еще одним примером того, что средневековые кладбища очень часто тяготеют к местам более древних могильников. Иногда эти кладбища располагаются рядом с сопками и курганами, иногда устраиваются прямо на них, разрушая порой почти до основания, а на репьевском кургане поздние захоронения сопровождались досыпкой насыпи. Сам факт такого совместного нахождения заслуживает внимания, но с вопросом о конструктивных особенностях сопок и длинных курганов как типов погребальных памятников он прямым образом не связан.

Итак, по нашему мнению, высокий курган в Репьях не может рассматриваться как связующее звено между культурами сопок и длинных курганов и привлекаться для доказательства существования некоего «предкурганного» единства, как полагает Г. С. Лебедев. Все имеющиеся пока факты говорят о довольно существенном различии культуры длинных курганов и сопок. Это и отличия ареалов этих типов погребальных памятников на всей территории лесной зоны Восточной Европы, которые совмещаются лишь в Ильменском бассейне и в сопредельных районах, и различия в топографии сопок и длинных курганов, и их обособленное размещение внутри некоторых микрорегионов, и особенности конструкции, погребального обрядка и инвентаря.

В последние годы нами были предприняты специальные поиски поселений рядом с погребальными памятниками второй половины I тысячелетия н. э. и раскопки нескольких таких селищ, которые показали, что керамические комплексы поселений, расположенных вблизи сопок и длинных курганов, имеют существенные отличия. На селищах рядом с сопками преобладает керамика «ладожского типа» — хорошо профилированные горшки с четкими плечиками, часто ребрами при переходе от

---

[51] *Лебедев Г. С.* Новые данные..., с. 45.
[52] *Там же*; *Лебедев Г. С.* Сопка..., с. 94.
[53] *Лебедев Г. С.* Археологические памятники..., с. 94.

горловины к тулову, а на селищах вблизи длинных курганов сосуды имеют в основном слабопрофилированные и баночные формы. Проявляются и некоторые отличия в домостроительстве.

Большой интерес представляет определение хронологического соотношения сопок и длинных курганов.

Суммируя сведения о находках в длинных курганах, В. В. Седов показал, что начало сооружения длинных курганов псковско-новгородской группы относится к VI—VII вв., а последние захоронения в них датируются VIII—IX вв. В. В. Седов считает IX век временем массового прекращения захоронений в длинных курганах. Потомки населения, их сооружавшего, в IX—X вв. хоронят своих умерших по обряду трупосожжения уже всецело в круглых полусферических курганах [54].

В. В. Седов предполагает, что обычай сооружать длинные погребальные насыпи зародился на Псковщине, где имеются наиболее ранние курганы. По его мнению, «исходным типом, по-видимому, были захоронения остатков трупосожжений в неглубоких ямках или на поверхности невысоких природных всхолмлений, может быть, удлиненной формы. Расселившись в новой местности (а Псковская земля действительно отличается равнинностью), славяне-кривичи вынуждены были сооружать искусственные погребальные насыпи». В. В. Седов указывает, что «на Псковщине в двух пунктах открыты захоронения в естественных валообразных насыпях» — Городище и Замошье [55]. Следует напомнить и мнение Е. А. Шмидта о том, что «насыпание небольшого холмика — первоначального кургана при сооружении длинной насыпи ведет свое начало, очевидно, также из небольшой земляной присыпки ямки и урны времени грунтового могильника» [56]. Мысль о том, что длинным курганам предшествовали грунтовые захоронения, представляется плодотворной. Правда, пример с курганом Замошье нельзя признать удачным, поскольку, хотя здесь устроители кургана и «остроумно использовали склон площадки», как отмечал А. А. Спицын, все же для погребения была сооружена искусственная насыпь высотой более 0,4 *м* [57].

В 1976 и 1979 гг. при наших раскопках на оз. Съезжем на песчаном всхолмлении рядом с курганной группой, включающей длинные насыпи, были обнаружены грунтовые захоронения с трупосожжениями, образующие единый комплекс с курганами и близлежащим поселением [58]. Такой же грунтовый могильник в нижнем течении р. Мсты (Кобылья Голова) [59] исследовался С. Н. Орловым рядом с поселением и курганной группой, в которую входили удлиненные насыпи. При раскопках Г. П. Гроздиловым удлиненного кургана № 6 в могильнике Лезги поблизости от Изборска «при зачистке у северного конца курагана, вне насыпи под дерном», было открыто грунтовое захоронение в ямке по обряду трупосожжения на стороне с инвентарем, типичным для культуры длинных курганов [60]. В области распространения смоленской группы длинных курганов в могильниках Заозерье, Шугайлово и Кислая Е. А. Шмидтом были открыты бескурганные погребения с вещевым комплексом длинных курганов [61]. На основе изучения погребального обряда населения культуры длинных курганов на территории юго-восточной Эстонии М. Э. Аун

[54] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 34—39.

[55] *Там же*, с. 41; *Седов В. В.* Славяне и племена..., с. 13.

[56] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области.— МИСО, вып. V, 1963, с. 128.

[57] *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии.— ИАК, № 53, 1914, с. 89; об этом упоминает и В. В. Седов в каталоге свода длинных курганов (*Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 51, № 184).

[58] *Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л.* Ук. соч., с. 25.

[59] *Орлов С. Н.* Ук. отчет за 1964—1965 гг.; *его же.* Археологические исследования в низовьях реки Мсты.— СА, 1968, № 3, с. 166, 167.

[60] *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска.— АСб.ГЭ, № 7, 1965, с. 81.

[61] *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области.— АО — 1968. М., 1969, с. 64.

пришла к заключению, что в этом районе длинным курганам предшествовали грунтовые захоронения на специальных погребальных площадках[62]. Таким образом, на всей территории распространения длинных курганов в настоящее время начинает прослеживаться переход от грунтовых могильников к курганным захоронениям.

Хронология сопок в настоящее время разработана хуже, чем длинных курганов. Это связано с тем, что сопки из-за трудоемкости их раскопок в целом изучены гораздо меньше, чем длинные курганы. В итоговом исследовании о сопках В. В. Седов датировал их VII—IX вв., отметив, что эта дата относится к сопкам низовьев Волхова и лишь по некоторым данным может быть распространена на все новгородские сопки[63]. Материалов, позволяющих однозначно датировать захоронения в ладожских сопках VII в., нет. С другой стороны, при раскопках В. П. Петренко последних лет открыты бесспорные погребения X в.[64] Таким образом, на наш взгляд, наиболее обоснованная датировка сопок в низовьях Волхова — VIII—X вв., т. е. то же время, к которому относятся и нижние слои Старой Ладоги (горизонты Е и Д). Временем не ранее X в. на основании находок гончарной керамики датируется сопка № 1 у дер. Золотое Колено в среднем течении р. Мсты[65]. Ко времени не ранее XI в. относится и сопка у дер. Сурики на Средней Мсте, где на вершине насыпи было открыто погребение по обряду трупосожжения на стороне, а среди кальцинированных костей найдена часть медного ложновитого литого браслета, подобного бытовавшим лишь с XI в.[66] По находке призматической восьмигранной каменной (скорее всего, сердоликовой) бусины можно полагать, что погребение на вершине сопки у дер. Селяха на р. Ловати также было совершено не раньше X в.[67] Сопки в бассейне р. Сяси, исследованные А. Колмогоровым, датируются X—XI вв.[68], X в.— сопка у дер. Никольская при впадении р. Шогды в р. Суду, раскопанная А. В. Никитиным[69].

Итак, в настоящее время не вызывает сомнений датировка сопок окрестностей Ладоги VIII—X вв. Общее омоложение верхней даты сопок до X и даже частично XI в. отчетливо подтверждается наличием погребений этого времени и в сопках других районов. В то же время ни в Ладоге, ни в прочих областях в сопках не встречено ни одного бесспорного захоронения VI—VII вв. Памятники, привлекаемые для доказательства ранней даты сопок (Горско, Липицы, Репьи), относятся не к собственно ильменским сопкам, а являются высокими насыпями культуры длинных курганов.

Учитывая «отсутствие датирующих вещей в большинстве раскопанных сопок», Г. С. Лебедев предпринял попытку подойти к хронологическому расчленению сопок на основе типологического анализа обряда[70].

---

[62] *Аун М. Э.* Ук. доклад; *ее же.* Об исследовании длинных курганов в дер. Рысна — Сааре.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1978, № 4, с. 340, 341.

[63] *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 27, 28.

[64] *Петренко В. П.* Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги.— КСИА АН СССР, № 150, 1977, с. 55—62; *Петренко В. П., Конаков Н. Д., Рогачев М. Б.* Некоторые сведения о сопках северного Поволховья.— В сб.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 89.

[65] *Любомиров П.* Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях.— ЗОРСА, т. IX, 1913, с. 231—234.

[66] *Левашова В. П.* Браслеты.— В сб.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 224—226.

[67] *Ивановский Л. К.* Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губернии.— Тр. II АС в СПб., т. 2. СПб., 1881, с. 65; *Спицын А. А.* Сопки и жальники.— ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, с. 147; *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, вып. 33, 1959, с. 152.

[68] *Колмогоров А.* Тихвинские курганы.— Тр. XV АС в Новгороде, т. I. М., 1914, с. 411—434.

[69] *Никитин А. В.* Вологодская и Каргопольская экспедиции.— АО — 1974. М., 1975, с. 27.

[70] *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси..., с. 90, 91.

Г. С. Лебедев выделяет четыре группы сопок, распределяющихся по трем типохронологическим пластам. Картографирование пластов и групп, по мнению автора, «выявляет отступление сопок с юга на север и северо-восток» и появление в ранее занятых ими районах круглых курганов с сожжениями, выделенных И. И. Ляпушкиным в качестве возможно славянских памятников, и городищ с лепной и гончарной керамикой [71].

Гипотеза Г. С. Лебедева источниковедчески не обоснована. Предложенный автором метод сам по себе допустим, но доверять ему можно лишь в том случае, если мы достаточно четко представляем конструктивные особенности и детали погребального обряда всех привлекаемых для исследования памятников, если мы сравниваем равноценные данные. Но именно этого мы о сопках сказать и не можем. Г. С. Лебедев ввел для сравнения отрывочные неоднозначно описанные и вырванные из «контекста» памятников признаки, которые далеко не исчерпывают всех конструктивных особенностей и черт обряда исследуемых сопок, раскопанных траншеями и шурфами. Можно привести множество примеров того, что сопки, деталями устройства которых и чертами обряда активно оперирует Г. С. Лебедев, до сих пор представляют собой в большинстве своем неисследованные насыпи, возвышающиеся на берегах рек Ильменского бассейна (Воймерицы, Золотое Колено, Илемка, Горка и др.). Уместно вспомнить, что, как только В. П. Петренко предпринял полные раскопки «на снос» тех сопок, которые уже исследовал в Старой Ладоге один из лучших русских дореволюционных археологов, Н. Е. Бранденбург, они предстали перед нами совершенно по-новому.

Подведем некоторые итоги рассмотрения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье. В настоящее время в этом районе никакого особого пласта полусферических курганов с сожжениями, противостоящих длинным курганам и сопкам, о котором писали И. И. Ляпушкин и Г. С. Лебедев, неизвестно. Курганы, указанные в каталоге И. И. Ляпушкина, представлены главным образом насыпями культуры длинных курганов.

Территория, которую занимало население культуры длинных курганов, гораздо обширнее, чем обычно предполагалось. Новые материалы показывают, что Приильменье, где ранее отмечались лишь отдельные местонахождения длинных курганов, является областью их плотного распространения. Таким образом, во второй половине I тысячелетия н. э. население культуры длинных курганов размещалось на всей территории лесной зоны Восточной Европы. Сам курганный обряд захоронения сформировался на этой же территории в VI—VII вв., сменив погребения в грунтовых могильниках. Население совершило захоронения как в длинных насыпях, так и в курганах иных типов, а в IX—X вв. круглые полусферические курганы стали господствующими.

Области распространения длинных курганов и сопок располагались не рядом друг с другом, как принято считать в литературе, а совмещались в Приильменье и в сопредельных районах, т. е. на части ареала культуры длинных курганов. Согласно новым данным, можно считать, что сопки сооружались в VIII—X и даже частично в XI в., в то время как захоронения более раннего времени в них неизвестны. Таким образом, культуры сопок и длинных курганов, видимо, представляют собой два хронологических пласта древностей в Приильменье, которые синхронны лишь частично. Представляется, что население, насыпавшее сопки, появилось в Приильменье позднее, чем население культуры длинных курганов. Оно заняло еще не освоенные районы, а также местами селилось чересполосно с населением культуры длинных курганов. Носители культуры сопок составили основную часть жителей Ладоги и Новгорода.

---

[71] *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки..., с. 156, 157; *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси..., с. 91, 92.

Прослеживаются и определенные культурные и хозяйственные различия между двумя рассматриваемыми группами населения. Это различия в территории распространения, топографии, размещения внутри микрорегионов, связи с поселениями, в погребальном обряде и конструкции погребальных сооружений, материальной культуре. Отметим, что если для культуры длинных курганов была характерна слабопрофилированная лепная керамика баночных и тюльпановидных форм, то для культуры сопок — профилированная, часто ребристая, лепная посуда. Говорить о единой «предкурганной» культуре, предшествовавшей сопкам и длинным курганам, как это делает Г. С. Лебедев, нет оснований. Вместе с тем нельзя отрицать и некоторых параллелей между культурами сопок и длинных курганов, особенно на последнем этапе их сосуществования — в X в.

Если рассматривать носителей культуры сопок и длинных курганов в рамках славянского этногенеза, то можно поставить вопрос о ранней волне славянского расселения, приведшей в сложном процессе взаимодействия с различными группами балтского и финно-угорского населения к формированию культуры длинных курганов, характеризующейся достаточно разнородными компонентами материальной культуры, и более поздней и несколько иной по составу волне славянской колонизации, связанной в конечном итоге с населением, сооружавшим сопки [72].

E. N. Nosov

SOME GENERAL ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF THE BURIAL SITES OF THE SECOND HALF OF THE IST MILLENIUM A. D. IN THE ILMEN REGION

Summary

The principal problems of Slavic settling in the Ilmen lake basin are the subject of the article. The most common funeral constructions in the region are long barrows and high conic barrows («sopki»). The most part of archaeologists connect them with the Slavs. During last years a supposition that in the forest zone of the Eastern Europe only small half-spheric barrows with cremations are Slavic, made by I. I. Lyapushkin, found adherents. The author considers, that there are no data to single out such barrows in special group and that the most part of them belong to the culture of long barrows. The territory of this culture was more vast, as it had been considered before, and occupied the forest zone of Eastern Europe. Both long barrows and «sopki» are not in the Ilmen basin. There are certain distinctions between these two cultures, which can be traced in the topography of cemeteries, funeral rites, material culture etc. The «sopki» were erected in the VIIIth — Xth and even XIth centuries A. D. The long barrows appeared in the VIth — VIIth centuries A. D., replacing the burials in ground cemeteries. The author supposes, that the population, which left the «sopki», appeared in the Ilmen basin later, than the population of the long barrows culture. This enables the author to put up a hypothesis about the two waves of the Slavic settlement in the forest zone of the Eastern Europe.

[72] В этой связи напомним мнение Д. А. Мачинского и М. А. Тихановой о том, что «для древнерусского летописца „словенами" были не носители славянского языка в современном значении этого понятия, а прямые потомки дунайских и прикарпатских склавенов — славян». «При возвращении на северо-восток потомки дунайских славян встречали в Восточной Европе как балтские, так и остатки древнего славянского и „балто-славянского" населения, с которым пришельцы вступали в сложные отношения. Не исключено, что в результате этой сложной этнической ситуации сложилась такая группировка, как летописные кривичи, которых „Повесть временных лет" не причисляет к „словенам", пришедшим с Дуная, не объединяет с радимичами и вятичами, пришедшими из Повисленья, и в то же время не решается прямо отнести к неславянским „народам", платящим дань Руси. Эта эпоха расселения в северо-восточном направлении приходится на конец VI—VIII вв.». (*Мачинский Д. А., Тиханова М. А.* О местах обитания и направлениях движений славян I—VII вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам).— ААС, 1976, t. XVI, S. 90, 91; см. также: *Мачинский Д. А.* К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках.— АСб.ГЭ, № 17, 1976, с. 82—100).

А. К. СТАНЮКОВИЧ

ОБ ОДНОМ РЕДКОМ ТИПЕ ДРЕВНЕРУССКИХ УКРАШЕНИЙ
(трефовидные привески)

В 1838 и 1845 гг. А. Д. Чертков предпринял раскопки 15 подмосковных курганов близ дер. Верхогрязье в Звенигородском уезде [1], причем в кург. 5 были встречены «две металлические вещицы», получившие впоследствии название трефовидных привесок [2].

Привески отлиты из биллона в двусторонних глиняных формах, изготовленных либо по проволочным моделям, для получения которых три отрезка проволоки спирально скручивались в три плоские округлые бляшки и иногда слегка проковывались, а свободные концы отрезков формировали ушко для подвески и заходили на оборотную сторону модели, где бляшки спаивались, либо, что также вероятно, по прототипам, полученным путем отливки по восковой модели. В обширной статье Н. П. Журжалиной [3], посвященной древнерусским привескам-амулетам, учтено 10 экз. трефовидных привесок, происходящих из трех курганных групп Подмосковья, включая уже упоминавшиеся курганы у дер. Верхогрязье. На основании разработанной А. В. Арциховским хронологии вятических курганных древностей Н. П. Журжалина отнесла время бытования привесок к XII в. и более позднему времени и отметила, что «кроме земли вятичей, эти привески нигде не встречаются, но и на территории вятичей места находок сосредоточены только в пределах Московской губернии» [4].

К настоящему времени известны 20 экз. трефовидных привесок, происходящих как из девяти курганных комплексов, так и из двух поселений древнерусского времени (табл. 1) [5].

---

[1] *Чертков А. Д.* О древних вещах, найденных в 1838 году в имении гр. Н. А. Толстого.— Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских, т. III, кн. 3. М., 1839, с. 284—292; *его же.* Описание найденных в Звенигородском уезде древностей.— Зап. САНО, т. I, вып. 3. СПб., 1848, с. 234—250.

[2] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930, с. 194.

[3] *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка.— СА, 1961, № 2, с. 122—140.

[4] Там же, с. 138.

[5] *Авдусина Г. А.* Три курганные группы у Звенигорода.— Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 278, рис. 2, 10: с. 294; *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках в Московской области в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2342; *Розенфельдт Р. Л.* Отчет о раскопках Битяговской курганной группы в Подольском районе Московской обл.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3728; *Юшко А. А.* Курганы у с. Высокино на Вазузе.— КСИА АН СССР, № 139, 1974, с. 57, рис. 17, *15*; *Сидоров В. В., Балинский И. М.* Работы Московского отряда Окской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976, с. 88; *Станюкович А. К.* Отчет о комплексных исследованиях на археологических памятниках в Ленинском и Луховицком районах Московской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6808, с. 164, рис. 72. В каталог не включены две сомнительные находки фрагментов, отдаленно напоминающие части трефовидных привесок, в кургане у с. Луговец Мглинского уезда Черниговской губернии (*Гатцук С. А.* Раскопки в Мглинском уезде.— Архив ЛОИА, 1906/55, с. 28, 30, рис. LXX) и на Десninском селище (*Станюкович А. К.* Ук. отчет за 1977 г., с. 164, рис. 73); Здесь уместно привести в качестве близкой аналогии привескам бронзовый предмет, найден-

Таблица 1

Каталог трефовидных привесок

№ п.п.	Место находки	Год и автор находки	Тип погребения	Положение привески	Место хранения
1	Верхогрязье, Московская обл., кург. 5	1845, А. Д. Чертков	На материке	В насыпи	ГИМ
2	То же	То же	»	»	»
3	Спас-Тушино, Московская обл., кург.?	1880-е годы, кн. Щербатов	?	В ожерелье	»
4	То же	»	»	»	»
5	»	»	»	»	»
6	»	»	»	»	»
7	»	»	»	»	»
8	»	»	»	»	»
9	»	»	»	»	»
10	Серенск, Калужская обл.	1899, Н. И. Булычов	В культурном слое		»
11	Чертаново, Московская обл., кург. 3	1923, В. А. Городцов	?	В ожерелье	»
12	Волково, Московская обл., кург. 31	1940, А. В. Арциховский	На материке	»	МГУ
13	Одинцово, Московская обл., кург. IV-26	1961, А. Г. Векслер	Впускное	»	МИРМ
14	Серенск, Калужская обл.	1967, Т. Н. Никольская	Раскоп III		Калужский музей
15	То же	То же	»		То же
16	Битягово, Московская обл., кург. 1	1968, Р. Л. Розенфельдт	На материке	В ожерелье	УДН им. П. Лумумбы
17	Битягово, Московская обл., кург. 15	То же	Впускное	Слева от черепа	МИРМ
18	Высокино, Калининская обл., кург. 9	1971, А. А. Юшко	В яме	В ожерелье	ИА АН СССР
19	Анциферово, Московская обл., кург. 6	1975, И. М. Балинский	»	»	МОКМ
20	Деснинское селище, Московская обл.	1977, А. К. Станюкович	Подъемный материал		МИРМ

Картографирование находок (рис. 1) хотя и дает нам значительно более широкий ареал бытования этого типа украшений, чем указанный Н. П. Журжалиной, но в принципе не противоречит сделанным ею выводам. Действительно, 19 экземпляров из 20 происходят с территории вятичей, причем 15 из числа последних происходят из восьми курганных комплексов и сопровождаются вятическим погребальным инвентарем. 16 экземпляров из восьми курганных комплексов и одного селища происходят с территории Московской области, причем 10 из них найдены в ближайших окрестностях Москвы (рис. 1).

Время бытования этого типа украшений может быть уточнено путем корреляции привесок с прочими предметами погребального инвентаря по девяти известным нам курганным комплексам (табл. 2).

Трефовидные привески ни разу не встречены с монетами X—XI вв. и другими предметами, бытовавшими в монетное время: крестопрорезными бубенчиками, золотостеклянными бусами и др. В двух комплексах

ный С. А. Тараканową в Псковском кремле, представляющий собой витой стержень с трефовидным завершением (см. Альбом к канд. дис. К. М. Плоткина «Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э.», ч. II. 1980, рис. 73, *2*. Архив ЛГУ).

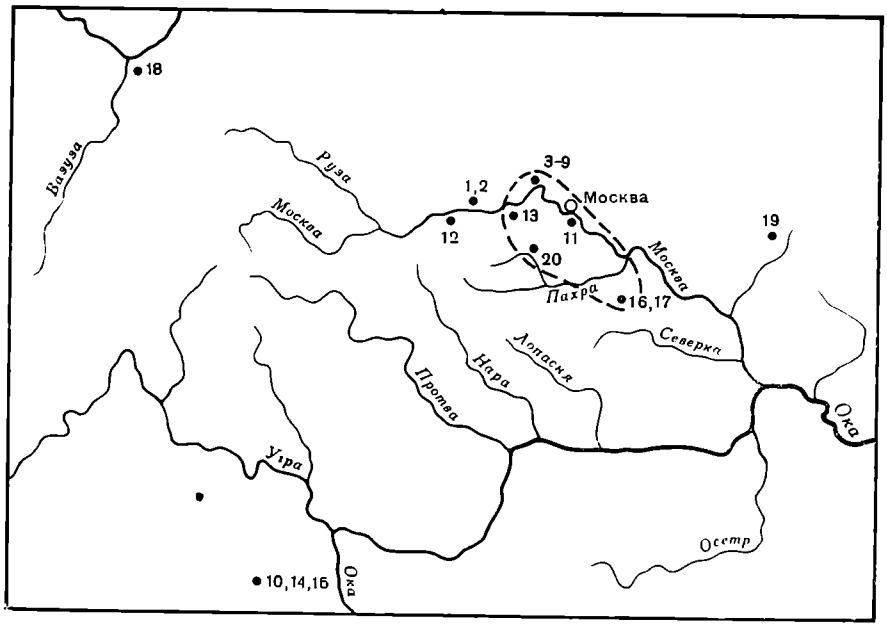


Рис. 1. Распространение трефовидных привесок. Номера соответствуют номерам каталога (Табл. 1). Пунктиром очерчена область распространения привесок, изготовленных в одной литейной форме

(II, VI) привески встречены с вещами, появившимися в монетное время, но бытовавшими и позднее, по XII в. включительно: с завязанным широкосерединным перстнем, пятилопастными височными кольцами с трехчастным членением лопастей и узкорогими лунницами [6].

Подавляющее большинство встреченных вместе с трефовидными привесками предметов преимущественно бытовало либо в течение XII—XIII вв. (витые тройные, четверные и 3×3 браслеты [7], ложновитые браслеты [8], пластинчатые широкосерединные литые и кованые перстни [9], рубчатые перстни [10], гладкие монетовидные привески [11], биллоновые полусферические бусы [12], щелепрорезные бубенчики), либо в основном в XII в. (семилопастные височные кольца со скругленными лопастями и первым орнаментом щитка [13], двускатнопластинчатые с бляхами и полужгутовые гривны [14], пластинчатые тупоконечные браслеты [15]).

Наконец, трефовидные привески только один раз (комплекс VIII) встречены с предметами, характерными для конца XII — начала XIII в.,— односторонне завязанными браслетообразными височными кольцами [16]. Не встречены они ни с семилопастными развитыми височными кольцами второй половины XII — первой половины XIII в., ни с ажурны-

---

[6] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 122.

[7] *Равдина Т. В.* О датировке вятических курганов.— СА, 1965, № 1, с. 128.

[8] *Левашева В. П.* Браслеты.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 250.

[9] *Недошивина Н. Г.* Перстни.— Тр. ГИМ, вып. 43, с. 268, 269.

[10] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, № 65, 1959, с. 255.

[11] *Успенская А. В.* Ук. соч., с. 130.

[12] *Равдина Т. В.* Шишимировские курганы.— В сб.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 226.

[13] *Равдина Т. В.* Типология и хронология лопастных височных колец.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 140.

[14] *Фехнер М. В.* Шейные гривны.— Тр. ГИМ, вып. 43, с. 66, 73.

[15] *Равдина Т. В.* Шишимировские курганы, с. 326.

[16] *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье.— В сб.: Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957.

Таблица 2

Инвентарь курганных погребений с трефовидными привесками

№ категорий	№ комплексов	количество экземпляров данной категории, штуки																															
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
I			2	2		1	2					1	1	1	3	1	2		1		4			1		2	2	5		2	1			1
II			2			1									1				1		1	1	2	1		2	1			7	2		1	
III				4		1		1			1				1						21						6	3		4	5	2	1	
IV			4	3					1	1		1			2		1	1	3	1		7				3	13			5	3	1		
V		2	3	1			1		1																	1	5		15	1		1		1
VI			2		2	1					1				1	1										1			+	2		14		
VII				6			1				1	1			1		1							2	10		21	5						
VIII																																	
IX																																	

ми лопастными кольцами, ни с серебряными квадрифолийными перстнями (табл. 2).

Наиболее узкую датировку трефовидных привесок дают семилопастные височные кольца простого типа, во всех комплексах имеющие скругленные лопасти и первый орнамент щитка, причем в двух комплексах (III, VII) все четыре кольца не имеют колечек у основания дужки; в двух комплексах (IV, IX) все кольца (10 экз.) имеют такие колечки, а в трех комплексах (II, V, VI) встречено сочетание и тех и других колец (9 и 6 экз.). С учетом разработанной Т. В. Равдиной хронологической последовательности типов лопастных височных колец[17] представляется наиболее вероятным совместное бытование этих двух типов семилопастных колец в середине XII в. Аналогичную дату дают также встреченные в трех комплексах (I, II, IV) в количестве 7 экз. литые пластинчатые перстни с геометрическим орнаментом (ячейковые). Т. В. Равдина датирует период максимального распространения этих перстней началом третьей четверти XII в.[18]

Полученной на основании вещевого материала дате погребений с трефовидными привесками не противоречат наблюдения над типами погребений. В силу сравнительно поздней христианизации населения рассматриваемого региона захоронения на материке здесь начинают уступать место ямным захоронениям именно в середине XII в.[19] Из девяти известных нам комплексов три (I, IV, VI) содержали погребения на материке, два — погребения в яме (VIII, IX), два погребения являлись впускными (V, VII) и тип двух погребений не установлен (II, III). На начальную стадию христианизации обладателей трефовидных привесок указывает также наличие в трех комплексах (I, II, IX) крестов-тельников (4 экз.). Здесь они использованы не как атрибуты культа,

[17] *Равдина Т. В.* Типология и хронология...; *ее же.* Семилопастные височные кольца.— В сб.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 181—187.

[18] *Равдина Т. В.* Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 138.

[19] *Недошивина Н. Г.* Хронологические различия в погребальном обряде вятичей.— В сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 193.

а как рядовые привески к ожерелью [20], причем в одном случае (IX) два креста занимали место на периферии ожерелья у затылка [21]. Один из крестов с криновидными концами (комплекс II) датируется серединой XII в., три остальных с утолщенными профилированными концами относятся к типу, появившемуся на Руси со второй половины XII в. и бытовавшему до середины XIII в. [22]

Трефовидные привески, таким образом, входят в серию амулетов — языческих символов, появившихся в земле вятичей в начальный период проникновения христианства как своеобразный протест против новой религии [23],— явление, наблюдавшееся у других народов и ранее [24].

Итак, мы выяснили, что трефовидные привески бытовали в основном в середине — начале второй половины XII в. Однако, как уже было отмечено, комплексы, содержащие привески, включают также вещи, имеющие относительно более ранние (завязанный перстень, пятилопастные височные кольца, узкорогие лунницы) или более поздние даты (кресты, браслетообразные однозавязанные височные кольца, браслет 3×3). Комплексы также различаются по типам погребений. Закономерно предположить, что комплексы, включающие вещи с ранними датами, относятся к началу периода бытования привесок, комплексы с поздними вещами — к его концу.

Попытаемся построить относительную хронологию погребений, содержащих трефовидные привески, на основании формализованной обработки табл. 2 по методике, изложенной Я. А. Шером [25]. В результате получим возможность выразить связь между погребениями в виде графа (рис. 2). а закономерность в изменении набора погребального инвентаря от погребения к погребению — в виде табл. 3.

Из рассмотрения графа на рис. 2 и табл. 3 видно, что девять погребений с привесками распадаются на две группы. Первая группа характеризуется наличием ранних вещей: завязанного перстня, пятилопастных височных колец и узкорогих лунниц. Для комплексов первой группы (VI, V, II, III, VII) характерны также монетовидные гладкие привески, двускатнопластинчатая гривна, витой перстень, пластинчатый тупоконечный браслет, сосуды в погребениях, толстопластинчатые литые перстни и височные кольца без колечек у дужки. Погребения в ямах в этой группе не отмечены. В комплексах второй группы (VIII, IV, IX, I) встречены сложновитой 3×3 браслет, хрустальные шарообразные и стеклянные боченковидные ложнозолоченые бусы, привески-свастики и однозавязанные браслетообразные височные кольца. К этой группе относятся погребения в ямах. Как для первой, так и для второй группы обычны полужгутовые гривны, кованые тонкопластинчатые и литые ячейковые, рубчатые и гладкие перстни, кресты-тельники, перстнеобразные загнутоконечные и

---

[20] *Беленькая Д. А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья.— СА, 1976, № 4, с. 95; *Недошивина Н. Г.* О религиозных представлениях вятичей XI—XIII вв.— В сб.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 49—52.

[21] *Балинский И. М., Сидоров В. В.* Раскопки анциферовских курганов.— Тезисы докладов об археологических исследованиях в Московской области в 1975 г. М., 1976, с. 13.

[22] *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 64, 65, табл. VIII, *6—8*; XXX, *2*, *4—6*.

[23] *Успенская А. В.* Ук. соч., с. 98, 99; В. И. Кулаков считает совершенно сходную с нашей форму стилизованным «трехлопастным» крестом, хотя и предполагает ее дохристианский прототип — «процветший росток» (*Кулаков В. И.* Ритуальный комплекс в могильнике у Клинцовки.— КСИА АН СССР, № 160, 1980, с. 91). Нам кажется более правильной точка зрения Б. А. Рыбакова, который склонен видеть в мотиве трех несоосных окружностей три положения солнца над горизонтом — восход, полдень, закат.

[24] *Фехнер М. В.* Ук. соч., с. 63.

[25] *Шер Я. А.* Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода в археологии).— В сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 14—17.

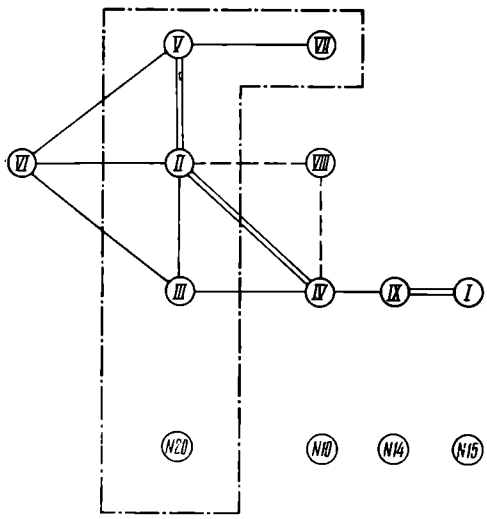


Рис. 2. Граф связей между комплексами, содержащими трефовидные привески. Штрихпунктирной линией очерчены комплексы, содержащие привески, отлитые в одной форме. Римские цифры соответствуют курганным погребениям (табл. 2, 3), арабские — находкам на поселениях (табл. 1)

семилопастные с колечками у дужки височные кольца, тройные, четверные и дротовые браслеты, щелепрорезные бубенчики, сердоликовые и биллоновые бусы.

Нетрудно убедиться, что полученная нами формальным методом модель хронологической последовательности комплексов, содержащих трефовидные привески, нигде не вступает в противоречие с приведенной ранее относительной хронологией вятических курганных древностей и, по-видимому, в целом соответствует реальной относительной хронологии рассматриваемых комплексов.

Для окончательного установления правильности наших выводов обратимся к самим привескам и сопоставим их с точки зрения тождественности, преемственности и различия литейных форм, в которых они были изготовлены. Автору удалось ознакомиться с 18 экз. привесок, из которых 15 исследованы de visu [26].

Привески разделяются на два типа по два варианта в каждом. Модели привесок первого типа изготовлены из тонкой проволоки круглого сечения диаметром 1 *мм* (в одном случае 1,5 *мм*). Спиральные бляшки состоят из четырех, реже трех витков, и их диаметр составляет 9—10,5 *мм*. Расстояние между центрами боковых бляшек у привесок этого типа равно 12,5 *мм* и строго стабильно. Модели привесок второго типа более массивны, изготовлены из проволоки диаметром 1,5—2,0 *мм*, бляшки состоят из 3—5 витков и имеют диаметр 11—12 *мм*. Расстояние между центрами боковых бляшек также строго стабильно и равно 14,5 *мм*. Завивка проволоки, формирующей центральную бляшку, для привесок варианта А обоих типов проводилась против часовой стрелки, для привесок варианта Б — по часовой стрелке (рис. 3).

Сравнение оригиналов и в отдельных случаях пластилиновых оттисков и рисунков при помощи стереоскопа и системы контрольных промеров позволило сделать следующие выводы: 1. Две привески из кургана близ дер. Верхогрязье изготовлены в одной литейной форме (тип 1, вариант Б, № 6). 2. Все семь привесок из кургана у с. Спас-Тушино, привески из Чертанова, из кург. № 15 Битяговской группы, с Деснинского селища и, очевидно, из Одинцова изготовлены в одной литейной форме (тип 1, вариант А, № 2). Характерно, что именно перечисленные комплексы наиболее тесно связаны между собой и по другим категориям вещей (см. граф на рис. 2 и табл. 3). 3. Остальные привески (Волково, Анциферово, 3 экз. из Серенска) изготовлены в различных литейных формах. 4. Привески из кург. № 1 Битяговской группы и из Высокина, к сожалению, известны нам лишь по не очень точным рисункам [27]. Первая относится к типу

---

[26] Автор выражает глубокую признательность И. М. Балинскому, А. Г. Векслеру, Т. Н. Никольской, Т. В. Равдиной, Р. Л. Розенфельдту и А. В. Успенской за предоставленный материал и ценные замечания при обсуждении работы.

[27] *Розенфельдт Р. Л.* Ук. отчет за 1968 г., с. 24, рис. 6; *Юшко А. А.* Курганы у с. Высокино..., рис. 17, *15*.

Таблица 3

Изменение набора погребального инвентаря в курганах с трефовидными привесками

№ категорий	17	1	8	19	32	9	21	18	2	13	12	22	16	3	15	29	14	30	31	5	25	26	6	10	11	20	23	33	4	28	27	7	24
№ комплексов	количество экземпляров данной категории, шт.																																
VI	1	2	1	1	1			3	3					1		4	2	3			1	13	1										
V					1	1	7	1	4				1	3		4		5	2		3				1								
II							1	1	2	1	1		2	2	1	2	1	1		1	2					1	1						
III									2			2					1	2		1		1		1	1								
VII									2							5			1		1	5		1	1			1					
VIII															1	1	1		1	1									2	15			
IV														4		7	1	1		1		6				2					3	1	
IX													1	6		2	1		14		2	21	1	1	1		2			+	5		10
I																	3					2	2			4	1	1			5		

I — Верхогрязье, кург. 5; II — Спас-Тушино; III — Чертаново, кург. 3; IV — Волково, кург. 31; V — Одинцово-VI, кург. 26; VI — Битягово, кург. 1; VII — Битягово, кург. 15; VIII — Высокино, кург. 9; IX — Анциферово, кург. 6.

Височные кольца: 1 — пятилопастные с трехчастным членением лопастей; 2 — семилопастные без колечек, I орнамент; 3 — семилопастные с колечками, I орнамент; 4 — браслетообразные однозавязанные; 5 — перстнеобразные загнутоконечные. Браслеты: 6 — петлеконечные тройные и четверные; 7 — витые 3×3; 8 — литые ложновитые; 9 — пластинчатые тупоконечные; 10 — дротовые. Гривны: 11 — полужгутовые пластинчатоконечные; 12 — двускатнопластинчатые с литыми бляхами. Перстни: 13 — витые; 14 — рубчатые; 15 — литые гладкие; 16 — тонкопластинчатые кованые; 17 — широкосерединные завязанные; 18 — толстопластинчатые литые; 19 — щитковые; 20 — ячейковые. Привески: 21 — монетовидные гладкие; 22 — лунницы узкорогие; 23 — кресты-тельники; 24 — свастики; 25 — бубенчики щелепрорезные. Бусы: 26 — сердоликовые бипирамидальные; 27 — хрустальные шарообразные; 28 — ложнозолоченые; 29 — прочие стеклянные; 30 — биллоновые бипирамидальные; 31 — биллоновые полусферические; 32 — сосуды; 33 — литые поясные кольца.

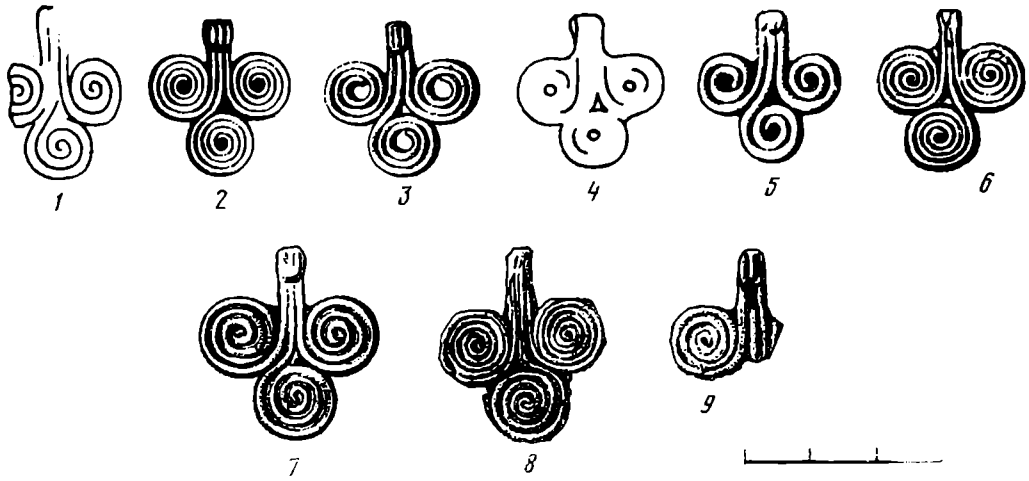


Рис. 3. Типы трефовидных привесок. *1—5* — тип 1, вариант А; *6* — тип 1, вариант Ь, *7* — тип 2, вариант А; *8*, *9* — тип 2, вариант Б; *1* — Битягово (1); *2* — Спас-Тушино, Чертаново, Битягово (15), Одинцово, Деснинское селище; *3* — Анциферово; *4* — Высокино; *5* — Серенск (1899 г.); *6* — Верхогрязье; *7* — Волково; *8*, *9* — Серенск (1967 г.)

1 варианта А и, возможно, также тождественна привескам из Спас-Тушина, Чертанова и др. Вторая также относится к типу 1 варианта А.

Наиболее важным для нас является вывод о тождественности литейных форм 11 привесок из пяти археологических памятников. Этот факт, прекрасно согласующийся со сделанным ранее выводом о близкой связи данных комплексов по инвентарю, во-первых, указывает на их узкую синхронность и, во-вторых, подтверждает сделанные в свое время Б. А. Рыбаковым выводы о районах сбыта ремесленной продукции в X—XIII вв.[28] на основании констатации тождественности литейных форм таких категорий вещей, как двускатнопластинчатые гривны с литыми бляхами, семилопастные височные кольца и лунничновключенные монетовидные привески, найденных в различное время на различных памятниках Москворецкого бассейна[29].

Три курганные группы, содержащие, по Б. А. Рыбакову, предметы, отлитые в одной форме (Волково, Спас-Тушино и Чертаново), включают в себя и комплексы с трефовидными привесками, причем две группы (Спас-Тушино и Чертаново) содержат как идентичные трефовидные привески, так и еще по две категории вещей, отлитых в одних и тех же формах.

Тяготение пунктов находок привесок, отлитых в одной форме, к Москве позволяет предположить, что именно здесь находилась мастерская, где они производились. Другим центром производства являлся, возможно, вятический город Серенск. Трефовидные привески, так же как семилопастные височные кольца, решетчатые перстни и другие категории вещей[30], можно считать племенным украшением вятичей, но, в отличие от вышеназванных категорий, имеющим очень узкий период бытования, ограниченный одним-двумя десятилетиями, ориентировочно 50 — началом 60-х годов XII в.

---

[28] *Рыбаков Б. А.* Продукция русских ремесленников в X—XIII вв.— Уч. зап. МГУ, вып. 93, 1947.

[29] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 437—451; *его же.* Торговля и торговые пути.— В кн.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период, т. I. Материальная культура. М.— Л., 1948, с. 351—355, рис. 212; *Фехнер М. В.* Ук. соч., с. 66.

[30] *Арциховский А. В.* Ук. соч.

A. K. Stanyukovich

ON ONE RARE TYPE OF ANCIENT RUSSIAN ORNAMENTS («TREFLE-SHAPED» PENDANTS)

Summary

The article consideres a rare type of ancient Russian decorations, the so called «trefle-shaped» pendants. The analysis of the grave furniture where the pendants were found showed that they were spread among the ancient Russian tribe of «vyatichies» in the fifties — beginning of the sixties of the XIIth century A. D. The author examined 20 pendants, 11 of them having been made in the same mould. The pendants are spread in the region, having medieval Moscow as its centre.

И. К. ЛАБУТИНА, Л. Я. КОСТЮЧУК

ПСКОВСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ № 3 И 4

В 1978 г. при охранных раскопках на ул. Ленина в Пскове была найдена берестяная грамота, получившая номер 4 — по счету находок берестяных грамот в городе. Первая и вторая грамоты были обнаружены при раскопках экспедиции Государственного Эрмитажа в 1958 г. (на Советской улице) и 1962 г. (в Домантове стене) [1], третья — в охранном раскопе у Педагогического института (1970 г.).

Все псковские грамоты происходят из разных мест средневекового Пскова и разных археологических комплексов. Общим в топографии находок грамот № 1, 3, 4 является тот факт, что они найдены на территории старой части посада Пскова, в границах крепостных укреплений 1309 г. (рис. 1). О находках грамот № 3 и 4 сообщалось лишь в научной хронике [2], здесь предлагается их публикация.

Грамота № 3. Грамота была найдена 15 июля 1970 г. в раскопе у Педагогического института, в квадрате 46 (рис. 2), на глубине 2,95—3,00 *м*, студентами ПГПИ Т. Карпеченковой и П. Терашкевичем [3]. Она была обнаружена в заполнении ямы для печного столба. Засыпка ямы песчаная, что, возможно, повлияло на сохранность бересты.

По залеганию грамота может относиться ко времени сооружения сруба с печью или, что менее вероятно, происходить из нижележащего слоя, нарушенного при рытье ямы. Дата рубки одного из столбов опечка по дендрохронологическим данным — 1132 г. [4] Вряд ли промежуток во времени между рубкой дерева для столба и строительством сруба мог быть продолжительным. Косвенные стратиграфические данные (дата соседней, несколько более поздней постройки — 1206 г.) позволяют с уверенностью считать, что сруб № 20 с опечком был построен в XII в. Следовательно, верхняя возможная дата грамоты по стратиграфическим наблюдениям — XII в. (не ранее 1132 г.). Нижняя возможная дата — XI в., учитывая вторжение столбовой ямы (глубина 337 *см*) в начальные отложения культурного слоя, датируемые этим временем.

Грамота сохранилась в трех фрагментах [5]. Два фрагмента соединяются и лишь немного повреждены в месте соединения, третий же, являющийся начальной частью грамоты, не совмещается с правой частью и

---

[1] *Гроздилов Г.* Раскопки древнего Пскова (1956; 1958—1960 гг.).— Сб. ГЭ, XXIII, 1962; *Белецкий В.* Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа.— Сб. ГЭ, XXIX, 1968.

[2] *Лабутина И. К.* Раскопки в Пскове.— АО — 1970. М., 1971, с. 21; Научная жизнь. Хроникальные заметки.— ВЯ, 1971, № 6, с. 143, 144; *Лабутина И. К.* Продолжение охранных раскопок на ул. Ленина в Пскове.— АО — 1978. М., 1979.

[3] Хранится в ПИХАМЗ (колл. оп. 6370/301).

[4] Определения дендроспилов из раскопок 1969—1970 гг. выполнены Н. Б. Черных.

[5] В момент находки они были свернуты в три кольца (одно в другом), надписью наружу. Береста — хрупкая, ярко-коричневого цвета. Обработка бересты проводилась по методике, принятой в Новгородской археологической экспедиции. Прорись выполнена М. Н. Кисловым. Фотография — И. К. Лабутиной.

Рис. 1. Топография находок берестяных грамот в Пскове (схема). I — Кром, II — Домантова стена, III — стена посадника Бориса 1309 г., IV — стена 1375 г. (средний город), V — Окольный город (1465 — первая половина XVI в.); *1—4* — места находок берестяных грамот № 1—4

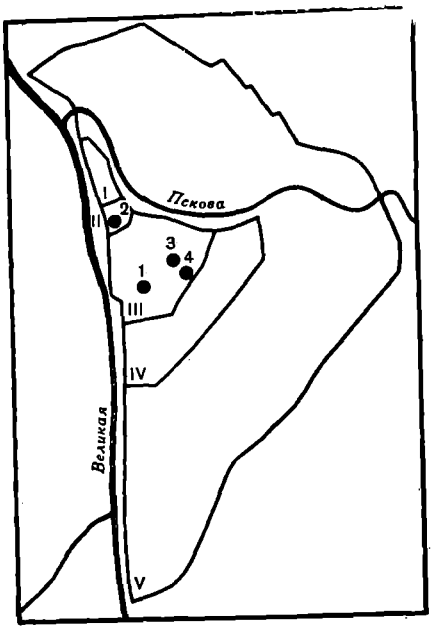


Рис. 1

Рис. 2. Раскопы у Педагогического института и на ул. Ленина в Пскове с указанием места находок грамот № 3 и 4. I — раскоп у педагогического института (1968—1970, 1973—1974 гг.); II — раскоп на ул. Ленина (1976, 1978 гг.); *1* — место находки грамоты

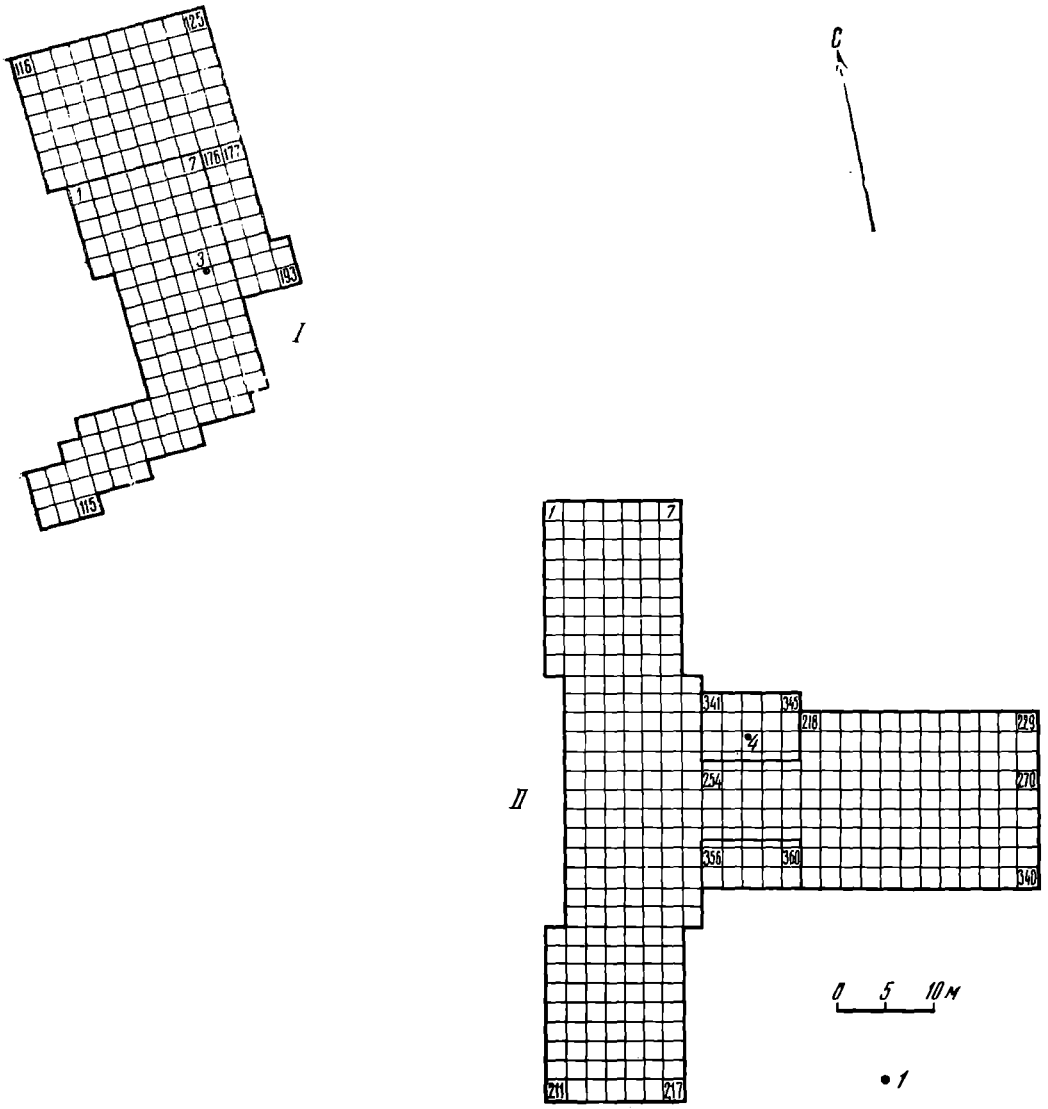


Рис. 2

имеет нарушения, повредившие верхнюю и нижнюю строки текста (рис. 3). Общая длина сохранившихся фрагментов — 30 *см*, ширина 0,3—2,2 *см*.

Сохранность бересты и текста на ней плохая [6]. Грамота представляет собой двустрочный текст, начало и конец которого, как и значительная часть содержания, присутствуют на сохранившихся фрагментах. Повреждена (оборвана) часть верхней строки в первом фрагменте; здесь же сильно нарушено начало второй строки. В начальной части второго фрагмента косой обрыв слева направо особенно повредил текст второй строки.

Текст:

ѿГЕРАСИМАСЪКЮР — — — — СВ — ѥСТЬНАМОЕ — — — — — —
НН — — — А — ТВОР — — — — — — — — Т — — — — ПОУСТ —
—НАМОПОПОСО — — — — — — — — — — — — — — — — —

В тексте 49 читаемых буквенных знаков, принадлежащих 19 буквам древнерусского алфавита. Первоначальный текст содержал более 80 знаков. При лучшей сохранности текста это была бы самая полная из псковских грамот. Четких палеографических примет мало. Среди них одна очень важная — употребление омеги с сокращенной серединой, причем середина оформлена в виде угла. В. Н. Щепкин относил такую омегу ко времени не ранее XII в. [7], что исключает возможность датировки грамоты XI в. Подобный начерк омеги наблюдается и в псковской грамоте № 2 [8]. Употребление ѿ соответствует орфографическим правилам: в начале слова пишется ѿ в середине — О. Буква О в основном представляет соединение двух дуг, но в трех случаях верхняя часть ее почти горизонтальна, напоминая крышку. Подобное написание встречается в ряде новгородских берестяных грамот, относимых ко времени не позднее XII в. [9], и в рукописных книгах XII в. [10] Звук У передается еще буквами ОУ. Петли у В, Ъ, Ь треугольны. Такая геометричность последовательно прослеживается в памятниках XI—XII вв. [11] Написание Н (с наклонной линией, соединяющей концы мачт) и ѥ, Ю (с горизонтальной поперечиной) архаично. Эти и другие начерки не содержат изменений, показательных для XIII в. [12]

Дополнительной приметой является общая каллиграфичность письма, при которой четко выдержаны уровни строк, ритм межбуквенных промежутков, пропорции букв. На концах мачт многих букв прослеживаются ограничительные точки, с помощью которых, вероятно, размечались границы начерка, соответствующие уровню строки. Такое геометричное построение текста было более свойственно раннему почерку (до XIII в). В целом палеографические данные не противоречат верхней дате, получаемой по стратиграфическим наблюдениям (XII в.) [13].

---

[6] Уже в ходе работ экспедиции 1970 г. было отмечено сокращение размеров грамоты в ширину и длину на несколько миллиметров. В настоящее время общая длина грамоты сократилась до 27,3 *см*, наибольшая ширина 1,8 *см*. Консультировавшая нас О. Н. Чистякова, доцент кафедры ботаники биолого-почвенного факультета МГУ, отметила, что береста грамоты № 3 имеет мало тонкостенных клеток (их слои разрушены почти полностью, контуры клеток не всегда просматриваются), срединные пластинки, склеивающие слои, сильно разрушены; все это лишило бересту эластичности. Пользуемся возможностью поблагодарить О. Н. Чистякову за консультацию.

[7] *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967, с. 113.

[8] *Белецкий В.* Ук. соч., с. 6, рис. 4. Угол, образуемый петлями омеги, здесь менее острый.

[9] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962 года). М., 1964, с. 81, № 82; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 32, 33, № 424; с. 35, 36, № 429.

[10] *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, с. 161.

[11] *Щепкин В. Н.* Ук. соч., с. 114, 115; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 31.

[12] *Щепкин В. Н.* Ук. соч., с. 114—116.

[13] *Срезневский И. И. Ук.* соч., с. 159—161; *Щепкин В. Н.* Ук. соч., с. 113, 115, 116.

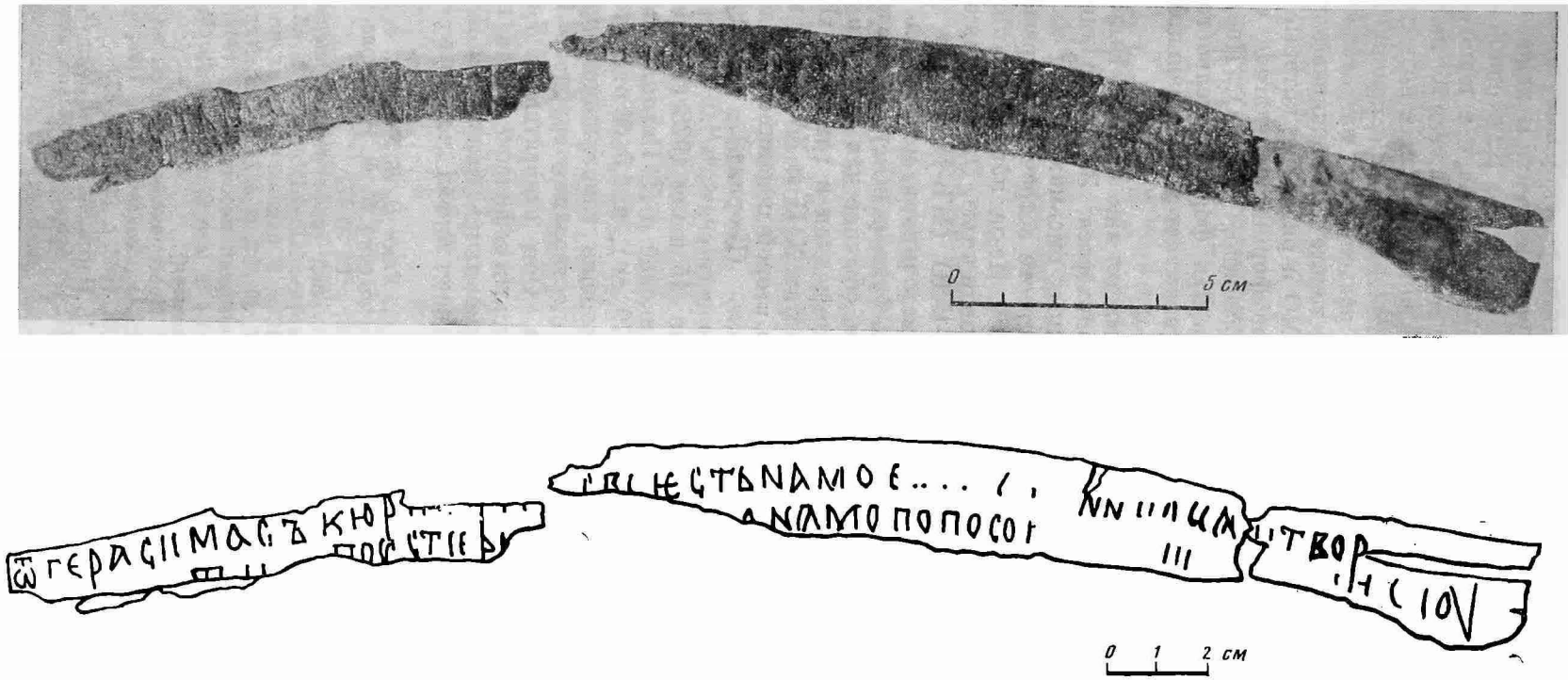


Рис. 3. Грамота № 3: *а* — фото, *б* — прорись

Некоторые особенности текста: употребление О вместо слабого редуцированного Ъ в конце слова НАМО (понимается как производное от местоимения «МЫ») наряду с сохранением редуцированного в предлоге СЪ — отражают процесс падения редуцированных. В ходе этого процесса могли неправильно употребляться буквы Ъ, Ь, с одной стороны, и О, Е — с другой. Такое явление засвидетельствовано и в новгородских берестяных грамотах XII в.[14] Сочетание стратиграфических, палеографических и фонетических (отраженных в графике) данных позволяет отнести грамоту к середине (не ранее 1132 г.) — второй половине XII в.

В грамоте бесспорно читается и разделяется на слова начало: «ОТ ГЕРАСИМА СЪ КЮР...». Далее в тексте прослеживаются буквенные комплексы ЕСТЬНАМО, ТВОР, НАМО и ряд букв, которые не складываются в слова. ЕСТЬ могло быть не формой от глагола «БЫТИ», а частью какого-то другого слова (возможно, глагола). Повторенный дважды комплекс НАМО можно понять как форму дательного падежа местоимения «МЫ». Это естественно связывается с начальной частью текста, в которой упомянуты два его автора.

Начало грамоты позволяет определить ее как письмо. Было ли оно официальным или личным, не устанавливается. Зачин традиционен и встречается как в актах, так и в берестяных письмах[15].

Имя ГЕРАСИМ — календарное, на бересте встречено впервые, но для XII в. известно по другим источникам[16]. Из-за нарушенности верхней строки имя второго автора не читается полностью. Однако нижние части букв позволяют продолжить его: КЮР-ИЛО (МЪ-?). Имена «Кюрьяк» («Кюрик») и «Кюр», встречающиеся в источниках, могут быть исключены из-за несовпадения соответствующих букв и начерков после «КЮР» в грамоте. Имя «Кирилл» — календарное, обычное для русского средневековья (как и разновидность его, представленная в грамоте). Оно встречается в новгородских берестяных грамотах XIII и XV вв.[17], псковской берестяной грамоте № 4 (см. ниже). Во второй половине XIV в. в Пскове работал церковный мастер Кирилъ (Кюрилъ), поставивший в 1373/1374 г. каменную церковь в честь своего святого[18].

Грамота № 4. Грамота была найдена 15 июля 1978 г. в раскопе на ул. Ленина студентами ПГПИ Л. Кашниковой и Л. Новополиным. Место находки — кв. 353, пласт 9-й (глуб. 179 *см*), в 1,5 *м* от сруба № 11. Грамота залегала в слое со щепой, хорошо сохранившем органику[19].

Грамота попала в слой в период существования сруба № 11 и примыкавшего к нему дворового настила. Они относятся к 7-му ярусу сооружений раскопа. Следовательно, стратиграфическая дата грамоты в значительной мере ограничивается временными границами 7-го яруса. В полевых условиях они определены как первая четверть — середина

---

[14] «...А 5 коунъ намо» — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 104, № 509; «къ вьхемо намо» — *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, с. 12, № 87.

[15] *Костючук Л. Я.* Некоторые наблюдения над трафаретными выражениями в древнерусских деловых документах (по грамотам XI—XIV вв.).— В сб.: Теория и методика преподавания русского языка. Л., 1968. В псковских актах подобная формула также употреблялась, см. ГВНиП, с. 317, № 332, с. 337, № 348; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 21, 22.

[16] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, с. 41, 1195 (игумен новгородского Аркажа монастыря).

[17] *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 42, № 22; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, с. 71, 72, № 373.

[18] Псковские летописи, под редакцией А. Н. Насонова, вып. I. М.— Л., 1941, с. 23, 6881; вып. II. М., 1955, с. 28, 6882; с. 105, 6881. Во второй псковской летописи (список конца XV в.) — КѶРИЛЪ.

[19] По счастливой случайности, каменный подвал дома конца XIX в. не нарушил культурный слой на этой глубине: около 20 *см* отделяло грамоту от бетонного пола и щебенки под ним.

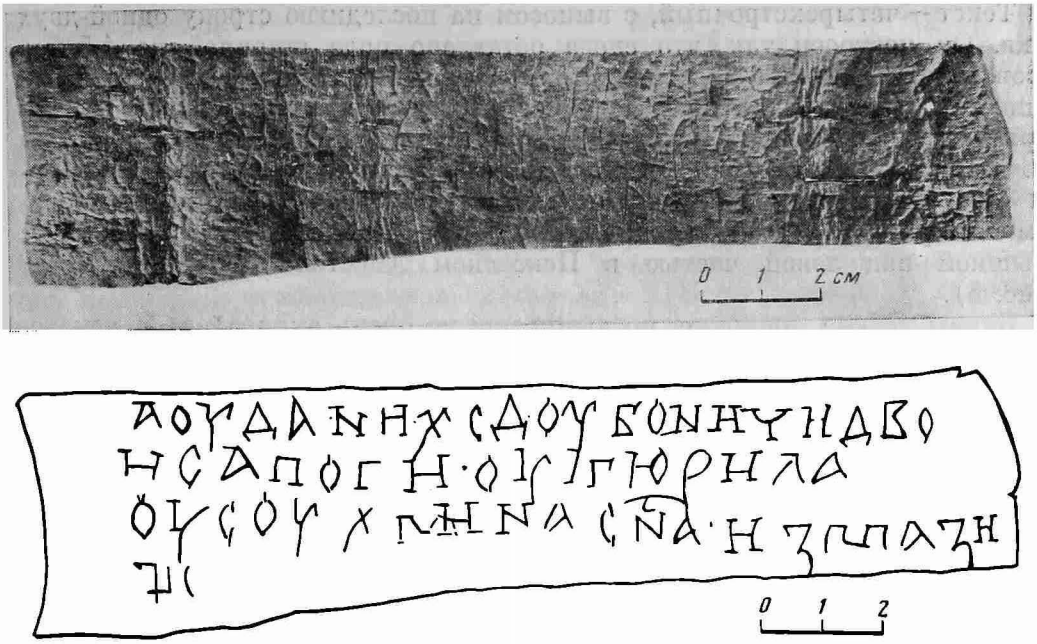


Рис. 4. Грамота № 4: *а* — фото; *б* — прорись

XIV в. Вещевого материала с небольшим хронологическим диапазоном на этом уровне не обнаружено. Остальные находки (пряслица известняковые и шиферные, подвеска янтарная, погремушки глиняные поливные, гребень деревянный, гребень костяной типа Н, костяное навершие рукоятки ножа) не противоречат принятой дате.

Дендрохронологическое исследование спилов, относящихся к срубу № 11 и настилу рядом с ним, вносит определенность в обобщенную стратиграфическую дату. Твердые даты, полученные для спилов из конструкций сруба № 11,— 1307, 1309, 1310 гг.[20]; для спилов из конструкций дворового настила — 1266, 1276, 1287, 1283(2), 1296 (нет внешних колец), 1299(2), 1300, 1303, 1304, 1305, 1306(2), 1307, 1308 гг. (нет внешних колец). Сравнение результатов подтверждает визуальные наблюдения об одновременности постройки сруба и настила. Таким образом, условной датой сооружения сруба (до завершения определения спилов 1976 г.) является 1310 г.[21] Верхняя хронологическая граница 7-го яруса по дендроспилам предварительно определяется в диапазоне 1320—1337 гг. Итак, второе — четвертое десятилетия XIV в.— стратиграфическая дата грамоты № 4.

Грамота (рис. 4)[22] имеет длину 16,2 *см*, в ширину: с лицевой стороны слева 4, справа 3,2 *см*. Края бересты обрезаны, следов обрыва нет. Кусок бересты в момент находки был свернут втрое, текстом внутрь. Сохранность бересты удовлетворительная.

Текст:

АОУДАНИХСДОУБОНИЧИДВО
ИСАПОГИ. ОУКЮРИЛА

ОУСОУХМИНАСНА. ИЗМАЗИ

[20] Эти и последующие определения выполнены в лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР Н. Б. Черных и А. Ф. Урьевой.

[21] Обновление застройки было связано, вероятно, с завершением строительства крепостных укреплений, заложенных в 1309 г. и проходивших в 20 *м* к востоку.— *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.* Раскопки в Пскове на ул. Ленина.— АО — 1976. М., 1977, с. 23.

[22] Фотографии выполнены А. В. Прокофьевым, прорись — И. К. Лабутиной.

Текст — четырехстрочный, с выносом на последнюю строку одной-двух букв. Он построен так, что слева оставлено поле шириной до 1,5 *см*. Уровень строки четко не соблюдается, как и расстояние между буквами и ширина самих букв. Текст содержит 55 ясно читаемых буквенных начерков, принадлежащих 20 буквам древнерусского алфавита (5 гласным и 15 согласным). Всего их было в грамоте 56—57, но окончание грамоты (четвертая строка) не читается. Лишь условно можно видеть в первом начерке четвертой строки часть буквы Щ — по аналогии с Щ с крышкой над левой частью в Псковском Апостоле 1309—1312 гг.[23] (рис. 5).

Буквы четкие, широкие, но выписаны не очень аккуратно. У некоторых начерков (И, Н, П) ширина буквы по размеру приближается к высоте. Буква М по горизонтали шире, чем по вертикали. Особенностью

а *б*

Рис. 5. Сходные буквенные начерки: *а* — фрагмент начерка в начале четвертой строки грамоты № 4; *б* — буква «щ» из Псковского Апостола 1309—1312 г. (по И. И. Срезневскому)

буквенного текста является наличие у многих букв ограничительных штрихов — горизонтальных, косых, вертикальных. Вместе с тем в характере начерков букв нет строгой выдержанности: часть мачт вертикальна, часть направлена в разные стороны (например, у И), некоторые выгнуты влево (П, первое Н, часть И, второе М). Выгнутость влево — и у линий, образующих Л. Почти каждая буква представлена несколькими вариантами начерков. Ослабление каллиграфического принципа отмечалось В. Н. Щепкиным для пергаменных рукописей XIII в.; в то же время текст грамоты № 4 не является примером нового стильного почерка, сложившегося в конце XIII в. и характеризовавшегося подъемом перекладин, набуханием петель, сокращением верхов букв. «При новом стильном почерке,— писал В. Н. Щепкин,— не только в XIII, но и в XIV веке всегда продолжали существовать более квадратные простые почерки»[24]. Пример такого почерка дает и наш текст.

Консерватизм письма, отмеченный исследователями для берестяных грамот, прослеживается здесь не только в общем построении буквенного текста, но и в начерках многих букв. Архаичны буквы Ю, И (с горизонтальными перекладинами на уровне середины буквы, в одном случае — ниже середины), Н (наклонная линия соединяет концы мачт или верхнюю четверть левой мачты с концом либо с нижней четвертью правой мачты). Геометричность петель у букв Б и В, с еле заметными признаками набухания — также архаическая черта.

Среди начерков А есть два, имеющие горизонтальную отсечку вверху. Употребление А с треугольным кузовом и отсечкой А. В. Арциховский считал довольно ранним признаком (не позднее второй половины XIII в.). Последующие находки грамот позволяют продлить время употребления такого начерка до начала — первой половины XIV в.[25] У буквы К правая изломанная часть напоминает букву Г с косым ограничителем; эта часть не доходит до левой несколько наклонной мачты.

---

[23] *Срезневский И. И.* Ук. соч., с. 238.

[24] *Щепкин В. Н.* Ук. соч., с. 116.

[25] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 36; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 14, 15.

Исследователи новгородских берестяных грамот считают написание К с разрывом между левой и правой частями типичным для XIV в.[26] В пергаменных рукописях «К с разрывом» встречается и раньше (XIII в.)[27]. Своеобразна буква Р: с дугообразной левой частью, выходящей в межстрочное пространство и доходящей до уровня следующей строки; с этой частью хорошо сопрягается округлая головка, несколько сужающаяся книзу, занимающая почти всю высоту строки. Точной аналогии написания Р не удалось встретить ни в новгородских берестяных грамотах, ни в пергаменных начерках, хотя очевидно, что близкий способ написания существовал в уставе XI—XIII вв.[28] Буква В с геометричными петлями, верхняя из которых уже несколько сокращена, имеет вид замкнутой фигуры без линий внутри, так как правая часть буквы не примыкает к мачте. Подобные начерки хорошо известны по новгородским берестяным грамотам и датируются серединой XII — началом XIV в.[29]

Среди начерков, важных для палеографической датировки, отметим также М и Ч. В первом случае буква М «находит» на букву И, представляя своеобразную лигатуру. Возможно, частичное совмещение букв было вызвано состоянием материала или возобновлением письма после перерыва. Во втором случае буква М состоит из двух симметричных частей, напоминающих узкую букву П, соединенных в середине закруглением, проходящим почти на уровне нижнего края строки. Линия от закругления несколько выходит за черту первой правой мачты. Графически это написание близко начерку в новгородской грамоте № 141 второй половины XIII в.[30] Буква М с прямыми вертикальными мачтами, широкими плечами и округлой внизу петлей считается исследователями новгородских берестяных грамот датирующим признаком конца XIII — первой половины XIV в., хотя в виде исключения встречается и в XII в.[31]

Буква Ч — в виде несимметричной чаши с ножкой, равной половине высоты строки. «Дно» чаши слева более округло. Концы дуги, образующей чашу, отчеркнуты горизонтальными штрихами, причем правый штрих проходит немного ниже левого. Под ножкой тоже горизонтальный ограничительный штрих. Аналогии нашему Ч по пропорциям и асимметричной чаше встречаются в пергаменных памятниках второй половины XIII — первой половины XIV в.[32] и некоторых берестяных грамотах XIV в.[33] Такие пропорции буквы Ч, при которых чаша по высоте равнялась ножке или была меньше ее, характерны, по мнению В. Н. Щепкина, для пергаменных памятников XIII — первой половины XIV в.[34]

Итак, многие начерки грамоты № 4 имеют архаические черты и широкий хронологический диапазон употребления. Архаизм ряда начерков не является определяющим для датировки, что отмечалось исследователями в отношении И, Н, Ю, и является отражением консерватизма при

---

[26] *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 23.

[27] *Срезневский И. И.* Ук. соч., с. 173 (Евангелие 1215 г.), с. 175 (Житие Нифонта 1219 г.), с. 189 (Пролог 1260 г.) и др.

[28] *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 154, табл. 2; *Срезневский И. И.* Ук. соч., с. 179 (Договор 1229 г., 1 список).

[29] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 10; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 13, 30, 47.

[30] *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 18.

[31] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), с. 68; *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 16, 17; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 32, 47, 70, 71.

[32] *Срезневский И. И.* Ук. соч., с. 197, с. 231, с. 250.

[33] *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 61, № 177; *они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 81, № 254. Ножки Ч немного длиннее, чем у Ч грамоты № 4.

[34] *Щепкин В. Н.* Ук. соч., с. 117.

письме на бересте[35]. Для большой части начерков, хронологические рамки употребления которых удается установить, период сосуществования приходится на XIII—XIV вв. При этом написания М и Ч, подобные нашим, ранее середины XIII в. неизвестны, так что ранняя граница палеографической датировки — середина XIII в. Поздняя ее граница определяется началом XIV в. (по букве В), в крайнем случае — его серединой (по буквам М, Ч, А с отсечкой). Таким образом, палеографическая дата грамоты не противоречит стратиграфической.

Интересные сведения может представить орфография грамоты: во всех пяти случаях буква У пишется единообразно— ОУ, хотя три раза она употребляется в начале слова (предлог), два раза — в середине слова после согласной. Известно, что ко второй половине XIV в. начинает господствовать следующее нормированное написание: в начале слова — ОУ, в середине слова — У. В. Н. Щепкин отмечал: «... такое правописание во второй половине XIV в. господствует, в первой половине XIV в. оно проведено в немногих рукописях; в XIII в. оно только складывается»[36]. Как видим, в грамоте № 4 новая орфографическая норма отсутствует. В новгородских берестяных грамотах такое же употребление У встречено для второй половины XIII в. и середины XIV в.[37] Отсутствие строгой орфографической нормы в написании У не позволяет относить грамоту № 4 ко времени позднее середины XIV в., что согласуется с другими хронологическими наблюдениями.

Слово «сына» написано в традиционном сокращении СНА с титлом в виде дуги с крючком посередине[38]. Перенос мог осуществляться и перед единственной гласной («ДВО-И»).

Стоит сказать об особенности вокализма, отраженной на письме. В этой грамоте: нет редуцированных гласных ни в абсолютно слабой позиции в слоге всегда безударном (ДВОИ), ни в слабой позиции на конце слова (ОУ ДАНИХ). Процесс падения редуцированных получил широкое отражение в памятниках второй половины XII — начала XIII в.[39] Отсутствие редуцированных гласных в слабой позиции в грамоте № 4 позволяет говорить, что она могла быть написана уже в середине — второй половине XIII в.; тем более нет возражений против начала — первой половины XIV в.

Разделить грамоту на слова можно так:

А ОУ ДАНИХ С ДОУБОНИЧИ ДВОИ САПОГИ. ОУ КЮРИЛА ОУ СОУХМИНА СЫНА. ИЗ МАЗИ (Щ) —

Последнее слово остается незавершенным. Две точки выделяют отрезок ОУ КЮРИЛА ОУ СОУХМИНА СЫНА.

Формуляр грамоты позволяет отнести ее к типу записей. Характер записи определяется обычно ее содержанием[40]. Текст грамоты — простое безглагольное предложение, что нередко встречается в берестяных записях.

---

[35] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), с. 25; *Жуковская Л. П.* Палеография.— В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 30.

[36] *Щепкин В. Н.* Ук. соч., с. 118.

[37] *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), с. 17, № 141; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 92, 93, № 500.

[38] Сокращение слова «СЫН» с помощью титла неоднократно встречается и в новгородских берестяных грамотах XIV—XV вв., например: № 28 — *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), с. 29, 30; № 249, 298 — *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 73, 74, 127, 128; № 534 — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 135, 136.

[39] *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964, с. 178, 179; *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 192.

[40] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты..., с. 23, 24.

«А» — типичный начинательный союз в разнообразных грамотах, в том числе и в новгородских берестяных [41].

«ОУ ДАНИХ С ДОУБОНИЧИ ДВОИ САПОГИ». ДВОИ САПОГИ — закономерная форма сочетания по способу согласования прилагательного-числительного с существительным. В тексте это форма им. п. мн. ч. Подобные сочетания зафиксированы в пергаменных памятниках и дважды в новгородских берестяных грамотах [42]. В указанном сочетании прилагательное-числительное имеет значение 'две пары'. В псковских говорах до сих пор существует согласование во множественном числе прилагательных-числительных с собирательным значением с существительными типа «трои мужчины» [43]. Сапоги известны и по археологическим находкам в Пскове, в том числе из слоев XIII—XIV вв. [44] В форме «сапоги» (от «сапогъ») можно было бы видеть замену формы «сапози» на «сапогы» (вин. п.) [45], а затем фонетические изменения сочетания [ГЫ] в [ГИ]. Последнее было особенно характерно для второй половины XIII в., особенно если учесть, что на севере этот фонетический процесс происходил позже, чем на другой территории древнерусского языка [46]. Но для псковской письменности это не может быть особым датирующим показателем, так как в псковской письменности, согласно исследованиям С. М. Глускиной, не отражается процесс второй палатализации, что свидетельствует об отсутствии в прошлом второго смягчения в псковских диалектах [47].

ОУ ДАНИХ С ДОУБОНИЧИ — наиболее трудное место в грамоте. ДУБОНИЧИ — по-видимому, топоним с суффиксом -ичи. Населенный пункт с точно таким названием на псковской карте неизвестен ни по средневековым источникам, ни по современным данным. Но есть деревня Дубоновичи, находящаяся в 37 *км* к востоку от Пскова, в Задорожском сельсовете Псковского р-на [48]. Параллельные образования с суффиксом ич- и сложным суффиксом ович- были характерны и для отчеств, что наблюдается и в современном языке. Считаем возможным отождествление топонима ДОУБОНИЧИ с ныне существующим населенным пунктом Дубоновичи. Отметим, что Дубоновичи располагаются относительно недалеко от хорошо известного Мелетова (в 9 *км* к северо-западу от последнего), вблизи от старых дорог из Пскова в Порхов и Новгород. По административному делению Псковской земли XV—XVI вв. (а может быть, и ранее) Дубоновичи (Дубоничи) могли относиться к территории Мелетовской засады [49].

[41] № 299 — «А от Гриска осмина жри...» — *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 129, 130; № 501 — «А поклоно...» — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Ук. соч., с. 95, 96.

[42] *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), с. 23, № 96; *они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 11—13, № 138, с. 119.

[43] *Пецкая Т.* Числительные в псковских говорах. Дипломная работа (рукопись), 1977. Кафедра русского языка ПГПИ.

[44] *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова — АСб.ГЭ, вып. 4, 1962, с. 86, 87.

[45] *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 201, 203; *Иванов В. В.* Ук. соч., с. 307.

[46] *Иванов В. В.* Ук. соч., с. 207; *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), с. 105.

[47] *Глускина С. М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров).— В сб.: Псковские говоры, вып. II. Псков, 1968.

[48] По статистическим данным 1872—1877 гг. дер. Дубоновичи относилась к Псковскому уезду (2-й стан), находилась на бывшем почтовом тракте из Пскова в Порхов и имела 35 дворов и 216 жителей (см. Списки населенных мест Российской губернии. Т. XXXIV. Псковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1872—1877 гг. СПб., 1885, с. 38). В настоящее время в деревне размещается центральная усадьба колхоза «Мир».

[49] Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978, с. 89; Атлас Псковской области. М., 1969, с. 37, исторические карты.

Предлог С с тем же значением, что и предлог ИЗ далее в этой грамоте, передает указание на место, из которого что-то исходит. Употребление предлога С при выражении таких отношений — характерная синтаксическая особенность современных псковских говоров. Встречалось это и в новгородских берестяных грамотах [50]. Следовательно, Дубоничи — это, вероятно, форма род. п. мн. ч. существительного с основой на *ĭ. Вместо «Дубоничии», где конечный звук произносился как [i] написано было ДОУБОНИЧИ [51].

Слово ДАНИХ может быть формой пр. п. мн. ч. существительного среднего рода с основой на *О — «дание». Это, видимо, стяженное написание формы пр. п. мн. ч. «данiих» или написание формы «даньих» с пропуском слабого редуцированного [52]. Такое слово зафиксировано в древнерусском языке [53]. «Дание» — это существительное от глагола «дати» или в отвлеченном значении ('пожалование', 'вверение'), или в конкретном значении ('то, что дано, пожаловано', 'дар'). Возможно, что так мог называться и сам документ, скрепляющий определенное пожалование. В этих значениях слово встречается и в грамотах XIV—XV вв., в том числе в псковских духовных и данной [54]. Наиболее важным для понимания текста представляется употребление слова «дание» в Псковской судной грамоте (ст. 100): «А которой человек при своем животе, или пред смертию, а что дасть своею рукою племяннику своему платно или иное что животное, или отчину, да и грамоты даст пред попом, или пред сторонными людми, ино тому тем даньем владеть, чтобы и рукописаниа не было» [55]. Из этой статьи ясно, что в качестве дания в Пскове могло выступать движимое (в том числе платье) и недвижимое имущество. Здесь речь идет о дарении, закрепленном дарственной грамотой, причем размеры дарения не ограничиваются (от платья до отчины). Представляется, что с подобным случаем мы встречаемся в грамоте № 4. Предлог ОУ в сочетании с существительным (ОУ ДАНИХ) — диалект-

---

[50] *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 302.

[51] Ср. *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 96.

[52] Это не может быть пр. п. мн. ч. от слова «дань», так как при прояснении сильного редуцированного получилась бы форма «данех». Нельзя видеть здесь и род. п. мн. ч. от субстантивированного причастия «данныи» с написанием одного Н, поскольку страдательные причастия прошедшего времени всегда имели твердую основу и в окончании не могло быть И вместо Ы. Понимать «ОУ ДАНИХ» как род. п. мн. ч. с предлогом ОУ полного (со стяжением окончания) субстантивированного прилагательного с суффиксом *j (см. о таких прилагательных: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953, с. 214; *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Ук. соч., с. 226; *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1962, с. 205) от собственного имени ДАН (ДАНЪ) нет оснований, исходя прежде всего из синтаксиса грамоты. Тогда в тексте грамоты было бы следующее безглагольное предложение: А ОУ ДАНИХ С ДОУБОНИЧИ (т. е. у членов семьи какого-то Дана). Последующая же часть (ОУ КЮРИЛА ОУ СОУХМИНА СЫНА ИЗ МАЗИ — —) в законченной по написанию и формату грамоте оказалась бы странно незавершенной. Кроме того, притяжательные прилагательные с таким суффиксом были обычно краткими (полные формы ед. ч. употреблялись в основном при обозначении жены определенного человека), и форма род. пад. мн. ч. краткого прилагательного была бы «Дань».

[53] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, 626; *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.— Л., 1937, с. 82; Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 4. М., 1977, с. 169.

[54] ГВНиП, с. 143, № 86 (1337—1339): «...А кто... мое данье порушить»; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966, с. 51, 52, № 8 (первая половина XIV в.): «...А дочкамъ моимъ... ни иному племени моему... не вступатись имъ в мое данье ни во что же...»; с. 56, 57, № 14 (XIV—XV вв.); с. 65, 66, № 27 (1469—1480): «Данье (дание) Захарии Костина отчине...», с. 69—71, № 30 (1491—1496).

[55] Псковская судная грамота.— Уч. зап. МГПИ, т. XV. Кафедра истории СССР, вып. 3, 1952, с. 49.

ный фонетический вариант предлога «в», хорошо известный и современным псковским говорам. Тогда сочетание ОУ ДАНИХ надо воспринимать как современное «в даниях». «Дание» в значении 'дар' известно и в более поздних псковских памятниках, например по приписке на Житии Флора и Лавра, написанном в Пскове в 1695 г. для церкви Флора и Лавра за Великими воротами («данье псковитина Иоанна Афанасьевича Неклюдова» [56]).

Отдавая предпочтение толкованию «дание» как 'дар', следует все же обратить внимание на ряд статей Псковской судной грамоты, в которых тоже упоминается движимое имущество, но не в связи с дарением, а в связи с закладом или «сблюдением» (14, 15, 16, 19, 28—31, 45, 62, 103) [57]. Согласно нормам Псковской судной грамоты на сблюдение (хранение), как и в качестве заклада, могла отдаваться и одежда (ст. 14, 31). Применение таких юридических норм, известно и по новгородским берестяным грамотам [58]. Если понимать «дание» как вверение, не исключена возможность толкования его как заклада под какие-то условия или передачи на хранение.

«...ОУ КЮРИЛА ОУ СОУХМИНА СЫНА». ОУ КЮРИЛА — форма род. п. ед. ч. с предлогом ОУ от собственного имени «Кюрилъ» или «Кюрило». В псковских грамотах это второй случай употребления данного имени. К этому имени относится постпозитивное приложение ОУ СОУХМИНА СЫНА, состоящее из существительного СЫНА с препозитивным определением — притяжательным прилагательным с суффиксом — ИН — от собственного имени на — А (видимо, «Сухма»). В народных говорах существует нарицательное имя «сухмень» [59]. Имена с корнем «сух» известны в древнерусском языке. Имя «Сухма» могло быть только некалендарным. Приложение ОУ СОУХМИНА СЫНА представляет форму отчества. ОУ в этом отрезке текста — повторяющийся предлог, указывающий на нахождение какого-то предмета у кого-то. ИЗ МАЗИ (Щ). ИЗ — предлог. Далее, вероятно, следует топоним, в котором Щ читается предположительно, а последняя буква не читается. Он употреблен для уточнения личности Кюрила. Близкое географическое название отыскать не удалось [60].

Сказанное выше позволяет предложить такой перевод грамоты № 4: «А в дарах (пожаловании, вверении?) из Дубоничей двое сапог (имеются, находятся) у Кюрила, у Сухмина сына из Мази (щ)...». Рассмотрение формуляра записи в сравнении с формуляром новгородской берестяной грамоты № 141, которую А. В. Арциховский, Б. Б. Кафенгауз и Л. В. Черепнин согласно толковали как запись о закладе или сблюдении [61], вносит некоторую ясность в толкование псковского текста. В грамоте № 141 формуляр строится так:

1) определение стороны, у которой остается движимое имущество; 2) условия передачи I («положиле...»); 3) определение стороны, отдающей вещи, и самих вещей; 4) условия передачи II («... А цто ся подите на Мовозери, прислављши възмете»).

В псковской грамоте № 4 на первом месте — условие передачи («А ОУ ДАНИХ»), на втором — определение стороны, передающей вещи, и самих вещей («С ДОУБОНИЧИ ДВОИ САПОГИ»), на последнем —

---

[56] *Серебрянский Н. И.* Заметки и тексты из псковских памятников, т. I—V. М., 1910, с. 25.

[57] Псковская судная грамота, с. 40, 41, 42, 44, 46, 49.

[58] *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 11—15, № 138 (конец XIII — начало XIV в.); с. 17—19, № 141 (вторая половина XIII в.); *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты..., с. 361, 362, 368, 369.

[59] По былинам известен богатырь Сухман Одихмантьевич.

[60] В 15 верстах от Пскова была известна дер. Мазилино. См. Списки населенных мест Российской империи, т. XXXIV, с. 9, № 154.

[61] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты..., с. 361.

определение принимающей стороны. Здесь, как и в грамоте № 141, названы обе стороны и передаваемые предметы. Но если для грамоты № 141 очевиден временный характер пребывания вещей у принимающей стороны, то псковская грамота такого понимания не предлагает, все здесь скрыто в лаконичном «в даних». оговорок об условии возвращения вещей нет. На фоне юридической нормы, зафиксированной в ст. 100 Псковской судной грамоты, это дает основание считать псковскую грамоту № 4 дарственной записью. При таком толковании ее предполагается, что она должна была храниться у Кюрила Сухмина сына как документ на право владения сапогами.

Таким образом, первая псковская берестяная грамота с целым текстом является одновременно и новой разновидностью записей на бересте. Ее содержание представляет несомненный интерес для истории норм, зафиксированных Псковской судной грамотой, и свидетельствует о существовании записей о дарении в первой половине XIV в. и использовании в этих целях бересты.

Немногие пока находки берестяных грамот в Пскове позволяют, однако, сказать, что они очень близки новгородским грамотам как по типам (два письма, запись), так и по особенностям палеографии и языка. Вместе с тем в них есть черты, близкие памятникам средневековой письменности Пскова и свойственные псковским говорам. Псковские грамоты XII в.— пока наиболее древние достоверные свидетельства псковской письменности.

Находки берестяных грамот в Пскове, одном из крупных центров русской культуры, закономерны, и можно ожидать увеличения их числа при дальнейших археологических раскопках.

I. K. Labutina, L. Ya. Kostjuchuk

PSKOVIAN BIRCH-BARK CHARTERS N 3 AND N 4

Summary

Two birch-bark charters N3 and 4 were found during the excavations of 1970 and 1978 in the centre of the medieval Pskov, inside the wall, erected in 1309 (fig. 1, 2). The charter N 3 (fig. 3) is a letter, three fragments of which are preserved. The two lines of the text can be read clearly only in the beginning. The stratigraphic, palaeographic and fonetic data let the authors date the letter to the middle — second half of the XIIth century. The charter N 4 is preserved completely (fig. 4). Its stratigraphic dating — the second — forth decade of the XIVth century, is confirmed by the palaeographic and linguistic data. The letter includes 4 lines. The whole text, except two last letters is readable. The birch-bark charter N 4 is a record. Its centents, compared with the text of the «Pskovskaya Sudnaya Gramota» permit one to suppose, that it is a donation note. Some juridical norms, known only from legislative sources are reflected in this paper. It also contains some data, interesting for the history of the ancient Russian language and Pskovian dialects.

Н. Б. НЕМЦЕВА

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА ПАМЯТНИКАХ ЗОДЧЕСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ

В связи с подготовкой свода памятников истории и культуры СССР, необходимостью строгой классификации памятников архитектуры [1], составления типологических и хронологических таблиц как основы для историко-культурной и художественной оценки того или иного произведения строительного искусства, вопросы методики исследования памятников архитектуры, в том числе археологического, приобретают первостепенное значение.

Методика исследования памятников архитектуры Средней Азии формировалась параллельно с развитием архитектуроведения вообще, научной реставрацией памятников, органически взаимосвязана со всеми вопросами теории и практики изучения и сохранения архитектурного наследия. Специальных работ по методике исследования среднеазиатских памятников зодчества не имеется, если не считать самых общих инструкций в системе охраны и учета памятников материальной культуры по этому поводу [2]. Учебное пособие по методике полевых археологических работ в СССР [3] специальных рекомендаций методического порядка по археологическому изучению памятников архитектуры также не содержит.

Тем не менее в настоящее время существует практика и опыт исследовательских и реставрационных работ, проведенных за последние десятилетия в большом объеме во многих республиках Средней Азии, и особенно в Узбекистане, сложившихся фактически в целую школу. Область археологических исследований памятников архитектуры при этом также получила соответствующее развитие. Позволю себе остановиться на отдельных вопросах изучения памятников зодчества Средней Азии, исходя из собственного опыта многолетних работ в этой области.

Предлагаемая статья не методическое руководство по исследованию с классификацией всех видов памятников и рекомендуемых способов их

---

[1] В данном случае имеются в виду полностью или частично сохранившиеся на поверхности земли памятники архитектуры той или иной эпохи, на которых возможно проведение реставрационно-консервационных работ. Примечание это вызвано тем, что само понятие «памятник архитектуры» еще не до конца дифференцировано. В частности, многие специфично археологические памятники (т. е. памятники, требующие археологических методов исследования) — оплывшие тепе или городища — в первую очередь содержат остатки архитектуры. И наоборот, архитектурное строение, сохранившееся на поверхности в очень незначительной части или почти полностью погребенное под землей, по существу является археологическим памятником.

[2] Инструкция на право производства археологических раскопок и разведок на территории УзССР.

[3] *Авдусин Д. А.* Полевая археология СССР. М., 1972.

изучения (такой труд потребовал бы значительно большего объема и затраты времени) и тем более не инструкция по производству работ. Ее цель — обратить внимание на важность и необходимость археологического изучения архитектурных памятников, которым, к сожалению, еще до сих пор иногда пренебрегают, а также остановиться на случаях наиболее сложных в исследовательской практике, наметить некоторые рекомендации по методике изучения зодчества Средней Азии.

Методика исследования среднеазиатской архитектуры прошлого — наука молодая, истоки ее уходят в середину прошлого столетия, когда после присоединения Средней Азии к России стало возможным познавательное отношение к шедеврам средневекового зодчества. Однако культовое происхождение большинства из них (мечети, медресе, мавзолеи, ханака) практически исключали на этом этапе глубокие исследования, тем более археологические вскрытия и возможность научной реставрации. Почти как исключительный случай в деятельности Археологической комиссии можно рассматривать скромные археологические расчистки двора мечети Биби-ханым в Самарканде Н. Н. Щербина-Крамаренко в конце XIX в. Во второй половине XIX — начале XX в. шел медленный процесс сбора материалов по архитектуре прошлого, первые архитектурные работы (фотосъемки, схематические, за редким исключением, обмеры).

Лишь после установления в Туркестане советской власти начались комплексные археолого-архитектурные исследования и реставрация памятников на основе точных документальных данных. Еще в 20-е годы при определении задач и ближайших целей Средазкомстариса (Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы) говорилось, что для полного описания памятника обязательно обследование частей его, скрытых в земле. Проводятся эти работы инженером совместно с археологом [4].

Большие вскрытия шурфами — раскопами, проведенные в 1920—1921 гг. на Регистане (медресе Улугбека и Шир-Дор) в Самарканде, способ фиксации стратиграфии путем разверток — разрезов, ортогональных проекций, доисследования в процессе ремонтных работ явились хорошей школой археологического изучения памятников архитектуры и исторической топографии связанных с ними участков древних городов [5].

Два главных положения — обязательность археологических вскрытий и комплексность работ (участие в исследовании разных специалистов), наметившиеся уже в начале 20-х годов нашего века, легли в основу сложившейся к настоящему времени методики изучения архитектурного наследия, являясь определяющими ее принципами. Останавливаясь специально на вопросах методики археологического изучения памятников зодчества, надо отметить, что она также выработана практикой общих исследовательских и реставрационных работ.

Касаясь этого вопроса вообще, нужно сказать, что способы и пути исследования и реставрации памятников архитектуры могут быть бесконечно дифференцированны, определяясь спецификой памятника того или иного историко-географического региона, степенью сохранности, сложностью объекта и других многочисленных факторов, хотя общие, единые принципы при этом безусловны.

В частности, среднеазиатская архитектура прошлого, воплотившая в своем строительном материале местные природные ресурсы (отложения лёсса и его производные в виде различных видов пахсы, лёссовых заливок, сырцового кирпича, затем жженого кирпича и лишь со значительно

---

[4] *Нечкин Д. И.* Задачи и ближайшие цели Средазкомстариса.— Изв. «Средазкомстариса», вып. 1. Ташкент, 1926, с. 7.

[5] *Массон М. Е.* Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении.— Тр. САГУ, археология Средней Азии, вып. XXXI, историч. науки, кн. 12. Ташкент, 1956, с. 19—30.

меньшим удельным весом — дерево, камень), несет определенные характерные черты и требует особой методики исследования.

Памятники археологии делятся на десятки различных категорий, требующих особого подхода как в исследовании, так и в дальнейшем их сохранении как исторического фонда, своеобразного архива; то же и с памятниками архитектуры, требующими не только изучения, но и реставрации, после чего сохраняется их практическое функциональное использование. Археологические исследования здесь подчинены общим вопросам изучения и реставрации и одновременно совершенно самостоятельны. Круг вопросов при этом чрезвычайно разнообразен. Он может быть ограничен характером самого предмета исследования, до определения состояния нижних, скрытых землей конструкций, если памятник прост в плане, одного строительного периода, его не подстилают культурные слои, и очень широк, далеко выходя за рамки утилитарных требований укрепления здания в случае, если это сложносоставная в объемно-планировочном и историческом отношении группа, комплекс, ансамбль со сложной стратиграфией, трансформацией архитектурного облика и функций.

Чрезвычайно важна полнота и высокое качество исследовательских работ, строгая продуманная последовательность их выполнения. Известно, что изучение памятников архитектуры может осуществляться только до начала ремонтно-укрепительных или реставрационных работ и в процессе этих работ. В последующем, после укрепления, реставрации всякие исследования, особенно археологические, практически исключены; неполноценность или непрофессиональность исследований и связанные с этим ошибки отражаются не только в отчетах, статьях, но материально реализуются в виде искажающих первоначальный облик, неверно восстановленных частей памятника, ведут к неоправданной затрате средств.

Хотелось бы также подчеркнуть не только практическую важность полноты и качества исследований памятников зодчества, связанных с реставрацией, необходимостью документальных данных, но столь же высокую общенаучную их значимость. Важно не только сохранить памятник, но и оптимально расшифровать историю его появления и жизни, глубоко понять инженерно-строительные, архитектурно-декоративные приемы, постараться решить отдельные вопросы социально-экономического, историко-культурного порядка, одним словом, извлечь максимум информации, способной одухотворить немые руины прошлого и заставить их говорить. Все это важно еще и в связи с развитием туризма, небывало возросшим интересом широких масс населения к старине, потребности в научно-популярной литературе, путеводителях.

В отличие от чисто археологических объектов, где исследования могут вестись с интервалами во времени и, при всем неудобстве и значительном ущербе такой практики, могут быть прерваны и возобновлены вновь (например, городище Айртам в Сурхандарьинской обл. начали изучать в 30-е годы, а продолжили в силу различных обстоятельств лишь в середине 60-х годов), архитектурные памятники после реставрационно-укрепительных работ становятся практически недоступными для дальнейших исследований (например, комплекс Гур-Эмир в Самарканде, где проведена реставрация, благоустройство территории; памятник введен в туристический маршрут, хотя археологическое изучение его и не завершено).

Археологические вскрытия — одна из первых стадий исследования памятников архитектуры, основа всех последующих исследований. Выявление строительной периодизации, геометрических построений, инженерных решений, наконец, архитектурный обмер не полноценны без археологического изучения скрытых под землей частей. Работы эти ведутся обычно параллельно и определяются как археолого-архитектурные исследования; к ним кроме обязательных участников — археолога и архитектора могут быть привлечены в зависимости от конкретных требований инже-

нер-конструктор, гидрогеолог (для определения плотности, влажности, состава подстилающих грунтов, уровня стояния грунтовых вод), антрополог, химик и другие специалисты. Тесный контакт разных специалистов, комплексность, совместность работ — одно из важных обстоятельств исследования архитектуры, за которыми стоят научные и практические результаты.

Сложившаяся к настоящему времени среднеазиатская археологическая школа, принявшая за основу методы, утвержденные ташкентской археологической школой, основателем которой по праву можно назвать старейшего археолога Средней Азии М. Е. Массона, предполагает ряд обязательных правил в исследовании памятников. В принципе эти правила не отличаются от общепринятой полевой археологии, они лишь несколько специфичны. В число их входит предварительное комплексное историко-географическое, топографическое, топонимическое изучение памятника по письменным источникам и данным археологии, подквадратное вскрытие широкими площадями (с предварительной разведывательной шурфовкой), поярусная вертикальная фиксация материалов (с внутренним выявлением культурных слоев, строительных уровней), тщательная всесторонняя фиксация, подробная обязательная отчетность.

Особенность среднеазиатской полевой археологии — в практической сложности работы с глино-лёссовым строительным материалом древности, характером его разрушений. В частности, поярусная (25, 50 *см*) система ведения раскопов, с привязкой всех уровней вскрываемого объекта к единому реперу, с выявлением горизонтальных наслоений, фиксирующих периоды разрушений, запустений, перестроек,— одна из отличительных черт среднеазиатской полевой археологии, вызванная спецификой многометровых культурных толщ в городах Средней Азии.

Проблема стратиграфии культурных наслоений наиболее остро стоит именно в среднеазиатской археологии, где крупные исторические города в течение полутора-двух тысячелетий занимали примерно одну территорию (Ташкент, Бухара, Самарканд и др.). Как исключение, вызванное условиями и задачами работ при исследовании археологического объекта, допускается вскрытие его шурфами или траншеями. Специфика археологических работ на памятниках архитектуры заключается именно в том, что практически исследования возможны преимущественно шурфами или траншеями, часто в комбинации земляных работ с зондированием кладок и штукатурок стен, зачистками. Вызвано это не только конкретными задачами исследования, хотя и это имеет место в случае, когда памятник однослойный, но главным образом именно сложностью композиции, исторической периодизации (своего рода стратиграфии) памятника, комплекса, ансамбля, тесной планировочной застройкой, расположением памятника в черте современного города, действующего кладбища и других многочисленных факторов, исключающих возможность широких вскрытий, допускающих лишь сеть шурфов, зондажей, траншей, иногда сочетание всех этих способов с подквадратным вскрытием небольших площадей.

Особенности археологических работ на памятниках зодчества и в тесной взаимосвязи и переплетении конечных целей архитектурного и археологического исследования, разграничить которые порой нельзя. Они подчинены не только решению историко-архитектурных задач (датировка, строительная периодизация, планировка, характер нижних конструкций и др.), но связаны с получением необходимых документальных данных по утраченным частям, например декору, архитектурным деталям и т. д. Методы археологического исследования могут быть продиктованы и состоянием архитектурного произведения или его локальными историко-географическими особенностями, его размещением в среде.

Само понятие «памятник архитектуры» в зависимости от состояния этого памятника может быть разделено на несколько категорий. Это

может быть произведение единовременного строительства, полуразрушенное сверху, скрытое культурными наносами в основании. Археологическое изучение в таком случае ограничено преимущественно архитектурно-инженерными задачами, вернее, подчинено им. Даже сугубо археологическая функция — датировка памятника на основе стратиграфии (при отсутствии архитектурно-стилистических показателей) — бывает осложнена тем, что шурф у стен здания, как правило, попадает в старый котлован для фундамента здания с нарушенными слоями и информация его неполноценна. Необходимы контрольные зачистки стен, полов, тщательная проверка и сопоставление всех данных, осторожное их использование.

Памятник по степени сохранности может быть и архитектурно-археологическим — наиболее распространенная категория. Сюда входят как одиночные здания со сложной планировочной системой, местами разрушенные почти до основания и не сохранившиеся на уровне дневной поверхности (Ак-Сарай в Шахрисабзе, мечеть Биби-ханым и обсерватория Улугбека в Самарканде, Кок-Гумбаз в Ура-Тюбе, Рабат-и Малик в Бухарской обл. и мн. др.), так и комплексы или ансамбли, где не только части зданий, но и целиком отдельные строения погребены под землей (ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде). Они представляют уже чисто археологический объект. После раскопок их в ряде случаев проводится консервация, например путем наращивания до определенного уровня вскрытых остатков стен для выявления плана медресе и ханака Мухаммад Султана в комплексе Гур-Эмир, в обсерватории Улугбека, отдельных вскрытых мавзолеев в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде и т. д. Эта категория памятников представляет наибольший исследовательский интерес для археолога и одновременно требует подчас самых сложных комбинированных, индивидуальных методов изучения, определяемых конкретными условиями и состоянием памятника. При этом изучение памятника осложняется многослойностью строительной периодизации, выявить до конца которую в некоторых случаях не представляется возможным из-за многочисленных перестроек, как бы поглотивших первоначальные стены. При таких работах требуется буквально виртуозность в выборе методов, сочетающих архитектурные исследования (обмер памятников, анализ его форм, пропорций, построения) с археологическими данными шурфов, зондажей, зачисток. Чрезвычайно осложнено в таких случаях осмысление полученных материалов.

Одним из примеров изучения такого многослойного, трудного для изучения объекта явился в свое время мавзолейный комплекс Кусама ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда. Возникший, как было установлено на основе многочисленных прямых и косвенных данных, в середине XI в. [*], мавзолей этот как главная святыня, идеологическое ядро некрополя, развившегося на юге домонгольского Самарканда (Афрасиаб), во все последующие времена (XIV—XIX вв.) был предметом первостепенного внимания и строительно-ремонтных забот. Перестройки, переделки различных эпох наслоились в виде обкладок стен, перекладок куполов и сводов, закладок проемов и пробивки новых, обновления декоративной отделки и возведения целых помещений на месте разрушенных старых.

Неполные исследования на отдельных этапах, поспешные публикации дали искаженное представление о планировочной и функциональной основе, периодизации памятника. В частности, обнаружение в начале 60-х годов очень эффектного резного дерева в одной из стен зиаратханы, ограниченность исследовательских (в первую очередь археологических) данных к тому времени привели не только к неверной интерпретации самой деревянной конструкции (она была принята за внешнюю деталь перекрытия), но к целому ряду других ошибок; на месте зиарат-

---

[*] *Немцева Н. Б.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. (по археологическим данным).— В сб.: Зодчество Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1970, с. 122—138.

ханы была «придумана» четырехстолпная мечеть, появились неточные датировки [7] и т. д. Последующими археологическими работами в комплексе Кусама ибн Аббаса севернее зиарат-ханы под мечетью XV в. было выявлено узкое (5,5 *м*) длинное полуподземное помещение, куда была обращена резная деревянная консоль и с внутренним перекрытием которого она и была связана [8].

Весьма показательным примером неверного понимания назначения здания, строительной периодизации и датировки (археолог в работах не участвовал) является полуподземный мавзолей Музлум-Сулу в Миздахкане (Хорезм), принятый исследователем за дворец [9], хотя средневековый памятник этот стоит на многослойном кладбище, существовавшем здесь по меньшей мере с начала нашей эры, где строительство дворца совершенно невероятно [10].

Примеры таких ошибок в интерпретации памятников, когда исследования велись без археолога, можно было бы умножить. Однако и приведенных достаточно для иллюстрации важности комплексных, и в первую очередь археолого-архитектурных работ при изучении зодчества прошлого. Любые земляные работы у памятника — это уничтожение культурных слоев, своеобразного документа истории, прочтение которого специалистом-археологом на высоком профессиональном уровне должно быть обязательным. Порча же археологического памятника равноценна уничтожению исторического документа, еще не прочитанного.

Столь же сложно исследование архитектуры поры развитого средневековья (X—XII вв.), в своем роде переходной поры, когда строительная культура Средней Азии и всего Среднего Востока испытывала, выражаясь современной терминологией, научно-техническую революцию. Она была связана с утверждением новой идеологической системы ислама, бурным развитием социально-экономических и производственных отношений, общим прогрессом науки и техники, что выразилось в появлении новых форм архитектуры, призванной удовлетворить потребности развитого феодального общества. В строительном деле происходит постепенное вытеснение основных строительных материалов из сырой глины жженым кирпичом, появление новых средств декоративного оформления стен (фактурная кладка кирпича, резная терракота и ганч, всевозможные комбинации этих материалов). Период этот в архитектуре характеризует активный поиск зодчими и художниками новых выразительных форм в конструкциях, декоративном решении, сочетание новых веяний и старых традиций, сложение определенных типов строений, канонизированных в последующие столетия (медресе, караван-сараи, ханака).

Сочетание в одном сооружении сырцового материала (пахса, кирпич-сырец) и жженого кирпича, различных инженерно-строительных и декоративно-облицовочных приемов требует более внимательного и строгого сопоставления всех данных при его изучении, решении вопроса о строительной периодизации. При этом возможны разного рода заблуждения, вызванные привычным (основанным на позднесредневековом зодчестве) стереотипом того или иного вида строения, логикой мышления, построенной на таком стереотипе. Например, различные приемы декоративного решения главных фасадов двух мавзолеев в Саяте (юг Таджикистана), объединенных сквозным айваном и представляющих единую поперечно-

---

[7] *Филимонов В. М.* Древнее резное дерево из комплекса Кусама ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда.— В сб.: Искусство зодчих Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1962, с. 267—278.

[8] *Немцева Н. Б.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв., с. 127, 128, 132—135.

[9] *Филимонов В. М.* Уникальный памятник гражданского зодчества — дворец Музлум-Сулу.— В сб.: Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1967, с. 63—82.

[10] *Ягодин В. Н., Ходжайов Т.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, с. 8, 9.

осевую композицию, явились в свое время одним из главных аргументов для доказательства разновременности их строительства [11].

Действительно, все позднесреднековые памятники подобной композиции, например главные фасады почти любого медресе XV—XVII вв. в Ташкенте, Самарканде, Бухаре с симметричным решением боковых крыльев по сторонам главного портала, декоративно отделаны одинаково. Между тем комплексные археолого-архитектурные исследования 60-х годов (обмер, зондажи, шурфы, зачистки) не только подтвердили точку зрения М. М. Дьяконова [12] об одновременности строительства мавзолеев в Саяте и датировку XII в., выдвинутую им на основе стилистических особенностей надписи портала, но и доказали единовременность возведения всего вскрытого сооружения дворово-айванного типа, примыкавшего к мавзолеям, где последние с боковыми крыльями и гульдаста составляли лишь одну из сторон.

При определении строительной периодизации археологом учитывались разные показатели: и один общий уровень основания памятника, и характер стыков стен (перевязка кладки или ее отсутствие), и формат жженого и сырцового кирпича, и многое другое, и в том числе комплекс бытовой керамики из нижнего слоя помещений двора, относящейся не ранее чем ко второй половине XII в., исключающий возможность нескольких строительных периодов для домонгольского времени на памятнике и датировку его раньше чем XII в. [13] Детально был рассмотрен план сооружения и главным образом южная мавзолейная сторона. В случае разновременности строительства один из мавзолеев (считавшийся более ранним), имеющий центрическую композицию, был бы лишен элементов портальной арки на углу с дворовой стороны, связанной с оформлением сквозного айвана или имел бы хоть какие-то следы последующей ее пристройки. Все внешние показатели — разный строительный материал (сырец, пахса и жженый кирпич), асимметрия в декоративном решении южного фасада — до сих пор являются серьезным психологическим барьером в объективной оценке данных комплексного исследования памятника и неверного о нем суждения [14].

Археологические раскопки памятника (к сожалению, наиболее возможная форма исследования архитектуры) далеко не всегда дают целостную картину. Интерпретация их результатов часто таит опасность разного рода заблуждений. В частности, фундаменты, как правило, в одновременном сооружении единого уровня, но когда здание построено на однородном материковом слое, а верхние его объемы не дают слишком разной нагрузки, могут быть и разной глубины заложения с использованием комбинированных стройматериалов. Касается это главным образом домонгольской архитектуры. Вызвано, как правило, не только учетом средневековыми зодчими разной нагрузки в различных частях здания, но и характером подстилающего слоя. В случаях, когда это многометровый разной плотности культурный слой, в фундаменте возможны самые неожиданные перепады и сочетания материалов. Окончательное, доказательное решение в таких случаях возможно только при сплошном вскрытии вдоль стен с получением полной картины.

Один из признаков разновременности строительства стен при определении строительной периодизации — отсутствие конструктивной их пере-

---

[11] *Беленицкий А. М.* Мавзолей у селений Саят.— МИА, № 15, 1950, с. 207—209; *Хмельницкий С. Г.* Архитектурный комплекс Ходжа Машад в селе Саят. Ленинградский инженерно-строительный институт, доклады к XXII научной конференции. Л., 1965, с. 34—38.

[12] *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.).— МИА, № 37, 1953, с. 269.

[13] *Немцева Н. Б.* Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана.— СА, 1969, № 3, с. 173—185.

[14] *Хмельницкий С. Г.* Медресе Ходжа Машад.— В сб.: По следам древних культур Таджикистана. Душанбе, 1978, с. 117—142.

вязки между собой, т. е. шов на стыке стен также не является надежным показателем. В целом ряде памятников сохранение разделительного шва — принятый инженерно-строительный метод. Не перевязаны взаимно перпендикулярные стены в портале мечети Биби-ханым, в помещениях дворовой части караван-сарая Рабат-и Малик и в целом ряде других строений. Решение вопроса в таких случаях требует особой внимательности и учета всего комплекса данных.

Следует остановиться на методике выявления архитектурных остатков шурфами, когда это связано со сравнительно большой площадью, но сколько-нибудь значительное ее вскрытие невозможно (застройка более поздними строениями, расположение действующего кладбища и другие причины). В таких случаях до закладки шурфов или траншей необходимо особо тщательное обследование микрорельефа территории, сохранившихся на поверхности руин, предварительные схематические замеры, примерная наметка возможной планировочной композиции разрушенной части здания, хорошо продуманная рациональная сетка шурфов, охватывающая наиболее ответственные планировочные узлы.

В процессе работ шурфы могут быть смещены, развиты в небольшие раскопы, соединены в траншеи. В некоторых случаях (положение памятника в древнем городе) часть шурфов должна быть опущена до материкового слоя и получено полное представление о стратиграфии слоев, подстилающих и окружающих архитектурное строение. При заложении таких шурфов должна быть учтена их полная безопасность для конструкций самого здания. При шурфовке, дающей, как правило, фрагментарные представления, особенно необходима тщательная фиксация всех материалов, сопоставление их по данным разных шурфов, составление стратиграфических разрезов всех сторон шурфа, а не только его архитектурной части. В случае, когда шурфом обнаруживаются строительные остатки разных периодов, поздних пристроек к основному сооружению, мешающих дальнейшему углублению шурфа, рекомендуется все их сохранить. Если такой возможности нет, следует вести разборку поздних кладок (только в случае, если это совершенно безопасно для конструктивного состояния сооружения) так, чтобы в обрезах шурфа оставались контрольные участки стен.

Шурфы после полной их научной фиксации, как правило, засыпаются, однако в некоторых случаях, например при выявлении выразительной картины строительной периодизации на памятнике, шурфы лучше консервировать, укрепив стенки, закрыв шурф металлической сеткой. Таким образом сохраняется возможность ввести в экспозицию дополнительную наглядную информацию по истории памятника. Форма консервации при этом может быть самой разнообразной в зависимости от конкретных данных памятника и шурфа. Таким же образом следует поступать с зондажами в кладках и штукатурках стен, т. е. сохранять их, если позволяют условия.

Как и само исследование, консервация должна вестись под строгим наблюдением археолога или архитектора, должна быть очень точно продумана и выполнена. Полноценным источником информации такая консервация на памятнике будет только в случае, если она проэтикирована в доступной для понимания не специалиста форме. К сожалению, большая часть зондажей, как правило, закладывается или заштукатуривается (дабы не испортить вид памятника), оставленные же для обозрения не имеют аннотаций и теряют смысл для всех, кроме прямых участников исследования.

Не менее важным положением, определяющим успешные результаты археологического исследования на памятнике, является четкое понимание задач, методических аспектов изучения зодчества Средней Азии. Археологические аспекты связаны главным образом с общими и частными проблемами архитектуроведения и реставрации. Вот некоторые из них:

1. Изучение дворово-айванной архитектуры (мечеть, медресе, ханака, караван-сарай, дворец, госпиталь) с выявлением динамики развития архитектурных форм и функционального дифференцирования на разных хронологических этапах. Особенно важен период становления этого типа сооружений в IX—XII вв.

2. Выявление, систематизация и классификация мемориального зодчества Средней Азии по хронологически и регионально отдельным группам с анализом архитектуры, конструкций погребальных устройств (склеп, впускная могила, индивидуальная, коллективная сагана и др.), погребального обряда в проекции на более древние обычаи и этнографические реликтовые явления.

3. Изучение нижних конструкций (фундаментов, оснований) в плане различий временных, историко-географических, конкретно ситуационных (на городище, в существующем городе, на материковом слое, на кладбище, в районах с повышенной сейсмикой и т. д.).

4. Практические аспекты исследования могут быть связаны с определением датировки, функционального назначения, выявлением строительной периодизации отдельного памятника, группы, ансамбля, комплекса. Практические аспекты обусловлены более всего задачами реставрационных работ (выявление полных планов, определение характера и состояния нижних конструкций, получение данных для восстановления декора, отдельных частей и т. д.).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть обязательное археологическое исследование памятников архитектуры специалистом-археологом. Только в этом случае будут полноценны археолого-архитектурные исследования памятников со всем комплексом из специфично археологических и историко-архитектурных проблем. Ориентация в вопросах научной реставрации, знание особенностей зодчества того или иного историко-географического региона, владение общим методом ведения полевых и камеральных археологических работ, умелое, гибкое применение его в конкретных условиях обеспечат успех археологических исследований памятников архитектуры.

N. B. Nemtseva

ON THE METHODS OF FIELD ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE ARCHITECTURAL MONUMENTS OF THE MIDDLE ASIA

Summary

The methods of field archaeological investigations on the architectural monuments of the Middle Asia, compared with the general field archaeology have some specific features. This specifics is determined by the situation of monuments (in the territory of modern towns, as a part of an ensemble or a complex, surrounded by a graveyard etc.), by the condition of preservation, volume and plan of a monument, and, mainly by the complexity of the periodization of the building and repairs, this original stratigraphy of a monument. The excavation of large sections, adopted in the field archaeology of the Middle Asia is not suitable for the architectural investigations. The methods of excavations by small diggings and trenches combined with soundings, cleaning of walls, plaster and decorative layers are mostly used. The main points in the research of the architecture of the past are the complex character of investigations employing specialists in different fields (archaeologist, architector, constructor, pointer, chemist) and obligatory archaeological excavations.

В. И. КУРЛОВ

О РЕСТАВРАЦИИ СОЛОВЕЦКОГО ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА XVI ВЕКА

Недавно начатое углубленное изучение каменного зодчества Севера объясняет интерес к появлению полного воссоздания первоначального облика Соловецкого собора [1], так как в ранее предлагавшихся, взаимоисключающих его реконструкциях главное внимание уделялось завершению памятника. Вызвала тревогу и публикация не выдерживающих критики проектов завершений главных храмов монастыря — Успенской трапезной церкви (1552—1557), Преображенского собора (1558—1566) и Благовещенской надвратной церкви (1596—1600) [2], из которых первый уже осуществлен в натуре. Возвращение к теме связано также с невозможностью изложить проведенные исследования в одной статье, приведшей к появлению откликов. Остановимся в первую очередь на выступлениях М. И. Мильчика и М. А. Ильина, которые настаивают на первоначальном завершении собора шатром [3]. Опровергать это утверждение нет необходимости ввиду полного его несоответствия натурным и историческим данным, не говоря уже, что завершение каменным шатром столпного храма для того времени было технически неоправданным. Остается выяснить, как такое завершение появилось на некоторых изображениях памятника, и прежде всего миниатюре Жития конца XVI в. [4] (рис. 1, *А*).

Нет оснований, утверждает М. И. Мильчик, считать возможными оригиналами для миниатюры иконы с панорамой деревянного монастыря XV — начала XVI в., так как они не могли существовать задолго до канонизации Соловецких чудотворцев в 1547 г. [5] Однако этому противоречит существование на Соловках иконописи, не посвященной их культу, о чем свидетельствует икона «Божья матерь Боголюбская с житием Зосимы и Савватия» 1545 г. [6] и местная канонизация соловецких «начальников» задолго до общерусской, в пользу чего говорит посвящение им в 1540 г. придела в одной из церквей Новгорода [7]. Мало изучены соловецкие иконы музеев Вологды, Ярославля, Переславля-Залесского, Владимира и других мест; записано или не сохранилось множество икон,

[1] *Курлов В. И.* Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI в.— СА, 1974, № 1, с. 79—101.

[2] *Савицкая О. Д.* Некоторые черты северного зодчества на примере архитектурных памятников Соловецкого монастыря.— АН, № 21, 1973, с. 65—67.

[3] *Мильчик М. И.* Панорамные изображения северных архитектурных ансамблей в древнерусской живописи второй половины XVI — первой половины XVIII в. Канд. дис., ч. I (текст). Л., 1974, с. 103—105, хранится в ГБЛ; *Ильин М. А.* О первоначальном виде собора Соловецкого монастыря 1558—1566 года.— СА, 1976, № 1, с. 146—152.

[4] Житие и подвиги преподобных отцов наших Зосимы и Савватия Соловецких. ГИМ. Из собрания Вахромеева, № 71, 1596—1599 гг.

[5] *Мильчик М. И.* Ук. соч., с. 78.

[6] *Маясова Н. А.* Памятники о Соловецких островах.— В серии: Публикация одного памятника, вып. 7. Л. (без года).

[7] *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви М., 1903, с. 83.

Рис. 1. Прориси изображений собора. *А* — с миниатюры 1596—1599 гг. Заштриховано условное изображение деревянных Переходов между Собором и Трапезой, потроенных между 1577 и 1582 гг. *Б* — с иконы 1699 г.

например, упоминаемых переписными книгами монастыря[8]. Последнее оставляет надежду, что возможны находки или расчистки, подтверждающие существование на Соловках деревянных шатровых храмов или хотя бы шатровой Преображенской церкви, построенной во время игуменства Зосимы в 1452—1478 гг. и сгоревшей в 1538 г. Доказательством их существования служит миниатюра «Соловецкие угодники» начала XVII в.[9], использовавшая оригинал второй четверти XVI в. На ней храмы сохранили взаимное расположение деревянных, покрыты шатрами, но показаны каменными, включая и деревянную Никольскую церковь, построенную после пожара к югу от местоположения ныне существующего собора. До освящения в 1557 г. Успенской трапезной церкви она оставалась единственным храмом монастыря и после постройки каменной Никольской церкви в 1584 г. перенесена на остров Анзер.

Есть еще два изображения с шатровым завершением собора: на другой миниатюре указанного Жития (л. 233, относящийся к добавке 1623 г.) и иконе, хранящейся в ГИМ, выполненной между 1627—1645 гг.[10] На такую датировку указывают могилы Авраамия Палицина,

---

[8] ЛОИИ, кол. 2, № 124, лл. 4, 39; № 128, лл. 53, 58, 58 об.; № 130, лл. 57, 58 об.

[9] ГТГ, инв. № 12106; *Муратов П.* Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова. М. 1914, с. 37.

[10] ГИМ, инв. № 54627/И^{VIII}353; *Мильчик М. И.* Ук. соч., ч. III (альбом), илл. 36.

умершего в 1627 г. и похороненного у южного фасада собора, Германа — у северного фасада и Филиппа, перенесенного в собор в 1645 г. Миниатюра и икона передают собор весьма обобщенно и делались с того же оригинала, что и приведенная выше миниатюра «Соловецкие угодники». М. А. Ильин считает, что эти три графических источника конца XVI — первой половины XVII в. (две миниатюры Жития и икона ГИМ) сделаны с натуры, поскольку только в конце XVII в. появляются знакомые нам по фотографиям изображения центральной главы [11]. Однако можно указать с десяток изображений середины и начала XVII в., а также XVI в., на которых шатровое завершение отсутствует. Остановимся лишь на нескольких примерах.

Датировку изображения иконы середины XVII в. «Зосима и Савватий с монастырем в руках» [12] можно уточнить. На изображении есть Портная палата 1642 г., отсутствуют Сушильный пристенок и перестройка крыши Сушильной палаты, сделанная после разборки раската, устроенного во время осады монастыря в 1668—1676 гг. Далее, икона ГТГ из Остроуховского собрания [13] относится к 1600—1605 гг.— на ней показана Благовещенская церковь, но Успенская церковь еще двуглавая. Помимо упоминавшейся выше иконы 1545 г., представляющей своеобразный «проект» каменного монастыря, есть икона XVI в. [14], выполненная во время или вскоре после окончания строительства собора, в клеймах которой нет его шатрового завершения. Без шатра собор и на изображении монастыря иконы примерно 1578 г. [15], поскольку на нем показана деревянная ограда монастыря, существовавшая до постройки острога воеводой Михаилом Озеровым в 1579 г., а также каменная церковь Николая (представленная в отличие от остальных храмов весьма условно, так как в 1577 г. была только начата строительством) и перед ней могилы Германа и Савватия, но еще нет деревянных Переходов между Собором и Трапезной, уже существовавших в 1582 г. [16]

Однако традиция завершения предшествующего деревянного храма шатром в принципе продолжена и на каменном соборе устройством центральной главы в виде усеченной прирамиды, разделенной на два яруса: с окнами в верхнем и облегчающими стены нишами в нижнем (рис. 2). К последнему и примыкали верхние кокошники, показанные на шатре миниатюры двойными ломаными линиями (рис. 1, *А*). М. И. Мильчик принял их за стыки верхней, утраченной, по его мнению, деревянной части шатра с шеей главы и нижней существующей кирпичной частью. Однако сопряжения каменных храмов с деревянным шатром в русском зодчестве чрезвычайно редки, тем более в таком монументальном произведении.

Считать верх выполненным в камне не поможет и ссылка на то, что собор имел «высокий шатер, сопоставимый с Сергиевской церковью Богоявленского монастыря в Московском Кремле, отличающейся подобным шатром и ярусами кокошников у основания» (разрядка моя.— *В. К.*) [17]. Существующий в натуре наклон граней главы приведет к завершению собора малоэстетичной «свечой» или «граненой трубой» (термины М. А. Ильина), а увеличение наклона вверху испортит еще более.

Иконография может оказать большую помощь, а порой, как в случае с Соловецким собором, стать решающим аргументом в оценке натурных, исторических и других данных, используемых для воссоздания памятника

---

[11] *Ильин М. А.* Ук. соч., с. 149.
[12] ГИМ. Филиал в с. Коломенском, инв. № 23302/91/И^{VIII}349.
[13] ГТГ, инв. № 12068; *Муратов П.* Ук. соч., с. 31.
[14] ГИМ, икона «Зосима и Савватий с Житием» в 55 клеймах, инв. № И^{VIII}5625.
[15] Икона «Обитель Зосимы и Савватия» из иконостаса церкви Ризположения Московского Кремля, инв. № 3092 Соб.
[16] ЛОИИ, колл. 2. Переписные книги монастыря, № 124, л. 37.
[17] *Ильин М. А.* Ук. соч., с. 148.

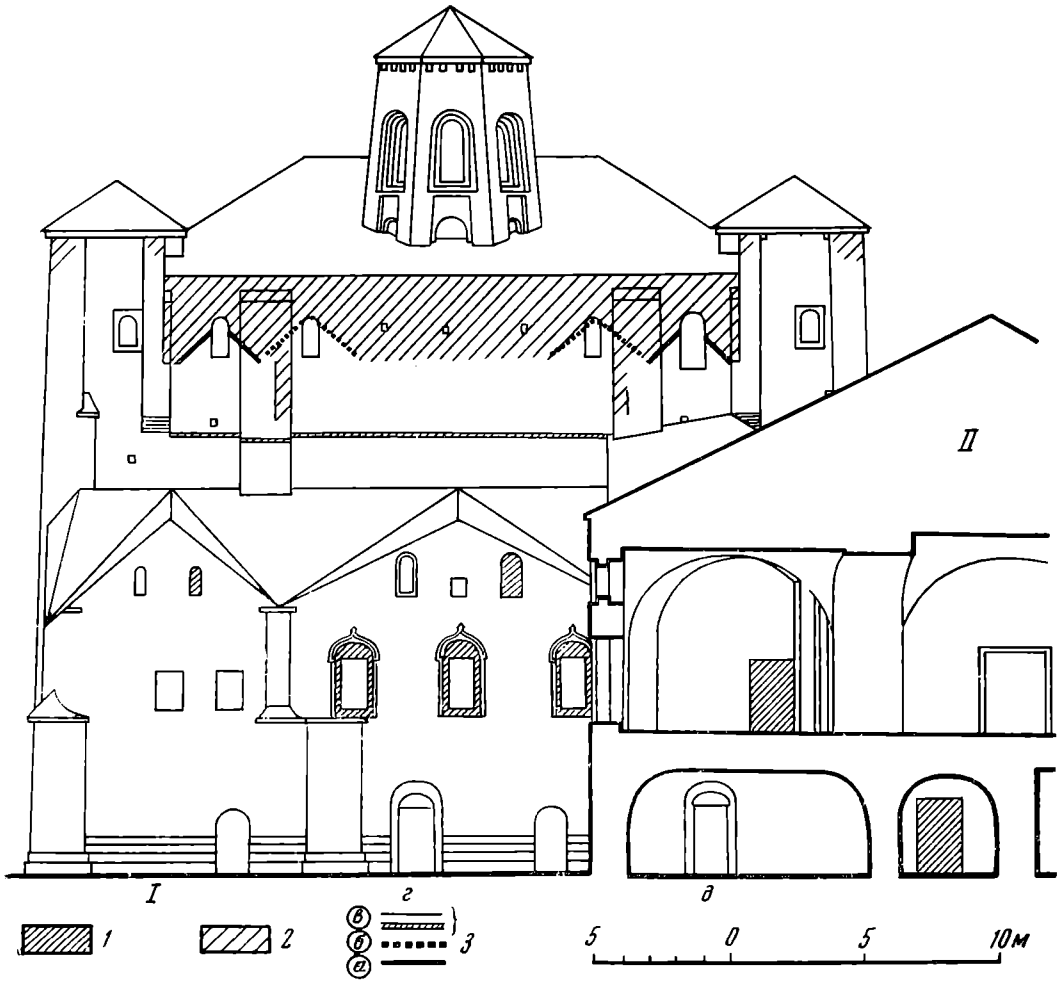


Рис. 2. Восточный фасад Преображенского собора. Обмер. I — фасад дьяконника, с конца XVII в. придела Михаила Архангела. II — разрез Троицко-Зосимо-Савватиевского собора 1859 г., включившего первоначальный придел Зосимы и Савватия и жертвенник собора; *г*, *д* — окна подклета, переделанные в двери
Условные обозначения: *1* — закладки, *2* — поздняя кладка, *3* — штрабы: *а* — сквозные, *б* — чердачные, *в* — фасадные

как в целом, так и в деталях. Примером является реконструкция восьми кокошников, непосредственно окружавших барабан центральной главы, нашедшая подтверждение в изображении из Жития, созданного на Соловках в 1711 г.[18] Даже такая тонкость, как размещение на стене западного фасада двух первых ярусов кокошников отражена на весьма близком к натуре изображении упомянутой иконы Остроуховского собрания. Последнее дает, кроме того, полное представление о двуглавом ярусном завершении Успенской церкви, показанном также и на миниатюре Вахрамеевского Жития из ГИМа, как и на изображении иконы 1578 г. В связи с появившимся утверждением, будто все эти изображения (включая представленные на рис. 1) не имеют достаточной доказательности в отношении расположения вне собора нижних приделов[19], возникает необходимость остановиться на нем подробнее.

В. А. Буров полагает, будто сохранившаяся у подклета собора выступающая часть принадлежит изначальной каменной паперти (рис. 3, *К*),

[18] Оружейная палата Московского Кремля (далее ОП.). Рукопись «Сад спасения», инв. № ПОР 2816, л. 603.

[19] *Буров В. А.* К вопросу о реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в.— СА, 1977, № 4, с. 307, 312.

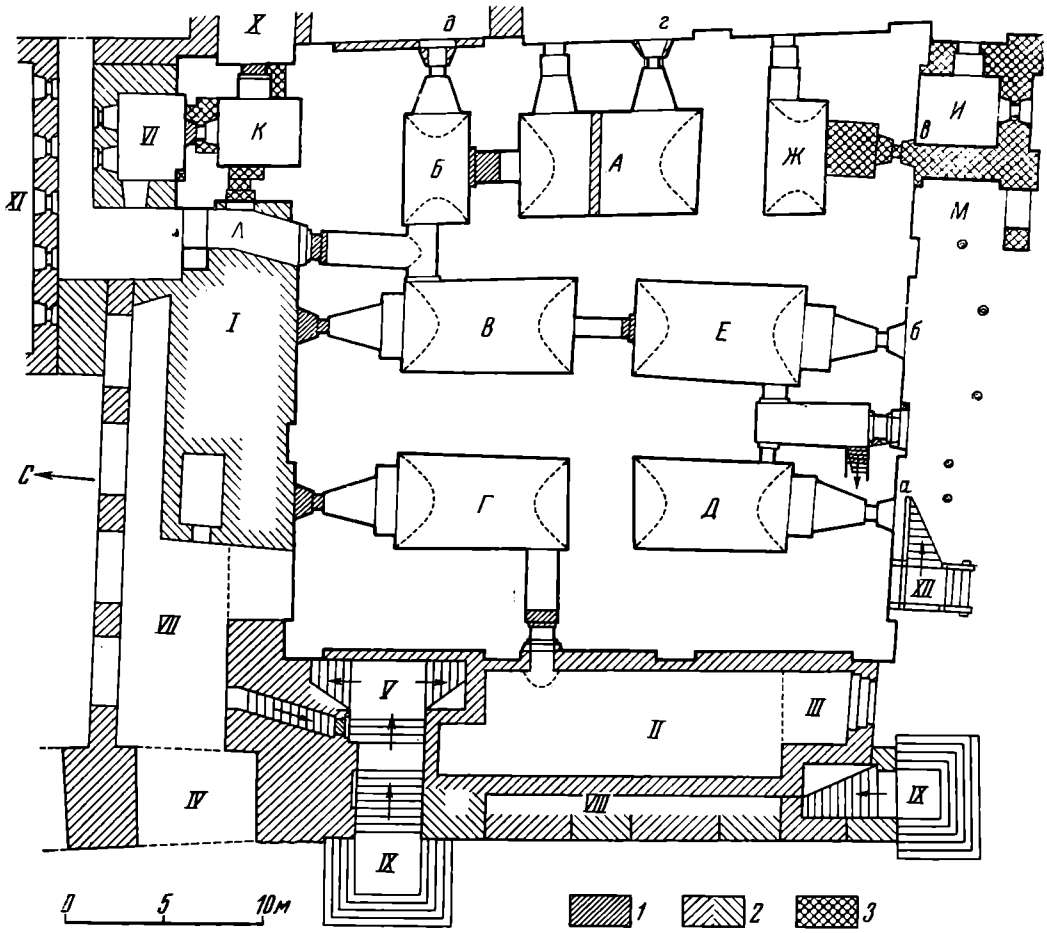


Рис. 3. План подклета Преображенского собора. Реконструкция. *А* — усыпальня Зосимы на месте его захоронения в 1478 г.; *Б*, *В*, *Г*, *Д*, *Е*, *Ж* — погреба; *И* — подклет первоначального придела Михаила Архангела (разобран одновременно с приделом в конце XVII в. либо с Южной папертью собора в середине XVIII в.); *К* — подклет придела Зосимы и Савватия, с 1566 г. его паперти, с 1591 по 1645 г. усыпальня Филиппа; *Л*, *М* — места первоначальных деревянных крылец нижних приделов. Пристройки: I — подклет северной паперти собора 1755 г. (не обследован); II — подклет западной паперти XVII в., свод 1755 г.; III — подклет Книгохранительной палаты 1602 г., построенной в деревяной паперти; IV — Переходы 1602 г., сменившие деревянные; V — лестница, устроенная в паперти между 1695 и 1710 гг. вместо разобранной наружной; VI — усыпальня Иринарха 1753 г.; VII — расширение северной паперти в 1796 г.; VIII — расширение западной паперти XIX в.; IX — крыльца 1895 г.; X — подклет Троицко-Зосимо-Савватиевского собора 1859 г.; XI — церковь Германа 1859 г.; XII — деревянная лестница южного крыльца собора. *а*, *б* — первоначальные окна; *в* — окно, устроенное после разборки подклета придела; *г*, *д* — окна, переделанные в двери. *1* — закладки, *2* — пристройки, *3* — реконструкции

показанной на миниатюре перед приделом Зосимы и Савватия вместе с ведущей на нее лестницей (рис. 1, *А*). Но Преображенский собор вначале вообще не имел папертей, не говоря уже о каменных, и обходился крыльцами с лестничными всходами. Деревянные паперти появляются к концу XVI в., причем одна из них была у главного входа собора и сооружена одновременно с деревянными Переходами на месте южного крылечного всхода, поэтому и не показанного на миниатюре. Существование этой паперти подтверждает постройка в ней Книгохранительной палаты в 1602 г.[20] То же, что В. А. Буров принял за ступени

[20] ОП. Опись Соловецкого монастыря и вотчин его составлена в 1705 г. дьяконом Карпом Андреевым (далее Опись 1705 г.), л. 176; Летописец Соловецкий. Изд. 3-е архимандрита Досифея. М., 1833 (далее ЛС), с. 49.

лестницы, представляет изображения могил Савватия, Германа и Филиппа. Первый перенесен с реки Выги из Сороки и погребен в 1471 г. за алтарем Успенской церкви, второго похоронили рядом в 1484 г., а мощи третьего доставили из Тверского Отроча монастыря в 1591 г. и поместили при церкви Чудотворцев под ее папертью [21], т. е. под бывшим приделом Зосимы и Савватия.

Завершения нижних приделов на миниатюре каменные и состоят из кокошников вперебежку. Каждому фасаду отвечает три кокошника, из которых два нижних требуют двучастного членения фасадов по вертикали, что соответствует наличию на каждом из них двух проемов. Кроме того, как и на самом соборе, показаны сени — навесы бочкообразной формы, устраиваемые обычно у входов над изображениями святых. Обратимся к описанию 1705 г.: «... и на дву предельных цркваx г л а в ы ж е и ш и и о б и т ы ч е ш у е ю д р е в я н н о ю...» [22] (разрядка моя.— *В. К.*), которое указывает на расположение приделов уже в жертвеннике и дьяконнике, так как завершения выполнены в деревне. Подтверждается это еще и тем, что после пожара 1923 г. от них не осталось никаких следов. Щипцы фасадов существующего придела Михаила Архангела выполнены древней кладкой, но изначальным является только восточный, имеющий проемы, которых нет в южном (рис. 2, I). Появился он после сноса примыкавшего с юга первоначального придела, северную стену которого разобрали до крыши дьяконника, образовав щипец. Даже если выполнявший миниатюру мастер стремился показать именно эти нижние приделы, ему пришлось бы показать их с деревянными, а не с каменными завершениями, не говоря уже о маловероятности первоначального исполнения этих завершений в дереве, как и шатра центральной главы.

Несколько слов о датировке изображений, одно из которых известно как копия Дм. Пастухова с гравюры Алексея Зубова 1712 г. Подчеркивание, что сделана «точная копия» и «скопировано точь-в-точь» [23], в чем не было необходимости, отсутствие досок гравюры 1712 г. и, наконец, надпись «штыховал на меди» вместо обычного «грыдыровал» или «резал» — все указывает на исправление в 1765 г. подлинных досок 1712 г., которые находятся теперь в Оружейной палате Московского Кремля. Представленная на рис. 1, *Б* прорись сделана с иконы Вологодского музея (инв. № 7858), которая датируется надписью под верхним левым клеймом: «Издадеся в лето 7207 (1699)...» [24]. Надпись, как и близость изображений, свидетельствует, что оригиналом послужила гравюра, находящаяся в ГИМ [25], оттиски которой были сделаны в том же году и использованы для изготовления иконы.

Такая надпись не результат точного копирования — изображения на иконе упрощены и сделаны добавки к описи зданий без соответствующего их обозначения. Надпись говорит о нередком для того времени совмещении автором профессий иконописца и гравера, датирующего исполненную икону подобно выпуску очередной серии оттисков. На гравюре ГИМ такая надпись без подписи указывает лишь время печати, но не дату гравирования. Дата (правый нижний угол) вместе с подписью гравера, от которой осталось только имя «Василий», не сохранилась. Такая же надпись, сделанная на обороте доски, свидетельствует о печати

---

[21] *Сергіевскій Н.* Житіе преподобныхъ Савватія и Зосимы, чудотворцевъ соловецкихъ, и историческое описание Соловецкого первокласснаго ставропигіальнаго монастыря. М., 1897; Летопись Соловецкого монастыря. Иждивеніем Г. Бороздина, с рукописи, полученной изъ Соловецкого монастыря въ 1778 году Петром Петровичем Ѳдоровым от отца его монаха. М., 1790 (далее ЛСМ), с. 11, 12, 33; ЛС, с. 44.

[22] Опись 1705 г., л. 2 об.

[23] *Ровинский Д. А.* Виды Соловецкого монастыря. СПб., 1884, с. 7, 8.

[24] МИАР. Списки произведений древнерусской живописи. Фонд ВОКМ, № 85.— Икона «Зосима и Савватий Соловецкие», 1699 г. 130×101 *см.*

[25] ГИМ, инв. № 42658. «Зосима и Савватий», 1699 г., офорт.

в 1699 г. другой соловецкой гравюры 1695 г.[26] Имеющаяся в нижнем правом клейме иконы 1699 г. подпись «Писал сие святый образ иконописец Иван Горигорьев сын Марков в 1709 г.» появилась в результате исправлений, произведенных при изготовлении копии, также находящейся в Вологодском музее (инв. № 6109) [27].

Появление в 1699 г. икон и оттисков гравюр с изображениями Соловецкого монастыря связано с недавним посещением его Петром I. Их особенностью является пятиярусное завершение собора пирамидой кокошников, существовавшее до конца 70-х годов XVIII в., когда оно становится четырехъярусным после надкладки первого яруса западного фасада до уровня второго для устройства настенных росписей. Это событие было немедленно отражено на прориси с надписью: «7191 (1683) год письма Симона Ушакова всоловецкую обитель»[28], так что гравюру ГИМ вряд ли стоит связывать с рисунком пером в лист, приготовленным для гравирования три года спустя с надписью: «Изобразил Симон Ушаков 194 (1686) г., резал Василий Андреев»[29].

На гравюре 1712 г. внимание привлекает показанный у собора придел Михаила Архангела, хотя он уже был в дьяконнике, а первоначальный разобран по крайней мере до подклета. Об этом свидетельствует Отводная книга 1694 г., указывающая в нем не две, а «четыре окончины слюдные»[30], поскольку к двум на восточном фасаде (рис. 2, I) после сноса придела добавились еще две окончины на южном. Гравюра по сути представляет прорись иконы о 20 клеймах, в основу которой скорее всего положены рисунки Симона Ушакова, включая упомянутый, и в частности прорись 1683 г., так как с ней у гравюры много общего. Показаны оба нижних придела, причем северный в жертвеннике и его главка наполовину закрыта собором. Алексеем Зубовым внесены и другие существенные изменения, указывающие на работу с натуры: наличие южной паперти на месте еще существовавшего при Ушакове деревянного крыльца и отсутствие наружной западной лестницы, перенесенной внутрь паперти.

Существование нижних приделов вне храма подкрепляется и письменными источниками. Так, в Житии XVII в. читаем: «Красен бо...храм воздвиже, присовокупивъ же и ину церковь во имя отец преподобных Зосиму и Саватия и архистратигу Михаилу обону страну...»[31] (разрядка моя.— *В. К*). «Присовокупи» и «страну» (сторону) в комментариях не нуждаются и никак не могут означать размещения приделов внутри собора. «Обону» представляет предлог «об», соединенный со словом «ону», употребляемый для обозначения места. Ону — оный=он — тот, противоположный (от вънъ=вонъ)[32] — в нашем случае здесь противопоставление внешнего чему-то внутреннему, местонахождение предметов от чего-то с противоположных сторон, т. е. по бокам. В результате на современном языке это звучит так: «...прекрасный...воздвигли храм, пристроив и другие церкви... по бокам...».

Опись 1676 г. сообщает: «В соборной же церкви, идучи во храм святых чудотворцев...», «В южную сторону у собор-

---

[26] *Ровинский Д. А.* Ук. соч., с. 7.

[27] МИАР. Списки... № 1045. «Зосима и Савватий». Копия 1709 г. с иконы 1699 г. 154×139,3 *см*.

[28] *Успенский В. И.* Переводы с древних икон из собрания А. М. Постникова. СПб., 1898. Икона № 4.

[29] *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895, т. II, стлб. 14.

[30] ЛОИИ, оп. 2. Коллекция актовых книг, ед. хр. 145, л. 131.

[31] «Житие и чудеса Митрополита Филиппа», 1646 г. ГИМ, Собрание А. С. Уварова, № 414—4°.

[32] Словарь церковнославянского и русского языка, т. I. СПб., 1847, с. 157; т. III, с. 1, 27; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. М., 1958, с. 391; т. II, с. 492, 674.

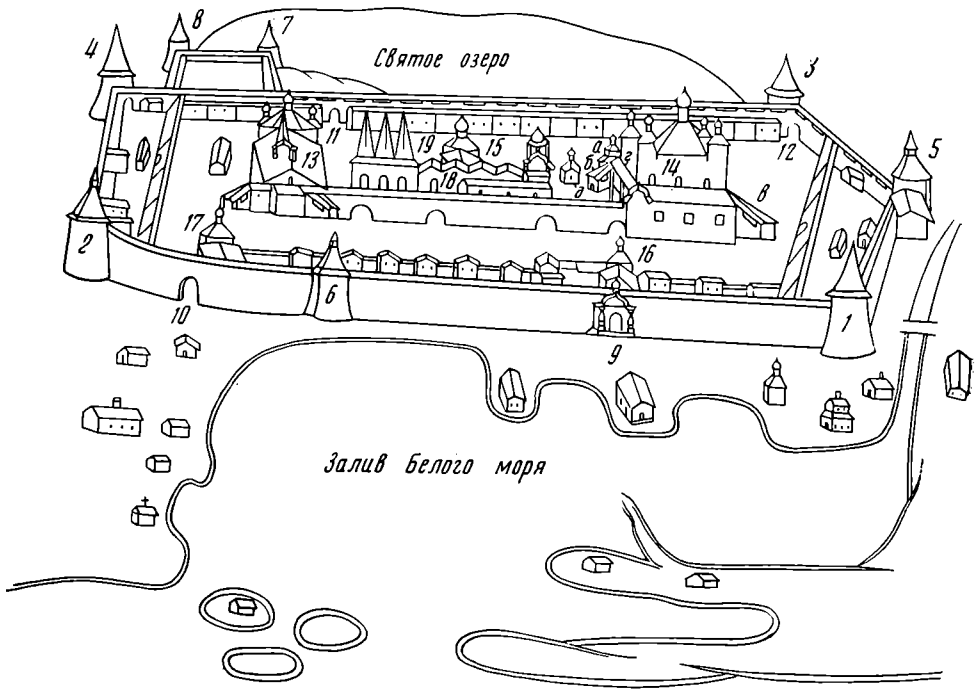


Рис. 4. Изображение Соловецкого монастыря на иконной прориси 1748 г. ГИМ. Башни 1582—1596 гг.: *1* — Стратилатовская (Прядильная), *2* — Корожная (Сторожевая), *3* — Архангельская, *4* — Никольская. Башни начала XVII в.: *5* — Белая (Сушильная, Головленковская), *6* — Успенская (Арсенальная). Башни Поваренного пристенка 1619—1921 гг.: *7* — Поваренная, *8* — Квасоваренная. Ворота: *7* — Поваренные, *8* — Квасоваренные, *9* — Святые, *10* — Рыбные (Сельдяные), *11* — Успенские (Святозерские), *12* — Архангельские. Церкви: *13* — Успения с Трапезой и Келарней 1552—1557 гг., *14* — Преображенский собор 1558—1566 гг. (*а* — придел Зосимы и Савватия с деревянной часовней Иринарха, *б* — лестница каменной паперти придела, *в* — лестница каменной южной паперти собора, *г* — деревянная северная паперть собора, *д* — деревянная часовня Германа), *15* — Николая двустолпная 1577—1584 гг., *16* — Благовещенья надвратная 1596—1600 гг., *17* — Филиппа 1688 г. Колокольни: *18* — Соборная ок. 1560 г., *19* — Трехшатровая начала XVII в.

ной церкви придъл...» (разрядка моя.— *В. К.*) [33]. Из этого следует, что перед «Соловецким сидением» 1668—1676 гг. северный придел был уже в жертвеннике, так как в него входили непосредственно из собора. В 1645 г. «перенесены мощи... Филиппа...от боку земляную в Соборную церковь Преображения» [34]. В конце XVI в. существовала деревянная паперть северного придела, изображенная на миниатюре (рис. 1, *А*) в виде пристройки, в которую вошла и не показанная поэтому колокольня, продолжавшая функционировать и позже [35]. Известно, что к 1705 г. колокольня уже была включена в каменное крыльцо, с которого «... на западной стране лестница каменная. Покрыта тесом зубцами. Да стогож крыльца подле соборную церковь ссеверную страну паперть забрана тесом вполупере, и покрыта тесом же зубцами. В той паперти помост древяной» [36].

Эта северная деревянная паперть собора показана на прориси 1748 г. (рис. 4, *г*) и состояла из первоначального крыльца и перехода на запад-

---

[33] Список Соловецких описных книг, каковы прислал в Новгородский приказ Соловецкого острова стольник и воевода князь Володимер Волконской да дьяк Алмаз Чистого за руками слово в слово (далее Опись 1676 г.), лл. 37 об., 148.— ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. № 555, 7184/1676.

[34] *Сергиевский Н.* Ук. соч., с. 89; ЛСМ, с. 50.

[35] Опись 1676 г., л. 347 об.

[36] Опись 1705 г., л. 74.

ную паперть, устроенного на месте всхода. Там же видны каменные западная паперть и лестница южной паперти (рис. 4, *в*), которая не могла вести на западную паперть из-за Книгохранительной палаты, поскольку к палате примыкала средняя площадка лестницы, хорошо показанная на гравюре 1744 г.[37] Опись 1761 г. перечисляет в подклете собора не девять, а весемь помещений[38], что указывает на разборку подклета первоначального Архангельского придела. Там же говорится и об усыпальнице Филиппа, которая находится под каменной папертью придела в помещении «К», показанном на рис. 3. Однако факты, приведенные в Житии Филиппа, ставят все на свое место.

«...И освящена бысть церковь... Преображение в лето 7074 (1566) августа 6 и в третий день... освящена бысть церковь прподобных отец наших Зосимы и Савватия и мощи перенесены быша в новую церковь, а прочие храмы освящены каждо во свое время... от северная же страны от той же церкви всемилостиваго спаса под храмом преподобных отец Зосимы и Савватия сам себе ископа гроб свойма руками и де ж и ныне лежат честныя его мощи»[39]. (разрядка моя.— *В. К.*).

Итак, за какое-то время до окончания собора Филипп собственноручно занимался устройством своей усыпальницы под уже выстроенным приделом Зосимы и Савватия, куда перенес из могил их мощи. Однако после освящения придела, перемещенного в жертвенник собора, мощи их были перенесены туда из начального придела, так и оставшегося неосвященным. Это подтверждают списки ЛС XVIII в.: «А мощи преподобных отец Зосимы и Савватия перенесены от приделу во свою им церковь августа в 8-й»[40] (разрядка моя.— *В. К.*) После этого события первоначальный придел Зосимы и Савватия стал называться папертью, притвором и даже трапезой.

Еще об одном важном свидетельстве в пользу расположения придела вне собора: «Церковь Зосимы и Савватия. Притвор камянной... В том притворе два окна великия в них окончины стеклянные росписаны краски... Истого притвора дверь великая в придельную церковь... В той двери вместо затворов решетка железная кругами створная сплащи лужеными. С южную страну тоя церкви вкаменной стене учинены две падины втех падинах раки преподобных...»[41] (разрядка моя.— *В. К.*). Такие большие окна с витражами, о которых Летописец свидетельствует: «Да при Филиппе ж Игумене прибыли окончины стекольчатые с круги и с каймами: стекла разные цветы, стали оне в сорок рублев и по свыше»[42], могли быть из-за их внушительной стоимости только в небольшом, но наиболее почитаемом храме, и никак не в его паперти или притворе.

Веским аргументом в пользу намерения использовать жертвенник и дьяконник по назначению является наличие входов в приделы из алтаря собора, которых не было бы, если там собирались изначально устраивать приделы. Тем более не могли эти входы появиться позже. Отсутствие грамот архиепископа, благословляющих освящение перенесенных престолов, не является подтверждением тому, что приделы не перемещались. Такие грамоты не сохранились даже от сравнительно недавних перестроек 1795 и 1816 гг., когда первоначальный и новый приделы Зосимы и Савватия были объединены общим алтарем, распространенным затем

[37] ГМИИ, № РГ 50488; *Лебедянский М. С.* Гравер Петровской эпохи Алексей Зубов. М., 1973, № 39—40.

[38] Книга записная получаемым промемориям и сообщениям. Ведомости. ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ед. хр, 826.

[39] ГБЛ, ф. 310, № 380. Филиппа, митрополита Московского житие, со службой впереди, список конца XVII в. (далее Филиппа житие), лл. 68 об., 69, 69 об.

[40] ГБЛ, ЛС, ф. 353, картон 22, ед. хр. 4, № 72, л. 2; ф. 354, № 167, л. 4.

[41] Опись 1705 г., л. 58 об., 59, 60, 60 об.

[42] ЛС, с. 33.

над проездной аркой [43]. Чем же все-таки было вызвано перемещение этого придела? Дело заключалось в малом его размере, не позволившем разместить новые, привезенные из Москвы раки преподобных, для которых даже в жертвеннике собора, вдвое большем по площади, пришлось вырубать в стене ниши.

С доказательствами перевода в дьяконник другого придела обстоит сложнее, так как в противоположность первому, от которого сохранился подклет, о его существовании вне собора дошло мало натурных данных. К таковым, в частности, относится упомянутый фрагмент северной стены первоначального придела в виде щипца южного фасада алтарной части собора. Мнение о перемещении Архангельского придела в дьяконник впервые было высказано Е. И. Силиным, а затем М. В. Щепкиной [44]. Нам также представляется возможным датировать это событие концом XVII в. (между 1676 и 1694 гг.).

Использованию под придел дьяконника уже предшествовал прецедент с жертвенником. Однако к этому принудило прежде всего постоянное разрушение дьяконника, возведенного на насыпном грунте. Случай с южным приделом собора далеко не единственный и связан с началом в XVI в. каменного строительства, которое потребовало планировки увеличившейся территории. Кроме того, с устройством плотины уровень Святого озера значительно повысился, что вызвало фильтрацию воды через песчаный грунт. Все это привело к значительным просадкам Квасоваренной, Поваренной, Архангельской и Белой башен, прясел между Поваренным пристенком и Никольской башней, а также между Успенской башней и Рыбными воротами и явилось причиной разборки в 1798 г. первой Филипповской церкви, просуществовавшей лишь 110 лет. Тем же объясняется и разборка между 1748 и 1761 гг. совершенно необходимой собору южной каменной паперти вместе с включенным в нее подклетом первоначального придела Михаила Архангела.

Сообщение о том, что при реставрационных работах 1974—1975 гг. в ходе натурных исследований придела Михаила Архангела в южной его стене выявлены первоначальные арочные окна, исключающие существование придела вне храма [45], не аргументировано публикацией графических материалов. Более того, например, арочное окно в южной стене подклета придела (рис. 3, *в*) явно позднего происхождения, учитывая меньший размер и форму в плане, отличные от других окон южного (рис. 3, *а*, *б*) и превращенных в двери окон восточного фасадов (рис. 2, *г*, *д*; 3, *г*, *д*).

Следует помнить, что в оценке данных натурных исследований памятников Соловецкого монастыря есть определенные трудности, связанные с одной из его существенных особенностей. Вспомним, что это окраинный и весьма отдаленный монастырь по отношению к основным историческим центрам Русского государства. Он сохранил буквально до наших дней характер жизни и быт XVI в. и связанное с этим сравнительно малое изменение строительных материалов, технологии их изготовления, использования, а также методов самого строительства. Такое обстоятельство позволяет делать правильные выводы из непосредственного изучения соловецких памятников только при условии предварительного поиска и тщательного изучения всех доступных историко-архивных, и особенно иконографических, материалов.

[43] Там же, с. 121, 139; см. планы: ГНИМА, раздел I, № 2498; *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858, с. 313; *Ровинский Д. А.* Виды Соловецкого монастыря, № 26.

[44] *Силин Е. И.* Дневник о поездке в Соловки в августе 1923 г. (21 августа, вторник). Рукопись хранится в ГТГ; *Щепкина М. В.* Царские Лицевые рукописи конца 16-го — начала 17-го вв. (Художественные и бытовые особенности). Канд. дис. М., 1945, с. 131. Хранится в ГБЛ, ДК $\frac{46}{119}$.

[45] *Буров В. А.* Ук. соч., с. 311.

Неправильная оценка натурных данных, допущенная в реставрационных работах по памятникам Соловецкого монастыря, уже привела к новоделам. Одним из них является осуществленное в 1971 г. треглавое завершение Успенской трапезной церкви, которое даже нельзя назвать реставрацией на какой-то исторический этап [46]. Однако в литературе уже появилась ссылка на это треглавое завершение как на изначальное и подлинно существовавшее на Соловках в середине XVI в.[47]

Несколько слов об именах зодчих, работавших на Соловках во времена игуменства Филиппа [48]. Поскольку в церкви Успенья назван лишь один придел, житие Филиппа датируется XVI в. и в нем говорится: «Мастер же бысть у него из великаго Новаграда именем Игнатей Салка горазде и мудре церковному делу и созда церковь... успения с трапезою пречудну и велику... и в лето 7066(1558) зачат бысть делати храм каменной больше и о пяти версех... а в нем семь престолов» [49]. Поскольку при строительстве второго храма мастер не указан и последовало оно практически без перерыва после окончания первого, есть все основания считать Игнатия Салку зодчим также и Преображенского собора.

В более позднем документе читаем: «Зачато бысть...делати церковь каменну с трапезою... да вверху... пределе... а другий приделе... А делали трапезу 7 лет... был мастер Столыпа, родом новгородец», «Зачата бысть делати насоловках церковь каменная о семи верьхах боголепное преображение... А с правыя страны храма предел, собор Архистратига Михаила... А с левыя страны олтаря предел преподобных отец Зосимы и Савватия чудотворцев» [50] (разрядка моя.— *В. К.*). Последнее вновь подтверждает расположение южного придела вне храма, тогда как северный находится слева от алтаря в жертвеннике. Но главное здесь в появлении имени еще одного зодчего. Учитывая упоминание и второго придела Успенской церкви, оригинал цитируемого документа написан после 1605 г., а обнаружение его в Сборнике выписей не исключает описку.

Возможно, однако, и то, что здесь мы имеем дело с прозвищем ранее названного зодчего, либо это имя помощника, которому пришлось без него завершать начатые работы, на что может указывать такая грубая ошибка, как неправильное смещение средней лопатки северного фасада собора [51]. Со временем стали упоминать только имя мастера, завершившего возведение храма, как это произошло позднее при строительстве стен и башен монастыря, начатом в 1582 г.[52] и возглавляемым до 1590 г. Иваном Окучиным, а не Трифоном, первое упоминание о котором относится лишь к 1594—1596 гг. На руку одного мастера в обоих храмах указывает многое, и прежде всего использование наряду с килевидными и щипцовых кокошников, причем последние немногочисленны и играют подсобную роль. Так, в многоярусном завершении Преображенского собора их всего четыре [53], а в трех- и двухъярусных завершениях Успенской церкви, по имеющимся натурным данным, их было только два. Поскольку Игнатий Салка «горазде и мудре церковному делу», Столыпа мог быть специалистом по одностолпным палатам и помимо Трапезной и Келарской являться автором Квасного летнего погреба и Сушильной палаты.

---

[46] *Савицкая О. Д.* Ук. соч., с. 60, 61, 68.

[47] *Алферова Г. В.* Каргополь и Каргополье. М., 1973, с. 159.

[48] *Латышева Г. Г.* Публицистический источник по истории опричнины.— В сб.: Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974, с. 41.

[49] Филиппа житие, лл. 65 об., 66, 67 об.

[50] ГБЛ, ф. 236, № 37. Сборник выписей. Сказание о филиппове строении, иже в соловецком монастыре, лл. 238, 238 об., 239.

[51] *Курлов В. И.* Ук. соч., с. 97.

[52] *Косточкин В. В.* Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря.— АН, № 20, 1972, с. 34, 35.

[53] *Курлов В. И.* Ук. соч., с. 91, 93, 97.

В заключение назовем имена исследователей Преображенского собора и всего Соловецкого монастыря. Это бывший вместе с П. Д. Барановским на Соловках в 1923 г. Н. Н. Померанцев, а также архитекторы А. А. Карпов и В. В. Кратюк, которые в 1925 г. сделали первые обмеры Преображенского собора. Особо отметим ученика К. К. Романова архитектора Назимова из Пскова, работавшего в Раскопочной комиссии СОАОК. Им велись обмеры Успенской церкви, Преображенского собора, Сушильного пристенка и башен, а также были открыты метод и технология возведения валунной кладки стен и башен монастыря [54].

В настоящее время работы по изучению историко-архивных и иконографических материалов, подкрепляющих натурные исследования памятника, в основном завершены. Установлено, что на Соловках еще в XV в. существовали деревянные шатровые храмы, один из которых предшествовал каменному Преображенскому собору и оказал определенное влияние на архитектуру последнего. Центральная глава собора имеет шею в виде усеченного шатра и была окружена многочисленными ярусами кокошников и главками приделов. Удалось также точно определить первоначальное местоположение двух нижних приделов и их архитектурный облик, используя как натурные данные, так и аналогии на самом памятнике и построенной до него в 1552—1557 гг. Успенской трапезной церкви. Уточнению первоначального облика памятника в какой-то мере помогла и дискуссия на страницах журнала «Советская археология». В результате была уточнена форма куполов, а также было признано несостоятельным предположение о покрытии лемехом барабанов глав верхних и первоначальных нижних приделов.

В настоящее время на месте северного нижнего придела, западного и северного крылец собора находятся сделанные в разное время пристройки в виде папертей и Троицко-Зосимо-Савватиевского собора, вопрос о целесообразности и последовательности сноса которых еще требует разрешения. Широкое поле деятельности представляется для воссоздания завершения собора, а также его деревянного крыльца и нижнего придела, находившихся у южного фасада. Изложенное указывает на полную возможность приступить к реставрационным работам на уникальном памятнике русской архитектуры XVI в.— Преображенском соборе Соловецкого монастыря.

V. I. Kurlov

ON THE RESTORATION OF THE PREOBRAZHENSKI CHURCH OF THE XVIth CENTURY IN THE SOLOVKI ISLANDS

Summary

The intensive studies of the architecture of the Russian North explains the interest to the article about reconstruction of the Preobrazhenski church built in 1558—1566, which was published in the Soviet Archaeology, N 1, 1974. The article caused some comments in support of the hypothesis about of the hut roofing of the church and against the existence of lower chapels outside the temple. It was difficult to collect in one article all available historico — archival and ikonographic data which were decisive estimation of the results of the investigations in Solovetsky monastery. This circumstance caused the above mentioned comments. Some materials published in the actual article supplement the basis of the reconstruction of the church. They exclude the hut roofing of the church and confirm the original existence of two lower chapels along its sides, later destroyed and transposed inside the temple. The Preobrazhenski temple in Solovetski monastery is now investigated quite enough to elaborate the documentation which would make possible full restoration of this unique monument of the Russian architecture of the XVIth century.

[54] Сведения о Назимове сообщены нам Д. С. Лихачевым. Материалы деятельности Назимова на Соловках, по его предположению, могут находиться в архиве МИРА (Ленинград, Казанский собор) в фонде Н. Н. Виноградова.

П. П. ГЕОРГИЕВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕРУССКИХ БАНЯХ

О существовании бань в древнерусских городах неоднократно упоминается в русских летописях. Летописные сведения очень кратки, однако они дают возможность выявить собственно русскую или скорее общеславянскую традицию строительства такого вида сооружений. Тот факт, что эти сведения относятся к ранней эпохе русского средневековья, делает их исключительно интересными для изучения строительства бань другими славянскими народами, у которых не сохранилось письменных свидетельств на эту тему (в основном это касается южных славян — болгар). Существенное значение для истории развития славянской архитектуры представляют также те памятники древнерусского строительства, характер которых позволяет предполагать некоторые внешние влияния. Речь идет о банях «классического типа» в разных городах Древней Руси, о которых сохранились сообщения в русской летописи.

Отдельные вопросы, связанные с бытованием на Руси бань, неоднократно рассматривались русскими исследователями, но специальной работы на эту тему нет. Настоящая статья не претендует на полный охват материалов о древнерусской бане. Мы остановимся только на тех вопросах, решение которых в той или иной мере касается строительства бань в средневековой Болгарии [1].

В «Повести временных лет», в рассказе об удачном походе князя Олега на Константинополь (907 г.), упоминается, что в договоре, заключенном между Византией и Русью, греческая сторона обязывалась обеспечить русским посланцам и купцам в Константинополе пользование благами византийских бань [2]. Этот специально оговоренный пункт договора позволяет судить о том, что русские проявляли большой интерес к византийской бане, пользование которой считали желанной привилегией. Баня в представлении соседних с Византией народов была, видимо, символом византийского образа жизни, синонимом роскоши, в которой жила византийская аристократия. Об этом свидетельствует, в частности, рассказ Прокопия Кесарийского, повествующий о вражде между утигурами и кутригурами в середине VI в. После переселения части кутригуров в Византийскую империю в качестве федератов их соперники утигуры заявили: «Живем мы в хижинах, в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной, а этим кутригурам дается возможность... в банях мыться, золотом сияют эти бродяги...» [3].

---

[1] Полевые исследования последних лет в центрах Первого Болгарского Царства привели к открытию бань, датирующихся VIII—IX вв. Автор настоящей работы готовит кандидатскую диссертацию, в которую будут включены материалы о всех раннеболгарских банях.

[2] ПСРЛ, II, с. 22.

[3] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 438.

Несмотря на то что в благоприятных обстоятельствах кочевнические вожди приказывали сооружать в своих ставках банные постройки [4], в целом кочевой образ жизни не способствовал распространению бань в кочевнической среде. В отличие от кочевников славяне хорошо знали принципы устройства и пользования банями. В этом нас убеждают сведения о древнерусских банях в «Повести временных лет». В Лаврентьевской летописи в записи за 945 г. упоминается о бане при дворце Ольги в Киеве. Там она названа «истобъка». В том же отрывке Ипатьевской летописи слово «истобъка» заменено термином «мовинца». М. К. Каргер был склонен толковать его как теплое помещение теремного дворца Ольги [5]. В данном случае, действительно, трудно было бы решить, о каком сооружении здесь идет речь: о бане или о специально отепленном для этой цели помещении дворца. Однако поджог этой постройки вместе с древлянскими послами, совершенный по приказу Ольги, может служить косвенным доказательством того, что в тексте речь шла об отдельном строении, находящемся в стороне от остальных дворцовых построек. Весьма существен и тот факт, что «мовницей» названа баня, упомянутая в «Повести временных лет» в 1071 г.[6] Наиболее подробное описание древнерусской бани сохранилось в дошедшем до нас рассказе о новгородских банях. По мнению А. С. Львова, первоначальный текст этого рассказа был следующий: «...видѣхъ банѣ дерев ѧны. и пережгоуть ѧ рам ѧ но. и обольютс ѧ мытелью. и возмоуть вѣники и начьноуть хвостатис ѧ. и того с ѧ бьють. ѡдва вылезоуть еле живы. и объльютьс ѧ водою студеною. и тако оживоуть...» [7]. Из этого отрывка становится ясно, что древнерусские бани представляли собой отдельные деревянные жарко отапливаемые строения. Аналогичные бани широко распространены и в настоящее время в русских селах и деревнях. Если судить по терминам, которыми именовались эти сооружения в русских источниках: истобъка, истъба, мовница, мовьница и бан ѧ, можно, видимо, предполагать, что первоначально мытье происходило в теплой части жилого дома. Позднее обособилась специальная мовница, которая под влиянием романского «balnea» стала называться баней [8].

Совсем другой характер имеет банное строение, сооруженное по инициативе митрополита Ефрема в 80-х годах XI в. в Переяславле. Вместе с рядом других монументальных зданий Ефрем приказал выстроить и каменное «строенье баньное», причем подчеркивается, что «сего же не бысть в Руси». Это же сообщение есть и в Ипатьевской летописи. Там в тексте читаем: «строно баньное камяно», которое позднее было исправлено: «строенна баня камяно». У исследователей этот широко известный текст получил различные толкования. Особый интерес представляет гипотеза И. Р. Мартоса и А. В. Стороженко, которые, исходя из того, что в современных польском и украинском языках слово «bania» имеет значение «купол», считают, что и в летописях оно употреблено с тем же значением. М. К. Каргер полагал, что для этой, несомненно, оригинальной гипотезы нет достаточных оснований, поскольку архитекторы Руси в конце XI в. вряд ли были знакомы с купольной конструкцией. По его мнению, текст в летописи сообщает о построении первой каменной бани в Переяславле и вообще на Руси [9].

---

[4] Каменная баня была построена сирийским пленником в лагере Аттилы. См. *Василев Д.* Строителната традиция на прабългарските дворци от Плиска. София, 1937, с. 43.

[5] ПСРЛ, II, с. 45; ПВЛ, с. 41; *Каргер М. К.* Княжеские дворцы древнего Киева.— Уч. зап. ЛГУ, № 193. Сер. истор. наук, вып. 22, 1955, с. 100.

[6] ПСРЛ, II, с. 166.

[7] *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 102.

[8] *Вахрос С. И.* К истории бани в свете ее наименований в славянских языках.— Scandoslavica, IX, 1963, с. 153.

[9] *Каргер М. К.* Памятники переяславльского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований.— СА, XV, 1951, с. 45.

Однако нам кажется вполне вероятным предположить, что первыми купольными постройками на Руси были банные строения. В древнеболгарском переводе «Диалогов» Псевдо-Маврикия фраза «τοὺς κώβους τῶν λουρῶν» переведена «по комарѣм баньскимъ», т. е. «по банским сводам» В «Шестодневе» древнеболгарского писателя X в. Иоанна Екзарха сообщается: «видим бо и банам кам намь покровые еже акы пещерамъ соутъ здан а им' же изоутрене е страны полукруговать образъ есть, а над стелею извъноу дроугоици равьно имат лице и страноу»[10]. В этом отрывке, как мы видим, даны довольно подробные описания сводовых конструкций над банными помещениями.

Баня, выстроенная митрополитом Ефремом в Переяславле, была, очевидно, первой монументальной банной постройкой на Руси. К сожалению, никаких данных о ее устройстве, кроме сведений о строительном материале (камень), источник не дает. Возможно, прав Е. Голубинский, который писал, что это была «греческая» баня, т. е. баня, построенная по образцу византийских банных построек[11]. Это весьма вероятно, так как в древнерусских летописях, как мы уже говорили, сообщалось о живом интересе русских к этому виду общественных византийских сооружений. Для византийских бань характерно кроме монументального внешнего вида оригинальное внутреннее устройство, в которое входят: топочное (котельное) отделение, отопление пола (гипокаус), раздевалка, теплое купальное помещение и др. Кроме собственно Византии банные постройки, сооруженные по такому плану, известны в раннем средневековье в Херсонесе, Армении, Дунайской Болгарии[12]. Распространение монументальных банных зданий в эпоху, непосредственно предшествующую времени постройки переяславской бани, позволяет ставить вопрос о ее происхождении. Однако окончательное решение этого вопроса можно было бы ожидать только после археологического изучения остатков какой-либо русской каменной бани.

Представление об этом типе банных построек на Руси дают пока только данные о раскопанном в Киеве сооружении, назначение которого не было правильно понято исследователем. Сооружение было открыто М. К. Каргером в 1946 г. поблизости от Софийского собора (рис. 1). При публикации результатов своей работы М. К. Каргер интерпретировал постройку как печь для обжига кирпичей[13]. Однако рассмотренные в свете данных о средневековой банной архитектуре остатки этого сооружения позволяют связывать их именно с баней, а не с печью для обжига строительной керамики. Фундамент сооружения, как видно из описания и опубликованного чертежа, выложен из рваного камня на известковом растворе и облицован с внутренней стороны кирпичом (рис. 1). В нескольких местах в фундаменте прослеживаются следы продольно уложенных бревен. Исследователь писал, что сооружение состояло из двух «примыкающих одна к другой камер» (рис. 1, 2). Сохранились только фундаменты и нижняя часть постройки, углубленная в землю немного ниже современной дневной поверхности[14]. М. К. Каргер полагал, что обе части сооружения строились в разное время и функционировали изолированно одна от другой. Более ранней была, по его мнению, северная половина. Она состояла из двух отдельных помещений (рис. 2). Большее из них — квадратное в плане (3×3 м). Пол выложен кирпича-

[10] *Дуйчев Ив.* Белепеки върху историята на българската архитектура пред Средновековието.— ИИГА, № 10—11, 1957, с. 60, бел. 77, 79, 80.

[11] *Голубинский Е.* История русской церкви, т. 1. М., 1901, 2, с. 552.

[12] *Якобсон А. Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму, III. Средневековые бани Херсонеса.— СА, VIII, 1946, с. 261. *Халпахчьян О. Х.* Гражданское зодчество Армении. М., 1971, с. 211.

[13] *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева (1937—1947). Киев, 1950, с. 246—250; *его же.* Древний Киев. М.— Л., 1958, с. 458—462, табл. XXXV.

[14] В опубликованных чертежах этого комплекса отсутствуют разрезы, поэтому мы не можем указать глубину, на которую был врыт фундамент постройки.

Рис. 1. Общий вид банной постройки в Киеве (по М. К. Каргеру)

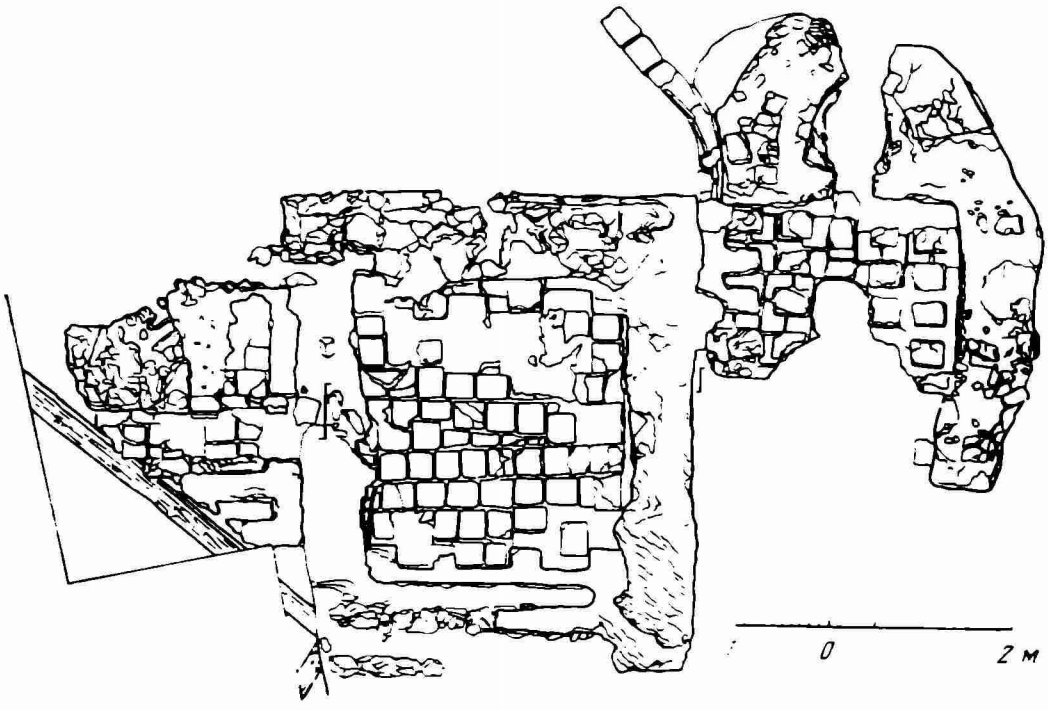


Рис. 2. План банной постройки (по М. К. Каргеру)

ми на известковом растворе. Особенностью этого помещения являются поставленные вдоль каждой стены с внутренней стороны пилястры, образующие своеобразные неглубокие ниши. Как справедливо предполагает М. К. Каргер, на эти пилястры опирался пол верхней камеры, которая, по его мнению, загружалась обжигавшимися кирпичами. Исходя из того, что в полу этой постройки отсутствуют следы колонн или поддерживающих перекрытие столбов, автор раскопок считал, что перекрытие было сводовым. Понимая неудобство такой высокой для печи конструкции и

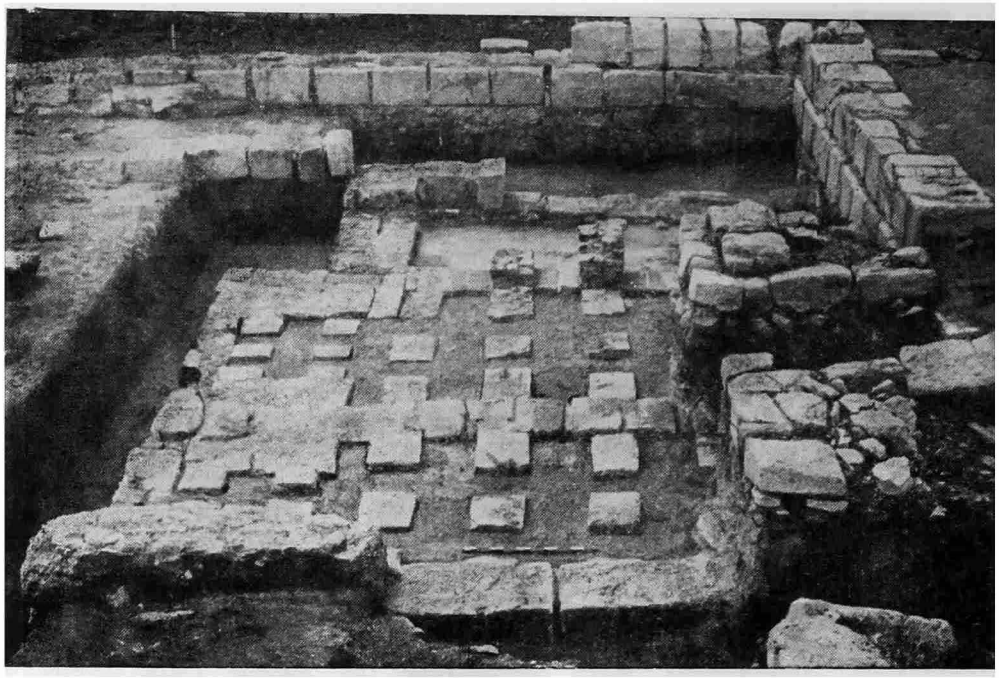


Рис. 3. Общий вид бани № 1 при Большой Базилике в Плиске

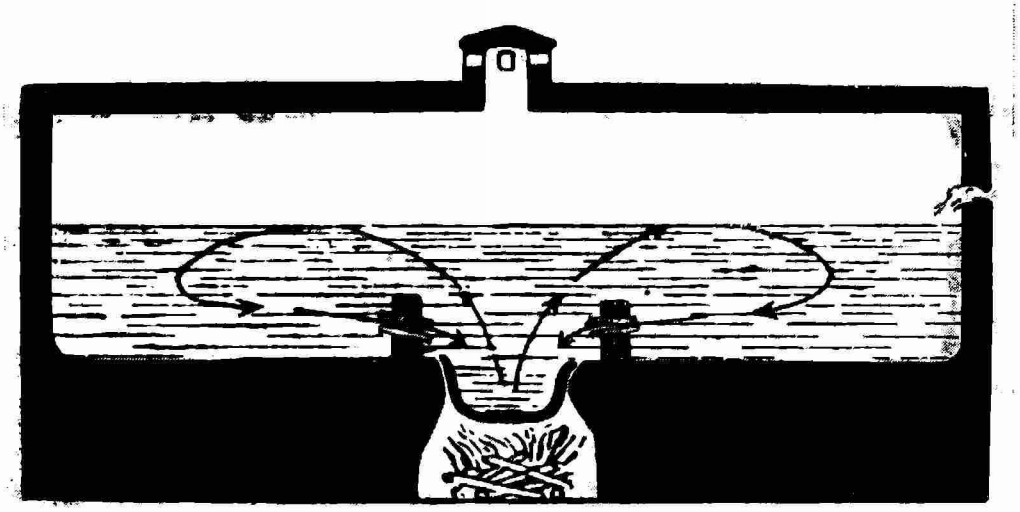


Рис. 4. Схема-разрез котла для нагрева воды в турецкой бане (по H. Glück)

фиксируя отсутствие характерных для нижней камеры обжигательной печи отопительных каналов, он сам высказывает сомнение в том, что открытый им комплекс мог быть печью. Однако другой, более удачной интерпретации М. К. Каргер не предлагает [15].

Реконструкция сооружения, по нашему мнению, возможна только при наличии нескольких стоящих на полу нижнего помещения столбов, которые вместе с пилястрами поддерживали плоское и низкое перекрытие, отделяющее нижнюю часть от верхней. Кирпичный пол сохранился не всюду, и такие столбы вполне могли быть не замечены при раскопках. Кроме того, судя по опубликованной фотографии, в двух местах —

[15] *Каргер М. К.* Древний Киев, с. 461.

у восточной стены и в юго-западном углу помещения — остатки каких-то кирпичных выкладок лежали и выше пола, а это значит, что и несущие столбы могли стоять на особых известковых подушках поверх кирпичной вымостки пола (рис. 1).

С северной стороны этого сооружения, снабженного отопительной системой в полу, находилась более узкая пристройка, которую М. К. Каргер никак не интерпретировал, поскольку бóльшая ее часть была разрушена. Однако, как нам представляется, есть данные, позволяющие предположить, что в этой части постройки находилась печь. Об этом в первую очередь свидетельствует обнаруженный на полу толстый слой золы и древесного угля. В плане этой постройки прослежен в средней части неширокий канал, соединяющий ее с первым помещением. Аналогично устройство печей и в древнеболгарских банях, открытых нами недавно при Большой Базилике в Плиске (бани № 1 и 2). Печи там также помещены в более узкой камере, отделенной от основной части банных построек (рис. 3). В бане № 2 печь имеет форму длинного открытого «канала», над которым сооружен из кирпичей и водоустойчивого известнякового раствора своеобразный котел для нагрева воды. Очевидно, и в киевской постройке над каналом был помещен подобный котел. Открытый в насыпи над печью мощный слой кирпичей, возможно, и являлся развалом этого водоустойчивого сооружения. Схема таких сооружений описана была еще Витрувием, и ею продолжали пользоваться вплоть до современности (в турецких банях) [16], рис. 4. Из подкотельного канала теплый воздух с дымом проходил по подземным каналам в соседнее помещение, из которого дым выводился наружу по дымоходной трубе. Однако более вероятно, что над нишами, между маленькими пилястрами под землей проходили дымоходы, служившие для нагрева стен купальни, расположенной над открытым раскопками помещением. По этому принципу оформлены нижние части вертикальных дымоходов в средневековых банях Херсонеса, Преслава и др. [17] (рис. 5).

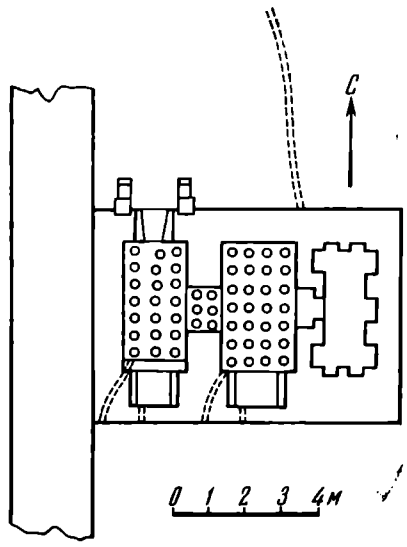


Рис. 5. План бани во Внутреннем городе Преслава — II период

М. К. Каргер, высказывая гипотезу о принадлежности вскрытых им остатков обжигательной печи, одним из основных доказательств этого считал находку рядом с «печью» ямы, наполненной битым кирпичом, принятым им за бракованную продукцию. Однако обломки эти ничем не отличаются от тех кирпичей, из которых сложено все сооружение в целом. Ссылка М. К. Каргера на сходство последнего с печами, открытыми в Суздале и Мадаре (Болгария), не выдерживает критики, поскольку там отопительные камеры находились под обжигательной [18], а в киевском сооружении отопительная система вынесена за пределы постройки, как это принято было конструировать в банных сооружениях.

---

[16] *Витрувий.* Десять книг об архитектуре, кн. V, гл. X (перевод Ф. А. Петровского). М., 1936, с. 107; *Glück H.* Die Bäder Konstantinopol. Wien, 1921, Abb. 7

[17] *Якобсон А. Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму, с. 266—268, рис. 6 и 10; *Акрабова-Жандова Ив., Василева Д.* Баня във Вътрешния град на Преслав.— В сб.: Преслав, т. II. София, 1976, с. 258—268.

[18] *Рашенов А.* Пещ за глиняни изделия в Мадаре.— В сб.: Мадара, II. София, 1936, с. 25; *Варганов А. Д.* Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале.— КСИИМК, № 65, 1956, с. 49.

Весьма существенным для доказательства того, что в Киеве открыта именно баня, является также необычная для печей массивность ее фундаментов, укрепленных в нижней части толстыми бревнами. Использование деревянных конструкций в фундаментах было, как известно, зафиксировано во многих монументальных зданиях Древней Руси, в частности в Десятинной церкви в Киеве [19].

Южная часть раскопанной М. К. Каргером постройки представляет, как нам кажется, значительно больше данных для того, чтобы считать ее остатками бани (рис. 1, 2). По плану видно, что она состоит из трех отделений и вытянута по оси В — З. Овальная печь находилась с северной стороны основного помещения, в нижней части которого сохранились колонны (столбы) из кирпича (рис. 6). С южной стороны этого помещения находилась еще одна камера, разрушенная почти полностью поздней ямой. На плане хорошо заметно, что от нее сохранились части южной и средней (распределительной) стены, отделяющей одно помещение от другого (рис. 7). М. К. Каргер игнорировал данные о распределительной стене и говорил, что открытое им южное сооружение состояло из двух частей: овальной печи и двухэтажной камеры для обжига кирпичей.

Устройство самой печи является наиболее веским доказательством ее принадлежности к сложной банной постройке. Печь имеет толстые стены, предназначенные выдерживать большую нагрузку. От нее сохранилось более 13 рядов кирпичной кладки. Внимательный осмотр этой стены показывает, что в нижней части она была немного у́же, чем в верхней (рис. 2). Наличие уступов в верхней части говорит о том, что на них, видимо, опирался какой-то предмет. Аналогичные уступы в печных стенах наблюдаются во многих раскопанных банных строениях эпохи средневековья. На них на определенной высоте от пола опирался медный колет или же просто металлический лист, на котором стоял резервуар для нагрева воды [20]. Очевидно, и на уступах стены в киевской бане покоился котел. Теплый воздух из печи и дым проходили в отопительную систему соседнего (основного) помещения. Над полом, опиравшимся на кирпичные столбы, находилось купальное отделение. Вода для купанья поступала в него по трубам или же просто черпалась из резервуара, вмонтированного в стену, через пробитое в стене отверстие. Интересно, что в северо-восточном углу нижнего помещения был прослежен желоб для стока воды, никак не интерпретированный М. К. Каргером. К этому помещению с южной стороны примыкала пристройка без отопительной системы, почти полностью разрушенная. Видимо, это была раздевалка или комната для обливания холодной водой. Обычно такие холодные отсеки в банях обогревались в случае нужды жаровнями.

Итак, рассмотрение материалов раскопанной в Киеве постройки позволяет сравнить ее с остатками бань Херсонеса, Армении и Дунайской Болгарии. К сожалению, некоторые вопросы, не выясненные во время раскопок, так и остаются нерешенными. Мы не располагаем данными о водоснабжении бани, о соотношении обеих частей ее, о первоначальном плане северной части и т. д. Неясно и место этой постройки среди окружающих ее зданий. Она расположена всего на несколько десятков метров севернее Софийского собора и входила в окруженную каменной оградой территорию двора митрополита. Наличие бани при покоях митрополита в конце XI — начале XII в. вполне естественно. Немного ранее этого времени баню в Переяславле выстроили по приказу

---

[19] *Каргер М. К.* Археологические исследования..., с. 70.

[20] *Орбели И. А.* Баня и скоморох XII в.— В сб.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 162, 164; *Халпахчьян О. Х.* Средневековые бани Армении.— СА, 1960, № 1, с. 218; *Якобсон А. Л.* Из истории армянской средневековой архитектуры. III, Татевский монастырь.— СА, IX, 1947, с. 325; *Мусхелишвили Л.* Раскопки в Дманиси.— СА, VI, 1946, с. 275, 276; *Якобсон А. Л.* Средневековые бани Херсонеса, с. 270.

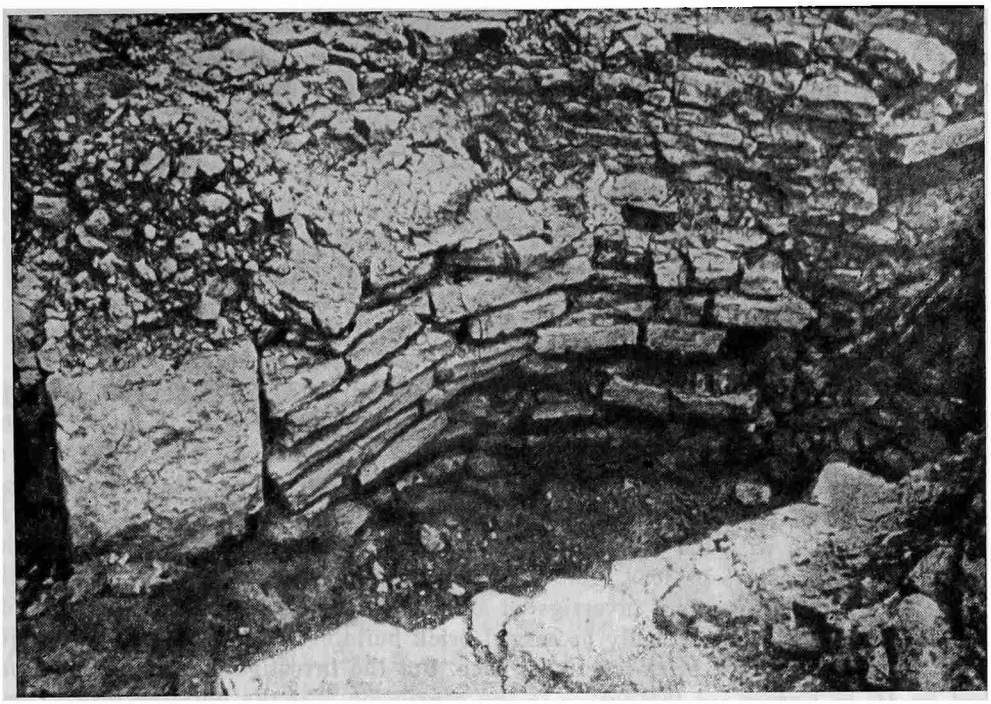


Рис. 6. Вид овальной печи в киевской бане (по М. К. Каргеру)

Рис. 7. Вид отопительной системы в южной половине банной постройки в Киеве (по М. К. Каргеру)

митрополита Ефрема. Бани того же примерно времени обнаружены нами при дворе епископа у Большой Базилики в Плиске. Обе они вместе с комплексом построек находятся в 40—50 *м* севернее Базилики и, как и киевская, огорожены каменной оградой.

P. P. Georgiev

ON THE ANCIENT RUSSIAN BATH-HOUSES

Summary

The Russian (Slavic) tradition of building of the bath-houses is proved by the author of the article on the basis of the chronicles and archaeological data. The first Russian bath-houses were simple wooden buildings, analogical to modern Russian rural bath-houses. In the late XIth century in course of the growing of Russian towns and the development of their fundamental building the substantional stone bath-houses appeared side by side with the wooden ones. The first of them mentioned in the cronicle was erected in Pereslavl in 1089. But the construction of stone Russian bath-houses was not clear, until they were investigated archaeologically. In 1946 M. K. Karger discovered in Kiev the ruins of badly preserved brick building, which he erroneously qualified as the remains of a brick-baking furnace. But the investigation of the plans published by M. K. Karger led the author to the conclusion that the building was an ordinary bath-house, analogous to the medieval Chersonesus, Armenia and the Danubian Bulgaria. It is characteristic, that the bath-house was built near the church of St. Sofia, at the household of a metropolitan, just as in Bulgaria.

З. А. АБРАМОВА

Г. П. СОСНОВСКИЙ (1899—1941) И ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ АЗИИ

В 1979 году Георгию Петровичу Сосновскому, одному из основоположников изучения палеолита Сибири, исполнилось бы 80 лет. Вспомним главные вехи его короткой, но яркой, без остатка посвященной науке жизни: родился в июне 1899 г. в местечке Бежица около Брянска в семье конторского служащего. В 1909—1918 гг. учился в Петроградском коммерческом училище в Лесном и еще до окончания училища стал добровольным сотрудником археологического отдела Музея антропологии и этнографии, руководимого тогда Б. Э. Петри. Увлечение археологией привело к открытию неолитической стоянки у Тарховки под Петроградом, которое он сделал в 1917 г. вместе с М. Я. Рудинским. По окончании училища был направлен в Сибирь. В 1918—1919 гг. работал конторским служащим на Ивановском золотом руднике Ачинского округа и был избран в местный Совет рабочих депутатов. При приближении белых карательных отрядов вынужден был скрываться. Затем в 1919—1920 гг. работал научно-техническим сотрудником в Музее Приенисейского края, где сразу же включился в активную полевую работу: вместе с Н. К. Ауэрбахом и В. И. Громовым обследовал окрестности Красноярска, летом 1920 г. совершил вместе с Г. К. Мергартом разведочный маршрут по Енисею огромной протяженности — от Минусинска до Красноярска.

Затем Г. П. Сосновский переезжает в Иркутск и с 1920 г. становится студентом исторического отделения педагогического факультета Иркутского государственного университета, занимаясь у проф. Б. Э. Петри главным образом первобытной археологией. Одновременно он работает хранителем отдела археологии Иркутского Научного Музея и продолжает полевые работы на Ангаре и Енисее, из которых наибольшее значение имеют раскопки на Афонтовой горе.

По окончании университета Г. П. Сосновский был откомандирован в аспирантуру при НИИ антропологии МГУ, где учился один год под руководством В. В. Бунака и Б. С. Жукова. В 1927 г. он был принят на работу в ГАИМК и одновременно стал слушателем специальных курсов по археологии в Ленинградском государственном университете. С тех пор до конца жизни Г. П. Сосновский работал старшим научным сотрудником ГАИМК, затем ИИМК и по совместительству с 1934 г. в Государственном Эрмитаже и Государственном этнографическом Музее. В 1938 г. Ученый совет ЛГУ присудил Г. П. Сосновскому ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. На III сессии Международного конгресса по четвертичной геологии он был избран заместителем председателя подсекции ископаемого человека Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы (АИЧПЕ). Интенсивные полевые работы включали исследования не только по палеолиту Енисея, Забайкалья, Алтая, но и по более поздним

эпохам. Еще в 1935 г. П. П. Ефименко в своем отзыве о научной деятельности Г. П. Сосновского отметил, что «в настоящее время он заслуженно считается одним из наиболее авторитетных специалистов по археологии Сибири». Умер Георгий Петрович в 1941 г. в осажденном Ленинграде [1].

Если разделить историю исследования палеолита Сибири на три этапа, связанные с крупнейшими вехами в истории последнего столетия нашего народа: 1 — дореволюционный, 2 — период между установлением Советской власти в Сибири и началом Великой Отечественной войны, 3 — послевоенный, то, несомненно, ведущей фигурой в изучении палеолита Сибири во второй период следует считать Г. П. Сосновского.

Нет нужды останавливаться на этапах полевых работ ученого по палеолиту, они широко известны. Можно лишь отметить, что с его именем связаны важнейшие события становления советской науки о сибирском палеолите: открытие и широкие раскопки палеолитических стоянок на Енисее, выделение и исследование палеолита в Забайкалье и на Алтае. В меньшей степени Г. П. Сосновский занимался палеолитом Прибайкалья, но, принимая непосредственное участие в раскопках Мальты и Верхоленской горы, отлично знал и широко использовал эти материалы. Именно Г. П. Сосновскому принадлежит доказательство палеолитического возраста стоянок Иркутский Госпиталь и Верхоленская Гора, вопреки авторитету его учителя Б. Э. Петри.

Особо следует подчеркнуть, что Г. П. Сосновский — редчайший образец ученого, который не только исследовал палеолитические стоянки на высоком методическом уровне, но и незамедлительно публиковал результаты раскопок и изысканий, интерпретируя их с достойной подражания научной честностью и объективностью.

Г. П. Сосновский впервые со всей остротой поставил проблемы сибирского палеолита, обобщив все известные к тому времени материалы в основополагающей работе о палеолитических стоянках Северной Азии [2]. Взгляды его сформировались ранее и были частично освещены в статье «О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии» (Сообщ. ГАИМК, № 11—12, 1932).

Остановимся лишь на некоторых проблемах, ибо вопрос о датировке и хронологии палеолита Сибири слишком обширен, чтобы можно было обсуждать его в рамках настоящей статьи, тем более что за послевоенный период неизмеримо выросло число верхнепалеолитических стоянок Северной Азии, в том числе в районах, бывших ранее белыми пятнами на археологической карте; открыты памятники бесспорно мустьерского возраста и, возможно, значительно более древние. На соседних территориях — в Западной Сибири, Казахстане, Монголии — обнаружены многочисленные и разновременные палеолитические местонахождения. Но значительный рост материала не привел еще к существенным качественным изменениям в проблематике палеолита Сибири, и это отчетливо видно при рассмотрении тех основных вопросов, которые были по-новому поставлены Г. П. Сосновским.

Среди самых сложных проблем — своеобразие сибирского палеолита, причины этого своеобразия. Основной особенностью палеолита Сибири считается смешение в одном археологическом комплексе различных типов орудий, как бы принадлежащих к различным эпохам палеолита по западноевропейской классификации. Эта особенность была отмечена еще И. Т. Савенковым во время первых сборов на Афонтовой горе и подверглась затем различным толкованиям. Г. П. Сосновский подошел к объяс-

---

[1] Личное дело Г. П. Сосновского. Архив ЛОИА АН СССР, фонд 35, опись 5, дело 294.

[2] *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки Северной Азии.— Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V. М.— Л.— Новосибирск, 1934.

нению этого явления иначе, чем его предшественники, искавшие причины в скрещении миграционных путей носителей различных форм инвентаря, во влияниях и заимствованиях. Он утверждал, что каменный инвентарь не может быть разделен на два различных комплекса — архаический и верхнепалеолитический. По сути дела это единый комплекс, сложившийся в своеобразных природных и хозяйственных условиях. Изучение материала показывает, что не существует абсолютного разрыва в технике изготовления «древних» и более поздних форм орудий, и поэтому нельзя говорить о двух обособленных элементах сибирского палеолитического инвентаря.

С. Н. Замятнин отметил значимость этих положений Г. П. Сосновского. Он особо подчеркнул, что Г. П. Сосновский сопоставлял наличие крупных, примитивных по облику орудий в сибирском палеолите с фактом вторичного появления рубилоподобных форм в раннем докерамическом неолите Верхнего Поволжья, ссылаясь на работы П. П. Ефименко. Как указывает С. Н. Замятнин, в беседах с ним Г. П. Сосновский говорил, что это вторичное появление крупных грубых орудий может свидетельствовать не об отставании, а о более развитом по сравнению с европейским характере сибирского палеолита [3].

В то же время в своих публикациях, в частности в упомянутой ссылке на П. П. Ефименко [4], Г. П. Сосновский рассматривал архаические формы в качестве пережитка и объяснял их наличие особой хозяйственной ролью, которую они играли в быту древних охотников, а отнюдь не отражением влияний центральноазиатского культурного очага, как утверждали некоторые ученые. Именно наступление леса на степь, происходившее в позднеледниковое время, удерживало, по мнению Г. П. Сосновского, в инвентаре сибирских палеолитических стоянок грубые формы рубящих орудий. Они совершенствуются и трансформируются в примитивное топорообразное орудие.

Позже А. П. Окладников уточнил взгляды Г. П. Сосновского, отметив, что архаический комплекс изделий в верхнем палеолите Сибири не может быть пережитком. В Мальте и Бурети, памятниках, по общему мнению, более древних, чем енисейский палеолит, в которых можно было бы ожидать находок наиболее близких к мустьерским и ашельским, изделия подобного рода очень редки. Более того, даже в Афонтовой Горе II в так называемых архаических орудиях нет ничего древнепалеолитического, и они ничем не напоминают ашельские рубила, с которыми их сравнивали. Эти орудия имеют в главных чертах такой же характер, как и скребла, весьма многочисленные в Афонтовой Горе. Техника изготовления каменных орудий не только не имеет отпечатка архаики или регресса, но всеми своими чертами свидетельствует о складывающемся многообразии технических приемов, о прогрессивном нарастании трудового опыта. И высокая техника обработки камня, и типология каменных орудий находятся в соответствии между собой и свидетельствуют, что это не пережиточный инвентарь, а новый и своеобразный комплекс орудий труда, отвечающий, очевидно, иным, чем прежде, определенным и важным потребностям. Отсюда «неизбежен и закономерен вывод, что в виде „архаических элементов“ позднейших стоянок наблюдаются вовсе не отмирающие, обреченные на гибель рудименты, а новые элементы, именно здесь, в это время, и чем позднее, тем определеннее, приобретающие исключительный удельный вес и ведущее значение» [5].

В настоящее время можно не учитывать первый аргумент А. П. Окладникова, поскольку Мальта и Буреть — памятники иной культуры, ко-

---

[3] *Замятнин С. Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— Тр. ИЭ, т. XVI, 1951, с. 138, прим. 1.

[4] *Сосновский Г. П.* Ук. соч., с. 281.

[5] *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II.— МИА, № 18, 1950, с. 147.

торые развивались иным путем, чем палеолит Енисея, и которые нельзя поставить в основание периодизации палеолита всей Сибири. Но представления А. П. Окладникова о появлении крупных рубящих и скребловидных орудий в связи с новыми потребностями общества объясняют не только их существование в одном комплексе с типичными верхнепалеолитическими изделиями, но и долгое их переживание в последующие эпохи (Бирюса). Следует отметить, что грубые рубящие орудия встречаются не только в позднеледниковых памятниках. Так, сам Г. П. Сосновский, убежденный в местном происхождении мальтинской культуры, упоминает, что в Мальте вместе с высокосовершенным по обработке кремневым инвентарем «встречаются и грубые орудия типа „ручного рубила", скребла и массивные скребловидно-нуклевидные формы, сделанные из цельных речных галек и крупных их кусков» [6]. Но известно, что облик мальтинского инвентаря создают не эти единичные орудия. Вряд ли следует доказывать, что «пережиток» должен иметь свою исходную форму в предшествующем этапе, чтобы быть пережитком. Следовательно, для того, чтобы рассматривать «грубый» компонент каменного инвентаря в качестве пережитка, необходимо иметь памятники предшествовавшего этапа и показать непрерывность развития культуры от мустье к верхнему палеолиту, а это редко удается даже в областях, несравненно лучше изученных, чем Северная Азия. В настоящее время в долине Енисея открыт мустьерский памятник — грот Двуглазка, на небольшом расстоянии от него, в долине Чулыма,— стоянка Малая Сыя, которая по радиоуглеродным датировкам относится к начальной поре верхнего палеолита. Пока еще эти памятники мало известны, но в гроте Двуглазка нет ни так называемых «рубилообразных орудий», ни чопперов, ни типичных для позднего палеолита Енисея скребел. В Малой Сые, насколько известно, чопперы есть, но скребла также отсутствуют. Проследить непрерывное переживание «архаических» форм — чопперов и скребел — нельзя ни в одной из областей Сибири. Упоминание о рубилообразных орудиях является недоразумением, под эту рубрику могли попасть крупные двусторонние нуклеусы. Любопытно, что мустьерский инвентарь алтайских гротов имеет несомненный леваллуазский облик, лишенный признаков так называемой галечной культуры чопперов-чоппингов.

Уместно поставить вопрос, является ли специфическая особенность сибирского палеолита присущей всем без исключения позднепалеолитическим памятникам этой обширной территории? Помимо Мальты и Бурети, которые всегда «выпадали» из обычных характеристик, в последние годы выявлен круг памятников, не имеющих сочетания форм нижнего и верхнего палеолита Запада. Как в Мальте и Бурети, основной заготовкой служила мелкая пластинка неправильных очертаний (Ачинская, Тарачиха, Афанасьева Гора, Голубая). В этих стоянках нет типичных клиновидных нуклеусов, которые также являются одной из характерных особенностей позднего палеолита Сибири. Что объединяет их с сибирским палеолитом, таким, как он характеризовался ранее? Можно понять Г. П. Сосновского, когда он, отвергая европейское происхождение Мальты, писал, что мальтинский комплекс не выделяется резко из других палеолитических местонахождений Сибири. Аргументы Г. П. Сосновского не были сильными: пресловутый «архаический» компонент и специфические особенности искусства, отличающие его от западного. Об удельном весе «архаического» компонента уже говорилось. Что же касается искусства, то можно согласиться с утверждением Г. П. Сосновского, хотя до сих пор ничего нельзя сказать о его происхождении. Это искусство само по себе является одним из разительных отличий Мальты — Бурети от других памятников. Но по кремневому инвентарю эти стоянки уже не одиноки и попадают в особую группу,

[6] *Сосновский Г. П.* Ук. соч., с. 281.

существенно отличающуюся от памятников традиционно понимаемого сибирского палеолита, куда входят и недавно открытые стоянки Якутии и Забайкалья.

Проблема происхождения сибирского палеолита, тесно связанная с проблемой происхождения его особенностей (различных компонентов), также не может считаться решенной. Г. П. Сосновский выступил в защиту автохтонного происхождения палеолита Сибири и поставил вопрос о процессе самостоятельного культурного развития без посторонних воздействий: «Почему человек конца ледникового периода должен был придти на Енисей обязательно из „неисследованных в археологическом отношении областей Монголии"? Мы не знаем еще всех древнейших стоянок Сибири, и не удивительно будет, если более ранние, чем Афонтова Гора II (нижний горизонт), культурные остатки будут обнаружены и в самой Енисейской долине, некоторые указания на это уже имеются» [7]. Мне неизвестно, какие указания имел в виду Г. П. Сосновский (может быть, речь шла о кубековских находках [8]), но его предвидение оправдалось, об этом упоминалось выше. Конечно, трудно говорить об автохтонном развитии на территории, которая, очевидно, не входила в зону очеловечивания приматов и рано или поздно была заселена человеком из других мест. Вопрос должен решаться дифференцированно. Нельзя говорить о происхождении всего сибирского палеолита в целом; в связи с выделением археологических культур задача и усложняется, и упрощается. Прежде всего следует учитывать явление конвергенции. Г. П. Сосновский был абсолютно прав, на мой взгляд, когда писал: «Нахождение на сибирских стоянках изделий и орудий, обнаруживающих в отдельных случаях, или даже сериях, аналогии с европейскими или северокитайскими палеолитическими материалами, не должно давать повода для каких-либо миграционистских построений ...это сходство есть проявление общей закономерности в развитии первобытных обществ, а не заимствования» [9].

Несомненно, что в сложении характерных особенностей той или иной культуры следует искать и черты автохтонного развития, если на этой территории имеются памятники более раннего этапа; и следы миграций, т. е. постепенного заселения ранее необжитых территорий; и черты влияний и заимствований. Кажется очевидным, что культура не могла существовать в течение тысячелетий на одном месте, не изменяясь и не подвергаясь влияниям и привнесениям; культура не могла быть перенесена в неизменившемся виде за тысячи километров, поэтому мы можем уловить лишь отдельные элементы сходства как во времени, так и в пространстве. Будут ли эти элементы генетическими, т. е. связанными с исходной культурой, или они результат конвергенции — в каждом отдельном случае решается по-разному. Очевидно, что при сопоставлении культур, тем более разделенных или значительным промежутком времени, или необъятным пространством, нельзя полагаться на один какой-либо признак, а следует рассмотреть всю совокупность данных, в первую очередь данных технико-типологического анализа каменного инвентаря.

Проблема локальных особенностей, которая особенно широко разрабатывается в последние годы в Сибири в связи с выделением археологических культур, впервые была поставлена Г. П. Сосновским, выделявшим региональные отличия. «Сибирский палеолит нельзя рассматривать как нечто однородное без учета его локальных особенностей, отдельных культурных групп стоянок, значительно отличающихся в североазиатском масштабе друг от друга» [10]. Региональные отличия Г. П. Сосновский

---

[7] *Сосновский Г. П.* Ук. соч., с. 280.

[8] *Абрамова З. А.* Палеолитическая стоянка Дружиниха на Енисее.— КСИА АН СССР, № 101, 1964, с. 73.

[9] *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки..., с. 281, 289.

[10] Там же, с. 283.

рассматривал в связи со стадиальными, но не будем упрекать его в этом. Нужны были многолетние работы в Костенках и смелость мысли А. Н. Рогачева, чтобы преодолеть стадиальную концепцию развития палеолита.

Несмотря на свою приверженность стадиальной схеме, что соответствовало духу времени, Г. П. Сосновский прозорливо заметил региональные культурные особенности палеолита Сибири: «На протяжении тысяч километров при разнообразии ландшафта Сибири и окружавшей древнего человека природной среды, а также разобщенности в те времена отдельных палеолитических групп человечества местные модификации материальной культуры, хотя и отражающие общую закономерность в развитии первобытного общества, были неизбежны» [11].

Если же принимать во внимание распределение стоянок по стадиальным этапам и рассматривать различия как региональные, то можно увидеть, что Г. П. Сосновский не только особо выделил палеолит Южной Сибири, но и наметил специфические черты в инвентаре и культурном облике стоянок Ангары и Енисея. «В мальтинском инвентаре,— пишет он,— также наблюдается смешение различных типов каменных орудий, но в несколько ином сочетании, чем на Енисее, и при наличии иных форм» [12]. Мальта и Иркутский Госпиталь характеризуются высоко развитой обработкой кости. Из бивня мамонта и реже из рога и костей северного оленя изготовлялись и различные орудия, и произведения искусства. Ряд типов каменных орудий в Мальте связан с обработкой кости. В енисейском палеолите кость также находит широкое применение, но техника ее обработки имеет существенные отличия. Появляется вкладышевая техника. Характерные черты инвентаря в палеолите Енисея: просверленные рога оленя, наконечники с желобком, микропластинки и некоторые другие каменные орудия — отсутствуют в Мальте. На Енисее, напротив, не найдены массивные наконечники из бивня, тонкие пластинки с ретушированными краями и концами, произведения искусства. Разница, таким образом, как отмечает Г. П. Сосновский, значительная.

Столь же существенна разница между енисейскими стоянками и стоянками у Томска и на Верхоленской горе у Иркутска. Для Томской стоянки характерно отсутствие «мустьеровидной» техники в обработке каменных изделий и архаических форм орудий. Несмотря на наличие в инвентаре Верхоленской Горы типов, общих для всего сибирского палеолита, эта стоянка по составу инвентаря отличается как от Мальты, так и от енисейских стоянок, обладая такими своеобразными орудиями, как роговые гарпуны и двусторонне обработанные каменные клинки и скребла [13].

Позже, исследуя стоянку Сростки на Алтае, Г. П. Сосновский сравнивает ее по инвентарю с енисейским палеолитом [14]. Отмечая первые следы палеолита в Туве, Г. П. Сосновский устанавливает, что «по технике изготовления и форме эти орудия близки к селенгинскому и минусинскому палеолиту» [15], тем самым впервые выделяя группу верхнего палеолита Южной Сибири: «Находки в бассейне верхнего течения рр. Оби, Иртыша и Енисея можно объединить в одну группу верхнего палеолита Южной Сибири. К ним близки и палеолитические местонахождения р. Селенги. Названные памятники существенно отличаются от стоянок древнекаменного периода бассейна р. Ангары и у г. Томска. Эти региональные и культурные особенности необходимо учитывать при классификации палеолита Сибири» [16].

---

[11] Там же, с. 289.

[12] Там же, с. 269.

[13] Там же, с. 275, 283, 284.

[14] *Сосновский Г. П.* Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катуни.— МИА, № 2, 1941, с. 125.

[15] *Сосновский Г. П.* Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири.— КСИИМК, VII, 1940, с. 87.

[16] Там же, с. 90.

В настоящее время в постановке этой проблемы сложились два противоположных направления. Одно, к которому принадлежит и автор, идет вслед за Г. П. Сосновским по пути конкретно-исторического решения с установлением археологических культур и культурных областей, объединяющих сходные культуры, что стало возможным на основе анализа всех данных, прежде всего особенностей каменного инвентаря в их совокупности. Второе направление, представленное Ю. А. Мочановым (последователей я не знаю, хотя некоторые специалисты придерживаются ни к чему не обязывающего мнения «а почему бы нет?»), делит весь сибирский палеолит на две обширные территориальные группы: западную — мальтинско-афонтовскую и восточную — дюктайскую, основываясь лишь на одном признаке — наличии двусторонней обработки камня. Этого признака было достаточно не только для выделения археологической культуры, но и целой «традиции», распространенной на обширном пространстве. Перечисляя памятники с двусторонне обработанными орудиями в Прибайкалье, Забайкалье, Приамурье и Приморье, Ю. А. Мочанов высказывает предположение, что «ими представлены особые локальные „дюктайские" культуры или варианты культур» [17], несмотря на то что палеолитические стоянки Алдана, далеко не все бесспорно дюктайские, по их географическому положению, скудости остатков материальной культуры, по их безусловно сартанскому возрасту не могли быть ядром, распространяющим импульсы культурного развития на юг Сибири, Дальний Восток и даже Америку. Утверждение Ю. А. Мочанова, что выделение двух традиций наиболее плодотворно для выяснения различных аспектов древнейшего прошлого Северной Азии, не имеет оснований. Отсутствие исторического содержания в предлагаемой концепции является не плодотворным, а тормозящим дальнейшее развитие науки, заводящим ее в тупик. Наиболее плодотворным кажется не смешение разнородных материалов в одну традицию (это касается не только «мальтинско-афонтовской», но и «дюктайской» традиции), а всестороннее выявление специфических черт в сходстве и в различии — только тогда можно установить конкретно-исторические пути развития и в понимании этого — непреходящее значение работ Г. П. Сосновского.

Полевые работы Г. П. Сосновского

1921 г. Археологическая разведка памятников доисторического периода по р. Ангаре (Балаганинский у.).

1923 г. Раскопки палеолитической стоянки на Афонтовой горе близ Красноярска (совместно с Н. К. Ауэрбахом); разведочные раскопки стоянки по р. Бугач; обследование палеолитических стоянок по р. Енисею в Минусинском крае.

1924 г. Раскопки палеолитической стоянки на Афонтовой горе (совместно с Н. К. Ауэрбахом и В. И. Громовым).

1925 г. Раскопки палеолитической стоянки на Афонтовой горе (совместно с Н. К. Ауэрбахом) и у бывш. склада Нобеля (на месте последних раскопок Савенкова); разведка доисторических памятников в Ачинском у. Енисейской губ. (4 палеолитических стоянки, могильник андроновской культуры, 3 городища и писаницы); раскопки двух курганов бронзового периода у с. Новоселово; принимал участие в разведочной раскопке нового местонахождения костей мамонта с каменными орудиями, найденного М. М. Герасимовым близ Иркутского переселенческого пункта.

1926 г. Раскопки 30 погребений раннебронзового периода в окрестностях улуса Орак Хакасского округа.

1927 г. Принимал участие в раскопке палеолитической стоянки у с. Супоньево в окрестностях г. Брянска и в исследовании стоянки с микролитической индустрией на Ялтинской Яйле (южный берег Крыма).

---

[17] *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 227.

1928 г. Раскопки палеолитической стоянки у дер. Кокорево на р. Енисее.
1928—1929 гг. Проводил раскопки древних памятников в Бурят-Монгольской АССР (бассейн р. Селенги) в составе Монгольской комиссии Академии наук.
1933 г. Археологическое исследование вновь обнаруженных на побережье Сестрорецкого залива под Ленинградом палеолитических стоянок.
1934—1935 гг. Исследование палеолитических стоянок у с. Мальта (совместно с М. М. Герасимовым).
1935—1936 гг. По поручению Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы возглавлял работы по обследованию палеолитических памятников на Алтае.
1940 г. Археологическое обследование палеолитических памятников в районе г. Красноярска, на р. Енисее.

Составитель перечня К. М. Пескарева

Список печатных работ Г. П. Сосновского

1917. Каменный век у Тарховки [Петроград. губ.]. Лесной. [20] с ил., карт. (Кружок изучения Лесного при Коммерческом училище в Лесном. Вып. 3). Соавт. Б. Ф. Земляков.

1923. Древнейшие следы человека в Сибири.— «Сибирские огни», № 5/6, с. 207—214. Соавт. Н. К. Ауэрбах; Заметка об одной археологической находке.— ЭБВСОРГО, № 3, с. 17, 18; К археологии Ангарского края (Из предварит. отчета о поездке в Балаганский у. Иркутской губ.).— СЖС, вып. 1, с. 121—139.

1924. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска.— ЗИркНМ, вып. 1, с. 1—16; Остатки доисторического прошлого у с. Распутина на р. Ангаре.— ЗИркНМ, вып. 1, с. 17—22; Остатки древнейшей культуры человека в Сибири (Предварит. сообщ. о раскопках палеолитич. стоянки у Афонтовой Горы близ г. Красноярска, произведенные в 1923 г. по поручению Краснояр. и Вост.-Сиб. отд. РГО для Музея Приенисейского края).— ЖС, № 5/6, с. 199—219. Соавт. Н. К. Ауэрбах; Палеолитические находки в Минусинском крае.— СЖС, вып. 2, с. 127—132.

1925. Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии. Красноярск, Изд. Енисейского ГУБОНО, 1925, 28 с. Соавт. Н. К. Ауэрбах; Новейшая иностранная литература по доистории Сибири.— «Сибирские огни», № 2, с. 266, 267. Подпись: А. и С. Соавт. Н. К. Ауэрбах. Экскурсия в прошлое человечества.— СПЖ, № 5, с. 40—47. Соавт. Н. К. Ауэрбах.

1926. Заметки по археологии Прибайкалья (Из отчета о поездке в Балаганский у. Иркут. губ., совершенной летом 1921 г.).— ИВСОРГО, т. 51, с. 145—149; то же.— В кн.: Труды Палеоэтнологической секции ВСОРГО. Иркутск, 1926, с. 13—17; Неолитическая стоянка у с. Суховского [Иркут. обл.].— ИВСОРГО, т. 51, с. 150—152; то же.— В кн.: Труды Палеоэтнографической секции.— ВСОРГО. Иркутск, 1926, с. 18—20; Охотники за мамонтами на берегах Енисея.— «Сибирь», № 5/6, с. 19—22. Соавт. Н. К. Ауэрбах.

1928. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции Академии наук СССР в 1928 г.— «Бурятиеведение», № 4, с. 162—166; Палеоэтнологические раскопки в северной Хакасии.— Северная Азия, № 1, с. 96.

1929. Раскопки в Танну-Туве.— ЧиП, 1929, № 22, с. 48—49. Подпись: С.

1932. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора.— ТКИЧП, т. 1, с. 45—114. Соавт. Н. К. Ауэрбах; О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии.— СГАИМК, № 11/12, с. 19—24.

1933. Древнейшие остатки собаки в Северной Азии.— ПИМК, № 5/6, с. 20—23; Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье.— ИГАИМК, вып. 100, с. 210—222; К истории добычи олова на востоке СССР.— ПИМК, № 9/10, с. 15—19; О находках Оглахтинского могильника.— ПИМК, № 7/8, с. 34—41; Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье.— ТКИЧП, т. 3, вып. 1, с. 23—40. Рез. на франц. яз.

1934. Древнейшие шерстяные ткани Сибири.— ПИДО, № 2, с. 92—96; Нижне-Иволгинское городище.— ПИДО, № 7/8, с. 150—156; Палеолитические стоянки Северной Азии.— Труды II Междунар. конференции АИЧПЕ, вып. 5. Л.— М., с. 246—304.

1935. Дэристуйский могильник.— ПИДО, № 1/2, с. 168—176; Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины.— ИГАИМК, вып. 118, с. 152—218; Поселение на Афонтовой Горе.— ИГАИМК, вып. 118, с. 125—151; Работы по районам проектируемых гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее, Бие и Иртыше. Отчет о работах.— ИГАИМК, вып. 110, с. 69—79; Разведки на Сестрорецком разливе. Отчет о работах.— ИГАИМК, вып. 109, с. 23—27.

1936. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928—1929 гг.— В кн.: Проблемы Бурят-Монгольской АССР, т. 2. М.— Л.,

с. 318—321; Палеолитические находки в предгорьях Алтая.— ТССМАИЧП, вып. 4, с. 37—41.
1937. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальта.— ТССМАИЧП, вып. 1, с. 278—295. Рез. на нем. яз. Соавт. М. М. Герасимов; Палеолитические стоянки около г. Бийска.— ТССМАИЧП, вып. 3, с. 144—158. Рез. на франц. яз.
1939. Восточная Сибирь в первом тысячелетии до н. э. и в начале н. э.— В кн.: История СССР с древнейших времен до образования государства, ч. 1/2. М.— Л., с. 413—423; Монгольские гунны (хунну).— В кн.: История СССР с древнейших времен до образования государства, ч. 1/2. М.— Л., с. 297—303; Находки китайских тканей в могилах Ильмовой Пади.— КСИИМК, № 2, с. 23—24.
1940. Итоги изучения палеолита Алтая (1935 и 1936 гг.).— БКИЧП, № 6/7, с. 114—119; К истории использования олова в Приенисейском крае.— КСИИМК, № 5, с. 45—47. Соавт. А. А. Иессен; К истории скотоводства в Сибири (Материалы к истории древнейших домашних животных).— В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.— Л., с. 135—150; Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири.— КСИИМК, № 7, с. 86—90; Писаница на горе Кизех-Тах.— КСИИМК, № 6, с. 54—58; Ранние кочевники Забайкалья.— КСИИМК, № 8, с. 36—42; Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катуни.— СА, № 5, с. 297, 298.
1941. Ойротская автономная область, 1936 г.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., с. 304—306; Палеолитические стоянки у с. Сростки на р. Катуни.— МИА, № 2, с. 109—125. Рез. на франц. яз.; Плиточные могилы Забайкалья— Тр. ОИПК ГЭ, т. I, с. 273—309. Рез. на англ. яз.
1946. Обследование палеолитических стоянок у Красноярска. [1940 г.].— КСИИМК, № 13, с. 95—98; Раскопки Ильмовой Пади (Предварит. сообщ.).— СА, т. 8, с. 51—67. Рез. на франц. яз.
1947. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье).— КСИИМК, № 14, с. 35—39.
1948. О поисках палеолита в Казахстане.— ИАНКазССР. Сер. археол., вып. I, с. 10—12; Палеолитические стоянки в долине р. Качи у г. Красноярска.— СА, т. 10, с. 75—84.

Составитель Т. Н. Заднепровская

Z. A. Abramova

G. P. SOSNOVSKI (1899—1941) AND THE PROBLEMS OF THE PALAEOLITHIC OF NORTHERN ASIA

Summary

The life and activities of G. P. Sosnovski is a striking example of the devotion to the science. Especially great is his contribution to the studies of the Siberian palaeolithic. The main events of the establishing of the Soviet practical and theoretic knowledge of the palaeolithic of Northern Asia are connected with his name. In 1934, having summarized all materials, known by that time, C. P. Sosnovski clearly put up the main problems of the investigations of the Siberian palaeolithic, actual today. Three problems, tightly connected with each other: the originality of Siberian palaeolithic, its genesis and local peculiarities are discussed in the article. The combination of different types of tools, characteristics for different epochs of the palaeolithic, according to the West-European classification is a specific feature of the palaeolithic of the Northern Asia. Differing from his predecessors G. P. Sosnovski found the reasons of such peculiarity not in the crossing of the migration ways of the population with the «archaic» and «developed» inventories, but in the economic necessity. He considered the «archaic» forms as a survival. The discovery of the moustierian and early Upper palaeolithic sites in Siberia led the author to the new approach to the problem of «survivals». But the new materials confirm the hypothesis of G. P. Sosnovski about the autochthonous genesis of the Siberian palaeolithic. The problem of local peculiarities, first put up by G. P. Sosnovski, who singled out the palaeolithic of the Southern Siberia and pointed out some specific features in the inventory and culture of the Angara and Enisei sites is further developed by the establishing of archaeological cultures and cultural regions.

Публикации

А. Н. СОРОКИН

ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МИКУЛИНО (Мещера)

В 1975 г. тремя разведочными отрядами Окской экспедиции было проведено сплошное обследование островов и древних берегов озер, входящих в озерную систему верховьев р. Пры. Результатом этих работ было открытие в Мещере первых девяти позднемезолитических стоянок и местонахождений [1]. Наиболее изученной в настоящий момент следует считать стоянку Микулино. Целью данной статьи является публикация материалов этого памятника.

Стоянка Микулино расположена в 1 *км* к северу от дер. Тюрвиши Гусевского р-на Владимирской обл., в северо-западной части небольшого (250×450 *м*), вытянутого с севера на юг, невысокого (до 3 *м*) останца первой надпойменной террасы р. Бужи, и приурочена к древнему заливу оз. Святого. Раскопки памятника осуществлялись в 1977 г. автором при участии заведующей отделом археологии Владимирского музея-заповедника Н. Н. Мошениной и сотрудницы того же отдела Л. А. Михайловой. Всего вскрыто 137 $м^2$, причем 8 $м^2$ приходится на шурфы, находки в которых отсутствовали.

Стратиграфия памятника следующая: 1) слой дерна и поддернового слабо гумусированного песка мощностью до 10 *см*; 2) подзол — белый сыпучий песок, 0—25 *см*; 3) желтый песок, 0—50 *см*; 4) плотный желто-бурый песок с ортштейнами (рис. 1). Культурный слой по цвету не выражен и определяется глубиной залегания находок. Они встречаются от слоя дерна до ожелезненного песка по всей толще верхней пачки рыхлых отложений. Подобное явление характерно для большинства дюнных мезолитических стоянок. Насыщенность находками слоя невелика (менее одной находки на 1 $м^2$ площади при толщине горизона 5 *см*), максимум приходится на глубину 40—45 *см* от нулевой точки, при этом их наибольшая концентрация наблюдалась в квадратах 11В-Ж, 12Г-З и 13Д-Ж (рис. 2). Судя по результатам шурфовки и планиграфии находок, поселение представляет собой одно небольшое скопление находок, относительно четко локализуемое в пределах раскопанной площади.

Помимо кремневых изделий найдены шесть сильно измельченных фрагментов славянской керамики XII в. и бронзовое проволочное височное колечко общеславянского типа. Фрагменты керамики залегали в кв. 14Д на глубине от 20 до 45 *см*, колечко обнаружено на глубине 45 *см*. Им сопутствовали два маленьких кострищных пятна неправильной формы, размером 22×34 и 25×52 *см* соответственно, в заполнении которых прослежены несколько кальцинированных косточек. Кроме этого, вскрыта подтрапециевидная в плане и подконическая в профиле яма размером 2,6×2,2 *м* при глубине до 70 *см*, контур которой четко определялся по за-

[1] *Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г.* Первые памятники мезолита в Мещере.— СА, 1977, № 2, с. 142—151.

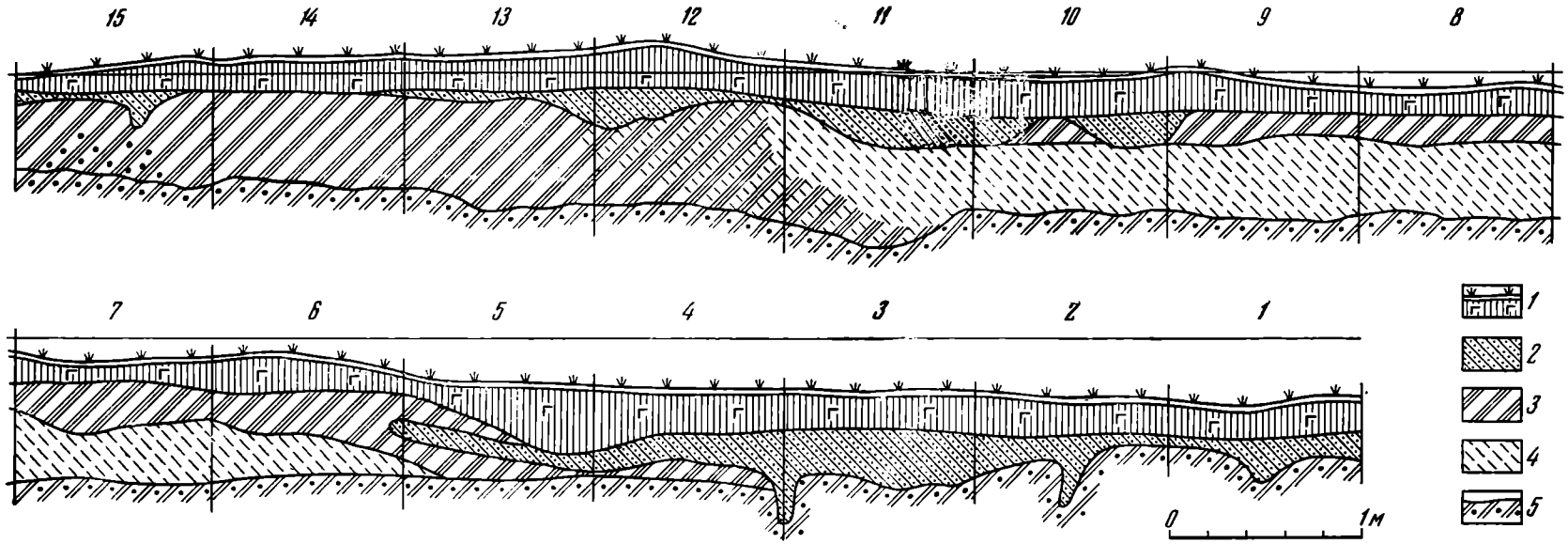


Рис. 1. Стоянка Микулино. Южный профиль раскопа А 1—15 *1* — слой дерна и поддерного серого песка; *2* — подзол — белый сыпучий песок; *3* — светло-коричневый песок; *4* — светло-желтый песок; *5* — желто-бурый песок с железистыми конкрециями

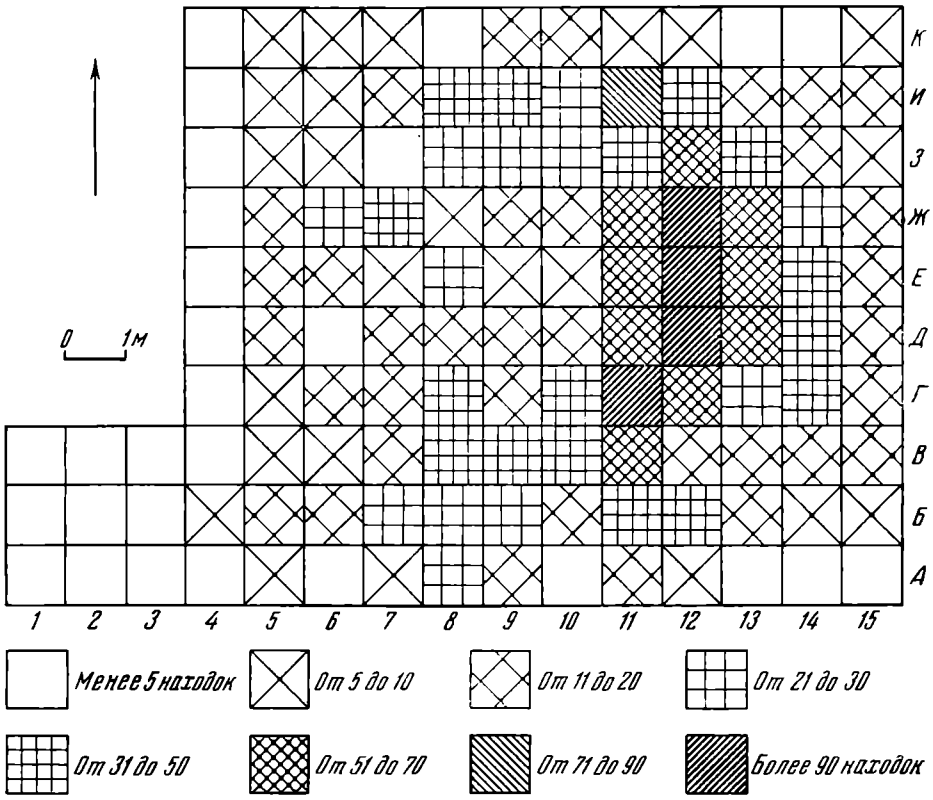


Рис. 2. Стоянка Микулино. Схема планиграфического распределения находок каменных изделий

плывшему в нее оподзоленному песку. Судя по отсутствию локализации в яме или вокруг нее кремней, а также учитывая уровень дневной поверхности, с которого она была выкопана, славянская или более поздняя ее принадлежность не подлежит сомнению. Иных нарушений слоя отмечено не было.

Обнаружено всего лишь одно древнее кострище, начинавшееся на границе с ожелезненным песком и частично заплывавшее в него. Форма подовальная. Размеры кострищного пятна по мере углубления увеличились с 80×60 до 180×80 *см*. В нем содержалось более 40 находок, по преимуществу орудий, кроме того, восемь предметов были найдены в непосредственной близости.

На стоянке Микулино было найдено 2980 изделий из камня, классификационно расчленяющихся на следующие три группы: 1) нуклеусы, 2) сколы и 3) орудия. Количественные показатели соответствующих групп приведены в таблице.

Основная масса инвентаря изготовлена из мелового и валунного кремня, а в единичных случаях — из других пород, например кварцита. Цветовая гамма кремня весьма разнообразна: от черного и серого до пятнистого серо-бело-желтого и различных оттенков коричневого и красного цветов. Существенно при этом, что собственных источников не только мелового, но и валунного кремня на Великих озерах нет, это объясняется условиями формирования и историей низины Мещерских озер. Кроме того, в неолите региона отсутствует пятнистый кремень. Однако вопрос об источниках поступления сырья при настоящей его изученности остается открытым.

13 из 14 нуклеусов стоянки Микулино по характеру расщепления относятся к параллельной системе скалывания, основной целью которой

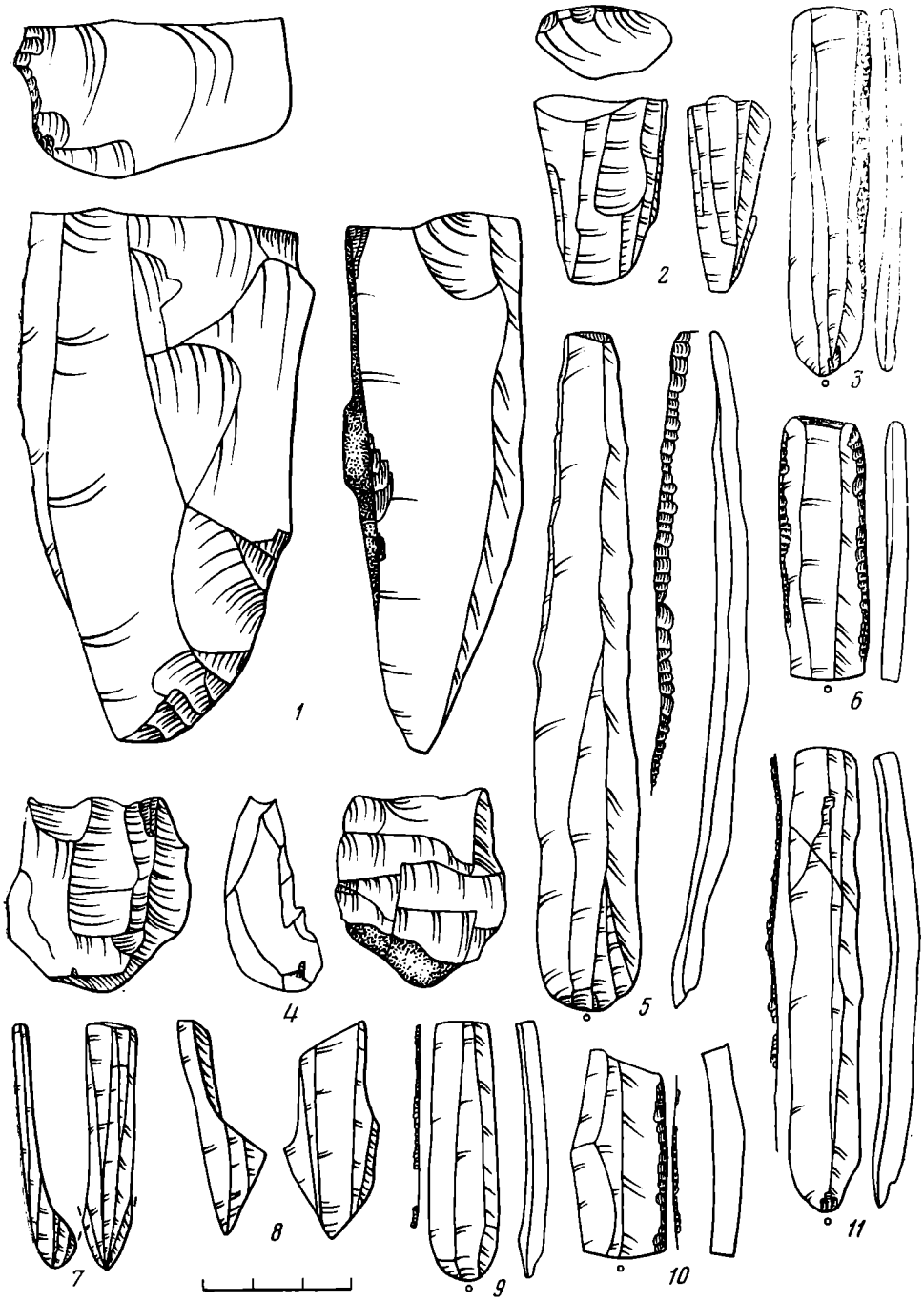


Рис. 3—7. Стоянка Микулино. Каменные изделия

было получение длинной правильной заготовки — пластины. Все нуклеусы сработаны до предела, так что первоначальную форму четырех из них определить не удается. Четыре следующих — одноплощадочные подконические от пластин и микропластин, причем три из них расколоты, поэтому характер площадки неясен (рис. *3*, *7*, *8*), последний целый, у него слабо скошена и подработана площадка (рис. 3, *2*). Есть еще экземпляр конического нуклеуса, с которого скалывались пластины, он также расколот; два нуклеуса одноплощадочных подпризматических от пластин, у обоих площадки скошены по отношению к плоскости скалывания и подретушированы. Имеется экземпляр призматического двухплощадочного нуклеуса от пластин и отщепов одновременно, одна из его площадок

Всего изделий	Нуклеусы, заготовки и нуклевидные куски	Сколы		Орудия		
				717		
		отщепы	пластины	на отщепах	на пластинах	на прочем
2980	18	1201	1042	154	560	3

скошена и подправлена ретушью, другая сбита в результате неудачного снятия. 13-й экземпляр представлен двухплощадочным нуклеусом, площадки которого расположены под углом 90° друг к другу, при этом плоскость скалывания одной из них служит ударной площадкой для другой,— с него скалывали пластины (рис. 3, *4*). К бессистемным относится экземпляр двухплощадочного аморфного нуклеуса, с которого снимались отщепы и пластины одновременно. В коллекцию входит заготовка, видимо, подконического нуклеуса. У нее подправлена площадка, частично намечено несколькими сколами ребро и серией крупных поперечных сколов очищена от корки поверхность скалывания (рис. 3, *1*). Кроме этого, к группе нуклевидных относятся три нуклевидных куска с негативами снятия отщепов.

Для получения регулярных ножевидных пластин нуклеусы специальным образом подготавливались. На тщательность предварительной подготовки нуклеусов к снятию указывает прием скашивания и ретуширования ударной площадки. Этим достигалось регулирование рабочего угла между ударной площадкой и рабочей поверхностью, а следовательно, и предопределялся характер самого снятия. Всего было найдено 56 сколов с ударных площадок, при этом только в семи случаях нет следов фасетирования площадок. Как показывает изучение фрагментов рабочих поверхностей этих сколов, все целые экземпляры нуклеусов, от которых они происходят, за единственным исключением, служили для получения ножевидных пластин.

Характеристика сколов подправки будет, однако, неполной, если не упомянуть ребристые пластины — их насчитывается 36 штук. Поперечные сколы на обеих гранях спинки отмечены только в двух случаях. Преимущественное оформление ребра с одной стороны прослеживается и на самих нуклеусах.

Получение заготовки в том или ином ее виде является целью и результатом процесса расщепления. В Микулино представлены оба основных типа заготовки — пластина и отщеп.

Отщепы подразделялись на крупнейшие, крупные, средние, мелкие и чешуйки. Их числовые выражения такие, как предлагает Г. Н. Матюшин [2], т. е. к чешуйкам отнесены отщепы, максимальный диаметр которых не превышает 1 *см*, к мелким отщепам — с диаметром от 1 до 3 *см*, к средним — от 3 до 5 *см*, к крупным — от 5 до 7 *см*, к крупнейшим — отщепы с диаметром более 7 *см*. Основная масса отщепов оказалась представленной мелкими экземплярами (857) и чешуйками (244), средних 39, а крупные всего два. Отщепы более 7 *см* в диаметре отсутствуют вообще. Таким образом, отщепам присуща определенная миниатюрность размеров.

Пластин и их фрагментов, исключая ребристые, 1006, из них 298 со следами утилизации. Среди последних целых пластин 24 (56) [3]; с усеченными бугорковыми частями 44(135), концами 139(266); сечений 76(223) и, наконец, осколков 15(28). Из приведенного видно, что основная масса пластин подверглась делению. Их разрубание производилось несколькими способами: 1) при помощи удара по спинке, чаще всего это была точка

[2] *Матюшин Г. Н.* Раскопки неолитических поселений Урала.— КСИА АН СССР, № 117, 1969, с. 100.

[3] В скобках приводятся данные по пластинам, не имеющим следов работы.

на центральном ребре заготовки, реже в других местах спинки или брюшка; 2) техникой контрудара: преимущественно путем нанесения удара по краю покоящейся на наковаленке заготовки. Однако наиболее широко употреблялась техника слома, представленная двумя видами: с предварительной подработкой заготовки и без нее. Техника преднамеренного слома заключалась в следующем: на краю пластины каким-либо предметом, вероятно, отжимником или просто другой пластиной делался залом, после чего она разламывалась руками или с помощью щемилки. Заломы часто наносились по обоим краям пластины. Результатом подобного способа деления является большинство вкладышей из сечений пластин, сохранивших следы слома или ретуши на углах заготовки. Если же подправка краев отсутствует, искусственный характер слома в каждом конкретном случае определить не удается. Таких заготовок большинство.

Из целых экземпляров пластин, не имеющих следов сработанности, 34 относятся к правильным и 22 к неправильным, а из 266 пластин с отсеченными концами только две нерегулярных. Очевидно, что рассечению и слому в первую очередь подвергались регулярные экземпляры заготовок. В целом же процент неправильных пластин невелик — всего около 4,5.

Использование промеров ширины (а) на 140 пластинах позволяет следующим образом оценить размеры этого вида заготовок. Ширина пластин колеблется от 3 *мм* до 3 *см*, при этом для стоянки в целом характерно полное преобладание узких экземпляров с шириной $0{,}7<a\leqslant 1{,}5$ *см*, среди которых доминируют пластины с шириной около 1 *см*. Количество микропластинок ($a\leqslant 0{,}7$ *см*) невелико, но они численно преобладают над экземплярами средних размеров ($1{,}5<a\leqslant 2{,}5$ *см*). Это позволяет сделать вывод о том, что и по группе пластин четко прослеживается тенденция микролитизации инвентаря.

Заслуживающий внимания результат дал подсчет изделий с сохранившейся желвачной и галечной коркой. Были получены следующие числовые выражения: отщепов 78, пластин 69, орудий (все на пластинах) 23, нуклеусов и продуктов их подработки 8, всего 178 экз., или менее 6% всего исходного материала. Из этого следует, на наш взгляд, только один вывод: на стоянку были принесены не кремневые конкреции, а уже подготовленные нуклеусы. Это предположение косвенно подтверждается и находкой здесь заготовки нуклеуса.

Вернемся вновь к анализу таблицы. Обращают на себя внимание следующие факты: 1) отношение количества пластин к числу отщепов равно 0,9, т. е. лишь незначительно меньше единицы; 2) если учесть, что в отщепах 244 чешуйки, т. е. предметы, употреблявшиеся в качестве заготовок лишь в единичных случаях, то количество заготовок-пластин превысит количество заготовок-отщепов на 108 экз.; 3) среди орудий на отщепах лишь 26 функционально специализированы и могут быть по морфологии отнесены к тому или иному типу орудий, например скребкам, резцам и т. д., подавляющее же большинство относится к полифункциональным, морфологически не членимым орудиям — отщепам с ретушью; 4) включение орудий по характеру их заготовки в количественный подсчет дает преобладание пластин над отщепами на 273 экз., или в 1,2 раза. Учитывая все вышеизложенное, придем к следующему принципиальному выводу: основная цель системы снятий сводилась к получению правильной заготовки пластины. Получение отщепов не являлось на стоянке Микулино самоцелью. Данное положение подтверждается еще и тем, что выход отщепов неизбежен при любой системе снятий. Он в значительной мере обусловлен возможностями самой каменной техники: необходимостью подготовки нуклеусов к расщеплению (удаление меловой корки, оформление площадки, подправка ее по мере совершения снятий, подработка ребра нуклеуса) и неизбежностью появления технических отходов в процессе выделки орудий (неудачные снятия с нуклеу-

сов, образование чешуек при ретушировании рабочих лезвий орудий и т. д.).

Следы вторичной обработки несут на себе 717 предметов, из них отщепов с ретушью 128. Самую многочисленную группу орудий составляют ретушированные сечения пластин, использовавшиеся, по-видимому, в качестве вкладышей в составных орудиях. Среди них выделяются вкладыши со сломанными или ретушированными углами и следами сработанности на краях (27), вкладыши со сломанными или ретушированными углами и регулярным характером ретуши на одном или обоих краях (149) и, наконец, вкладыши из сечений пластин с ретушированными краями и не подработанными углами (27). Ретушь на этих изделиях мелкая, пологая, приостряющая, наносилась как со спинки, так и с брюшка преимущественно по одному из краев. Но есть экземпляры, оформленные по двум краям — как по спинке, так и по брюшку — или реже — противолежащей ретушью (рис. 5, *11—14*, *17—22*).

При исследовании данных орудий были проверены два предположения: 1) существование эталона при изготовлении вкладышей и 2) правомерность выделения укороченных, средних и удлиненных типов изделий. Для 107 случайно отобранных вкладышей был получен с использованием формулы интервалов вариационный ряд, графическое изображение которого приближается к одновершинному, симметричному, т. е. к нормальному. На основании этой выборки можно утверждать, что различий между укороченными, средними и удлиненными экземплярами не прослеживается, эталонными являются типы, длина которых примерно равняется их ширине.

Следующую по величине группу орудий составляют резцы[4], их 139 (на отщепах 16, остальные на пластинах). Единственным экземпляром представлен косоретушный резец на пластине (рис. 4, *28*). Два резца, выполненных на отщепах, относятся к типу на углу заготовки, причем один из них симметричный, другой асимметричный (рис. 4, *36*). Все остальные резцы принадлежат к типу на сломе или естественном окончании заготовки. Они все, кроме одного симметричного резца на отщепе, асимметричны (рис. 4, *22, 34, 35, 37—39*). Сколы 77 резцов на пластинах короткие одинарные. 14 из них выполнены на вкладышах с подработанными углами, еще у одного край заготовки подправлен мелкой приостряющей ретушью, возможно, это орудие дополнительно использовалось как нож. Резцовый скол 29 экземпляров превышает $^1/_2$ длины края изделия. 15 экземпляров имеют по два резцовых скола, еще у одного их три. Длина сколов различна. На некоторых пластинах заметны следы нерегулярной подретушевки края. Таким образом, для данной группы характерно резкое преобладание резцов на сломе заготовки при единичности резцов других типов.

Скребков 38 (на отщепах 5), из них 4 микроформы. Три микроскребка изготовлены на пластинах и относятся к типу концевых скошенных, лезвия всех оформлены миниатюрной крутой ретушью (рис. 4, *7*, *15*). Последний на чешуйке — концевой прямой. Скребки обычных форм выполнены на пластинах (30) или отщепах (4 шт.). Все они концевые (рис. 4, *1—6*, *8—14*, *16—21*, *23—27*, *29—33*). Рабочие концы двух скребков на отщепах дугообразные, обработаны полукрутой затупливающей ре-

[4] Классификация резцов дана в соответствии с основными морфологически образующими признаками этой группы орудий. Таких признаков и соответственно типов резцов три, так как кромка может быть получена только тремя способами: резцовым сколом, нанесенным 1) по усеченной ретушью заготовке, 2) по усеченной другим резцовым сколом заготовке и 3) по сломанному или естественному окончанию заготовки. Таким образом, первый тип резцов — ретушные, второй — угловые, третий — на сломе или естественном окончании заготовки. Кроме того, по расположению резцовой кромки относительно продольной оси заготовки резцы делятся на симметричные и асимметричные, а по ориентации резцовых сколов — на продольные и поперечные.

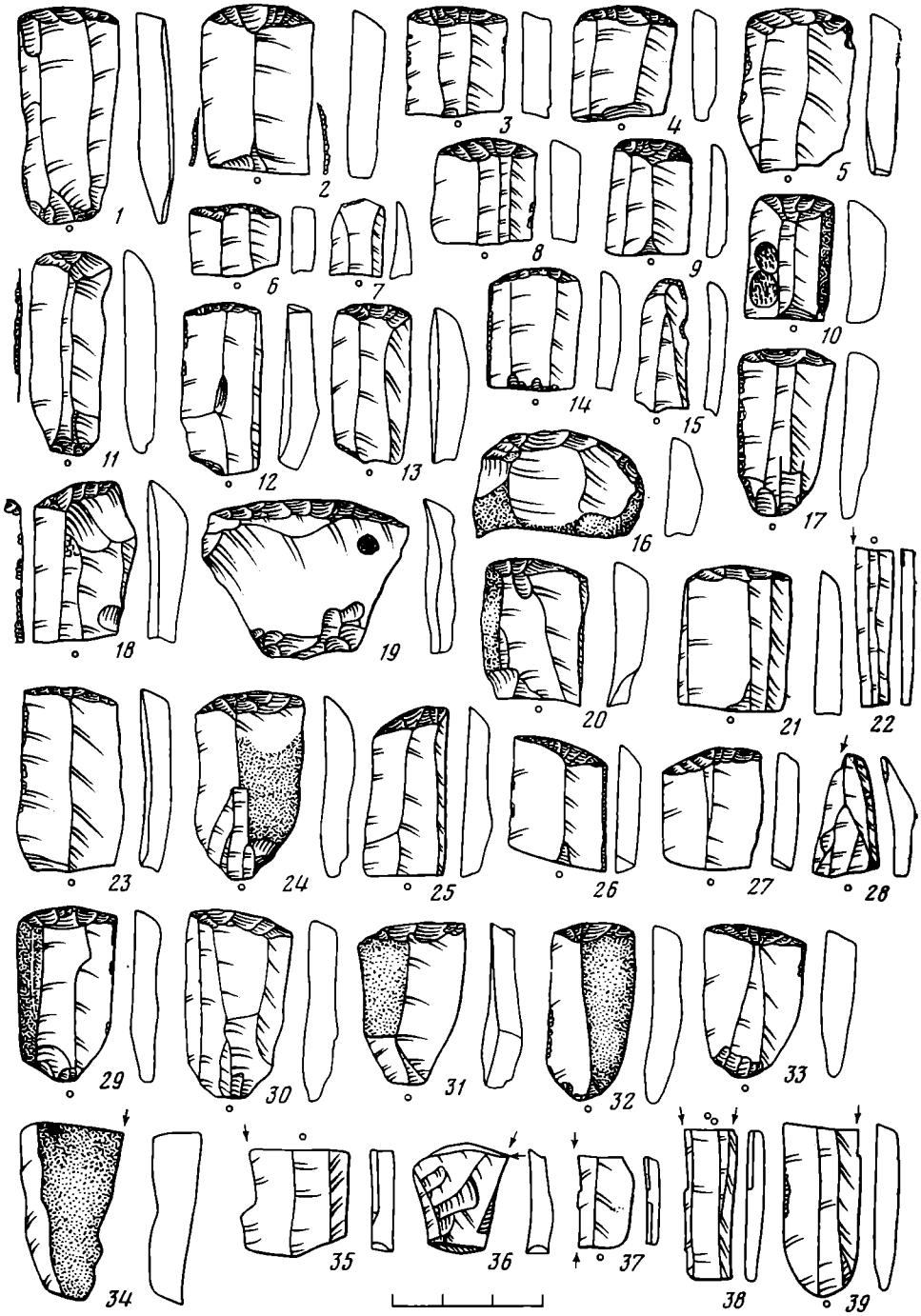


Рис. 4

тушью (рис. 4, *16*, *19*), еще у одного конец скошен крутой затупливающей ретушью и у четвертого, последнего — с выступом.

Концевые скребки на пластинах распадаются на три группы: с прямым лезвием (2), с дугообразно скошенным (17) и с дугообразным лезвием (11). Второй торец двух скребков с дугообразным лезвием, выполненных на сечениях, носит следы подработки крутой ретушью угла заготовки, возможно, на них пытались оформить лезвия двойных скребков (рис. 4, *12*, *13*). Все скребки обработаны крутой затупливающей ретушью со средней величины фасетками.

Таким образом, на стоянке численно преобладают концевые дугообразно скошенные и дугообразные скребки. Особенностью памятника яв-

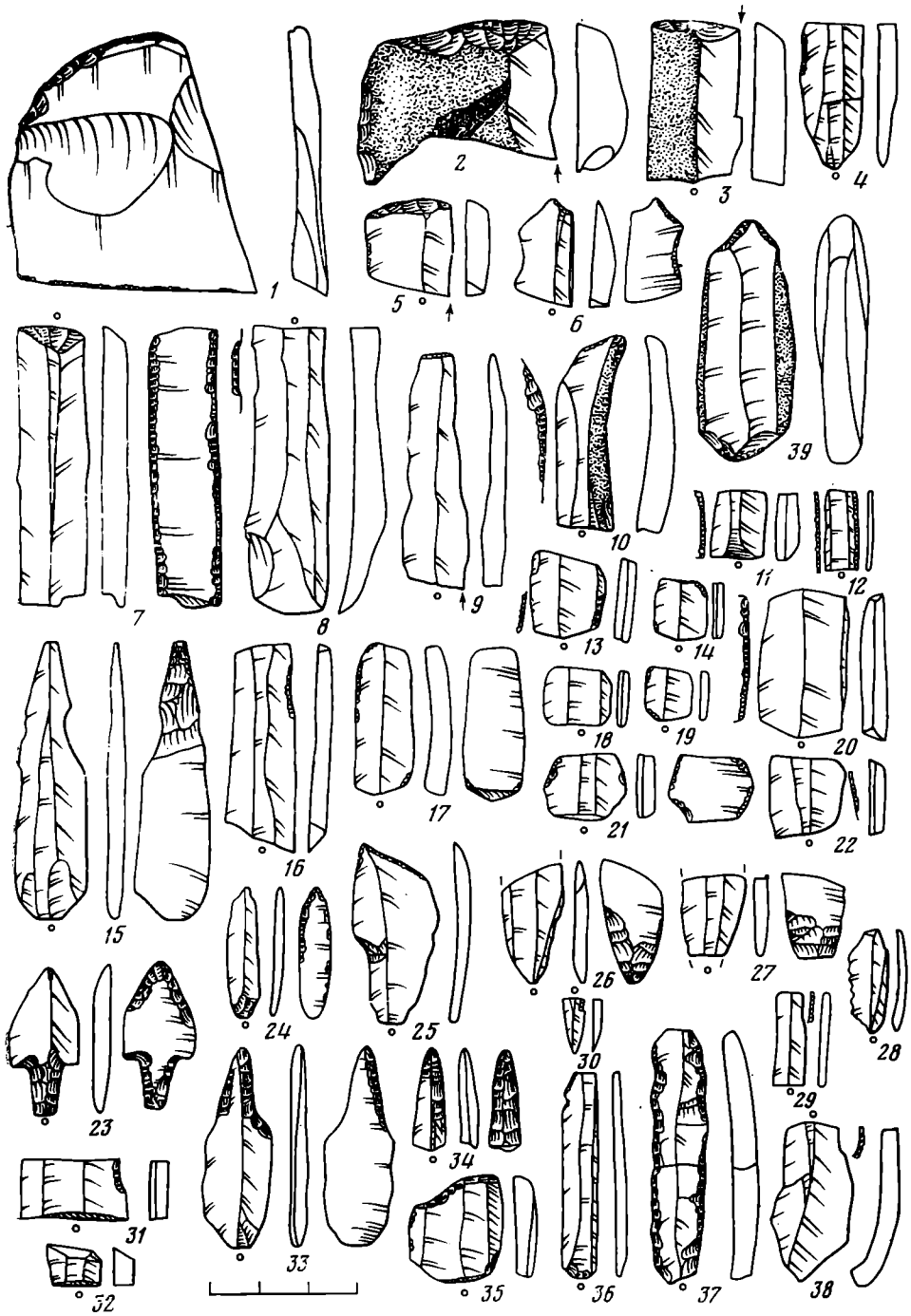


Рис. 5

ляется то, что все скребки представлены исключительно простыми концевыми формами.

Скобелей 9, все на пластинах, выемки мелкие, широкие, дугообразные, оформлены мелкой или миниатюрной затупливающей ретушью (рис. 5, *4*, *8*, *16*). Ретушер один, двойной концевой на расколотом нуклеусе (рис. 5, *39*). Единичен и резчик на пластине (рис. 5, *10*). Его клювовидный конец сформован полукрутой ретушью и носит следы заломов от работы. Брюшко орудия частично подправлено плоской приостряющей ретушью. Комбинированных орудий 7, из них шесть модификаций со скребком и скобель-сверло на пластине. Сверло асимметричное с жальцем, вы-

деленным мелкой противолежащей ретушью (рис. 5, *6*). Комбинаций скребков с резцами 4. На отщепе выполнен концевой прямо скошенный скребок — двойной резец (рис. 5, *2*). Первый резцовый скол снял боковую кромку и относится к типу на сломе заготовки, второй нанесен по лезвию скребка. Кроме того, на этом же изделии подправлен нерегулярной ретушью второй край заготовки. На пластинах: концевой прямой скребок — ретушный резец (резцовый скол снимает часть лезвия, рис. 5, *3*), концевой дугообразно скошенный скребок — резец на сломе (рис. 5, *5*) и концевой прямой микроскребок — резец на сломе (рис. 5, *9*). Также на пластине выполнен концевой дугообразно скошенный скребок — двойной нож (рис. 5, *7*). Скребок оформлен полукрутой, а ножи — пологой ретушью. Последнее комбинированное орудие — концевой дугообразно скошенный скребок — нож на отщепе (рис. 5, *1*).

Пластин, подработанных пологой приостряющей ретушью, 58 (рис. 3, *3*, *6*, *9*, *11*), все они использовались, видимо, как ножи. Размеры фасеток различные, но преобладают мелкие. Особенно выразителен экземпляр ножа из черного кремня длиной 139 *мм* при ширине 12—20 *мм*. Он обработан среднего размера фасетками пологой приостряющей ретуши по правому краю с брюшка (рис. 3, *5*). Помимо этого, в коллекции содержится 23 фрагмента пластин, носящих следы краевой ретуши.

Есть два макролита неясного назначения. Оба из кварцита. Один из концов первого оббит крупными сколами с обеих сторон, второй сбит ударом в торец орудия. Второй макролит представляет собой лишь заготовку с несколькими сколами, возможно, из нее так же, как и из первой, пытались сделать рубящее орудие.

Все сверла (6 экз.) сделаны на пластинах, целых два. Оба с хорошо выделенными рабочими концами, симметричными по отношению к оси заготовки. У первого противолежащей ретушью оформлена только рабочая часть (рис. 5, *33*), у второго конец мелкой полукрутой затупливающей, а края — нерегулярной пологой ретушью по брюшку (рис. 5, *24*). Еще один фрагмент, сделанный, очевидно, на черешковом наконечнике стрелы, принадлежал также симметричному сверлу с четко выделенным жальцем, но характер его обработки неясен, за исключением того, что в его оформлении дополнительно к ретуши был применен резцовый скол. Три последних обломка рабочих концов обработаны крутой краевой ретушью. Проколка одна, ее рабочий конец оформлен крутой ретушью, снимающей часть края и скашивающей конец заготовки (рис. 5, *25*). Пилка также одна, зубчатая ретушь нанесена по одному из краев с брюшка (рис. 5, *28*).

Наибольший интерес в коллекции Микулино вызывают различного рода микролиты. Выделяются несколько типов, представленных серийно,— это пластинки со скошенным или поперечно срезанным концом, с затупленным краем и основанием. Единичны другие вкладышевые формы: пластинки с затупленными торцами и краем (прямоугольники), пластинки с подработанными углами, трапеция. Сразу отметим, что для стоянок Окского бассейна впервые получена столь значительная серия микролитических изделий.

Трапеция частично обломана. Первоначально, видимо, была симметричной формы со слабовогнутыми крутой ретушью со стороны спинки торцами (рис. 6, *7*). Это орудие совершенно аналогично одной из трапеций, найденной на стоянке Иенево II.

Прямоугольников три, все удлиненных пропорций. Выполнены на микропластинах. Для них характерна крутая затупливающая ретушь, оформляющая три стороны изделия. Однако есть некоторые специфические особенности в обработке. Первый прямоугольник обработан только по брюшку (рис. 6, *22*), второй — противолежащей ретушью на торцах и со спинки по краю (рис. 6, *24*), третий ретуширован со стороны брюшка, как и первый, но, кроме того, плоской ретушью по боковому краю со

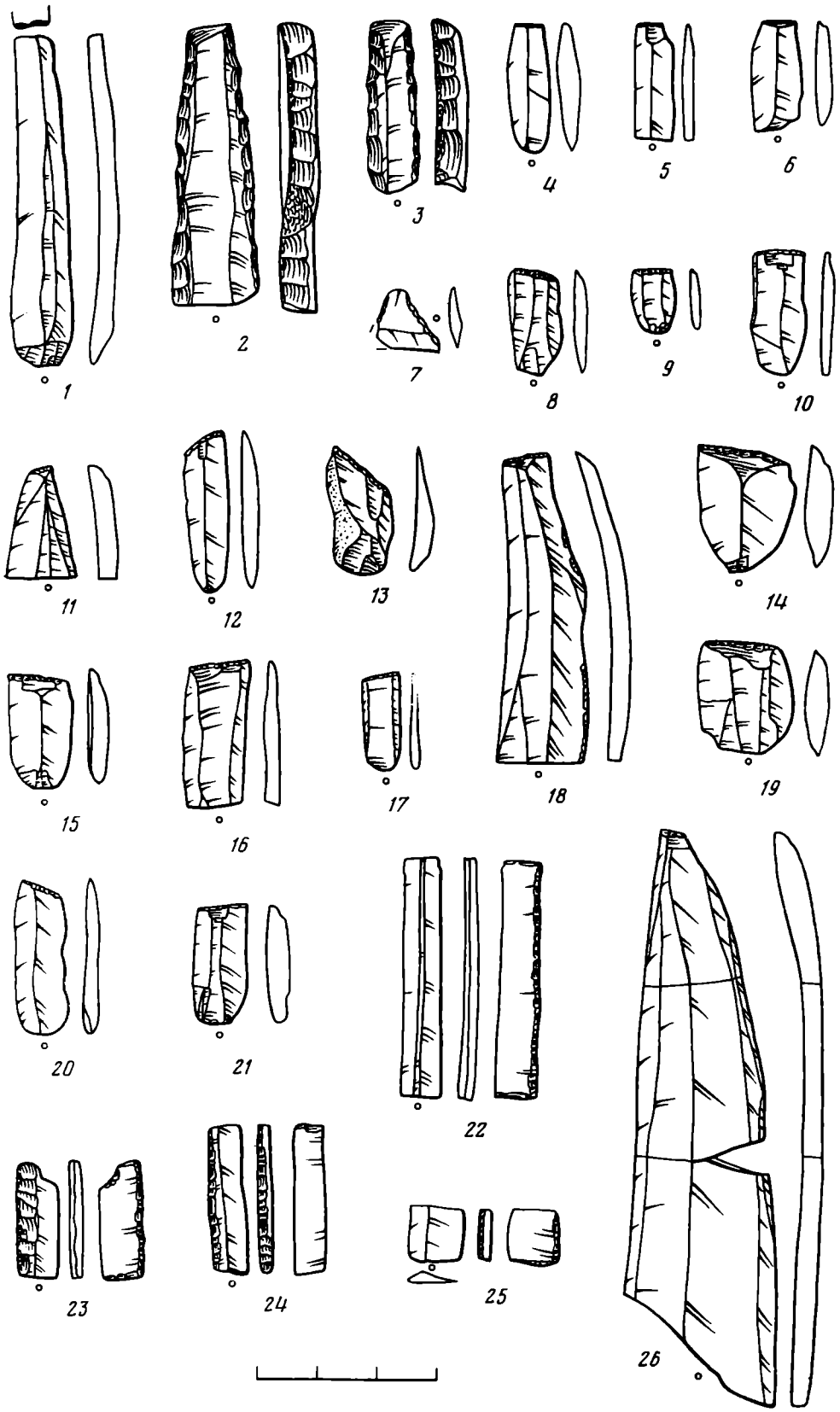


Рис. 6

стороны спинки (рис. 6, *23*). Из девяти микропластин с затупленным краем и основанием (рис. 7, *6*, *18—21*, *24*, *27*, *28*, *30*) угол между ретушированными сторонами в четырех случаях прямой, еще в пяти — тупой. Два орудия первой группы и два второй имеют следы сработанности в виде мелкой нерегулярной ретуши или заломов по второму краю. Ретушированные стороны восьми из этих микропластинок прямые, обработаны крутой затупливающей ретушью в шести случаях по спинке, еще в двух — по брюшку. Девятый экземпляр несколько отличается от описанных выше тем, что у него дугообразно ретушированы крутой ретушью основание и очень мелкой крутой ретушью боковой край. Обработке подверглась спинка орудия. Эти предметы в свое время сравнивались с яниславицкими треугольниками [5]. Это предположение не подкрепляется, однако, фактом находки на стоянке целого экземпляра треугольника. Кроме того, формы, подобные найденным в Микулино, встречаются довольно широко не только в мезолите лесной зоны Европы, но и в неолите Азии. Все это заставляет очень осторожно относиться к прежнему предположению.

Микропластинок с затупленным ретушью краем 33 (рис. 6, *25*; 7, *1—5*, *7—15*, *17*, *18*, *22*, *23*, *25*, *26*, *29*). Для них характерна крутая (30 экз.) ретушь, нанесенная по брюшку (20 экз.) или по спинке (10 экз.). Ретушь на трех оставшихся изделиях полукрутая, нанесена дважды по брюшку и один раз по спинке. 21 орудие имеет четкие следы сработанности по нересушированному краю. На одной микропластинке дополнительно нанесен резцовый скол (рис. 7, *23*).

Особый интерес представляет одна из микропластинок, у которой затупленный ретушью край снимается с брюшка плоской ретушью (рис. 7, *9*). Подобный прием двустороннего ретуширования уже был отмечен на прямоугольнике и, возможно, является прототипом широко распространенного приема ретуширования в неолите. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что микропластинки залегали в одном из нижних горизонтов слоя, поэтому предположение об их более позднем возрасте отпадает, и, следовательно, оснований говорить о разновременности или разнородности комплекса стоянки нет.

Есть 10 пластинок и один отщеп с поперечно срезанным ретушью концом (рис. 6, *1*, *4—6*, *9*, *10*). Девять пластин и отщеп обработаны мелкой крутой затупливающей ретушью по спинке, последняя, 10-я пластина — аналогично, но с брюшка (рис. 6, *1*). Пластинок со скошенным ретушью концом 24, отщепов 2. Обработка всех одинакова: крутая ретушь только по рабочему концу со стороны спинки (рис. 6, *8*, *11—21*).

Шесть микролитов обработаны мелкой затупливающей ретушью по краю заготовки в виде выемки, четыре — по спинке, еще два — с брюшка (рис. 5, *29*, *31*, *38*), при этом ретушь на одном из орудий пильчатая. Есть три пластинки с прямо срезанным ретушью углом со стороны спинки. Ретушь миниатюрная (1) или средних размеров (2), крутая (рис. 5, *32*, *36*).

По способу обработки микролитам близки два удлиненных сечения пластин с обоими затупленными отвесной ретушью краями (рис. 6, *2*, *3*). Вероятно, это сломанные острия. Помимо этого, есть «складанка» из двух сечений пластины, оба боковых края которой обработаны полукрутой ретушью. Края пластины волнистых очертаний. Назначение орудия неясно, возможно, это комбинация ножа с многовыемчатым скобелем или двойная пилка (рис. 5, *37*). Единичен и вкладыш на пластине с вогнуто-выпуклым ретушированным концом (рис. 5, *35*). Его углы сломаны, а на ретушированном конце и краях заготовки видны четкие следы сработанности.

---

[5] *Фролов А. С. и др.* Ук. соч., с. 144.

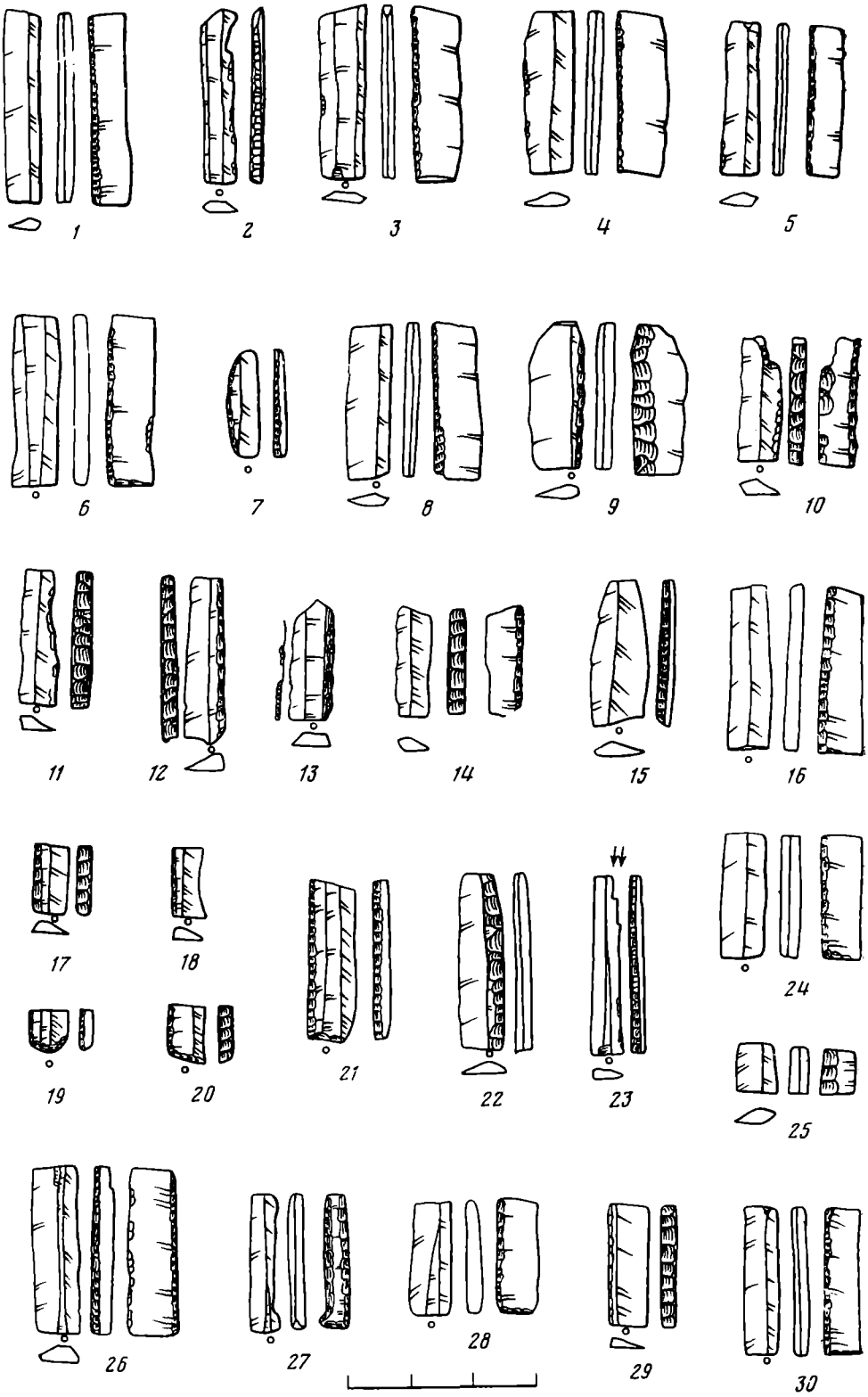

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

Рис. 7

Наконечники стрел представлены одним целым, тремя обломками и одной заготовкой. Все были изготовлены на пластинах. Целый экземпляр черешкового наконечника (рис. 5, *23*), имеющего укороченные пропорции, обработан полукрутой краевой ретушью по перу и насаду с брюшка и дополнительно плоской по черешку со спинки. Есть черешок наконечника, оформленный полукрутой противолежащей ретушью, и два фрагмента насадов иволистных наконечников (рис. 5, *26*, *27*). Плоская ретушь покрывает лишь брюшко, снимая часть ударного бугорка. Подобные наконечники стрел встречаются довольно широко и являются культурным признаком, определяющим постсвидерскую принадлежность. У заготовки подработан только плоской ретушью со стороны брюшка конец пластины. Изделие было испорчено в ходе обработки, так как одна из фасеток сломала край орудия, образовав глубокую выемку (рис. 5, *15*). Из-за нецелесообразности продолжения работы орудие было оставлено.

Подводя итоги анализа инвентаря стоянки Микулино, можно сказать, что в целом он характеризуется: 1) высоким уровнем микролитизации, выражающимся в наличии совершенной техники снятий ножевидных пластин и доминировании микролитических изделий среди морфологически устойчивых форм [6] орудий (41,1 из 81,6%);

2) значительным удельным весом орудий в общем составе инвентаря [7] и орудий на пластинах в группе орудий [8];

3) преобладанием количества резцов над скребками (19,4—5,3%);

4) наличием в приемах вторичной обработки техники затупливающей ретуши и использованием приостряющей исключительно в режущих орудиях;

5) серийностью и немногочисленностью типов изделий, объясняемыми кроме возможной специализации стоянки высокой степенью стандартизации материала на ней;

6) отсутствием или единичностью раннемезолитических форм орудий, таких, как срединные и ретушные резцы, скребки высокие, округлые и двойные, наконечники стрел, ретушированные только по черешку, и т. д.;

7) отсутствием изделий, двусторонне обработанных сплошной ретушью, и керамики неолитического облика;

8) присутствием постсвидерских наконечников стрел, а также совершенно неизвестных в неолите региона, но характерных для позднего мезолита лесной зоны Европы [9] геометрических форм — трапеции и прямоугольников.

Все это позволяет определить материалы стоянки Микулино как позднемезолитические и искать аналогии в памятниках указанного периода. Так как Микулино расположено в центральной части Волго-Окского междуречья, необходимо прежде всего установить место стоянки в кругу соответствующих памятников именно этого региона. Все вышеперечисленное, а также такие черты, как незначительное количество морфологически устойчивых форм орудий на отщепах, отсутствие техники микрорезца, асимметричных наконечников стрел с боковой выемкой и высоких треугольников и вместе с тем наличие пластинок с притупленным краем и основанием и прямоугольников, несомненно, свидетельствуют о позднебутовской принадлежности инвентаря стоянки Микулино.

---

[6] Под морфологически неустойчивыми (аморфными) орудиями подразумеваются отщепы с ретушью.

[7] Общий состав инвентаря: 1) нуклеусы и нуклевидные куски — 0,6%; 2) пластины — 35,0%; 3) отщепы — 40,3%; 4) орудия — 24,1%, из них на отщепах 5,2%, на пластинах 18,9%.

[8] Всего орудий 717, из них на пластинах 560 (78,1%), на отщепах 154 (21,5%), морфологически устойчивых типов орудий 3,5%, отщепов с ретушью 17,8%, на прочих заготовках 3 (0,4%).

[9] *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977, с. 207.

Наиболее надежным критерием сравнения материалов поселений является вычисление коэффициента сходства или различия их комплексов, под которыми в данном случае понимается вся совокупность производственного инвентаря памятников. Поэтому были вычислены соответствующие значения показателя сходства инвентаря Микулино с такими позднебутовскими стоянками, как Елин Бор (средний слой, сборы П. П. Кудрявцева и раскопки П. И. Борисковского) [10], Шумашь 2 (сборы В. А. Городцова), стоянки Борки (сборы А. И. Черепнина) [11] и Соболево 5 (раскопки Л. В. Кольцова) [12], по широко известной формуле [13]. Наибольшее сходство по типам изделий наблюдается у Микулино с Елиным Бором (0,53) и Шумашью 2 (0,46). Показательно, что эти значения коэффициента связи выше, чем полученные для собственно бутовских памятников, например, Елин Бор — Борки — 0,41; Шумашь 2 — Соболево 5 — 0,45; Соболево 5 — Елин Бор — 0,43 и т. д. Следовательно, статистический подсчет меры сходства подтверждает вывод типологического анализа о позднебутовской культурной принадлежности стоянки Микулино.

Стоянку Елин Бор (средний слой, сборы П. П. Кудрявцева и раскопки П. И. Борисковского), где преобладают грубые массивные резцы типа на сломе заготовки, нерегулярные скребки — скробачи, а в технике вторичной обработки отмечается появление ретуши, снимающей не только край заготовки, но и часть спинки (так называемая ретушь, заходящая на спинку), а также двусторонней плоской в обработке прямоугольника, следует признать несколько более поздней по сравнению с Микулино. Наиболее ранней из рассмотренных является стоянка Соболево 5, где намечается наибольшая близость с раннемезолитическими поселениями типа Бутово и Гремячее в технике расщепления конических и призматических нуклеусов и использовании в качестве основной заготовки пластины, а также в сохранении некоторых древних форм орудий, таких как ретушные, срединные и поперечные резцы, в наличии подокруглых, округлых и боковых скребков и, наконец, в сходстве приемов вторичной обработки при оформлении наконечников стрел.

Для стоянок Соболево 5 и Елин Бор получены геологические даты, помещающие эти памятники в ранний атлантический период. Эти датировки хорошо согласуются с геоморфологическими данными по району Великих озер. Согласно им, нижней границей возможного заселения озер является рубеж бореаля — атлантика, т. е. граница VII—VI тысячелетия до н. э.[14] Таким образом, если хронологически мезолит Мещеры в целом укладывается в пределы VI тысячелетия до н. э., то стоянка Микулино может быть датирована, видимо, не позднее его середины.

В материалах Микулино прослеживается несомненное сходство и с другими памятниками Мещеры, такими как Петрушино, Русаново, Шагара 4, Островки [15] и т. д. Но анализ их инвентаря не входит в задачу настоящей статьи.

В заключение следует отметить следующее:

1) комплекс стоянки Микулино хронологически един;

2) судя по незначительной площади поселения, слабой насыщенности культурного слоя остатками, наличию всего одного небольшого кострища, присутствию наконечников стрел, прямоугольников, пластинок с за-

---

[10] *Воеводский М. В., Борисковский П. И.* Стоянка Елин Бор.— СА, III, 1937.

[11] Материалы сборов стоянок Борки и Шумашь 2 хранятся в Рязанском областном краеведческом музее.

[12] Автор выражает искреннюю благодарность Л. В. Кольцову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с еще не опубликованными материалами раскопок этого памятника.

[13] *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975, с. 50.

[14] *Асеев А. А., Веденская И. Э.* Развитие рельефа Мещерской низменности. М., 1962, с. 56.

[15] *Фролов А. С. и др.* Ук. соч., с. 142—153.

тупленным ретушью краем и других предметов охотничьего вооружения при полном отсутствии каких-либо данных о рыболовстве, стоянку следует классифицировать как сезонный охотничий лагерь;

3) на основе типолого-статистического анализа доказана позднебутовская принадлежность Микулино. Отмеченное сходство единственной микулинской трапеции с иеневской не подтверждается пока фактами наличия связей между иеневской и бутовской культурами и является, вероятно, случайным;

4) отсутствие ряда типов микролитических изделий в раннебутовских памятниках заставляет предполагать наряду с конвергентностью возникновения этих форм в поздний период возможность южного заимствования. Вероятность такого заимствования велика в силу географической близости мещерских и окских стоянок рязанского течения степной зоне;

5) стоянка Микулино дала наибольшее количество орудий для памятников позднебутовской культуры, а, следовательно, ее материалы позволяют существенно уточнить и конкретизировать характеристику и хронологию последней;

6) коренное население Окского бассейна в эпоху позднего мезолита так же, как и население «южного круга культур» [16], приходит к изготовлению микролитов в широком смысле слова и геометрических микролитов, в частности. Единичность находок последних объясняется слабой изученностью позднемезолитических стоянок Окского бассейна;

7) вопрос об исключительности Волго-Окского региона как особой зоны без геометрических форм [17] должен быть пересмотрен под углом зрения генезиса этого явления в бассейне.

A. N. Sorokin

THE LATE MESOLITHIC SITE MIKULINO

Summary

The site Mikulino is the most investigated site of the Meschera lowland. It is characterized by the highly developed microlithic industry, reflected not only in the high technick of blade production, but also in a large amount of microliths, among them trapezes and rechtangles. The author on the basis of typologo-statistic analysis proves the belonging of the site to the late Butovo culture. The analogies with Elin Bor (middle layer) and Sobolevo V sites let him date Mikulino to the earlyatlantic, i. e. not later than the middle of the VIth millenium B. C.

---

[16] *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[17] *Формозов А. А.* Мезолитические и неолитические орудия Европейской части СССР и проблемы этнической истории. М., 1973; IX Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973. Доклады советской делегации.

Л. Г. МАЦКЕВОЙ

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ И НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Уже на заре становления в России археологии как науки на территории современного Краснодарского края были зафиксированы археологические памятники [1]. Особенно интенсивные работы ведутся здесь на протяжении последних 50 лет. Характерной чертой большинства исследований, в частности, послевоенного времени является комплексный подход к изучению истории края. Из работ по каменному веку отметим исследования В. А. Городцова [2], С. Н. Замятнина [3], А. А. Формозова и А. Д. Столяра [4], П. У. Аутлева, В. В. Бжания, В. П. Любина, В. Е. Щелинского и мн. др.[5]

В 1971—1973 гг. на территории края проводились исследования Кубанской мезолито-неолитической экспедицией Кубанского государственного университета. Исследования проводились в комплексном плане и наряду с памятниками времен мезолита и неолита фиксировались как более ранние, так и более поздние поселения. В данной публикации приводятся некоторые основные материалы лишь о памятниках, отнесенных к мезолиту и неолиту [6].

Обследованиями были охвачены Теучежский р-н Адыгейской АО преимущественно по течению р. Псекупс, а также Тихорецкий, Кавказский и Темрюкский районы края. Эпизодические работы проводились и на других территориях. За указанный период зафиксировано 42 разновременных поселения, грунтовый могильник и 110 курганов. Наибольшее количество памятников, выявленных экспедицией, датируется концом каменного века. Наличие в большинстве случаев только подъемного материала позволяет лишь в предварительном плане датировать основную

---

[1] *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 42.

[2] *Городцов В. А.* Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки.— МИА, № 2, 1941, с. 7—25.

[3] *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961.

[4] *Формозов А. А., Столяр А. Д.* Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае.— СА, 1960, № 2, с. 103—114; *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

[5] *Аутлев П. У.* Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп, 1963; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 8—79; *Церетели Л. Д.* Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977. Кроме того, значительное количество информаций о работах в этом регионе помещалось в сборниках «Археологические открытия» за 1965—1977 гг.

[6] Информационные сообщения об этих работах содержатся в следующих публикациях: *Мацкевой Л. Г.* Новые памятники каменного века на Кубани.— АО — 1971. М., с. 115; *его же.* Работы Псекупской экспедиции.— АО — 1972. М., 1973, с. 136; *Мацкевой Л. Г., Навротский Н. И., Гадло А. В.* Исследования Челбасско-Дмитриевской экспедиции.— Там же. с. 137; *Иванов А. Ф., Мацкевой Л. Г.* Исследования на Кубани.— АО — 1973. М., 1974, с. 109, 110. Административно-территориальное деление дано по состоянию на 1968 г. В настоящее время большинство пунктов затоплено водами Краснодарского водохранилища.

массу поселений пределами мезолита — неолита. Согласно сводке А. А. Формозова по каменному веку Прикубанья, мезолитические памятники здесь почти совсем отсутствуют [7]. Не лучше обстоит дело и в других районах Краснодарского края. А между тем в настоящее время уже известно несколько десятков первоклассных многослойных поселений эпохи мезолита и неолита на сопредельных с Кубанью территориях Крыма и Кавказа. Именно поэтому новые 30 памятников мезолито-неолитического облика, зафиксированные работами экспедиции, представляют определенный интерес.

Два поселения этого возраста обнаружено в черте г. Краснодара (пункты Университет I и II). Они расположены в Октябрьском р-не города на берегу р. Карасун в 2 *км* на восток от бывшего сада Тротнера, где в 20-х годах В. А. Городцовым были обнаружены кремневые изделия микролитического облика [8].

Поселение Университет I прослежено на правом берегу р. Карасун, почти исключительно на футбольном поле университетского стадиона, в 0,2 *км* к югу от которого находится новое главное здание Кубанского госуниверситета. На этой территории в результате хозяйственных работ верхние слои почвы были удалены. Именно на этих участках, преимущественно на контакте почвы и подпочвы, и были собраны основные находки. Изделия из камня, наиболее массовые здесь, представлены преимущественно микролитическими формами из кремня, размеры которых, как правило, не более 1×2 *см*. Отметим кремневую пластинку с заостряющей ретушью по краю типа пилочки (рис. 1, *14*). Подобные изделия прослежены во многих комплексах мезолито-неолитического возраста на Кавказе и в Крыму [9]. Налицо также уплощенные нуклеусы, скребки и другие изделия, которые типичны для этого времени на данной территории (табл. 1; рис. 1, *2*, *3*, *10*, *11*). Общий облик кремневых изделий пункта Университет I в целом типологически наиболее близок материалам стоянок Северо-Западного Кавказа типа Сосруко (слои М-I и М-II), а также Восточного Крыма типа Луговое II, где геометрические микролиты не прослежены либо единичны [10].

Среди фрагментов керамики, которые собраны в пункте Университет I, преобладают стенки сосудов (не более 2×2 *см*, толщиной от 0,3 до 0,6 *см*). Найдены два прямых венчика. В тесте фрагментов керамики заметно наличие шамота, мелких кусочков кварца, а также прослеживаются пустоты, видимо, от выгоревших органических примесей. В целом керамические остатки не дают оснований для более точной датировки, чем неолит — ранний энеолит.

Материалы местонахождения Университет II малочисленны и лишь условно сопоставляются с комплексом Университет I.

Значительное количество памятников мезолито-неолитического времени зафиксировано в Теучежском р-не ААО. Большинство из них прослежено по берегам р. Псекупс, на участке между аулами Вочепший и Новоказанукай. Весьма характерной особенностью этих поселений является почти полное тождество топографических и геоморфологических условий. Эти памятники повсеместно расположены на высоте 12—18 *м* от июльского уровня 1971—1972 гг. р. Псекупс [11]. По мнению Л. И. Чередниченко, поселения приурочены к бровке III надпойменной террасы р. Кубани

---

[7] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит..., с. 54—63.

[8] Там же, с. 55, 56, сноска 20.

[9] *Мацкевой Л. Г.* Опыт типологической классификации микролитических индустрий Крыма (мезолит — неолит).— СА, 1971, № 1, с. 8, рис. 2в, *75*.

[10] *Замятнин С. Н., Акритас П. Г.* Археологические исследования 1957 года в Боксанском ущелье.— Уч. зап. КБНИИ, т. XIII, 1957, с. 472; *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977, с. 157.

[11] В связи с перекрытием р. Кубани в 1973 г. высота памятников над уровнем р. Псекупс резко уменьшилась и большинство их в настоящее время находится в зоне затопления Краснодарского водохранилища.

Таблица 1

Основные находки на поселениях Краснодарского края

№ п.п.	Основные находки	Памятники														
		Университет I	Университет II	Новокаазанукай I	Новокаазанукай II	Новокаазанукай III	Шахаичерихабль I	Шахаичерихабль IV	Новочеченский I	Казазов I	Кучугуры I	Кучугуры VI	Кропоткин I	Челбас I	Ловягин I	Внуковский I
I	Кремень и другие породы камня	20	2	7	9	2	25	52	1377	66	8	5	10	8	2	8
	А. Гальки и желваки	1					4	9	606							
	Б. Нуклеусы	2		1			2	4	48							
	В. Отщепы (отщеповидные сколы)	1	2	2	6	1	5	16	321	24	4	1	4	2		4
	Г. Пластинчатые сколы	2					1	1	33	7				3		3
	Д. Орудия и составные части орудий	8		4	3	1	5	16	150	17	4	3	1	1	2	1
	1. Трапеции (сегменты)								(3)		1					
	2. Пластинки с притупленным краем							1	1	1						
	3. Скребки	6					2	3	18	2		2	1			
	4. Отщепы с ретушью			2	2		2	4	72	9	3	1				
	5. Пластинки с заостряющей ретушью	1		1	1	1	1	2	19					1		
	6. Пластинки с выемками	1							6	1						
	7. Пластинки со скошенным концом								2							
	8. Резцы							2	7	1						1
	9. Острия								4							
	10. Наконечники стрел и дротиков							1							1	
	11. Отжимники и отбойники							2	5							
	12. Двусторонне обработанные вкладыши			1				1	8	3					1	
	13. Другие орудия из камня								5							
	Е. Отходы	6					8	6	219	18		1	5	2		
II	Обломки сосудов неолитического облика	10	3	1	7	6	9	10	104							

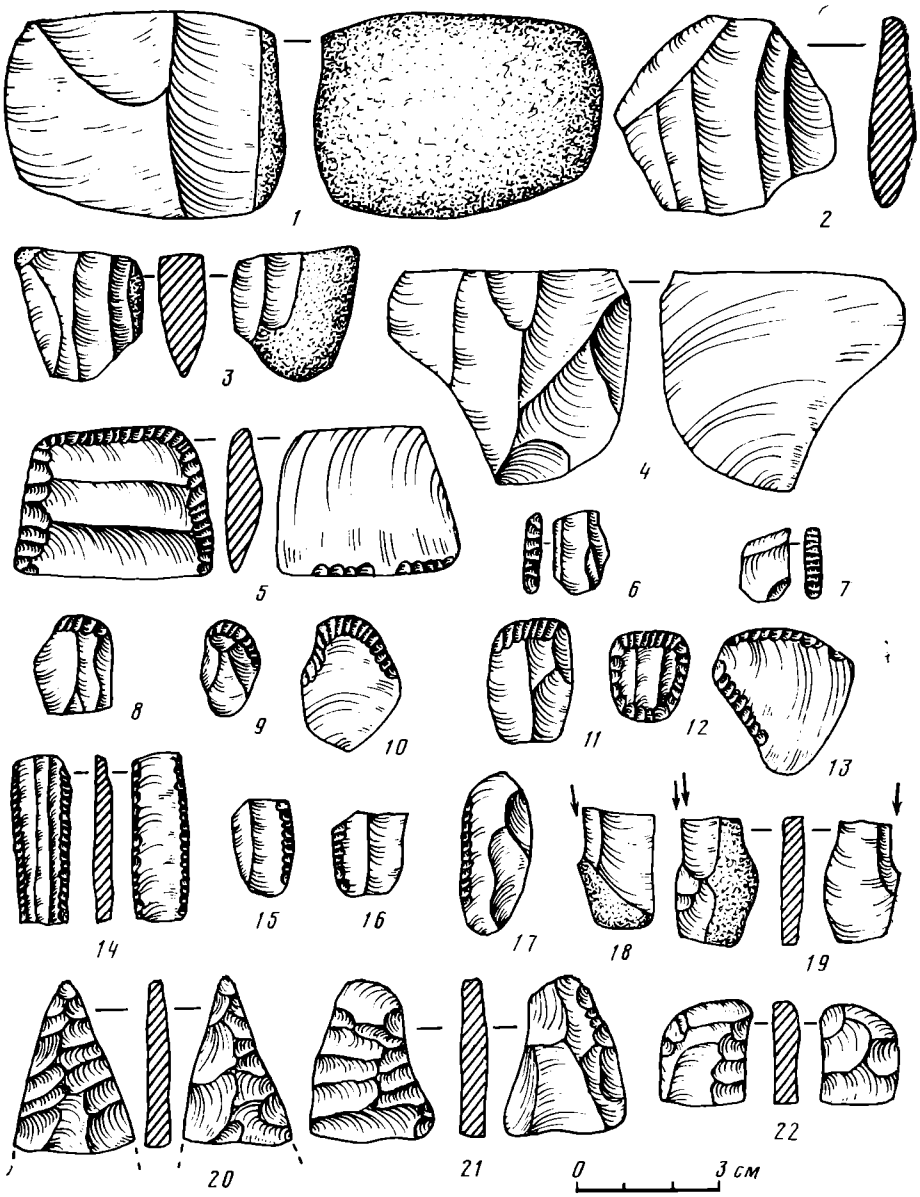


Рис. 1. Стоянки времен мезолита и неолита Псекупской (*1—4*, *6—11*, *14—22*) и Кучугурской (*5*, *12*, *13*) групп. Изделия из камня. *1*, *4*, *7*, *18—20*, *22* — стоянка Шаханчерихабль IV; *2*, *3*, *10*, *11*, *14* — Университет I; *5* — Кучугуры I; *6*, *8*, *9*, *21* — Казазов I; *12*, *13* — Кучугуры VI; *15* — Новоказанукай I; *16* — Новоказанукай II; *17* — Новоказанукай III. *1—4* — нуклеусы; *5* — трапеция; *6*, *7* — пластинки с притупленным ретушью краем; *8—13* — скребки; *14—17* — пластинки с заостряющей ретушью; *18*, *19* — резцы; *20* — острие (обломок наконечника дротика?); *21*, *22* — двусторонне обработанные изделия

(Q_1), в которую врезалась III надпойменная терраса р. Псекупс (Q_2). Материальные остатки прослеживались, как правило, на уровне 2—5 *м* от тальвега балок, которые образовались в результате деятельности временных водотоков, впадающих в р. Псекупс. Возможно, эти водотоки функционировали и в период бытования поселений. Примеров такого, порой удивительного единообразия физико-географических условий, в которых находились археологические памятники уже с конца палеолита, можно назвать немало. Видимо, это явление было связано со сходными чертами хозяйственно-бытовой деятельности определенных групп первобытного населения.

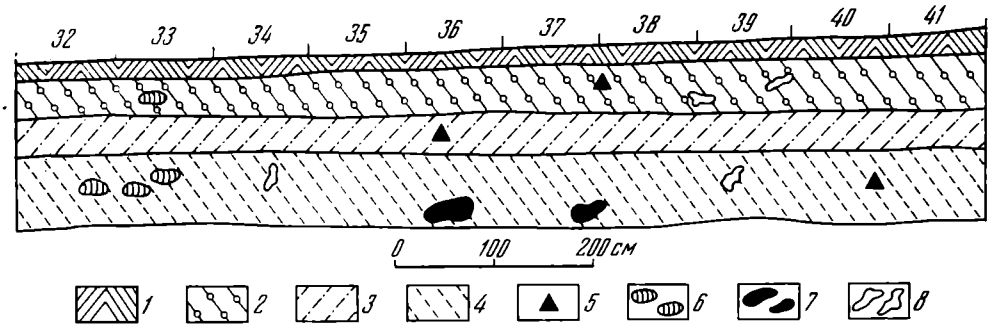


Рис. 2. Нововочепший I. Разрез северной стенки раскопа № 2 1972 г. по линии Д—Ж. *1* — дерновый слой; *2* — горизонт почвы А; *3* — переходный горизонт от почвы к подпочве АВ; *4* — подпочва В; *5* — изделия из кремня и других пород камня; *6* — камни; *7* — кротовины; *8* — кости

Наиболее значительные работы на памятниках этой группы проведены на стоянке Нововочепший I, открытой работами экспедиции весной 1971 г. На протяжении 1971—1973 гг. на памятнике систематически собирался подъемный материал, а также заложено два раскопа общей площадью 129 *м*² и семь шурфов площадью 16 *м*². Эти работы позволяют предполагать, что территория стоянки составляет около 10 тыс. *м*² и локализируется в основном мысообразным уступом. На этой площади находилось поселение каменного века, а также раннесредневековый могильник. Литолого-стратиграфические условия залегания культурного слоя каменного века, прослеженные на раскопах 1 и 2, почти идентичны. Он приурочен в основном к подпочве АВ и В, глубина его от 0,5—0,7 *м* до 1,2—1,5 *м*. Культурные остатки в значительной мере рассеяны (нет большой концентрации находок), как это прослежено и на других, сопредельных территориях Северо-Западного Причерноморья и Степного Крыма [12]. На отдельных участках слой нарушен могильником, и поэтому материальные остатки времени каменного века зафиксированы зачастую в переотложенном состоянии начиная с почвы А. Таким образом, находки прослежены практически от самой поверхности и на отдельных участках до глубины 1,5 *м*. Стратиграфическая колонка ненарушенной раннесредневековым могильником части более ранних культурных отложений наиболее ярко выражена в разрезе по линии Д — Ж в северной стенке раскопа 2 (рис. 2).

Всего в культурном слое поселения каменного века прослежено около 1700 находок. Интересен тот факт, что насыщенность культурными остатками, прослеженная в раскопах 1 и 2, различна, хотя мощность слоя почти идентична (рис. 3). Так, если в 1971 г. (раскоп 1 и шурфы — всего 32 *м*²) зафиксировано 462 каменных изделия, то в 1972 на площади 113 *м*² — 915. В 1971 г. выявлено 76 орудий (т. е. 2,39 орудия на 1 *м*²), а в 1972 г.— 74 орудия (т. е. 0,65 орудия на 1 *м*²). Такие отличия хорошо прослеживаются и по другим материалам. Возможно, это показатель различной производственной нагрузки разных частей стоянки. Не исключена также разнокультурность комплексов находок. В целом же типологически каменные изделия этих раскопов достаточно близки.

Работы на пункте Нововочепший I дают основания предполагать наличие здесь двух ярко выраженных групп находок — неолитического времени, а также раннесредневековых материалов (IV—VI вв. н. э.). Первые представлены стоянкой, а вторые — грунтовым могильником. Хронологический интервал между ними достаточно велик и большинство материа-

[12] *Борисковский П. И., Красковский В. И.* Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1961; *Мацкевой Л. Г.* Мезолитические стоянки Восточного Крыма.— КСИА АН СССР, № 117, 1969, с. 44—53.

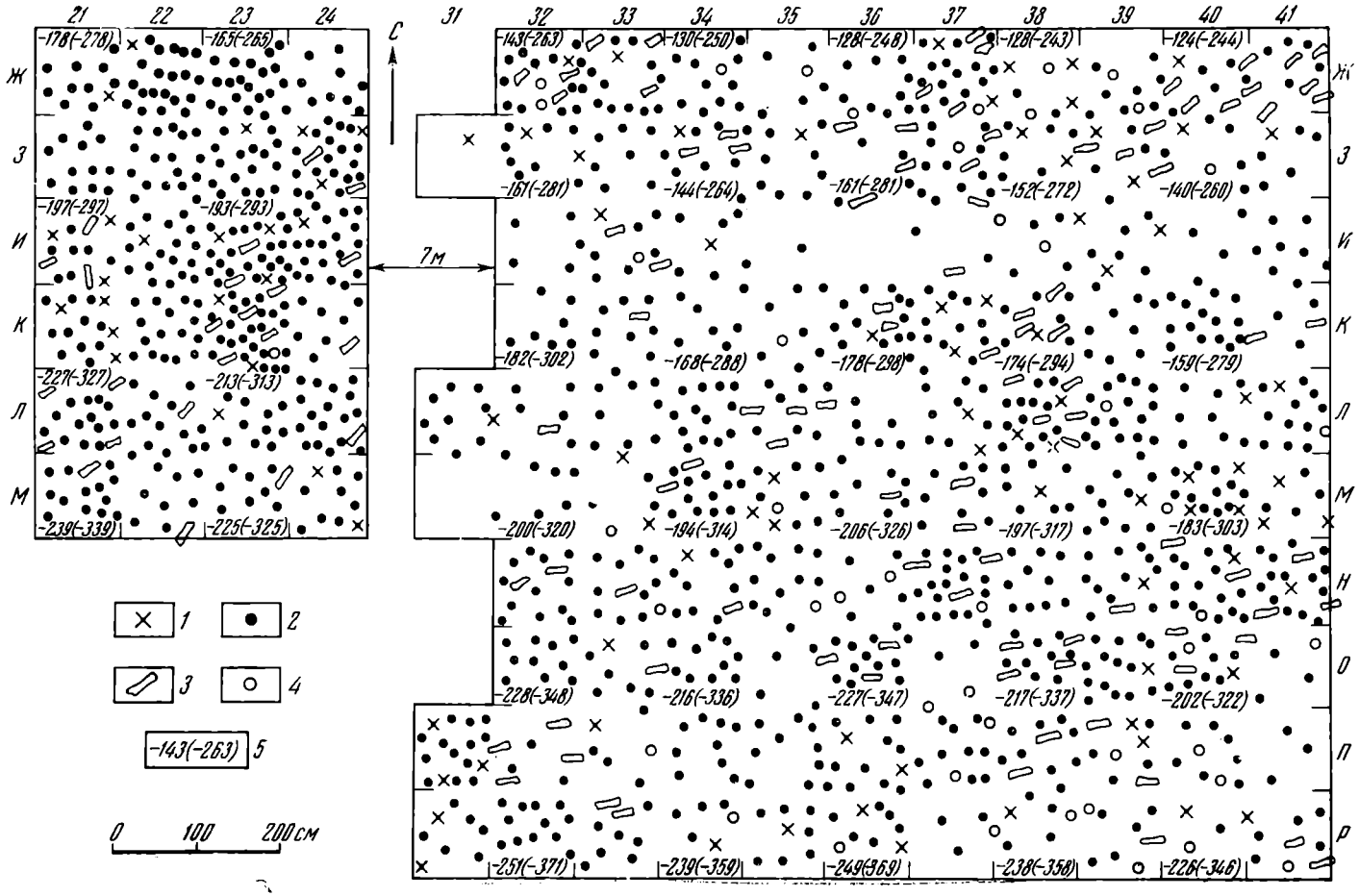


Рис. 3. План размещения культурных остатков в культурном слое неолитического времени на поселении Нововочепший I. *1* — керамика; *2* — кремень и другие породы камня; *3* — остеологические остатки; *4* — охра; *5* — отметки от нулевой точки (первая отметка — современная поверхность, вторая — глубина вскрытия)

лов хорошо подразделяется на эти две группы. Исключение составляют в основном остеологические остатки, а также отдельные фрагменты лепной посуды.

Находки из камня представлены 1377 изделиями. Большинство из них составляют предметы из кремня и близких ему пород. Налицо также некоторое количество изделий из андезита, песчаника, кварцита, доломита, обсидиана (1 экз.), а также других пород.

Наличие одного изделия из обсидиана — это факт, который заслуживает безусловного внимания. Аналогичное явление было прослежено на сопредельной территории Крыма на стоянке Фронтовое I, где один скребок из обсидиана был отмечен в слое конца неолита среди 12,5 тыс. почти исключительно кремневых изделий, а также в Северной Осетии, где при раскопках мезолитической стоянки Черный Грот В. П. Любиным зафиксирован отщеп из обсидиана среди почти 500 изделий из кремня [13]. Единственное изделие из обсидиана обнаружено и на расположенном в непосредственной близости от стоянки Нововочепший I поселении Шахан-черихабль I [14]. Такие находки являются, вероятно, показателем связей, возможно, обмена, между неолитическим населением долины р. Псекупс и жителями других территорий [15].

Наибольшую группу находок из камня на стоянке составляют гальки и желваки, среди которых галек около 80%. Преобладают гальки и желваки из андезита, песчаника и близких пород, кремневых меньше. Остальные материалы представлены лишь единичными экземплярами.

Гальки и желваки здесь представлены скоплениями не более 5—7 экз. Аналогичное явление прослежено С. Н. Бибиковым в навесе Шан-Коба в Горном Крыму, где такие находки не достигали в скоплениях более 10 экз.[16] На сопредельной территории Восточного Крыма на стоянке Фронтовое I выявлено два более крупных склада кремневого сырья (96 экз. галек и кремневых желваков) [17]. Большинство исследователей интерпретируют их как запасы сырья для изготовления орудий и других производственных нужд. Видимо, количество единиц галек и других видов сырья находилось в прямой зависимости от степени обеспеченности определенных районов материалами для изготовления орудий. Когда кремневые и иные материалы находились на небольшом расстоянии от стоянок, не было необходимости скапливать их в больших количествах (стоянки Шан-Коба и Нововочепший I), а там, где сырье приносилось издалека, очевидно, было целесообразно делать склады (клады), достигающие нескольких десятков единиц, как, например, на Керченском полуострове (стоянка Фронтовое I). Все эти данные позволяют предполагать, что сырье, которое использовали для изготовления орудий жители стоянки Нововочепший I, видимо, в основном было местным. Исключение может составлять прежде всего обсидиан, а возможно, и некоторые другие породы камня.

Высокая степень обеспеченности жителей стоянки Нововочепший I каменным сырьем хорошо подтверждается и наличием значительного числа нуклеусов (48 экз.) по отношению к орудиям (150 экз.). Причем в раскопе 2 это соотношение еще более высокое (нуклеусов — 36, орудий — 74). Для сравнения приведем хронологически близкий этим материалам

---

[13] *Любин В. П.* Первые сведения о мезолите Горного Кавказа (Осетия).— МИА, № 126, 1966, с. 159.

[14] *Иванов А. Ф., Мацкевой Л. Г.* Ук. соч., с. 109.

[15] Согласно данным В. В. Наседкина и А. А. Формозова, ближайшие месторождения обсидиана выявлены на территории Кабардино-Балкарии. Несколько дальше расположены месторождения обсидиана на территории Грузии и Армении (см. *Наседкин В. В., Формозов А. А.* Вулканическое стекло из стоянок каменного века Краснодарского края и Чечено-Ингушетии.— МИА, № 129, 1965, с. 167—170).

[16] *Бибиков С. Н.* Позднейший палеолит Крыма.— Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950. М., с. 119.

[17] *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит..., с. 42.

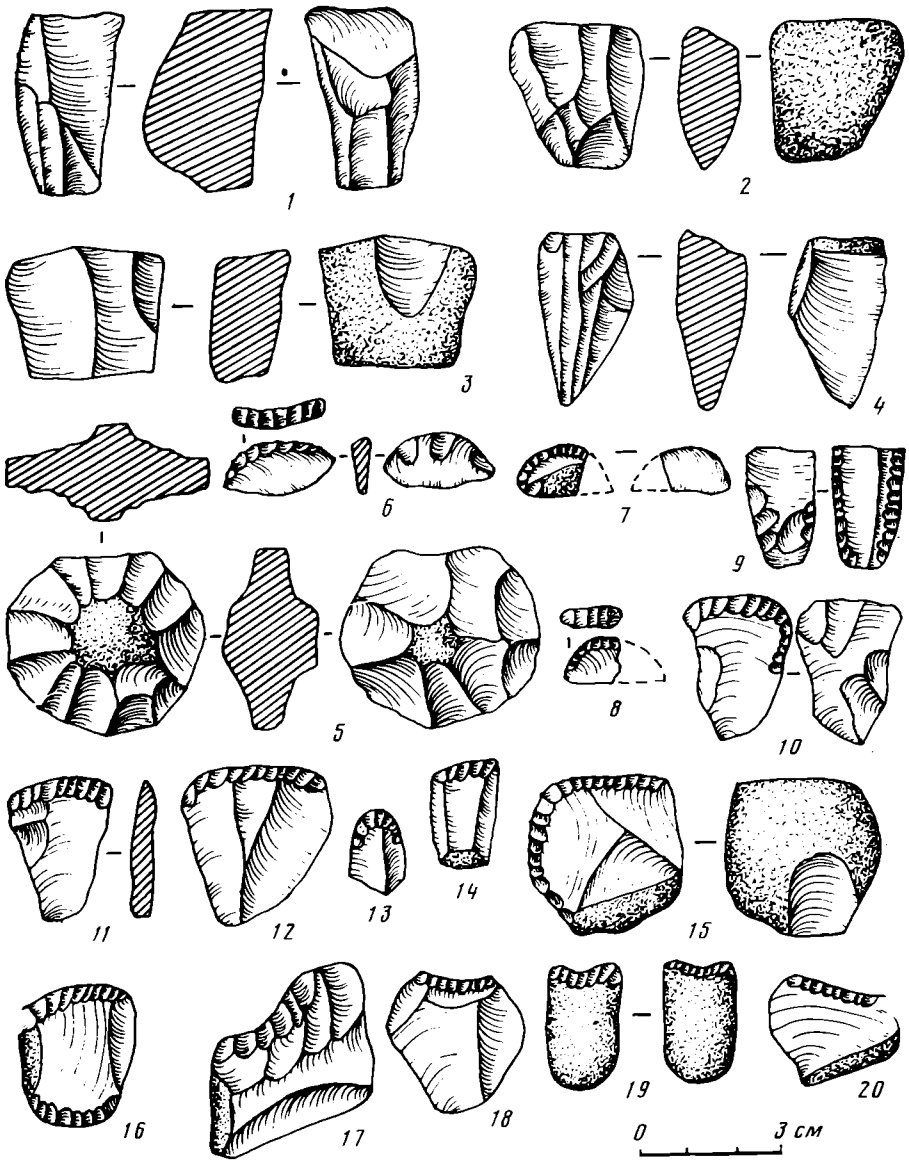


Рис. 4. Стоянка Нововочепший I. Изделия из камня. *1—5* — нуклеусы; *6—8* — сегменты; *9* — вкладыш кукрекского типа (?); *10—20* — скребки

первый слой стоянки Фронтовое I, где при 35 нуклеусах прослежено 784 орудия со вторичной обработкой [18]. Большинство нуклеусов из поселения Нововочепший I несет на себе следы чаще всего не более 2—5 сколов (рис. 4, *1—3*). Это также, видимо, свидетельство высокой степени обеспеченности поселения сырьем. Такие изделия нередко называют нуклевидными кусками. Они составляют почти 70% всех нуклеусов на стоянке Нововочепший I. Около 10% представлены призматические нуклеусы и от 2 до 8% — аморфные, пирамидальные, усеченно-пирамидальные, есть один дисковидный (рис. 4, *1—5*). Уплощенные экземпляры (ширина в 3 раза превосходит толщину) составляют около 20% нуклеусов.

Отщепы представлены достаточно небольшим количеством (табл. 1). Среди них преобладают треугольные, налицо также подпластинчатые, других — лишь единичные экземпляры. Из пластинчатых сколов (ширина более чем в 2 раза меньше длины и в 2 раза больше толщины)

[18] Там же, с. 26, 28.

ведущей серией представлены пластины (ширина от 1 до 2 *см*), составляющие 45% всей группы. Пластинок (ширина от 0,5 до 1 *см*) — 30%, макропластин (ширина свыше 2 *см*) — 15% и микропластинок (ширина менее 0,5 *см*) — 10%. Удельный вес отщепов (23,3% всех артефактов, а вместе с экземплярами, на которых изготовлены орудия,— 26,2%), а особенно пластинчатых сколов (2,4%, а вместе с экземплярами, на которых изготовлены орудия,— 7,5%) крайне низок. Их процентное отношение к другим составным частям комплекса может быть показателем относительной обеспеченности поселенцев сырьем, а возможно, и в ряде случаев его низким качеством. Соотношение же этих групп — безусловное свидетельство того, что на данном поселении техника снятия отщепов была более широко распространена, чем пластинчатых сколов.

Орудия обработаны преимущественно мелкофасеточной отжимной ретушью. Зафиксированы все основные виды ретуши орудий: заостряющая, притупляющая и плоская сострогивающая. Изделий с двусторонней обработкой не более 10%. Орудия составляют 10,9% всех каменных изделий (рис. 4 и 5). Этот показатель близок памятникам сопредельных территорий в северном направлении, а также Горного Крыма (Шан-Коба и Фатьма-Коба) [19] и поселениям Керченского полуострова (Фронтовое I, первый слой и другие памятники) [20].

Типологическая шкала орудий, которые прослежены на поселении, достаточно обширна, хотя и налицо ярко выраженные ведущие формы. Это относится прежде всего к отщепам с ретушью, составляющим 48% всех орудий со вторичной обработкой. Пластинок с ретушью и скребков — более чем по 10% орудий. Большинство скребков изготовлено на отщепах, незначительная часть — на пластинчатых сколах и других заготовках. Преобладают скребки концевые с дугообразным рабочим краем, затем следуют подокруглые, двойные (с двумя рабочими краями), а также с выемчатым рабочим краем.

Из геометрических микролитов выявлено только три сегмента. Их удельный вес (2% всех орудий), а также, что особенно важно, их форма и обработка дают нам весьма мало возможностей для определения хронологического места комплекса. Подобные изделия прослежены на сопредельных территориях с мезолита и до ранней бронзы включительно. Отметим, однако, достаточно редкую форму — сегмент с обработкой с брюшка (рис. 4, *6*). Аналогичные изделия налицо уже в мезолитических, а также неолитических комплексах Крыма [21], а также в неолитическом слое Каменномостской пещеры, на Нижнешиловской стоянке, в энеолитических слоях Мешоко и на других поселениях [22]. По данным А. А. Формозова, этот прием обработки геометрических микролитов, возможно, заимствован из Передней Азии [23].

Интерес представляют и двусторонне обработанные изделия, по форме напоминающие вкладыши, которые составляют 5,3% орудий (рис. 5, *13—17*). Казалось бы, близкие орудия почти повсеместно представлены в комплексах энеолитических стоянок Прикубанья [24]. Вместе с тем вкладыши из Нововочепшия I имеют достаточно характерные отличия от так называемых майкопских. По размерам они в среднем в 1,5—2 раза меньше, а ретушь на них гораздо более мелкофасеточная, чем на майкопских. Кроме того, среди майкопских вкладышей из поселений эпохи раннего металла в бассейне р. Белой (Мешоко, Скала, Павловская Поляна,

---

[19] *Бибиков С. Н.* Палеолит Крыма.— В сб.: Природа и развитие первобытного общества. М., 1969, с. 149—154.

[20] *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит..., с. 28, 29.

[21] *Мацкевой Л. Г.* Мезолитические стоянки и местонахождения на Керченском полуострове.— СА, 1966, № 3, с. 125—132.

[22] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит..., с. 57, рис. 22, *15*; с. 71, рис. 32.

[23] Там же, с. 61, 62.

[24] Там же, с. 89, рис. 43.

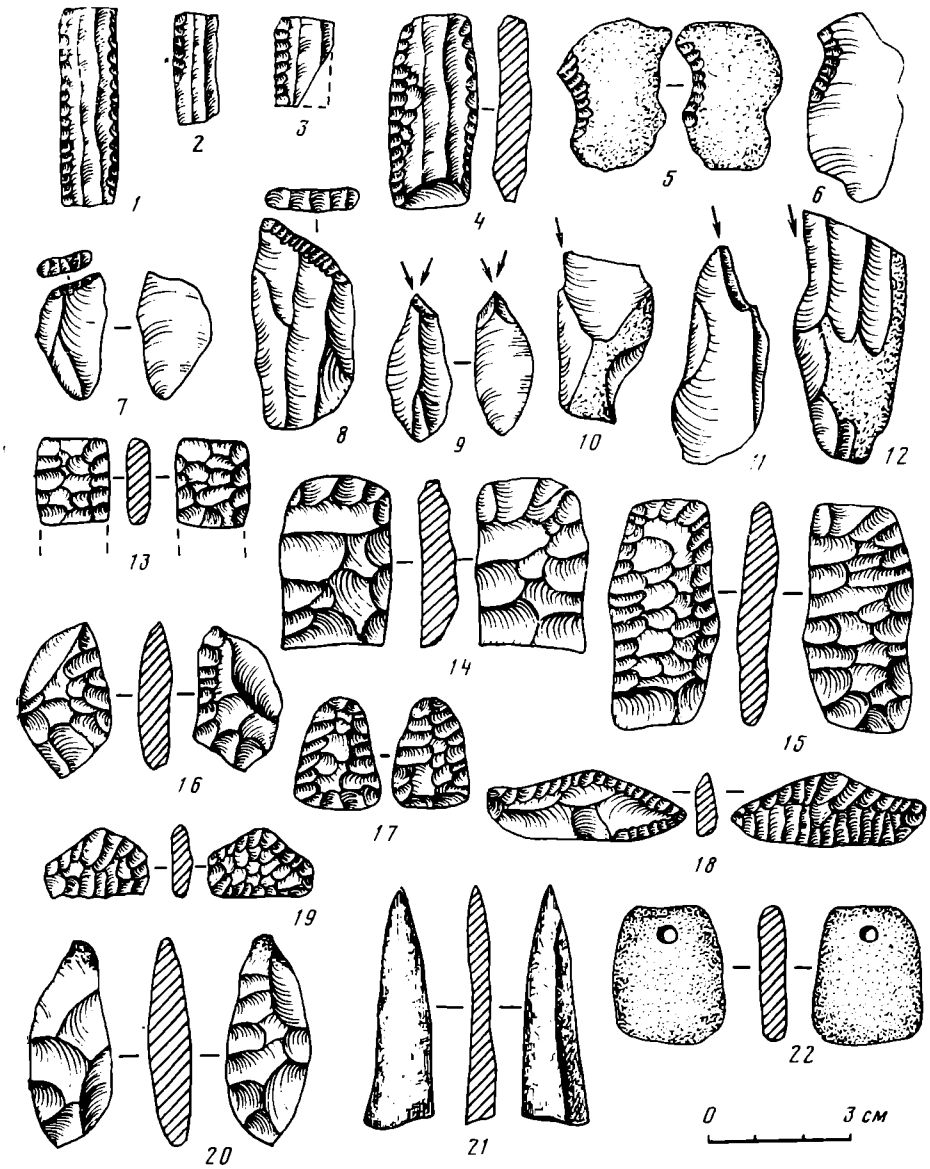


Рис. 5. Стоянка Нововочепший I. Изделия из камня и кости. *1—4* — пластинки с заостряющей ретушью; *5*, *6* — пластинки с выемками; *7*, *8* — пластинки со скошенным ретушью концом; *9—12* — резцы; *13—19* — двусторонне обработанные изделия; *20* — отжимник; *21* — острие из кости; *22* — подвеска из песчаника

ст. Севастопольская) мы наблюдаем уже достаточно большое разнообразие форм, тогда как среди находок из Нововочепшия I прослежены почти сплошь лишь прямоугольные изделия. Тем не менее некоторое внешнее сходство этих предметов позволило в первой информации о памятнике, когда было вскрыто только 32 $м^2$, датировать его в пределах неолита — энеолита [25]. В результате работ на поселении в 1972 г. были вновь прослежены такие вкладыши. Вместе с тем, как и в 1971 г., на раскопе 2 не были вовсе обнаружены иные компоненты майкопской и других энеолитических культур, которые часто встречаются в большом числе на таких памятниках, как Мешоко, Скала, Ходжох и др. Таким образом, анализ находок дает большие основания для предположения о том, что подобные двусторонне обработанные вкладыши на данной территории бытуют уже в неолитическую пору. В этом плане интересен «обломок

[25] *Мацкевой Л. Г.* Новые памятники каменного века..., с. 115.

наконечника стрелы» (по А. А. Формозову), прослеженный в неолитическом слое Каменномостской пещеры [26]. Это изделие весьма близко по форме обломкам и целым экземплярам двусторонне обработанных вкладышей со стоянки Нововочепший I.

Значительный интерес представляют и два двусторонне обработанных изделия из кремня, условно названных «рыбками». На памятниках, где присутствуют значительные серии двусторонне обработанных симметричных наконечников стрел и дротиков, встречаются и асимметричные наконечники, близкие по форме предметам, которые прослежены нами (рис. 5, *18*, *19*). Однако пока на стоянке Нововочепший I не прослежено ни одного типичного наконечника. А между тем обнаруженные изделия напоминают фигурки рыб. Наши находки до некоторой степени близки своеобразным кремневым блеснам в основном в виде асимметричных трапеций и иных своеобразных очертаний, которые прослежены в несколько более ранних, позднемезолитических комплексах на сопредельной территории Керченского полуострова [27], Горного Крыма [28]. Вместе с тем не исключено и другое назначение этих изделий.

Отметим также пластинки с выемками, резцы, острия, единичные экземпляры вкладышей кукрекского типа (?), piéces ecáillées и обломок острия, изготовленного из кости (рис. 5, *21*). Найдена сланцевая подвеска (рис. 5, *22*). Подобные изделия широко известны на неолитических и близких им по времени памятниках сопредельных регионов. Они отмечены в неолитических комплексах поселений Матвеев Курган I [29], Матвеев Курган II [30], Ракушечный Яр [31].

Выделены также отходы производства каменных орудий, среди которых обломки, чешуйки и различного рода сколы, удельный вес которых в целом не велик (15,9% всех каменных изделий). По сырью преобладают андезиты и кремень. Налицо и отходы других пород. Нет оснований утверждать, что какие-либо из них расщеплялись не на месте. Исключение может представлять обсидиан.

К неолитическому комплексу отнесено и около 100 фрагментов керамики. Наибольший из них достигает 7,5×5 *см*; толщина — от 0,4 до 0,9 *см*. Венчики преобладают прямые, некоторые с весьма незначительным отгибом верхней части. Прослежены обломки, которые могут быть интерпретированы как фрагменты плоских днищ. Встречены лишь отдельные обломки с орнаментом в форме извилистой линии, а также с прочерченными углублениями по краю венчика. В тесте фрагментов керамики — достаточно крупные зерна кварца. В некоторых обломках прослеживаются небольшие пустоты от органических включений, выгоревших при обжиге. В целом керамика близка материалам из неолитического слоя Каменномостской пещеры и другим близким этому памятнику по времени неолитическим поселениям Северо-Западного Кавказа, Крыма и других сопредельных территорий [32].

На вскрытой площади отмечен 51 мелкий обломок (не более 2×1 *см*) красной и желтой охры. В связи с тем, что все эти находки прослежены вне погребений, они отнесены к неолитическому комплексу. К этому же времени, видимо, относятся и раковины улиток Helix и других видов,

---

[26] *Формозов А. А.* Каменномостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье.— МИА, № 173, 1971, с. 108, рис. 6, *6*.

[27] *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит..., с. 30.

[28] *Бибиков С. Н.* Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 году.— КСИА АН УССР, № 8, 1959, с. 119.

[29] *Крижевская Л. Я.* Новые исследования неолита Приазовья.— КСИА АН СССР, № 137, 1973, с. 117, рис. 1. *27*.

[30] *Крижевская Л. Я.* Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II.— КСИА АН СССР, № 131, 1972, с. 127.

[31] *Белановская Т. Д.* К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону.— КСИА АН СССР, № 141, 1975, с. 109, рис. 1, *1—8*.

[32] *Формозов А. А.* Каменномостская пещера..., с. 111.

зафиксированные вместе с каменными изделиями. Раковины улиток, как и фрагменты охры, многократно уже отмечались в памятниках конца каменного века во многих комплексах сопредельных территорий [33].

В неолитическом слое Нововочепшия I прослежены и остеологические остатки (более 100 единиц), принципиально важные для некоторых выводов о хозяйственной деятельности поселенцев. Найдены кости оленя благородного — 1 кость от 1 особи (далее — 1/1), свиньи дикой — 1/1, волка (?) — 1/1, а также рыбья кость [34]. Зафиксирован также одомашненный скот, который как по видовому составу, так и по количеству костей преобладает в комплексе: бык домашний — 85/4, овца или коза — 1/1, свинья — 9/1, собака — 7/1 и лощадь — 8/1. Эти материалы подтверждают вывод А. А. Формозова, сделанный на основе работ в Каменномостской пещере, о более раннем, чем энеолит, появлении зачатков производящего хозяйства, в частности одомашнивания скота [35]. В этом плане интересен и факт значительного совпадения большинства видов животных из неолитического слоя Каменномостской пещеры и стоянки Нововочепший I.

Анализ материалов, прежде всего каменных и керамических изделий, позволяет датировать комплекс каменного века со стоянки Нововочепший I неолитическим временем, хотя не исключен и несколько более поздний возраст этого поселения. Возможно, это один из наиболее ранних памятников майкопской культуры.

В сходных с Нововочепшием I топографических условиях прослежены также и поселения в районе аула Новоказанукай. На местонахождениях Новоказанукай I, II и III собрано незначительное количество каменных изделий и отдельные керамические фрагменты. Среди каменных, преимущественно кремневых орудий наиболее выразительны двусторонне обработанный вкладыш (в пункте Новоказанукай I), а также пластинки с заостряющей ретушью, прослеженные на всех трех памятниках (табл. 1; рис. 1, *15—17*). Шурфы (4 $м^2$) на поселении Новоказанукай II, а также зачистки на двух других местонахождениях не позволили обнаружить на этих трех памятниках следы культурного слоя. Суммарный анализ выявленных на них материалов дает основания для отнесения всех трех поселений к мезолито-неолитическому времени. Большинство собранных на них предметов находят аналогии в неолитическом комплексе стоянки Нововочепший I.

Близкие прослеженным на поселениях Нововочепший I и Новоказанукай I, II, III материалы выявлены и на стоянке Шаханчерихабль IV (табл. 1), а как показала шурфовка, проведенная А. Ф. Ивановым в 1973 г., и на многослойном поселении Шаханчерихабль I [36]. Шурфы площадью 10 $м^2$ и зачистки не позволили пока проследить на поселении Шаханчерихабль IV признаки культурного слоя. Подъемный материал с этого памятника представлен преимущественно кремневыми изделиями и керамикой неолитического облика. Из орудий и нуклеусов здесь налицо в основном формы, представленные и в Нововочепшие I (рис. 1, *1, 4, 7, 18—20, 22*). Исключение составляет обломок наконечника дротика (рис. 1, *20*). Такое изделие более характерно для энеолита, хотя, впрочем, зачастую относится на сопредельных территориях многими специалистами и к финальному неолиту [37].

---

[33] *Белановская Т. Д.* Поселение Ракушечный Яр.— АО — 1971. М., 1972, с. 117, 118; *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит..., с. 61.

[34] Рыбья кость прослежена в неолитическом горизонте, разрушенном раннесредневековым могильником (смешанный пласт). Не исключено, что часть остеологических остатков из могильника могла проникнуть в неолитический слой, хотя в целом фауна обоих комплексов отличается довольно резко.

[35] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит.... с. 57.

[36] *Иванов А. Ф., Мацкевой Л. Г.* Ук. соч., с. 109, 110.

[37] *Формозов А. А.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.— МИА, № 102, 1962, с. 103.

На поселении Шаханчерихабль I (табл. 1), где в целом раскопано 16 *м*² на глубину до 1,6 *м* в нижних горизонтах, преимущественно на контакте почвы и подпочвы АВ и В, а также в подпочвенном горизонте В обнаружены керамические и каменные, чаще кремневые изделия, близкие материалам стоянки Нововочепший I. Из орудий встречены отщепы с ретушью, резцы, скребки, пластинки с ретушью. Интерес представляет единственный отщеп из обсидиана. В верхних пластах шурфов зафиксирован культурный слой эпохи бронзы, представленный каменными изделиями и керамикой, а также преимущественно мелкими керамическими обломками, датированными I тысячелетием н. э.

Несколько отличается от уже упомянутых памятников мезолито-неолитический комплекс материалов из поселения Казазов I (табл. 1). Основные материалы на нем собраны в районе шурфов гидростроителей, преимущественно на контакте почвы и подпочвы [38]. Эти отличия наиболее ярко проявляются прежде всего в доле среди каменных изделий (преимущественно кремневых) орудий и их составных частей — 25,8% всех каменных артефактов, отщепов — 36,4%, а также в какой-то мере пластин, пластинок и микропластинок — 10,6%. Нуклеусы не найдены. Эти особенности и типология изделий позволяют видеть ближайшие аналогии этому поселению в материалах мезолитических и неолитических памятников Крыма, в частности в поселениях временного характера типа стоянки Алексеевка I [39].

Памятники, до некоторой степени близкие Казазову I, зафиксированы и в степных районах Краснодарского края. Отметим прежде всего 15 поселений времен мезолита — неолита в Кавказском районе края к югу от ст. Дмитриевской. Все эти пункты расположены в близких топографических и геоморфологических условиях. Они сосредоточены по берегам местами мелководной степной речки Калалы на расстояниях до 100 *м* от августовского уреза воды на уровнях, не превышающих 4—5 *м*, чаще на небольших мысках, а иногда и у самой воды. Стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что культурные пласты на этих памятниках расположены в почвенных и подпочвенных горизонтах. В настоящее время в ряде случаев культурный слой на этих поселениях в значительной мере распахан или подвержен другим факторам разрушения, в результате чего на всех пунктах встречен подъемный материал. Находки представлены незначительным количеством кремневых изделий, а иногда и мелкими фрагментами керамики неолитоидного облика. Находки на памятниках достаточно однообразны (табл. 2). Поэтому ввиду их малочисленности и однородности они будут рассматриваться суммарно.

Каменные изделия, среди которых подавляющее большинство составляют кремневые, представлены преимущественно пластинчатой индустрией, хотя налицо и некоторое количество отщепов и орудий на них. Соотношение различных групп находок достаточно близко тем, которые прослежены в микролитических культурах времен мезолита — неолита на соседних, преимущественно степных территориях. Так, нуклеусы составляют в целом по памятникам 4,4%, отщепы — 14,3%, пластинчатые сколы — 11%, а орудия — 40,6% всех каменных изделий. Такие соотношения прослежены прежде всего на временных поселениях охотников-собирателей и рыболовов сопредельных территорий. Это сходство хорошо фиксируется и при типологических сопоставлениях материалов.

Отметим типичный карандашевидный нуклеус со следами сколов преимущественно пластинок и микропластинок (рис. 6, *2*). Значительной

---

[38] Место поселения нам было любезно указано сотрудником Туапсинского краеведческого музея М. К. Тешевым. Пользуюсь возможностью выразить благодарность М. К. Тешеву за предоставленную возможность воспользоваться подъемным материалом, собранным им на памятнике, находки с которого были впоследствии пополнены нашими сборами.

[39] *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит..., с. 98.

Таблица 2

Основные находки на поселениях Дмитриевская I–XV

№ п.п.	Основные находки	Дмитриевская																
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	Всего	%
	Всего находок	7	7	15	13	10	6	2	2	4	3	9	6	18	5	6	113	
I	Кремень и другие породы камня	7	7	8	5	7	5	2	2	4	3	7	6	17	5	6	91	100
	А. Гальки и желваки				1	1		1						2			5	
	1. Гальки				1	1								2			4	5,5
	2. Желваки							1									1	
	Б. Нуклеусы	1						1	1					1			4	
	В. Отщепы (отщеповидные сколы)	1	2		1	2				1	1	2	2		1		13	4,4
	Г. Пластинчатые сколы		1		1		1					1	2	2	1		10	14,3
	1. Пластины				1							1			1		2	11,0
	2. Пластинки		1				1		1				2	1			7	
	3. Микропластинки													1	1		1	
	Д. Орудия и составные части орудий	3	1	7		1	3			3	2	3	2	7		4	37	40,6
	1. Ромбы			1													1	
	2. Четырехугольники																1	
	3. Скребки и отщепы с ретушью	3	1	2		1	2			2	1	1	1	3		1	18	
	4. Пластинки с заостряющей ретушью						1			1		1	1	1		1	5	
	5. Пластинки с выемками													1	1		2	
	6. Пластинки со скошенным краем			1													2	
	7. Резцы			2							1	1		2		1	7	
	8. Острия			1											2		1	
	Е. Отходы	2	3	1	2	3	1					1		5		2	22	24,2
II	Керамика			7	8	3	1					2		1			22	

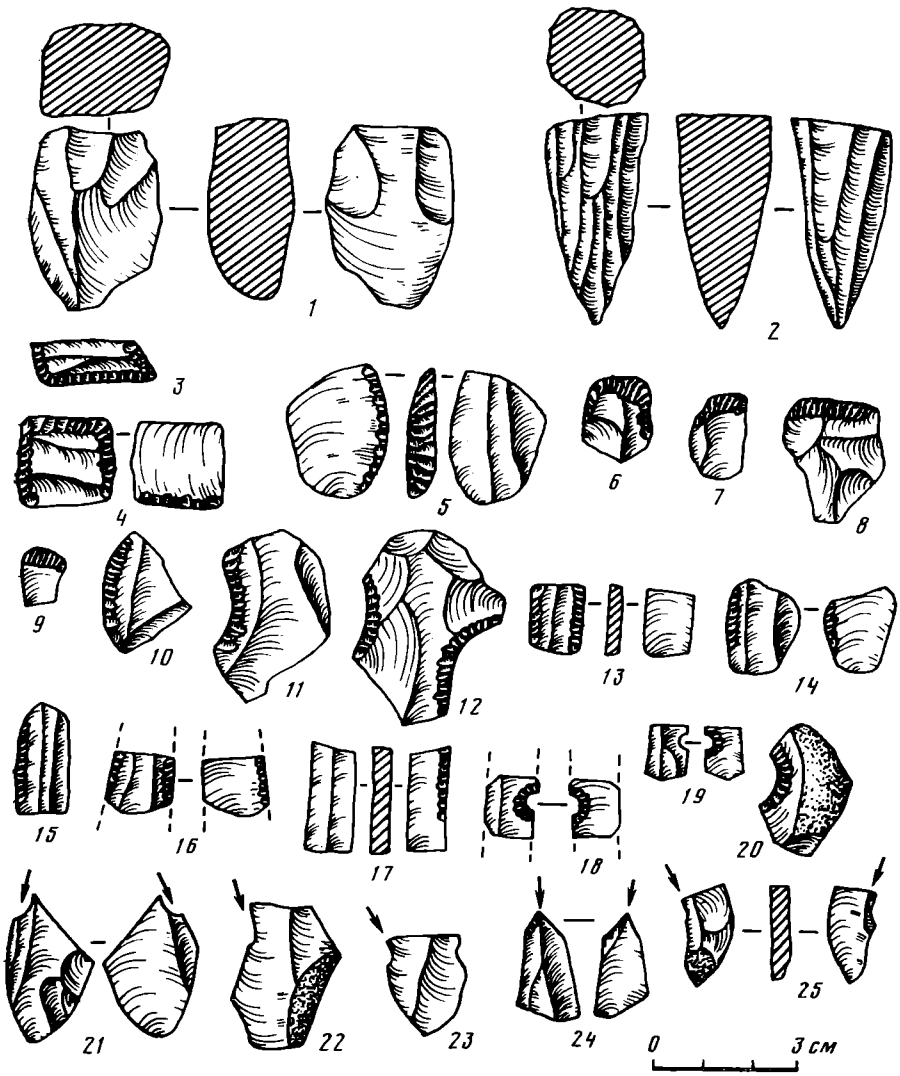


Рис. 6. Поселения Челбасской группы. Изделия из камня. *1* — Дмитриевская VIII; *2*, *5*, *12* — Дмитриевская I; *3*, *7*, *20* — Дмитриевская III; *4*, *16* — Дмитриевская XV; *6* — Дмитриевская II; *8*, *15* — Дмитриевская VI; *9*, *22* — Дмитриевская XI; *10*, *14*, *19*, *21*, *23* — Дмитриевская XIII; *11* — Кропоткин I; *13* — Дмитриевская XII; *17* — Челбас I; *18* — Дмитриевская IX; *24* — Дмитриевская X; *25* — Внуковский I.
1, *2* — нуклеусы; *3* — ромб; *4* — четырехугольник; *5* — пластинка с притупленным ретушью краем; *6—12* — скребки; *13—17* — пластинки с заостряющей ретушью; *18—20* — пластинки с выемками; 21—25 — резцы

серией представлены и разнообразные скребки, преимущественно на пластинках (рис. 6, *6—10*); на более крупных основах изделия единичны (рис. 6, *12*). Интерес представляют геометрические микролиты, по форме близкие ромбу и четырехугольнику (рис. 6, *3*, *4*), однако их малочисленность не дает оснований для этнокультурных обобщений. Отмечены и другие орудия, прежде всего пластинки с притупленным или заостренным ретушью краем, резцы, пластинки с выемками и другие находки. Предварительно пункты у ст. Дмитриевской отнесены к мезолито-неолитическому времени.

Материалы, предварительно также датированные мезолито-неолитическим возрастом, прослежены в Кавказском р-не Краснодарского края на пунктах Внуковский I (табл. 1), Ловягин I (табл. 1), а также в Тихорецком р-не на стоянке Челбас I (табл. 1). Эти памятники выявлены по

берегам степной речки Челбас и зафиксированы в топографических и геоморфологических условиях, которые достаточно близки отмеченным в районе поселений близ ст. Дмитриевской по берегам р. Калалы. Здесь также обнаружены лишь отдельные кремневые изделия микролитического облика и незначительное количество фрагментов керамики. Из орудий отметим пластинку с заостряющей ретушью (рис. 6, *17*). На пункте Челбас I выявлены и два обломка сосуда неолитического облика.

Согласно данным местных краеведов, в довоенное время на правом берегу р. Кубани, в районе г. Кропоткина, на дюнах было собрано некоторое количество кремневых орудий микролитического облика. Материалы были затем утрачены. Из наших находок в этом районе (пункт Кропоткин I; табл. 1) наибольший интерес представляет выемчатый скребок на отщепе (рис. 6, *11*). Предварительно эти сборы датированы мезолитом — неолитом.

Отдельные находки мезолито-неолитического облика зафиксированы также в Темрюкском р-не у пос. Кучугуры. Здесь обследованы пункты этого времени Кучугуры I, VI (табл. 1). Среди обнаруженных орудий наибольший интерес представляет трапеция из поселения Кучугуры I (рис. 1, *5*), а также подквадратный скребок микролитического облика из пункта Кучугуры VI (рис. 1, *12*). В обоих случаях следов культурного слоя не прослежено.

Таким образом, благодаря работам Кубанской мезолито-неолитической экспедиции Кубанского университета в 1971—1973 гг. археологическая карта Краснодарского края пополнилась памятниками мезолитического и неолитического возраста, представленными в основном немногочисленными подъемными материалами. В связи с определенной малочисленностью находок можно лишь в предварительном плане выделить несколько групп памятников на основании их физико-географического положения, типологических и иных показателей. Это прежде всего псекупская группа, которая прослежена на левобережье р. Кубани, преимущественно в нижнем течении р. Псекупс, в пределах Прикубанской наклонной равнины (пункты Нововочепший I, Университет I, II, Казазов I, Новоказанукай I, II, III, Шаханчерихабль I, IV). Для раннего этапа этой группы, датируемого мезолитом, характерна значительная микролитоидность изделий (например, пункт Университет I). В неолитических комплексах, например Нововочепший I, размеры изделий уже несколько крупнее; на этом этапе прослеживаются двусторонне обработанные орудия.

Вторая группа фиксируется на крайней западной оконечности Ставропольской возвышенности на границе с Кубано-Приазовской низменностью (пункты Дмитриевская I—XV, Внуковский I, Челбас I, Ловягин I и Кропоткин I). В ранних памятниках этой группы микролитоидность еще более выражена, чем в первой группе; отмечены отдельные геометрические микролиты (поселение Дмитриевская I). О неолите на этой территории пока имеются лишь отдельные данные (пункт Челбас I).

Единичными находками представлены материалы третьей группы, памятники которой прослежены на северной низменной оконечности Таманского полуострова, преимущественно на берегу Темрюкского залива (пункты Кучугуры I и VI).

Таким образом, прослежены три основных группы памятников, которые тем не менее, как уже указывалось, близки по ряду компонентов. Выделение таких подразделений достаточно условно и правомерно лишь для определенного этапа изученности мезолита и неолита этой территории. Не исключено, что их носители принадлежали различным этнокультурным группам. Большинство комплексов, датируемых мезолитом, близки находкам из Крыма и других сопредельных территорий типа Луговое II (Восточный Крым) и слои М-I, а также М-II грота Сосруко (близ Нальчика), где при микролитоидном облике кремневой индустрии геометрические мик-

ролиты либо отсутствуют вовсе, либо фиксируются лишь в единичных экземплярах. Неолитические памятники (прежде всего Нововочепший I) наиболее близки материалам из неолитического слоя Каменномостской пещеры. Не исключено, что они могут быть датированы концом неолита — ранним энеолитом и отнесены к переходному времени между неолитическим слоем Каменномостской пещеры и нижним слоем Мешоко [40].

Территория современного Краснодарского края явилась своеобразным мостом, через который, вероятно, уже со времен каменного века происходило продвижение населения с азиатского материка на запад и в обратном направлении [41]. Ни Керченский пролив, ни Кавказские горы, как свидетельствуют многочисленные данные, не являлись серьезным препятствием при этих перемещениях ни для людей, ни для представителей животного мира. Черное и Азовское моря сужали места таких передвижений и поэтому именно на данной территории логично ожидать концентрацию различных поселений. Это и прослежено для многих эпох. Вместе с тем неолит и особенно мезолит Краснодарского края в настоящее время известны пока лишь по отдельным поселениям. А между тем на сопредельных территориях, особенно Восточного Крыма, зафиксирована достаточно значительная концентрация стоянок и местонахождений этого времени. Таким образом, необходимы многолетние целенаправленные работы в Краснодарском крае для обоснования гипотез о мезолите, а также до определенной меры и неолите, который здесь изучен уже более полно. Для этого желательно произвести раскопки на значительных площадях хорошо стратифицированных памятников. Дальнейшие комплексные работы в этом направлении могут дать принципиально важное толкование многих актуальных вопросов древнейшего заселения Юго-Запада Европейской части СССР.

L. G. Matskevoy

NEW MESOLITHIC AND NEOLITHIC SITES IN KRASNODAR REGION

Summary

Ill-reseached mesolithic and neolithic sites of Krasnodar region were investigated in 1971—1973. 30 new sites were studied as a result of these works. The most part of mesolithic complexes are similar to the materials of Sosruko type (North Caucasus, levels M-I and M-II) and Lugovoye II in Eastern Crimea. The latters are characterised by general microlithic character of industry, and absolute absence (or occasional presence) of geometrical microliths. The materials of discovered neolithic sites (and first of all Novovochepshiy I) have some features of similarity with the material of the neolithic levels of Kamenny Most cave. Probably these new materials are to be dated to the end of neolithic age — early aeneolithic period and considered as reflecting a transitive stage from Kamenny Most cave neolithic materials and the earliest level of Meshoko.

---

[40] *Формозов А. А.* Каменномостская пещера..., с. 104, 110.

[41] *Бибиков С. Н.* Раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма.— МИА, № 126, 1966, с. 142.

Г. А. ДЗИС-РАЙКО, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

ЗОЛОТАЯ ЧАША ВЫЛЧЕТРЫНОВСКОГО ТИПА ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В 1974 г. в с. Крыжовлин Балтского р-на Одесской обл. во время пахоты была найдена золотая чаша, переданная в Одесский археологический музей АН УССР. При находке чаша была повреждена и в музей попала без одной ручки. Место находки чаши — левый берег долины р. Смолянки, притока р. Савранки, впадающей в Южный Буг (рис. 1). Сюда выехала экспедиция музея под руководством Г. А. Дзис-Райко. Установлено, что чаша была найдена на пологом берегу на территории школьного участка, где были заложены траншеи и раскопы. В довоенные годы здесь были силосные траншеи, распашка всей этой территории производилась в первый раз. Никакого культурного слоя не было обнаружено, но недалеко от места находки найдена оторванная от чаши плугом трактора ручка (рис. 2, *3*). Таким образом, никаких новых данных или сопровождающих чашу предметов найти не удалось.

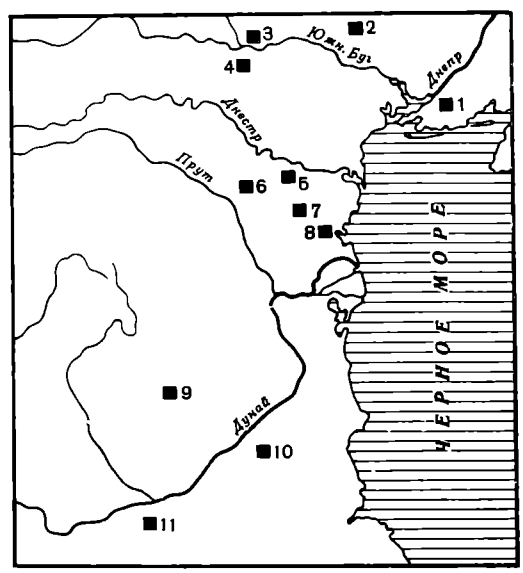


Рис. 1. Карта расположения наиболее важных памятников в статье: *1* — Цюрупинск; *2* — Козорезово; *3* — Щетково; *4* — Крыжовлин; *5* — Калфа; *6* — Лозово; *7* — Бородино; *8* — Борисовка; *9* — Дражна де Жос; *10* — Побит Камык; *11* — Вылчетрын

Чаша представляет собой широкогорлый сосуд с двумя петлевидными ручками, высоко поднятыми вверх, слегка отогнутым венчиком, почти цилиндрической шейкой, небольшим уступом на переходе от нее к тулову, округлыми боками; дно плоское, с выступающим накладным рантом (рис. 2, *1, 2*; 3, *1, 2*). Размеры сосуда: высота 11,4 *см*, с учетом высоты ручек 18,8 *см*, диаметр устья 15,5 *см*, диаметр средней части 17,9 *см*, диаметр дна 8,8 *см*, толщина стенок 0,8 *мм* вес 765,59 *г*.

Корпус чаши вместе с двумя ручками был выкован из целого, предварительно вырезанного по конфигурации листа золота по твердому, вероятно, деревянному шаблону-макету. Ручки затем были согнуты и расширенными концами приклепаны к широкой части тулова при помощи четырех заклепок. Ширина ручек 2,9 *см*, толщина 1,5 *мм*. Края ручек оформлены вычеканенным небольшим валиком, а посередине — тоже валик, расширяющийся к концу ручек в виде подтреугольного лотосообраз-

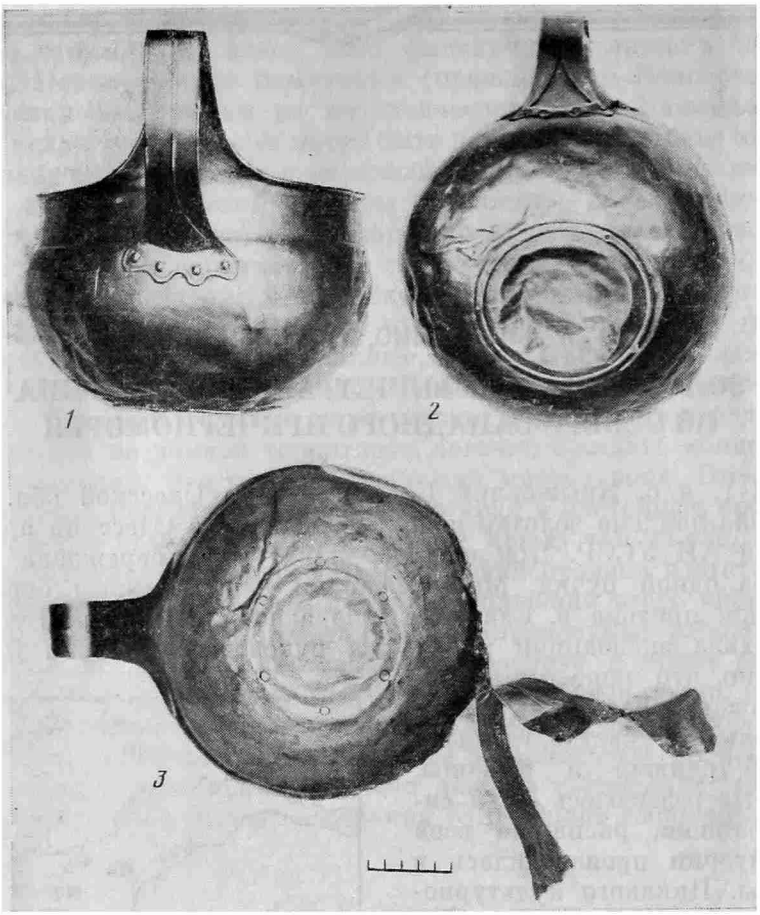


Рис. 2. Золотая чаша из с. Крыжовлин

ного отростка (рис. 2; 3, *2*, *3*). Расширенный конец ручки заканчивается четырьмя фестонами, на которых находятся заклепки, своими очертаниями гармонично входящие в общую композицию рисунка. У самого края углубления валиков видны следы работы небольшим инструментом при чеканке, длина рабочей части которого составляет около 0,5 *мм*, ширина — 0,3 *мм*. Заклепки с внутренней стороны тщательно расклепаны до полного соединения с туловом чаши, а с внешней оформлены в виде округло-конической шляпки (рис. 3, *3*, *4*). Одна из ручек (отломанная плугом трактора) еще в древности обломалась и снова была приклепана к чаше при помощи восьми заклепок, расположенных в два ряда в нижней части, и двух небольших пластинок, наложенных с внутренней и внешней сторон корпуса чаши у основания ручки (рис. 3, *5*, *6*). При этом горизонтально положенная пластина с внешней стороны также оформлена фестонами, на которых находились заклепки, расположенные в два ряда. Кроме того, на месте излома у венчика было сделано крепление из двух скоб, концы которых с внутренней стороны соединены небольшими пластинками и расклепаны (рис. 3, *5*, *6*). Внешний вид чаши после реставрации почти ничем не отличался от первоначального. Чеканка на ручках валиков, как и бóльшая их толщина по сравнению со стенками корпуса чаши, преследовала не только эстетическую, но и чисто практическую цель: придание ручкам большей жесткости. Вес обломанной ручки составляет 128,4 *г*, т. е. вес двух ручек составляет около $^1/_3$ веса всей чаши.

Слегка заметная в настоящее время вогнутость дна, вероятно, образовалась позднее, так как на нем видны грубые следы от вмятин. По-

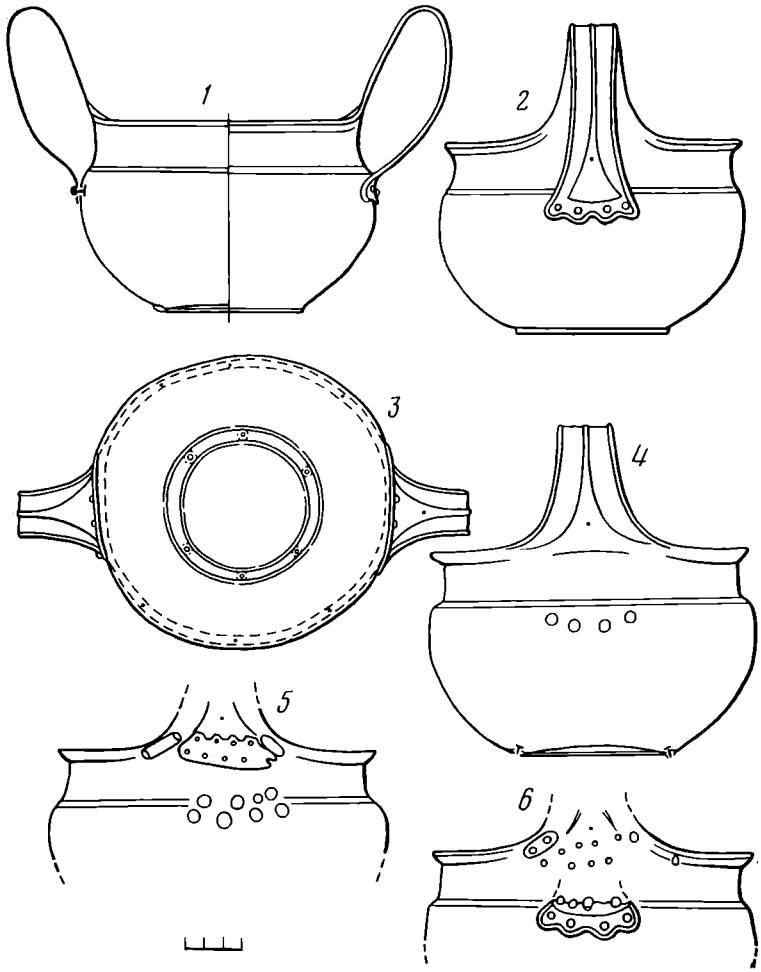


Рис. 3. Золотая чаша из с. Крыжовлин (прорисовка)

краям дна в виде ранта наклепана шестью симметрично расположенными заклепками согнутая по краям полоска шириной 0,5 *см*, вырезанная по кругу из листа золота. На месте крепления ранта в дне чаши отчеканено углубление по ширине полоски (рис. 3, *1*, *3*).

Вероятно, технологическое назначение имели небольшие точечные углубления, расположенные ниже венчика по внешней стороне чаши, а также в средней части основания, и края ручек (рис. 3). При этом поверхность чаши разделена точечными углублениями на восемь равных частей. У основания ручек углубления имеются на только с внешней, но и несколько меньших размеров с внутренней стороны. Возможно, что эти углубления представляют собой следы от зажимов для крепления чаши на каком-то приспособлении для дальнейшей ее обработки, скажем, шлифовки поверхности, которая выглядит совершенно гладкой и не имеет следов обработки после ее отковки.

Реставрация чаши в древности свидетельствует о длительном ее использовании. Хотя реставрация ручки и сделана в той же технологической манере, что и чаша, но уже скорее подражательной, и проведена она более небрежно, менее опытным мастером. К тому же, как свидетельствует пробирный анализ, было использовано золото другой пробы. Чаша была изготовлена из золота (Au=74,72%) а заклепки и пластинки для реставрации ручки — Au=60—65%.

Ближайшей аналогией золотой чаше из Крыжовлина по форме, оформлению и технике исполнения является большая двуручная чаша из

знаменитого Вылчетрыновского клада, найденного в 1924 г. в Болгарии [1]. В состав этого клада весом 12,425 *кг* входит 13 предметов: большая чаша с двумя ручками, одна большая и три меньших чаши с одной ручкой, два больших и пять маленьких дисков, тройной сосуд. Вылчетрыновскую большую двуручную чашу отличают от крыжовлинской несколько большие размеры, вес, а также некоторые другие незначительные детали (рис. 4, *1*). Размеры вылчетрыновской чаши следующие: высота 17,1 *см*, с учетом ручек 22,4 *см*, диаметр устья 28,2 *см*, диаметр средней части 30 *см*, диаметр дна 13,1 *см*, толщина стенок 0,35 *см*, вес 4,395 *кг* [2]. Ручки вылчетрыновской чаши по сравнению с крыжовлинской больше отогнуты в стороны, вниз, что, возможно, является результатом ее хранения в кладе [3]. Волютообразный край ручек соединен так же, как и у крыжовлинской,— заклепками. Средняя часть ручек украшена тройным валиком, заканчивающимся в виде двух раздвинутых усиков, а на другом конце в виде опущенного угла. Валики у краев и в средней части орнаментированы аккуратно вычеканенным косым орнаментом, имитирующим перевитую веревочку. Заклепки для крепления ручек и снаружи и внутри заканчиваются конусообразными круглыми шляпками. На дне сделаны двойной выкованный в корпусе чаши рант без какой-либо накладки. В целом вылчетрыновская чаша, хотя и изготовлена в одном технологическом принципе с крыжовлинской, выполнена, безусловно, на более высоком техническом уровне и, несомненно, мастером-ювелиром с весьма тонким художественным вкусом. Крыжовлинская чаша, на наш взгляд, изготовлена более упрощенным способом (оформление дна, ручек, заклепок и т. д.). Содержание золота в вылчетрыновской чаше также несколько иное (88,15%), что объясняется прежде всего различными источниками сырья для их изготовления [4].

Все указанные отличия не мешают рассматривать крыжовлинскую и вылчетрыновскую чаши как изделия одного хронологического диапазона и культурно-исторического круга. Вылчетрыновский клад является уникальной находкой в Юго-Восточной Европе, как чаша из Крыжовлина — в Северном Причерноморье. Находку Вылчетрыновского клада в Болгарии даже сравнивали по значению с открытием гробницы Тутанхамона в Египте [5].

Культурно-историческая принадлежность и хронология Вылчетрыновского клада вызвали острую дискуссию, продолжающуюся и до сих пор [6]. При этом определение хронологии клада не обходилось и без курьезов. Так, Б. Филов и Ст. Младенов относили его к изделиям протоболгарской торевтики VII—VIII вв.[7], А. Давид ля Суфлер — к III в. до н. э.[8] Однако большинство исследователей с самого начала отнесли предметы клада к более древним периодам, но абсолютная дата колеблется у разных авторов в пределах от конца III тысячелетия до н. э. до VI в. до н. э. Такие противоречия в датировке вызваны прежде всего уникальностью изделий, широким кругом привлекаемых аналогий и большим хронологическим диапазоном бытования многих форм предметов и их орнаментации.

---

[1] *Миков В.* Златното съкровище от Вълчитрън. София, 1958, с. 5—7.

[2] Там же, с. 8, 9, рис. 2.

[3] Согнутость ручек на чаше хорошо заметна даже на фотографии (*Миков В.* Ук. соч., табл. I—III).

[4] Там же, с. 9.

[5] *Babelon J.* Un tresor de vases d'or découverten Bulgarie.— Arethuse, II, avril, 1925, p. XVIII—XIX.

[6] *Бонев Александр Г.* Състояние на проучванията на златното съкровище от Вълчитрън.— Археология, кн. 4. София, 1977, с. 11—19.

[7] *Филов Б.* Златните съдове от Вълчитрън.— ИАИ, III. София, 1925, с. 232; *Младенов Ст.* Първобългарско, а не печенежко е т. нар. Атилово златно съкровище от Наги-Сент-Миклоша.— ГСУ ИФФ, XXXI, 5, 1935, с. 53.

[8] *Souffleure A. D.* Revue des études grecques, t. XXXIX, 1926, p. 182, 183.

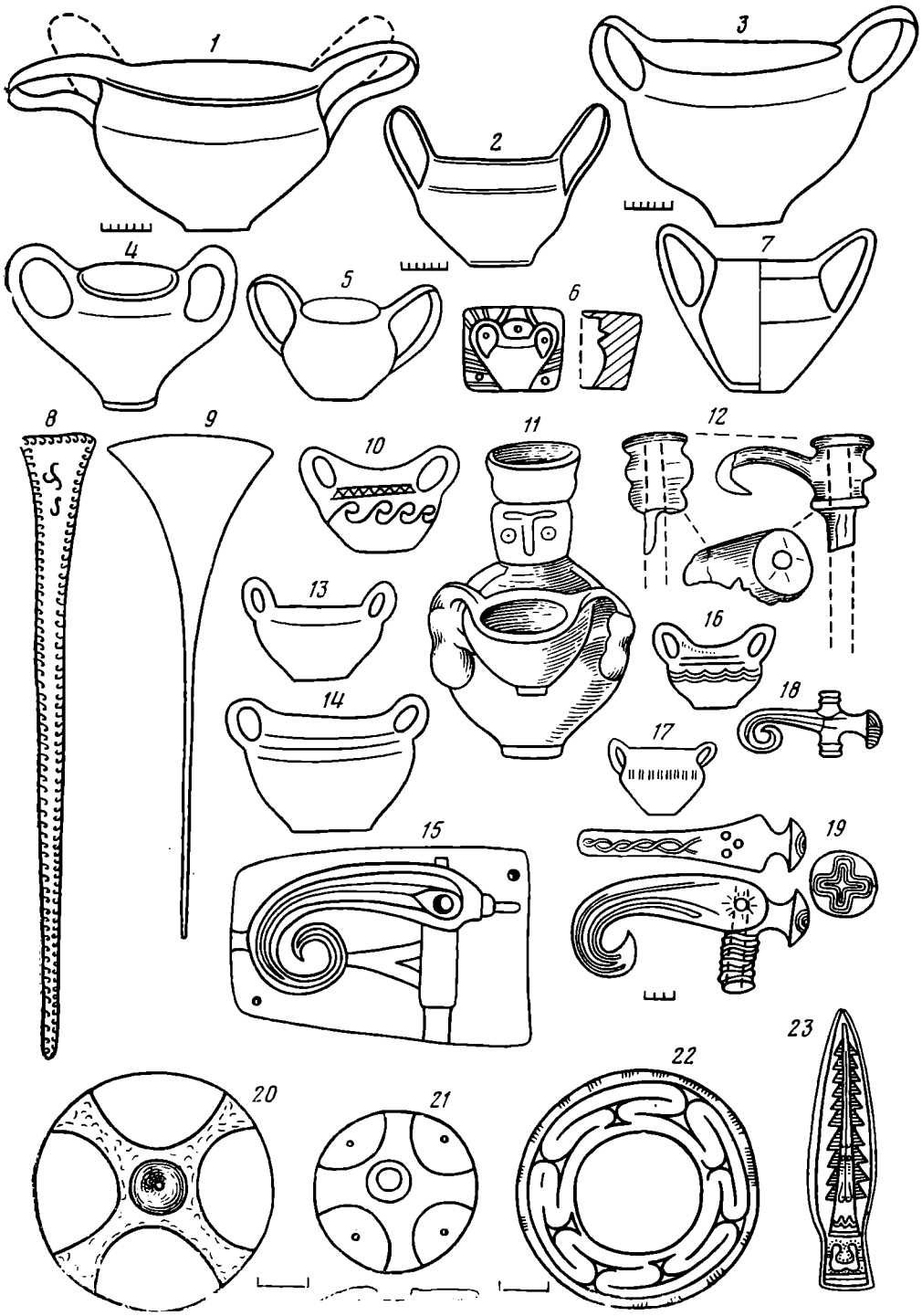


Рис. 4. Двуручные чаши — *1—7*, *10*, *11*, *13*, *14*, *16*, *17*; навершия — *12*, *15*, *18*, *19*; бляшки — *21*, *22*; наконечник копья — *23* и элементы декора металлических изделий *8*, *9*, *20*: *1*, *20* — Вылчетрын (по В. Микову); *2*, *9* — Крыжовлин; *3*, *12* — Борисовка; *4*, *11* — Троя (*4* — по М. Вернеру, *11* — по М. Мейеровичу); *5* — Тод (по Д. Е. Стронгу); *6*, *15* — Побит Камык (*6* — по Е. Н. Черных, *15* — по каталогу выставки); *7* — эллад-ская культура (по И.-П. Миллотт); *10* — культура отомани (по И.-П. Миллотт); *13* — культура кослоджени (по С. Моринтцу, Н. Ангелеску); *14* — культура ноа (по А. Флореску); *16* — культура монтеору (по И.-П. Миллотт); *17* — комаровская культура (по И. К. Свешникову); *18* — Дражна де Жос (по А. Александреску); *19* — Лозово (по В. А. Дергачеву); *21* — Калфа (по Г. Ф. Чеботаренко); *22* — Ильичевка (по Т. А. Шаповалову); *23* — Цюрупинск (по О. А. Кривцовой-Граковой). *1*, *2*, *5*, *9* — золото; *8* — серебро; *20* — бронза, янтарь; *18*, *19*, *23* — бронза; *16*, *15* — камень; *21*, *22* — кость; *3*—*5*, *7*, *10*, *11*, *13*, *14*, *16*, *17* — керамика

Наиболее ранние датировки Вылчетрыновского клада предложили Х. Сейриг и Вл. Попович [9], которые находили ему аналогии в кладе их Тод (рис. 4, 5), датированном печатью фараона Аменемхета II из XII династии (по разным источникам 1937, 1929—1895 гг. до н. э.) [10]. Они придавали также большое значение влияниям из Малой Азии, Месопотамии и даже Майкопа.

Многие исследователи в той или иной мере признавали в формах и орнаментике вещей Вылчетрыновского клада если не прямой импорт, то заметное влияние крито-микенского ювелирного искусства. Вскоре после находки клада Й. Андриешеску сравнил его с богатыми находками из IV и V гробниц в Микенах и указал многочисленные аналогии среди находок Эгейского мира, Юго-Восточной и Северо-Западной Европы, датируя его предмикенским периодом [11]. А. Можолич, признавая также влияние микенско-малоазийских центров, вводила материалы клада в единый хронологический круг культур бронзового века Придунавья (фюзешабон, отомани, витенберг и др.) и датировала его первой половиной XV в. до н. э.[12] Другие же исследователи (В. Пырван [13], Г. Вилке [14], Р. Вульпе [15], Е. Дунареану-Вульпе [16], И. Нестор [17], Л. Берчиу [18], М. Гарашанин [19], Х. Данов [20], М. Чичикова [21], М. Цончева [22], Г. Тончева [23] и пр.) связывали Вылчетрыновский клад главным образом с «фрако-киммерийскими древностями» Юго-Восточной Европы, считая их изделиями местного производства, и относили его к эпохе поздней бронзы и раннего железа (XII—VIII и даже VII—VI вв. до н. э.). В основе таких датировок лежали прежде всего чисто исторические предпосылки (письменные сведения о походах киммерийцев и фракийцев, о богатстве фракийских царей и т. д.) и некоторые аналогичные формы глиняной посуды, инкрустированной керамики в культурах фракийского гальштата.

Наиболее выразительно последняя точка зрения отражена в интереснейшей монографии В. Микова, специально посвященной подробной публикации Вылчетрыновского клада [24]. На основании состава металла

---

[9] *Sierig H.* Antiquites Syriennes. Notes sur le trésor de Tod.— Syria, XXXI, 1954, № 3—4, p. 218; *Popovic Vl.* Encore sur le trèsor d'orfèvrerie de Vâlcitrân.— RA, № 2, 1959, p. 107—110.

[10] *Strong D. E.* Greek and Roman Gold and Silvare plate. London, 1966, p. 33, fig. 7, *a*, *b*, *c*.

[11] *Andriesescu J.* Consideratiuni asupra tezaurului dela Vâlci-Trân, lânga Plevna (Bulgaria).— Memoriile Sectiunii istorice. Academia Româna. Bucuresti, 1926, s. III, t. V, p. 10—27.

[12] *Mozsolics A.* Goldfunde des Depotfundhiorizontes von Hajdusamson.— BRGK, Bd. 46—47, 1968, S. 10—46.

[13] *Pârvan V.* Considèration sur le trèson de Valtch-Treune. Resume.— Memoiriile Sectiunii istorice. Academia Românâ. Bucuresti, 1926, s. III, t. V, p. 28—32.

[14] *Wilke G.* Ebert's Reallexikon der Vorgeschichte, t. XIV. Berlin, 1929, S. 227, 228.

[15] *Vulpe R.* L'age du fer dant les règions Thrace de la Peninsule Balkanique. Paris, 1930, p. 36.

[16] *Dunareanu-Vulpe E.* Considerations sur certains formes caracterisant l'age du bronze de l'Europe sud-oriental. Paris, 1930, p. 13, 14.

[17] *Nestor I.* Der Stand der Vorgeschichtforschung in Rumänien.— BRGK, Bd. 22, 1932, S. 123, 124.

[18] *Berciu D.* Quelques problèmes communs de la prehistoire de la Roumanie et celle Bulgarie.— ИАИ, t. XXIII, 1960, p. 266.

[19] *Гарашанин М.*— Старинар, t. XI, 1960, с. 254.

[20] *Danov Chr.* Social and economic development of ancient Thracians in Homeric, Archaic and Classical time (Upto the Conquest of the Bulgarien Lands by the Ancient Macedonians).— Etudes historiques, vol. I. Sofia — Stockholm, 1960, p. 6, 7.

[21] *Чичикова М.* Златни и сребърни съкровища от България.— История и география, № 1—2, 1967, с. 54; *idem.* Sur la chronologie du Hallstatt en Thrace.— Studia Balkanica, № 5, 1971, p. 81.

[22] *Дончева М.* Художественно наследство на тракийските земи. София, 1971, с. 108, 109.

[23] *Тончева Г.* О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в XI—VI вв. до н. э.— Studia Thracica, № 1. Sofia, 1975, p. 49.

[24] *Миков В.* Златното съкровище..., с. 3—60.

изделий он показал близость его к самородному золоту в Южной Фракии, Македонии и Сербии. Признавая отражение микенских влияний в предметах клада, В. Миков привлек значительное количество аналогий как в формах сосудов, так и в орнаментации металлических изделий и глиняной посуды Карпато-Дунайско-Балканского региона и пришел к выводу о его местном производстве со слабым и запоздалым влиянием элементов микенского искусства, датировав клад временем расцвета металлургии на последней фазе бронзовой эпохи (VIII в. до н. э.) [25]. Удивительно при этом, что многие аналогии, приведенные автором, относятся к более раннему времени, как и расцвет бронзовой металлургии в этом районе.

К подбору аналогий, определению хронологии и культурно-исторической принадлежности Вылчетрыновского клада исследователи подходили по-разному. В этом аспекте находка золотой чаши вылчетрыновского типа в Северо-Западном Причерноморье, несомненно, имеет большое значение, так как поможет в некоторой степени осветить и вопросы хронологии самого Вылчетрыновского клада. Этому в значительной мере способствует и то, что некоторые ученые связывали клад с находками на территории Северного Причерноморья. П. Райнеке еще в 1926 г. включил в ареал аналогий Вылчетрыновского клада Южную Россию, обратив внимание на орнаментацию копий Бородинского клада, хотя сами вылчетрыновские и бородинские предметы он относил к киммерийско-агатирскому кругу древностей и времени вторжения скифов в Северное Причерноморье, что и послужило причиной поздней датировки названных кладов [26].

Бородинский клад из степной зоны междуречья Дуная и Днестра является наиболее ярким собранием изделий, отражающим сложнейший узел культурно-исторических связей бронзовой эпохи племен евразийских степей с балкано-дунайскими и малоазийско-эгейскими цивилизациями [27]. Его датировка, как и Вылчетрыновского клада, также была весьма различной у многих исследователей (от 1600 до 700 г. до н. э.). Выяснение даты Бородинского клада для нас важно, так как Бородино и Вылчетрын отражают эгейские связи, и это тем более интересно, поскольку и Бородинский клад и золотая чаша вылчетрыновского типа из Крыжовлина найдены в одном районе — Северо-Западном Причерноморье. Вылчетрыновские и бородинские изделия объединяет не только «микенский стиль» орнаментации (кинжал, булавка, наконечники копий, диски), но и высочайшая по мастерству техника инкрустирования по металлу, что вместе взятое позволяет рассматривать их примерно в одном хронологическом диапазоне. Кроме одинаковой техники инкрустации вещей Бородинского и Вылчетрыновского кладов отметим, что инкрустированный орнамент на дисках из Вылчетрына, наконечниках копий и булавке из Бородина обрамлен точками. Последнее является специфическим способом украшения орнаментов многих металлических изделий среднебронзовой эпохи Карпато-Дунайского района. Определенный общий стиль оформления прослеживается и в сходстве осевого треугольника бородинского кинжала и центральной нижней части ручек крыжовлинской чаши (рис. 4, *8*, *9*).

Все, кто занимался изучением Бородинского клада, начиная с первых публикаций Э. Р. Штерна [28] и А. А. Спицына [29], неизменно обращали внимание на эгейские связи изделий этого клада, привлекая памятники Нижнего Подунавья, где среди культур бронзового века был широко рас-

---

[25] Там же, с. 51—57.

[26] *Reinecke P.* Ein neuer Goldfund aus Bulgarien.— Germania, 1926, IX, S. 50—51.

[27] *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад.— Тр. ГИМ, вып. 1, 1949; *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада.— В сб.: Проблемы археологии. Л., 1968, с. 75—128; *Бочкарев В. С.* Проблема Бородинского клада.— Там же, с. 129—154.

[28] *Штерн Э. Р.* Бессарабская находка древностей в 1912 г.— МАР, вып. 34, 1914, с. 1—14.

[29] *Спицын А. А.* Бородинский клад.— Сб. в честь граф. П. С. Уваровой. М., 1916, с. 108—115.

пространен и стиль микенской орнаментики. К настоящему времени определились три системы хронологии клада: длинная (Р. Гахман) [30], средняя (М. Гимбутас) [31] и короткая (А. М. Тальгрен, В. А. Сафронов) [32]. В подходе к хронологии Бородино исследователи старались привлечь как можно более широкий круг аналогий на огромной территории от Средиземного моря, Карпато-Дунайского района до Приуралья, Кавказа и Сибири. Однако это приводило даже одних и тех же ученых к различным результатам. Так, А. М. Тальгрен передатировал Бородинский клад 4 раза [33], М. Гимбутас — 2 раза [34]. Весь вопрос иногда сводился к определению времени бытования того или иного типа вещей, и в конце концов дата устанавливалась по времени их исчезновения на огромной территории, что и определяло хронологию зарытия клада. Особенно полно такой методологический подход определения хронологии клада, имеющий свои негативные стороны, выражен в работе В. А. Сафронова [35].

По-разному рассматривались и вопросы отражения микенского стиля в придунайских культурах бронзового века и в предметах Бородинского клада. А. Можолич считала его опосредствованным через район Малой Азии [36], А. И. Тереножкин в бородинских предметах видел свежесть эгейских влияний [37], а Т. Сулимирский — конец микенского влияния [38]. Наиболее реалистично, на наш взгляд, к этой проблеме подошел В. С. Бочкарев, сведя в основном датировку Бородина «к проблеме датировки культур Придунавья» с микенским стилем орнаментации и отнеся клад к XV—XIV вв. до н. э.[39] Еще ранее Н. Я. Мерперт обратил внимание не только на близость орнаментальных мотивов из микенских шахтовых гробниц, но и на сходство форм микенских и бородинских копий, кинжалов, датировав Бородино XV в. до н. э.[40]

Несмотря на всемирную известность Бородинского клада и огромнейший ареал отраженных в нем типов изделий от Эгейского мира до Аньяна в эпоху бронзы, синхронные памятники Северо-Западного Причерноморья, особенно степной части междуречья Дуная и Днестра — района находки клада, остались до сих пор почти неизвестными. Поэтому в нашей статье необходимо в первую очередь выявить на этой и соседних территориях круг тех памятников, в которых отразились микенские, малоазийские, балкано-дунайские, в целом юго-западные связи в эпоху бронзы. Очевидно, в наиболее интенсивный период действия этих связей и могла попасть золотая чаша в район Побужья.

Обратимся прежде всего к находке совершенно аналогичной вылчетрыновской и крыжовлинской чашам глиняной двуручной вазы в централь-

---

[30] *Hachman R.* Die früe Bronzczeit im westlichen Ostseegebiet und ihre Mittel- und Sudosteuropäischen Beziehungen. Hamburg, 1957, S. 169—173.

[31] *Gimbutas M.* Borodino, Seima and their contemporaries.— PPS, vol. XXII, 1957, p. 144.

[32] *Tallgren A. M.* La Pontide prescythique aprés l'introduction de Metaux.— ESA, vol. II, 1926, p. 129—143; *Сафронов В. А.* Ук. соч.

[33] *Tallgren A. M.* La Pontide..., p. 129—193; *idem.* The copper idols from Galich and their relatives.— Studia orientalia, v. I, 1925, p. 312—314; *idem.* Borodino.— Reallexikon der Vorgeschichte, Bd I. Berlin, 1925, S. 121; *idem.* Zur chronologie der Osteuropäischen Bronzezeit.— MAGW, Bd 61, 1931, S. 196.

[34] *Gimbutas M.* Borodino, Seima..., p. 143—163; *idem.* Bronze age cultures in Central and Eastern Europe. Cambridge, 1966, p. 68.

[35] *Сафронов В. А.* Ук. соч., с. 75—128.

[36] *Mozsolics A.* Die Herkunftsfrage der ältesten Hirschgeweihtrenzen.— AHH, vol. XII, 1960, S. 134, 164.

[37] *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода.— СА, 1965, № 1, с. 63—85.

[38] *Sulimirski T.* Barrow-Grave 6 at Komarow.— Bulletin of the Institute of Archaeology University of London, № 4, 1964.

[39] *Бочкарев В. С.* Ук. соч., с. 129—154.

[40] *Мерперт Н. Я.* Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, № 111, 1962, с. 19—21.

ном погребении кург. № 6 у с. Борисовка (рис. 4, *3*) [41]. Ее размеры: высота 19 *см*, с учетом ручек 25 *см*, диаметр устья 23 *см*, диаметр средней части 27,5 *см*, диаметр дна 10,5 *см*. Если пропорции чаш из Вылчетрына, Крыжовлина и Борисовки выразить как отношение сумм средних величин диаметров и высот по формуле $Ипр = \frac{Дв + Дср + Дд}{Вк + Вр}$ (где Ипр — индекс пропорции, Дв — диаметр венчика, Дср — диаметр средней части, Дд — диаметр дна, Вк — высота корпуса, Вр — высота ручек), то индексы пропорции окажутся одинаковыми для борисовской и крыжовлинской чаш (2,2), а для вылчетрыновской несколько иными (3,4), что, по всей вероятности, связано с явно поздним искривлением (отгибом) ручек книзу (рис. 4, *1*) [42]. Двуручные чаши (вазы) были широко распространены в эпоху раннего и среднего периодов бронзового века в Средиземноморье (рис. 4, *5*, *7*) [43], Малой Азии (рис. 4, *4*) [44], Карпато-Дунайском районе (рис. 4, *10*, *16*, *17*) [45], где они доживают до позднего периода бронзового века (рис. 4, *13*, *14*) [46]. В Северном Причерноморье двуручные вазы исчезают с концом раннего этапа сабатиновской культуры [47] и не встречаются в памятниках белозерского типа. Форма и орнаментация этих сосудов имеют свои особенности в разных культурах, но наиболее близкими к вылчетрыновскому типу являются вазы из комплексов культуры отомани и монтеору; с керамикой последней и сравнивали авторы публикации Борисовского могильника двуручную чашу из кург. 6.

Такая древность борисовского погребения надежно подтверждена стратиграфией этого кургана, в насыпи которого находилось впускное скорченное погребение, относящееся к позднему периоду бронзового века. Кроме двуручного глиняного сосуда в борисовском погребении найден деревянный предмет, по форме напоминающий клевец, которому авторы раскопок не нашли никакого объяснения (рис. 4, *12*) [48]. Между тем наиболее близкие аналогии ему находятся в металлических изделиях бронзового века. Рельефно выточенная головка с длинным загнутым отростком и перпендикулярно расположенной рукоятью очень сходна с бронзовым навершием из Лозовского клада в Молдавии (рис. 4, *19*) [49]. Несколько иной тип навершия представлен в кладе Дражна де Жос в Румынии (рис. 4, *18*) [50]. Прямой аналогией лозовскому навершию является негатив на литейной форме из мастерской, обнаруженной в Побит Камык Разградского округа в Болгарии (рис. 4, *15*) [51]. В этой мастерской на литейной форме есть и негатив двуручной небольшой чаши, похожей на вылчетрыновскую

[41] *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Раскопки курганов в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 г.— СА, 1970, № 1, с. 108—111; *они же.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, вып. 6, 1970, с. 56—59, рис. 43, 47; *Häusler A.* Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. Berlin, 1976, S. 104, 105, 202, Taf. 28, *1—4*.

[42] Методом обратной экстраполяции можно установить величину сгиба ручек и произвести реконструкцию (рис. 4, *1*).

[43] *Millott I. P.* Precis de protohistoire Europeens. Paris, 1970.

[44] *Werner M.* Troja. Leipzig, 1972, Taf. 29.

[45] *Millott I.* Op. cit.; *Свешников И. К.* Проблема происхождения комаровской культуры.— В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 109, рис. 5, *8*.

[46] *Florescu A.* Contributii la cunoasterea culturi Noua.— AM, t. II—III, 1964, p. 143—209; fig. 2, *5*, *6*; *Morintz S. si Anghelescu N.* O nouâ cultura a epocii bronzului in Rômâna. Cultura de tin Costogeni.— SCIV, t. 21, № 3, 1970, p. 315—374, fig. 17, *2*; 26, *3*.

[47] *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, № 3, с. 28; *Черняков И. Т.* Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке. Автореф. канд. дис. Киев, 1975.

[48] *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Ук. соч., с. 56—59.

[49] *Дергачев В. А.* Клад конца бронзового века из Молдавии.— АИМ, Кишинев, 1972, с. 67, рис. 2, *11*.

[50] *Alexandrescu A.* Depots de l'age du bronze tardif.— Inventaria Archaeologica Roumaniae, № 2. Bucurest, 1965, tabl. R, *15a*.

[51] Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. М., 1974, с. 50—53.

(рис. 4, *6*) [52]. Ив. Венедиков, датировавший ранее Вылчетрыновский клад XII—VI вв. до н. э.[53], обратил особое внимание на литейные формы, найденные у Побит Камыка, и отошел от своего первоначального мнения, сравнивая каннелированную орнаментацию вылчетрыновских изделий с такой же орнаментикой на негативах литейных форм, устанавливая их хронологию в пределах 1600/1500—1200/1100 гг. до н. э.[54]

Борисовское деревянное навершие в целом повторяет форму подобных предметов из Лозово и Побит Камыка, даже размеры основных частей близки к ним (общая длина 18 *см*, длина клевца 10—12 *см*, длина втулки 9 *см*, у лозовского соответственно 19,5; 10; 5,8 *см*). Шляпка борисовского навершия вынесена вперед, а не вверх, как у металлических,— отличие, связанное, вероятно, с изготовлением его из другого материала. Неизвестно, было ли борисовское деревянное навершие реальным воплощением своего назначения при жизни владельца или было положено в могильную яму в качестве заменителя металлического предмета. Во всяком случае деревянный скипетр-навершие из погребения кург. № 6 у с. Борисовка тщательно заполирован и отделан. В этом уникальном погребении чаша и навершие, сходные по форме с металлическими, сделаны из широко распространенных материалов — дерево и глина. О том, что это не «рядовой» курган, свидетельствуют центральное (основное) положение погребенного, редкое в этих местах для эпохи средней бронзы, огромная насыпь, созданная в один прием (высота 4,5 *м*, диаметр 70 *м*), большая куполообразная закладка из известняковых плит (общий объем составляет около 45 $м^3$) и тщательно сделанный каменный ящик.

Дополнительные сведения о культурно-исторических связях с Придунавьем дают общие орнаментальные мотивы одинаковых изображений креста на нижней стороне вылчетрыновского диска (рис. 4, *20*) и на шляпке обушка навершия из Лозово (рис. 4, *19*). Подобный крестообразный знак и на костяной бляшке из погребения культуры многоваликовой керамики Калфского могильника (рис. 4, *21*) [55].

Помимо крыжовлинской золотой чаши и Бородинского клада влияние микенского стиля в Северном Причерноморье нашло также отражение в орнаментации наконечника копья из Цюрупинска (рис. 4, *23*) [56], костяной бляшке из раннесрубного слоя Ильичевского поселения на Северном Донце (рис. 4, *22*) [57]. Недалеко от Крыжовлина в Побужье еще в прошлом веке были найдены два клада бронзовых изделий (Козорезовский [58] и Щетковский [59]), в которых было 11 серпов, семь широких двулезвийных топоров и один двулезвийный топор с выступающей втулкой. Последние находки А. М. Тальгрен считал микенским импортом [60]. Однако ареал таких топоров охватывает не только Эгейский мир, но и Нижнее Подунавье, Балканы, где известны формы для их отливки [61].

Находка золотой двуручной чаши вылчетрыновского типа в Северо-Западном Причерноморье ставит проблему связей не столько непосредственно с малоазийско-микенским миром, сколько с Нижним Подунавьем

---

[52] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976. с. 251, табл. XLVI.

[53] *Венедиков Ив., Герасимов Т.* Тракийското изкуство. София, 1973, с. 33—36

[54] *Венедиков Ив.* Вълчитрънското съкровище.— Изкуство, t. XXV, № 3—4, 1975, с. 8—10.

[55] *Чеботаренко Г. Ф.* Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре.— КСИА АН СССР, № 105, 1965, с. 104—110.

[56] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Псволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, 1955, с. 139, рис. 34, *21*.

[57] *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры на Северном Донце.— В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 159, рис. 5.

[58] *Мурзакевич Н.* Древности, открытые в Херсонской губернии.— ЗООИД, т. III, 1853, с. 567—570, табл. X.

[59] *Tallgren A. M.* La Pontide..., p. 145, 161, 173, 212.

[60] Ibidem.

[61] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 105, 106.

и Балканами, хорошо отраженных также в распространении однотипных бронзовых изделий на этих близко расположенных территориях. Это прежде всего большая серия кельтов (типы К-12, К-18, К-32, К-34, К-38, К-40, К-42, К-44, К-64, К-68, К-72), серпов (С-6, С-8, С-10, С-22, С-24), наконечников копий (П-22), топоров (Т-2, Т-4, Т-6), ножей (Н-2, Н-4), кинжалов (Н-50), украшений (У-20), наверший и т. д.[62] Этот круг источников настолько многочислен, что требует отдельного изучения.

Датировка крыжовлинской чаши может быть основана на следующих основаниях: 1 — хронология Вылчетрыновского клада; 2 — время распространения двуручных чаш (ваз) в культурах бронзовой эпохи Юго-Восточной Европы (монтеору, отомани, комаровская, кослоджени, ноа, сабатиновка и др.); 3) — период наиболее интенсивных связей Северо-Западного Причерноморья с Балкано-Дунайским районом, отразившихся в изделиях Бородинского и ряда других кладов бронзовых изделий (Щетково, Козорезово, Лозово), отдельных находок орнаментированных предметов (Ильичевка, Цюрупинск, Калфа и т. д.). Как показано выше, датировка Вылчетрыновского клада твердо не установлена, и многие исследователи по-разному подходят к ней. В данной работе нет возможности остановиться на всех аспектах хронологии этого клада. На наш взгляд, более убедительным представляется отнесение его к бронзовому веку, причем не к финальному, а переходному периоду от средней к поздней бронзе. Это подтверждается, в частности, и временем распространения двуручных ваз в культурах бронзового века Юго-Восточной Европы. Археологические памятники Северного Причерноморья зафиксировали период наиболее интенсивных связей с Балкано-Дунайским районом в хронологическом интервале от XV (Бородино, Ильичевка, Калфа) до XIII в. до н. э. (Лозово, Щетково, Козорезово), возможно, включая отчасти и XII в. до н. э. Только в этот период и могла попасть в Побужье золотая двуручная чаша, найденная у с. Крыжовлин. Комплекс погребения Борисовского кургана не противоречит такой датировке.

Факт реставрации крыжовлинской чаши свидетельствует о бережном отношении к ней не только как к изделию из драгоценного металла. Возможно, что чаша использовалась для каких-то специальных целей. Вполне вероятно, что подобные чаши фигурируют в качестве священного дара в обеих генеалогических легендах о происхождении скифов у Геродота[63]. Это событие, по словам Геродота, произошло за 1000 лет до вторжения Дария в Скифию. Несомненно, культ чаши уходит в глубокую древность[64]. Известно изображение двуручной чаши на антропоморфном сосуде из Трои, где человеческая фигура держит ее двумя руками перед грудью в явно ритуальной позе (рис. 4, *11*)[65]. В этой связи обращает на себя внимание специальный набор предметов Вылчетрыновского и Бородинского кладов, которые, вероятно, имели парадно-ритуальное назначение, освящая власть племенной верхушки. Курганная насыпь, каменная закладка, погребальный инвентарь Борисовского кургана свидетельствуют о высоком социально-племенном ранге погребенного.

Таким образом, изучение крыжовлинской чаши приводит нас к выводу о ее полной аналогии и принадлежности к кругу вылчетрыновских изделий, которые отражают, особенно в орнаментации, влияние микенского искусства, оказавшего огромное воздействие на памятники бронзового века Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы[66]. В Северо-

---

[62] Та же, с. 73—133, рис. 30, 32, 33, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 44—46.

[63] *Геродот.* История. Л., 1972, с. 188, 189.

[64] *Ильинская В. А.* О священной чаше у скифов.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья и варварский мир (тезисы конференции). Л., 1973.

[65] *Мейерович М.* Шлиман. М., 1938, с. 111.

[66] *Чередніченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.— Археологія, 1977, № 22, с. 3—21; *Sulimirski T.* Handel Troi z Europa.— Teki Historyczne, t. XV. London, 1966—1968, p. 3—21; *Mozsolics A.* Les relations entre My-

Западном Причерноморье отголоски микенско-малоазиатского влияния шли на гребне широкой волны связей с культурами среднего и начала позднего периодов бронзового века Придунавья и Балкан.

G. A. Dzis-Rayko, I. T. Chernyakov

A GOLDEN BOWL OF THE VYLCHETRYN TYPE FROM THE NORTH-WESTERN PONTIC AREA

Summary

A two-handled golden bowl, found in 1974 near village Kryzhovlin of Balta district in Odessa region is analysed in the article. Its weight is 765,59 gms. One of the handles was broken in the ancient times and restored later. The bowl is made of 74,72%, gold, but the rivets and plates for its restoring are made of 60—65% gold. The closest analogy is a bowl from the Vylchetryn hoard in Bulgaria. The authors investigate the chronology of this hoard, dated by different investigators from the late IIId millenium to the VIth century B. C. The golden bowl could appear in the North-Western Pontic area in the period of its active connections with the Danube and Balkan regions, Asia Minor and Mediterranean. The evidences of these connections are the finds from the Borodino Schetkovo, Kozorezovo hoards, the spearhead from Tsurupinsk, bone plate from the early srubnaya culture layer of the settlement near Ilyichevka, burial near village Kalfa and many other finds of the bronze objects. In the barrow near Borisovka (the Danube-Dnester interflew) a similar clay bowl was found together with a wooden pole-top, having analogies in the hoards of Lozovo, Drazhna de Zhos and Pobit Kamyk. The Vylchetryn hoard could be dated, by the authors' opinion, to the transition period from the middle to the late Bronze Age, when two-handled bowls were spread in the cultures of the Balkan-Danube and Carpathian regions. These evidences together with the dates of the Borodino, Lozovo, Drazhna de Zhos, Pobit Kamyk hoards, and the early period of the srubnaya culture led the authors to conclusion that their bowl belongs to the XVth — XIIIth centuries B. C.

---

cène, L'Asie Mineure et le Bassin des Carpathes.— Actes du Congres international des etudes Balkaniques et Sud-Est Europeens, t. II. Sofia, 1969, p. 657—660.

Е. И. ДАНИЛОВА, В. Н. КОРПУСОВА

КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ТРЕПАНИРОВАННЫМ ЧЕРЕПОМ В КРЫМУ

При раскопках курганов в крымском Присивашье в 1978 г. в кургане у с. Целинное Джанкойского р-на Крымской обл. обнаружено погребение катакомбной культуры, заслуживающее особого внимания [1]. Это погребение № 25 было впущено в южную полу кург. 1, сооруженного в ямное время.

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 1, *3*). Ее входной колодец прослежен частично. В плане он имел неправильную четырехугольную форму с округленными углами и ориентирован по оси восток—запад. Длина колодца 1 *м*, ширина 0,9, глубина от нуля 4,0, от поверхности насыпи 3 *м*. Весь колодец был полностью забит горизонтальными слоями глиняных вальков, чередующихся со слоями материковой глины. Толщина вальков от 5 до 8 *см*. На стенках колодца у входа в камеру прослежены вертикальные следы от ударов орудий шириной 3, глубиной 0,4 *см*, а также корни растений. Сам вход в камеру, очевидно, был закрыт циновкой из стеблей растений и прутьев, отпечатки которых красновато-коричневого цвета сохранились здесь на некоторых вальках. Толщина отпечатков стеблей 2—5 *мм*. Здесь же найдены мелкие кусочки дерева.

Погребальная камера расположена к западу от входного колодца. В плане она круглая, диаметром 2,5 *м*. Дно ее ниже дна входного колодца на 0,75 *м*. Свод обвалился в древности до высоты 1,7 *м* от пола. Последний по всей площади катакомбы был засыпан толстым (3 *см*) слоем мела, на котором лежала подстилка из пучков стеблей и корней растений (тростника?). Растительная подстилка была покрыта слоем охры. На этой многослойной подстилке лежал скелет взрослого человека на спине, головой на юг — юго-запад. Череп с шейным отделом позвоночника смещен вправо и лежал на правой стороне. Шейные и часть грудных позвонков имели нарушенное анатомическое взаиморасположение: они не прилегали друг к другу, а располагались на горизонтальной плоскости своими верхними или нижними поверхностями. Лицевой отдел черепа, исключая лоб и скулы, был покрыт толстым слоем охры, перемешанной с глиной. При этом глазничные углубления, носовая и ротовая полости, оба слуховых отверстия были плотно забиты этой же массой (рис. 2). Голова, шея и плечи погребенного покоились на своеобразной волистой подушке, лежащей на описанной выше подстилке. Правая рука погребенного была вытянута вдоль туловища и положена под таз, левая, согнутая в локте, перекрывала правый локтевой сустав. Тазовые кости вместе с нижними конечностями перевернуты на 180°. Ноги погребенного лежали в вытянутом положении.

[1] Раскопки Северо-Крымской экспедиции проводились под руководством В. Н. Корпусовой.

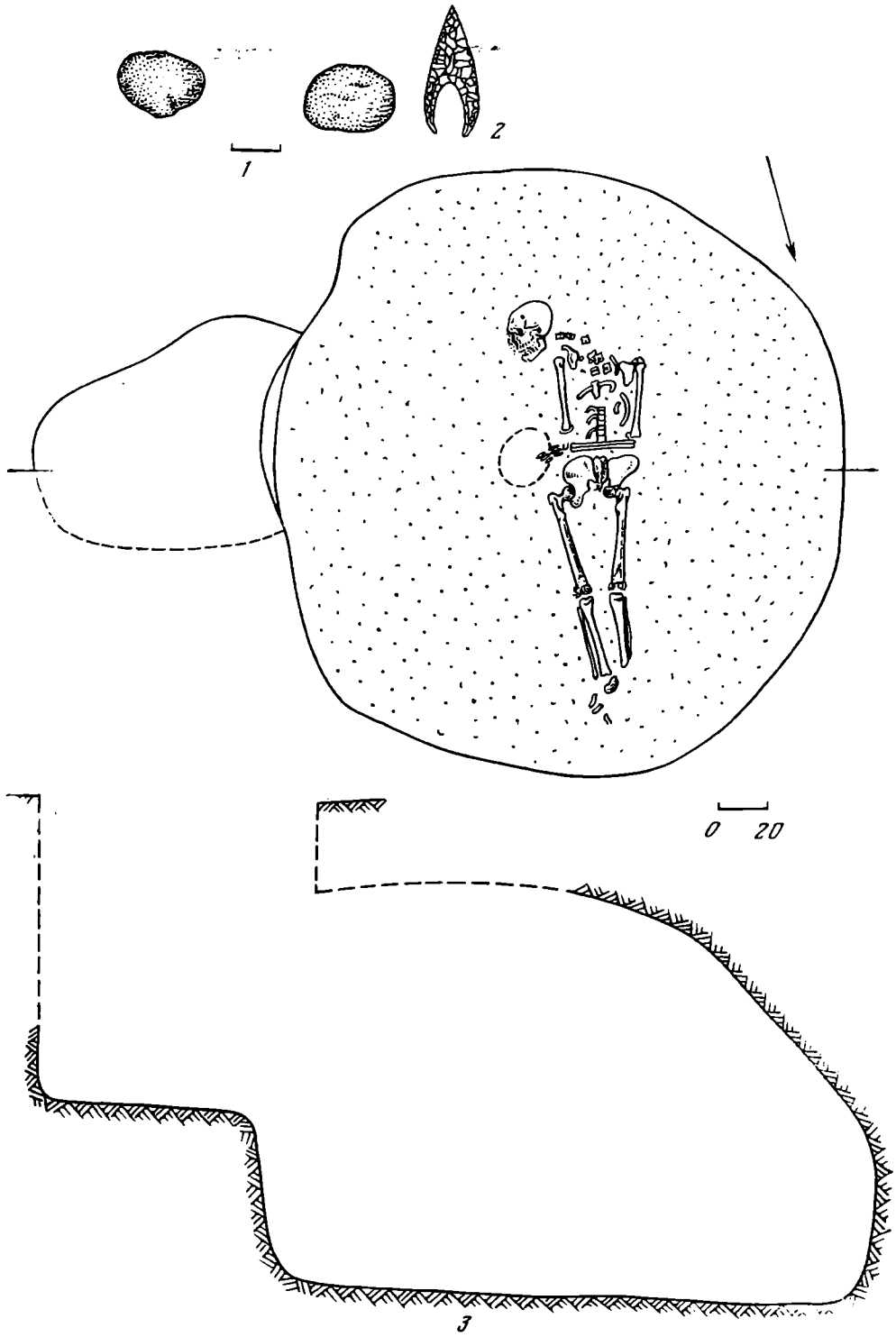


Рис. 1. С. Целинное, курган 1, погр. № 25: *1* — галька, *2* — кремневый наконечник стрелы; *3* — план и разрез погребения

Скелет был обильно окрашен охрой, которая насквозь пропитала длинные трубчатые кости конечностей, что было видно при их распилах. Эти кости и кости таза были обмотаны плохо сохранившимися стеблями растений и обмазаны сверху охрой, перемешанной с глиной. Аморфные куски охры и мела обнаружены и между сочленованными поверхностями

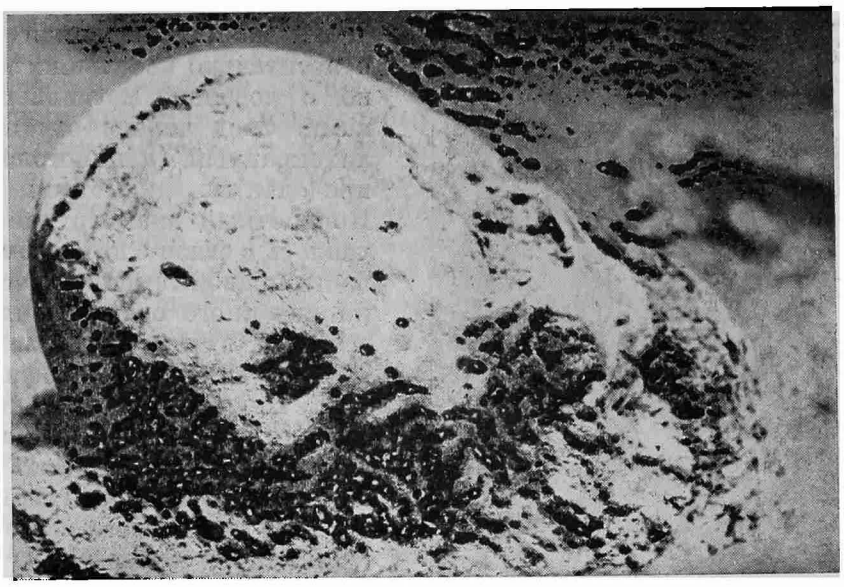


Рис. 2. Череп со следами охро-глинистой маски из погребения

суставов. Весь скелет был перекрыт толстым слоем пучков стеблей растений и посыпан сверху охрой и мелом.

Погребенного сопровождал следующий инвентарь: левая кисть лежала на остатках деревянного овального в плане сосуда диаметром 20×30 *см*. Он был наполнен желтовато-зеленоватым порошком и стоял справа от таза погребенного. Под правой бедренной костью обнаружены две маленькие кварцевые гальки (рис. 1, *1*). Слева от погребенного между меловой и растительной подстилкой лежал кремневый наконечник стрелы (рис. 1, *2*). Он имеет подтреугольную форму, глубокую выемку у основания, двусторонне обработан микроретушью. Длина наконечника 2,7 *см*.

Конструкция катакомбы, вытянутая поза погребенного, форма кремневого наконечника стрелы — все это позволяет датировать погребение первой половиной II тысячелетия до н. э.

Изучаемое погребение интересно также тем, что в лобном отделе черепа погребенного было обнаружено два округлой формы проникающих в полость черепа отверстия. Подробное описание этих отверстий, а также некоторые антропологические данные приведены ниже.

Кости черепа человека имеют плохую сохранность. При этом как верхняя, так и нижняя челюсти представлены небольшими фрагментами. В этом отношении исключение имеют лишь довольно хорошо сохранившиеся передние части верхнечелюстных костей, ограничивающие нижний край грушевидного отверстия, а также симфизис и обломки тела нижней челюсти, примыкающие к основаниям ее ветвей. Носовые косточки не сохранились.

Обнаружено большинство зубов нижней челюсти и отдельные зубы верхней челюсти. Удалось отреставрировать лишь крышу черепа и правую половину нижней челюсти.

Череп принадлежал мужчине, о чем свидетельствует выраженный мышечный рельеф, хорошо развитый наружный затылочный выступ, относительно крупные коронки коренных зубов и близкий к прямому углу ветви нижней челюсти.

Равномерная стертость коронок зубов, равная 4 баллам, при отсутствии следов костной атрофии черепа указывает на зрелый возраст (по-видимому, 45—50 лет). В связи с этим обнаруженное на своде изучаемого черепа полное зарощение венечного и стреловидного (за исключением заднего отдела) швов должно быть оценено как преждевременное.

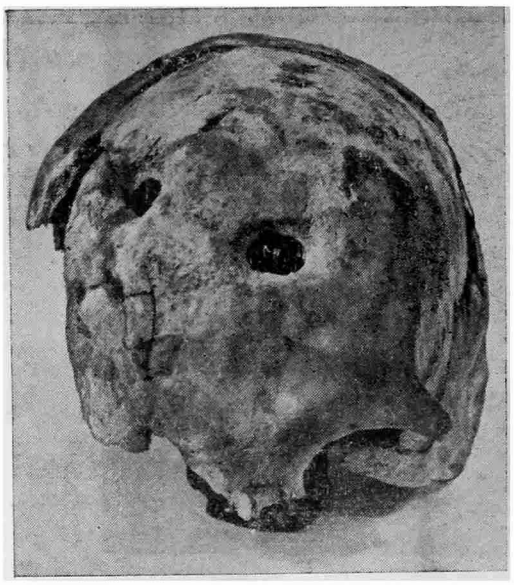


Рис. 3. Лобный отдел черепа из катакомбного погребения с двумя трепанационными отверстиями

Изучаемая черепная коробка относительно небольших размеров, но с довольно массивными стенками. Свод черепа отчетливо долихокранный (длинноголовость) с продольным диаметром 193 *мм*. Поперечный диаметр измерить не удалось в связи с дефектом нижней части правой теменной кости. Форма черепного свода овоидная (на грани с пятиугольной). Лоб довольно узкий, его профиль покатый. Надпереносье имеет форму вздутия (4 балла) [2]. Надбровные дуги выражены, но четко отграничены от надглазничных краев. Как справа, так и слева имеется надглазничное отверстие. Затылок широкий, но выпуклый. Сосцевидные отростки небольшие (около 9 *мм*). Нос, если судить по сохранившейся части грушевидного отверстия, был довольно широким. Нижний край этого отверстия имеет форму нечетко выраженных предносовых ямок.

Тело нижней челюсти небольшое и невысокое (высота симфизиса 30 *мм*), что косвенно указывает на грацильность лица. Это находит подтверждение и в небольших размерах сохранившейся левой скуловой кости. Подбородочный выступ хорошо развит и состоит из двух подбородочных бугорков, что соответствует форме раздвоенного подбородка.

Проведенное исследование костных остатков мужского черепа из изучаемого погребения позволяет сделать заключение о том, что череп принадлежал человеку, который относился к антропологическому типу, широко распространенному среди племен катакомбной культуры [3]. Как было отмечено выше, в лобном отделе изучаемого черепа имеется два отверстия (рис. 3). Оба они имеют воронкообразную форму с гладкими закругленными стенками, образованными всеми структурными элементами костей черепного свода (наружная пластинка, диплоэ, внутренняя пластинка).

Одно из отмеченных отверстий определяется на несколько миллиметров слева от серединной сагиттальной плоскости, приблизительно на середине расстояния между верхним и нижним отделами лобной чешуи. Размер отверстия со стороны наружной пластинки 17×20 *мм* и со стороны внутренней 15×16 *мм*. Контуры как наружного, так и внутреннего отверстия закругленные, но все же не совсем ровные и не вполне симметричные.

Второе отверстие обнаружено справа, тотчас у края верхней височной линии. Размер его снаружи 30×36 *мм* и изнутри 13×16 *мм*. Здесь также имеют место некоторые неровности и отсутствует полная симметрия контуров.

---

[2] По Мартину. См. *Martin R.* Lehrbuch der Anthropologie, Bd I. Dutte Auflage. 1957.

[3] *Кондукторова Т. С.* Антропологічний склад племен території України в епоху бронзи.— Матеріали з антропології України, вып. 4, 1969, с. 33—56; *ее же.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзи.— М., 1973, с. 63—68; *Круц С. И.* Население Украины эпохи меди — бронзы по антропологическим данным.— Киев, 1972, с. 158—170; *ее же.* Палеоантропологические материалы Верхнетарасовской экспедиции 1973—1974 гг.— В сб.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 153, 154.

Значительная закругленность стенок изучаемых отверстий при отсутствии боковых щелей и признаков растрескивания и отслоения внутренней пластинки позволяет сделать заключение о том, что в данном случае имела место не травма (удар грубым рубящим или колющим орудием), а трепанация. Прежде всего можно допустить, что трепанация была сделана на мертвом человеке с ритуальной целью, что известно в специальной литературе[4]. Все же против этого в значительной мере свидетельствует большая осторожность выполнения трепанационных отверстий, выражающаяся в производстве очень мелких последовательных срезов стенок при наклонной постановке режущего края инструмента (см. ниже), что позволяет избежать травму и отслоение в полость черепа обычно очень хрупкой внутренней пластинки черепа. Главное же заключается в том, что при тщательном изучении трепанационных отверстий в области верхнего края как одного, так и другого из них отмечается незначительный наплыв наружной пластинки на губчатую структуру черепа, что свидетельствует о начинающемся регенерационном процессе. Таким образом, скорее всего можно допустить, что трепанация была произведена с лечебной целью, т. е. имеющиеся отверстия были следствием трепанаций хирургических.

Описанное погребение катакомбной культуры представляет интерес как для изучения особенностей погребального обряда носителей катакомбной культуры, так и для выявления уровня медицинских знаний у этого населения.

Прежде всего необходимо выяснить характер захоронения, т. е. как скоро после смерти мужчина был захоронен в данной катакомбе. Прослеженные особенности погребального обряда позволяют предполагать наличие одного из возможных в данном случае вариантов захоронения.

Первый вариант: был погребен частично разложившийся (скелетированный) труп. В пользу этого указывает сильное западение глазных яблок (определено по отпечатку охро-глинистой обмазки-маски), смещение шейных позвонков и др. Однако трудно представить, что при этом варианте могут быть нарушены такие прочные суставы, как подвздошно-крестцовые сочленения и межпозвоночные суставы поясничного отдела позвоночного столба.

Второй вариант: имело место перезахоронение не полностью отмацерированного скелета. Об этом свидетельствует, с одной стороны, измененный анатомический порядок лишь отдельных костей (таза, шейных и частично грудных позвонков), в то время как другие части скелета (длинные трубчатые кости нижних и большинство костей верхних конечностей) сохраняли естественное взаиморасположение. Ярко выраженное окрашивание большинства костей посткраниального скелета, куски охры и мела между сочленованными концами костей в известной мере также могут подтвердить отмеченный вывод. Все же в некотором противоречии с этим выводом находится сохранившаяся охро-глиняная маска на лице погребенного, имеющая следы негативных отпечатков многих мягких частей: носа, наружных отделов глазниц (соответствующих несколько запавшим, как бы вдавленным внутрь глазным яблокам), наружных слуховых отверстий. Отмеченное противоречие, однако, может быть исключено при допущении того, что еще до перезахоронения голова была покрыта толстой охро-глиняной маской. Проникновение же охро-глиняной массы в полость глазниц может быть объяснено особым ритуалом, выражающимся в преднамеренном вдавлении глазных яблок. Таким образом, большая часть фактических данных свидетельствует в пользу второго варианта, а именно: захоронения сопровождающегося особым ритуалом,

---

[4] *Нечитайло А. Л.* Найдавніше поховання з трепанованим черепом на Ставропіллі.— Археологія, № 6, 1972, с. 83—86.

с последующим перезахоронением неполностью отмацерированного скелета.

Смысловое значение таких деталей обряда, как наложение охро-глиняной маски и широкое употребление при перезахоронении стеблей растений, определить трудно. Отметим, что в погребальном обряде носителей катакомбной культуры эти детали обряда встречаются, хотя и не очень часто. Так, на той же территории степного Крыма глаза, нос, рот одного погребенного (с. Богачевка, кург. 8, погр. 11) [5] и глаза и нос другого (с. Филатовска, кург. 13, погр. 2) [6] были замазаны глиной и охрой. Вероятно, этот ритуал возник под влиянием страха перед покойным, которого, очевидно, боялись и живым, и связан с представлениями о главных парциальных душах человека, с культом черепов, известным во многих религиях мира[7].

Следы растительной подстилки прослеживаются в виде тлена довольно часто в катакомбных погребениях. Обматывание же конечностей погребенного пучками стеблей зафиксировано впервые. Возможно, здесь кроме ритуального, связанного с идеологическими представлениями, играли роль и соображения гигиенического характера.

Размеры обширной камеры, характер забутовки входного колодца, редко встречающийся на территории Крыма способ захоронения — все это позволяет предполагать, что в данном случае был погребен представитель нерядовой прослойки населения катакомбной культуры. Косвенным доказательством этому служат и следы трепанации черепа.

Что же могло быть причиной производства трепанации черепа и какова техника выполнения в данном случае оперативного вмешательства? Ответ на первый из поставленных вопросов может быть лишь предположительным и основанием для этого могут быть только некоторые косвенные данные. Здесь прежде всего следует иметь в виду преждевременное зарощение венечного и стреловидного швов, на что было обращено внимание выше. Известно, что это обстоятельство нередко может быть причиной упорных головных болей и даже некоторого нарушения психики, что связано с повышенным внутричерепным давлением. Возможно, с целью декомпрессии и были сделаны отмеченные трепанационные отверстия.

Теоретически можно было бы представить, что имеющиеся на черепе отверстия были сделаны примитивным трепаном типа коловорота, однако известно, что такие трепаны начали широко применяться только в эпоху раннего железа, т. е. в то время, когда были известны более твердые сплавы металла, необходимые для изготовления фрезы (зубчатой головки). Кроме того, морфологические особенности позволяют думать, что в данном случае, очевидно, имел место более ранний и более трудоемкий способ трепанации при помощи кремневого или бронзового орудия.

Изучение краев имеющихся отверстий с помощью бинокулярной лупы (МБС-2) выявило выраженную полусферическую линейную штриховку. Отмеченное обстоятельство и воронкообразная форма отверстий свидетельствуют в пользу выполнения трепанаций путем многократного кругового выскабливания небольших слоев кости. Экспериментальная проверка на свежих костях свода черепа свиньи показала, что такие отверстия могут быть сделаны при помощи небольшого кремневого скребка (не более 3 *см* в диаметре), прочно вставленного в короткую деревянную рукоятку (не более 12 *см* длины). При этом, во избежание преждевре-

---

[5] Раскопки Северо-Крымской экспедиции 1978 г. под руководством В. Н. Корпусовой.

[6] *Корпусова В. Н., Бессонова С. С., Нечитайло А. Л. и др.* Отчет о работе Северо-Крымской новостроечной экспедиции за 1977 г.— Архив ИА АН УССР, ф. 1977/16.

[7] *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л., 1936, с. 297; *Окладникова Е. А.* Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979, с. 42—48.

менного повреждения внутренней пластинки черепа, свободная часть режущего инструмента не должна превышать 10—12 *мм*. Безусловно, можно было бы допустить, что подобного рода инструмент мог изготовляться из металла, но в катакомбное время такие изделия пока не были найдены.

При производстве сверлящих движений рукоятка прочно зажималась всей кистью с особым упором ладони на основание и большого пальца на переднюю ее поверхность (рис. 4), что значительно повышало силу режуще-вращательной функции.

Таким образом, исследование отмеченного случая трепанаций черепа позволяет сделать заключение о большой для того времени хирургической квалификации исполнителя, который не только в совершенстве владел бытовавшей в то время хирургической техникой, но и был, очевидно, знаком с некоторыми анатомическими данными, позволяющими при выборе локализации для производства отверстия избежать повреждения главнейших венозных пазух оболочек головного мозга. В частности, производство трепанационных отверстий в лобной области, несколько отступя от серединной плоскости, гарантировало целость верхней сагиттальной пазухи, расположенной именно в отмеченной плоскости. Все же хирурги того времени еще не имели достаточных знаний о разветвлениях многих других внутренних кровеносных сосудов, повреждение которых при отсутствии надежных методов остановки кровотечения могло быть нередкой причиной смерти оперированного. Неблагоприятный исход операции, очевидно, имел место и в данном случае. Слабо выраженная регенерация в области краев описанных трепанационных отверстий может указывать на то, что оперированный не жил более нескольких недель после производства операции. Скорее же всего смерть могла наступить в результате вторичного внутричерепного кровотечения или же воспаления мозговых оболочек. Подтверждением предположения о возможности кровотечения может быть то обстоятельство, что нижняя полуокружность внутреннего отверстия трепанации, локализирующейся возле правой височной ямки, соответствовала положению одной из передних ветвей средней артерии твердой оболочки головного мозга. В данном случае конечно имеется в виду, что в то время еще не был известен способ перевязки сосудов, как, очевидно, и другие методы остановки кровотечения.

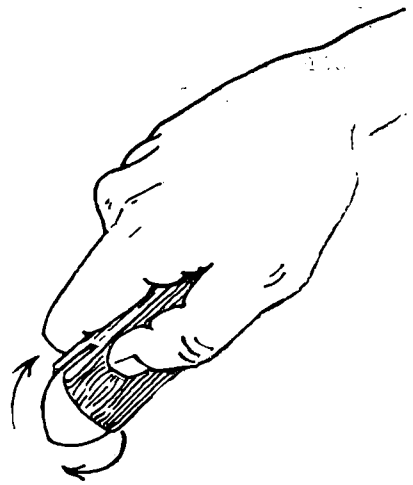


Рис. 4. Предположительная методика производства трепанационных отверстий путем кругового выскабливания вещества кости

Наблюдаемый случай древнего хирургического вмешательства на черепе представляет известный интерес в плане расширения представлений о культуре, а следовательно, и о социально-экономическом укладе общества отдельных племен катакомбного времени. В частности, представляется очевидным, что уровень медицинских и анатомических знаний в тот период хотя и не был еще достаточно высоким, но все же врачевание уже имело место в жизни отдельных племен.

В специальной литературе имеются указания на случаи хирургических операций типа простых трепанаций черепа в древние исторические периоды, причем наиболее ранние из них наблюдались еще в мезолите [8].

[8] *Боев Н.* К вопросу об исторических трепанациях.— Известия Института морфологии АН Болгарии. София, 1959, № 3, с. 197—231; *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк). М., 1966, с. 24, 25; *Де-*

Имеются также отдельные публикации о наличии хирургических трепанаций черепа, наряду с ритуальными, в неолите, в эпоху меди—бронзы [9] и другие исторические времена. Эти данные позволяют значительно расширить представления о древних истоках медицины, и в частности хирургии.

В заключение мы хотим подчеркнуть следующие моменты: 1) изучаемое погребение катакомбной культуры характеризуется многими своеобразными особенностями ритуала; 2) выяснение генезиса и смыслового значения этих особенностей погребального обряда в катакомбное время еще требует дополнительных специальных исследований на более широком материале; 3) исследование подтверждает некоторые современные литературные данные о существовании хирургических трепанаций в эпоху меди—бронзы; 4) методика производства трепанаций черепа в катакомбный период значительно отличалась от методики трепанаций, бытовавших в античное и более позднее время.

E. I. Danilova, V. N. Korpusova

CATACOMB BURIAL WITH TREPANED SCULL (CRIMEA)

Summary

The article is devoted to the investigation of the materials of a Catacomb Grave culture burial of the first half of the IInd millenium B. C. The studies of the funeral rite let the authors consider that it was a burial of a man with a specific ritual (covering of the face by an ochra-clay mask with the premeditated pressing in of the eyeball). Later the body which had not been fully macerated was reburied. The skeleton's extremeties were twisted with trusses of plant stems. The investigation of two holes on the skull drove the authors to conclusion about the special trepanation, made with the method obsolutely different from the one used in the antique and later time. The investigated materials give extra data on the peculiarities of the funeral rites of the population of the Catacomb Grave culture and on the origin of medical science, especially surgery.

румс Б. Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига, 1970, с. 46; *Гойхман В. А.* О трепанации черепа в эпоху мезолита.— Вопросы антропологии, № 23, 1966, с. 111—118.

[9] *Nekrasowa O., Floru E., Nicolasco-Plopsor D.* Contribution à l'étude de la practique de la trépanation chez les populations de la Roumanie.— Przeglad antropologiczny, № 35, 1959. *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М.— Л., 1965, с. 18; *его же.* Древность патологических процессов на ископаемых костях человека в СССР.— Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1967, т. 2, с. 510—514; *Ульрих Г., Вейкманн Ф.* Новые интересные находки, доказывающие, что трепанация в древности делалась с лечебной целью.— Там же, с. 515—520.

Х. И. КРИС

ПРЕДМЕТЫ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ИЗ ДЬЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ

Среди сравнительно небольшого числа зооморфных изображений, известных из раскопок городищ дьякова типа, предметов звериного стиля в собственном смысле этого слова до последнего времени известно было только два: это — зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища и роговой наконечник из Дьякова городища. Единичность находок, несмотря на обширные полевые исследования, проводившиеся в последние десятилетия, вероятно, не случайна и объясняется тем, что эта категория вещей не свойственна памятникам Волго-Окского междуречья.

Поводом для обращения к этой теме послужили две находки из раскопок городища Боршева-Московская в Раменском районе. Они происходят из слоя с очень четкой стратиграфией, где сохранилось несколько ярусов земляных платформ с очагами, разделенных прослойками тлена. В этом слое, насыщенном сетчатой керамикой, были и датирующие находки: бронзовая умбовидная скифская серьга — V—IV вв. до н. э., синие стеклянные бусы с белыми глазками IV в. до н. э., железный плоский топор-колун, подобный которому найден на Александровском городище IV в. до н. э., железный серповидный нож — характерная находка на лесостепных городищах скифского времени. К этому же времени относится большое число костяных одношипных наконечников стрел с листовидной и треугольно-асимметричной формой пера и ромбическим сечением. Синхронность датирующих находок позволяет довольно четко датировать слой и найденные в нем предметы звериного стиля.

Роговой предмет из Боршевы с изображением хищника (рис. 1, *1а*, *1б*; 2, *1*) определяется как футляр копья по аналогии с футлярами железных наконечников копий, найденных in situ в Блюменфельдском кургане А 12, на одном из которых имеется гравированное изображение волчьей головы с оскаленной пастью [1] (рис. 2, *2*). У футляров копий — сквозные отверстия, и это исключает предположение о том, что футляр из Боршевы мог применяться в качестве наконечника ножен. Известные в настоящее время наконечники ножен из скифских комплексов, как правило, не имеют сквозного отверстия, конец их скруглен [2].

Боршевской футляр благодаря объемной форме воспринимается как скульптура. В его основе — двухстороннее почти симметричное изображение, в котором сочетаются барельеф и гравировка. Грань или ребро, проходящее вдоль спины и головы, как бы объединяет два плоскостных изображения.

Форма предмета определяется его назначением в качестве футляра копья, сужающегося к острию и расширенного в основании, что пол-

---

[1] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вып. Д1-9. М., 1963, табл. 14, *5*; табл. 22, *7*.

[2] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1-4. М., 1964, табл. 19, *1—3*.

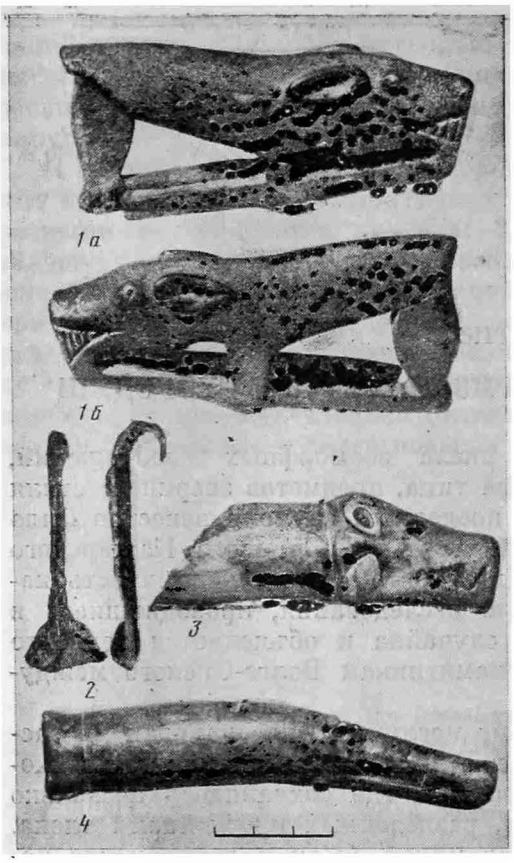


Рис. 1. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ: *1а*, *1б* — роговой футляр копья (Боршева); *2* — железный крючок (Боршева); *3* — рукоять ножа (Старшее Каширское городище); *4* — навершие из рога (городище Дьяково)

ностью согласуется с позой изображенной фигурки хищника. Голова вытянута вперед и образует одну линию с телом. Уши рельефные, заострены и прижаты к затылку. Глаза выделены овальными, слегка заостренными спереди бугорками, зрачок отмечен точкой. Рельефное изображение ушей и глаз сочетается с гравированным контуром оскаленной пасти. Зубы изображены крайне схематично: с одной стороны в виде параллельных прочерченных линий, с другой благодаря более четкой проработке можно рассмотреть верхний и нижний ряды зубов, заходящих друг за друга, образующих «волчий зуб». Конечности согнуты под прямым углом. Передние лапы сливаются с нижней челюстью.

Положение согнутых под прямым углом конечностей характерно для мотива «припавшего к земле», «скребущего» зверя, получившего довольно широкое распространение в савроматских памятниках. Этот мотив, как правило, связан с изображением хищника волчьей или кошачьей породы. Боршевской зверь имеет удлиненную вытянутую морду и гибкое, утоньшающееся к хвосту туловище. По определению зоологов [3], представители семейства псовых (canis), и в частности волк,— животные высоконогие, имеющие уши с острой вершиной. Голова у них большая, тяжелая, с сильной челюстью, с длинной, но не острой мордой и широким лбом. Все эти черты прослеживаются в изображении на боршевском футляре. Сильная челюсть, характерная для волка, выделена четким срезом под тупым углом и на правой стороне подчеркнута группой из трех точек. Орнаментация фигур зверей рядами выпуклых шишечек и точками, встречающаяся на предметах звериного стиля из Мастюгинских и Частых курганов, было заимствована мастерами Среднего Дона, вероятно, у савроматов [4]. Группа точек подчеркивает и круп, мускулатура бедра выражена за счет его расширения; ноги длинные и тонкие, согнутые под прямым углом, в позе готового к прыжку зверя не оставляют сомнений в том, что перед нами — изображение волка, один из популярных мотивов в савроматском изобразительном искусстве. У тагарских племен наблюдается связь определенного рода оружия с определенным зооморфным образом [5]. В этом отношении показательно повторение одного и того же сюжета — волк с оскаленной пастью — и на блюменфельдском футляре, и на футляре из Боршевы.

[3] Консультации по анатомии животных получены от палеозоолога, канд. биол. наук В. П. Данильченко.

[4] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 231.

[5] *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 119, 120.

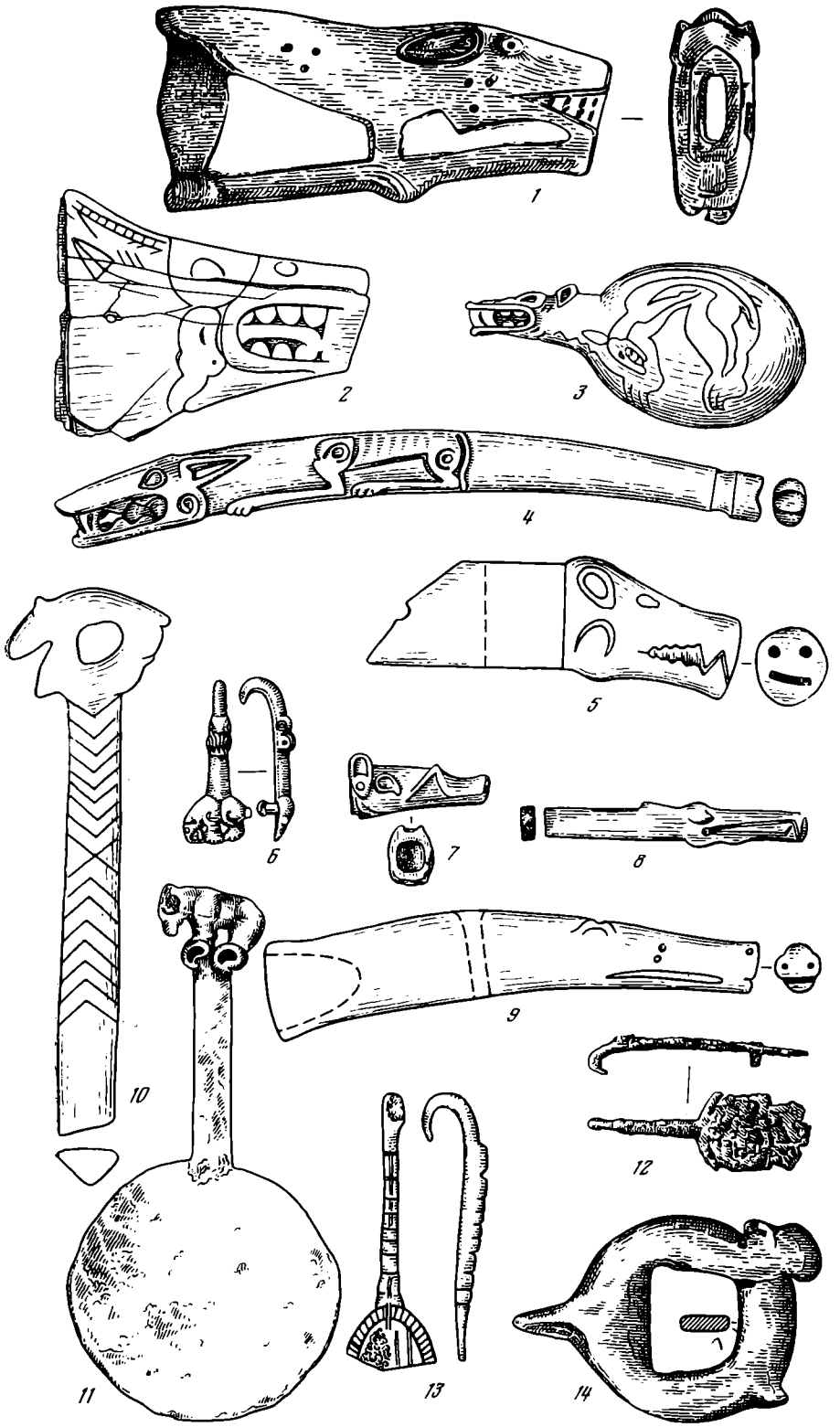


Рис. 2. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ и аналогии из савроматских памятников и курганов Среднего Дона *1*, *13* — Боршева; *2*, *7* — Блюменфельдский курган А 12; *3* — курган в урочище Биш-Оба; *4* — с. Абрамовка, курган «Черная гора»; *5* — Старшее Каширское городище; *6* — курганный могильник у с. Русская Тростянка; *8* — с. Клястицкое, курган 2; *9* — городище Дьяково; *10* — городище Круглица; *11* — район г. Майкопа; *12* — курганный могильник у с. Мастюгино, курган 2 (1906 г.); *14* — Троицкое городище

Мотив припавшего к земле зверя встречается и на концах гривен из скифских курганных комплексов: «Красного Перекопа», Чертомлыка, Апан-Сарчи, однако, несмотря на некоторое сходство позы, сюжеты на боршевском футляре и на гривнах различны; на них изображены пантеры или львицы. Даже те фигурки хищников из Гайматовой могилы у с. Капитоновка, которым свойственны некоторые черты волка, не имеют сходства с боршевским хищником; складки на носу бывают у хищников кошачьей породы, а плотно сжатая пасть, намеченная лишь врезаной линией, особенно резко отличает их от оскаленной пасти волка [6].

«Припавший к земле» хищник на роговом футляре из Боршевы по композиции и некоторым деталям наибольшее сходство обнаруживает с изображением волка на роговой рукоятке нагайки из савроматского комплекса VI в. до н. э., кургана «Черная гора» у с. Абрамовка на р. Урал [7]. Та же поза «припавшего к земле» зверя с согнутыми под прямым углом конечностями (рис. 2, *4*, мускулатура подчеркнута разными средствами: у волка из кургана у с. Абрамовка — завитками на лопатке, бедре и челюсти, у боршевского — группами точек и резким контуром линии челюсти), прижато к затылку заостренное ухо, резко утоньшается к хвосту туловище. Совершенно идентична контурная линия верхней части морды и слегка закругленная линия носа, переходящая в пасть. Отсутствует, как и на боршевском футляре, традиционная для савроматских изображений хищников с оскаленной пастью лента губ.

Различия проявились в трактовке пасти— наиболее выразительной детали в изображении хищника. В отличие от четко проработанных на абрамовской рукояти клыков, а также верхнего и нижнего ряда зубов оскаленная пасть боршевского волка изображена крайне схематично. Такая трактовка пасти и невыделенные лапы (за исключением задней правой, отмеченной прочерченными линиями) лишает боршевского хищника свирепости и динамики, столь характерных для абрамовского волка. Боршевская фигурка в отличие от волка на абрамовской рукоятки, изображенного в достаточной мере схематично, обладает некоторыми чертами реализма. Так, в реалистической манере проработаны спина и нижняя линия торса, плавно расширяющегося к грудной клетке. Конечности, при отсутствии проработки деталей, изображены не строго прямыми, а слегка изогнутыми плавными линиями. Уши, несмотря на заостренную форму, в основании скруглены, слезницы глаз едва заострены — все это придает пластичность изображению. Несмотря на некоторые стилистические различия, в изображениях и на роговой рукояти из Абрамовки, и на футляре из Боршевы воплощен единый образ хищника — волка, который был широко распространен в савроматских памятниках Поволжья и Приуралья. Отсутствие абсолютных аналогий предметам искусства, особенно если они выполнены не в металле, определяющем стандартизацию, а в кости или роге, вполне закономерно. Даже в савроматских комплексах, столь богатых предметами звериного стиля, нет двух одинаковых изображений на костяных и роговых предметах (например, клыки на блюменфельдском футляре). Футляры для наконечников копий встречены только в одном комплексе — в Блюменфельдском кургане А 12, что указывает на довольно редкое их применение (во всяком случае в погребальном обряде).

К. Ф. Смирнов, описывая сюжет «припавшего к земле» хищника, отмечает, что в зооморфном искусстве Скифии и Северного Кавказа нет близких аналогий фигуре зверя, изображенного на рукояти из Абрамовки, что к западу от савроматской территории похожие изображения из-

---

[6] *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д4-5. М., 1978, с. 45, табл. 32, *1а*, *2а*.

[7] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Ук. соч., табл. 22, *3*.

вестны только на некоторых вещах из курганов Среднего Дона, например на золотой обкладке акинака из Частых курганов [8].

Проникновение савроматских племен в районы Среднего Дона и в более северные лесостепные районы, засвидетельствованное в деталях погребального обряда, керамике и антропологическом материале, отразилось также в некоторых общих чертах звериного стиля. Савроматский звериный стиль оказал определенное влияние на искусство населения Северного Кавказа и особенно Среднего Дона. Большое родство искусства савроматов и Подонья прослеживается в сюжетах и особенностях трактовки ряда зооморфных образов [9].

Футляр из Боршевы по размерам вполне соответствует железным наконечникам копий из курганов Среднего Дона [10]. Видимо, он изготовлен был мастером Среднего Дона, и различия, отмеченные в изображении хищника на абрамовской рукояти и на боршевском футляре, объясняются их некоторой разновременностью. Рукоять происходит из савроматского комплекса VI—V вв. до н. э., а футляр — из слоя Боршевы IV—III вв. до н. э. Отсутствие в боршевском экземпляре динамизма, столь свойственного абрамовскому волку, видимо, объясняется особой манерой стилизации, присущей многим образцам искусства Среднего Дона в IV—III вв. до н. э. Большинство хищников теряет свой грозный, устрашающий вид, превращаясь в спокойных миролюбивых животных [11].

Боршевской футляр, как и другие предметы импорта из слоя Боршевы IV—III вв. до н. э., свидетельствуют о контактах населения дьяковских городищ с лесостепными культурами скифского времени и особенно с племенами Среднего Дона. Это подтверждается и второй находкой из Боршевы — железным зооморфным крючком (рис. 1, *2*; 2, *13*). Он состоит из уплощенного округлого щитка (частично обломан) и прямоугольного в сечении стержня, конец которого образует крючок. По типологической схеме, разработанной В. И. Гуляевым, он может быть отнесен к первой (Воронежской) группе, для которой характерно присутствие двух самостоятельных мотивов [12]. Однако такое определение боршевского экземпляра весьма условно, так как на частично обломаном щитке нет зооморфного изображения. Железный стержень расчленен одной продольной зарубкой, частично переходящей на щиток, и равномерно расположенными поперечными зарубками. Такое рифление стержня имеет место на костяном крючке из Прикамья [13] и на костяном крючке из курганной группы у с. Мастюгино [14]. На конце стержня боршевского крючка изображена головка хищной птицы с длинным изогнутым клювом, образующим застежку-крючок; глаз хищной птицы выделен рифлением предельно схематично. В сохранившейся округлой части щитка имеется обрамление в виде узкой заштрихованной ленты. На щитке едва различимы две слабо прочерченные линии, характер застежки установить невозможно, так как она, вероятно, находилась на обломанной части щитка. Судя по сохранившейся части щитка, изображения на нем не было, как и на крючке из Мастюгинского кургана, с округлым щитком, обрамленным валиком (рис. 2, *12*) [15]. Орнаментальный сюжет в виде заштрихованной ленты не чужд предметам звериного стиля Среднего Дона; он встречается не только на крючках, но и деталях уздечного набора [16].

[8] *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, вып. Д1-31. М., 1965, с. 73, табл. 17, *1*, *2*.

[9] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 243, 262, 263.

[10] *Либеров П. Д.* Ук. соч., табл. 18, *2—4*, *9*.

[11] *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 100.

[12] *Гуляев В. И.* Зооморфные крючки скифского периода.— МИА, № 151, 1969, с. 110.

[13] Там же, с. 123, рис. 15.

[14] *Либеров П. Д.* Памятники..., 103, табл. 32, *12*.

[15] Там же, с. 103, табл. 32, *5*.

[16] Там же, с. 83, табл. 22, *7*.

Железные крючки без зооморфных изображений на раскованной части стержня, образующей щиток, обрамленный заштрихованной лентой или валиком, вероятно, следует выделить как вариант первой группы по классификации В. И. Гуляева.

Две новые публикуемые находки из раскопок Боршевского городища — роговой футляр наконечника копья и железный крючок — представляют интерес не только как новые оригинальные предметы звериного стиля. Нехарактерные для памятников лесной полосы, они наряду с другими импортными изделиями важны для изучения культурных и торговых связей племен дьяковской культуры.

Хорошо известный образец звериного стиля, неоднократно опубликованный, происходит со Старшего Каширского городища. Это роговая зооморфная рукоять ножа, которую В. А. Городцов определил как голову хищного зверя, «моделированную схематично, но в общем недурно», предположив изображение медведя[17] (рис. 1, *3*; 2, *5*). Зооморфное изображение на рукояти ножа со Старшего Каширского городища, несмотря на его объемность, не является скульптурой в полном понимании. Это двойной барельеф, в котором сочетаются различные приемы: рельеф, графика и инкрустация. Объединены два барельефа, из-за чего профильные изображения совершенно не соответствуют виду в фас, выполненному в иной манере. На профильном изображении — голова хищника с оскаленной пастью, ухо прижато, челюсть выделена рельефом. Раскрытая пасть изображена рельефно, оконтурена верхним и нижним рядом заостренных зубов, по четыре зуба треугольной формы на каждой челюсти, заходящие друг за друга, образуют «волчий зуб». Графически изображены в передней части челюсти по два длинных клыка, заходящих друг за друга. Выразительно моделированная пасть хищника в профиль не сочетается с видом в фас, где линия рта отмечена горизонтальной прямой черточкой и вместе с двумя точками над ней, обозначающими ноздри, составляет чуждую для всего изображения трактовку пасти хищника (рис. 2, *5*). Своеобразно изображение глаз с острой слезницей, инкрустированных железными гвоздиками. Аналогию этому приему мы находим в савроматском погр. 5 на Бузулуке (кург. 1), где найден был колчанный крючок со схематическим изображением головы хищной птицы, клюв, глаза и шея которой отмечены инкрустацией тонкой бронзовой проволокой[18].

Тип крючка характерен не только для савроматов Приуралья, но и для населения Среднего Дона. Следует также вспомнить, что на Среднем Дону в скифское время распространен был способ крепления металлических оковок с деревянной основой железными гвоздиками. В отличие от широко распространенных на дьяковских городищах роговых рукоятей ножей или кинжалов, которые имеют втульчатый способ крепления, на рукояти со Старшего Каширского городища — сквозной продольный паз для крепления черешковой части ножа заклепками, на линии облома рукояти сохранилась часть отверстия для крепления. На памятниках дьяковской культуры такая форма ножей не встречена, как и в памятниках ананьинской культуры. Железные ножи с подобной формой крепления являются довольно частой находкой в курганах Среднего Дона у с. Мастюгина, у с. Русская Тростянка, в Частых курганах[19].

---

[17] *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище.— ИГАИМК, вып. 85, 1934, с. 30, табл. VIII, *6*. В настоящее время рукоять находится в экспозиции ГИМа и не может быть взята для анализа. В публикации В. А. Городцова имеется единственное левое профильное изображение (в рисунке). В статье В. И. Гуляева — фото правого профильного изображения, в статье И. Г. Розенфельдт — рисунок правого профильного изображения и в фас. Поэтому мы вынуждены ограничиться существующими публикациями и фотографией натуры в экспозиции — в правом профильном изображении.

[18] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Ук. соч., с. 29, табл. 15, *1*.

[19] *Либеров П. Д.* Ук. соч., с. 71, табл. 16, *4—6*.

Наиболее близкие аналогии рукояти со Старшего Каширского городища мы находим в савроматских памятниках: костяная ручка ножа из Блюменфельдского кургана с подобным способом крепления завершалась головкой хищника [20]. В толковании этого предмета как источника для выявления связей дьяковских племен высказаны были и другие мнения. Так, А. П. Смирнов, сравнивая изображение на рукояти со Старшего Каширского городища с головкой зверя на костяной рукояти ножа с Западного Бельского городища, отнес ее к предметам, связанным со скифским звериным стилем, и в этом усматривал южные связи дьяковских племен [21]. Вполне аргументированные возражения были высказаны В. И. Гуляевым. Отмечая сходство в трактовке пасти хищника со Старшего Каширского городища, с одной стороны, с предметами звериного стиля из Прикамья (головы хищников на ананьинских секирах), а с другой — с материалами савроматских древностей, В. И. Гуляев рассматривает рукоять со Старшего Каширского городища как источник, указывающий направление культурных связей дьяковских племен с Прикамьем и Приуральем [22]. Сомнения, однако, вызывает аргументация связей дьяковских племен с Прикамьем в савроматскую эпоху на основании приведенных аналогий рукояти со Старшего Каширского городища и предметов прикамского звериного стиля.

Локальные варианты в скифо-сарматском искусстве создают большие возможности для сопоставлений и изучения межплеменных контактов. Однако до настоящего времени прикамский звериный стиль — достаточно загадочная область. Испытав на себе воздействие и западносибирских племен, и савроматской, и скифской культур, он, видимо, был порождением этих сложных культурных взаимовлияний. Сочетая в себе черты и савроматского, и западносибирского, и северокавказского звериного стиля, предметы звериного стиля из Прикамья не могут быть надежным источником для определения связей дьяковских племен с Прикамьем. Об этом могли бы сказать, например, изделия из ананьинского металла — оружие и украшения, специфичные для Прикамья, которые, однако, до последнего времени не были встречены на дьяковских городищах [23].

Несмотря на то что рукоять со Старшего Каширского городища не может служить подтверждением контактов племен дьяковской культуры с Прикамьем, мы далеки от мысли, отрицающей вообще связь племен ананьинской культуры с населением дьяковских городищ. Наоборот, ананьинское самобытное искусство, проявившееся в зооморфной пластике и графике на камне и кости, находит прямые аналогии в памятниках дьяковской культуры и свидетельствует о контактах и близости мировоззрения этих племен. Однако это особая область, которая должна быть предметом специального исследования.

Возвращаясь к вопросу о трактовке зооморфного изображения на рукояти ножа со Старшего Каширского городища, следует отметить, что в публикациях оно упоминается как голова медведя. В пользу такого определения может говорить лишь округлая форма уха. Форма пасти и строение зубов не характерны для медведя (у медведя они тупобугорчатые). Медведю также свойственна более массивная нижняя челюсть, чем изображенная на рукояти ножа; все это, как и острые слезницы глаз, позволяет с неменьшей долей вероятности видеть в этом изображении волка. Даже в классических образцах звериного стиля из савроматских комплексов (например, костяная ложечка из Биш-Обы (рис. 2, *3*), на которой изображен медведь) образ хищника обобщен, пасть трак-

[20] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 235, табл. 78, *9*.

[21] *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, № 28, 1952, с. 54.

[22] *Гуляев В. И.* Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища.— КСИА АН СССР, № 94, 1963, с. 101—103.

[23] *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, № 30, 1952, с. 187, рис. 16.

тована в той же манере, что и пасть волка на абрамовской рукояти [24]. В савроматский мир аналогий уводит нас еще одна находка — костяная рукоять с зооморфным изображением на конце из Дьякова (рис. 1, *4*; 2, *9*). Широкий конец рукояти оформлен в виде неглубокой втулки, в средней части имеется сквозное отверстие, что сближает ее с рукоятью из Абрамовки. Навершие рукояти из Дьякова представляет собой двустороннее симметричное изображение головы животного. Над сквозной щелевидной пастью без обозначенных зубов с каждой стороны имеются по две расположенных одна над другой точки, с трактовкой которых как обозначением глаз трудно согласиться [25]. Глаза не изображены, полукруглые ажурные дуги, названные в публикациях ушами, в которые, по описанию В. И. Сизова, были продеты бронзовые колечки [26], ныне утраченные. На конце пасти со слегка вздернутым краем обозначены ноздри — по одной точке с каждой стороны.

Профильное изображение головы животного на рукояти из Дьякова, так же как на навершии рукояти ножа со Старшего Каширского городища, совершенно не соответствует виду в фас. Отсутствие связи между видом в профиль и в фас, где переданы точками ноздри и горизонтальной черточкой под ними — пасть, особенно явно выражено в рукояти из Дьякова, об этом можно судить по повторному изображению ноздрей и несоответствию вида пасти в профиль и в фас.

Изображение настолько схематично, что определение видовой принадлежности животного невозможно. Костяная ручка с изображением головки кабана из Блюменфельдского кургана [27], полая внутри (рис. 2, *7*), отдаленно напоминает головку на рукояти из Дьякова и, видимо, аналогична ей по назначению. По условности образа и некоторым деталям рукоять из Дьякова можно сравнить с костяной ручкой с головой хищника из савроматского комплекса (Клястяцкое, курган 2) [28]: такая же вытянутая пасть, едва вздернутая, слабее выражен глаз (рис. 2, *8*).

Бронзовые колечки, упоминаемые В. И. Сизовым, в ажурных дужках рукояти из Дьякова — скорее всего следы инкрустации, как на колчанном крючке из савроматского кургана на Бузулуке. Такую же роль выполняли железные гвоздики на головке хищника со старшекаширской рукояти.

Предметы звериного стиля из дьяковских городищ, представленные единичными экземплярами, составляют тем не менее компактную в хронологическом отношении группу.

Роговой футляр копья из Боршевы, навершие рукояти ножа со Старшего Каширского городища и роговая рукоять из Дьякова едины и в стилистическом отношении. Это проявилось не только в трактовке и способах изображения, сочетании рельефа и гравировки, характерном для савроматского звериного стиля. Несмотря на объемную форму, их нельзя считать скульптурными изображениями. Они представляют собой двусторонний симметричный барельеф или плоскостной рельеф.

Если оставались какие-то сомнения в том, что предметы звериного стиля в дьяковских городищах являются предметом импорта, они могут быть рассеяны находкой с дьяковского городища Круглица (рис. 2, *10*). Это костяной стержень с елочным орнаментом, характерным для многих дьяковских изделий из кости, навершие стержня представляет собой зооморфное изображение [29]. В контуре угадывается стоящая фигурка

[24] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Ук. соч., табл. 22, *4*.

[25] *Розенфельдт И. Г.* Итоги раскопок Щербинского городища.— КСИА АН СССР, № 112, 1967, с. 95.

[26] *Сизов В. И.* Дьяково городище близ Москвы.— Тр. IX АС, т. II. М., 1897, с. 257.

[27] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Ук. соч., табл. 22, *9*.

[28] Там же, табл. 22, *17*.

[29] Опубликовано Е. И. Горюновой. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94, 1963, рис. 60, *1*; *Розенфельдт И. Г.* Ук. соч., с. 94, рис. 31, *4*.

медведя со сгорбленной спиной и слегка опущенной вниз мордой. Точками отмечены глаза, выделены небольшие уши, короткий хвост и массивные лапы. Изображение профильное двустороннее, плоскостное. Примитивность трактовки и отсутствие рельефа, в котором выполнены предметы звериного стиля, не оставляет сомнений в том, что это явления разного порядка. Несмотря на то что уровень обработки кости и рога в памятниках дьяковской культуры был очень высок (об этом говорят многочисленные находки: наконечники стрел и гарпунов, рукояти ножей или кинжалов), фигурка медведя на стержне из Круглицы выполнена в очень условной манере и довольно небрежно. Ручку бронзового зеркала, найденного в районе г. Майкопа, завершает фигурка стоящего медведя (рис. 2, *11*), подобно фигурке на стержне из Круглицы [30]. Однако голова медведя на майкопском зеркале опущена вниз перпендикулярно торсу; пасть, глаз и ухо находятся на одной прямой, что характерно для предметов савроматского звериного стиля VI в. до н. э.

Поза медведя из Круглицы больше напоминает фигурки медведей на зооморфных крючках из Частых курганов (кург. 11) и кург. 1 у с. Русская Тростянка (рис. 2, *6*), у которых морда хотя и опущена до уровня лап, но, как и на фигурке из Круглицы, образует со спиной плавную округлую линию. Среднедонские образцы, вероятно, послужили прототипом для медведя из Круглицы. При этом утрачен основной смысл оригинала, где изображен хищник с открытой пастью и подчеркнуто большими когтями [31]. Такое воспроизведение фигуры хищника на стержне лишний раз убеждает в том, что звериный стиль был чужд мастеру из Круглицы.

Описывая пряжки из кости и рога с Троицкого городища с неподвижным язычком, А. Ф. Дубынин выделяет из этой группы находок пряжку округлой формы, сохранившую черты звериного стиля (рис. 2, *14*). К сожалению, в публикации она помещена вниз головой [32]. Округлый контур пряжки соответствует позе свернувшегося в кольцо зверя, однако в отличие от классических образцов, где морда почти касается конца хвоста, а подогнутые лапы находятся в центре, на троицкой пряжке хвост выполняет роль неподвижного язычка, а слабо выступающий бугорок, возможно, изображает лапу. Наиболее выразительно, хотя и очень схематично, изображены округлая морда и небольшое ухо, форма которых скорее всего напоминает хищника кошачьей породы — барса или пантеру — мотив, не известный в зооморфном искусстве племен лесной полосы. Как и фигура медведя на стержне из Круглицы, не понятая мастером, изготовившим ее, так и кошачий хищник на троицкой пряжке лишен своей специфики, динамизма. Чужой для понимания образ местный мастер не сумел воспроизвести, в подражании с трудом угадывается оригинал, которым могла быть бронзовая бляха от уздечного набора из Частых курганов [33] или аналогичные изображения свернувшихся в кольцо барсов — мотив, широко распространенный в зверином стиле всей Евразии.

Местные подражания звериному стилю, где утрачены образы и идеи этого своеобразного искусства, подтверждают отсутствие органической связи искусства племен лесной полосы и звериного стиля, характерного для кочевых и полукочевых народов Евразии в скифскую эпоху. Оставаясь чужеродными элементами в культуре племен лесной полосы, предметы звериного стиля представляют большой интерес для изучения межплеменных связей дьяковских племен со скифо-сарматским миром.

Аналогии предметам звериного стиля из дьяковских городищ каждый раз мы находим в памятниках Среднего Дона и в материальной культуре

---

[30] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 372, рис. 81, *4*.
[31] *Либеров П. Д.* Ук. соч., с. 103, табл. 22, *13*, *14*.
[32] *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище.— МИА, № 156, 1970, с. 56, табл. 5, *4*.
[33] *Либеров П. Д.* Ук. соч., с. 83, табл. 22, *8*.

савроматских племен, оказавших большое влияние на население Среднего Дона. Синхронность дьяковских городищ, из которых происходят предметы звериного стиля, и территориальная близость их с памятниками Среднего Дона скифского времени говорят о вероятности таких контактов, а хорошо датированный слой городища Боршевы уточняет время наиболее активных связей племен дьяковской культуры с населением лесостепи и Среднего Дона в V и IV—III вв. до н. э. В основе этих взаимоотношений, вероятно, был вывоз пушнины из лесных районов в обмен на изделия из металла. Примером этому может служить находка клада железных наконечников стрел в нижней части культурного слоя Троицкого городища, характерных для памятников Среднего Дона IV—III вв. до н. э.[34], и железной пряжки со спирально загнутыми концами, подобные которой дважды встречены при раскопках Частых курганов (в курганах I и II) [35].

Анализ одной из категорий находок Троицкого городища — костяных и железных наконечников стрел — позволил выделить наиболее ранний комплекс, в который входили не только железные наконечники стрел, импортированные со Среднего Дона, но и большое число костяных наконечников стрел, подражающих бронзовым образцам из скифских и савроматских комплексов V—III вв. до н. э.[36] Эти находки наряду с датированными импортными изделиями из четко стратифицированного слоя Боршевского городища V—III вв. до н. э. указывают на то, что в этот период основное направление культурных и торговых связей племен дьяковской культуры можно связывать с лесостепью и скифообразной культурой Среднего Дона, в чем убеждают и предметы звериного стиля из дьяковских городищ.

Резкая переориентация культурных связей после IV—III в. до н. э. хорошо прослеживается в появлении новых типов костяных наконечников стрел в слое Троицкого городища, перекрывающем наиболее ранний: на смену стрелам укороченных пропорций, характерным для большинства ранних городищ дьякова типа (Старшего Каширского, Щербинского, Боршевы), приходят наконечники стрел удлиненных пропорций, широко распространенные в лесной полосе, в частности у племен ананьинской культуры. Эта переориентация, вероятно, произошла в период расселения сарматских племен со своей первоначальной родины на запад в приазовские степи, когда прекращают существование городища Курского Посеймья и Среднего Дона.

Kh. I. Kris

THE ANYMAL STYLE OBJECTS FROM THE FORTIFIED SETTLEMENTS OF DYAKOVO CULTURE

Summary

The anymal style objects, though not numerous, form stylistically and chronologically compact group of finds from the fortified settlements of Dyakovo culture. These finds differ from zoomorphous sculpture. They are made as double symmetrical basrelief, or flat relief in combination with engraving and incrustation. The closest analogies to these artifacts by their function and artistic peculiarities can be found on the Middle Don in the Scythian time. They are also present in the material of the Sauromathian culture, strongly influenced the Middle Don in this period. The anymal style objects from the Dyakovo fortified settlements together with other imported things indicate rather intensive connections of the Dyakovo tribes and the population of the forest-steppe zone and the Middle Don in the IVth — IIId centuries B. C. The change of orientation of cultural links of the Dyakovo tribes is connected with the movement of the Sarmathians to the west, when the fortified settlements on the Seym river in the Kursk region and on the Middle Don perished.

[34] *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище, рис. 29.

[35] Там же, табл. 16, *6*.

[36] *Крис Х. И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища.— МИА, № 156, 1970, с. 145—169, табл. 10.

В. Д. ГОПАК, Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПОЧЕПСКОГО СЕЛИЩА

Среди различных аспектов хозяйственной деятельности носителей зарубинецкой культуры важное место принадлежит кузнечному ремеслу.

Однако, несмотря на то что в отечественной археологической науке в последние годы появился ряд исследований, посвященных этой проблеме [1], уровень развития кузнечного дела у зарубинецких племен изучен пока совершенно недостаточно.

Одним из немногочисленных памятников зарубинецкой культуры, на которых железные изделия представлены сравнительно широко, является позднезарубинецкое селище у г. Почеп Брянской обл., датируемое I—III вв. н. э. Материалы раскопок селища публиковались неоднократно [2].

Нами отобраны и подвергнуты металлографическим исследованиям 62 предмета, т. е. практически почти все найденные на селище железные изделия, интересные в функциональном и технологическом отношениях. Это орудия труда, предметы вооружения, изделия бытового назначения (рис. 1 и 2).

Наиболее массовой группой железных находок на селище являются ножи. Исследовано 11 целых экз., 3 обломка лезвий, 2 черенка и одна заготовка ножа.

Типологически исследованные ножи принадлежат трем группам. Наибольшую в количественном отношении группу составляют «ножи с горбатой спинкой», широко известные на большинстве памятников зарубинецкой культуры [3]. Всего исследовано 6 полностью сохранившихся и один фрагмент лезвия ножа этой группы.

Длина ножей с горбатой спинкой колеблется в пределах 100—130 *мм*, максимальная ширина лезвия 13—17 *мм*, вес 9—17 *г*. У некоторых экземпляров на черенках сохранились следы деревянной рукоятки.

Исследованные ножи с горбатой спинкой обладают массивным, слегка суживающимся к концу черенком, верхняя грань которого является продолжением дуги спинки. Переход нижней грани черенка в кромку лезвия чаще всего выполнен в виде плавного уступа. Иногда слабый уступ при переходе к черенку имеется и у спинки. Лезвие, как правило, остроконечное. Режущая кромка слабо закругляется по направлению к точке острия (рис. 1, *859—864*, *871*).

[1] *Вознесенская Г. А.* Металлообрабатывающее производство у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1971; *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972, с. 78—80; *Гопак В. Д., Хавлюк П. І.* Технологія обробки заліза у зарубинецьких племен Південного Побужжя.— Археолгія, № 6, 1972, с. 90—96; *Пачкова С. П.* Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974, с. 85—98.

[2] *Заверняев Ф. М.* Селища бассейна р. Судость.— СА, 1960, № 3, с. 183—185; *его же.* Почепское селище первых веков нашей эры.— СА, 1960, № 4, с. 179—185; *его же.* Почепское селище.— МИА, № 160, 1969, с. 88—118.

[3] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, вып. Д1-19. М., 1964, с. 41; *Максимов Е. В.* Ук. соч., с. 79.

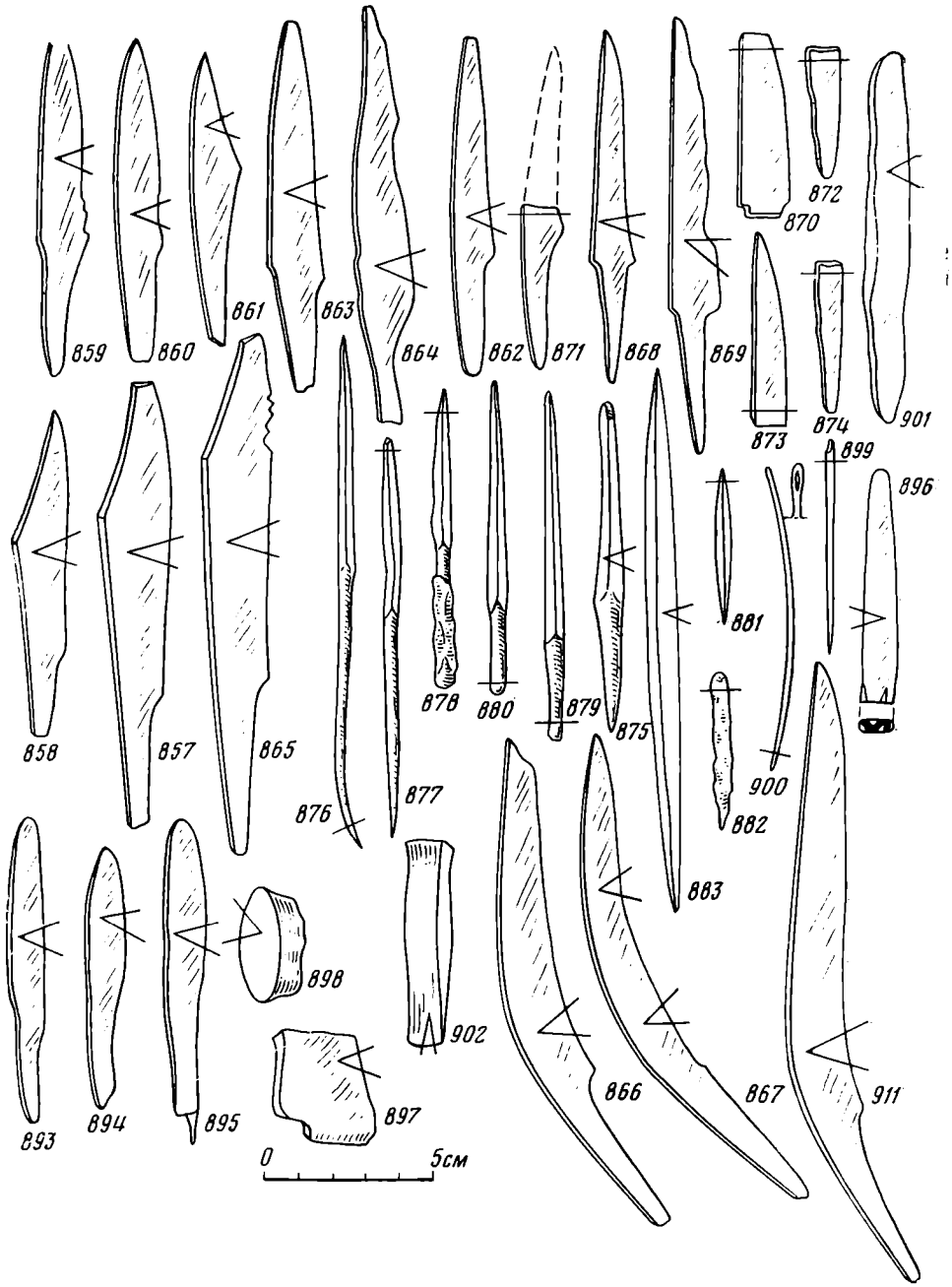


Рис. 1. Исследованные изделия. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов

Пять ножей данной группы были изготовлены из грубого кричного железа повышенной твердости (рис. 3, *859—861*, *863*, *864*). Микроструктура лезвий — крупнозернистый феррит со слабо травящимися границами зерен, местами участки с небольшим содержанием перлита (рис. 4, *1*).

Кроме того, один нож был откован из односторонне науглероженной железной заготовки без термической обработки (рис. 3, *862*) и еще один — из заготовки, полученной сваркой нескольких железных пластин меньшего размера (рис. 3, *871*).

Вторая группа представлена ножами с прямой спинкой, клинообразно суживающимся к острию лезвием и узким черенком, отделенным от лезвия резкими уступами. Ножи этого типа иногда встречаются и на других

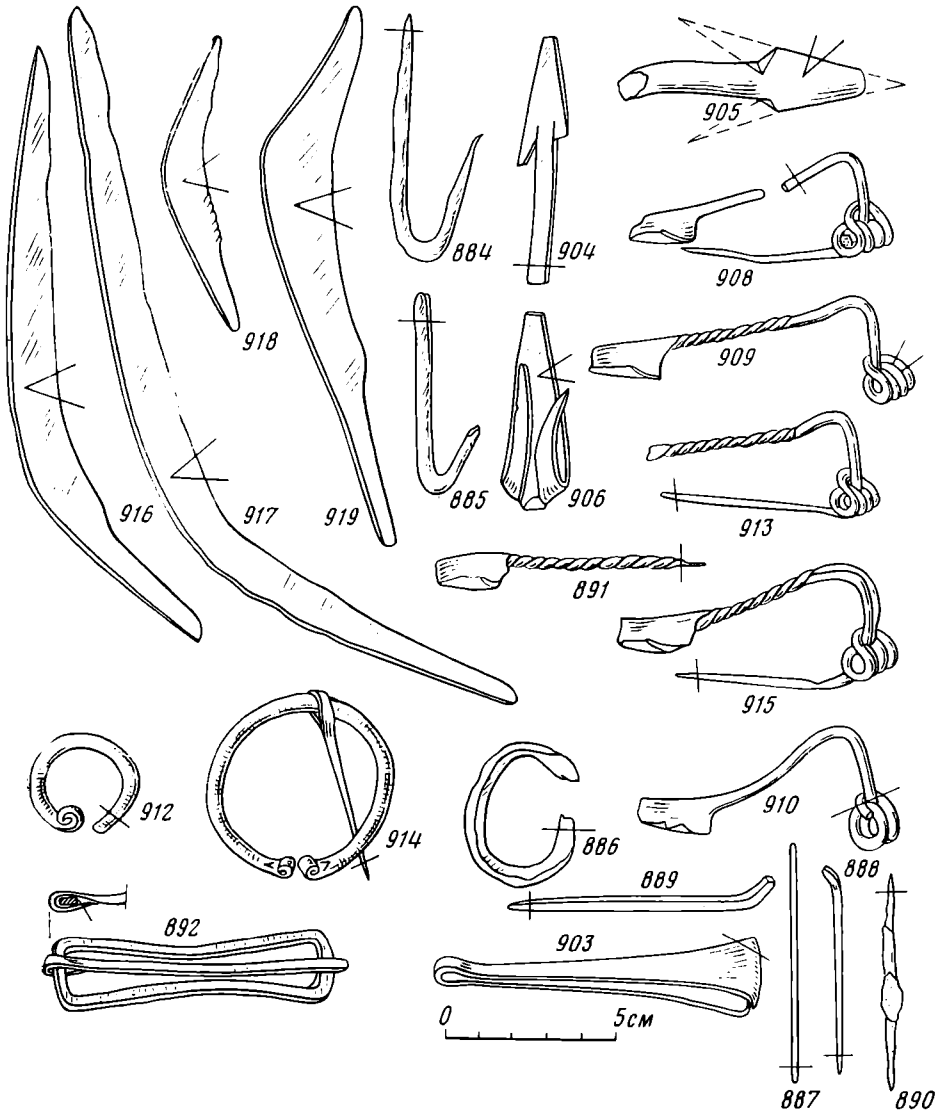


Рис. 2. Исследованные изделия. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов

зарубинецких памятниках, например в Чаплине [4]. Нами исследовано два целых экземпляра и два обломка лезвий клиновидных ножей.

Длина полностью сохранившихся изделий 106 и 132 *мм*, максимальная ширина лезвия 15 и 17 *мм*, вес 8,4 и 15,8 *г* (рис. 1, *868*, *869*).

С одной стороны поперечного сечения цельножелезного лезвия меньшего ножа сохранился участок науглероживания, имеющий структуру термообработанной стали (рис. 3, *868*). Микротвердость термообработанной зоны 464—514 *кг/мм*^{2}.

Второй, более крупный нож целиком изготовлен из железа (рис. 3, *869*). Микроструктура — феррит смешанной зернистости (балл зерна 5—8), слабые следы перлита. Микротвердость в пределах 160—221 *кг/мм*^{2}.

Оба обломка лезвий (рис. 1, *870*, *873*) также цельножелезные (рис. 3, *870*, *873*). Микроструктура — феррит, в одном случае следы перлита. Микротвердость местами высокая (до 274—297 *кг/мм*^{2}).

Исследованные черенки ножей (рис. 1, *872*, *874*) и заготовка ножа (?), представляющая собой прямоугольный в сечении брусок с оттянутым

[4] *Третьяков П. Н.* Чаплинское городище.— МИА, № 70, 1959, с. 139, рис. 12, *9*.

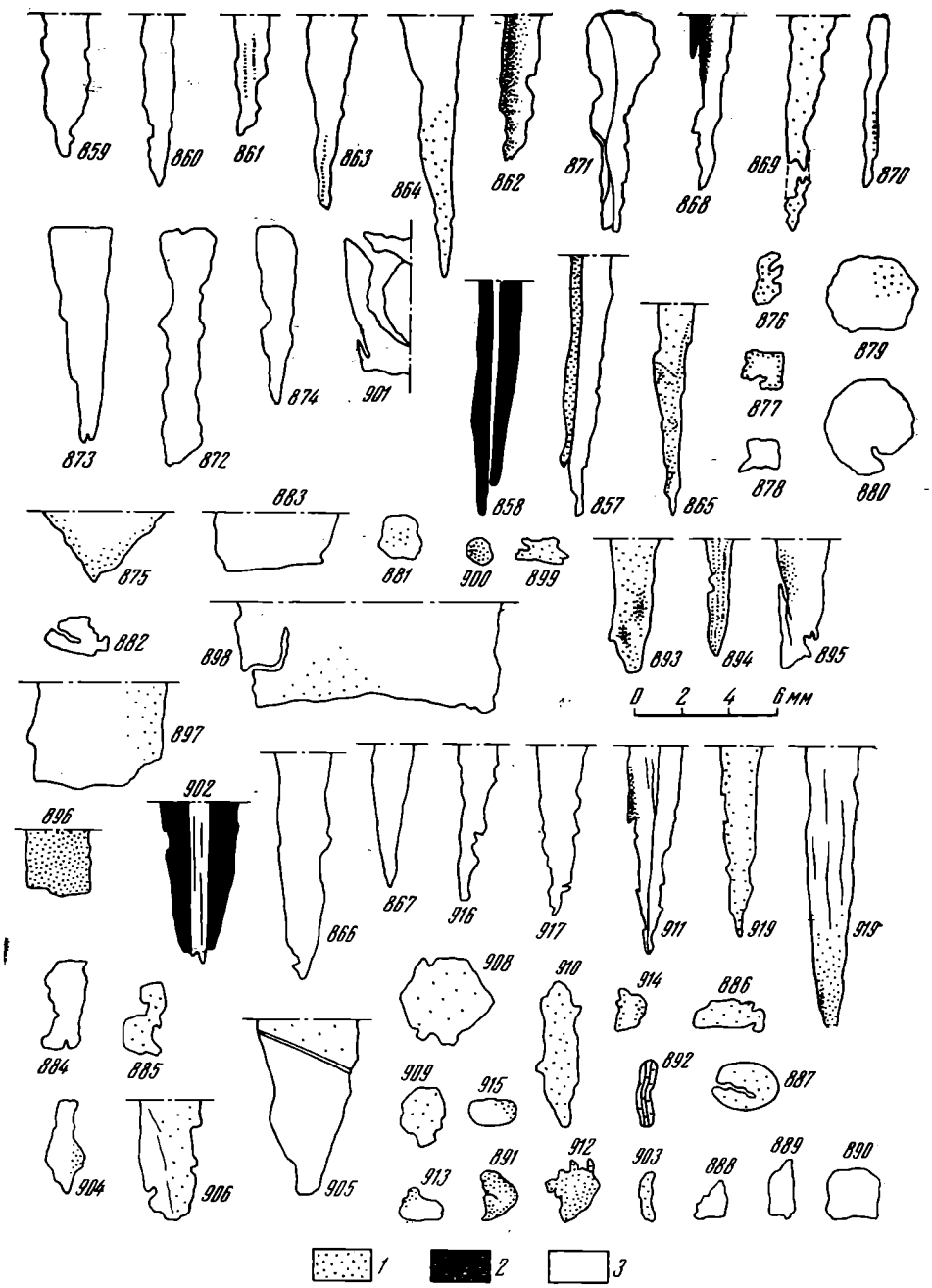


Рис. 3. Технологические схемы изделий. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *1* — сталь без термической обработки; *2* — сталь термически обработанная; *3* — железо

черенком (рис. 1, *901*), оказались изготовленными из грубого кричного железа повышенной твердости (рис. 3, *872*, *874*, *901*).

Наиболее интересна третья группа, представленная тремя экземплярами. Ножи этой группы обладают широким, расширяющимся к острию лезвием и массивным черенком. При этом верхняя грань черенка является продолжением спинки лезвия.

Несмотря на различные размеры и технологические схемы изготовления, конструктивно все три ножа однотипны (рис. 1, *858*, *857*, *865*). Их длина колеблется в пределах 99—159 *мм*, максимальная ширина лезвия 17—21 *мм*, вес 11,2 — 27 *г*.

Ножи данной конструкции на зарубинецких памятниках почти не встречаются, но достаточно широко распространены на объектах дьяковской культуры [5].

Один нож третьей группы изготовлен в технике сварки двух стальных боковых и узкой железной центральной полосы (рис. 3, *858*). Лезвие ножа закалено, затем, возможно, отпущено. Микроструктура боковых зон — троостит (отпуска?). Микротвердость — 464 *кг/мм*^{2}. Микроструктура центральной полосы — феррит, микротвердость высокая — 274 *кг/мм*^{2} (рис. 4, *2*).

Лезвие второго ножа сварено из малоуглеродистой (с содержанием углерода до 0,2—0,3%) стальной и железной пластин (рис. 3, *857*). Следов термической обработки нет. Интересно отметить, что микротвердость железной полосы, имеющей структуру крупнозернистого феррита со слабо травящимися границами зерен (274 *кг/мм*^{2}), значительно выше, чем у стальной пластины (181 *кг/мм*^{2}), обладающей феррито-перлитной микроструктурой.

Третий, наиболее крупный нож изготовлен из малоуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода без следов термической обработки.

Микроструктура лезвия — феррит и перлит, содержание углерода по зонам колеблется от 0,3% до следов. Микротвердость 236 *кг/мм*^{2}.

Все три технологические схемы ножей данной группы известны как на дьяковских [6], так и на зарубинецких изделиях других регионов [7].

Кроме ножей в находках широко представлены шилья, которых исследовано 9 экз. Типологически они представлены тремя группами.

Наиболее многочисленны крупные шилья с тонким и длинным, круглым в сечении острием и четырехгранным черенком. К ним относятся два полностью сохранившихся и три фрагментированных экземпляра (рис. 1, *876—880*). Длина шильев этой группы 120—154 *мм*, максимальный диаметр острия — около 4 *мм*, вес 8—9 *г*. На черенках двух экземпляров сохранились остатки деревянной рукоятки.

Вторая группа представлена шилом с коротким, массивным, круглым в сечении стержнем и четырехгранным черенком. Длина шила 99 *мм*, максимальный диаметр стержня 5 *мм*, вес 9,8 *г* (рис. 1, *875*).

Последняя группа представлена двумя экземплярами, имеющими форму заостренных к концам и квадратных в сечении стержней. Одно шило массивное, длиной 171 *мм*, с максимальным сечением стержня 6,4×6,6 *мм* и весом 23 *г* (рис. 1, *883*). Второе — миниатюрное, длиной 50 *мм*, максимальным поперечным сечением 3,4×3,1 *мм* и весом 1,9 *г* (рис. 1, *881*). К шильям относится, очевидно, и сильно корродированный обломок круглого стержня (рис. 1, *882*).

Все шилья были изготовлены из грубого кричного железа. Микроструктура — феррит со слабо травящимися границами зерен, иногда мелкозернистый феррит и следы перлита (рис. 3, *875—883*; рис. 4, *3*). Средняя микротвердость в пределах 236—297 *кг/мм*^{2}, лишь в одном случае (рис. 3, *882*) не превышает 193 *кг/мм*^{2}.

Кроме шильев исследовано две иглы. Полностью сохранившаяся игла в сечении круглая. В верхней, несколько уплощенной части прошито узкое продолговатое ушко. Длина иглы — 95 *мм*, диаметр — 2,3 *мм*, вес — около 2 *г* (рис. 1, *900*). Она была изготовлена из малоуглеродистой стали без термической обработки (рис. 3, *900*). Микроструктура металла — фер-

---

[5] *Смирнов К. А.* Дьяковская культура.— В сб.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 81, табл. II, *20*; *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.— Там же, с. 262, табл. VIII, *13—17*.

[6] *Хомутова Л. С.* Металлообработка на поселениях дьяковской культуры.— СА, 1978, № 2, с. 64, рис. 1, Т-102, С-68, рис. 4, *524*.

[7] *Гопак В. Д., Хавлюк П. І.* Ук. соч., с. 93, рис. 2.

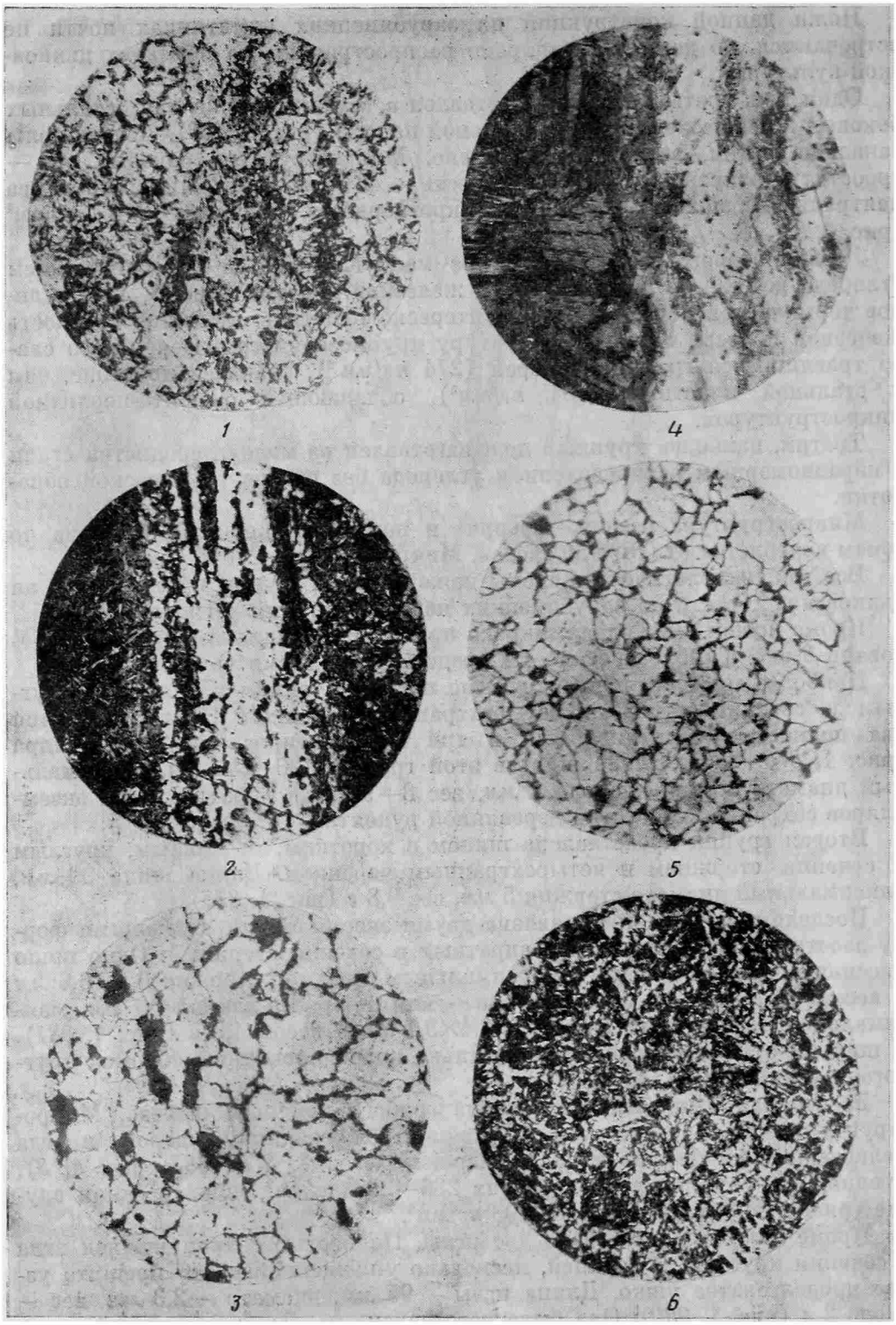


Рис. 4. Фотографии микроструктур. *1* — нож, ан. 864. Феррит, следы перлита, ×300; *2* — нож, ан. 858. Трехслойное лезвие, троостит, феррит, ×300; *3* — шило, ан. 875. Феррит, шлаки, ×300; *4* — зубильце, ан. 902. Зона сварки. Крупноигольчатый мартенсит, феррит с включениями малоуглеродистого мартенсита, ×100; *5* — наконечник стрелы, ан. 906. Феррит, ×300; *6* — пряжка, ан. 912. Феррит, перлит, ×300

рит и перлит, содержание углерода колеблется в пределах 0,1—0,3%. Микротвердость высокая — 254—274 *кг/мм*^{2}.

Обломок иглы диаметром 2,5 *мм* (рис. 1, *899*) цельножелезный (рис. 3, *899*). Микроструктура — феррит, мало перлита, микротвердость 181 *кг/мм*^{2}.

Своеобразную группу орудий труда представляют ножевидные инструменты с массивным черенком и заточенным закругленным лезвием. Исследовано три подобных орудия (рис. 1, *893—895*). Два из них изготовлены из грубой малоуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода и без следов термической обработки (рис. 3, *893, 894*). Микроструктура изделий — феррит и перлит, средняя микротвердость 254 и 274 *кг/мм*^{2}.

Третье орудие цельножелезное (рис. 2, *895*). Микроструктура — феррит, у края участок поверхностного науглероживания. Микротвердость 160 *кг/мм*^{2}.

Очень интересной является находка на селище кузнечного и ювелирного инструментария. Здесь найдены: круглый боек молотка диаметром около 35 *мм*, обломок боковины молотка (?), зубильце и чекан (рис. 1, *898, 897, 902, 896*).

Обломки молотков изготовлены из кричного железа. Микроструктура — феррит, слабые следы перлита. Микротвердость повышена — 254 и 274 *кг/мм*^{2} (рис. 3, *898, 897*).

Зубильце длиной 61,3 *мм* и весом 28,5 *г* типологически довольно близко зубильцу из Лютежа [8]. Оно было изготовлено в трехслойной схеме со стальными боковыми зонами и железным сердечником (рис. 3, *902*). Рабочая часть зубильца закалена на воду с перегревом. Микроструктура стальных зон — крупноигольчатый мартенсит, микротвердость в пределах 464—572 *кг/мм*^{2}. Микроструктура центральной железной полосы — феррит с узкими полосками малоуглеродистого мартенсита. Микротвердость в пределах 236—297 *кг/мм*^{2} (рис. 4, *4*).

Уникальной находкой является чекан. Он представляет собой плавно суживающийся к концу стержень с закругленными гранями. На плоской поверхности рабочего торца выгравирован элемент узора, близкий по форме к латинской букве S (рис. 1, *896*). Находки аналогичных инструментов на зарубинецких памятниках нам неизвестны. Чекан, очевидно, был вставлен в деревянную рукоятку и предназначался для оттиска узора на каком-то мягком материале, вероятнее всего, чеканка по медному листу. Это тем более вероятно, что на селище неоднократно встречались остатки обработки цветного металла и даже, возможно, остатки мастерских (например, постройка 1 в раскопе I [9]).

Сельскохозяйственный инвентарь представлен двумя категориями находок — серпами и серповидными ножами. Всего исследовано 5 серпов и 2 серповидных ножа. Их геометрические параметры и размеры приведены в таблице.

Все серпы конструктивно очень близки. Они имеют слабоизогнутое асимметричное лезвие и прямой оттянутый черенок, верхняя грань которого является продолжением спинки лезвия (рис. 1, *866, 867, 911*; рис. 2, *916, 917*). Их геометрические параметры близки серпам II типа (по Краснову Ю. А.) [10], хотя показатель кривизны лезвия CD/AB у большинства из них значительно ниже.

Необходимо также указать, что по форме серпы из Почепа чрезвычайно близки серпам дьяковской культуры [11], тогда как по геометриче-

---

[8] *Пачкова С. П.* Ук. соч., с. 94, рис. 43, *4*.

[9] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище, с. 100, 101.

[10] *Краснов Ю. А.* Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР.— КСИА АН СССР, № 107, 1966, с. 18, 19.

[11] *Смирнов К. А.* Ук. соч., с. 82, табл. III, *9*; *Дубынин А. Ф.* Ук. соч,. с. 261, табл. VII, *3, 12, 14*.

№ исследования	Вес G, г	L, мм	B_{max}, мм	H_{max}, мм	AB, мм	CD, мм	AC, мм	$\frac{CD}{AB}$	$\frac{AC}{AB}$
866	28,8	160	3,6	17,4	115	7	34	0,06	0,3
867	19,7	153	3,5	13,4	106	10	43	0,09	0,42
911	40,8	188	2,9	18,3	115	5	35	0,04	0,32
916	33,2	185	4,7	17,8	125	8	30	0,06	0,24
917	47,3	243	4,1	16,7	189	24	50	0,13	0,27
918	8,3	90,1	2,3	14,6	47	5	23	0,11	0,49
919	31,4	160	4,3	23,4	100	9	50	0,1	0,5

ским параметрам лезвия (асимметричность вершины дуги изгиба) они приближаются к серпам зарубинецких памятников Среднего Поднепровья, отличаясь от них методом крепления рукояти [12].

Четыре серпа были изготовлены из грубого кричного железа (рис. 3, *866, 867, 916, 917*). Микроструктура лезвия — крупнозернистый феррит со слабо травящимися границами зерен и повышенной твердостью, иногда участки мелкозернистого феррита, имеющего более низкую твердость.

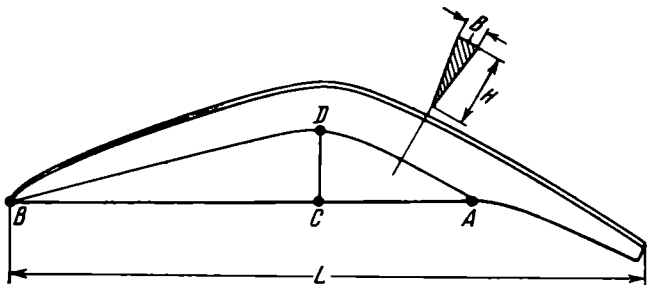


Рис. 5

Микротвердость металла серпов колеблется в пределах 160—297 *кг/мм*^{2}.

Лезвие пятого серпа сварено из двух железных полос, у поверхности участок местного науглероживания (рис. 3, *911*). Микротвердость 193—297 *кг/мм*^{2}.

Цельножелезные серпы достаточно хорошо известны как на зарубинецких [13], так и на дьяковских [14] памятниках.

Серповидные ножи встречаются среди зарубинецких древностей и неоднократно были найдены на верхнеднепровских городищах [15] (рис. 2, *918, 919*). О том, что они бесспорно являются сельскохозяйственными орудиями и предназначались для срезания стеблей растений, свидетельствует выявленная нами после очистки от коррозии насечка на лезвии одного из ножей (рис. 2, *918*), характерная, как правило, лишь для режущей кромки серпов.

Изгиб лезвия серповидных ножей симметричен. По геометрическим параметрам они приближаются к симметричным слабоизогнутым серпам I типа (по Краснову Ю. А.) [16].

Оба исследованных серповидных ножа изготовлены из грубого кричного железа (рис. 3, *918, 919*). Микроструктура — феррит, следы перлита. В одном случае (рис. 3, *919*) у острия — зона феррито-перлитной струк-

[12] *Максимов Е. В.* Ук. соч., с. 166, табл. XXXVIII, *2, 3*.
[13] *Вознесенская Г. А.* Ук. соч., с. 15.
[14] *Хомутова Л. С.* Ук. соч., с. 69, рис. 5, Т-84, Т-92, Т-94, Т-95.
[15] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, с. 58, 89, 169.
[16] *Краснов Ю. А.* Ук. соч., с. 19.

туры с содержанием углерода до 0,2%. Микротвердость 206 *кг/мм*^{2} и 181 *кг/мм*^{2}.

Неясно назначение двух найденных на селище крючков длиной 72 и 60 *мм*, изготовленных из заостренных железных стержней (рис. 2, *884, 885*). Возможно, они служили миниатюрными багорчиками для подсекания и вытягивания из воды крупной рыбы, пойманной на удочку. Оба крючка цельножелезные. Микроструктура — феррит, в одном случае следы перлита (рис. 3, *884, 885*). Средняя микротвердость 221 и 170 *кг/мм*^{2}.

Предметы вооружения представлены в исследованиях двумя сломанными наконечниками стрел и обломком наконечника массивного дротика.

Наконечники стрел типично «дьяковского» облика. Они относятся к типу двухшипных плоских дьяковских наконечников [17] (рис. 2, *904, 906*), изготовлены из грубого кричного железа (рис. 3, *904, 906*). Микроструктура — феррит (рис. 4, *5*), местами следы перлита. Средняя микротвердость 254 и 151 *кг/мм*^{2}.

Наконечник дротика имел круглый в сечении стержень и треугольное граненое лезвие с двумя оттянутыми шипами, которые позже были обломаны. Он имел также, вероятно, и втулку, которая также не сохранилась. Находки подобных наконечников известны и на других зарубинецких памятниках, в частности на Чаплинском могильнике [18]. Тело наконечника изготовлено из грубого кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зернистости 7), микротвердость 193 *кг/мм*^{2}.

На тело были наварены шипы из железа, имеющего микроструктуру крупнозернистого феррита со слабо травящимися границами зерен и высокую микротвердость — 274 *кг/мм*^{2} (рис. 3, *905*). На микрошлифе четко видна граница сварного шва с расположенными в ней цепочками округлых инородных включений.

Предметы бытового назначения представлены фибулами, пряжками и косметическим пинцетом.

Четыре фибулы (рис. 2, *908, 909, 913, 915*) относятся к так называемым воинским фибулам с прогнутым корпусом позднего «почепского» варианта и датируются I—II вв. н. э. К ним, очевидно, относится и исследованный фрагмент фибулы (рис. 2, *891*). Еще одна фибула (рис. 2, *910*) принадлежит к воинским фибулам II варианта и датируется I в. н. э. (по Амброзу А. К.) [19].

Четыре фибулы «почепского» варианта цельножелезные. Микроструктура — феррит, изредка следы перлита (рис. 3, *908, 909, 913, 915*). Микротвердость в пределах 143—193 *кг/мм*^{2}. Обломок фибулы оказался цельностальным (рис. 3, *891*). Микроструктура — феррит и перлит, распределение углерода неравномерно и колеблется по зонам от 0,2 до 0,4%. Микротвердость 181—221 *кг/мм*^{2}. Воинская фибула II варианта также оказалась цельножелезной (рис. 3, *910*).

Пряжки в исследованиях представлены двумя типами. К первому типу относятся круглые пряжки с разомкнутыми и завитыми в вертикальные колечки концами (рис. 2, *912, 914*). Их аналогии известны как на зарубинецких памятниках [20], так и на объектах дьяковской культуры [21]. Одна круглая пряжка цельностальная (рис. 3, *912*) и имеет микроструктуру нормализованной стали (рис. 4, *6*). Микротвердость стали 151 *кг/мм*^{2}. Вторая круглая пряжка цельножелезная (рис. 3, *914*).

---

[17] *Смирнов К. А.* Ук. соч., с. 81, табл. II, *2, 3*.

[18] *Кухаренко Ю. В.* Ук. соч., табл. 20, *8*.

[19] *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966, с. 2, табл. 3, *14*; 4, *3—5*.

[20] *Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник.— МИА, № 70, 1959, с. 179, табл. VIII, *11, 18*.

[21] *Смирнов К. А.* Ук. соч., с. 84, табл. V, *9, 10*.

Второй тип представлен крупной и массивной (длина 84 *мм*, вес 14 *г*) гитаровидной пряжкой (рис. 2, *892*). Аналоги среди зарубинецких древностей нам неизвестны.

Язык пряжки откован из заготовки, полученной путем сварки трех железных пластин — металл вторичного использования (рис. 3, *892*). Микроструктура — феррит, в двух полосах следы перлита. Четко видны линии сварных швов. Микротвердость в пределах 135—193 *кг/мм*^{2}.

Железный пинцет длиной 92 *мм* с расширяющимися, загнутыми внутрь концами (рис. 2, *903*) и слегка вытянутое кольцо (рис. 2, *886*) изготовлены из кричного железа (рис. 3, *903*, *886*). Микроструктура — феррит, следы перлита, микротвердость 160 и 193 *кг/мм*^{2}.

Из кричного железа оказались изготовленными и четыре исследованных железных стерженька, являющиеся фрагментами небольших железных предметов, возможно, фибул (рис. 2, *887—890*). Три стерженька (рис. 3, *888—890*) имеют структуру крупнозернистого феррита со слабо травящимися границами зерен и высокой микротвердостью (до 350 *кг/мм*^{2}). Четвертый — структуру мелкозернистого феррита со следами перлита (рис. 3, *887*). Здесь микротвердость значительно ниже — 135 *кг/мм*^{2}.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на большое число находок железных изделий, исследования показывают сравнительно невысокий уровень развития железообработки на селище. Здесь слабо распространена сталь, редко встречаются термически обработанные изделия, редко применяется кузнечная сварка.

Из 62 исследованных предметов стальными, выполненными с применением стали или дающими возможность предполагать наличие цементации оказалось всего 9 экз., или 12,9%, в том числе в группе орудий труда и предметов вооружения — 12,8%, а среди предметов бытового назначения — 13,4%, т. е. практически почти одинаково.

При этом в числе орудий труда, выполненных с применением стали (6 экз.), четыре (3 ножа дьяковского типа и зубильце), вероятнее всего, импортного происхождения. Лишь в отношении этих предметов можно с полной определенностью говорить о наличии функциональной, т. е. связанной с улучшением рабочих характеристик изделия, сварки железа со сталью и термической обработки. Все остальные орудия труда, за исключением одной иглы и чекана, цельножелезные.

Кузнецами Почепского селища редко применялась и кузнечная сварка цельножелезных пластин. Единственным точно зафиксированным случаем целенаправленного применения кузнечной сварки при изготовлении цельножелезного предмета является наварка шипов наконечника дротика. В остальных случаях, очевидно, применен металл вторичного использования.

Едва ли применялась и цементация железных изделий, так как в обоих случаях на ножках следы одностороннего науглероживания, очевидно, случайного происхождения.

Необходимо также отметить ряд особенностей почепских цельножелезных изделий: во-первых, большая засоренность металла шлаковыми включениями, что указывает на слабую исходную проковку кричного железа, и, во-вторых, часто встречающаяся микроструктура крупнозернистого феррита со слабо травящимися границами зерен и повышенной микротвердостью.

Эти особенности характерны для подавляющего большинства почепских железных изделий. Они заставляют с большой долей вероятности предполагать, что почепские железные изделия изготовлены из кричного железа, полученного из одного исходного сырья при близких технологических параметрах металлургического процесса. Очевидно, это продукция местных металлургов, тем более что на их наличие указывают находки не

только шлаков, но и мелкодробленой и очищенной руды [22]. Однако местные металлурги, скорее всего, еще не умели получать стали.

Сравнительно большой ассортимент и значительное количество железных изделий, их конструкция, требующая профессионального применения всех известных операций свободной ковки металла, а также неоднократные находки кузнечного инструментария свидетельствуют о наличии здесь кузнецов-профессионалов, для которых ремесло стало уже основным занятием.

Металлообрабатывающее ремесло в то же время было, видимо, на общинной стадии развития. Показательна находка в постройке 1 раскопа I большого числа железных шлаков и небольших криц, оставшихся, очевидно, после повторных проковок железных криц, извлеченных из сыродутного горна, а также остатков бронзолитейного производства [23].

Вероятнее всего, все основные потребности обитателей селища в металлических изделиях удовлетворялись ремесленниками-профессионалами, сконцентрировавшими в своих руках весь процесс обработки как черного, так и цветного металла, от получения сырья до изготовления готовых изделий.

Железо общинными мастерами выплавлялось на месте. Сырье для цветного литья приобреталось извне путем обмена. Таким же путем, очевидно, поступали высококачественные стальные и некоторые цельножелезные изделия, например пинцет, характер микроструктуры и показатели микротвердости которого значительно отличаются от большинства исследованных изделий Почепа.

В целом же уровень железообработки Почепского селища очень близок кузнечному ремеслу северных памятников среднеднепровской группы зарубинецкой культуры — Лютежу и Оболони [24].

V. D. Gopak, F. M. Zavernyaev

IRON ARTIFACTS FROM THE SITE POCHEP

Summary

The results of metallographic analysis of iron artifacts of the late Zarubintsy culture site (Ist — IIId centuries A. D.) near a town Pochep, Bryansk region, are published in this article. The investigations of the authors show that the level of development of the blacksmith's handicraft was comparatively low. The artifacts were made of rude finery iron, steel was used rarely. Thermic work with steel and smith welding of iron and steel were also used only occasionally. The obtained data indicate the existence in the community of the professional craftsmen, who concentrated in their hands the whole process of both iron and nonferous metal work from finding of raw material to manufacturing of artifacts. Iron was melted at the site and nonferous metal came as a result of exchange. The level of iron work at the Pochep site is close to the blacksmith's handicraft of the northern sites of the Middle Dnieper group of Zarubintsy culture — Lutezh and Obolon.

---

[22] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище, с. 102.

[23] Там же, с. 100.

[24] *Гопак В. Д.* Кузнечное ремесло славян Днепровско-Днестровского лесостепного междуречья в VI—XIII вв. н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1976, с. 16.

Л. В. КОПЕЙКИНА

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НА о. БЕРЕЗАНЬ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(по результатам раскопок на северо-западном участке)

В предлагаемой статье нам хочется подвести итоги семилетней работы на участке, расположенном в северо-западной части острова, где ведет раскопки экспедиция Ленинградского Гос. Эрмитажа (рис. 1, *2*). Эта часть острова, за исключением береговой полосы, археологически была почти не изучена [1]. В первом шурфе, который мы заложили здесь в 1970 г., удалось открыть остатки монументальной античной кладки. Работы были продолжены, и с тех пор участок стал одним из главных [2]. За прошедшие семь лет вскрыта площадь около 2000 $м^2$. Отдельные материалы и предварительные результаты раскопок публиковались в выпусках сборника «Археологические открытия» (за 1973—1977 гг.) и в ряде статей [3]. Накопленная информация теперь уже настолько обширна, что мы можем делать обобщающие выводы в масштабах всего поселения. Исследования показали, что именно здесь в конце VII — начале V вв. до н. э. проходила западная граница поселения. И поэтому на северо-западном участке одновременно решаются две задачи: изучение характера застройки жилой части города в архаический период и исследование территории, лежащей между поселением и некрополем. Как нам не раз уже приходилось отмечать, особенность этого участка состоит в том, что строительство здесь велось на протяжении немногим более одного столетия: с конца VII в. до н. э. до начала V в. до н. э. Затем эта территория была, очевидно, заброшена, и лишь в первые века нашей эры здесь появляются немногочисленные сооружения типа хозяйственных ям, траншей, углублений. Наземные сооружения римского времени на этом участке очень редки (рис. 2). Поэтому архаический слой здесь сохранился лучше, чем на восточных береговых участках [4]. И именно благодаря

[1] *Штерн Э. Р.* О раскопках Скадовского.— ЗООИ, XXIII, 1904, с. 89; *его же.* Отчеты о раскопках на Березани в ЗООИ, XXV—XXVII,— ОАК за 1904, 1908, 1909—1910 г.; *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Украины. Киев, 1951, с. 59; *Лапин В. В.* Раскопки поселения на острове Березань в 1960 г.— КСИА АН УССР, XI, 1961, с. 46.

[2] В раскопках этого участка принимали участие научн. сотр. Института истории АН СССР Ю. Г. Виноградов и научн. сотр. Отдела античного мира Гос. Эрмитажа Е. В. Мавлеев. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить им мою благодарность за ту большую поддержку и помощь, которую они оказывали мне постоянно.

[3] *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период.— СА, 1975, № 2, с. 188; *ее же.* Комплекс архаических терракот с Березани.— ВДИ, 1977, № 3, с. 92.

[4] Наиболее крупный на восточном берегу, так называемый участок О (основной). Работы на нем ведет археологическая экспедиция Киевского института археологии под руководством В. В. Лапина. См. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 35. Отчеты В. В. Лапина о раскопках на этом участке см. в сб.: АИУ — I—IV. Киев, 1967, 1968, 1972. Еще один участок на северо-восточном берегу — уч. Г. Раскопки на нем проводились археологической экспедицией ГЭ под руководством К. С. Горбуновой с 1962 по 1970 г. (см. сообщения в АО за 1960—1970 гг.).

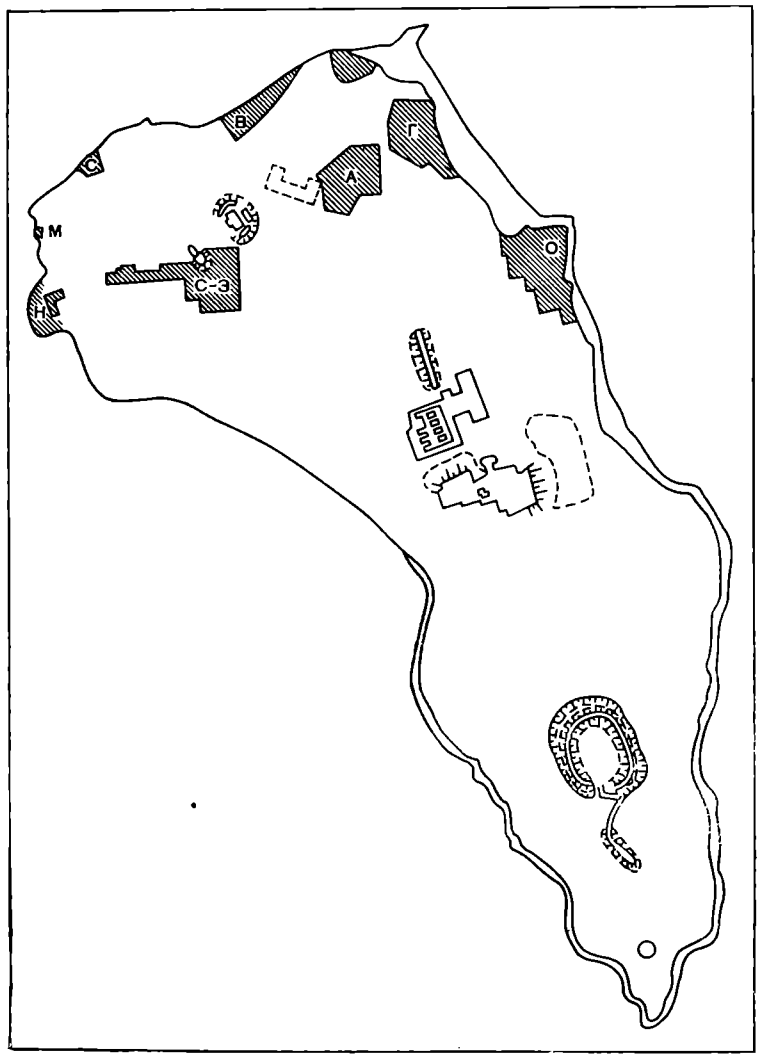


Рис. 1. План о. Березань

этому мы в процессе работы могли наглядно наблюдать, как по мере продвижения на запад постепенно исчезают жилые постройки и, напротив, плотность их значительно возрастает в северо-восточном направлении. На открытой территории четко прослеживаются два строительных периода в пределах архаического времени: первый относится к концу VII — первой половине VI в. до н. э., второй — ко второй половине VI — началу V в. до н. э. К первому периоду относятся главным образом грунтовые сооружения типа землянок, полуземлянок и ям. Эти сооружения были, видимо, очень недолговечными. Поэтому границы их часто сливаются, иногда они перерезают, перекрывают друг друга. И на этом месте в конечном итоге образовывалось бесформенное углубление, следы от которых постоянно встречаются на этом участке. В целом открыто 24 сооружения полуземляночного типа. Мы имеем в виду только те из них, границы которых легко прослеживаются, что позволяет установить их размеры и форму. Бо́льшая часть из них, как показывает заполнение, датируется первой половиной VI в. до н. э., хотя есть также и несколько полуземлянок, несомненно относящихся ко второй половине VI в. до н. э. Полуземлянки имеют главным образом овальную форму, иногда прямоугольную со скругленными углами и реже круглую (рис. 2). Размеры овальных и прямоугольных полуземлянок составляют 3×4, 3,5×4,5 *м*,

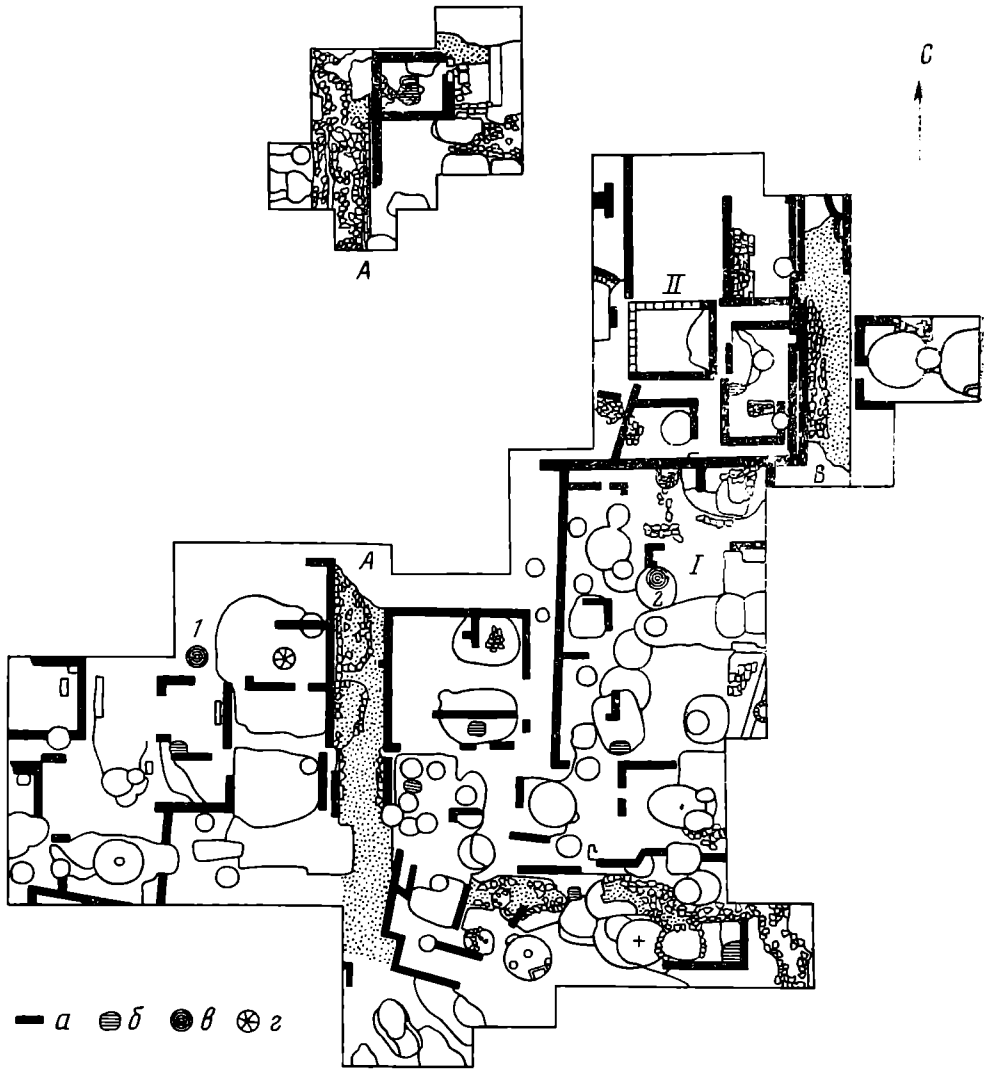


Рис. 2. Общий план северо-западного участка 1970—1977 гг. *а* — архаические сооружения; *б* — остатки печей и очагов; *в* — колодцы; *г* — каменная база, так называемый алтарь; А — улица конца VI в. до н. э., раскрытая в 1971—1972, 1977; I, II — строительные комплексы

диаметр круглых — 2,8, 3 *м*. Глубина их от поверхности материка 0,7—0,9 *м*. В некоторых из них хорошо сохранился вход, оформленный в виде двух- или трехступенчатой лестницы, вырезанной в материковом грунте. Как правило, хорошо видны остатки глинобитного пола, состоящего из нескольких слоев глины. В полу видны углубления для опорных столбов и ямки, служившие для хозяйственных целей. В нескольких полуземлянках обнаружены остатки очагов.

Рядом с ними, как правило, располагались многочисленные ямы, которые использовали для хранения зерна, хозяйственных нужд, а также и для каких-то производственных целей. На дне некоторых из них обнаружены следы огня, обгоревшие бревна и уголь. Ямы эти имеют очень характерную для архаики грушевидную форму. Стенки выдолблены в материковом и скальном грунте. Часто такие ямы достигают довольно значительных размеров: глубина более 2 *м* и диаметр по дну 1,8—2 *м*. Следует подробнее остановится на открытии так называемых ям-жилищ. Это условное название огромных грунтовых сооружений, которые по своим размерам никак не подходят под обычное понятие ямы. Остатки трех

Рис. 3. Родосско-ионийский кратер

таких ям были открыты при раскопках 1975—1976 гг. в юго-восточной части участка. Одна из них (полуземлянка, обозначенная на плане крестом) сохранилась особенно хорошо (рис. 2). Это круглое в плане углубление. Его стенки выкопаны в материковом грунте и ниже — в скальном. Дно тоже скальное. Стенки ровные с очень небольшим подбоем. Диаметр по горлу 2,8, по дну 3 *м*. Можно думать, что первоначально глубина его равнялась 2,6 *м*. Углубление это было засыпано в несколько приемов. В самом низу залегал толстый слой чистого материкового грунта с незначительной примесью угля. Это заполнение настолько плотное, что нам удалось расчистить дно только наполовину. Выше почти на три четверти заполнения шел темно-коричневый грунт с большим количеством золы и фрагментов керамики второй четверти — середины VI в. до н. э. (рис. 3). Очевидно, это сооружение функционировало в первой половине VI в. до н. э. О назначении его пока трудно судить с точностью. В 30-е годы при раскопках О. А. Артамоновой и в 1946 г. М. Ф. Болтенко были уже открыты подобные грунтовые сооружения. Исследователи считают их ямами-жилищами аборигенного типа [5]. На полу этих ям сохранились следы от очагов, что главным образом и позволило сделать такое предположение. Открытое теперь углубление имеет много сходного с описанными. Но все же, нам кажется, мало оснований окончательно считать, что они служили для жилья [6].

В заполнении всех грунтовых сооружений конца VII — первой половины VI в. до н. э. преобладает греческая керамика, хотя есть довольно значительный процент и лепной керамики местного типа [7]. Из расписной

[5] *Артамонова О. А.* Древнейшее поселение на острове Березань.— КСИИМК, V, 1940, с. 50; *Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья.— МИА, № 50, 1956, с. 234.

[6] Землянки скифских поселений, откуда могла быть заимствована их конструкция, имели, видимо, несколько иной облик (см. *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, № 50, 1956, с. 258).

[7] *Марченко К. К.* Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—V в. до н. э.— В сб.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 157.

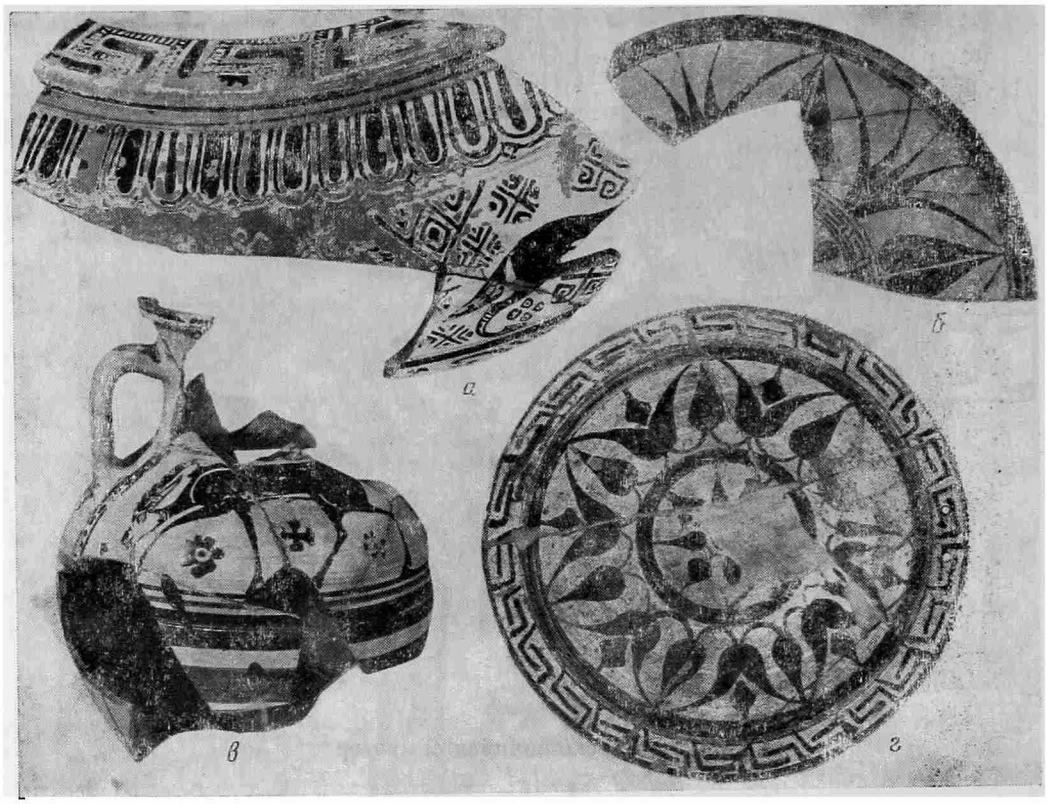


Рис. 4. *а — г* — родосско-ионийские сосуды последней четверти VII — первой половины VI в. до н. э.

греческой керамики больше всего найдено фрагментов родосско-ионийских сосудов[8]. Наибольший интерес представляют образцы этой керамики, которые можно датировать последней четвертью VII в. до н. э. Они хотя и не столь многочисленны, как на участках, расположенных на восточном берегу острова, где находилась, видимо, наиболее древняя часть поселения[9], но все же достаточно разнообразны. Здесь можно выделить даже образцы различных стилистических групп: это фрагменты тарелок, кратеров и закрытых сосудов группы Камир и довольно многочисленные обломки от диносов так называемой группы «Лондонского диноса»[10] (рис. 4, *а, б*). Родосско-ионийская керамика первой половины VI в. до н. э. представлена в самых различных вариантах. Здесь мы встречаем все основные типы этой керамики, характерные для этого времени[11]:

[8] Эта группа керамики на Березани представлена значительно богаче и разнообразнее, чем где бы то ни было в Северном Причерноморье. И причину этого следует видеть в том, что ее привезли с собой первые греческие переселенцы и что она служила не только предметом торговли, но и предметом повседневного обихода этих переселенцев.

[9] Именно с этих участков, с участков Г и О происходят самые ранние образцы этой керамики: килики с птицами и геометрическим орнаментом, фрагменты тарелки с маской апотропей. См. *Копейкина Л. В.* Фрагмент родосско-ионийской тарелки с о. Березань.— СА, 1970, № 3, с. 193; *ее же.* Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на о. Березань.— СА, 1973, № 2, с. 240. Фрагменты ойнохои, расписанные в том же стиле, что и ойнохоя из Темир-Горы (были найдены в 1975 г. на участке О) (АБ)75—448.527) — хранятся в Киеве.

[10] Воспроизведенные на рис. 4 фрагменты хранятся в Эрмитаже, инв. № Б75—7, разм.— 0,18 *м.* Б76—30 — диам.— 0,23 *м.* Б76—2, выс.— 0,27 *м.* Ср. *Скуднова В. М.* Родосская керамика с о. Березань.— СА, 1960, № 2, с. 153; *Копейкина Л. В.* Родосско-ионийская керамика «ориентализирующей» группы раскопок на о. Березань.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, 1970, Ht 8, S. 559.

[11] *Копейкина Л. В.* Особенности развития родосско-ионийской керамики первой половины VI в. до н. э. и вопросы локализации некоторых ее групп.— ВДИ, 1970, № 1, с. 93.

тарелки, украшенные меандром по краю и гирляндой цветов и бутонов лотосов, тарелки с вихреобразной розеткой в центре, амфоры с изображением скачущего или пасущегося козла, многочисленные фрагменты кратеров типа colonett, обломки от закрытых сосудов и диносов, расписанных в так называемой смешанной технике (рис. 3, 4, *в, г*). За недостатком места я могу остановиться на характеристике только одного экземпляра — это фрагментированный кратер, найденный в 1975 г. в заполнении описанной выше ямы-землянки (рис. 3) [12]. Тулово кратера украшает с обеих сторон композиционная группа, изображающая льва, нападающего на козла. Фигуры животных исполнены в силуэтной технике с применением гравировки и накладной белой и пурпурной краски. Контрастное сочетание светло-желтого цвета ангоба, блестящего красновато-коричневого цвета лака, пурпура и белой краски делают роспись особенно нарядной и красочной. По стилистическим особенностям изображения этот экземпляр находит наиболее близкие аналогии среди росписей сосудов североионийских центров [13], где он, видимо, и был изготовлен. Кратер датируется второй четвертью VI в. до н. э.

В заполнении сооружений первого строительного периода встречаются фрагменты также и других групп архаической керамики: хиосская, ионийская, коринфская [14]. Амфорная тара представлена обломками амфор с белой обмазкой и амфорами с поддоном. Есть отдельные фрагменты толстостенных сероглиняных лесбосских амфор.

В середине — начале третьей четверти VI в. до н. э. почти все грунтовые постройки на этом участке были засыпаны. И это было произведено почти одновременно, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что обломки от одних и тех же сосудов часто встречаются в заполнении полуземлянок и углублений, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Вся эта территория, совершенно очевидно, предназначалась для дальнейшей застройки, и потому для большей прочности наиболее значительные полуземлянки, углубления и ямы были перекрыты довольно толстым слоем трамбовки из скальной крошки, глины и ракушечника. На протяжении второй половины VI в. до н. э. вся эта территория застраивается многочисленными постройками, большей частью наземного характера. Особенностью этой застройки является то, что все сооружения второй половины VI — начала V в. до н. э. имеют, как правило, четкую ориентировку: С-Ю, В-З (рис. 2). Здесь возникают прямые широкие улицы, переулки, которые как бы организуют вокруг себя всю застройку. Одну из таких улиц удается проследить на значительном расстоянии, около 60 *м* [15]. Ширина ее 3,5 *м*. Она была покрыта вымосткой. Особенно хорошо эта вымостка сохранилась на северном отрезке, раскрытом в 1977 г. (рис. 5). Вымостка состояла из нескольких чередующихся слоев битых черепков и мелкого камня. Эти наслоения появились, видимо, потому, что мостовая несколько раз подновлялась. Наиболее поздний слой относится к рубежу VI—V вв. до н. э. Вдоль обочины улицы около стены прилегающего к ней дома проходил водосток, сложенный из хорошо отесанных и плотно пригнанных известняковых плит. Эта улица была, видимо, одной из основных магистралей архаического поселения. Она пересекала его территорию с севера на юг в непосредственной близости от западной границы жилой застройки. К западу от улицы сохранились остатки только от четырех архаических построек, и, напротив, в северо-восточном направлении количество их значительно возрастает [16]. Здесь раскрыты как

---

[12] ГЭ, инв. № Б75—6, разм.: выс.— 20,5 *м*, диам.— 0,24 *м*.

[13] *Cook J. M. and Blackman D. J.* Greek Archaeology in Western Asia Minor.— Archaeological Reports for 1964—65, p. 36, fig. 5.

[14] ГЭ, инв. № Б73—135. Коринфская пиксида датируется первой четвертью VI в. до н. э. Ср. Delos X, pl. XXXI, 452. *Dayne H.* Necrocorinthia. Oxford, 1931, p. 303.

[15] *Копейкина Л. В.* Новые данные..., с. 190, рис. 1 и 2.

[16] См. сообщения о раскопках Л. В. Копейкиной в сб. АО за 1973—1977 гг.

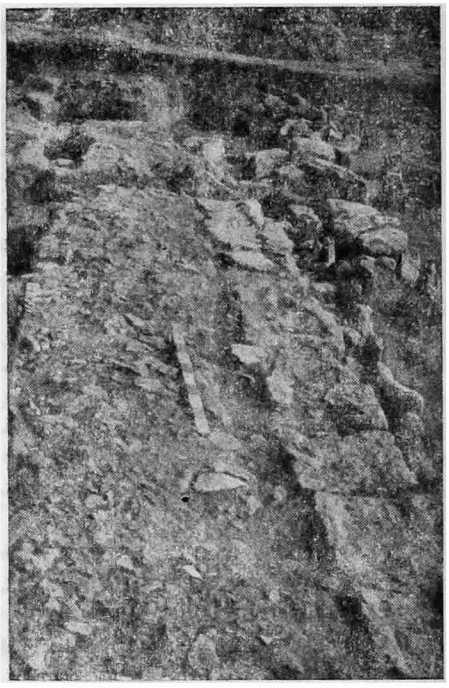


Рис. 5. Вымостка и водосток на улице VI в. до н. э.

отдельно стоящие здания, так и сложные строительные комплексы, включающие в себя постройки самого различного характера. Дома, как правило, имеют прямоугольную форму и состоят из двух помещений; иногда в блок здания входит и внутренний мощеный дворик. Площадь отдельных зданий колеблется от 45 до 75 *м*². От домов сохранились только каменные кладки, служившие основанием для стен, выложенных из сырцового кирпича. Встречаются кладки двух типов: орфостатные и постелистые шириной от 0,5 до 0,8 *м*. Крыши таких домов были тростниковыми и подпирались опорными столбами. Около некоторых кладок с внешней стороны были обнаружены гнезда от таких столбов, обложенные камнем. В очень редких случаях удается зафиксировать остатки глинобитных полов и печей. В доме, который примыкает к северному отрезку описанной нами выше улицы, открыты остатки печи, на примере которой можно хорошо проследить особенности конструкции пода печи. Основание пода покоится на круглой в плане вымостке из мелких камней, выше идет слой из песка и ракушечника, далее — слой из обломков стенок остродонных амфор и слой плотной глиняной обмазки. Эти незначительные остатки слишком малочисленны, чтобы можно было реконструировать внутреннее устройство помещений. Поэтому мы пока должны ограничиться только общими представлениями о планировке домов и их размерах.

Как уже указывалось, такие отдельно стоящие здания соседствуют со сложными строительными комплексами, объединявшими в себе сооружения различного рода. Один из комплексов был раскрыт в 1973—1974 гг. Он состоял из «анфилады» крытых помещений, вытянутых с севера на юг, которые с западной стороны объединяет единая стена длиной более 20 *м* (рис. 6). На его территории располагались, видимо, еще какие-то наземные постройки, от которых сохранились только обрывочные кладки. Здесь же было открыто несколько хозяйственных ям и колодец [17].

С севера весь комплекс замыкает мощная орфостатная кладка, вытянутая с востока на запад, длиной около 15,5, шириной 1 *м*. Она служила, видимо, своеобразным водоразделом между двумя строительными участками, ибо с севера к ней примыкает еще один строительный комплекс общей площадью 180 *м*² (рис. 2; 7, *а*). Многочисленные остатки кладок, расположенные на разных уровнях, свидетельствуют о том, что здесь на протяжении второй половины VI в. до н. э. производились различные перестройки. В конечном своем варианте этот комплекс состоял из трех прямоугольных в плане помещений и внутреннего дворика, мощенного мелким камнем. С трех сторон он был обнесен оградой, от которой сохранились кладки, служившие основанием для сырцовых стен. Центральное место здесь занимает полуподвальное помещение (3,6×4,2 *м*), заглубленное на 0,6 *м* в культурный слой (рис. 7, *б*). Южная и восточная

[17] Это второй колодец, открытый на участке. Колодец круглый в плане, диаметр 1 *м*. Стенки выдолблены в скале. Он раскрыт на глубину 7 *м*. Глубина колодца 9 *м*.

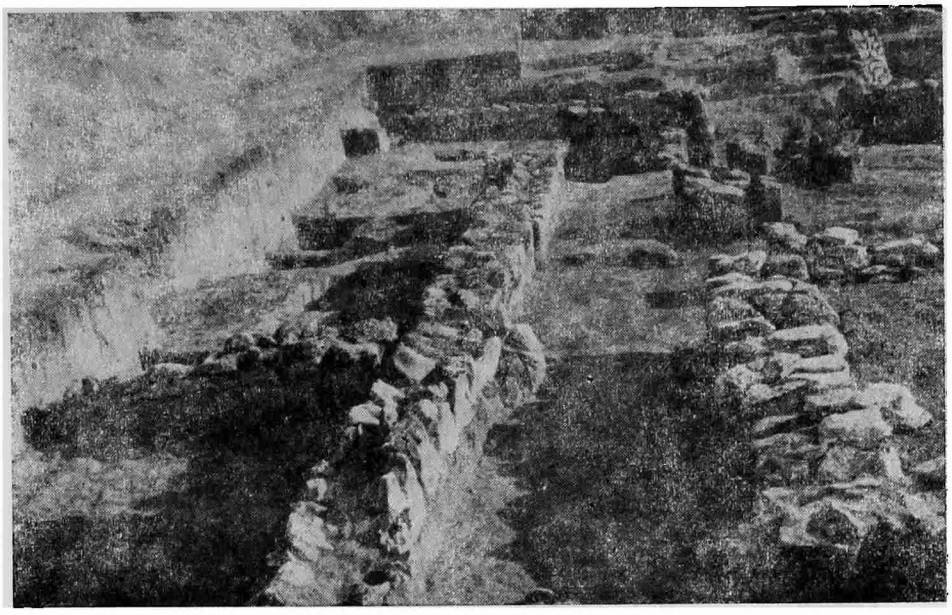


Рис. 6. Каменные основания домов VI в. до н. э.

стенки облицованы двухрядной каменной кладкой, лицевой ряд которой был выложен из крупных прямоугольных плит, тщательно обработанных. Западная же и северная стенки выложены из сырцовых кирпичей (размер кирпичей 30×10 *см*). Внутри помещения сохранились остатки глинобитного пола, который состоял из многих слоев глиняной обмазки. В обмазке пола найдены обломки чернофигурных киликов конца VI в. до н. э., которые позволяют четко установить время существования этого помещения. Об этом же свидетельствуют и раздавленный чернофигурный килик конца VI в. до н. э., который лежал на полу около южной стенки (рис. 8, *а*) [18]. Образцы ионийской керамики (лекиф, аски, килики) (рис. 8, *б*), найденные в его заполнении, говорят о том, что оно прекратило свое существование не позднее начала V в. до н. э.[19] Непосредственно рядом с этим помещением частично открыто еще одно полуподвальное помещение того же времени. От него сохранились восточная и северная стенки. Восточная стена была облицована каменной кладкой, состоящей из хорошо отесанных прямоугольных плит. По характеру кладка очень похожа на кладку полуземлянки третьей четверти VI в. до н. э., открытой на этом же участке в 1972—1973 гг.[20] Северная стенка полуподвала сложена из сырцовых кирпичей, которые покоятся на цоколе, составленном из поставленных на ребро каменных плит неправильной формы. В этих полуподвалах обращает на себя особое внимание высокое техническое мастерство и конструкция кладок, тщательная обработка и подгонка облицовочных плит. Мы знаем сходные по технике и качеству обработки кладки из более ранних раскопок, например из раскопок Штерна на участке В в 1913 г.[21] Очевидно, для второй половины VI в. до н. э. такая конструкция кладок не является исключением.

---

[18] ГЭ, инв. № Б75—171; диам.— 0,14, выс. 0,6 *м*; *Cook J.* BSA, № 53—54, 1958—1959, p. 167; CVA, Roumania, I, pl. 25, *5*, CVA G. B. 12. University of Reading I, pl. 9, *5*, 10, *4*.

[19] *Скуднова В. М.* Кольцеобразные сосуды из Ольвии.— Тр. Отдела античного мира ГЭ. Л., 1945, с. 132. Delos X, pl. LV, 674; CVA, Copenhagen, pl. 79, fig. 2.

[20] *Копейкина Л. В.* Новые данные..., с. 192, рис. 6.

[21] *Штерн Э.* Отчет о раскопках на о. Березань летом 1913 г. Одесса, 1914, с. 87, рис. 6; с. 100, рис. 12; ОАК за 1907. СПб., с. 57.

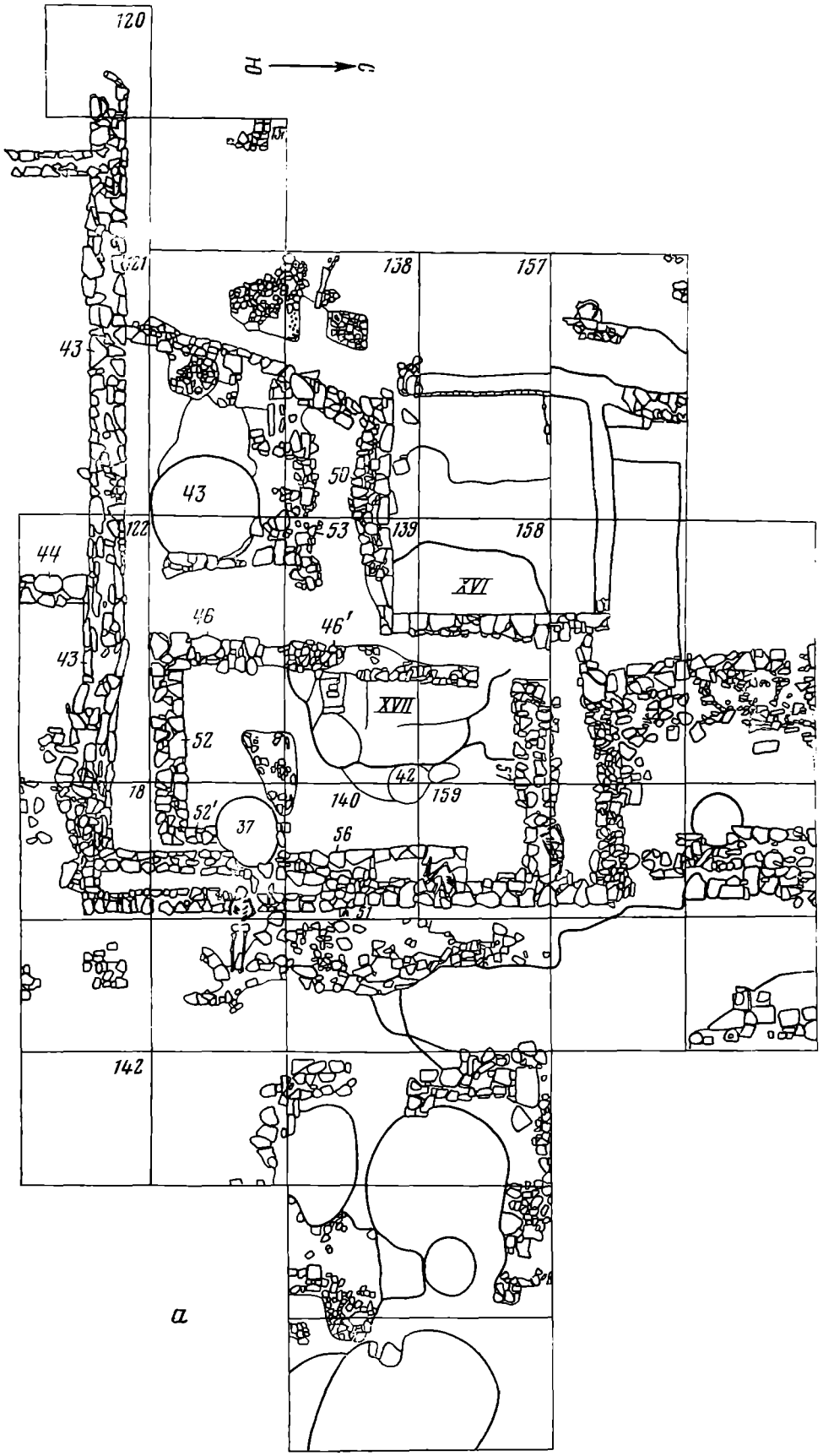
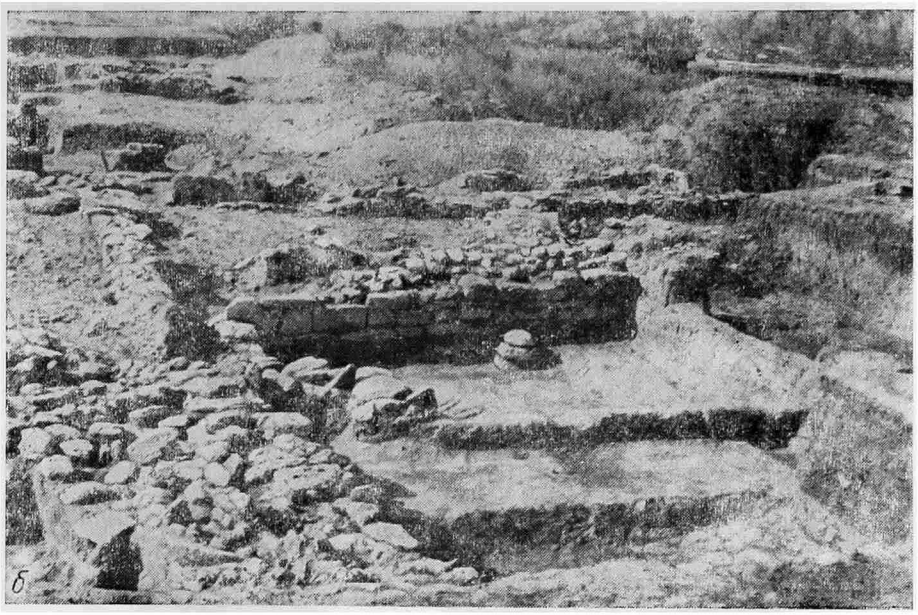


Рис. 7. *а* — **план строительного комплекса 2;** *б* — **полуподвальное помещение;**



Полуподвальные помещения появляются, возможно, как дальнейшее развитие полуземлянок с каменной облицовкой, которые известны нам по раскопкам на поселении Широкая Балка, а также и на самой Березани. Эти сооружения, вероятно, являются своеобразной переходной ступенью к возникновению подвальных помещений, которые появляются в Ольвии уже в конце VI в. до н. э.[22]

Наряду со сложными строительными комплексами встречаются и более скромные участки, где жилища полуземляночного типа сочетаются с наземными сооружениями: небольшие наземные постройки, стенки ограды вокруг участка, вымостка внутреннего дворика. Всего открыто четыре таких комплекса различной степени сохранности. Как мы указывали выше, жилища полуземляночного типа характерны для более раннего периода заселения Березани, однако в незначительном количестве они продолжают существовать и во второй половине VI в. до н. э. вплоть до V в.[23] Они имеют, как правило, круглую или овальную форму (диаметр 3 *м*, площадь 12 *м*^{2}). В некоторых из них хорошо сохранилось внутреннее устройство. Например, в одной из них (рис. 9) [24] у стенки с южной стороны мы видим прямоугольную глинобитную площадку типа столика. Сохранились остатки входа, глинобитный пол, остатки от очага, в центре — углубление для опорного столба. Полуземлянки второй половины VI в. до н. э. с совершенно идентичным устройством были раскрыты и на других участках Березанского поселения: на Северном участке в 1965 г., на участке О в 1969 г.[25] Полуземлянки такого типа известны в это время и в Ольвии [26], и в других архаических поселениях этого района, например на поселении Старая Богдановка [27]. Можно думать, что во второй

---

[22] *Копейкина Л. В.* Новые данные..., с. 194, рис. 7; *ее же.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии.— В сб.: Художественная культура и археология..., с. 133, рис. 1.

[23] *Лапин В. В.* Исследование древнегреческого поселения на о. Березань.— АИУ — 1967. Киев, 1968, с. 150—155.

[24] Полуземлянка раскрыта в 1973 г.

[25] *Лапин В. В.* Дослидження на о. Березань в 1969 г.— АИУ — 1969. Киев, 1972, с. 158. Лапин полагает, что глинобитное сооружение служило для переносной жаровни.

[26] *Русяева А. С.* Раскопки в Ольвии на участке АГД.— АО — 1973. М., 1974, с. 336; *Козуб Ю. И.* Раскопки некрополя в Ольвии.— Там же, с. 287.

[27] *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Архаическое поселение у Старой Богдановки.— АО — 1977. М., 1978.

Рис. 8. *а* — чернофигурный аттический килик; *б* — ионийский кольцеобразный сосуд и кувшинчик

половине VI в. формируется какой-то единый, стандартизированный тип грунтового жилища, который получает распространение на побережье южного Буга и Буго-Днепровского лимана. Эти жилища, совершенно очевидно, использовались как местным, так и греческим населением, как мы это видим на небольших поселениях аграрного типа или на окраинах Ольвии. Однако на самой Березани, и в частности на северо-западном участке, они представляют уже в некотором роде исключение.

Рядом с домами на территории комплексов, как и в первый строительный период, встречается множество ям. Некоторые имеют значительные размеры: глубина 2,5, диаметр 1,8 *м*. Отдельные из них сохраняют еще старую грушевидную или колоколообразную форму, другие же уже имеют цилиндрическую форму, что более характерно для конца VI — первой половины V в. до н. э. Ямы, очевидно, использовались как зернохранилища, а также и для производственных целей.

Анализируя характер застройки на северо-западном участке во второй половине VI в. до н. э., можно предположить, что вся территория этой части поселения была разбита как бы на отдельные участки, которые были застроены либо отдельными домами, либо целым комплексом различного рода сооружений. Некоторые из этих комплексов имели какое-то хозяйственное назначение, как, например, комплекс, открытый в 1973—1974 гг., другие же носили жилой характер. Бóльшая часть построек, видимо, служила для жилья. И только в нескольких случаях мы можем предполагать общественное или культовое их назначение, как, например, дом с так называемым алтарем [28]. О наличии какого-то куль-

[28] *Копейкина Л. В.* Новые данные..., с. 189.

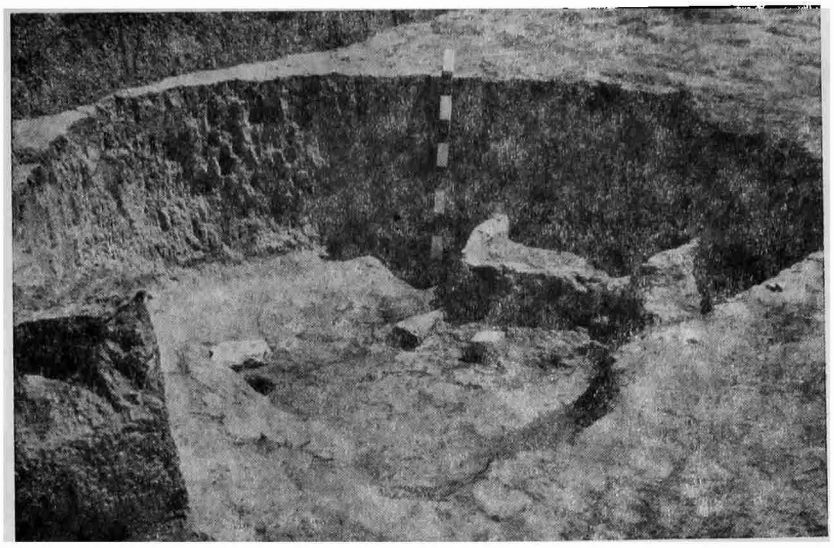


Рис. 9. Полуземлянка второй половины VI в. до н. э.

тового сооружения здесь говорят и многочисленные терракоты, найденные на северо-западном участке [29]. Большие размеры домов и отдельных участков свидетельствуют о том, что они принадлежали, вероятно, зажиточным частным лицам или представителям администрации.

Мы уже не раз указывали на то, что одной из главных особенностей застройки этого участка является единая ориентация всех построек. Несмотря на то что участки принадлежали разным людям, видимо, считалось обязательным сохранение единой ориентировки.

Археологический материал, который найден в развалинах домов, ямах, углублениях, в колодцах второго строительного периода, позволяет уточнить время их возникновения и гибели, их назначение, а кроме того, имеет большую художественную ценность. Прежде всего это относится к расписной керамике, которая представлена очень разнообразно и богато. Как это характерно для архаических слоев Березани, почти половину всей привозной керамики составляет продукция ионийских центров. Фрагменты родосско-ионийской керамики, которая, как известно, в третьей четверти VI в. до н. э. почти полностью исчезает, сравнительно малочисленны. Зато здесь встречается очень много фрагментов сосудов, расписанных в стиле фикеллура (рис. 10, *а*). Интерес представляют образцы середины — третьей четверти VI в. до н. э., т. е. времени расцвета деятельности этой очень своеобразной керамической группы. Среди прочих в 1977 г., например, были обнаружены фрагменты от амфоры с изображением танцующих комастов [30]. Их можно отнести к творчеству так называемого Альтенбургского мастера, который предпочтительно использовал в своих росписях этот сюжет. Великолепная амфора этого мастера была обнаружена также на Березани в 1962 г.[31] Отдельные фрагменты были известны и ранее [32]. Но все же в сравнении с другими они представляют большую редкость. Здесь найдены также фрагменты клазоменской керамики, среди которых есть великолепные по художественным достоинствам экземпляры. И, как обычно, большую группу составляет так называемая полосатая ионийская керамика. Она представлена самыми разнообразными формами: это килики, кувшинчики, лекифы, рыбные блюда и лидосы.

---

[29] *Копейкина Л. В.* Комплекс архаических терракот..., с. 92.

[30] ГЭ, инв. № Бер. 77—304, разм. 0,14 *м*.

[31] *Горбунова К. С.* Самосская амфора с комастами.— СГЭ, XXVII, 1966, с. 35.

[32] ОГАМ, инв. № А — 37712, 43036, 36301, 43045, А — 43034, 43037. Из раскопок Э. Штерна.

Рис. 10. *а* — обломки сосудов стиля фикеллура; *б* — лаконский сосуд (лакайна); *в* — обломок чернофигурного аттического кратера; *г* — аттическая чернофигурная амфора; *д* — фрагментированная коринфская пиксида

Среди импортной расписной керамики наряду с продукцией ионийских центров со второй половины VI в. до н. э. видное место начинает занимать продукция материковых центров, и прежде всего аттическая чернофигурная керамика. За годы раскопок на северо-западном участке найдены сотни фрагментов чернофигурных сосудов. Около двух десятков фрагментов можно датировать еще первой половиной VI в. до н. э. (рис. 10, *г*). В 1975 г. в углублении, относящемся к середине VI в. до н. э., была обнаружена, например, аттическая амфора, второй четверти VI в. до н. э.[33] С одной стороны на ней изображена сцена боя, а с дру-

[33] ГЭ, инв. № Б — 74 — 152, разм.: выс. 0,34 *м*, шир. 0,22 *м*.

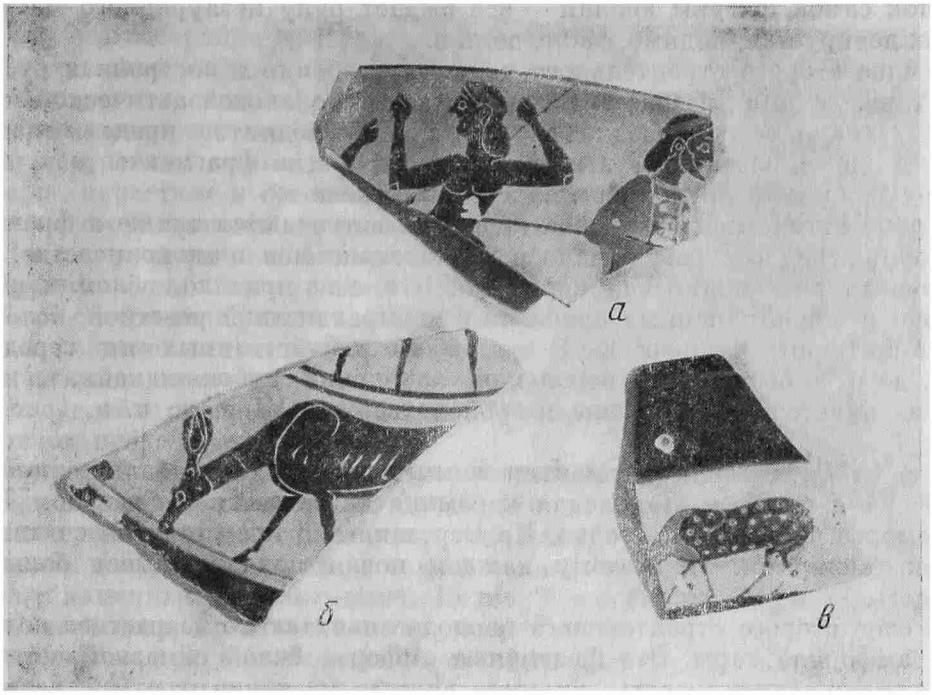


Рис. 11. Обломки чернофигурных аттических сосудов второй-третьей четверти VI в. до н. э.

гой — идущие друг другу навстречу сирена и пантера. Роспись исполнена темно-красным лаком с применением пурпура, белой краски и гравировки. Фигуры изображены очень обобщенно, без детализации, однако с большим чувством экспрессии. Весь декор выглядит очень нарядно. Интересно, что в этом же углублении и в яме, расположенной в южной части раскопа, были обнаружены горло и часть плечиков такой же амфоры [34]. Это редчайшие образцы чернофигурного стиля в Северном Причерноморье. Кроме этого, найдены обломки киликов типа Сиана, мастера Комастов, обломки от сосудов круга мастера Лидоса (рис. 11, *а, б*). Среди чернофигурных сосудов второй половины VI в. есть также много первоклассных экземпляров. Это многочисленные мелкофигурные килики с самыми разнообразными сюжетами изображения: сцены на палестре, изображения божеств, эротические сцены, композиции с изображением животных (рис. 11, *в*) [35]. Найдены также и обломки от больших закрытых сосудов: амфор, ойнохой, лекифов, кратеров. В частности, невозможно не упомянуть особо фрагмент кратера с изображением так называемого «свадебного поезда» (рис. 10, *в*) [36]. Тонкость и изящность рисунка гравировки, которой обозначены детали одежды, черты лица и завитки волос, сближают его с манерой мастеров, работавших в традициях Экзекия [37].

За последние годы на участке найдено также и несколько обломков от краснофигурных сосудов, что является большой редкостью для Березани. Один из них представляет собой медальон на дне килика [38]. В центре его изображена фигура сидящего на корточках юноши, который держит в руках кратер. Мастерство композиционного построения, четкий, точный

[34] ГЭ, инв. № Б74—148, разм. 0,12 *м*, склеен из двух обломков.

[35] ГЭ, инв. № Б74—116, 118. Бер. 76—384, 383. На рис. 10 изображены фрагменты. Инв. № Бер. 77—235, 92, 173.

[36] ГЭ, № Б74—144, разм.— 0,21 *м*.

[37] Задачи и размеры этой статьи не дают возможности сделать здесь более детальный анализ и приводить развернутые аналогии. См. *Gerhard E.* Griechische Vasenbilder. Berlin, 1858, Taf. 70.— CVA, Louvre XI, pl. 135, *4*.

[38] ГЭ, инв. № Б75—196, разм. диам. 17 *см*.

рисунок самой фигуры юноши — все выдает руку незаурядного мастера. Килик датируется, видимо, 490 г. до н. э.

В слое второго строительного периода, особенно в постройках рубежа VI—V вв. до н. э., возрастает количество чернолаковой аттической керамики. Однако самые поздние образцы не выходят за пределы начала V в. до н. э. Очевидно, эти и краснофигурные фрагменты как раз и датируют время разрушения всех этих построек.

Кроме аттической расписной керамики встречаются также и фрагменты коринфских сосудов, однако в значительно меньшем количестве, чем аттическая или ионийская керамика. Это, как правило, обломки очень широко распространенных арибалов с четырехлистной розеткой, больших и миниатюрных скифосов. В одной из хозяйственных ям середины VI в. до н. э. был найден небольшой лаконский кубок-«лакайна», который датируется, видимо, еще второй четвертью VI в. до н. э. (рис. 10, *б*) [39].

А в 1977 г. найден фрагментированный лаконский арибалл тоже середины VI в. до н. э. Лаконская керамика встречается в Северном Причерноморье чрезвычайно редко. На Березани она представлена считанными экземплярами. И поэтому каждая новая находка имеет большую ценность.

В слое второго строительного периода значительно возрастает количество амфорной тары. Это фрагменты амфор с белой обмазкой, которые продолжают существовать, видимо, вплоть до конца третьей четверти VI в. до н. э. [40], амфоры самосского и протофасосского типа. В последней четверти VI в. до н. э. появляется очень много амфор со стаканообразными ножками [41]. В очень небольшом количестве представлены обломки пухлогорлых хиосских амфор, которые, как известно, появляются в конце VI в. до н. э., но получают наибольшее распространение уже в V в. до н. э.[42]

Как в первой, так и во второй половине VI в. до н. э. наряду с греческой привозной керамикой встречается много лепной сероглиняной керамики скифского типа. Лепная керамика — это не единственный варварский материал. Мы уже упоминали, что на участке найдено много греческих архаических терракот. Наряду с ними в одной из ям обнаружен также фрагмент лепного скифского идола (рис. 12) [43]. Найдены также фрагменты железных конских удил и обломок костяного псалия гето-фракийского типа. Все эти находки — бесценный материал для характеристики этнического состава населения.

Анализ керамики и других предметов, найденных в заполнении сооружений второго строительного периода, позволяет совершенно четко установить временные границы их существования. Возникнув во второй половине VI в. до н. э., они прекратили свое существование не позднее первой четверти V в. до н. э.

Результаты раскопок на северо-западном участке, с нашей точки зрения, представляют большую ценность для изучения развития поселения в архаический период.

Мы видим, что в VI в. до н. э. поселение занимало обширную территорию, самую большую площадь за все время своего существования. Как свидетельствуют открытые на северо-западном участке строительные

---

[39] ГЭ, инв. № Б76—100, разм. диам. 6,7 *см. Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra.— BSA (Suppl.), № 4, 1966, p. 89.

[40] *Metzger H.* Fouilles de Xanthos. Paris, 1972, p. 69.

[41] Существует распространенное мнение, что амфоры этого типа появляются только в V в. до н. э. Однако многочисленные закрытые комплексы, открытые на Березани: ямы, колодцы, углубления, которые бесспорно датируются VI в., позволяют пересмотреть эту датировку. См. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, с. 74.

[42] *Зеест И. Б.* Ук. соч., с. 75.

[43] ГЭ, инв. № Б73—358, выс. 0,5 *м*.

остатки, его застройка простиралась далеко на запад. При этом, однако, она была сосредоточена в основном в северной части острова. Даже здесь, на этом участке, видно, что интенсивность застройки, особенно каменного строительства, нарастает к северо-востоку. В южной же части сосредоточены сооружения грунтового типа, что характерно для окраины.

Прекращение строительной деятельности в районе северо-западного участка в начале V в. до н. э. свидетельствует о том, что с этого времени площадь поселения начинает сокращаться и застройка сосредоточивается на северо-восточном побережье.

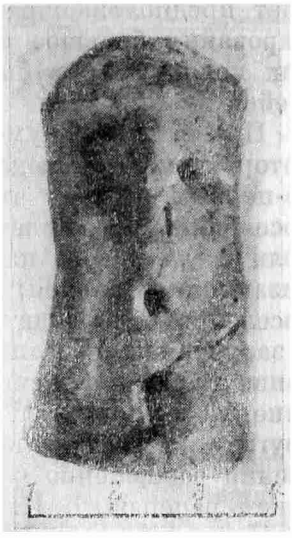


Рис. 12. Терракотовый «идол»

Благодаря раскопкам на северо-западном участке мы можем очень четко проследить особенности конструкции грунтовых сооружений: землянок, полуземлянок, ям; а также наземных домов с каменными основаниями. Большой интерес, например, представляет открытие в этой части острова так называемых ям-жилищ. Если они действительно служили для жилых целей, то их находка здесь позволяет полностью снять тезис, выдвинутый Артамоновой и Болтенко, о том, что существовала какая-то обособленная территория на острове, где в подобных ямах-землянках жило аборигенное население [44].

В результате работ на северо-западном участке мы можем теперь почти с уверенностью утверждать, что массовое наземное строительство, дома с каменными основаниями появляются только с середины VI в. до н. э. И это также заставляет пересмотреть ту схему последовательности развития каменного домостроения на Березани, которую предлагал в свое время Штерн [45].

Мы уже обращали внимание читателя на то, что особенностью застройки второго строительного периода на северо-западном участке является четкая ориентировка всех построек с севера на юг и с востока на запад. Все они возникли в сравнительно короткий срок на заранее подготовленной для этого территории. Все это говорит о существовании какого-то заранее разработанного плана расширения и перестройки поселения. Мы не можем, конечно, утверждать, что все поселение перестраивается по такому же плану. Но даже существование отдельного участка с правильной планировкой в VI в. до н. э.— это уникальное явление в Северном Причерноморье. Однако это отнюдь не уникальное явление для греческого мира в целом. Мы знаем, что элементы городского планирования, регулярной застройки появляются в Греции задолго до возникновения так называемой Гипподамовой системы [46]. В Смирне еще в VII в. до н. э. появляются районы с прямыми улицами и регулярными блоками домов, имеющими единую ориентацию. Элементы регулярной планировки зафиксированы в Милете, на Родосе, а также в Мегара — Хиблае и в Селинунте [47]. На Березани она возникает, несомненно, под влиянием ионийской строительной практики. Однако здесь сыграла немалую роль и инициатива самих колонистов. Наличие регулярной планировки на Березани, в Мегара — Хиблае, в Селинунте как нельзя лучше подтверж-

---

[44] *Артамонова О. А.* Ук. соч., с. 51.

[45] *Копейкина Л. В.* Новые данные..., с. 196, ссылка 17.

[46] *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge, 1972, p. 222; *Ward-Perkins J. B.* Cities of Ancient Greece and Italy: Planning in classical Antiquity. New York, 1974, p. 11; *Копейкина Л. В.* Новые данные..., с. 198.

[47] *Vallet G.* La Colonisation Greque en Occident. XIII Международный конгресс исторических наук, т. I, ч. 3. М., 1973, с. 69.

дает предположение Геркана о том, что в разработке регулярного планирования большое значение имела колонизаторская деятельность, так как колонисты не были связаны пространством и исторически сложившейся планировкой [48].

Проведение монументальных работ, бурная строительная деятельность, которую мы наблюдаем на северо-западном участке, свидетельствуют, во-первых, о том, что в это время, т. е. во второй половине VI в., поселение переживает период подъема; во-вторых, о притоке большого количества нового населения, что было связано, видимо, с новой колонизационной волной; в-третьих, что в политической и социальной жизни поселения происходят какие-то серьезные изменения. За последние годы в зарубежной печати появилось несколько работ, где Березанское поселение предлагают считать полисом, который возникает во второй половине VI в. до н. э.[49] Однако у нас нет ни письменных, ни каких-либо других источников, которые подтвердили бы эту гипотезу. И эта точка зрения совершенно справедливо, на наш взгляд, была подвергнута критике в рецензии Б. И. Брашинского на книгу А. Васович [50].

Появление регулярной планировки и подъем строительной деятельности — это еще не аргумент в пользу полисного устройства. Ведь Пирей тоже был спланирован по гипподамовой системе. Все это свидетельствует только о том, что во второй половине VI в. поселение принимает черты городского типа. Что же касается политической организации Березанского поселения, то, по нашему мнению, оно никогда не было полностью самостоятельным и независимым образованием. В VII и первой половине VI в. до н. э. оно служило непосредственной сырьевой базой для Милета, и, следовательно, даже при наличии самоуправления находилось в зависимости от своей метрополии. А во второй половине VI в. до н. э. оно, видимо, вошло в состав Ольвийского полиса [51] и служило своеобразными торговыми воротами для Ольвии и транзитным перевалочным пунктом.

L. V. Kopeykina

THE PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE BEREZAN SETTLEMENT OF THE ARCHAIC PERIOD

Summary

The article is a result of investigations carried out at the North-Western section of the Berezan settlement during seven years. The building activity at this section lasted from the late VIIth till the early Vth century B. C. and can be divided into two periods. During the first period the semiunderground dwellings were built here. At the second period (the second half of the VIth — early Vth century B. C.) surface buildings with stone socle appear, and complicated complexes of buildings, separated by streets and lanes were erected. All buildings of the second period were oriented north-south, east-west. The article describes the building of both periods and the ceramic materials found in the houses. The excavations of this section show that the settlement occupied the largest area at the second half of the VIth century B. C.; in the early Vth century B. C. its area sharply decreased. The mass erection of surface buildings begun not earlier, than the second half of the VIth century B. C. The intencity of building, certain regularity, the same orientation indicate the existence of some general plan, the unusual raising of building activity. So at the second half of the VIth century the settlement obtained some features of the urban type. Obviously all this came as a consequence of some serious changes in its political and social organization.

---

[48] *Gerkan A.* Griechische Städteanlagen. Berlin — Leipzig, 1929, S. 30—36.

[49] *Wąsowicz A.* Olbia et son territoire. Paris, 1975; *Bravo B.* Une lettre sur plamb de Berezan.— In: Dialogues d'histoire ancienne, I. Paris, 1974.

[50] *Брашинский И. Б.* [Рец.]. *Wąsowicz A.* Olbia et son territoire. Paris, 1975.— СА, 1977, № 3, с. 303.

[51] *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии.— В сб.: Художественная культура и археология..., с. 82.

Е. В. ВОРОБЬЕВА

РЕЛЬЕФ С ДРАКОНОМ ИЗ ГАЛИЧА

Установленным фактом является раннее использование мастерами древнего Галича резных каменных деталей в архитектуре. Благодаря археологическим раскопкам [1], трудам историков, искусствоведов [2], а также письменным источникам мы можем сегодня довольно ясно представить себе ту важную роль, которую играл Галич в культуре и общественной жизни древнерусского государства. Галичская художественная школа признается одним из очагов распространения на Руси архитектурной пластики. Но, несмотря на это, о скульптуре Галича не имеется фундаментальных работ, и мы до сих пор остаемся в неведении по многим важным вопросам становления и специфики галичской пластики. Мало исследована роль и тематической резьбы, ее участие в раскрытии сложных художественных образов периода утверждения христианства, времени, когда еще сильны были пережитки языческой мифологии.

В связи с этим обнаруженный реставраторами г. Львова, и в частности В. С. Войциком, в существующем ныне Успенском соборе в Крылосе (древний Галич) рельеф с драконом [3] представляет значительный интерес и дает возможность пополнить наши представления об особенностях древнерусской художественной культуры домонгольской поры (рис. 1). Рельеф в настоящее время размещается в угловой части северной стены притвора, немного ниже уровня человеческого роста. Длина плиты с изображением дракона 65 *см*, а высота ее 33 *см*. Длина рельефа от головы дракона до хвоста 50 *см*. Дракон изображен в виде змеи с огромной крокодилоподобной пастью, с четко выраженными большими зубами, держащими пальметту. Голова зверя переходит в змееобразное вытянутое туловище с загнутым вниз хвостом. Дракон опирается на лапы и хвост. Малоразвитые крылья сложены и как бы продолжают ли-

---

[1] *Пастернак Я.* Перші розкопи на «Золотому Тоці» у Крилосі. Л., 1939; *его же.* Старий Галич. Археологічно-історичні досліди у 1850—1943 рр. К.— Л., 1944; *Pelenski Y.* Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródel archiwalnych. Kraków, 1914; *Каргер М. К.* Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв.— КСИИМК, III, 1940; *его же.* Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г.— КСИА АН СССР, № 81, 1960; *Гончаров В. К.* Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р.— АП, т. V, 1955.

[2] *Шараневич И.* Старорусский княжий город Галич. Л., 1880; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *Раппопорт П. А.* К вопросу о сложении Галицкой архитектурной школы.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968; *Асеев Ю. С.* Архитектура южной и западной Руси в XII—XIII вв.— ВИА. М., 1966; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I. М., 1961; *Вагнер Г. К.* Скульптура древней Руси. М., 1969; *его же.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974; *Логвин Г. Н.* Украинское искусство 1240—1540 гг. (Основные тенденции развития). Киев, 1967; *Исаевич Я. Д.* Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII—XIV вв.— В сб.: Польша и Русь. М., 1974, и др.

[3] Уроженец Галича художник М. П. Фиголь любезно сообщил нам, что об этом рельефе дракона местные жители знали давно. Блок с чудищем в стене устрашал молящихся, и, чтобы не отпугивать их, рельеф был заштукатурен, но молва о нем сохранялась, переходила из поколения в поколение.

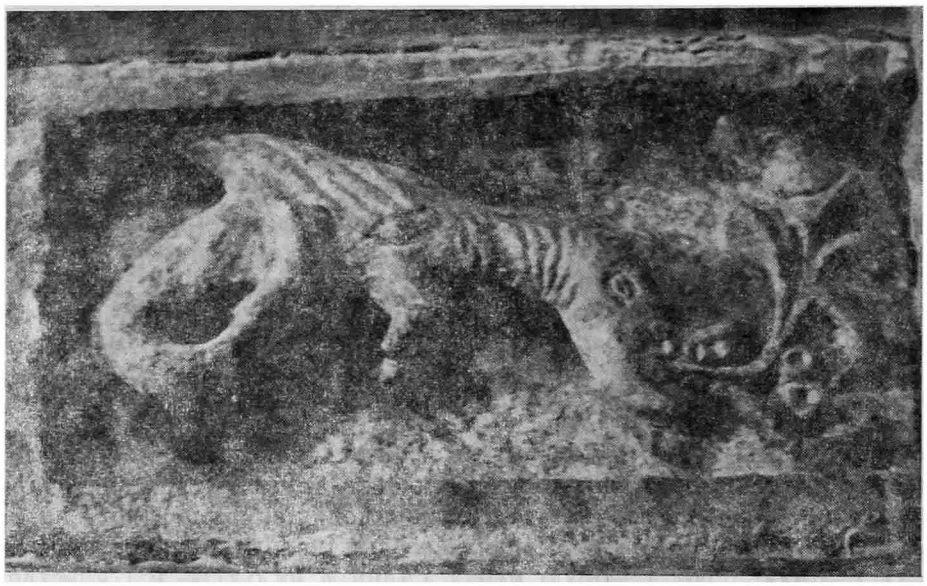


Рис. 1. Галичский рельеф с драконом XII в.

нию шеи. Изображение окаймлено с трех сторон рамой. Вверху она имеет ширину 4 *см*, левая сторона рамы равна 7—8 *см*, нижняя часть — 4—5 *см*. Правая часть блока обломлена. Ритуальность композиции и характер излома дают основание предполагать о наличии еще одного, парного изображения. Отсутствие следов резьбы на изломе исключает возможность углового изображения. Рисунок обрамления — широкая, завершающая сюжет левая часть, более узкая нижняя и самая тонкая верхняя, а также размеры блока позволяют считать, что первоначально это был архитравный камень с типичным бинарным изображением подобного же фантастического зверя. Наличие пальметты, имеющей законченную форму, а также многочисленных аналогий с подобными «догматическими» сюжетами делают весьма вероятным предположение о том, что по оси симметрии находилось, как обычно, изображение в виде креста, хризмы, солярного знака или другого символа, игравшего роль идейного и композиционного центра. Подобные сюжеты с изображением парных фигур имеют место в порталах Венгрии, Польши, Германии, Италии и других стран[4] (рис. 2). Таким образом, рельеф скорее всего представляет собой сочетание двух драконов, фланкирующих центральное космогоническое изображение. В этом случае общая длина блока равнялась примерно 160—180 *см*. Если учесть, что опора блока составляла с каждой его стороны по 15—20 *см*, то портал, перекрытый каменной плитой, был равен 130—140 *см*. Каменные блочные перемычки часто встречаются в романских храмах XI—XII вв. Их высота составляет обычно $^1/_5$ общей длины, что соответствует предполагаемым размерам блока с драконом ($33 \times 5 = 165$ *см*). Эта величина отвечала принятой ширине порталов в древнерусских постройках XII в.: портал Борисоглебского собора в Чернигове имел ширину 125 *см*, церкви Пантелеймона в Галиче — 135 *см*, боковые порталы храма Софии в Киеве — 140 *см*, церкви Василия в Овруче — 140 *см*, Успенского собора во Владимире — 150 *см*. Интересно заметить, что и портал храма Георгия (1157 г.) во Владимире, выстро-

[4] Портал к боковому нефу собора в Ассизи (XII в.).— В кн.: Двери и порталы в итальянской архитектуре. Обмеры и фотографии Ч. Б. Мак-Грю. М., 1949, с. 11. *Dival K.* Magyarorszac müveszeti emlekel. Budapest, 1927, S. 58.— In: Sztuka polska przedromanska i romanska do schylku XIII w. Warszawa, 1971, t. 1, fig. 459, 463, и др.

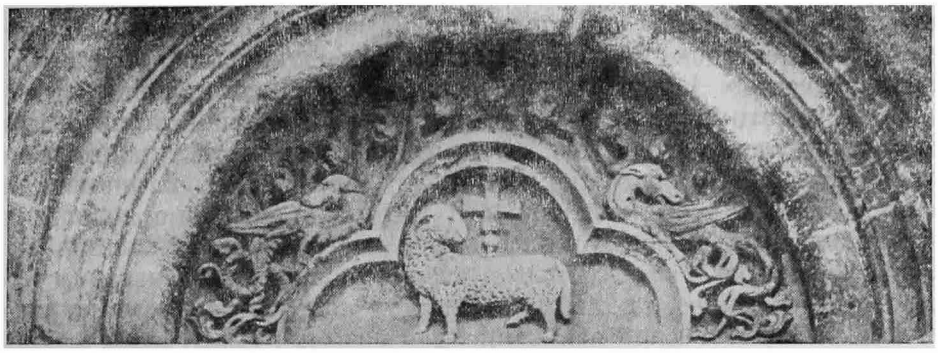


Рис. 2. Тимпан церкви в Яке, XIII в., Венгрия

енного галичскими мастерами[5], имел ширину 125—130 *см*. Эта церковь по времени строительства совпадает с периодом расцвета строительной деятельности Ярослава Осмомысла и сооружения Успенского собора в Галиче. Не отличались от древнерусских размеры и некоторых западноевропейских порталов, например церкви св. Марии в Лаахе (1093—1156) — 140 *см*, Великой церкви в Студенице (XII в.) — 125 *см*. Храм Осмомысла имел оборонительное значение, и при большом объеме здания (~32×32 *м*) его проемы были невелики.

Известно, что кафедральный Успенский собор, построенный Осмомыслом в 1157 г., уже в XIV в. был разрушен, а в XV столетии он представлял собой руины, из которых около 1500 г. была выстроена сначала каплица, а затем и нынешняя церковь Успения, которая была закончена в 1535 г.[6] Следовательно, рельеф с драконом, размещенный в церкви Успения (XVI в.) в случайном месте, в качестве строительного материала принадлежал одному из более ранних сооружений, находившихся в развалинах. Естественно предположить, что он вместе с отдельными камнями и фрагментами древнего кафедрального Успенского собора попал в строившийся новый храм Успения и как любопытная деталь был вмонтирован в стену.

По характеру структуры камня (мелкозернистый, слегка желтый пористый известняк) и высоте блока (33 *см*) каменный рельеф полностью отвечает остальному строительному камню нового, а следовательно, и старого Успенского собора. Учитывая близкое друг от друга расстояние (20—25 *м*) храмов, достаточную сохранность к XVI в. руин древнего Успенского собора, можно считать, что рельеф с драконом принадлежал храму Ярослава Осмомысла и был выполнен в середине XII в.

Конечно, не исключена возможность, что рельеф с драконом находился и в другом, разрушенном в период татаро-монгольского нашествия храме, например княжеской церкви Спаса.

Перекрытие дверного проема каменной балкой еще со времени древнехристианской архитектуры сочеталось с устройством разгрузочной арки. Такого типа порталы с тимпаном были широко распространены в раннехристианском зодчестве и широко применялись в эпоху романики. Наличие среди резных деталей Успенского собора времени Осмомысла ряда фрагментов арочных обрамлений, заглубленных в плоскость стены[7], дает основание предположить, что размещенный в толще стены портал с архитравным камнем был увенчан резным архивольтом наподобие романского валкового фриза[8], ограничивающего тимпан. Порталы

---

[5] *Воронин Н. Н.* Ук. соч., с. 109.

[6] *Пастернак Я.* Галицька катедра у Крилосі (Тимчасове звідомлення з розкопів у 1936 і 1937 р.).— Відбитка із записок НТШ, т. 154. Львів, 1937, с. XXI.

[7] *Пастернак Я.* Старий Галич, табл. VI.

[8] Там же, табл. VI, *5—8*.

с рельефным тимпаном, опирающимся на резной архитравный блок, характерны для построек Венгрии, Польши, придунайских стран[9]. Белокаменное зодчество Галича развивалось в условиях широких культурных связей с этими странами, и, конечно, галичская архитектурная школа почерпнула у своих соседей те элементы архитектурного декора, которые отвечали общей тенденции древнерусского каменного зодчества к обогащению выразительности храмов и внесению дополнительной семантической информации. К тому же следует учитывать и тот факт, что храм Ярослава Осмомысла строился, видимо, с участием пришлых мастеров, хорошо знакомых с техникой сооружения романских храмов[10]. Все это дает веское основание для мысли о том, что и в Успенский собор был привнесен привычный строителям прием завершения портала тимпаном с рельефным архитравным блоком. Это тем более вероятно, что и последующие постройки Галича, как бы продолжая строительные традиции времени Осмомысла[11], имели тимпаны (церковь Пантелеймона). Рельефные изображения, связанные со входом, были в храме Ивана Златоуста в Холме (первая половина XIII в.). По свидетельству летописи[12], храм был украшен «хытрецом Авдеем» «прилепами» с изображением святых над западным и северным порталами. Весьма вероятно, что изображения помещались в тимпанах.

Следует добавить, что и для киевских построек XI—XII вв. рельефные тимпаны не были совсем чужды. Как показали исследования, северный портал Успенского собора Киево-Печерского монастыря (1073—1078 гг.) имел резной тимпан; фрагмент его рельефа позволяет предполагать, что тимпан был посвящен изображению подвигов Михаила — Горгия[13]. Характерно, что и в росписи арок галереи Киевской Софии тоже имелось бинарное изображение. На плоской арочной перемычке проема, аналогичной архитравному камню, были изображены два грифона по обе стороны хризмы[14].

Исходя из вышеизложенного, можно высказать предположение и о семантической роли обнаруженного в Галиче рельефа. Расположение каменного блока с драконом на самом видном и ответственном месте портала, который имел символический смысл, не могло быть случайным или чисто декоративным. Известно, что в средневековом искусстве символическое значение рельефов преобладало над художественно-пластическим[15]. Вспомним рельефные капители Борисоглебского собора в Чернигове (1123 г.), которые существенно дополняли общий идейно-художественный образ храма, вносили в него элементы светского мировоззрения, связанного с идеей укрепления княжеской власти, обоснованием наследственных прав и возвеличения рода[16].

Обогащение фасадов храмов изобразительно-декоративной орнаментикой характерно не только для Чернигова. Остатки былого архитектурного декора и сохранившиеся памятники Галича, Рязани, Владимира и других городов свидетельствует о том, что это не случайное явление, а достаточно характерный для середины XII в. процесс, связанный с изменением художественного облика древнерусских храмов, в который

---

[9] *Кудрявцева Т. П.* К вопросу о «романских» влияниях во владимиро-суздальском зодчестве.— АН, № 23, 1975.

[10] *Воронин Н. Н.* Ук. соч., с. 108.

[11] *Логвин Г. Н.* Ук. соч.

[12] ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962, с. 843.

[13] *Холостенко М. В.* Успенский собор Печерського монастиря.— Стародавній Київ. Киев, 1975, с. 141.

[14] *Вагнер Г. К.* Проблема жанров..., с. 80, табл. 7.

[15] *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI вв. и южнорусских княжеств XII—XIII вв.— ИРИ, т. 1. М., 1953, с. 270.

[16] *Воробьева Е. В.* Семантика и датировка черниговских капителей.— В сб.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 182.

проникают элементы языческого догматизма и светские черты. Укрепление и развитие местных ремесленных и культурных центров, расширение торговли с Западом, десятилетний разрыв с Константинопольской церковью (1146—1156 гг.) и попытки воздействия Рима были достаточно сильными факторами для внесения в византийский прототип храма новых черт, отвечавших тенденциям развития древнерусской феодальной культуры. Эти тенденции имели место в середине XI в., когда Феодосий Печерский обращается к великому князю Изяславу Ярославичу с посланием «О вере крестьянской и латинской», в котором ратует за чистоту православной веры и выступает против западноевропейских да и византийского культурных влияний [17].

Через столетие после Илариона, первого русского митрополита, киевский князь Изяслав Мстиславович (1146—1154 гг.) ставит с помощью собора русских епископов митрополитом Руси Климента Смолятича. Клим Смолятич «бысть книжник и философ так, яко же в русской земле не бяшеть, бе зело книжен и учителен и философ велий, и, много писания написав, предаде» [18]. Характерно, что Климент в своем послании пресвятому Фоме вынужден отводить упреки в желании писать не от «почитаемых писаний» (выделено мною.— *Е. В.*), а от языческих писателей — «от Омира (Гомера), и от Аристотеля, и от Платона... иже во елиньских нырех славна беша» [19].

Против византийского влияния активно выступает и черниговский епископ Онуфрий (1143—1156 гг.), предложивший на «антигреческом соборе» кандидатуру Клима Смолятича на митрополичью кафедру.

Разгоревшаяся в церковно-феодальных кругах борьба за и против Клима Смолятича наглядно показывает силу и широту движения за самостоятельность русской церкви, которое, естественно, сопровождалось отходом и в церковном строительстве от канонических византийских схем.

Скупые внешние формы византийских храмов, возникшие в условиях теократической власти и формировавшиеся под большим влиянием религиозного мировоззрения, не отвечали требованиям укрепившегося феодального класса древней Руси.

Специфика феодальных отношений на Руси, с постоянным соперничеством и борьбой князей за великокняжеский престол, была ближе к общественным отношениям Западной Европы с ее сложной системой вассалитета и обособленной ролью церкви.

Приведенные факты не могли не отразиться на княжеском строительстве. Распространение при княжеских дворах светского искусства, воспевавшего князя и поднимавшего его авторитет, способствовало более широкому использованию орнаментально-декоративных деталей на фасадных плоскостях храмов. Богато украшенный снаружи храм свидетельствовал в глазах народных масс не столько о христолюбии князя, сколько о его могуществе и авторитете: «Ибо щедрый князь,— по словам Даниила Заточника,— отец многим слугам».

Не случайно одним из центров развития фасадной пластики в середине XII в. становится Галич. Владимирко Володаревич (1104—1152 гг.) в результате упорной борьбы с Венгрией, Польшей, а также собственным боярством утвердился в Галиче. Надо полагать, что в это время начинается активная застройка города, о чем говорят фрагменты фундаментов около 30 каменных зданий [20].

---

[17] *Еремин И. П.* Литературное наследство Феодосия Печерского.— ТОДРЛ, т. V, 1947, с. 159.

[18] *Водовозов Н. В.* История древней русской литературы. М., 1972, с. 78.

[19] Там же, с. 79.

[20] *Воронин Н. Н.* Ук. соч., с. 108.

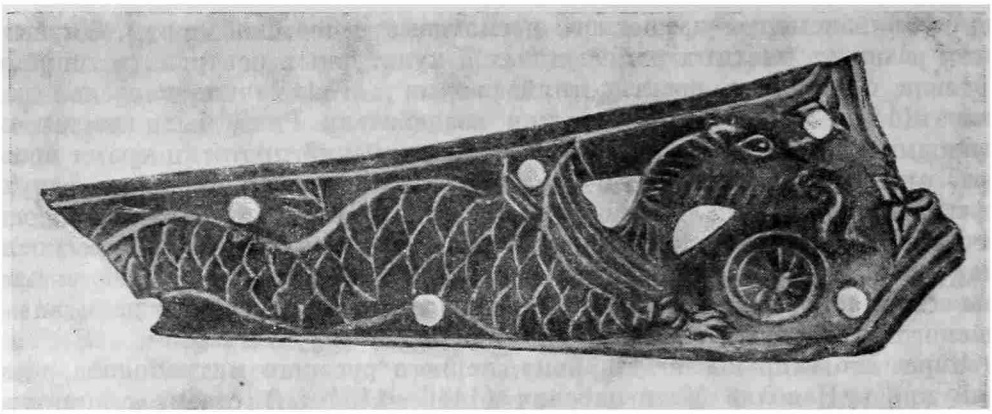


Рис. 3. Накладная пластинка с изображением дракона. XIV в.

Ярослав, получивший прозвище «Осмомысла» — мудрого, продолжал политику своего отца, направленную на объединение земель и укрепление Галицкого княжества.

Совершенно понятно, что он, как и другие князья, использует для закрепления своих политических успехов и популярности архитектуру. Успенский собор строился Осмомыслом как епископский и главный храм галицкой столицы, претендовавшей на главенствующую роль в древнерусском государстве. Схема плана Успенского собора в Галиче ближе к постройкам времени Ярослава Мудрого — Софии в Полоцке, церкви Ирины в Киеве. Применение закрытой галереи, окружавшей четырехстолпное ядро храма, как бы указывает на вполне понятную идеологическую ориентацию Осмомысла на эпоху могущества древнерусского государства. Остатки резного узорочья говорят, что порталы и окна Успенского собора были обрамлены резным орнаментом, а белокаменные консоли с женской головой и мордой льва дают основание предполагать, что декор храма включал аркатуру с характерными для средневековья человеческими и животными масками.

Естественно, что и изображение драконоподобных существ с пальметтой в зубах должно было нести серьезную смысловую нагрузку. Возникает вопрос: какова же семантика этого рельефа?

Сюжет с изображением змееподобных существ очень древний и хорошо знакомый народам Востока и европейских стран. Получил он широкое распространение и в славянском изобразительном искусстве, а также фольклоре, где ему отводится одно из центральных мест. Змей олицетворялся в языческие времена с кометой, его видели в радуге, отождествляли с природными стихиями, он мог перевоплощаться в чудовищное пресмыкающееся[21]. В то же время к змее издревле относились положительно, она воспринималась как символ очищения, благоразумия, мудрости и покровительства[22]. Ее изображение выступало часто в качестве оберега.

Под влиянием христианства ипостаси славянского змея постепенно подменялись единообразным представлением о драконе с собачьей (волчьей) головой и змеиным телом[23].

Как подтверждают новгородские легенды о змее Волхове, которому поклонялись новгородцы, отождествляя его с Перуном, существовали у древних славян и мифы о драконе — змееподобном чудище[24]. По

---

[21] *Смирнов Ю.* Песни южных славян. М., 1976, с. 9.
[22] *Карнеев А.* Физиолог. СПб., 1890, с. 231.
[23] *Смирнов Ю.* Ук. соч., с. 9.
[24] *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, с. 120.

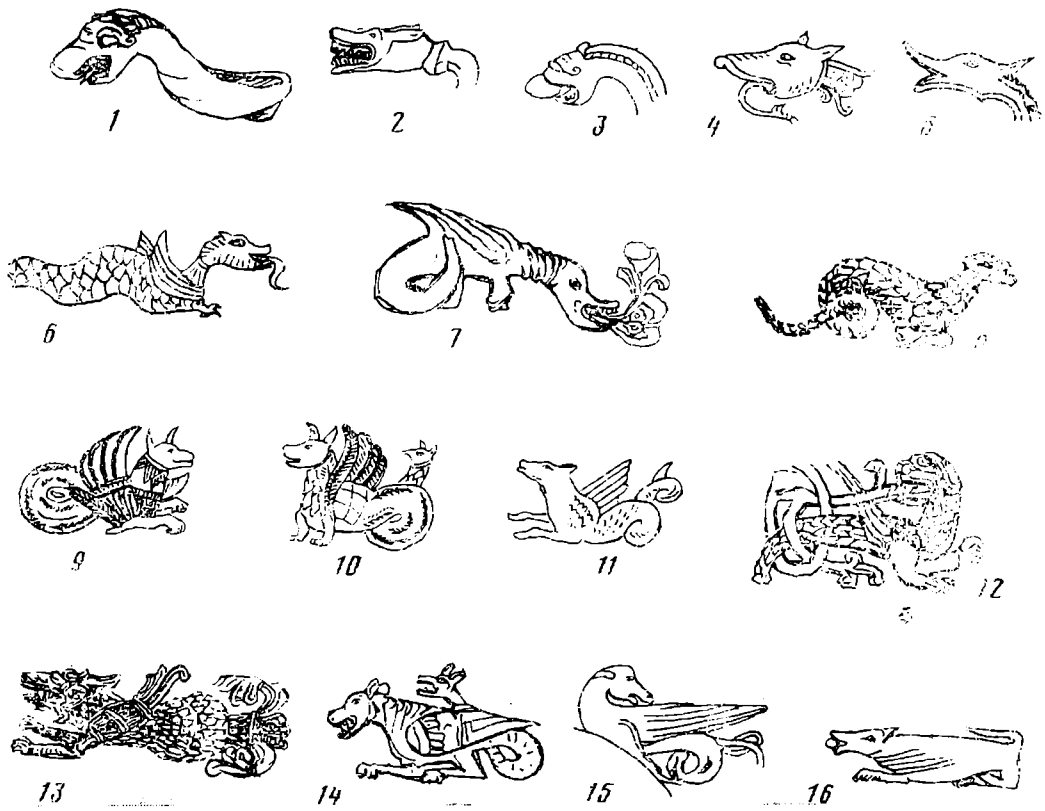


Рис. 4. Таблица с изображением драконов. *1* — деревянный ковш из Новгорода, X—XIII вв.; *2* — из раскопок в Гнездове; *3* — из раскопок в Новгороде; *4* — в новгородских миниатюрах, XII в.; *5* — на «чудском образке»; *6* — накладная пластинка из Новгорода, XIV в.; *7* — рельеф Галича, XII в.; *8* — рельеф из Варны, XIII в., Болгария; *9, 10* — на равеннской шкатулке, XII в.; *11* — на соборе г. Манса во Франции, XI—XII вв.; *12* — на капители Борисоглебского собора в Чернигове, XII в.; *13* — на Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, XIII в.; *14* — тимпан костела св. Николая, XIII в., Польша; *15* — тимпан церкви в Яке, XIII в., Венгрия; *16* — на соборе св. Якоба, XIII в., Регенсбург.
(рис. 2, 8 взяты из таблицы Г. К. Вагнера в книге «Скульптура Владимиро-Суздальской земли». М., 1964, с. 123)

убедительному предположению Г. К. Вагнера, образ этого дракона нашел отражение на одной новгородской пластинке XIII—XIV вв.[25], где змееподобное чудище (рис. 3) изображено с солярным знаком — свидетельством языческого осмысления образа[26]. Следует заметить, что дракон, изображенный на новгородской пластинке, по своему сходству со змеей, по положению змеевидного туловища, лап, головы близок изображению дракона на рассматриваемом рельефе Галича. Это не удивительно: о прямых контактах Новгорода и древнего Галича свидетельствует и сходство изделий художественного ремесла[27].

Изучение характера изображений драконов говорит о большом их многообразии. В целях анализа изображений змееподобных чудищ можно условно разбить их на две группы: к первой отнесем драконов с четко выявленным змеевидным телом и головой, напоминающей голову пресмы-

---

[25] *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода.— МИА, № 55, 1956, с. 34.

[26] *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, с. 122.

[27] *Седова М. В.* «Имитационные» украшения древнего Новгорода.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 150.

кающегося (змеи, крокодила) (рис. 4, *1*). Ко второй группе принадлежат изображения драконов, похожих скорее на крылатых собак (волков) и имеющих от змеи только завершение туловища — змеевидный хвост (рис. 4, *2*).

Как видно из сопоставления, змееобразный дракон получил более широкое распространение в южнославянском искусстве, а также новгородских землях, значительно менее характерен он для изобразительного искусства близлежащих европейских государств — Венгрии, Польши и др., где изображения драконов напоминают скорее крылатых собак. Сравнение галичского дракона с черниговским драконовидным изображением и драконами владимиро-суздальских храмов, также похожих скорее на крылатых собак, а не змей, показывает существенное отличие галичского образа, в котором ощущается большая склонность к натурализации изображения, непосредственность и даже наивность мастера, отсутствие характерных для черниговского и владимирских изображений элементов обобщения и стилизации. Подобная «реалистичность» изображения сближает галичского дракона с изображением драконов на изделиях новгородских мастеров [28]. В этих нюансах трактовки появилась, видимо, специфика местных художественных представлений, как бы особенность «диалекта» в мифотворчестве и изобразительном искусстве, повлиявшая на формирование местных художественных школ, а затем и национальных черт.

Все это свидетельствует о силе мифопоэтических представлений, отразившихся в образе галичского дракона, об устойчивости народных художественных вкусов и традиций. Мифология, ушедшая в прошлое, оставила народу свои поэтические образы, которые после принятия христианства еще долго служили на Руси, как и в Греции, «арсеналом» и «почвой», питавшими искусство XII—XIII вв. Можно полагать, что и в данном случае изображение дракона, помещенное в центральном месте портала, сохраняло еще мифопоэтическое представление об охранительных началах этого сложного образа, о чем свидетельствует и наличие пальметт — символической силы природы, ее плодородия. В то же время симметричное изображение воспринималось и как символ устойчивости, могущества и процветания галицкой земли, покровительства ей неземных сил, ее геральдической охраны. Симметрия, как условие равновесия и устойчивости, служила своеобразной идеограммой извечного порядка и неизменности мироустройства [29]. В пронизанном символикой и аллегорией средневековом искусстве художественный образ мог выступать в различных и даже противоположных значениях. Так, изображение на рельефе Сан Марко (Венеция, XI в.) дракона олицетворяло злое начало [30], и в то же время в других храмах Европы, например Венгрии (см. рис. 2), изображение драконов даже на более поздних храмах носило охранительное значение. Мы знаем несколько изображений драконообразных чудищ в древнерусской архитектурной пластике: дракон на капители княжеского храма Бориса и Глеба в Чернигове (1123 г.) олицетворял идеи покровительства княжескому роду Святославичей [31]; драконы Дмитриевского собора во Владимире (1197 г.), представленные в виде человекодраконов, трактованы в героическом плане [32]; драконы Георгиевского собора (1234 г.) в Юрьеве-Польском рассматриваются многопланово: и как намек на победу князя Святослава над болгарами в

---

[28] *Василенко В. М.* Образ дракона-змея в новгородских деревянных ковшах.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 327.

[29] *Вагнер Г. К.* Проблема жанров..., с. 49—51.

[30] *Даркевич В. П.* Путями средневековых мастеров. М., 1972, с. 110.

[31] *Воробьева Е. В.* Ук. соч., с. 179.

[32] *Вагнер Г. К.* Скульптура древней Руси, с. 268.

1220 г., и как древнее божество, попранное силой «победного креста», и как имеющие значение оберегов [33].

Как видно из приведенных примеров, помещенные на храмах рельефы с изображением дракона олицетворяли преимущественно положительные по отношению к человеку свойства. Естественно поэтому и семантику галичских драконов рассматривать в том же плане. Этому отвечают и сохранявшиеся в фольклоре южных славян еще длительное время после принятия христианства представления народа о змее-чудище как покровителе дома, села, оберегающем их от нападения враждебных сил:

«Остерегись, Мирчо-охотник,
Коня не шпонь, не вытаскивай саблю,
Ведь я же не проклятая лама,
Я хворый змей, воевода Мирчо,
Нас в темном месте трое братьев.
Один охраняет ваше селенье,
Другой охраняет Костурское поле,
Я же хранитель Перинской вершины» [34].

Об охранных свойствах драконов свидетельствуют и дошедшие до нас многочисленные изделия домашнего быта новгородцев, например завершения рукоятей ковшей X—XII вв. с головой змееподобного чудища.

Говоря о характере резьбы галичского рельефа, следует отметить его необычайную выразительность. Фигура зверя благодаря расположению ее по диагонали динамична, с большой экспрессией переданы сила гибкого тела дракона, его пластичность. Фигура чудища выполнена в глубоком округлом рельефе, почти объемном (6 *см*). Все это позволяет говорить о наличии в Галиче мастеров монументального рельефа, не связанных с навыками резьбы по дереву. Об этом свидетельствует также многообразие скульптурных фрагментов, дошедших до нас, и в частности маски льва и человека, найденные в развалах около апсид Успенского собора XII в. Конечно, обращение к звериной тематике перекликается в Галиче с романской скульптурой. Однако характер изображения зверя, его семантика исходят от местных, во многом еще языческих представлений, связанных с истоками и традициями русской художественной культуры. Христианская символика воспринималась славянами сквозь призму привычных мифопоэтических образов, которые придавали искусству местную окраску и формировали основы национальной художественной культуры. Семантика рельефа отражает мировоззрение эпохи двоеверия и не расходится с датировкой каменного блока — серединой XII в.

Проведенное наблюдение позволяет сделать ряд выводов. Образ дракона, имеющий глубокие корни в мифологии многих народов, связан на Руси домонгольского периода во многом еще с языческими представлениями и имеет, как правило, охранительные свойства. Различие трактовки дракона определяется спецификой местных мифопоэтических представлений, которые также способствовали сложению основ национальных художественных школ.

Анализ каменного рельефа дает дополнительное основание говорить о преемственности художественных школ древней Руси: Чернигова, Рязани, Владимира, где Галич представлял собой одно из начальных звеньев в единой цепи развития древнерусской скульптурной пластики.

Как подтверждают новые находки, в древнерусском государстве скульптура занимала важное место как средство идейно-художественной выразительности. Каменная пластика в княжеский период не представляла

[33] *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, с. 124.
[34] *Смирнов Ю.* Ук. соч., с. 66.

собой самостоятельного вида искусства, она являлась органической частью архитектуры. Тематически рельеф составлял неразрывную часть общего художественного образа и раскрывал с помощью иносказательного символического языка отдельные положения единой идеологической концепции. Скульптура Галича XII в., развиваясь в непосредственном контакте с общеевропейской архитектурной пластикой и используя в ряде случаев романские архитектурные формы, отображала в семантическом рельефе местные, еще во многом мифопоэтические представления и была связана с фольклором и художественными традициями славян.

Проведенный анализ позволяет говорить о достаточной самостоятельности тематической галичской скульптуры, что, конечно, не исключает известных влияний византийского или романского искусства.

E. V. Vorobyeva

A RELIEF WITH A DRAGON FROM ANCIENT GALICH

Summary

The ancient Russian chronicles, literature and the researches of modern historians, archaeologists and art investigators show the important role of Galich in the cultural and public life of the ancient Russia of the XIIth — XIIIth centuries. Galich artistic school is considered as one of the centres from which architectural plastic and stone building spread in ancient Russia. But many aspects of its development are not sufficiently studied. In this situation the relief with a dragon found in the XVIth century church of St. Dormition in the village Krylos (ancient Galich) is very interesting. The part of the block is 65 cm long and 33 cm hight. The research, carried out by the author, indicates that the relief belonged to the ancient church of St. Dormition, built by Jaroslav Osmomysl in 1157. The stone block was, obviously, an architrave stone and the picture had a binary character. Placed in the central part of the portal the symmetric picture of dragons with a palmetic between reflected the mythological and poetic ideas about the protective abilities of this ancient and complex image. The analysis of this relief let the author consider that the culture of ancient Galich, developing in the contact with the European architectural plastic and sometimes using the forms of Romanesque architecture reflected semantically the local ideas. This culture was closely connected with folklore and artistic traditions of the Slavs, that was showed by the peculiarity of the thematic sculpture of Galich.

Н. М. ФОМИЧЕВ

ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ АЗОВА

Для восстановления политической и экономической истории Золотой Орды большое значение имеет изучение джучидской нумизматики. В последние годы внимание исследователей стали все больше привлекать медные монеты, каталоги которых постоянно пополняются новыми типами. Они не только уточняют датировку археологических слоев, но и раскрывают особенности чекана местных монетных дворов Золотой Орды, обслуживавших определенные районы.

Одним из монетных дворов, обеспечивавших своей продукцией крупный экономический центр Золотой Орды и его округу, был Азакский монетный двор, находившийся в г. Азаке (Тане), одном из пунктов торгового пути из Средиземноморья на Восток.

Значительная коллекция джучидских монет находится в Азовском краеведческом музее. Ее изучение, однако, будет неполноценным без учета коллекций азовских нумизматов [1].

Особо выделяется хорошо подобранная коллекция краеведа К. Н. Иванова, которую он собирал в течение 30 лет [2].

Интерес для специалистов представят в большинстве своем неопубликованные ранее типы монет. Издание этих монет преследует цель начать систематическое изучение употреблявшихся в Азаке типов джучидских монет для создания в последующем их общей сводки.

Исследование джучидской нумизматики г. Азака позволит в основных чертах проследить взаимовлияние факторов исторического развития города Азака и всей Золотой Орды. Этому не в малой степени будет способствовать введение в научной оборот новых типов этих монет (рис. 1—9).

---

[1] Искреннюю признательность мы выражаем Г. А. Федорову-Давыдову за помощь в переводе трудночитаемых надписей на монетах; Л. М. Казаковой за разрешение опубликовать ее сборы монет; В. А. Ивановой — жене краеведа К. Н. Иванова, передавшей после смерти мужа в Азовский музей его коллекцию (461 пул и 69 дирхемов); П. Н. Яглову — члену археологической секции Азовского отделения ВООПИК, передавшему в музей личную коллекцию (28 пулов и 7 дирхемов).

О большинстве медных монет азовских нумизматов можно сказать лишь то, что они найдены в Азове. Подавляющая часть коллекции монет Азовского музея имеет лишь указания улиц, где они были найдены.

Для краткости указания мест нахождения монет сокращения имеют следующие обозначения: коллекция Азовского краеведческого музея — АКМ; К. Н. Иванова — И; О. Г. Цыганкова — Ц; П. Н. Яглова — Я; Г. Г. Доленко — Д; С. Г. Кузьмина — К; В. И. Глыбина — Г; Ю. В. Бабичева — Б; А. И. Третяка — Т; В. Е. Ермакова — Е.

Вес монет дается в граммах.

[2] Часть монет была им передана в Эрмитаж, другая часть передана для изучения Е. А. Пахомову (Баку), после смерти которого коллекция не вернулась. Тетрадь К. Н. Иванова, где были указаны места находок монет, была утеряна. Оставшиеся монеты, за исключением одного комплекса, беспаспортные, о них известно только, что они найдены в Азове. После всей его кропотливой собирательской работы остались лишь три листа машинописного текста рукописи «Говорящие деньги», предназначенной для местной газеты (находится в фондах АКМ).

Рис. 1. Золотоордынские монеты из Азова. Рис. 2—9 — название то же

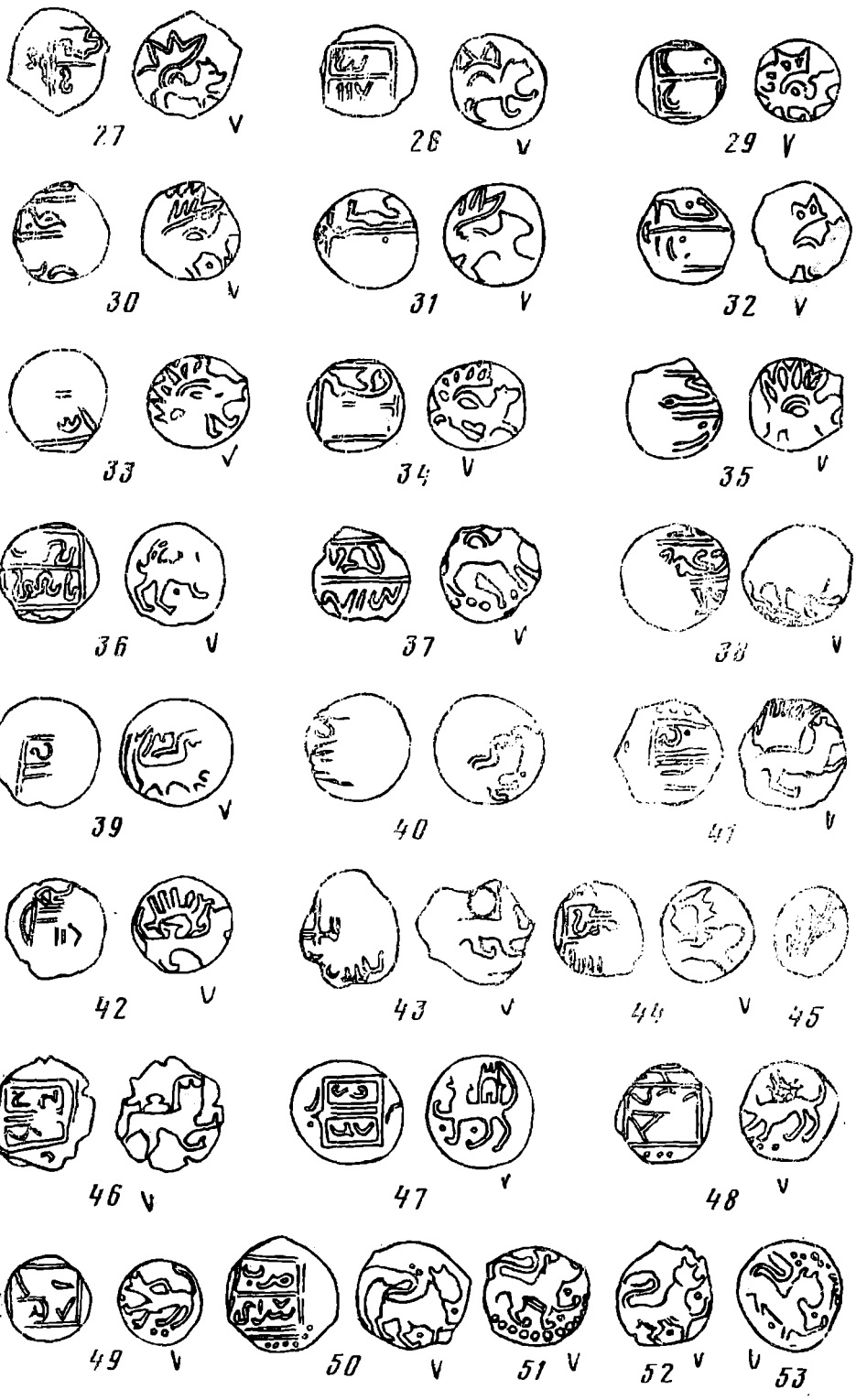

27
26
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53

Рис. 2

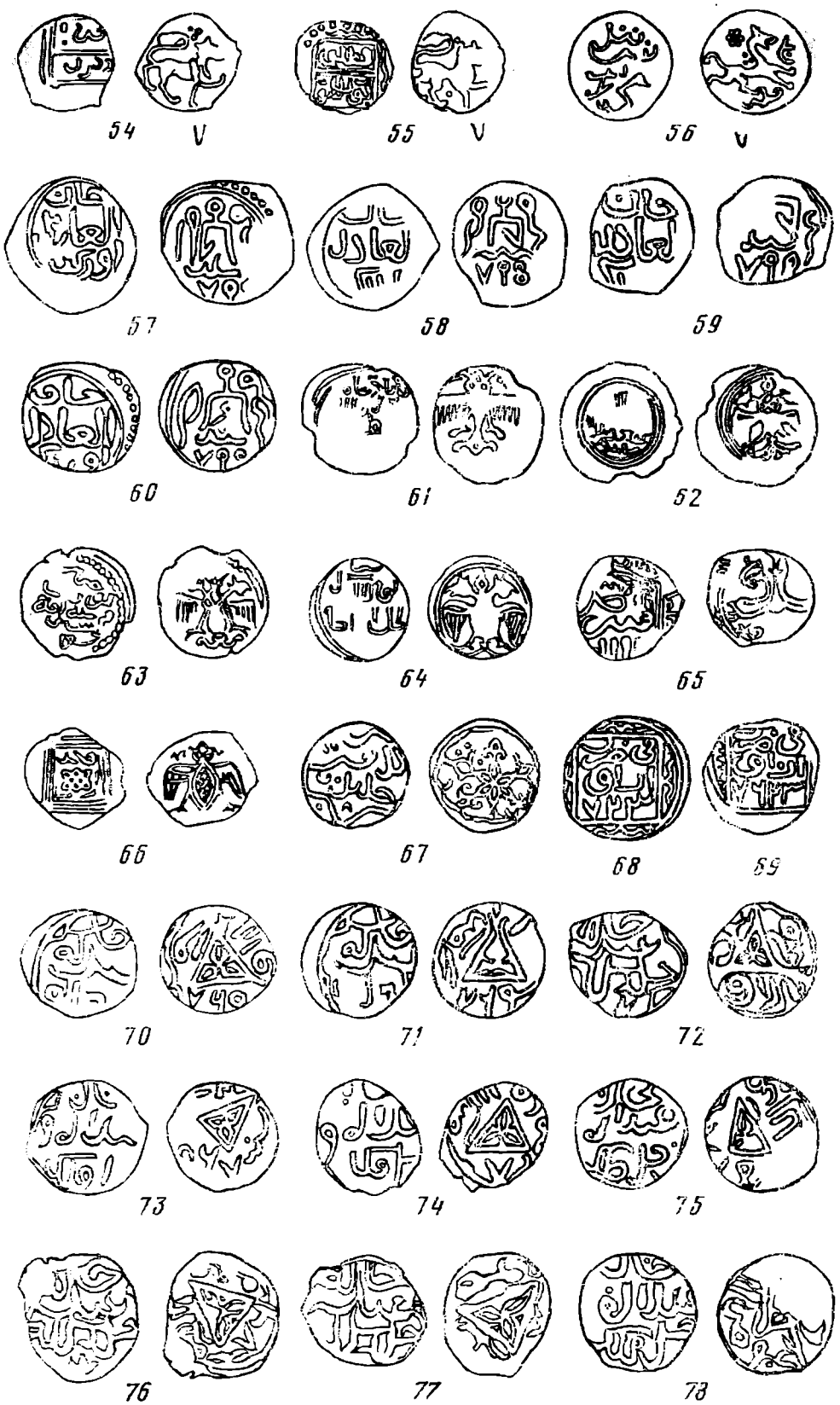

54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78

Рис. 3

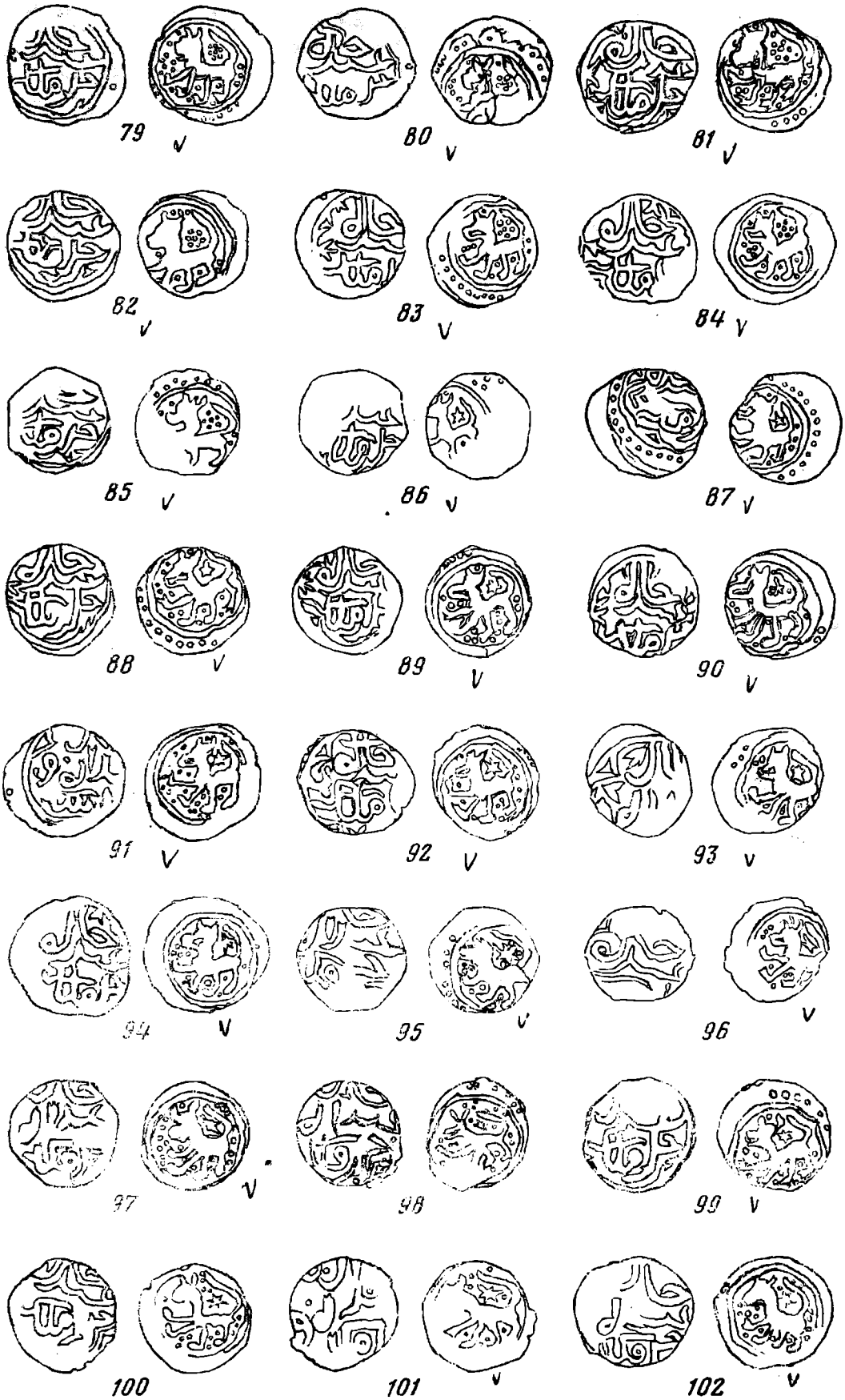

79 V
80 V
81 V
82 V
83 V
84 V
85 V
86 V
87 V
88 V
89 V
90 V
91 V
92 V
93 V
94 V
95 V
96 V
97 V
98
99 V
100
101 V
102 V

Рис. 4

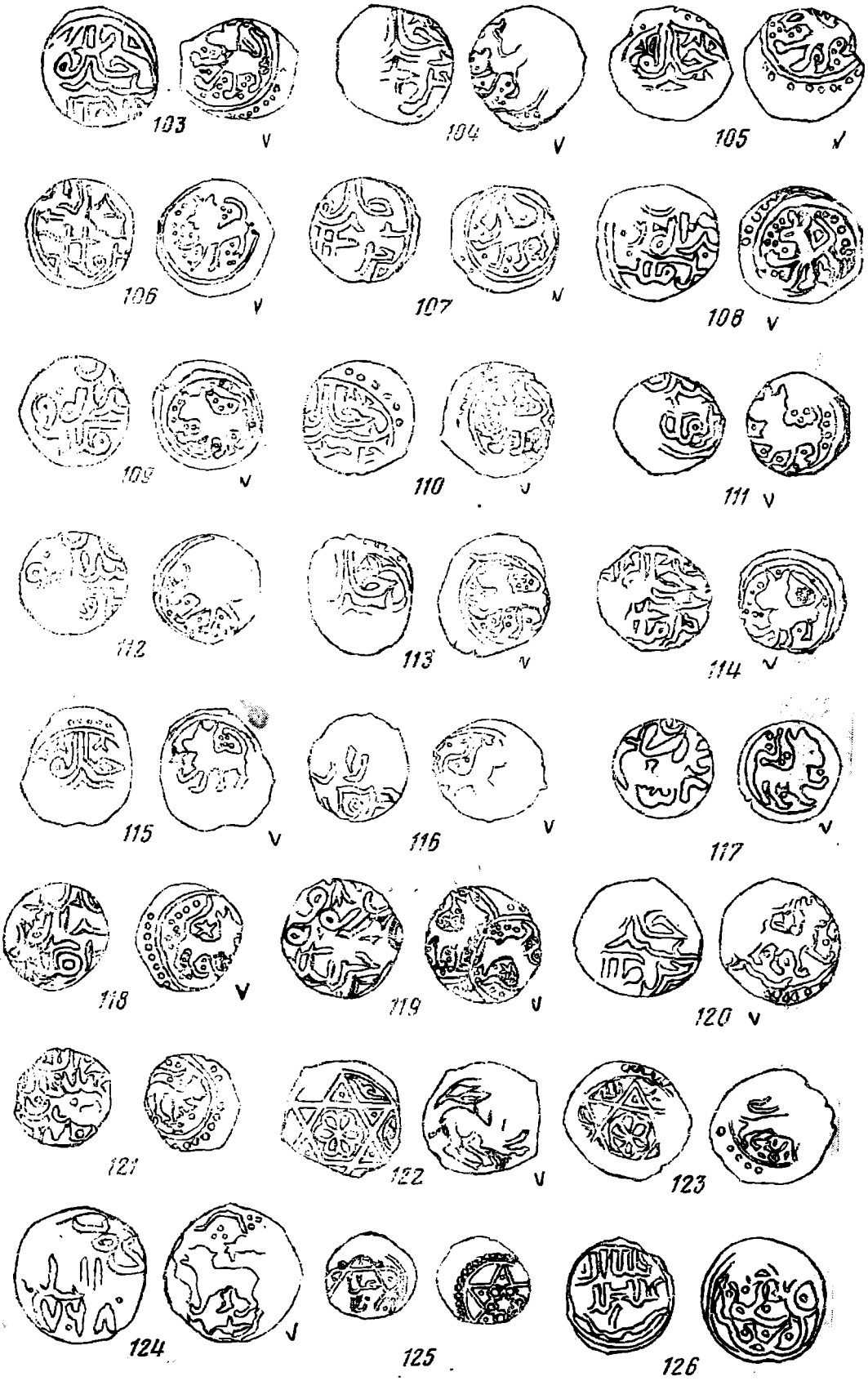

103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126

Рис. 5

127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151

Рис. 6

152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176

Рис. 7

177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202

Рис. 8

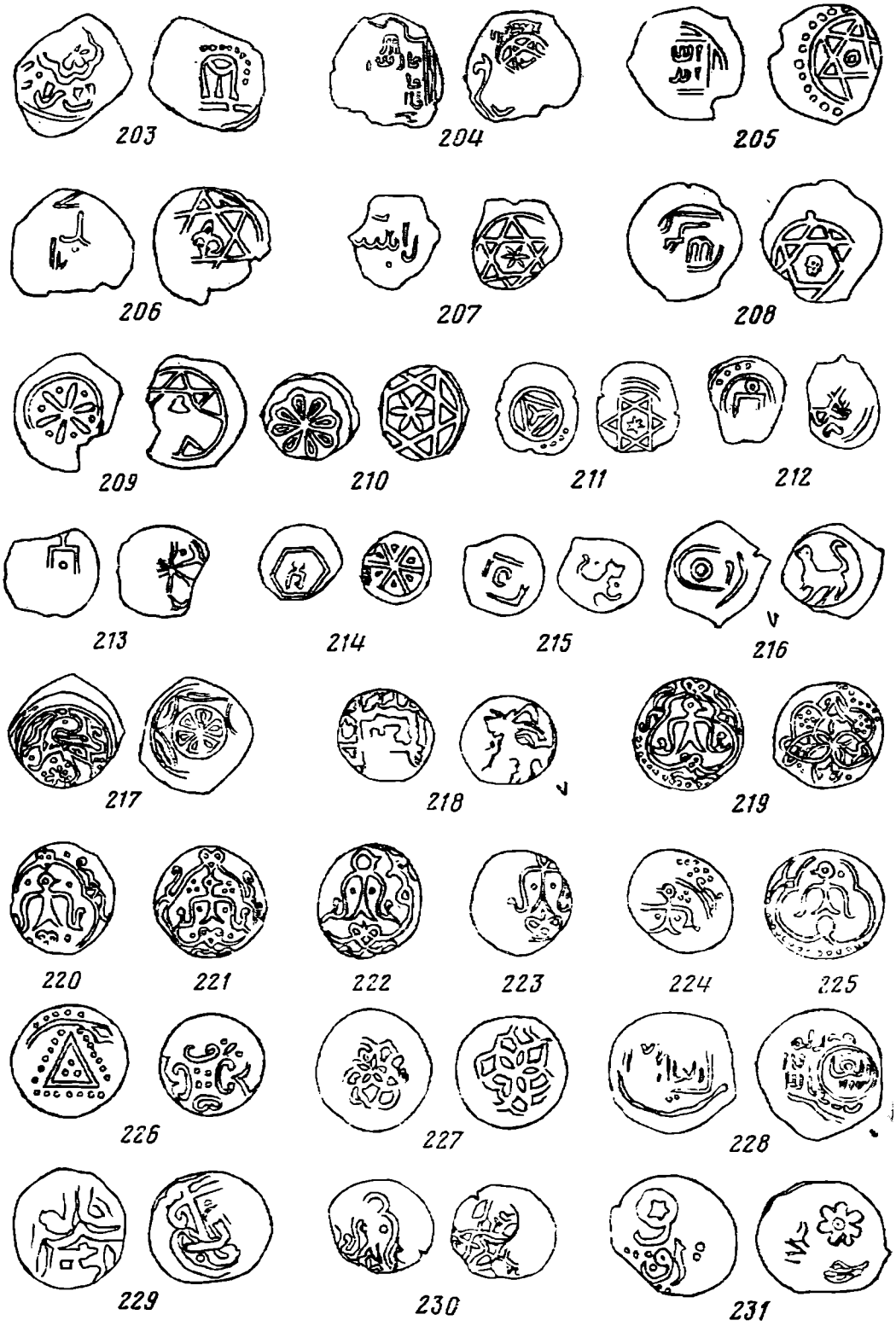

203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231

Рис. 9

Каталог монет

Серебро

№ 1 Л. с. В квадратной рамке из точек: Хан /правосудный/ Тохта?
О. с. Тамга. Под ней зверь влево. Слева от тамги: Чекан Крыма (?) Справа неясные знаки.
1 экз. Вес: Д — 1,04. Редкая монета.
№ 2 Л. с. Хан/ правосудный. Под надписью декоративная ветвь.
О. с. В треугольнике с точками на углах узел. Вокруг треугольника надпись: Чекан/Азака/ .....
4 экз. Вес: И — 1,04; 1,28; Я — 1,08; обломок.

Медь

Монеты Азака, Крыма, Сарая, Сарая аль-Джедида.
№ 3. Л. с. В двойной круглой линейной и квадратной из точек рамках надпись: Хан/справедливый/ Тохта. Сегменты между рамками орнаментированы кружочками и точками.
О. с. В двойной(?) квадратной рамке из точек, в центре тамга. Под тамгой звездочка. С правой стороны от тамги плохо видимая надпись: Крым(?).
1 экз. Вес. : И — 0,79 г. (п. с.).
№ 4—5 [3]. Л. с. В двойной круглой точечной и линейной рамках квадратный картуш, разделенный пополам двумя горизонтальными линиями. В картуше надпись: Высочайшее/повеление. Вокруг него надпись: Чекан/...../...../732.
О. с. Лев и восходящее солнце. Голова льва повернута анфас. Над солнцем надпись: Чекан Азака.
4 экз. № 4. Вес: И — 1,35; 1,10 (п. с.); АКМ — 1, 10 (п. с.); 0,78 (п. с.).
1 экз. № 5, в котором на л. с. более крупный картуш заключен в круглую точечную рамку, а вокруг картуша читается слово «Азак».
№ 6—7. Л. с., как л. с. № 4, но почерк надписи другой, а год 73(?).
О. с. Лев и восходящее солнце.
3 экз. № 6. Вес: АКМ — 1,20; 1,21; Е — 1,32 (на одной монете слово «Азак», на двух монетах год 73(?)).
3 экз. № 7. Вес: АКМ — 1,10; Б — 1,23; К — 1,30 (на одной монете слово «Азак»).
№ 8—10. Л. с. В круглой точечной рамке квадратный картуш, разделенный двумя горизонтальными линиями пополам. В картуше надпись: Высочайшее/повеление. Вокруг него: Чекан/Азака/года/734.
О. с., как о. с. № 6.
15 экз. № 8. Вес: АКМ — 1,55; 1,50; 1,48, 1,48; 1,35; 1,28; 1,24 (п. с.); И — 1,50; 1,45; 1,34; 1,06 (п. с.); Т — 1,45; 2 экз. (п. с.) (На всех монетах читается слово «Азак», на четырех — год 734).
5 экз. № 9. Вес: К — 1,70; 1,40; АКМ — 1,17 (п. с.); 1,12 (п. с.); 1,11 (п. с.).
5 экз. № 10. Вес: АКМ — 1,38; 1,15; 1,15; 1,10 (п. с.); Е — 1,26.
(На двух монетах видно слово «Азак», на одной монете — **год 734).**
№ 11—12. Л. с., видимо, как л. с. № 8, но на одной монете № 11 стоит на месте года слово «хан», а на второй на этом же месте стоит другое неразборчивое слово; на монете № 12 на месте слова «год» — неясная надпись.
О. с., как о. с. № 8, но на голове у льва корона.

---

[3] К сожалению, воспользоваться удобной системой описания: тип, вариант, штемпель (Я, с. 26 НС, ч. IV, вып. III. М., 1971) не представляется пока возможным, так как монеты описываемых типов, видимо, разных лет.

2 экз. № 11. Вес: АКМ — 1,40; 1,08. (На обеих монетах имеется слово «Азак».)

2 экз. № 12. Вес: АКМ — 1,25; И — 1,25. (На одной монете слово «Азак».)

№ 13. Л. с., как л. с. № 6, но год и место чекана плохо видны.

О. с., как о. с. № 6, но у зверя хвост опущен, а изображение солнца более стилизовано.

3 экз. № 3. Вес: АКМ — 1,32; 1,25; И — 1,40. (На одной монете слово «Азак» (?)).

№ 14—38. Л. с. и о. с. такие же, как предыдущие, только голова зверя повернута в профиль, а изображения зверя и солнца имеют различные варианты исполнения. На большинстве монет год и место чекана не видны, лишь на четырех прослеживается год 737, и в четырех случаях место чекана можно отнести к Сараю: № 15—16 (ФР № 57) [4]; № 20 (Я № 9, МИА, № 164); № 22. Не исключено потому, что некоторые из этих типов монет чеканились в Азаке.

Варианты о. с.: № 15—18 — солнце, поднявшееся над спиной зверя; № 14; 19—37 — солнце, поднимающееся над спиной зверя, принимает сильно стилизованное изображение.

70 экз. Вес: № 14 — АКМ — 1,44; 1,00 (п. с.); Т — 1,17; № 15 — АКМ — 1,45; 1,08; 1,11; 1,06; 0,93 (п. с.); 0,53 (п. с.), в последнем случае вес мал не только из-за плохой сохранности, но и из-за малого поля монеты; Ц — 1,35; № 16 — АКМ — 1,05; Д — 1,45; № 17 — АКМ — 1,32; И — 1,30; № 18 — АКМ — 1,27. (на монете стоит год 737); № 19 — Ц — 1,10; № 20 — АКМ — 1,57 (год 737 по Я № 9, МИА № 164); № 21 — АКМ — 1,15 (виден год 737); № 22 — АКМ — 1,56; 1,35; 1,32 (на монете год 737); № 23 — АКМ — 1,24; № 24 — АКМ — 1,45; № 25 — АКМ — 1,35; 1,08; № 26 — АКМ — 1,12; № 27 — Д — 1,44; № 28 — Д — 0,88 (п. с.) (Кр. Селитреное, Табл. I, № 9/5); № 29 — АКМ — 1,15; № 30 — АКМ — 0,68 (п. с.); № 31 — Б — 1,05; № 32 — АКМ — 1,30; № 33 — АКМ — 1,00; № 34 — АКМ — 1,11; № 35 — АКМ — 1,38; № 36 — Ц — 1,35; № 37 — АКМ — 1,22; № 38 — И — 1,80; остальные 32 монеты из-за плохих изображений трудно отнести к какому-либо из вышеперечисленных штемпелей. Веса их следующие: АКМ — 1,65; 1,55; 1,48; 1,45; 1,40; 1,40; 1,33; 1,32; 1,22; 1,20; 1,20; 1,05; 1,05; 0,94 (п. с.); 0,88 (п. с.); 0,74; (п. с.); 0,72 (п. с.); Т — 1,42; 1,35; остальные монеты очень плохой сохранности.

№ 39—46. Л. с. Видимо, то же, что и предыдущие. Легенды на всех плохо видны.

О. с. Зверь с солнцем над спиной.

8 экз. Вес: № 39 — АКМ — 1,10; № 40 — АКМ — 0,95; № 41 — И — 1,77; № 42 — АКМ — 0,93; № 43 — И — 0,70 (п. с.); № 44 — АКМ — 1,07 (п. с.); № 45 — АКМ — 0,75; № 46 — АКМ — 1,74.

№ 47—49. Л. с., видимо, то же, что № 46. Легенды плохо видны.

О. с. № 47 — Лев влево с солнцем; № 48 — Лев влево с солнцем, приседающий на лапы; № 49 — Лев влево, приседающий на лапы, с дужкой над спиной (может быть, остаток изображения восходящего солнца).

10 экз. № 47. Вес: АКМ — 1,08; И — 1,20; 1,07; 0,98 (п. с.); 0,92 (п. с.); 0,90 (п. с.); 0,83 (п. с.); 0,75 (п. с.); Я — 1,08; Т — 0,80 (п. с.)

---

[4] Сокращение источников дается общепризнанным: Фр — Френ *Х. М.* Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832; Я — *Янина С. А.* вместо названия статьи указывается номер монеты и название и номер сборника; Кр — *Кротков А. А.* Два собрания джучидских монет.— Тр. Нижневолжского общества краеведения, вып. № 37. Саратов, 1930.

1 экз. № 48. Вес: АКМ — 1,12.
1 экз. № 49. Вес: И — 0,68.
№ 50—54. Л. с. В квадратном картуше, разделенном линией пополам: Чекан/Сарая.
О. с. Зверь, идущий вправо.
34 экз. Вес: № 50 — Ц — 2,01; АКМ — 0,70 (п. с.); № 51 и очень близкие к нему по стилю изображения штемпеля — АКМ — 1,90; 1,47; 1,39; 1,30; 1,23; 1,19; 1,15; 1,15; 1,13; 1,12; 1,12; 1,10; 1,08; 1,05; Г — 1,35; Я — 1,26; К — 1,38; Т — 1,57; 1,32; 1,32; 1,15; 0,80 (п. с.); № 52 — Ц — 1,70; 1,30; № 53 — АКМ — 1,23; Д — 1,25; Ц — 1,75; 1,70; 1,25; Я — 1,69; № 54 — Ц — 1,20; Я — 1,40; остальные экземпляры плохой сохранности трудно отнести к какому-либо из указанных выше штемпелей.
Их веса следующие: 1,25; 1,23; 1,23; 1,17; 1,15; 1,10; 0,92.
№ 55. Л. с. В квадратном картуше, разделенном двумя линиями пополам: В добрый(?)/час.
О. с., как о. с. № 50—51.
2 экз. Вес: И — 1,09; АКМ — 1,11.
№ 56. Л. с. Неразборчивая легенда. Может быть, Чекан/Сарая(?)/.....
О. с. Зверь, бросающийся вправо. Между его спиной и шеей три точки, а выше них цветок. Перед мордой побег с точкой. Между ног неясное изображение.
6 экз. Вес: АКМ — 1,40; 0,83 (обломок); И — 1,35; 1,30; 1,30; Я — 0,87 (п. с.).
№ 57—60. Л. с. В двойной круглой точечной и линейной рамках надпись: Хан/правосудный/ Узбек.
О. с. В двойной круглой точечной и линейной рамках тамга, с трех сторон которой надпись: Чекан/Крыма/года/7 (??).
6 экз. Вес: № 57 — Ц — 1,40; И — 1,43 (обломана); № 58 — АКМ — 1,35; Я — 1,07, № 59 — И — 1,50; № 60 — И — 1,28.
№ 61—62. Л. с. В двойной круглой линейной рамке плохо видимая легенда.
О. с. В двойной круглой линейной рамке двуглавый орел.
2 экз. Вес: № 61 — И — 0,95 (п. с.); № 62 — АКМ — 2,56.
№ 63. Л. с. В круглой рамке из точек надпись сохранилась неполностью. (Легенда, по-видимому, та же, что на Я № 64б, МИА, № 80).
О. с. В круглой точечной рамке изображение двуглавого орла.
3 экз. Вес: И — 1,35; 1,35; 1,13.
№ 64. Л. с. Неразборчивая легенда. Может быть, Чекан/Пул Сарая/ аль-Джедид.
О. с. Изображение двуглавого орла.
3 экз. Вес: АКМ — 2,00; остальные очень плохой сохранности.
№ 65. Л. с. В шестиугольной рамке: Чекан/Сарая/ аль-Джедида. Вокруг рамки неразборчивая легенда.
О. с. Стилизованное изображение двуглавого орла.
1 экз. Вес: И — 1,07.
№ 66. Л. с. В прямоугольной двойной рамке неясная легенда.
О. с. Стилизованное изображение двуглавого орла.
4 экз. Вес: И — 1,11 (п. с.); 0,70 (п. с.); остальные очень плохой сохранности.
№ 67. Л. с. В многоугольной рамке: Чекан/...../Джедида/..8..
О. с. В круглой линейной рамке изображение сложной розетки.
1 экз. Вес: Ц — 1,30
№ 68—69. Л. с., как л. с. Я № 93, МИА, № 42.
О. с. Насчитывается четыре штемпеля, отличающиеся написанием года.
17 экз. 1-й штемпель: год, как на о. с. Я № 93, МИА, № 42. Вес: АКМ — 2,90; 2,82; 2,70; 2,50; 2,50; 2,25 (п. с.); 2,15; И — 2,55; 2,00;

1,80; Ц — 2,40; 1,65; К — 2,50; 2,51; 2,77 (п. с.); 2,47; Е — 3,82; 3,04.

6 экз. 2-й штемпель: то же, что 1-й, но между цифрами 7 и 6 стоит точка. Вес: АКМ — 3,36; 1,75; И — 3,20; 2,20; Я — 3,60; Г — 3,40.

3 экз. 3-й штемпель, как о. с. № 68. Вес: АКМ — 2,75; 2,35; И — 2,80.

5 экз. 4-й штемпель, как о. с. № 69. Вес: АКМ — 3,40, 2,75; И — 2,90; 2,75; 2,70.

Кроме этого, есть экземпляры, которые трудно отнести к какому-либо из этих штемпелей. Их вес: АКМ — 2,96; 2,70 (п. с.); 2,60; 2,60; 2,49; 2,17 (п. с.); 1,50 (п. с.); Е — 3,16; Т — 7 экз., очень плохой сохранности.

№ 70—78. Л. с. Хан/Абдуллах/ Да продлится его царствие.

О. с. Вокруг треугольника с трехлепестковой розеткой в центре: Чекан/Азака/ 765.

32 экз. Вес: № 70 — И — 2,80; № 71 — АКМ — 2,70; № 72 — И — 2,35; АКМ — 3,02; № 73 — Д — 2,75; № 74 — Д — 2,65; № 75 — Ц — 3,20; № 76 — Т — 2,37; К — 3,10 (п. с.); № 77 — Т — 2,84; № 78 — Т — 2,29; 3,26; АКМ — 3,44; 3,41; Я — 3,78; К — 3,14; Е — 2,88; 3,17; остальные монеты трудно отнести к какому-либо из указанных выше штемпелей. Веса их следующие: АКМ — 3,20; 3,01; 2,74; 2,67; 2,52; 2,02; Г — 2,33; Я — 3,08; Е — 2,73; остальные очень плохой сохранности.

№ 79—115. Л. с. В двойной круглой линейной и обрамленной точками рамке: Хан/Абдуллах/ Да продлится его царствие.

О. с. В двойной круглой линейной и обрамленной точками рамке — зверь влево среди точек. Между шеей и хвостом зверя — пять точек или звездочка.

74 экз. Вес: № 79 — Д — 3,01; № 80 — АКМ — 2,00; № 81 — И — 2,37; № 82 — АКМ — 1,97; № 83 — Е — 2,74; № 84 — АКМ — 1,90; Т — 2,27; № 85 — АКМ — 2,22; № 86 — АКМ — 2,51 [5]; № 87 — Я — 3,57; № 88 — АКМ — 2,55; № 89 — И — 2,40; № 90 — АКМ — 1,67; № 91 — Т — 2,73; № 92 — АКМ — 2,42 [6]; № 93 — АКМ — 2,50; № 94 — АКМ — 1,88 (п. с.); № 95 — АКМ — 2,52; № 96 — АКМ — 1,50 (п. с.); № 97 — И — 3,50; № 98 — К — 2,88; Я — 3,15; № 99 — Т — 2,52; № 100 — Я — 2,08 (п. с.); № 101 — К — 2,23; № 102 — Д — 2,96; № 103 — И — 3,35; 2,00; № 104 — Т — 2,26; № 105 — АКМ — 1,73; № 106 — Ц — 2,10; № 107 — Д — 2,13; № 108 — АКМ — 3,39; № 109 — АКМ — 3,01; № 110 — Д — 2,95; № 111 — АКМ — 2,53; Б — 1,80; К — 2,40; № 112 — И — 2,60; № 113 — Т — 2,47; № 114 — АКМ — 1,52; № 115 — Е — 1,91 (п. с.); остальные 32 монеты из-за плохих изображений трудно отнести к какому-либо из вышеуказанных штемпелей, они имеют следующие веса: АКМ — 2,57; 2,45; 2,42; 2,28; 2,24; 2,21; 2,10; 2,10; 1,65; 1,63; 1,57; 1,28; 1,08 (п. с.); И — 2,43; Е — 3,20; Т — 1,50 (п. с.); 16 монет очень плохой сохранности.

№ 116—120. Л. с., как л. с. предыдущих.

О. с., как о. с. № 79—115, но зверь вправо.

6 экз. Вес: № 116 — Т — 1,50 (п. с.); № 117 — Д — 2,30; № 118 — И — 2,05; АКМ — 2,00; № 119 — И — 2,31 (двойной чекан); № 120 — Т — 2,41.

№ 121. Л. с. Султан/Абд хан/.....

О. с. В двойной линейной круглой и обрамленной точками рамке зверь вправо среди точек.

1 экз. Вес: Е — 1,68.

---

[5] Монета № 626 по описи. Раскопки Н. М. Булатова, объект II, кв. 7, зачистка тандыра. Азов, 1973 г.

[6] Из сборов В. В. Чалого и Н. М. Фомичева 1979—1980 гг. даны веса только монет: № 55, 56, 92—96, 114, 156, 180, 195, 228—230.

№ 122—123. Л. с. № 122 — В двойной круглой точечной и линейной рамке шестиконечная звезда с розеткой в центре. Между лучами помещены побеги. № 123, как л. с. № 122, но между лучами: Абд(?) /Аллах/....

О. с. В двойной круглой линейной и точечной рамке зверь вправо. Между его ногами декоративная ветвь.

1 экз. № 122. Вес: И — 1,47 (п. с.).

1 экз. № 123. Вес: И — 1,29 (п. с.).

№ 124. Л. с. Чекан/Сарая ал-Джедид/ 768.

О. с. Лев, идущий влево.

1 экз. Вес: Д — 4,34[7].

№ 125. Л. с. В круглой рамке шестиконечная звезда с закругленными концами. В ней: Абд/Аллах.....

О. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке шестиконечная звезда, внутри которой розетка.

1 экз. Вес: И — 0,96 (п. с.).

№ 126. Л. с. В двойной круглой линейной и фигурной рамке:...../ Да продлится царствие его.

О. с. В круглой линейной рамке неясное изображение.

1 экз. Вес: И — 1,25.

№ 127—128. Л. с. В двойной круглой линейной и фигурной рамке: Аллах/Абд хан/ Да продлится его царствие.

О. с. В двойной круглой линейной и фигурной рамке: Чекан/аль-Джедида/770/ года. О. с. № 128, как о. с. № 127.

3 экз. № 100. Вес: И — 3,20; 3,20; АКМ — 2,21.

4 экз. № 101. Вес: АКМ — 3,52; И — 2,70; 1,75; обломок.

№ 129. Л. с., как л. с. № 128.

О. с., как о. с. № 127, но штемпель другой и от года видна только цифра 7...

1 экз. Вес: И — 1,95.

№ 130. Л. с., как л. с. № 127, но рамка круглая линейная.

О. с., как о. с. № 127, но стоит только цифра 7.

3 экз. Вес: И — 2,10; К — 2,40; Д — 2,15.

№ 131. Л. с., как л. с. № 127—130.

О. с., как о. с. № 130, но год не виден.

12 экз. Вес: АКМ — 2,60; 2,50; 2,00; 1,90; 1,90; И — 3,20; 2,70; 2,25; 2,20; 2,15; Д — 1,99; 1,26 (п. с.).

№ 132—133. Л. с. Хан/Абдуллах/ Да продлится его царствие.

О. с. Ромб с завитками на углах. В ромбе тамга.

4 экз. Вес: № 132 — АКМ — 1,56; И — 1,60; 1,30; № 133 — Д — 2,02.

№ 134. Л. с. В квадратной рамке: Чекан/аль-Джедида/ 773.

О. с. В квадратной рамке с узлами на углах и обрамленное соединенными узлами, среди точек тамга.

6 экз. Вес: АКМ — 3,27; 2,57; 1,90; Д — 2,67; 2,65; И — 2,95.

№ 135—140. Л. с. В квадратной рамке, обрамленной узлами, петлями, цветками: Чекан/аль-Джедида/года/ 77(7?) или 77(2?) год, написанный наоборот. На № 138 и 139 год не виден.

О. с. В квадратной рамке с узлами на углах, обрамленной узлами и петлями, среди точек тамга.

13 экз. Вес: № 135 — Т — 2,77; Б — 2,67; Е — 2,87; 2,50 (п. с.); 1,43 (п. с.); № 136 — Д — 2,19; № 137 — Ц — 2,50 год 77(7?); № 138 — АКМ — 2,15; 2,10; 1,86 (п. с.); И — 2,15; № 139 — И — 2,25; № 140 — Т — 2,39.

№ 141. Л. с. В точечной круглой рамке, очевидно, надпись та же, что на Я № 142а, МИА № 61, с. 412.

---

[7] Я № 115, МИА № 42, с. 448.

О. с. В круглой точечной рамке зверь вправо со звездочкой у хвоста.
1 экз. Вес: Е —1 ,19.
№ 142—149. Л. с. В круглой точечной рамке: В добрый час/Новый пул.
О. с. В круглой точечной рамке зверь вправо.
10 экз. Вес: № 142 — И — 1,15; № 143 — АКМ — 1,20. (Фр. № 384); № 144 — АКМ — 0,96 (п. с.); № 145 — АКМ — 1,43 (видимо, Фр. № 384); № 146 — АКМ — 1,40; И — 1,00; Ц — 0,95; № 147 — АКМ — 1,36; № 148 — Т — 0,96 (п. с.); № 149 — АКМ — 1,18.
№ 150. Л. с. В неясной рамке: Джедид/782/Чекан.
О. с. Сложный орнамент.
1 экз. Вес: И — 2,05.
№ 151. Л. с. В неясной рамке:... Джедид/783. √
О. с. Сложный орнамент.
1 экз. Вес: Т — 1,91.
№ 152. Л. с. Султан/ ....кта..../.... (Очевидно, как Я № 127, МИА, № 42, с. 449.)
О. с. Сложный орнамент.
1 экз. Вес: И — 2,00.
№ 153 Л. с. В рамке в виде шестилучевой звезды. Чекан/ (видимо) Азака.
О. с. Две рыбы, между ними ветвь. √
2 экз. Вес: Ц — 2,50; АКМ — 1,70.
№ 154. Л. с. В рамке в виде шестилучевой звезды: Чекан/Азака.
О. с. Изображение одной рыбы и ветви справа от нее.
14 экз. Вес: АКМ — 1,83; 1,75; 1,48; 1,45; 1,30; 1,20; И — 2,20; 1,75; 1,60; 1,50; 1,45; Д — 1,15; Б — 1,30. Е — 1,10 (п. с.).
№ 155—156. Л. с. В круглой рамке из точек: Чекан/Азака/ 783. √
О. с. В точечной круглой рамке птица вправо с распущенными крыльями. На первом штемпеле от крыла отходит отросток, на втором — от шеи птицы отходит ветвь с цветком.
9 экз. Вес: № 155 — АКМ — 3,49; 2,95; 2,44; 2,05; 1,74; № 156 — АКМ — 2,31; 2,00; 1,96; Т — 2,96.
№ 157. Л. с., как л. с. № 155—156, но год 587, очевидно, перевернут. Следует читать 785.
О. с., как о. с. № 155—156, но между верхним крылом и шеей птицы цветок.
1 экз. Вес: АКМ — 3,80.
№ 158. Л. с., как л. с. № 155—156, но год не виден.
О. с., как о. с. № 155—156, но между шеей и верхним крылом птицы ветка с бутонами.
1 экз. Вес: АКМ — 2,60.
№ 159—160. Л. с., как л. с. № 155—156, но последняя цифра года 78(?) не видна.
О. с. В точечной круглой рамке птица вправо с поднятыми вверх крыльями.
2 экз. Вес: № 123 — Д — 1,95; № 124 — Ц — 2,53.
№ 161. Л. с. В квадратной рамке с уголками в середине сторон: Чекан/ Азака/ 785.
О. с. Зверь влево с побегом на спине.
2 экз. Вес: АКМ — 1,93; 1,35.
№ 162. Л. с. В квадратной рамке: Чекан/ Азака/ 786. √
О. с., как о. с. № 161.
1 экз. Вес: АКМ — 1,70.
№ 163. Л. с. В квадратной рамке, заключенной в круглую линейную рамку: Чекан/ Азака/ 787.
О. с., как о. с. № 161—162.
1 экз. Вес: Д — 2,28.

№ 164—166. Л. с. В квадратной рамке, украшенной декоративными виньетками и заключенной в круглую линейную рамку: Чекан/ Азака/ 787.
О. с. Зверь вправо с повернутой назад головой, от спины отходит побег.
9 экз. Вес: № 164 — И — 2,45; 2,25; 1,60; Е — 1,99; № 165 — И — 1,45; № 166 — И — 2,55; 0,43 (обрезанная); АКМ — 1,50; 1,20.
№ 167. Л. с. В квадратной рамке: Чекан/ Азака/ 787.
О. с. Двуголовая птица влево с ветвью на верхнем крыле.
2 экз. Вес: И — 1,70; АКМ — 1,60.
№ 168—170. Л. с. Чекан/ Азака/ 697. Очевидно, год перевернут, следует читать 796.
О. с. Зверь с двумя головами, повернутыми мордами друг к другу. Между ними ветвь.
8 экз. Вес: № 168 — АКМ — 1,92; 1,75; И — 2,10; Д — 1,50; Я — 1,60; № 169 — К — 1,84; № 170 — Т — 2,13.
№ 171. Л. с. В круглой линейной рамке: Чекан/ Азака/ 796.
О. с. Сложный орнамент.
6 экз. Вес: И — 2,00; 1,79; АКМ — 2,25; 1,70; Е — 1,66; 1,17 (обрезана).
№ 172. Л. с. Неразборчивая. Читаются слова: Пул/ Азака.....
О. с. Шестиконечная звезда в квадратной рамке из двойных линий. В боковых двойных линиях точки.
2 экз. Вес: АКМ — 1,60; Я — 1,35.
Монеты с утраченными годами и анонимные.
№ 173. Л. с. Азак(?)
О. с. Сложный орнамент.
1 экз. Вес: И — 0,90.
№ 174. Л. с. Чекан(?)/ Азака(?).....
О. с. В центре цветок, вокруг него неясное изображение.
1 экз. Вес: И — 1,88.
№ 175. Л. с. В круглой рамке: Чекан/ Хаджи../... (очевидно, Хаджи Тархана).
О. с. Сложная розетка с завитками.
1 экз. Вес: Д — 2,04.
№ 176. Л. с. Хан/ справедливый/.....
О. с. Сложная розетка.
2 экз. Вес: И — 1,52; АКМ — 1,37.
№ 177. Л. с. Нет бога, кроме Аллаха/ а Мухаммед посланник Аллаха.
О. с. Неясное изображение.
1 экз. Вес: И — 2,23.
№ 178. Л. с. В круглой линейной рамке тамга. Вокруг нее: Чекан/ Крыма?
О. с. Сложная розетка с точкой в центре и звездочками на листьях.
7 экз. Вес: И — 1,29; 1,22; 1,09; 1,08; 0,80 (п. с.); 0,80 (п. с.); 0,71 (обломок).
Монеты с нечитаемыми надписями.
№ 179. Л. с. Неразборчивая легенда.
О. с. В прямоугольной рамке тамга с шипом на левой ножке.
1 экз. Вес: И — 1,26.
№ 180. Л. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке: Султан/ правосудный...../...../.....
О. с. Зверь вправо: Над ним: Чекан. Под ним: ...а(хб?)ун.
2 экз. Вес: АКМ — 1,73; Т — 1,92.
№ 181. Л. с. В двойной круглой линейной и квадратной рамке неразборчивая надпись.
О. с. В круглой линейной рамке баран влево.
1 экз. Вес: Т — 1,09.

№ 182. Л. с В круглой линейной рамке: Султан/.....хан.....
О. с. В круглой линейной рамке зверь влево с точками.
1 экз. Вес: Я — 1,85.
№ 183—186. Л. с. В квадратном картуше, разделенном линией пополам, неясные легенды, вокруг картуша орнаментальные линии.
О. с. Зверь влево.
6 экз. Вес: № 183 — Д — 1,58; № 184 — И — 1,18 (п. с.); № 185 — И — 1,18 (п. с.); № 186— И — 0,87 (п. с.); 1,03 (п. с.); Е — 1,15.
№ 187—188. Л. с. В круглой линейной рамке неясные легенды.
О. с. Зверь влево.
2 экз. Вес: № 187 — И — 0,55 (обломана); № 188 — Т — 0,65.
№ 189. Л. с. В квадратном картуше: Чекан/.....
О. с. Зверь вправо. Под ним линия и под линией зигзаг.
1 экз. Вес: И — 1,05 (Видимо, как Я № 134, МИА № 42, с. 451.)
№ 190. Л. с. Неразборчивая.
О. с. Зверь вправо.
1 экз. Вес: И — 1,05.
№ 191. Л. с. Не сохранилась.
О. с. Зверь вправо.
1 экз. Вес: АКМ — 0,91 (п. с.).
№ 192. Л. с. Неразборчивая.
О. с. Солнце с лицом над спиной зверя.
1 экз. Вес: И — 1,45.
№ 193. Л. с. Неясная.
О. с. Верблюд (?) вправо.
1 экз. Вес: И — 1,15.
№ 194. Л. с. В круглой линейной рамке легенда не видна.
О. с. Птица вправо со сложенными крыльями.
1 экз. Вес: АКМ — 1,60.
№ 195. Л. с. В тройной прямоугольной, с виньетками и круглой рамке неразборчивая надпись.
О. с. В тройной круглой рамке из волнистых полос, обрамленных точками, надпись: «правосудный».
1 экз. Вес: АКМ — 0,90.
№ 196—197. Л. с. В квадратной рамке, заключенной в рамку неясной формы, неразборчивая надпись.
О. с. В круглой линейной рамке: «правосудный».
2 экз. Вес: № 196 — 86 (п. с.); № 197 — И — 0,80 (п. с.).
№ 198. Л. с. В шестиугольной рамке неразборчивая легенда.
О. с. Сложная розетка с завитками.
1 экз. Вес: И — 0,35 (п. с.).
№ 199. Л. с. Не сохранилась.
О. с. В двойной линейной и точечной рамке сложная розетка.
2 экз. Вес: И — 1,06; 0,96 (п. с.).
№ 200. Л. с. В шестиугольной рамке, заключенной в двойной точечной и линейной рамке: Султан/....
О. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке квадрат с двумя дугами внутри его.
1 экз. Вес: И — 1,02 (п. с.).
№ 201. Л. с. В квадратной рамке, заключенной в круглую рамку, неразборчивая легенда.
О. с. Розетка в круге, вокруг нее неразборчивая легенда.
1 экз. Вес: И — 1,13 (п. с.).
№ 202. Л. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке неразборчивая легенда.
О. с. Розетка в такой же двойной рамке.
3 экз. Вес: И — 1,25; 0,95; Б — 1,25.

№ 203. Л. с. В центре розетка, обрамленная волнистой линией. Вокруг нее неразборчивая легенда, заключенная в круглую линейную рамку.
О. с. В круглой линейной рамке тамга с тремя ножками, обрамленная точками и прямой линией под ней.
1 экз. И — 2,02.
№ 204. Л. с. В фигурной рамке неразборчивая легенда.
О. с. Маленькая шестилучевая звезда в круге. Вокруг сложный орнамент.
1 экз. Вес: И — 1,07.
№ 205. Л. с. В квадратной рамке в круге неразборчивая легенда.
О. с. Шестилучевая звезда в круге с кружком в центре.
2 экз. Вес: И — 0,82 (п. с.); 0,46 (п. с.).
№ 206. Л. с. Неразборчивая.
О. с. Шестилучевая звезда в круге с побегом в центре.
1 экз. Вес: И — 0,90 (п. с.).
№ 207. Л. с. Неразборчивая.
Л. с. Неразборчивая.
О. с. Шестилучевая звезда в круге с розеткой в центре.
1 экз. Вес: И — 0,68 (п. с.).
Энэпиграфные монеты.
№ 208. Л. с. В неясной формы фигурной рамке тамга с тремя ножками.
О. с., как о. с. № 205.
2 экз. Вес: И — 1,00 (п. с.); 0,91 (п. с.).
№ 209. Л. с. Шестилепестковая розетка с точками в круге.
О. с. Шестилучевая звезда в круге. В центре ее неясное изображение.
1 экз. Вес: И — 0,38 (п. с.).
№ 210. Л. с. Розетка, обрамленная волнистой линией.
О. с. В круглой линейной рамке шестилучевая звезда с шестилепестковой розеткой в центре.
6 экз. Вес: АКМ — 1,35; И — 1,15; все остальные монеты плохой сохранности.
№ 211. Л. с. В круглой линейной рамке, обрамленной точками, заключен треугольник с трелистником в центре.
О. с. В двойной круглой линейной рамке шестилучевая звезда с шестиконечной звездочкой в центре.
1 экз. Вес. Е — 0,56 (п. с.).
№ 212. Л. с. В тройной линейной, точечной и линейной круглой рамке тамга.
О. с. В круглой линейной рамке (шестилучевая?) звезда с розеткой в центре.
1 экз. Вес. И — 0,51 (п. с.).
№ 213. Л. с. Тамга с точкой между ножками.
О. с. Шестилепестковая розетка с точками на листках.
1 экз. Вес: АКМ — 0,56 (обломок).
№ 214. Л. с. В круге пересекающиеся линии с точками между ними.
О. с. В шестиугольной рамке тамга.
1 экз. Вес: И — 0,93 (п. с.).
№ 215. Л. с. Неясная.
О. с. Зверь вправо.
1 экз. Вес: И — 0,45 [8].
№ 216. Л. с. Неясная.
О. с. Зверь влево.
1 экз. Вес: И — 0,76.
№ 217. Л. с. Шестилепестковая розетка в круге, окруженная дужками в круговой рамке.

---

[8] Эта монета имеет надпись, сделанную К. Н. Ивановым: Лев. Азак. Абдула. Пока мы затрудняемся давать ей определение.

О. с. В круглой рамке зверь влево с повернутой назад головой[9].
1 экз. Вес: АКМ — 1,70.
№ 218. Л. с. Неразборчивый рисунок, не исключено, что в квадратной рамке и вокруг нее была легенда.
О. с. Козел влево.
1 экз. Вес: АКМ — 1,49.
№ 219—225. Л. с. В рамке сердцевидной формы, украшенной узлами и виньетками и обрамленной круглой точечной рамкой, внутри тамга.
О. с. Сложная восьмилепестковая розетка с точками и растительным орнаментом на листках. Обрамлена точками.
Разновидности штемпелей: № 219 — тамга в рамке, головка тамги вправо; № 220 — то же, что № 219, но тамга среди точек; № 221 — то же, что № 219, но средняя ножка тамги короче крайних; № 222 — то же, что № 219, но головка тамги крупная; № 223 — то же, что № 222, но головка не ясна; № 224 — то же, что № 221, но головка влево; № 225 — то же, что № 220, но головка тамги влево.
48 экз. Вес: № 219 — АКМ — 3,00; 2,59; 2,59; 2,58; 2,50; 2,45; 2,25; 2,20; 1,85; Б — 2,50; Д — 2,52; И — 2,40; Ц — 2,67; Е — 2,45; 1,57 (п. с.); 1,23 (п. с.); К — 1,58; Т — 2,60; 1,20 (п. с.); № 220 — АКМ — 2,18; 2,15; 2,10; Г — 2,38; И — 2,34; Е — 1,94; К — 1,95; 1,88 (п. с.); № 221 — АКМ — 2,15; 1,80; 1,80; 1,52; 1,35; 1,18 (п. с.); Г — 2,22; Д — 2,29; И — 1,62; 1,36; Ц — 2,13; 1,30; Я — 1,70; К — 2,10; Т — 1,83; № 222 — АКМ — 1,80; 1,65; Ц — 1,65; № 223 — АКМ — 1,64; № 224 — Ц — 1,60; № 225 — АКМ — 2,18.
№ 226. Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке треугольник, окруженный рядами точек.
О. с. Четыре волюты с четырьмя точками в центре.
1 экз. Вес: И — 1,67.
№ 227. Л. с. и о. с. Сложный розетковый орнамент.
2 экз. Вес: АКМ — 1,80; Ц — 1,53.
Монеты с надчеканками.
№ 228. Л. с. На неразборчивой надписи нанесена в круглой рамке надчеканка: «правосудный».
О. с. В квадратной рамке, заключенной в круглую линейную рамку, неразборчивая надпись.
1 экз. Вес: Я — 1,96.
№ 229. На о. с. монеты типа № 133 надчекан в виде уголка.
1 экз. Вес: АКМ — 1,77.
№ 230. На о. с. монеты типа № 222 надчеканка: «законный», как на Я № 148 (III), МИА № 42, с. 454.
№ 231. На л. с. монеты типа № 156 надчекан в виде цветка, как на Я № 148 (III), МИА № 42, с. 454.

Исходя из разбора легенд на монетах и стратиграфических данных, получаем следующие наблюдения.

К 1280—1300 гг., очевидно, можно отнести монеты № 205—214[10].

Ко времени правления Токты относится № 3 и, очевидно, № 1.

Ко времени Узбека монеты № 4—60[11]. Монеты № 39—43 отнесены по аналогии и требуют уточнения своего хронологического положения. Тип монеты № 56 найден в одном случае в закрытом комплексе, перекрытом слоем, наиболее ранние монеты из которого — новосарайские монеты Джанибека с цветочным орнаментом, во втором случае в комплексе с монетами Узбека № 8—10.

---

[9] Интересно, что такая поза зверя встречается на монетах XIII в. из Болгар. *Федоров-Давыдов Г. А.* Два клада серебряных монет XIII в. из Болгар.— НЭ, X, М., 1972, с. 170, Табл. II.

[10] *Янина С. А.* МИА, № 42, с. 432—434; МИА, № 61, с. 403, № 16а; 26д, 26г.

[11] *Кротков А. А.* Два собрания..., табл. I, Селитреное, № 8—11/5 и № 17—20/11.

Монеты № 61—66 можно приурочить ко времени правления Джанибека [12].

С именем Абуллаха связываются монеты № 70—133. Монеты № 70—120 [13]; 121—123; 126—140; 219—225 относятся к азакской чеканке. На монетах № 79—120, 126—140, 219—225 это подтверждает количество монет и их штемпелей каждого типа, найденных в Азове, по сравнению с количеством находок на других городищах Золотой Орды. А на монетах № 79—120, 132—133 подтверждает также стиль надписей на них, аналогичный стилю на монетах № 70—78. Интересно, что имя Абдуллаха последний раз упоминается на медных монетах № 127—131, 770 г. х., на которых вместо имени города чеканки стоит слово «Новый». В последующем на монетах № 134—140 с 773 г. х. по 77(7?) г. х. имя хана исчезает, его заменяет тамга, такая же как на монетах № 132—133 с именем Абдуллаха, а слово «Новый» остается. В 782 и 783 гг. х. на монетах № 150—151 исчезает и тамга, остается лишь слово «Новый». По аналогии тамг энэпиграфные монеты № 219—225 можно отнести к началу 80-х годов XIV в.[14]

Большинство азакских монет № 153—170 времени правления Токтамыша объединяет одна особенность — наличие ветви при изображениях животных и птиц. Судя по этому и тому, что изображения двух рыб уже встречались на монетах времени Токтамыша [15], монеты № 153—154 также, очевидно, датируются началом 80-х годов XIV в.

Значительное количество неизученных типов медных монет с невосстановленными пока штемпелями, трудными для чтения, не дает пока возможности дать развернутую картину денежного обращения Азака. Можно подвести лишь предварительные итоги исследования.

В связи с той ролью, которую играл Азакский монетный двор в денежном обращении Золотой Орды, и на основании имеющихся в нашем распоряжении данных намечаются три основных периода подъема производства медных монет Азакским монетным двором.

Денежное обращение Таны (Азака) имело давние традиции. На территории города нередки находки медных византийских монет XI—XII вв. Дальнейшее развитие его было тесно связано с торговой экспансией итальянских средневековых республик. Не входя в разбор вопроса о преобладании в это время торговой активности подданных Венеции или Генуи [16], можно отметить, что начало работы Азакского монетного двора относится, очевидно, к 1317 г., от которого сохранились серебряные монеты Узбека [17].

Первый подъем чекана медных монет связывается с временем правления тоже этого хана. В 1332—1333 гг. венецианцам удалось добиться от Узбек-хана наряду с торговыми привилегиями права на закрепление за их торговой колонией определенной территории. С этого времени венецианская колония получила прочное административное устройство [18]. Именно к 732—734 г. х. и близкому к этим годам времени относятся большинство монет Азакского двора с изображением льва и солнца и легендой «Высочайшее Повеление». Этот выпуск монет отразил, таким образом, развитие торговли местного населения с итальянской колонией.

---

[12] Я № 48, 51, МИА, № 42; Я № 1—7, МИА, № 61; Я № 64б, МИА, № 80, МИА, № 111, с. 156.

[13] *Кротков А. А.* Ук. соч., табл. II, Селитреное, № 37/58; Я № 41, МИА, № 164.

[14] Фр № 358—361; Я № 139, МИА, № 42.

[15] Фр. № 68; Я № 141, МИА, № 42.

[16] Вопрос этот остается дискуссионным. См. *Ковалевский М. М.* К ранней истории Азова. Тр. XII АС в Харькове, 1902 г., т. II. М., 1905, стр. 115—124; *Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. ИЗ, № 3, 1938, с. 76.

[17] *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в.— СА, 1958, № 3, с. 69.

[18] *Ковалевский М. М.* Ук. соч., с. 118, 123, 124.

В это время влияние центральной ханской власти оказалось на выравнивании соотношения медных и серебряных монет в различных районах Золотой Орды. По данным Ф. Б. Пеголотти, в Тане (Азаке) действовало соотношение: 16 фоллери приравнивалось 1 аспру [19]. Такое же соотношение: 16 пулов=1 данику действовало на остальной территории Золотой Орды. Соотношение это символизировала легенда «Высочайшее повеление» [20]. Интересно, что на год позже такой же тип монет с этой легендой и изображением льва с солнцем стал выпускаться в 733 г. х. в Сарае [21], по-видимому, под влиянием развивавшегося торгового пути через Тану в Китай.

Уже при Узбеке со второй половины 1330-х годов в денежное обращение Азака вливается значительное количество сарайских монет (№ 15—17, 20, 22), что, очевидно, связано с начавшейся централизацией выпуска медных монет в столице. При правлении Джанибека медные монеты Азака не выпускаются, их заменяют новосарайские монеты. Пока что ни одной монеты Азакского монетного двора нельзя уверенно связать с временем его правления. На работу монетного двора в это время явно должно было повлиять изгнание венецианцев из Таны на пять лет (с 1343 г. по 1347 г.) [22], а также эпидемия моровой язвы, оставившая лишь пятую часть жителей Таны [23].

Следующие периоды подъема производства медных монет Азака связываются с правлением Абдуллаха и царствованием Токтамыша. Наибольшее количество медных монет производилось азакским монетным двором во время правления Абдуллаха. Видимо, в Золотой Орде каждый монетный двор чеканил монеты по своему стилю, но согласованно со столичными выпусками лишь во времена политической стабильности Золотой Орды [24]. Впоследствии местные дворы нарушают сложившиеся прежде традиции чекана. Нарушение этих традиций особенно проявилось на работе Азакского двора во время правления двух вышеназванных ханов, когда монеты начали выпускать с совершенно самостоятельными и независимыми от столичных изображениями.

В зависимости от взаимоотношений итальянцев с татарами торговая активность Таны влияла на работу монетного двора. Судя по количеству местных и привозных медных монет, Азакский монетный двор выпускал медные монеты лишь тогда, когда нехватка столичных медных монет затрудняла развитие внутренней торговли Азака с итальянской колонией. О времени смуты ярко свидетельствуют серебряные монеты Бердибека, Кульны, Навруза, Хызра, Ордмелика, Кильдибека. В то же время медные монеты, отражающие развитие внутреннего рынка города, почти не представлены. Только при Кильдибеке в 763 г. х. был осуществлен значительный выпуск медных монет № 68—69.

Значительное разнообразие типов медных монет времени Токтамыша, при незначительном количестве монет, подтверждает и на азовском материале вывод о сильной деградации внутригородской жизни во время его правления [25]. Особо выделяется 787 г. х., когда в один год было выпущено четыре разных типа монет (№ 163—167 и Я № 54, МИА, № 164). Интересно, что некоторые монеты, например № 161—163, с одним и тем же изображением чеканились в течение нескольких лет.

Разгром Азака и итальянской колонии Тимуром прервал на короткое время работу монетного двора. Однако большие прибыли, получаемые

[19] *Pegolotti F. B.* La pratica della Mercatura ed by Allan Evans. Cambridge — Massachusetts, 1936, p. 35.

[20] *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежно-весовые единицы..., с. 71.

[21] Я № 36, МИА, № 42.

[22] *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 34.

[23] *Филевский П. П.* История Таганрога. М., 1898, с. 22.

[24] *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотая Орда и монгольский Иран.— Вестн. МГУ, Сер. истор., 1978, № 6.

[25] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет.— НЭ, № 1, 1960, с. 113.

итальянцами от торговли с татарами, заставляли их восстановить Тану. Их стремлению способствовало и освобождение на короткое время морских коммуникаций от турецкого контроля после битвы при Ангоре (28 июля 1402 г.) [26]. В начале XV в. опять начинает работать монетный двор Азака. От этого времени известны серебряные монеты Шадибека [27]. Однако общее ухудшение положения Таны после разгрома Тимуром экономических центров Золотой Орды, изменение международных морских путей, усиление турецкого засилья в морских проливах Средиземноморья, трижды повторявшиеся погромы Таны татарами, потеря в результате всего этого своего прежнего экономического значения естественно отразились на работе монетного двора. Последний погром 1418 г. сопровождался сожжением всего поселка [28].

Полное восстановление штемпелей и определение стратиграфического местонахождения монет позволит определить хронологические рамки существования как вышеперечисленных, так и остальных анонимных, энэпиграфических и монет с непрочтенными легендами.

N. M. Fomichev

THE DJUCHID COINS FROM AZOV

Summary

The money circulation of the Golden Orda town of Azak is hitherto studied in a small degree. The publication of a substantial number of mainly unknown Djuchid coins will let the explorers to trace the development of the Golden Orda and town of Azak more accurately. Only preliminary results of the studies on the subject can be given right now. The work of the Azak mint depended on the trade activity of the Italian colony in the town. Three periods of increasing of the copper coins production by the Azak mint can be established: early thirties of the XIVth century; second half of the sixties; and the eighties of the XIVth century. The local coins were produced only when the shortage of coins, minted in the main centres, obstructed the development of inner trade between Azak and the Italian colony. The Azak coins are devided into 3 groups: I — the coins which inscriptions are read and the periods of their mintage established; II — the coins with the lost and unreadable inscriptions; III — unepigraphic coins. The publication of the coins with unreadable inscriptions will help the explorers to reconstruct the stamps of the Djuchid coins in their disposal.

---

[26] *Скржинская Е. Ч.* Ук. соч., с. 39.

[27] *Френ Х. М.* Ук. соч., с. 42; *Савельев П.* Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и др., обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша, вып. 2, СПб., 1858, с. 323.

[28] *Ковалевский М. М.* Ук. соч., с. 159; *Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А.* Ук. соч., с. 76. В упомянутой выше рукописи К. Н. Иванова указано, что последние монеты азакского монетного двора относятся к 1415 г. К сожалению, в коллекции музея монет 1415 г. не имеется; очевидно, К. Н. Иванов имел такие монеты в своей коллекции.

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ БУЛГАРСКИХ ГОРОДИЩ В ТАТАРИИ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.)

Отряд Татарской археологической экспедиции под руководством автора в три экспедиционных сезона провел большие работы по рекогносцировке ранее не изученных или недостаточно обследованных городищ центральных, западных и южных районов территории Волжской Булгарии. Часть городищ была известна по дореволюционной литературе, написанной на основе местных сообщений или древних актов [1]; часть обследовалась в различные годы [2], однако при этом сведений было недостаточно: либо не составлялись планы городищ, либо отсутствовал материал, необходимый для определения культурной принадлежности и даты памятников. Сведения о некоторых городищах были вообще крайне скудными. Возникла также необходимость дополнительного обследования городищ, изученных в свое время Самарской археологической экспедицией и расположенных в настоящее время в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Наконец, условные обозначения на топографических картах вызывали предположения о наличии новых, неизвестных до сих пор городищ.

В 1967 г. отряд провел обследование значительной части Предволжья, начиная с его северной зоны и кончая юго-западной частью республики на границе с Чувашской АССР и Ульяновской областью. Разведки велись в основном в бассейне р. Свияги, включая некоторые ее притоки, не обследованные ранее: Ари и Сякел в низовьях реки, верховья правого притока Улемы и левого притока Табарки. Пройдены такой же сплошной разведкой верхние течения рек Бездны и Большой Яклы, пра-

[1] *Артемьев А.* Древний булгарский город Жукотин.— ЖМВД, XXXIII, кн. 1. СПб., 1851; *Невоструев К. И.* О городищах древнего Волжского-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской.— Тр. I АС, т. II. М., 1871; (Вячеслав Н.). Заметки о городищах, курганах и других земляных насыпях в Казанской губернии. Казань, 1874; *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877; *Износков И. А.* Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках.— ИОАИЭ, т. I, 1878; т. III, 1884; *Борисов В. Л.* «Историографическое описание Казанской губернии» Капитона Милковича.— ИОАИЭ, т. XIV, вып. 5, 1898; *Порфирьев С. И.* Древности Казанского края в актах генерального межевания.— ИОАИЭ, т. XX, вып. 1—3, 1904.

[2] *Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770; *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году, ч. 1. СПб., 1795; *Казаринов В. А.* Описание Билярских и Баранского городищ.— ИОАИЭ, т. III, 1884; *Пономарев П. А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Тубулга-Тау и неопределенные города.— ИОАИЭ, т. XI, вып. 4, 1893; *Карасев В.* Материалы для археологической карты Казанской губернии (Отчет о поездке в Чистопольский уезд).— ИОАИЭ, т. XXVII, вып. 1, 1911; *Салитов Ш.* О неизвестных исторических местах.— ЗТМ, вып. 5. Казань, 1929.

вых притоков Суры в пределах Татарской АССР. В 1970 г. проводился объезд городищ и прилегающих к ним селищ Западного Закамья — в бассейнах рек Ахтай, Малый Черемшан, Шешмы, а также по неизученной до настоящего времени р. Малой Сульче. Сплошной разведкой пройдены бассейны Челны и Елховки — левых притоков Шешмы. В 1971 г. проведены разведки правобережья и левобережья в Ульяновской области с целью закончить более или менее полную рекогносцировку булгарских городищ. Обследованы районы Старого Алейкина на Свияге и Больших Ундор на Волге, Теренгульский район.

За три года усиленных разведок экспедиция обследовала 185 памятников, из которых 131 являются булгарскими. Почти все памятники, за исключением некоторых городищ, обнаружены и изучены впервые. Большая часть памятников приходится на долю Западного Закамья — центральной территории государства волжских булгар [3].

Сняты точные планы 32 булгарских городищ, их стратиграфия (шурфы 2×2, 1×1 *м*), собран подъемный материал [4]. Девять городищ обследовано в бассейне Шешмы; семь — в бассейне Малой Сульчи; пять — на Свияге; три — на Ахтае; по два городища — на Малом Черемшане и Майне, по одному — на Волге, Большом Черемшане, Бездне и Большой Якле [5].

Судя по размеру, форме, характеру обороны, мощности культурного слоя, наличию или отсутствию окружающего селища с учетом всей топографии местности, городища можно разделить на три группы: остатки городов, остатки феодальных замков, остатки военных крепостей по охране пограничных зон и торговых путей. Памятники первой группы отличаются прежде всего большими размерами. Некоторые из них могут быть связаны с исторически известными городами Волжской Булгарии. К таковым в первую очередь следует отнести уже известное в науке, однако еще недостаточно обследованное городище на горе Балынгуз, на правом берегу р. Малый Черемшан. Наша разведка поставила целью выяснить характер культурного слоя и собрать материал, необходимый для более или менее определенной датировки, ибо в последние годы высказывались противоречивые мнения о времени существования этого интересного памятника. Городище по своей величине (его площадь составляет около 4 млн. $м^2$) уступает лишь Билярскому, находящемуся в 2 *км* от него. Рельеф местности очень сложен, вся площадь городища разделена оврагами и искусственными валами на несколько частей. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются площади 1 и 4. Первая из них — самая большая, основная часть памятника; она занимает территорию между террасой Черемшана до отдаленных северных валов, от речки на западе и почти до большого оврага на востоке у дер. Горки. Значительно выражена беговая оборона по краю террасы реки длиной 1423 *м* и высотой вала со дна рва местами до 5 *м*. Средняя толщина культурного слоя этой площади составляет 20 *см*. Площадь 4 в юго-восточной части городища является наиболее низкой и, судя по материалу, наиболее древ-

[3] В работах экспедиции в различные годы приняли активное участие: Е. П. Казаков, Н. А. Кокорина, студенты КГУ Т. Колодешникова, Н. Абдуллин, М. Мансуров и др. Особо хочется отметить исключительно деятельное участие Р. М. Хазиева, проехавшего со мной не одну тысячу километров по дорогам Татарии и Ульяновской области, а также большую помощь со стороны Б. М. Мустакимова, бессменного шофера наших многолетних разведок.

[4] Снятие планов двух городищ (Балынгузского и Старо-Алейкинского), требующее специальных геодезических съемок, оставлено на другое время. За неимением времени и ввиду плохих погодных условий план одного (Никольского) городища снят лишь глазомерно. Однако проведены тщательные обмеры и нивелировка укреплений этих трех городищ.

[5] Предварительное сообщение об этих городищах дано в работах: *Фахрутдинов Р. Г.* Работы в Предволжье.— АО — 1967. М., 1978; *его же.* Новые городища и укрепления Волжско-Камской Булгарии.— Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ АН СССР за 1970 г. Казань, 1971.

ней. Здесь помимо общеизвестной булгарской гончарной лощеной керамики встречены обломки темно-серой (почти черной) гончарной посуды южного, так называемого саркелского типа с широким линейным орнаментом, значительное число фрагментов булгарской лепной посуды с примесью растительности и предбулгарской керамики именьковского круга. Толщина культурного слоя достигает 45 *см*, из нижнего горизонта происходит керамика ранних форм. Довольно разнообразный материал, добытый в двух шурфах по 2×2 и 1×1 *м* и на распаханной поверхности городища, свидетельствует о существовании памятника с домонгольского времени. Выраженных элементов позднебулгарского периода мы не обнаружили, однако о существовании города в золотоордынское время (или какого-то поселения даже в период Казанского ханства) в юго-западной, наиболее повышенной части горы Балынгуз свидетельствует ряд вещественных и письменных источников: находившиеся там еще в конце XVIII в. эпитафии, среди которых было и надгробие XV в.; татарская челобитная русскому царю, указывающая на существование палат XVI в. на могиле князя Балын-Гузи (Маалым-Хузи); исследования В. А. Казаринова 1881 г. на склоне горы и наши разведки там же в 1968 г.[6] В 1970 г. мы вторично обнаружили на этом склоне поздний материал.

Балынгузское городище — явные остатки большого средневекового города, и мы склонны связывать его с летописным городом Торцким, упомянутым в связи с походом русских князей на Великий город в 1184 г. Летописи сообщают, что на помощь этому городу собрались булгары из других городов, в том числе и «ис Торцьского на коних»[7]. Здесь надо иметь в виду то, что Балынгузское городище находится недалеко от Билярского — остатков Великого города. К тому же имеется одна небольшая, но очень важная деталь: речка, которая огибает Балынгуз с запада и впадает в Черемшан, до сих пор называется Торцкой. Других рек с подобным названием нет на всей территории Волжско-Камской Булгарии.

Остатками бесспорно больших городов Волжской Булгарии является Старо-Алейкинское городище площадью около 2300 тыс. $м^2$ и состоящее из двух частей: детинца (256 тыс. $м^2$) и посада (свыше 2 млн. $м^2$). Детинец расположен примерно в середине по длине городища на краю надлуговой террасы р. Свияги. Все городище с восточной, напольной стороны ограждено двойным рядом валов и рвов длиной 2277 *м* и шириной до 42 *м*; высота вала со дна рва местами достигает 4,6 *м*. Не менее солидно укреплен детинец: двойной, а местами и тройной ряд валов с двумя параллельными рвами общей шириной в 45 *м* и высотой вала 3,6 *м*. Следует также отметить, что глубокий овраг, перерезающий террасу перпендикулярно ее краю, делит все городище на две части: большую южную с включением детинца и северную размером поменьше. Вся площадь городища издавна распахивается; подъемного материала несравнимо больше в южной части (еще больше на территории детинца), чем в северной. Толщина культурных слоев детинца и северного посада соответственно 60 и 20 *см*.

Старо-Алейкинское городище, известное по Археологической карте Симбирской губернии, составленной В. Н. Поливановым, предварительно обследованное экспедициями Куйбышевского областного музея в 1940 г. и Ульяновского пединститута в 1966 г., несомненно свидетельствует о существовании здесь на Верхней Свияге — юго-западных районах Волжской Булгарии — крупного городского центра. Этот тезис подтверждается еще тем, что в 5—6 *км* южнее этого городища расположены остатки мощ-

---

[6] См. подробнее в работах: *Рычков Н.* Ук. соч., с. 21; *Шпилевский С. М.* Ук. соч., с. 61, 62; *Казаринов В. А.* Ук. соч., с. 119—123; *Фахрутдинов Р. Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства.— СА, 1973, № 4, с. 121.

[7] ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 390; см. также: ПСРЛ, т. X. М., 1965, с. 10; т. XV. М., 1965, с. 251.

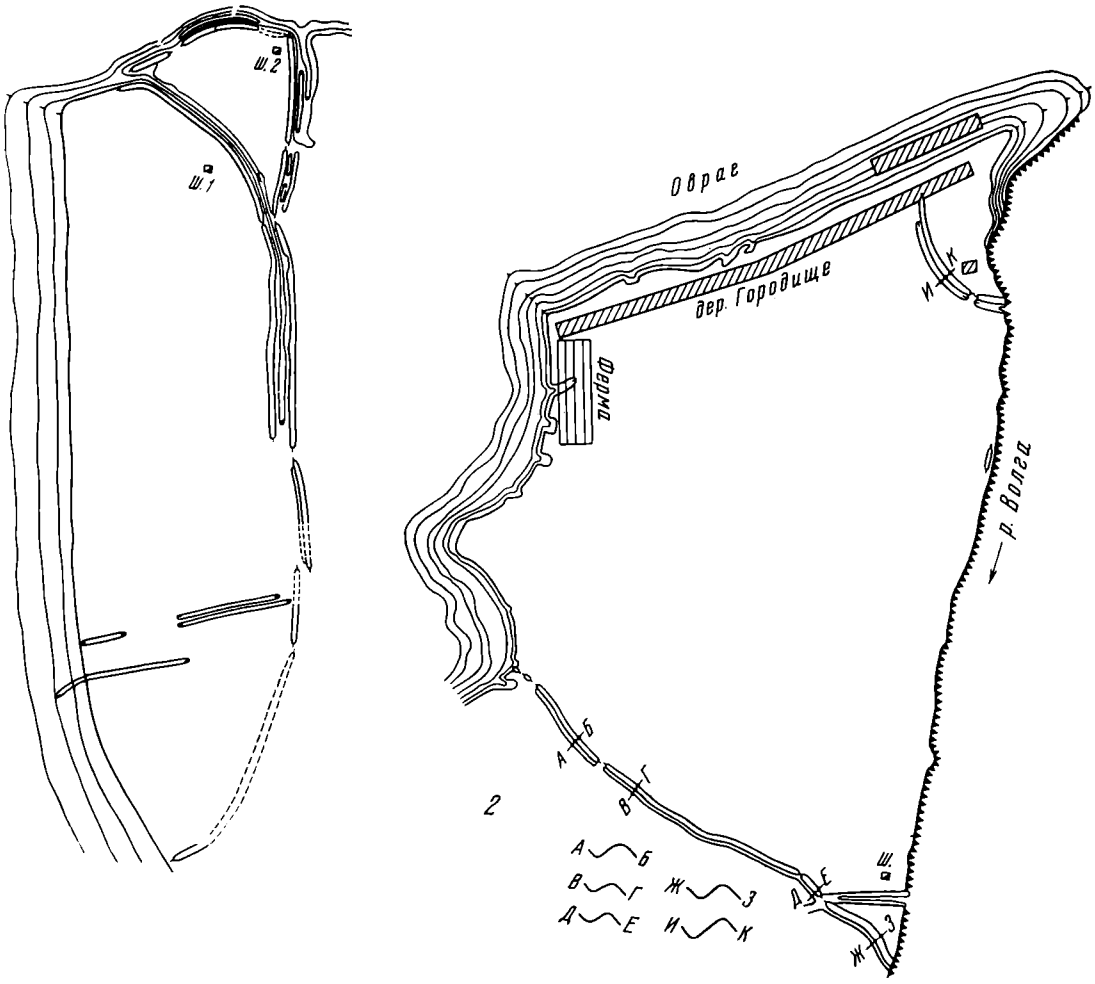


Рис. 1. Планы булгарских городищ: *1* — Красно-Сундюковское I; *2* — Городищенское

ного фортификационного сооружения в виде вала и внешнего рва длиной 3116 *м*, служившего, по всей вероятности, дополнительным укреплением города [8]. К северу от Старо-Алейкинского городища в 5—6 *км* находится целый ряд интересных булгарских памятников, в том числе два городища, обследованные впервые нашей экспедицией. Это — Красно-Сундюковские I и II городища с четырьмя прилегающими селищами. Значительный интерес представляет первое площадью 459 200 $м^2$ и состоящее также из двух частей: детинца (35 200 $м^2$) и посада (424 000 $м^2$) с характерными проездами («воротами») в укреплениях (рис. 1, *1*). В отличие от Старо-Алейкинского городища, здесь подъемного материала больше на территории посада, чем в цитадели, культурный слой также более выражен на основной площади городища. Непосредственно к городищу примыкает большое селище площадью 600 тыс. $м^2$ с ясно выраженным булгарским материалом в большом количестве и толщиной культурного слоя 40 *см*. Красно-Сундюковское II городище площадью в 97 тыс. $м^2$ с тремя окружающими селищами можно было бы отнести к категории малых городов. Располагаясь между руслом речки и оврагом, оно было ограждено с напольной стороны двойным рядом рвов и валом между ними. В настоящее время сохранились лишь боковые укрепления

[8] Это укрепление под названием Арбузовского исследовано впервые в 1971 г. Оно, а также ряд других больших оборонительных сооружений, обнаруженных и изученным нами в 1966, 1967, 1970 и 1971 гг., являются предметом другой статьи.

по краю оврага (рис. 6, *4*). Толщина культурного слоя памятника составляет 35 *см*. Вся группа городищ и селищ района Старое Алейкино — Красное Сундюково датируется домонгольским временем.

Третьим по величине после Балынгузского и Старо-Алейкинского является городище, расположенное на севере Ульяновской области на берегу Волги, в 10 *км* восточнее от вышеописанной группы памятников у дер. Городище. Городище известно еще с конца XVIII в. по работе И. И. Лепехина, позднее — К. И. Невоструева; в 1966 г. подвергнуто небольшим раскопкам Н. В. Трубниковой [9]. Однако за городище принималась лишь его мысовая часть, огражденная небольшим полукруглым валом. Нами установлено, что в 1 *км* южнее этого вала в глубь террасы, между высоким обрывистым берегом Волги и глубоким оврагом с западной стороны, проведена вторая линия укреплений из одного вала и внешнего рва (рис. 1, *2*). Следовательно, городище также состоит из двух частей — детинца площадью 24 400 *м*^{2} и основной площади — посада в 784 000 *м*^{2}; общая площадь памятника составляет 809 тыс. *м*^{2}. Городище распахивается, подъемного материала больше на территории детинца, хотя шурфовкой посада в его самой южной части выявлен заметный культурный слой мощностью в 40 *см*.

К типу городов нужно отнести и Николаев-Баранское II городище, расположенное на высоком правом берегу Малого Черемшана в Татарии чуть ниже по речке от Балынгузского и в 2,3 *км* юго-западнее от Билярского. Его площадь довольно большая — 630 тыс. *м*^{2}, имеет подчетырехугольную форму с круговой обороной (рис. 2). Городище почти не подвергалось обследованию, если не считать небольшого внешнего описания, сделанного В. А. Казариновым [10]. Автор сообщает, что территория городища начала распахиваться примерно с 1870-х годов, до этого была покрыта лесом. Он же пишет о находках двух серебряных перстней: «Один очень хорошей работы и с печатью или гербом, а другой также со знаками, но они значительно стерты» [11]. Два шурфа по 2×2 *м*, заложенных нами на задернованных участках в восточной части городища, не выявили каких-либо находок, хотя имелся слой темно-серого суглинка толщиной до 25 *см* с включениями в одном из шурфов остатков обугленного дерева. Большие размеры, характер обороны и находки нескольких обломков булгарской гончарной керамики дают право связывать городище с булгарами, не датируя каким-либо определенным периодом. Крайняя незначительность материала и отсутствие гумированного слоя в рекогносцировочных шурфах пока свидетельствуют о неинтенсивности жизни в городе или скорее всего о том, что он был оставлен жителями вскоре после его сооружения в результате какого-либо крупного иноземного нашествия (монгольское завоевание?).

Остатками города средней величины является Деушевское городище в Предволжье Татарии на левом берегу Свияги, упомянутое С. М. Шпилевским и И. А. Износковым [12] и предварительно обследованное в 1927 г. краеведом Ш. Салитовым, который осмотрел укрепления и площадь памятника, собрал подъемный материал. При нем валы городища уже распахивались и становились все ниже [13]. Проводя сплошную разведку в бассейне Свияги в 1957 г., экспедиция КФАН СССР не обнаружила этого городища. Наш отряд поставил целью найти его следы и исследовать предварительно. Один из местных старожилов показал остатки городища под названием «Штаб» (так назвал городище в свое время по словам местных жителей и Ш. Салитов). Вследствие постоянной распашки с

---

[9] Историографию городища см. в работе: *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975, с. 185, № 1774.

[10] *Казаринов В. А.* Описание..., с. 123, 124.

[11] Там же, с. 124.

[12] *Шпилевский С. М.* Ук. соч., с. 495, 496; *Износков И. А.* Заметки..., т. III, с. 83.

[13] *Салитов Ш.* О неизвестных исторических местах, с. 32.

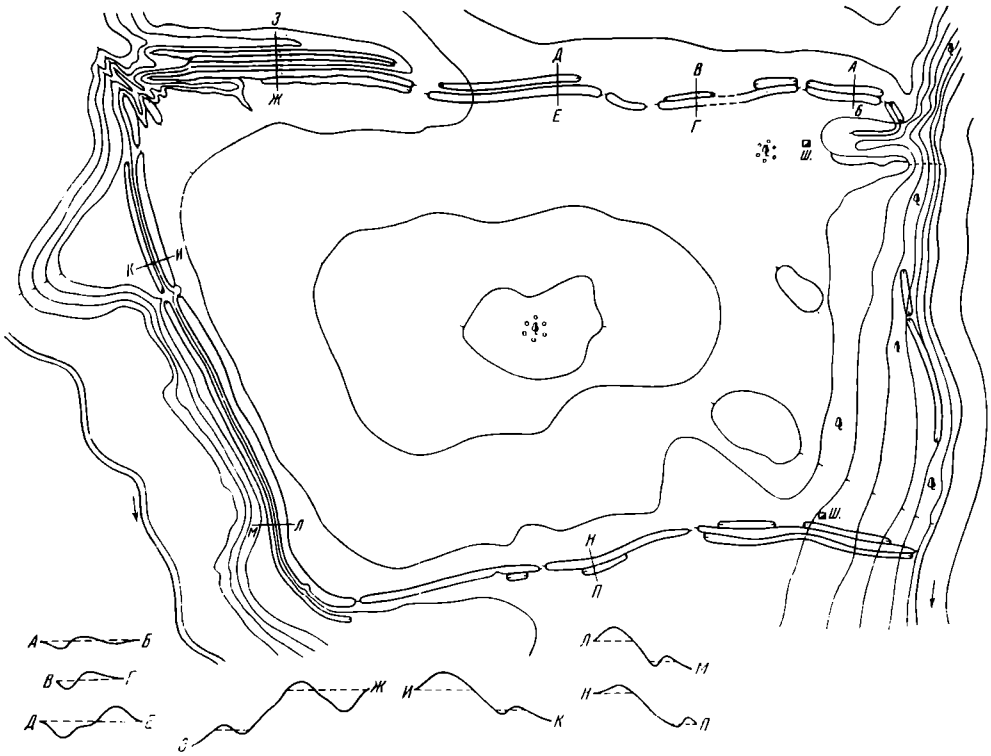


Рис. 2. План Николаев-Баранского II городища

1911 г. оборона городища сравнена с землей, однако все же заметны сильно расплывшийся вал с внешним рвом, а также следы проездов через укрепления («ур капкасы», по словам того же проводника, что означает «ворота вала»). Площадь городища составляет 282 тыс. *м*², форма близка к полукругу, валы своими концами упираются в берег реки. Южная половина памятника застроена частью села Деушево, северная распахивается (рис. 3, *1*). Подъемного материала много, толщина культурного слоя 45 *см*. По словам жителей села, раньше при распашке находили железные топоры, наконечники стрел и другие вещи. С данным селом связаны также находки из коллекции Заусайлова: железные наконечники стрел, костяные поделки, обломки поливной керамики и изразцов [14]. По преданиям местных жителей, здесь был большой город, построенный 500 лет назад выходцами из Булгара. Название своего села они связывают с этим городом (название села, по их утверждениям, от «Дэу эш», т. е. «Большое дело»).

Остатками небольшого города уверенно можно назвать Екатерининo-Слободинское I городище в Закамье, на речке Студенец, левом притоке Шешмы. Его площадь 180 тыс. *м*², форма неправильных очертаний, слегка напоминающая овал с деформированной юго-западной частью (рис. 4 *1*). Обороной из двойного, местами и тройного ряда валов и рвов городище разделено на две части, вероятно, представляющие собой остатки детинца площадью 51 200 *м*² и посада в 128 800 *м*². В целом, система укреплений памятника представляет большой интерес. Оборона его круговая в два ряда: внешняя из одного вала со рвом и внутренняя из двух или трех рядов укреплений. Внешняя оборона позднее была использована вторично для так называемой Старо-Закамской линии, сооруженной в 30-х годах XVII в. Об этом свидетельствуют редуты, пристроенные к булгарскому валу с внешней стороны. Закамская линия продолжается

[14] *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники..., с. 172, № 1560.

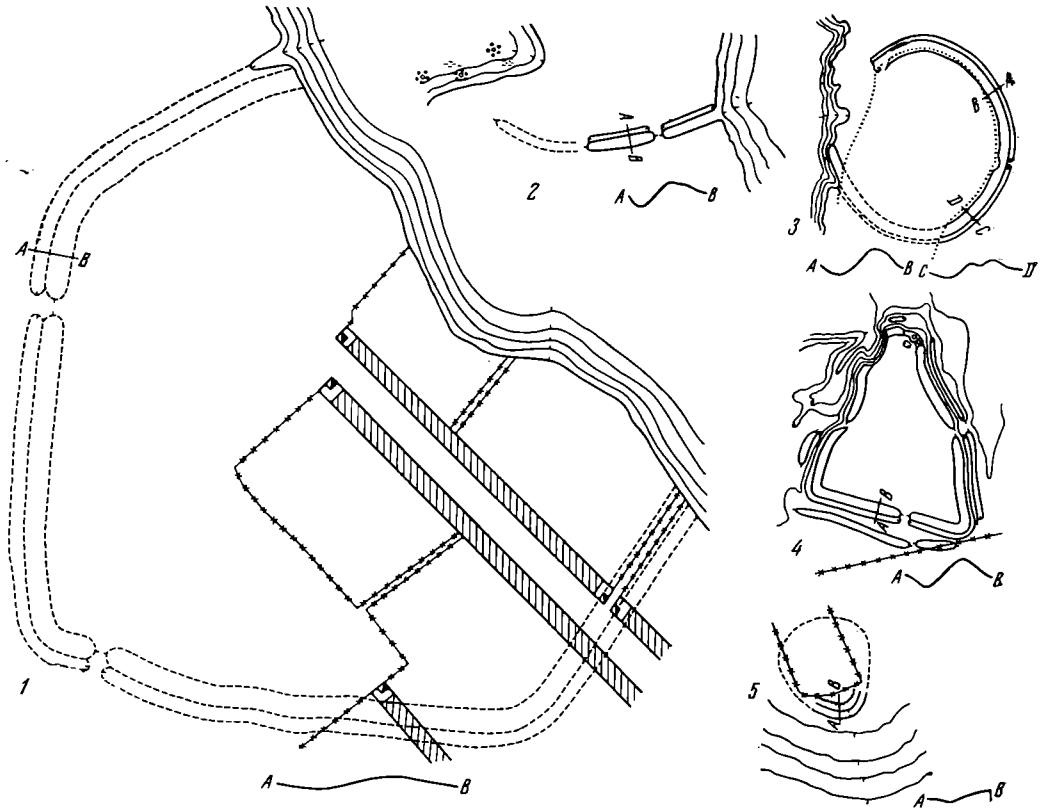


Рис. 3. Планы булгарских городищ: *1* — Деушевское; *2* — Деушевское укрепление; *3* — Староеналейское; *4* — Чувашско-Безднинское; *5* — Городищенское (на Большой Якле)

далее к юго-западу на другом берегу речки; вал этой же линии зафиксирован и севернее городища. Вообще факт использования булгарских укреплений для русских фортификационных сооружений известен и в других пунктах района Екатерининская Слобода-Новошешминск. Внутренняя оборона городища и укрепления между детинцем и посадом имеют сложную систему, представляя в ряде мест настоящий лабиринт. Ворота всех трех линий обороны устроены таким образом, что нападающие после взятия одной линии при атаке следующих ворот должны были выставлять под фланговый обстрел свои незащищенные щитом правые бока и, следовательно, подходили к очередной линии значительно ослабленными. Такая же сложная фортификационная система отмечена Г. А. Федоровым-Давыдовым при исследовании Тигашевского городища [15]. В сущности, с подобной системой укреплений нам приходилось встречаться при обследовании значительного числа и других булгарских городищ Закамья и Предволжья. Эти фортификационные особенности сохранялись и в позднебулгарское время: в этом отношении интересен коленчатый проезд восточного участка обороны Булгарского городища [16]. Хочется отметить, что вся оборонительная система Екатерининско-Слободинского I городища лишний раз подтверждает мнение А. П. Смирнова о том, что военно-инженерное дело у булгар стояло на должной высоте [17].

---

[15] *Федоров-Давыдов Г. А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.).— МИА, № 111, 1962, с. 63.

[16] *Хованская О. С.* Оборонительная система города Болгара.— МИА, № 61, 1958, с. 326.

[17] *Смирнов А. П.* Волжские булгары.— Тр. ГИМ, вып. 19. М., 1951, с. 102, 103.

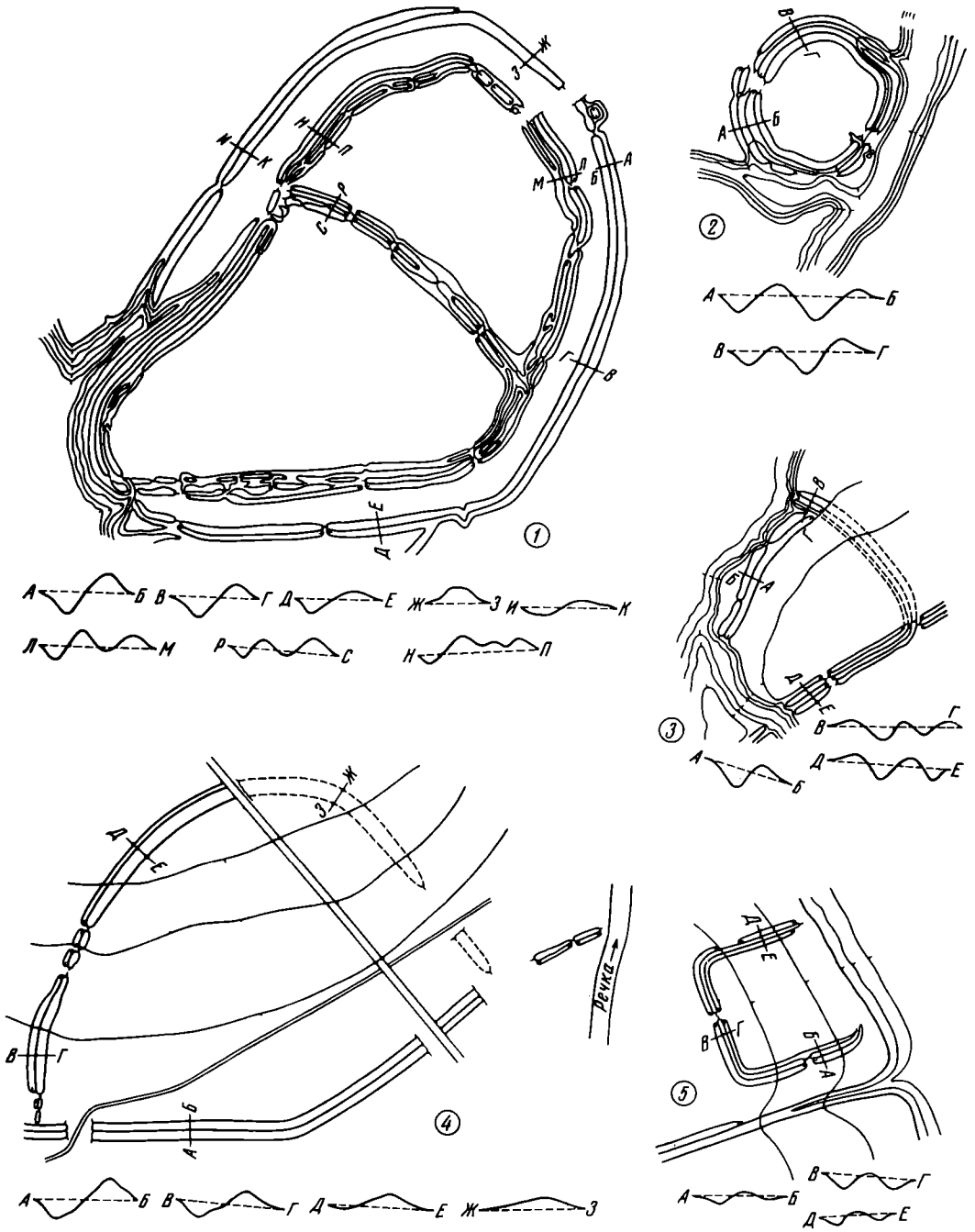


Рис. 4. Планы булгарских городищ: *1* — Екатеринино-Слободинское I; *2* — Екатеринино-Слободинское II; *3* — Елховское; *4* — Новошешминское I; *5* — Сосновское I

Новошешминское I городище в низовьях той же речки Студенец, примыкающее к отдельному большому оборонительному укреплению, судя по размерам (150 тыс. *м*^{2}), также можно было бы отнести к категории малых городов (рис. 4, *4*). В то же время оно могло иметь и некоторое стратегическое значение, связанное с фортификационными укреплениями левобережья Шешмы.

Преобладающее число обследованных нами городищ (16) можно назвать остатками феодальных замков. Сюда относятся: Екатеринино-Слободинское II и Елховское (рис. 4, *2*, *3*) в описанном районе левобережья Шешмы, Коминтерновское, Ромоданские I и II на Ахтае (рис. 5, *1*, *3*, *4*), Аксубаевское, Новомокшинское, Щербеньские I и II, Черемухо-

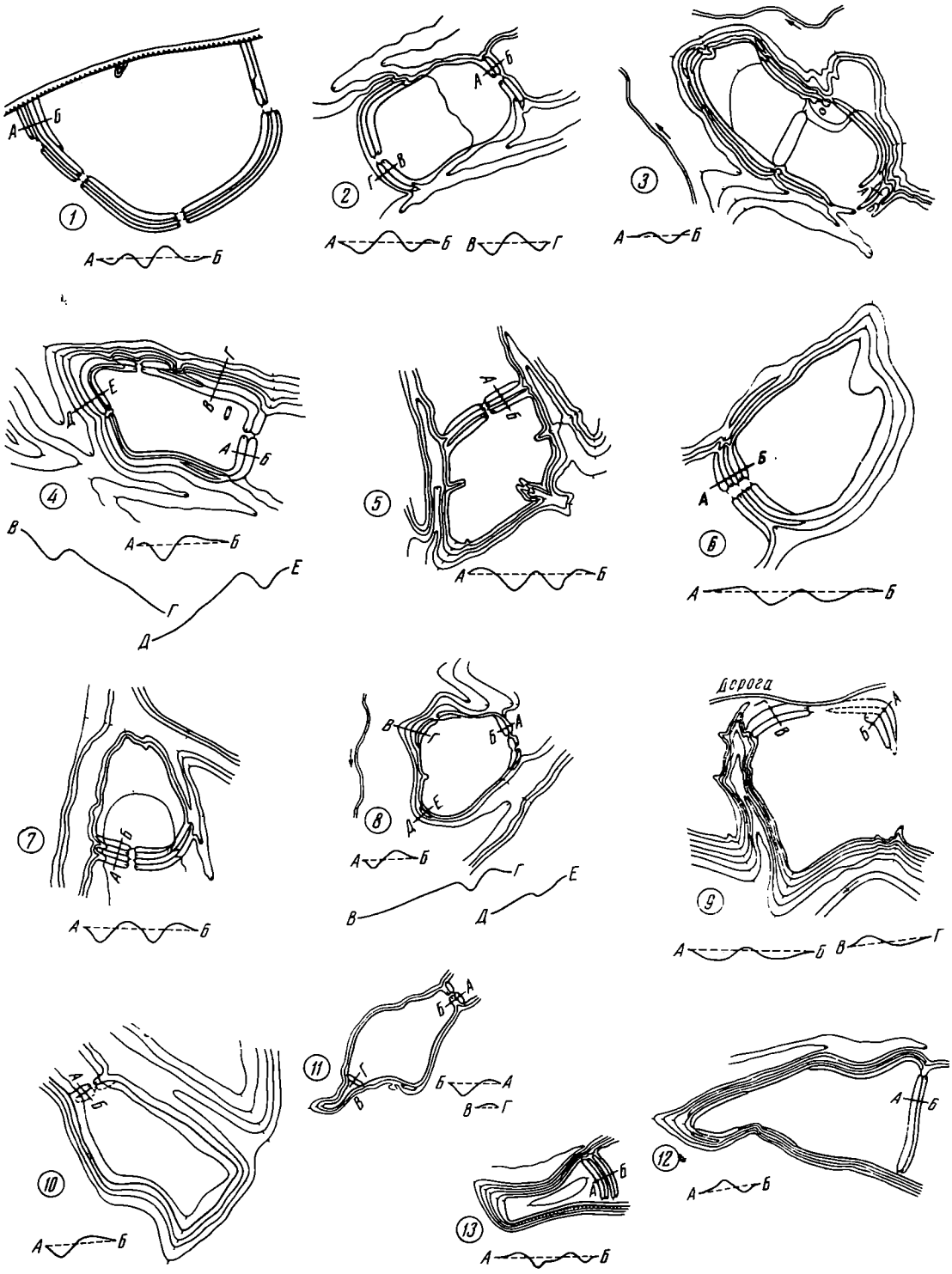


Рис. 5. Планы булгарских городищ: *1* — Коминтерновское; *2* — Аксубаевское; *3* — Ромоданское I; *4* — Ромоданское II; *5* — Новомокшинское; *6* — Щербеньское I; *7* — Черемухово-Слободинское; *8* — Иляшкинское; *9* — Барско-Енарускинское; *10* — Щербеньское II; *11* — Новоаксубаевское; *12* — Новошешминское II; *13* — Новошешминское III

во-Слободинское, Иляшкинское, Барско-Енарускинское на Сульче (рис. 5, *5—10*), Больше-Кандалинское и Тинаркинское на Майне (рис. 6, *1*, *2*) — эти городища находятся в Закамье Татарии и частично Ульяновской области. В эту же категорию входят два городища из Предволжья Татарии: Староеналеевское на Свияге и Чувашско-Безднинское на Бездне (рис. 3, *3*, *4*). Естественно, такое определение далеко не окончательное; среди них могут быть некоторые отклонения в пользу городов или военных крепостей. Таким отклонением, например, можно было бы назвать Барско-Енарускинское городище площадью 30 400 $м^2$, расположенное на довольно высоком (25 *м*) правом берегу Малой Сульчи на подчетырехугольном мысу с вытянутой вершиной. Оно находится в середине большого селища площадью 635 тыс. $м^2$. Как на городище, так и на селище очень много подъемного материала в виде разнообразной и богатой гончарной и лепной керамики. Сборы, сделанные на городище еще в начале 60-х годов, включают отдельные находки джучидских монет и большие обломки бронзовых котлов. На территории селища, частично городища имелись остатки 8 эпиграфических памятников волжских булгар, датированных временем с 1317 по 1357 г.[18] Учет всего этого богатого комплекса дает определенное право рассматривать здесь остатки значительного города, кремль которого представлен упомянутым Барско-Енарускинским городищем. Оно, очевидно, является примером постепенного превращения феодального замка в кремль города, открытый посад которого видим на примере окружающего селища.

Отклонением несколько другого характера среди этой группы городищ является Елховское, возникшее, может быть, как феодальный замок, но со временем переросший в городок-крепость, как один из опорных пунктов по охране Елховской оборонительной линии, к которой оно примыкает [19].

Все остальные перечисленные городища уверенно можно назвать остатками феодальных замков, о чем свидетельствуют такие ясно выраженные факторы, как мощная оборона при незначительной площади городища и наличие нескольких окружающих селищ в непосредственной близости. Площадь самого маленького из них (Черемухово-Слободинского) составляет 11 600 $м^2$, самого большого (Коминтерновского) — 44 800 $м^2$. Средняя величина остальных колеблется в пределах 15—30 тыс. $м^2$. Расположены они на краях террас невысоких рек (высота от 3 до 12 *м*), иногда занимая удобные мысы между рекой и оврагом. В первом случае они образуют круглую или полукруглую формы с круговой обороной, во втором случае их форма зависит от конфигурации мысов, где они находятся. Тогда их оборона бывает в основном с напольной стороны, дополненная иногда боковыми линиями укреплений. В целом, оборона этой группы городищ представляет собой двух- или трехрядную (иногда однорядную) линию валов и рвов с общей шириной обороны от 15 до 40 *м* при высоте валов со дна рвов 1,5—4,5 *м* (общераспространенная высота в пределах 3 м). Мощность культурных слоев городищ от 30 до 80 *см*, средняя же толщина в пределах 40—60 *см*. В непосредственной близости городищ расположены селища числом от одного до шести, притом одно из них находится непосредственно за валами городища, примыкая к нему; остальные в некотором отдалении от городища за речкой, оврагом, суходолом и др. Площади селищ самые

---

[18] *Булатов А. Б.* Эпиграфические памятники Закамья XIV века.— Уч. зап. ЧНИИ, вып. 36. Чебоксары, 1967, с. 201—209. Отчет Г. В. Юсупова об исследовании этих памятников находится в АК ИЯЛИ КФАН СССР. Однако позднее, летом 1970 г., семь надгробий из восьми были варварски уничтожены по приказу местных властей.

[19] Предварительные сведения о Елховском и других оборонительных укреплениях в бассейне Шешмы см. в работе: *Фахрутдинов Р. Г.* Новые городища и укрепления..., с. 98.

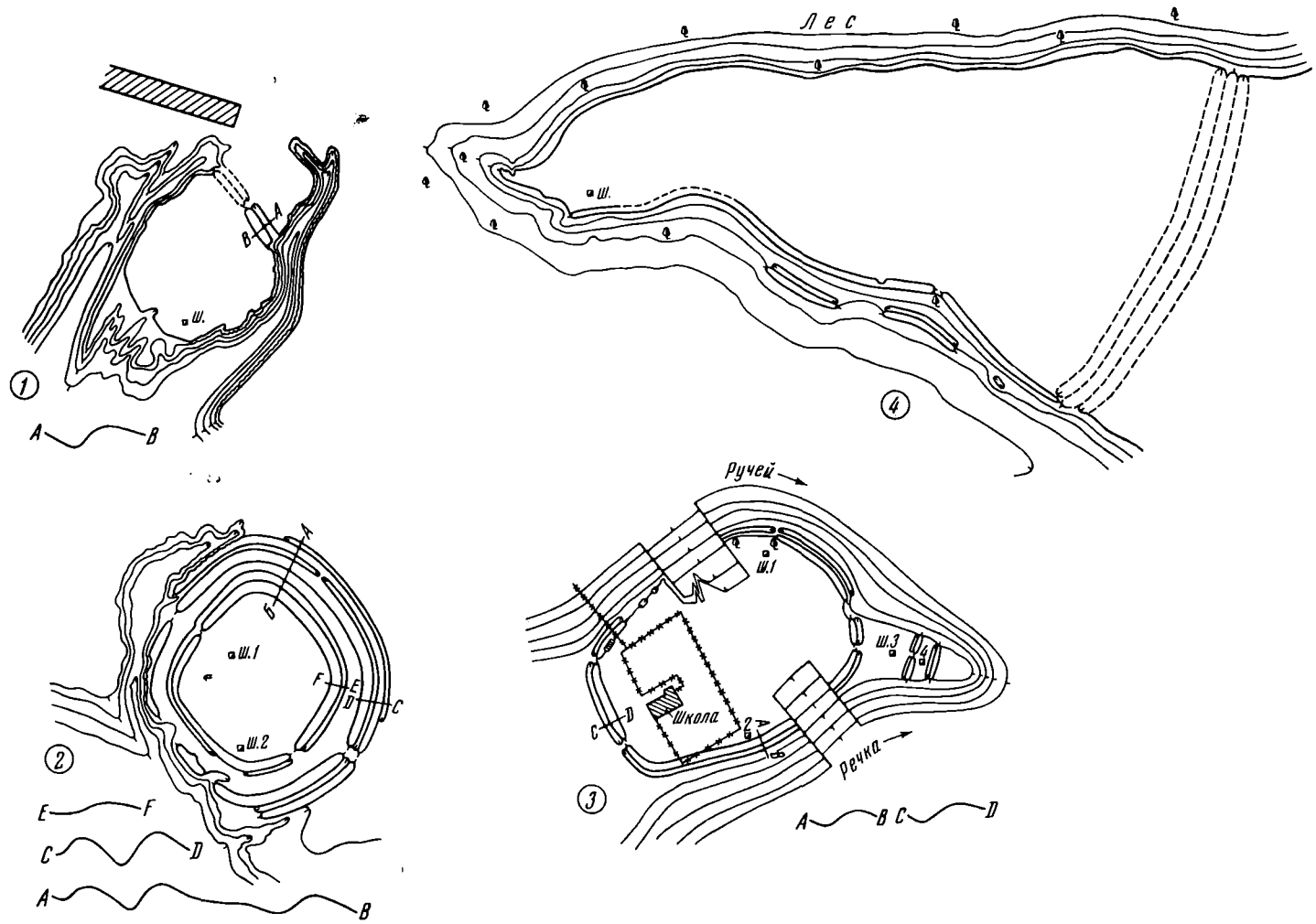


Рис. 6. Планы булгарских городищ: *1* — Больше-Кандалипское; *2* — Тинаркипское; *3* — Иваткипское; *4* — Красно-Сундюковское II

разные — от 15 тыс. до 1 млн. *м*². На этот счет можно привести небольшую статистику: общее число селищ, обнаруженных нами вокруг городищ, составляет 38, из них с площадью до 100 тыс. *м*² — 21, от 101 до 200 тыс. *м*² — 7, от 201 тыс. до 1 млн. *м*² — 9 и свыше 1 млн. *м*² — 1. Селищ крупных размеров больше всего встречено в бассейне Шешмы, который вообще отличается богатством и разнообразием памятников.

В виде наиболее яркого примера остатков феодальных замков с окружающими селищами среди вышеназванных, несомненно, весьма интересных городищ хочется особо отметить и кратко описать Екатерининo-Слободинское II городище, расположенное в верховьях упомянутой речки Студенец. Его площадь 15 600 *м*², форма круглая, поверхность задернована. Укрепления городища круговые из двойного ряда валов и рвов с общей шириной обороны 40,5 *м* с характерными проездами-«воротами»; высота вала со дна рва 4,5 *м*. Толщина культурного слоя, выявленного в шурфе размером 2×2 *м*, составляет 60 *см*. Общее количество обнаруженного в слое и на поверхности материала в виде обломков булгарской гончарной керамики превышает 300. Материала много и на трех окружающих селищах: одно из них площадью 480 тыс. *м*² расположено непосредственно за укреплениями городища, другое, в 400 тыс. *м*²,— на противоположном берегу речки и, наконец, третье селище находится чуть ниже по речке и занимает площадь в 1050 тыс. *м*².

Почти все городища, судя по обнаруженному материалу (гончарная, частично лепная керамика, отдельные находки вещей), возникли как самостоятельные, булгарские поселения. Исключение составляет лишь Коминтерновское в низовьях Ахтая. Подъемный материал с городища состоит из булгарского и именьковского. Соотношение обломков керамики этих двух культур в слое шурфа 1×1 *м* таково: I штык — 12 : 9, II штык — 1 : 35, III штык — 0 : 29. Стратиграфия слоя, таким образом, является лишним свидетельством занятия пришлыми булгарами именьковских поселений, что неоднократно отмечено в литературе. В слое Коминтерновского городища, выявленном в шурфе и в хорошо выраженном обрыве берега реки, мы не смогли заметить стерильного слоя между двумя группами находок; наоборот, в верхнем слое, что видно по вышеприведенной пропорции, булгарские и именьковские залегают вместе. Отмеченный памятник— булгарское городище, возникшее на открытом поселении именьковской культуры, каких уже немало в Среднем Поволжье.

Третью группу обследованных городищ мы предварительно включаем в категорию военных крепостей по охране пограничных зон, отдельных оборонительных рубежей и торговых дорог. Это: Городищенское на Большой Якле (рис. 3, *5*), Сосновское I (рис. 4, *5*), Новошешминские II и III (рис. 5, *12*, *13*) на Шешме, Новоаксубаевское (рис. 5, *11*) на Малой Сульче, Ивашкинское (рис. 6, *3*) в бассейне Шешмы. Два из них— Сосновское I и Ивашкинское — находятся рядом с целыми оборонительными линиями — Елховским и Карамышским валами — и служили, по всей вероятности, опорными пунктами этих фортификаций. За Новошешминскими II и III городищами, расположенными на стрелках между глубокими оврагами высокого правобережья Шешмы, пограничного рубежа основных булгарских земель, необходимо предположить военно-стратегические пункты по защите этой зоны. Подобные городища ниже по Шешме, по ее правому же берегу, были обследованы нами еще раньше [20]. Новоаксубаевское городище, хотя и не связанное с подобными стратегическими районами, мы относим к категории крепостей прежде всего потому, что оно имеет очень маленькую площадь (всего 3900 *м*²) и во-

[20] *Фахрутдинов Р. Г.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии.— СА, 1978, № 1, с. 218, 222.

круг него нет селищ. Возможно, это был наблюдательный пункт за сухопутными дорогами с юго-востока или же за ним оставалась роль охраны сульчинской группы довольно большого числа домонгольских памятников. Пограничным наблюдательным пунктом на крайних западных границах Волжской Булгарии была, очевидно, военная крепость, представленная городищем на Большой Якле, сохранившаяся площадь которого составляет 7850 *м*^{2}.

С целью уточнения имеющихся сведений, получения дополнительных данных о некоторых городищах и проверки состояния городищ в зоне затопления экспедиция побывала на юге правобережья Ульяновской области, а также объездила большую часть левобережья, включая нижнее течение Большого Черемшана. Поездка в Теренгульский район в поисках следов древнетатарского (булгарского?) города Ташла возле сел Солдатская и Ясашная Ташлы, о чем писал В. Н. Татищев [21], не увенчалась успехом. Наш отряд провел тщательный опрос населения в обоих названных селах, однако никто не помнит о наличии каких-либо городищ, валов и древних жилищ. Отсутствие времени не позволило нам провести детальной сплошной разведки этой местности со сложным рельефом (множество высоких горных хребтов, глубоких оврагов, буераков, ущелий, покрытых густым лесом). Обследование одного длинного суходола к западу от с. Ясашная Ташла не дало результатов.

Отрядом установлено, что Крестово-Городищенское и Коротково-Городищенское городища, указанные Н. П. Рычковым, П. С. Палласом, И. И. Лепехиным, К. И. Невоструевым, два Белоярских городища, указанные К. И. Невоструевым и обследованные в 1925 г. самарскими археологами под руководством В. В. Гольмстен [22], оказались подтопленными водами Куйбышевского водохранилища. Дополнительно обследовано городище, находящееся у с. Никольское на Черемшане, также изученное в 1925 г. самарскими археологами, но тогда без определения культурного слоя [23]. Вследствие затопления зоны с. Никольское перенесено немного к северо-западу, и городище теперь находится в 2,5 *км* к северо-востоку от него на так называемой Лысой горе верхней террасы правого берега р. Большой Черемшан, в лесу. Его площадь 50 тыс. *м*^{2}, оборона круговая из одного вала и внешнего рва; помимо нее имеется внутренняя оборона из двух рядов валов и рвов общей шириной обороны 40,5 *м*, которая делит городище на две части. В мысовой части шурфовкой 1×1 *м* выявлен культурный слой толщиной 30 *см* с содержанием небольшого количества булгарской гончарной керамики. В отличие от других, вышеописанных, данное городище вследствие отсутствия необходимых данных не удалось пока отнести к какой-либо категории.

Преобладающее число обследованных городищ датировано домонгольским периодом. К обоим периодам булгарской истории, т. е. к домонгольско-золотоордынскому, относятся Балынгузское и Барско-Енарускинское [24]. Четыре городища — Николаев-Баранское II, Ново-Шешминское II, Никольское и Ивашкинское — ввиду незначительности собранного материала определены общебулгарским временем. Из 71 селища, расположенного в округе городищ или обнаруженного при сплошной разведке отмеченных выше районов, основная часть (63) также относится к домонгольской эпохе. Несколько селищ определено общебулгарским

---

[21] *Татищев В. Н.* История Российская, т. I. М., 1962, с. 269; т. IV. М., 1964, с. 463.

[22] Историографию городищ см. в работе: *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники..., с. 88, 115, 116, 117, № 30, 564, 566, 586.

[23] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 44, № 4, лл. 43—44, № 8, л. 52.

[24] Новомокшинское городище первоначально было датировано нами двумя периодами булгарской истории (*Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники..., с. 53, 92, № 105). Вторичное, тщательное изучение коллекции не выявило ясных признаков золотоордынского времени, хотя там имеется заметная доля тонкостенной плотной керамики без лощения, чем-то напоминающей позднебулгарскую.

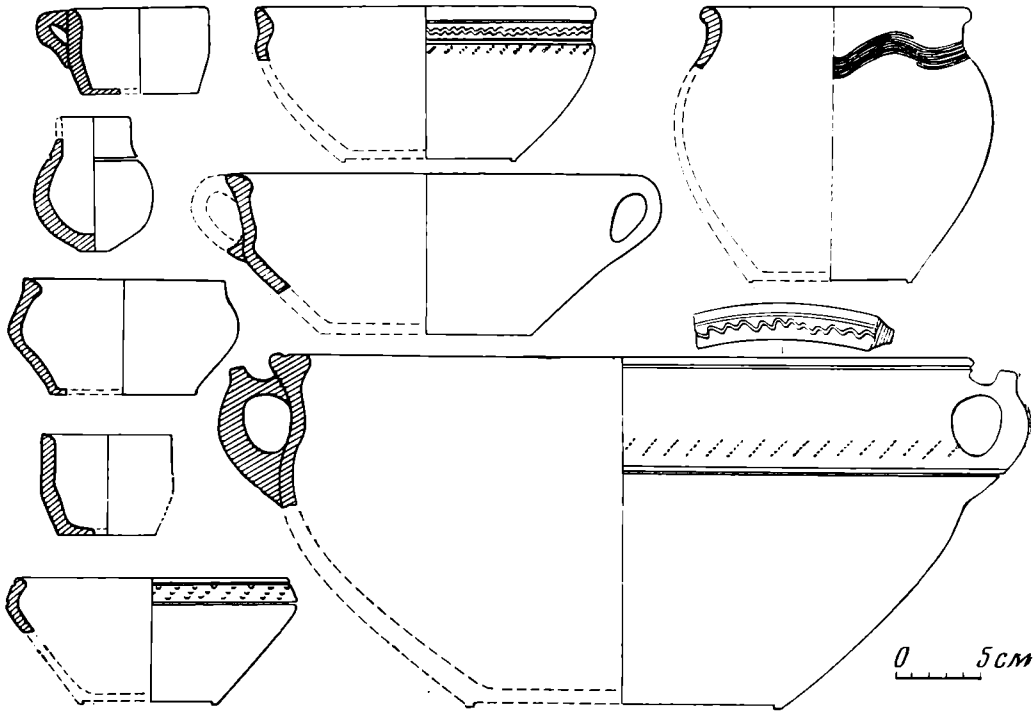


Рис. 7. Булгарская гончарная керамика

временем, а также домонгольско-золотоордынским или только золотоордынским периодами. Помимо поселений обследован ряд грунтовых могильников с мусульманским обрядом захоронения и связанных в основном с изученными городищами и селищами. Выявлено значительное число отдельных местонахождений керамики. Наконец, зафиксированы находки одного клада, обнаруженного у Щербеньского I городища за несколько месяцев до нашей разведки. К сожалению, он оказался утерянным, кроме одного целого, богато орнаментированного сосуда. По словам находчика, клад был в большом медном котле и состоял из глиняных изделий, железных орудий труда и оружия, а также серебряных монет, которые, судя по описанию, представляли, видимо, арабские или булгарские диргемы X в. Указанный сосуд по форме и орнаментации является типично домонгольским.

Датировка городищ и прилегающих селищ сделана в основном по керамике, которая делится на гончарную и лепную. Преобладает гончарная, главным образом лощеная, частично окатанная. Встречается нелощеная, но очень плотная тонкостенная посуда желто-красного цвета в изломе и коричневато-красного на внешней поверхности; форма горшковидная, размеры средние. Такая керамика найдена в довольно заметном количестве в материале Новомокшинского и Екатеринино-Слободинского II городищ. Хотим особо подчеркнуть, что керамические сборы описываемых трех сезонов, особенно 1970 и 1971 гг., отличаются обилием, богатством форм и орнаментации. С каждого городища взято по несколько сот образцов керамики, а с Новомокшинского, например, около 1200. В прежних публикациях по результатам сплошных разведок центральной территории Волжско-Камской Булгарии мы уже давали характеристику большого числа собранного материала, классифицируя ее по цвету, форме и орнаментации [25]. В данной работе мы хотим продолжить характеристику гончарной продукции.

[25] *Фахрутдинов Р. Г.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии.— СА, 1969, № 1, с. 233—235; *его же.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии.— СА, 1978, № 1, с. 223—227.

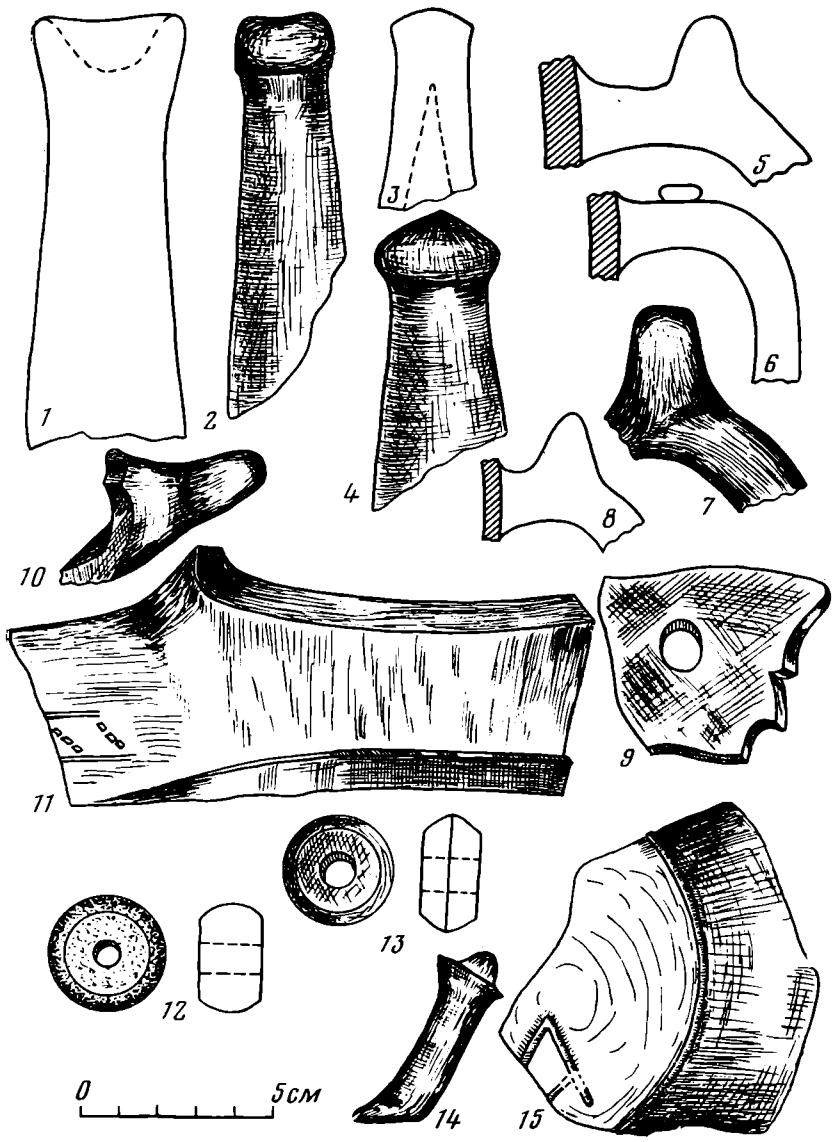


Рис. 8. Булгарская лепная и гончарная керамика: *1*, *2* — обломки ручек от крышек лепных сосудов, так называемые «песты»; *3*, *4* — обломки ручек от гончарных крышек; *5—8* — вертикальные ручки сосудов с так называемыми «шишечками»; *9* — плоская вертикальная ручка со сквозным отверстием; *10* — обломок светильника с ручкой; *11* — обломок верхней части большого сосуда со «сливом»; *12*, *13* — пряслица; *14* — ножка посуды-триподиума; *15* — обломок днища сосуда с «А»-образным клеймом

На рис. 7 представлена попытка реконструкции наиболее часто встречающихся форм сосудов: горшковидных, мискообразных, кружкообразных, чашевидных. На рис. 8 представлены различные обломки глиняных изделий. Значительная часть их (рис. 8, *1, 2, 5—8, 15*) имеет прямое отношение к керамике домонгольской эпохи.

Характерным орнаментом для булгарской керамики домонгольского времени является следующий: резной, линейный и волнистый как самостоятельный мотив или в различном переплетении (рис. 9, *1—9*); треугольные узоры и гребенчатый орнамент в сопровождении резной линии и волны (рис. 9, *10—19*); ямочные и ногтевые вдавления разных форм: круглые, овальные, в виде полумесяца, запятых и др. (рис. 9, *20—30*). Часто встречаются красивые каннелюры, фаски, заштрихованные треугольники (рис. 9, *31—36*).

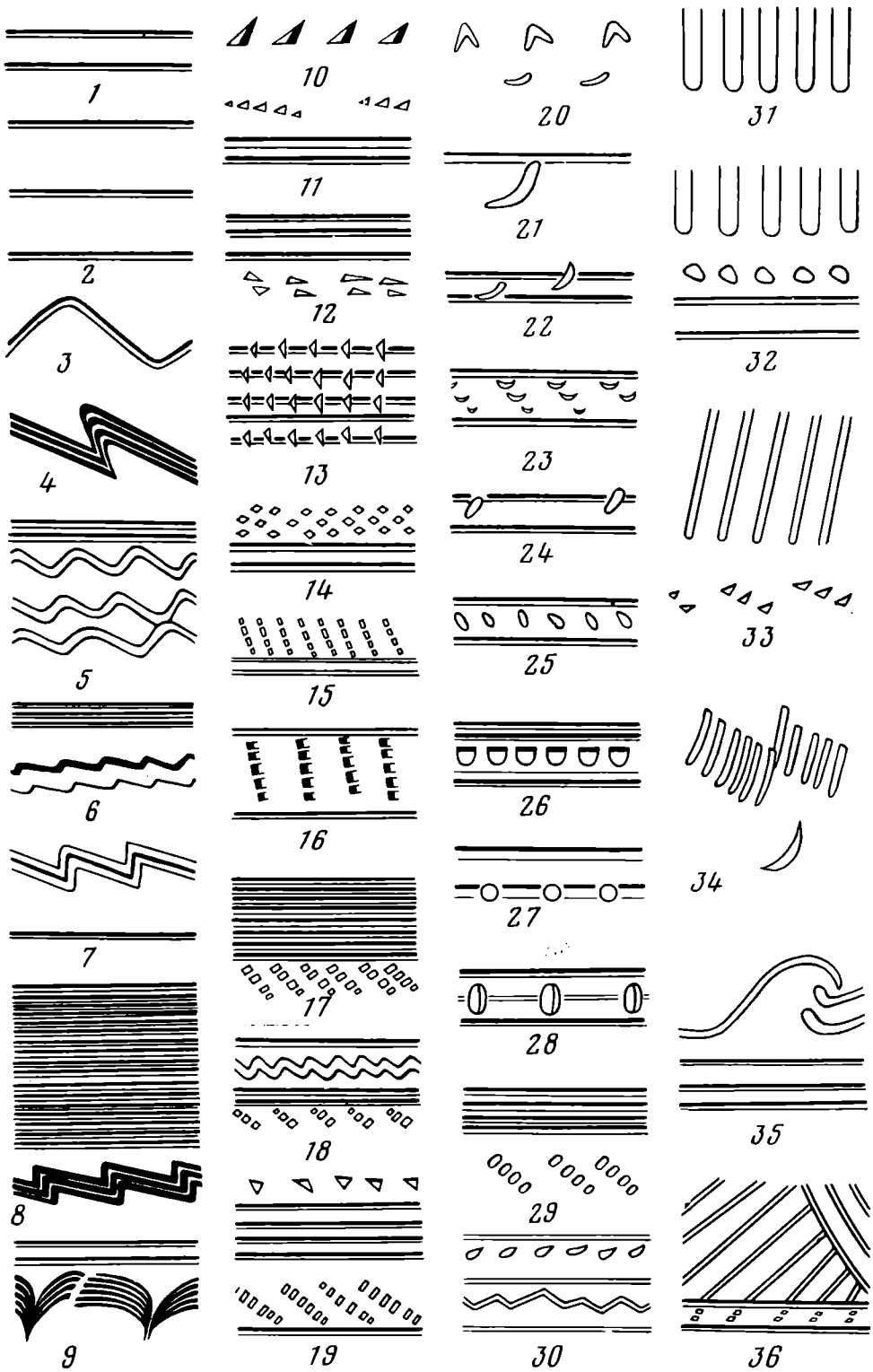


Рис. 9. Орнамент на булгарской домонгольской гончарной керамике

Группы довольно богатой коллекции лепной керамики показаны на рис. 10: это посуда серого, иногда темно-серого цвета из глины с примесью растительности, со шнуровым орнаментом на шейке, с гребенчатым различных форм — на плечике; редко встречаются волнистые узоры (рис. 10, *1*); такого же цвета и почти с такой же орнаментацией керамика с примесью толченой раковины (рис. 10, *2*); посуда серо-бурого или

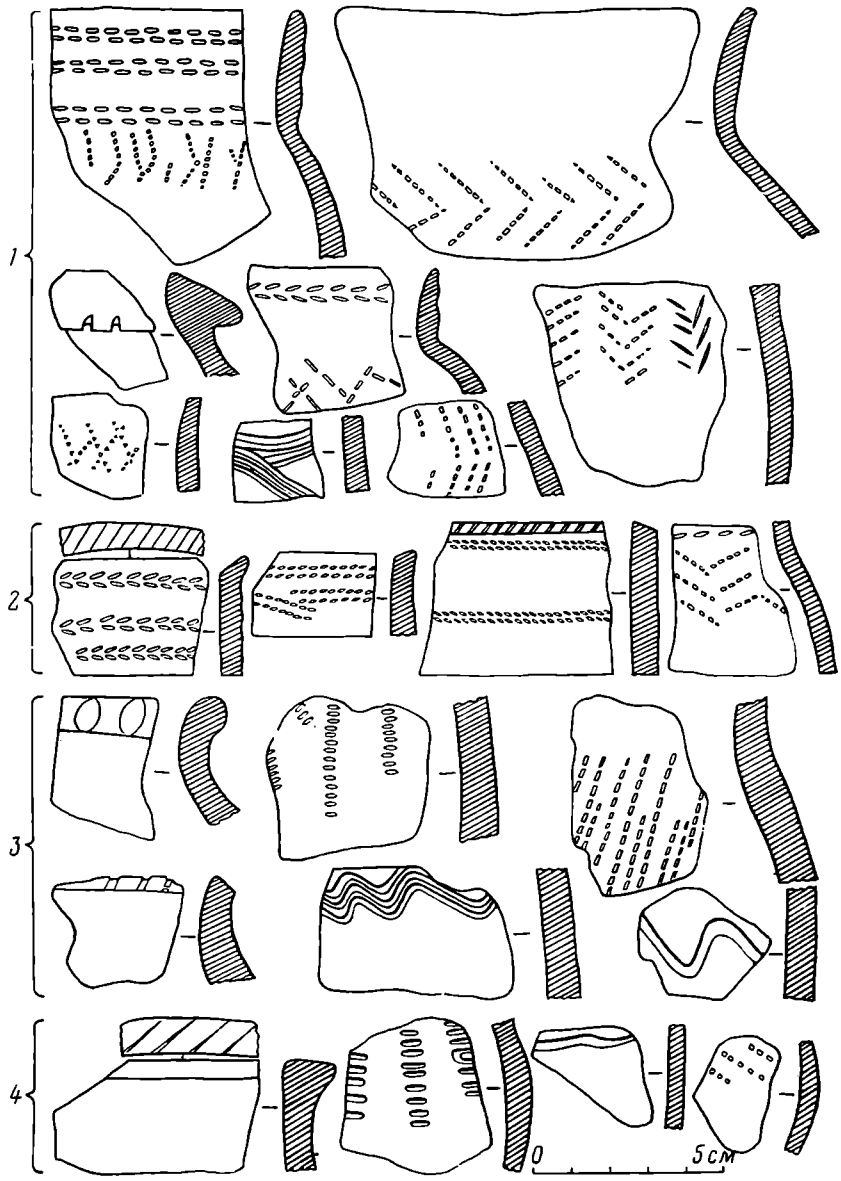


Рис. 10. Группы булгарской лепной керамики: *1* — с примесью растительности; *2* — с примесью толченой раковины; *3* — с примесью шамота; *4* — с примесью песка

коричневато-бурого цвета из глины с примесью шамота, с пальцевыми вдавлениями или широкими насечками на краю венчика, с овалообразными и прямоугольными оттисками гребенчатого штампа, а также с волнистыми узорами на стенке сосудов (рис. 10, *3*) — эта керамика обычно известна под названием пальцинской (по классификации Т. А. Хлебниковой); наконец, керамике серого или коричневато-серого цвета из глины с примесью мелкого и крупного песка с орнаментом, почти повторяющим мотивы вышеуказанных групп (рис. 10, *4*). Необходимо отметить, что первые три группы керамики имеют отношение к памятникам домонгольской эпохи, тогда как посуда с примесью толченой раковины встречается и позднее, вплоть до конца XIV в., что подтверждается раскопками ряда крупнейших памятников (Булгар, Сувар, Иски-Казань и др.).

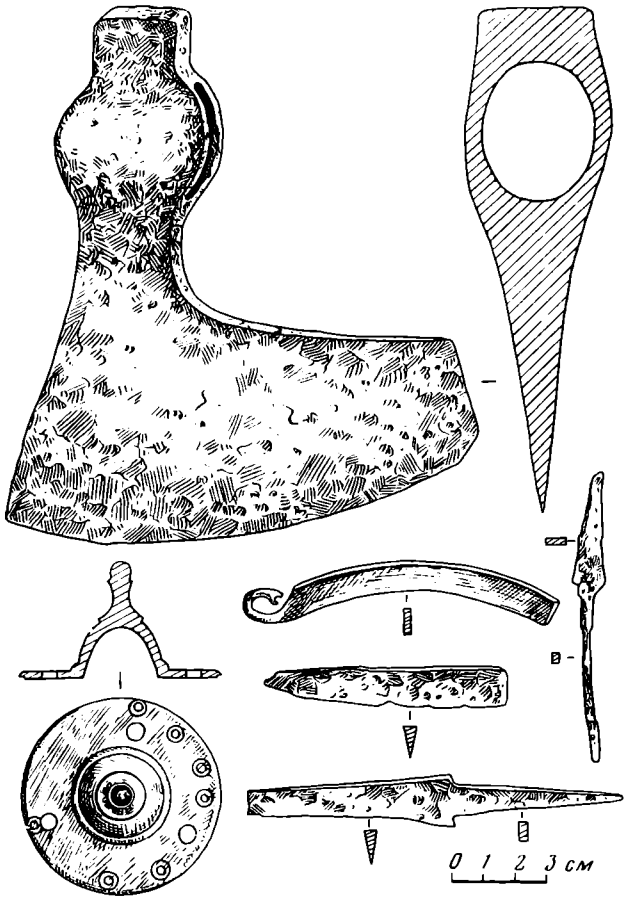


Рис. 11. Медные, бронзовые и железные вещи

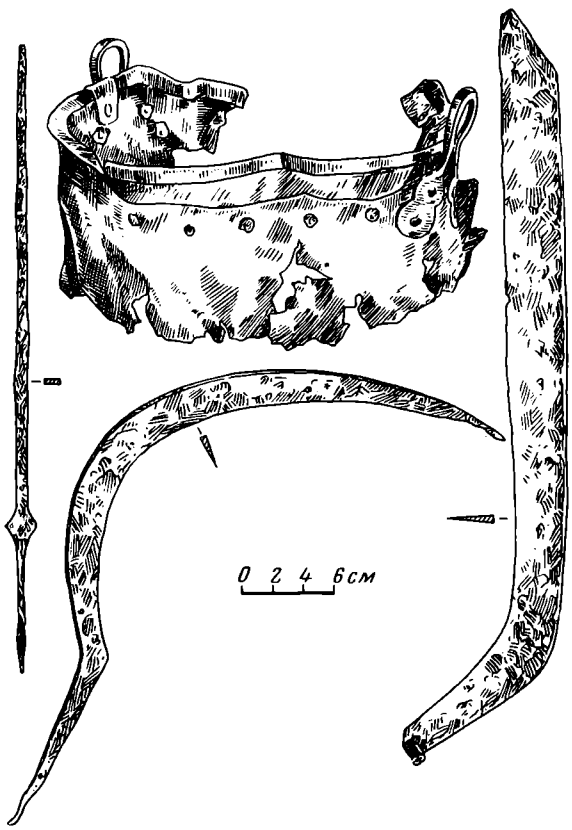


Рис. 12. Медные и железные вещи

На памятниках, обследованных нами, найдены также железные (топор, ножи, стрелы, серп, коса, шампур (?)) и медные (обломки сосудов) изделия (рис. 11 и 12).

Данные, полученные в результате проведенных экспедицией обследований, открывают возможность для дальнейшей разработки вопросов типологии булгарских городищ, классификации гончарной и лепной керамики домонгольского периода.

R. G. Fakhrutdinov

INVESTIGATIONS OF THE BULGARIAN FORTIFIED SETTLEMENTS IN TATARIA AND THE ULYANOVSK REGION

Summary

During the three years (1967, 1970, 1971) a group of archaeologists from Kazan, headed by the author, surveyed in Tartaria and the Ulyanovsk region a series of Bulgarian fortified settlements, not investigated before or investigated briefly. 185 sites of different cultures, most of which (131) are Bulgarian were surveyed. 32 fortified settlements, can be divided into three main categories: by their square, form, the cha racter of defence, the thickness of cultural deposit, the presence or absence of surrounding unfortified settlements. These categories are: remains of towns, remains of feu dal castles and remains of military fortresses. The most part of fortified settlements belongs to the pre-mongol period. The article contains a brief characteristic of the gathered material: pottery (fig. 7—10), copper, bronze and iron artifacts (fig. 11, 12).

Заметки

Ю. Б. СЕРИКОВ

КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЖИЛИЩА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОЛУДЕНКА I

Стоянка Полуденка I [1] занимает важное место в неолите Среднего Урала. На основе этой стоянки ее исследователь О. Н. Бадер выделяет особый полуденковский этап развития неолита в лесном Зауралье [2], и этот этап связывается с наиболее ранним (жилищным) комплексом стоянки Полуденка I. В этой связи интересно более детально ознакомиться с жилищным комплексом Полуденки I.

Всего в жилище Полуденки I было найдено 299 каменных изделий, несколько сот обломков волнисто-гребенчатой керамики, два керамических пряслица и одна костяная проколка. Одно из пряслиц и проколка находились на дне землянки.

Ассортимент каменных изделий жилища отличается большим разнообразием:

камни	— 31 экз. (14 экз.) *
галька	— 13 экз. (8 экз.)
плитки сланца	— 10 экз.
нуклеусы	— 18 экз. (6 экз.)
отщепы	— 132 экз. (35 экз.)
пластины	— 9 экз.
отщепы с ретушью	— 7 экз. (5 экз.)
заготовки орудий	— 2 экз. (2 экз.)
острия	— 5 экз.
скребки	— 41 экз. (10 экз.)
наконечники стрел	— 5 экз. (1 экз.)
ножи	— 10 экз. (1 экз.)
скобели	— 2 экз.
шлифовальные плитки	— 3 экз.
обломки шлифованных орудий	— 9 экз. (3 экз.)
пест	— 1 экз.
грузило	— 1 экз.

Почти все каменные изделия подверглись трасологическому анализу.

---

* В скобках указано число предметов, найденных на полу землянки.

[1] *Бадер О. Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале.— СЭ, 1949, № 2.

[2] *Бадер О. Н.* Уральский неолит.— МИА, № 166, 1970.

Наконечники стрел — целые экземпляры — представлены вытянутыми иволистными формами (рис. 1, *7, 23*). На двух наконечниках зафиксированы следы вторичного использования (см. ниже).

Нуклеусы включают четыре призматических (один из них двуплощадочный — рис. 1, *20*) и один конический (рис. 1, *21*). В остальном они представлены нуклевидными кусками, заготовками нуклеусов, т. е. нуклеусами в начальной стадии обработки и сильно сработанными стерженьками нуклеусов.

Подавляющее большинство скребков изготовлено на отщепах (рис. 1, *1—3*). Скребки на отщепах чаще всего имеют овальное лезвие. Концевых скребков встречено только два (рис. 1, *5*). Имеется немного нуклевидных и большая серия миниатюрных скребков.

Все скребки имеют следы использования, которые характеризуются выкрошенностью рабочей кромки лезвия или заглаженностью и закругленностью выступающих его частей. На некоторых скребках присутствуют и линейные следы работы. Причем у скребков на отщепах обычно слегка выкрошена рабочая кромка. А рабочая кромка у большинства микроскребков сильно заглажена и закруглена. На заглаженных участках лезвия прослеживаются линейные следы. Такими же следами изнашивания характеризуются и нуклевидные скребки. Судя по сильной залощенности поверхности, заглаженности и закругленности рабочей кромки лезвия, большинство миниатюрных и нуклевидных скребков можно отнести к скребкам по коже.

Интересным результатом микроанализа явилось выделение скребков из числа других типологических групп. Изучение под микроскопом рабочей части маленького шлифованного орудия типа тесла (рис. 1, *6*) показало, что это скребок по коже. Рабочая кромка сильно заглажена, имеются линейные следы, идущие перпендикулярно кромке лезвия и заходящие на обе его стороны. Это свидетельствует о том, что при работе скребок сильно наклоняли вперед-назад.

Второе орудие является небольшим асимметричным наконечником дротика или стрелы (рис. 1, *7*). Правая и левая его стороны употреблялись в качестве бокового скребка. Под микроскопом видно, что выступающие части фасеток ретуши сильно заглажены (особенно справа), на заглаженных участках обнаружены линейные следы, имеющие скребковый характер.

Интересно отметить, что в коллекции каменных орудий полуденковского жилища полностью отсутствуют двулезвийные скребки, которые встречены небольшой серией на самой стоянке[3]. На стоянке некоторое число скребков скомбинировано с другими орудиями: с ножами, скобелями, сверлами. В жилище обнаружено только одно комбинированное орудие — скребок-развертка (рис. 1, *19*). Оно изготовлено из тонкой плитки сланца в виде наконечника копья. Нижняя часть обработана скребковой ретушью. Рабочая кромка заполирована и заглажена, четко видны линейные следы, идущие перпендикулярно кромке. Острие плитки также заполировано и заглажено. На глубину 13 *мм* по краям острия присутствуют линейные следы, которые идут перпендикулярно продольной оси орудия. На самом кончике острия следов нет. Этим острием работали в качестве развертки. Диаметр сверления — до 22 *мм*.

Из трех скобелей, найденных на стоянке, два были обнаружены в жилище. На одном из них следов работы не обнаружено, очевидно, они сняты подправкой лезвия новой ретушью. Другой скобель (рис. 1, *11*) имеет выкрошенную рабочую кромку.

---

[3] *Сериков Ю. Б.* Результаты трасологического анализа поверхности каменных орудий с неолитической стоянки Полуденка I.— СА, 1974, № 1.

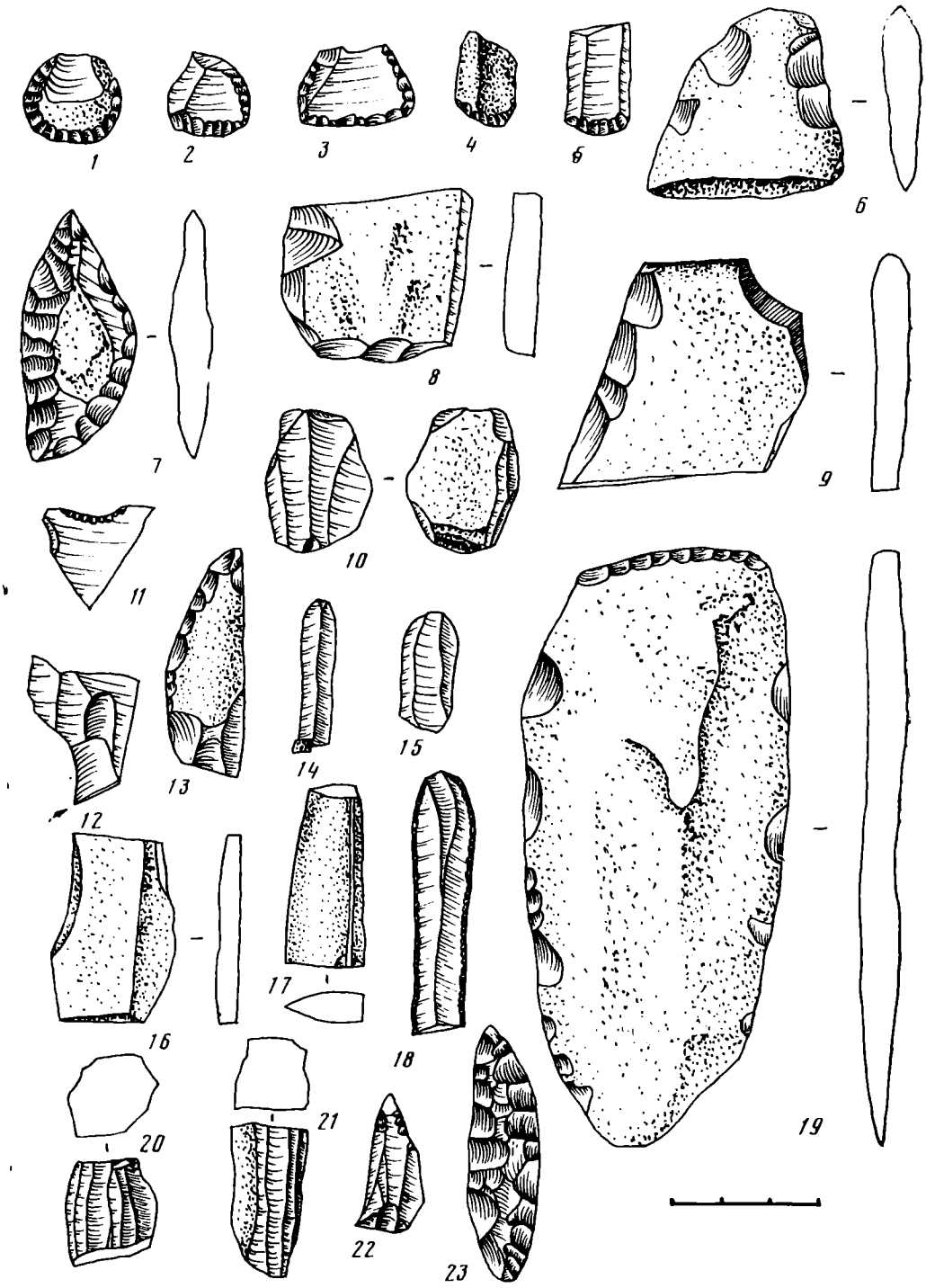


Рис. 1. Каменные орудия из первого жилища Полуденки I. *1—7* — скребки, *8*, *9* — ретушеры, *10* — лощило, *11* — скобель, *12* — резец, *13*, *18* — ножи, *14*, *15* — вкладыши, *16*, *17* — шлифованные ножи, *19* — скребок-развертка, *20*, *21* — нуклеусы, *22*, *23* — сверла

Также в жилище были найдены два лощила. Одно из них представляет собой призматический нуклеус. Сколы на нуклеусе идут с трех сторон (рис. 1, *10*). Одна сторона плоская. Она имеет сильно стертые и заглаженные края. На заглаженных участках заметны линейные следы, идущие параллельно или почти параллельно продольной оси лощила. Кстати, пока это единственный на стоянке нуклеус, который был во вторичном употреблении.

Второе лощило изготовлено из куска мягкой породы красного цвета. Со всех сторон на нем присутствует заполировка. Зерна материала сильно сточены. С двух сторон сработанность настолько сильная, что поверхности приобрели вогнутость. Скорее всего, данное орудие служило для лощения стенок керамических сосудов.

Каменных изделий с резцовым сколом в жилище четыре. Но только на одном из них обнаружены следы использования. Этот резец изготовлен на отщепе (рис. 1, *12*). Кромка резца сильно смята и заглажена. Слегка заглажены и боковые грани. Характер заглаженности и направление микросколов показывают, что резцом работали в вертикальном положении и на себя. Выемка вверху позволяет удобно расположить указательный палец при работе.

Ножей в жилище 10. В основном ножами служили ножевидные пластины (рис. 1, *18*). Но встречено и три мясных ножа из отщепов и плиток (рис. 1, *13*). В двух случаях отщепы-ножи не имели никакой обработки ретушью.

Самыми интересными орудиями из этой серии являются шлифованные ножи. Один из них представляет собой обломок шлифованного ножа треугольного сечения (рис. 1, *17*). Его поверхность сильно залощена от соприкосновения с мягким, но упругим материалом. Таким материалом могло быть мясо. Данное орудие служило мясным ножом.

Второй нож — полностью отшлифованное небольшое орудие (рис. 1, *16*). Лезвие расположено с левой стороны. От долгого употребления и неоднократной подшлифовки оно сточено на несколько миллиметров, в результате чего образовалась фаска. С двух сторон на лезвии имеются четкие линейные следы. На лицевой стороне они не идут дальше фаски, на обратной — заходят на середину ножа. Следы расположены перпендикулярно кромке лезвия ножа. Таким образом, один из трех на стоянке строгальных ножей находился в жилище.

Также к ножам относятся два вкладыша, найденные в жилище. Оба они имеют залощенную с двух сторон поверхность. Эти вкладыши не ретушированы (рис. 1, *14, 15*).

Из серии острий были выделены проколки и сверла. Проколок, обработанных ретушью, в жилище всего две. Они были найдены на полу жилища, как и проколка из кости.

На Полуденковской стоянке всего было встречено 16 сверл и разверток[4], три из них находились в жилище. Одна развертка описана выше. Первое сверло представляет собой острие на отщепе длиной 2,9 *см* (рис. 1, *22*). Кончик острия обработан двусторонней ретушью и сильно заглажен и закруглен. На скругленностях граней присутствуют четкие линейные следы, идущие концентрическими кругами. Глубина проникновения сверла в материал 9 *мм*, диаметр — от 4 до 7 *мм*. Острие имеет симметричный профиль. Сумма наблюдений показывает, что, несмотря на утолщенный конец (противоположный острию), сверло применялось в станковом приборе.

В качестве второго сверла служил наконечник стрелы из кварцита (рис. 1, *23*). Его кончик сильно заглажен и закруглен. Имеются и линейные следы.

Из числа других орудий интересно отметить наличие в жилище песта, рыболовного грузила и двух заготовок рубящих орудий.

Пестом служило массивное, частично шлифованное орудие со сломанным концом. Нижняя часть в мелких заглаженных выбоинах — она и была рабочей частью орудия.

---

[4] *Сериков Ю. Б.* Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья.— В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Рыболовное грузило изготовлено из плитки известняка. Плитка оббита до получения овальной формы. Посредине плитки проходит светлая линия шириной 7 *мм*. Остальная поверхность грузила коричневого цвета, она ожелезнена. Очевидно, от долгого пребывания в воде вся поверхность грузила покрылась окисью железа, и лишь закрытый привязкой участок остался неожелезненным. Оббитые края плитки скруглены и заглажены. На них обнаружены линейные следы, характерные для скребел. Данное изделие было еще и скреблом [5].

При помощи трасологического анализа из числа каменных изделий удалось выделить два ретушера. Ретушерами служили плитки окремнелого сланца (рис. 1, *8, 9*). Плитки местами имеют следы оббивки. Боковые грани плиток сильно стерты и заглажены, их использовали для ретуширования каменных изделий. Особенно сильно сработаны верхние края плиток.

Необходимо отметить также наличие в жилищном комплексе обломка кварцевого отбойника.

Таким образом, каменные изделия полуденковского жилища представляют собой четкий и хорошо выраженный комплекс, позволяющий сделать определенные выводы относительно производственной деятельности неолитического населения на р. Полуденке.

В жилище найдено 10 плиток окремнелого сланца. Именно из такого материала изготовлено 62% всех изделий. Из других пород, использованных для изготовления орудий, следует отметить зеленоватый туфопорфирит, плотный кварцит, коричневый халцедон, черный сланец и светло-серую окремнелую породу.

Наличие в жилище плиток окремнелого сланца (их можно рассматривать в качестве заготовок для нуклеусов), нуклеусов в различных стадиях обработки, нуклевидных кусков, отщепов, ножевидных пластин без ретуши и отбойника свидетельствует о том, что расщепление кремня производилось непосредственно в жилище. В жилище происходила и выделка орудий. В пользу этого говорят незаконченные орудия, заготовки орудий, отщепы с краевой ретушью и ретушеры, обнаруженные в жилище. Три шлифовальных плитки, шлифованные ножи и заготовки рубящих орудий свидетельствуют об изготовлении шлифованных орудий непосредственно в жилище. Девять обломков шлифованных орудий являются доказательством обработки дерева также в жилище.

Следует отметить, что в жилище обнаружен весьма широкий ассортимент каменных орудий, необходимых для производственной деятельности неолитического человека: рубящие орудия, шлифовальные плитки, скребки, скобели, лощила, проколки, сверла, резец, шлифованные мясной и строгальный ножи, ножи на отщепах и пластинах, ретушеры, отбойник, пест, рыболовное грузило. Каменные орудия представлены в основном не единичными экземплярами, а достаточно большими сериями. Можно не сомневаться, что, если бы западный край жилища не был разрушен карьером, коллекция каменных изделий выглядела бы еще более внушительно.

Как видим, сумма полученных микроанализом фактов со значительно большей убедительностью и наглядностью, чем при обычном типологическом подходе, показывает, что именно жилище являлось своеобразным центром, где была сосредоточена разносторонняя производственная деятельность неолитического человека. Каменный инвентарь полуденковского жилища дает очень полную характеристику первобытного хозяйства стоянки в целом и отражает практически все стороны производственной деятельности неолитического населения: обработку камня, дерева, кости, кожи, охоту, рыболовство и собирательство.

---

[5] *Сериков Ю. Б.* К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков.— СА, 1977, № 2.

А. В. АНПИЛОГОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЙ БАССЕЙНА р. ВОРОНЬЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Прибрежные районы Кольского п-ова гораздо лучше изучены в археологическом отношении, чем его центральная часть. В результате охранных разведок и раскопок у истока и в среднем течении р. Воронья, проведенных в 1969—1974 гг. археологами Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в связи со строительством ГЭС, было открыто 17 древних памятников, из которых раскопкам подверглись поселения Ловозеро I—VI.

Поселения занимают площадь от 0,4 до 1,5 тыс. *м*^{2} и расположены на правом берегу р. Воронья на расстоянии 1,5 *км* от ее истока из оз. Ловозеро[1]. Высота их колеблется от 1,5 до 5 *м* над уровнем воды в реке. Они многослойны, но разновременные комплексы смешаны и не разделяются ни стратиграфически, ни планиграфически, хотя принадлежность хозяйственных объектов (ям, кострищ, очагов и др.) в ряде случаев определяется довольно уверенно.

Основная масса каменных орудий почти не поддается хронологической дифференциации. Керамический материал расчленяется гораздо лучше, хотя здесь допустим и остается ряд не вполне точных определений. Предлагаемое описание учитывает наиболее характерные признаки того или иного типа керамики, что позволяет выделить комплексы, относящиеся к эпохам неолита, бронзы и раннего железа.

Керамика эпохи неолита представлена (на стоянках Ловозеро I и III) ранней ямочно-гребенчатой посудой волго-окского облика и фрагментами со своеобразным орнаментом, аналогии которому известны главным образом на Кольском п-ове. Черепки посуды первой группы серого и коричневого цвета, хорошего обжига. В тесте присутствует умеренное количество песка. Форма сосудов остродонная, диаметр колеблется от 20 до 25 *см*. Венчики прямые. Толщина стенок 0,6—0,8 *см*. Внешняя поверхность украшена круглоконическими ямками, расставленными в шахматном порядке и разделенными поясами из оттисков горизонтального зубчатого штампа (таблица; рис. 1, *1—3*). Подобная керамика широко распространена на стоянках Карелии и датируется началом III тысячелетия до н. э.[2]

Керамика местного облика найдена на всех стоянках в значительном количестве (таблица; рис. 1, *4—13*; 2, *1—11*). Сосуды довольно разнообразны по цвету, обжигу, примеси и орнаментации. Цвет коричневый, серый и желтый. Обжиг слабый и средний. В большинстве случаев примесью к глине служат дресва, песок и шамот. В тесте некоторых сосудов встречается растительная примесь. Из-за обилия примеси и слабого обжига многие черепки непрочные, с расслоившейся поверхностью. Форма сосудов круглодонная, но встречены плоские днища. Края венчиков чаще всего утолщенные, прямые и скошенные с внутренней стороны. Толщина стенок 0,8—1,2 *см*.

---

[1] До работ А. В. Анпилогова Кольской экспедицией ЛОИА на Ловозере были открыты стоянки, названные Ловозеро I, II и т. д. Как видим, аналогичные наименования даны А. В. Анпилоговым стоянкам на р. Воронья, что необходимо иметь в виду специалистам.— *Прим. ред.*

[2] *Панкрушев Г. А.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М — Л., 1964, табл. 2.

Количественное соотношение типов керамики на Ловозерских стоянках. В скобках – число сосудов

Памятник	Тип керамики						Итого
	волго-окская	местная	асбесто-вая	асбесто-вая	пористая	с примесью слюды	
	неолит		бронза	раннее железо			
Ловозеро I	23(4)	97(43)	–	358(37)	5(3)	1	484
Ловозеро II	–	9(2)	–	6(4)	–	–	15
Ловозеро III	45(7)	246(86)	48(12)	298(63)	37(8)	5(2)	679
Ловозеро IV	–	23(10)	–	92(21)	–	–	115
Ловозеро V	–	68(27)	–	63(16)	13(5)	–	144
Ловозеро VI	–	30(11)	–	2(1)	–	–	32
Всего фрагментов	68	473	48	819	55	6	1469
Всего сосудов	11	179	12	142	16	22	362

Элементы орнамента более многочисленны и разнообразны. Круглоконические ямки, украшающие сосуды волго-окского облика, здесь утратили прежнюю форму. Появляются ямки крупные, глубокие, овальные, подромбические и т. п. Они носят подчиненное значение и, как правило, сочетаются с отпечатками гребенки, причем гребенчатый орнамент преобладает над ямками.

Гребенка применялась длинная и короткая, широкая и узкая. Небольшая часть черепков украшена одним-двумя рядами круглых глубоких, редко расставленных ямок, чередующихся с горизонтальными и вертикальными оттисками гребенки, составляющими ломаные линии (рис. 2, *1—2*).

Отдельные фрагменты орнаментированы как бы сдвоенным штампом (рис. 2, *3*), чередованием горизонтального и вертикального зубчатого штампа (рис. 1, *4*), короткими тонкими вертикальными оттисками, дополненными зубчатым пояском и подчетырехугольными ямками у шейки сосуда (рис. 1, *5*), поясами мелких округлых вдавлений, поставленных под небольшим углом (рис. 1, *6*), перекрещивающимися поясами зубчатого штампа (рис. 1, *9*), вертикальными оттисками веревочки, разделенными поясом из редко расставленных крупных глубоких ямок (рис. 1, *7*). Один сосуд орнаментирован тонкой гребенкой в виде елочного узора, напоминающего узор на так называемой «классической» асбестовой керамике, распространенной на стоянках Карелии в эпоху раннего металла (рис. 2, *7*).

24 фрагмента 8 сосудов, найденные на стоянках Ловозеро III, V и VI, отличаются от вышеописанной посуды своей орнаментацией. Цвет фрагментов коричневый, обжиг средний. В тесте присутствует дресва и шамот. Днищ и венчиков не сохранилось. Толщина венчиков 0,8—1,2 *см*. Внешняя поверхность украшена поясками из редко расставленных круглых ямок и поясами протащенной гребенки шириной 1—1,5 *см*. На отдельных фрагментах этого типа прослеживаются фигуры в виде горизонтальных зигзагообразных линий, опоясывающих сосуд и состоящих из оттисков гребенчатого штампа (рис. 2, *8, 9*).

Среди ямочно-гребенчатой керамики местного облика имеются сосуды со сложным геометрическим орнаментом. Во всех случаях в композиции присутствуют геометрические фигуры в виде ромбов, треугольников, ломаных линий с ямками на концах, образованных отпечатками гребенчатого и веревочного штампов (рис. 1, *11, 12*; 2, *4—5*).

Отметим также 9 фрагментов керамики, обнаруженных на стоянках Ловозеро II и V. Цвет черепков серый, обжиг слабый. В тесте присутствует большое количество дресвы и шамота. Сохранились плоские днища. Толщина стенок 1,3 *см*, днищ — 1,6 *см*. Наружная поверхность орнамен-

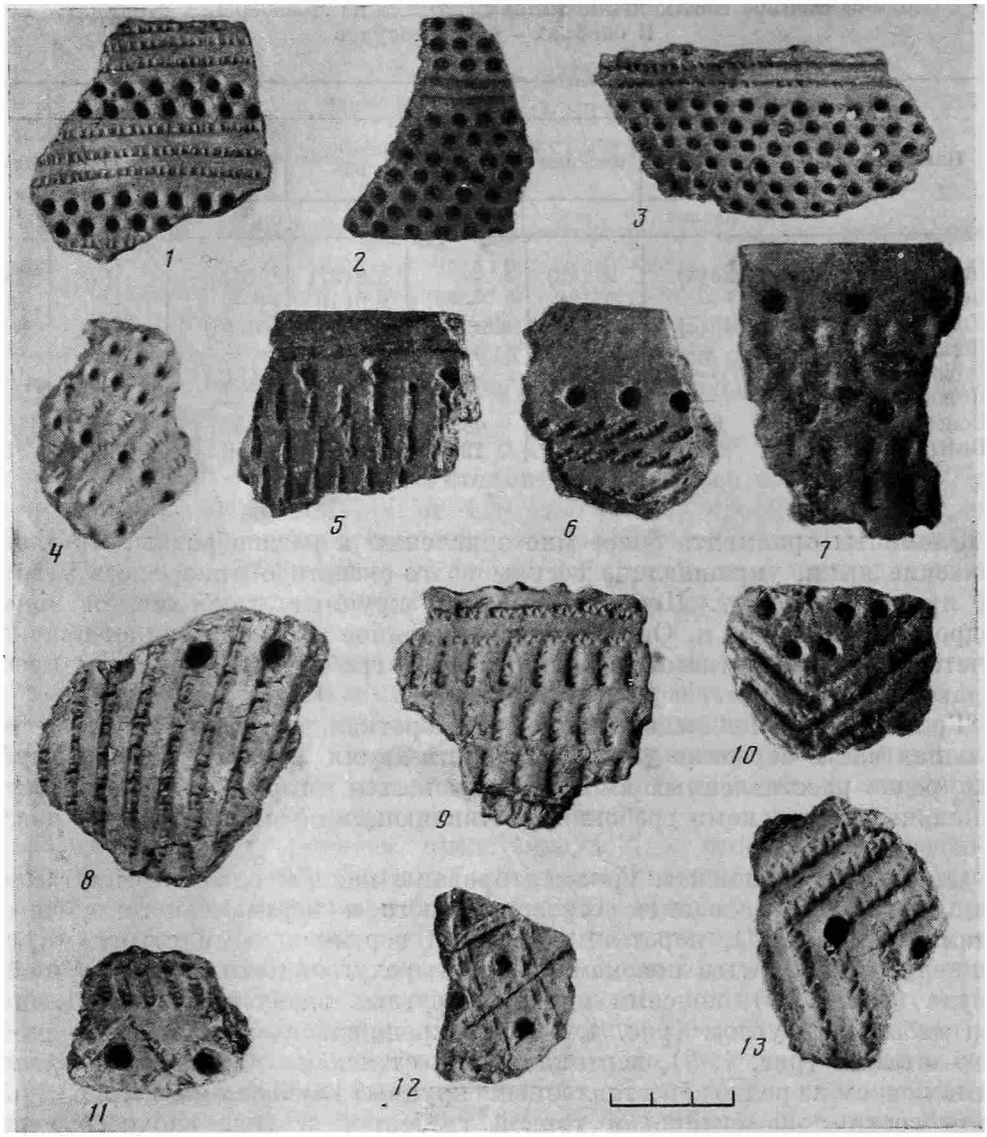


Рис. 1—5. Керамика поселений на р. Воронья

тирована широкими вертикальными прочерченными линиями, дополненными беспорядочными мелкими подромбическими ямками, которые нанесены и на внутренней стороне днища (рис. 2, *10, 11*).

В местной ямочно-гребенчатой керамике прослеживается незначительное влияние карельской и беломорской культур. Подобная керамика найдена Н. Н. Гуриной на стоянке Цага I и радиокарбоновым методом датируется 4690±70 (2740 лет до н. э.) [3]. Эта посуда, по-видимому, претерпела значительные изменения в местных условиях и получила своеобразный облик. Она довольно разнообразна и, вероятно, была длительное время в употреблении. Сходная посуда обнаружена на стоянке Нордли в Северной Норвегии, которую П. Симонсен датирует 2200—2000 гг. до н. э.[4] В Карелии подобная керамика со сложным орнаментом датируется

[3] *Гурина Н. Н.* Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье.— КСИА АН СССР, № 137, 1973.

[4] *Simonsen P.* Fund og udcravninger pa-fjordens sydkyst af varangerfunnene, II. Troms museum, 1961, s. 89, 91, 93.

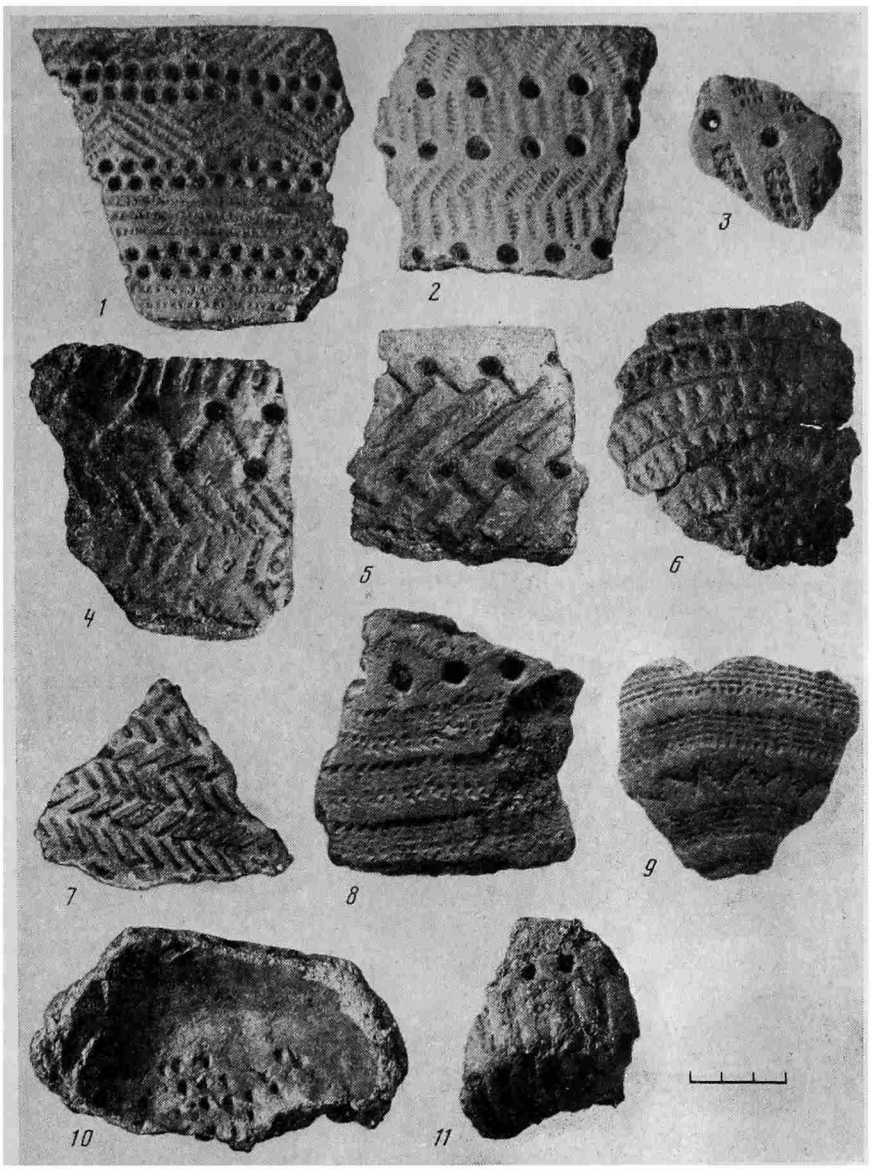


Рис. 2

второй половиной III и началом II тысячелетия до н. э.[5] Вполне возможно, что неолитический комплекс Ловозерских стоянок относится к середине и концу III тысячелетия до н. э.

Керамика эпохи бронзы найдена только на стоянке Ловозеро III (таблица). Цвет черепков серый и коричневый. Обжиг средний. В отличие от неолитических сосудов примесью в тесте служил размельченный асбест, введенный в большом количестве в виде мелких и крупных волокон. Другая характерная деталь — резко отогнутый внутрь венчик. Днищ не сохранилось. Толщина стенок 0,8—1,2 *см*. Ширина венчиков 2,2—2,5 *см*. Элементами украшения служила гребенка, чаще крупная, с широкими и глубокими зубцами. Оттиски гребенки располагаются перпендикулярно или с легким наклоном к краю сосуда и образуют широкие пояса вокруг него.

[5] *Панкрушев Г. А.* Ук. соч., с. 60.

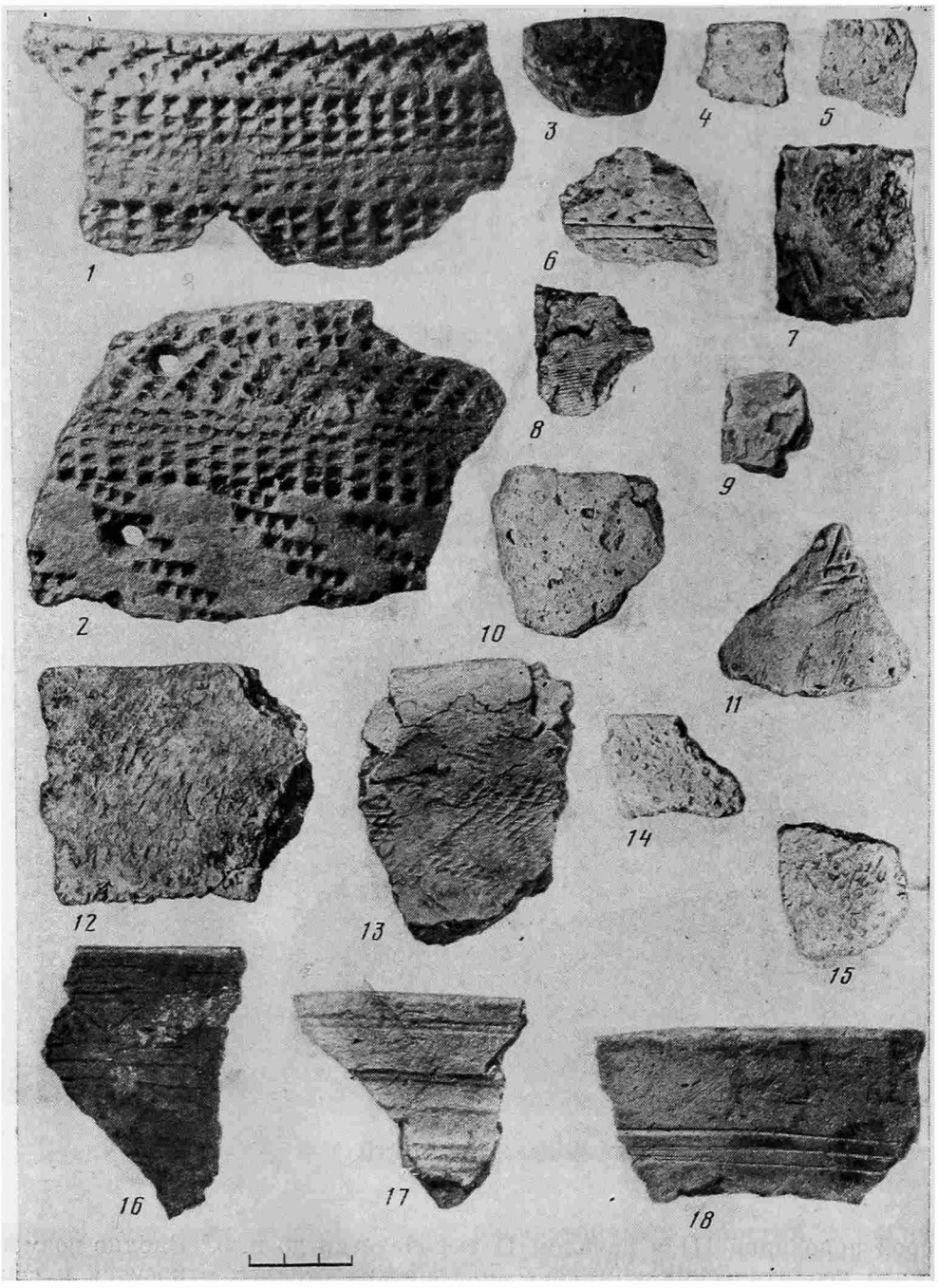


Рис. 3

На некоторых сосудах имеются крупные сквозные ямки. На отдельных черепках вертикальный штамп чередуется с косопоставленным (рис. 3, *1, 2*). Сходная асбестовая керамика найдена в северо-восточной части Финляндии на стоянке Саксиниеми и датируется финскими археологами 1800—500 гг. до н. э.[6] Возможно, что в верховье р. Воронья в эпоху бронзы с территории Финляндии проникла небольшая группа людей с подобной посудой.

Керамика эпохи раннего железа найдена на всех поселениях в значительном количестве (таблица) и представлена разнообразной посудой.

[6] Хельсинкский нац. музей. Колл. 12169.

Большая часть черепков имеет серый и коричневый цвет. Встречается желтый. Обжиг слабый, средний и хороший. В качестве примеси в тесте преимущественно использовался асбест, растительные добавки, слюда и изредка песок. Значительная часть венчиков утолщена и отогнута наружу. Диаметр верхней части сосудов 15—20 *см*. Встречены маленькие чашечки. Днища не найдены, но, видимо, они были плоские. В основном сосуды тонкостенные.

Орнамент бедный, поверхностный. Он составлен из неглубоких прочерченных линий, редких оттисков зубчатого штампа, штриховки, сетчатых отпечатков, перекрещивающихся линий и т. п. Большая часть фрагментов не орнаментирована. Аналогичная керамика найдена на многих поздних памятниках Карелии.

Среди этой керамики можно выделить следующие подтипы.

1. Пористая керамика (таблица). Представлена в основном мелкими фрагментами, не дающими полного представления о форме сосудов. Для них характерна растительная примесь в тесте, после выгорания которой черепки приобрели пористую структуру и легкость. Цвет коричневый и серый. Обжиг слабый и средний. Венчики прямые, днищ не сохранилось. Толщина стенок 0,3—1 *см*. На некоторых фрагментах прочерчены сдвоенные параллельные и ломаные линии, шедшие вокруг сосуда. У отдельных фрагментов наружная поверхность покрыта штрихами (рис. 3, *3—11*). Пористая керамика появилась в Карелии в середине II тысячелетия до н. э. и продолжала бытовать в I тысячелетии до н. э., а возможно, и позднее [7].

2. Сетчатая керамика обнаружена только на стоянке Ловозеро III в количестве 9 фрагментов 5 сосудов серого цвета среднего обжига. В тесте присутствует песок и немного мелких волокон асбеста. Венчики прямые, толщина их одинакова со стенками и равна 0,4—0,8 *см*. Днищ не сохранилось. Наружная поверхность покрыта «сетчатыми» отпечатками, похожими на оттиски ткани (рис. 3, *12—15*). На некоторых фрагментах внутренняя сторона штрихована.

Сетчатая керамика ведет свое начало с Верхнего Поволжья [8]. Отсюда она распространилась по всему Северо-Западу Европейской части СССР. Появление сетчатой керамики в Карелии А. Я. Брюсов относил к началу I тысячелетия до н. э.[9], а Г. А. Панкрушев датирует эту посуду 1200—500 гг. до н. э.[10]

На территории Карелии сетчая керамика распространена довольно широко и зачастую встречается на поселениях вместе со штрихованной. На многих из этих поселений найдены железные шлаки. А на стоянке Усть-Томица [11] с подобной керамикой обнаружена бронзолитейная мастерская и железные крицы, свидетельствующие о знакомстве населения с металлургией.

На берега р. Воронья сетчатая керамика была, по-видимому, занесена в I тысячелетие до н. э. Наличие в ней примеси асбеста — несомненно местная особенность, поскольку обычно сетчатая керамика имеет примесь песка.

3. Керамика с примесью слюды. Найдена на стоянках Ловозеро I и III в количестве 6 фрагментов 3 сосудов (таблица). Цвет черепков серый и светло-коричневый. Обжиг хороший. В тесте присутствует песок и размолотая слюда. Венчики прямые, слегка утолщенные, толщиной 0,8—1 *см*, стенки толщиной 0,6—0,7 *см*. Днища не найдены. По профилировке

---

[7] *Панкрушев Г. А.* Ук. соч., с. 49.

[8] *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. М. – Л., 1941, с. 18.

[9] *Брюсов А. Я.* История древней Карелии. М., 1940, с. 243.

[10] *Панкрушев Г. А.* Ук. соч., табл. 2.

[11] *Брюсов А. Я.* Ук. соч., с. 238—243.

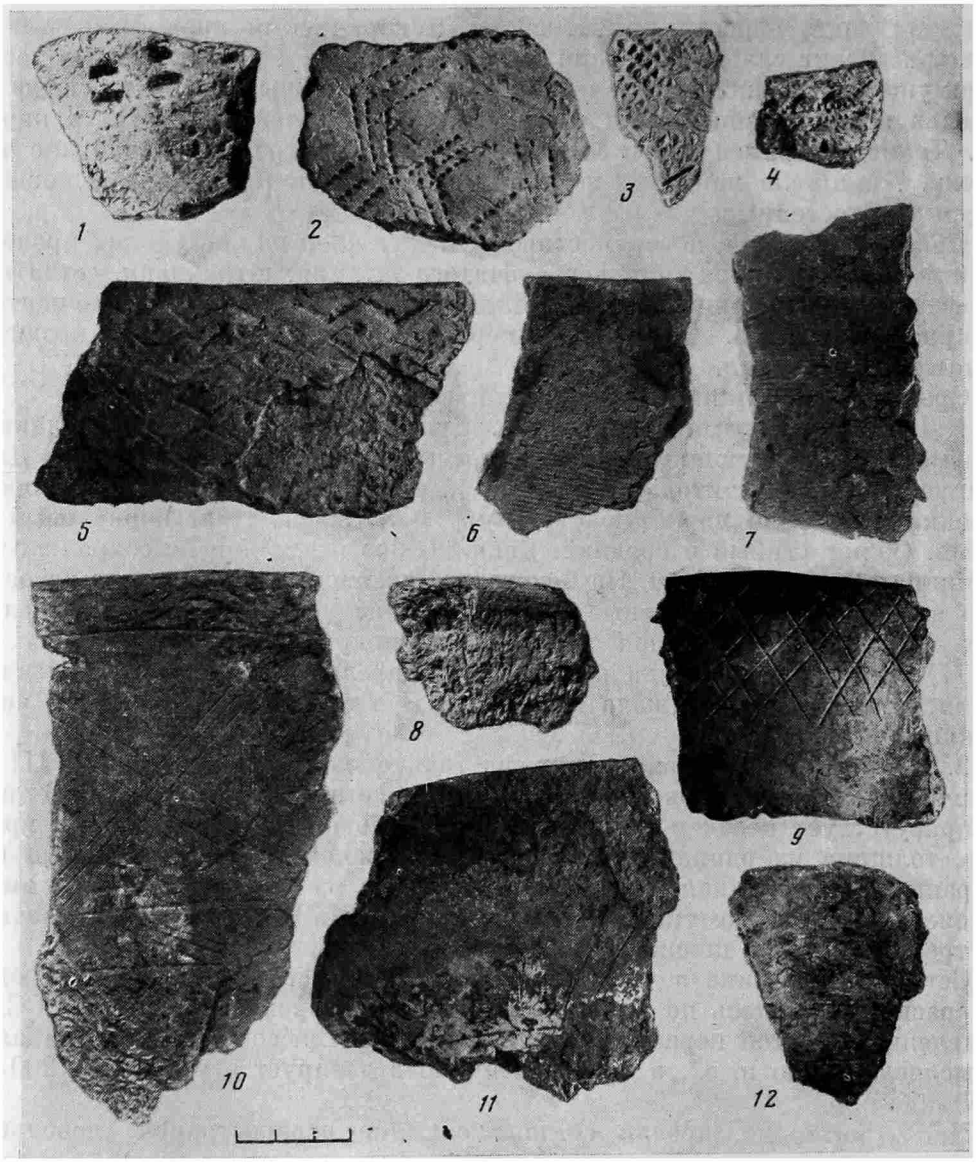


Рис. 4

стенок заметно расширение сосудов в средней части. Они украшены параллельными тонкими прочерченными линиями и широкими пологими желобками в верхней части тулова (рис. 3, *16—18*).

Сходная керамика найдена на многих стоянках северной Финляндии. Она получила название у финских исследователей сяряис-ниеми 2 и датируется ими от I тысячелетия до н. э. до 500 гг. н. э.[12] В Карелии подобная керамика в значительном количестве встречена на стоянке Кудама XI.

4. Керамика с примесью асбеста наиболее многочисленна и присутствует на всех стоянках (таблица). Посуда довольно разнообразна. Цвет черепков серый, коричневый и желтый. Обжиг различный, но слабый отмечается редко. Асбест вводился в глину в различном количестве. В основном сосуды тонкостенные, с венчиками утолщенными и отогнутыми наружу, реже прямыми. Днища не сохранились. Орнамент поверхност-

[12] Хельсинкский нац. музей. Колл. 14830/672, 14831/1342.

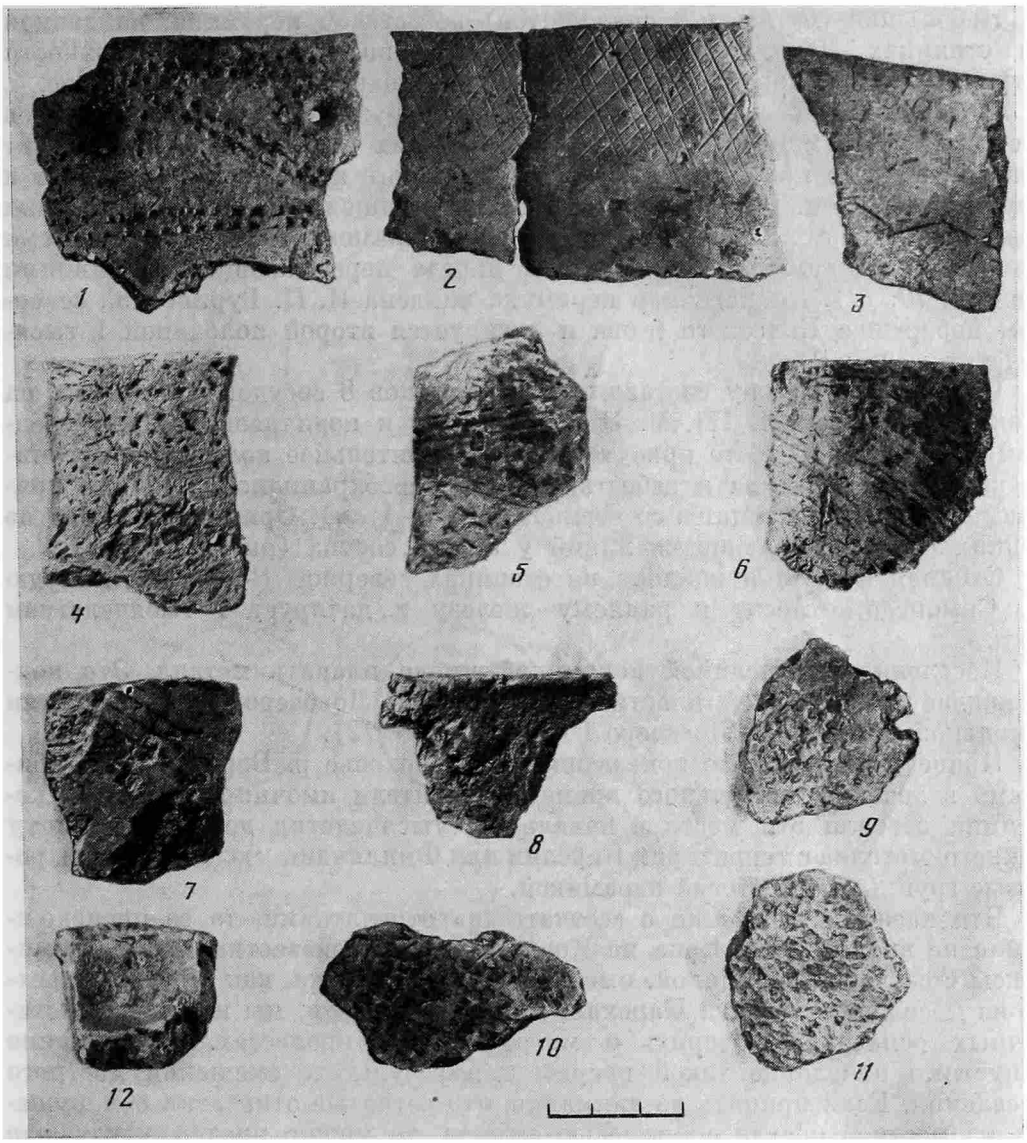


Рис. 5

ный, разреженный. Большая часть фрагментов без орнамента, часть со штриховкой (рис. 4, *6—7*). Единичные фрагменты орнаментированы овальными парными ямками, тонким зубчатым штампом (рис. 4, *1—4*, 5, *1*).

Оригинален обломок сосуда со стоянки Ловозеро I. Он серого цвета, среднего обжига, в тесте присутствует песок и незначительное количество асбеста. Венчик сосуда прямой, слегка утолщенный — до 1 *см*. Наружная поверхность украшена зигзагообразными линиями, образующими ромбы с ямкой в середине (рис. 4, *5*). На поселении Ловозеро IV обнаружено 15 фрагментов толстостенного сосуда. Цвет черепков коричневый, обжиг слабый. В тесте присутствует много мелких и крупных волокон асбеста. Венчиков и днищ не найдено. Внешняя поверхность орнаментирована елочным узором, составленным из оттисков гребенчатого штампа. Подобная керамика широко распространена на стоянках эпохи раннего металла в Карелии и датируется 1200—500 гг. до н. э.[13]

[13] *Панкрушев Г. А.* Ук. соч., табл. 2.

Небольшая группа (28 фрагментов) асбестовой керамики, найденная на стоянках Ловозеро I и III, покрыта по наружной поверхности штриховкой, что характерно для керамики эпохи раннего железа (рис. 4, *6, 7;* 5, *6*). На поселении Ловозеро III обнаружено скопление обломков стенок (18 фрагментов) одного сосуда. Цвет их темно-коричневый, обжиг слабый. В тесте присутствует много размолотого асбеста в виде мелких и крупных волокон. Венчик прямой, слегка утолщенный, до 0,6 *см*, стенки толщиной 0,5 *см*. Внешняя поверхность орнаментирована двумя-тремя тонкими вертикальными нарезными, иногда пересекающимися линиями (рис. 4, *10, 11*). Аналогичная керамика найдена Н. Н. Гуриной на северном побережье Кольского п-ова и датируется второй половиной I тысячелетия до н. э.[14]

Следующую группу составляют 36 обломков 8 сосудов, найденных на стоянках Ловозеро I, III, V. Цвет их серый и коричневый, обжиг средний и хороший. В тесте присутствует незначительное количество органических веществ, песка и асбеста. Днища не сохранились. Венчики прямые, одинаковой толщины со стенками (0,8—1 *см*). Орнамент состоит из тонких перекрещивающихся линий у шейки сосуда (рис. 4, *9*; 5, *2*).

Сходная керамика найдена на стоянках северной Норвегии, которую П. Симонсен относит к раннему железу и датирует I тысячелетием до н. э.

Население с описанной керамикой умело плавить металл. Это подтверждается бронзовой пластиной со стоянки Ловозеро V и обломками тигельков с поселений Ловозеро I и III (рис. 5, *12*).

Приведенные данные показывают, что верховье р. Воронья было обитаемо в течение длительного времени. Носители ямочно-гребенчатой керамики освоили эти места в начале III тысячелетия до н. э. В эпоху раннего металла с территории Карелии или Финляндии сюда проникли родовые группы с асбестовой керамикой.

Что касается керамики с «сетчатыми» отпечатками, то ее происхождение не вполне ясно. Пока на Кольском п-ове неизвестны чистые комплексы с сетчатой керамикой, имеющей примесь песка, как это наблюдается на поселениях южной Карелии, и, таким образом, мы не имеем достаточных оснований говорить о миграционных процессах. В принципе допустимо появление такой посуды и в результате смешения местного населения. Если принять во внимание, что сетчатые отпечатки обнаружены на местной посуде с примесью асбеста, то можно предположить, что «сетка» является техническим приемом, заимствованным в результате связей у населения более южных территорий.

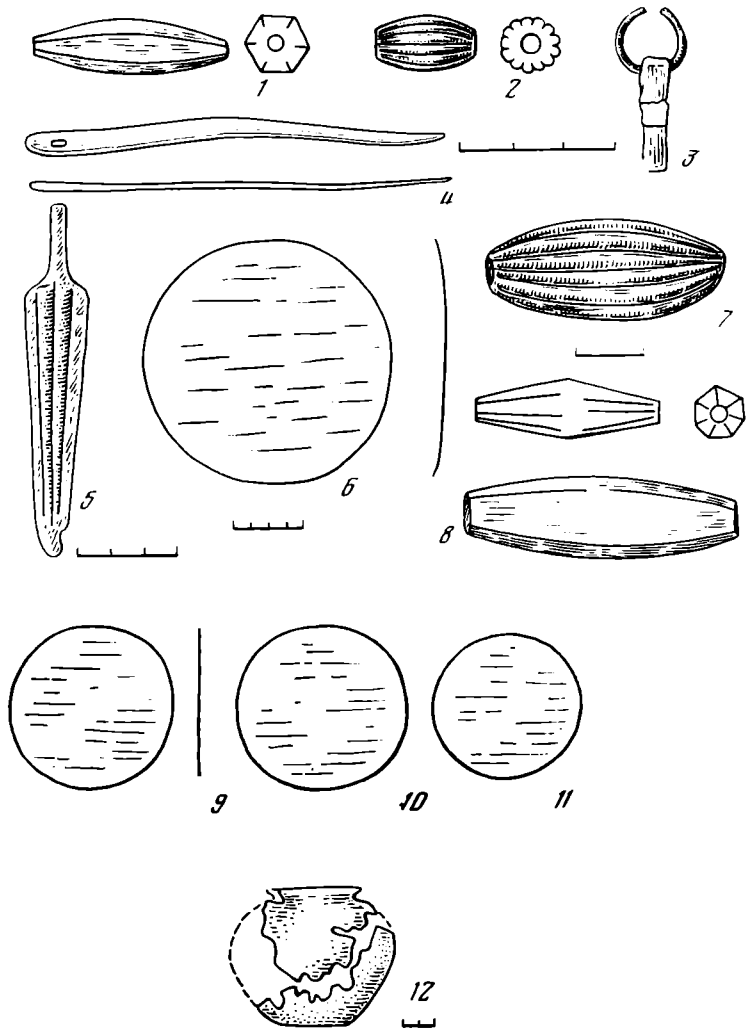
[14] *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на Северном побережье Кольского полуострова.— МИА, № 39, 1953, с. 388.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

ПОГРЕБЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

За последнее десятилетие коллективом кабардино-балкарских археологов под руководством И. М. Чеченова сделаны многочисленные открытия памятников майкопской культуры в Центральном Предкавказье. Данная заметка посвящена анализу металлического инвентаря майкопского погр. 3 кург. 5 у с. Чегем I, раскопанного в 1972 г. Авторы раскопок опубликовали его комплекс полностью, что избавляет нас от повторного детального описания[1]. Основные данные захоронения таковы. Оно рас-

[1] *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 8, рис. 4, *5*; с. 10, рис. 7, *10*; с. 11,



Находки из погребения 3 кургана 5 у с. Чегем 1 и их аналогии

полагалось в 8 *м* от центра, в западной части кургана, имевшего высоту 4,6 *м*. Могильная яма не прослеживалась. Погребение совершено на глубине 1,9 *м* от поверхности кургана. Могильная яма была обложена камнями. В ней находился подросток в скорченном положении на боку, головой на юг. Захоронение было обильно посыпано охрой. В нем найдены следующие вещи: золотая серьга с камешком, перехваченная золотой фольгой (рисунок, *3*); две золотые бусины, граненая и рифленая (рисунок, *1, 2*); золотая булавка с отверстием из плоского тонкого стержня (или игла, но последняя интерпретация мало вероятна ввиду очевидной непрочности изделия (рисунок, *4*). Поодаль от них обнаружен бронзовый диск диаметром 150 *мм*, вырезанный из тонкого листа бронзы толщиной примерно 1 *мм* (рисунок, *6*). Диск немного вогнут, прогиб неравномерный. Трудно сказать, был ли он связан с замыслом мастера или образовался под давлением многовековой тяжести земли. На диске лежал изящный двухжелобчатый кинжал длиной 200 *мм* (рисунок, *5*). Рядом с ним находились остатки бронзового котла, красноглиняный сосуд с залощенной поверхностью (рисунок, *12*). По описанию авторов раскопок, сосуд относится к группе керамики из курганов Кабардино-Балкарии, для которой характерно хорошо отмученное тесто без примесей, красно-бурый

рис. 9, *1, 2, 10, 11*; *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж.* Отчет о раскопках на реках Баксан и Чегем в 1972 году.— Архив ИА АН СССР, № 4758, рис. 34, *В, 3*.

или оранжево-красный цвет с залощенной или в отдельных случаях заглаженной поверхностью. В публикации все майкопские погребения, раскопанные в бассейне р. Чегем, были отнесены к новосвободненскому этапу культуры [2].

Находка желобчатого кинжала в погребении подтверждает связь рассматриваемого комплекса с памятниками так называемого позднего новосвободненского круга, выделенными на прикубанских материалах А. А. Иессеном. Желобчатый кинжал, например, был найден в одном из них, кургане у станицы Махошевской [3]. Золотая булавка как категория также встречается в захоронениях этого типа. Золотые подвески с камешком были обнаружены в Старомышастовском кладе, тяготеющем по набору утвари к Майкопскому кургану, и в дольменах ст. Новосвободной [4]. Особое внимание в погребальной утвари чегемского захоронения заслуживают бронзовый диск и крупные золотые бусы с рифлением и огранкой.

Бронзовый диск — уникальная вещь среди майкопских изделий. Спектральный анализ показал (таблица, № 18391), что он изготовлен из мышьяково-никелевой бронзы 1-й майкопской группы [5], обычной для майкопских предметов, как и эпохи ранней бронзы Кавказа вообще. Особенно много их обнаружено в памятниках Центрального Предкавказья [6]. Кинжал и котел были отлиты соответственно из металла 1-й и 2-й групп (таблица, № 18351, 18392). Таким образом, проанализированные изделия хорошо увязываются по химическому составу с предметами майкопской металлообработки и представляют собой обычное сочетание в погребении майкопской культуры вещей из мышьяковой и мышьяково-никелевой бронзы. Они отражают, по всей вероятности, местное производство. Однако поиски аналогий бронзовому диску уводят далеко на юг. По своей форме он вписывается в серию изделий ирано-шумерийского круга. Самая ранняя находка такого предмета происходит из Элама, Суз А (рисунок, *11*), относимых к концу убейдского или началу урукского периодов [7]. Другие вещи известны из памятников раннединастического периода или несколько более позднего времени. Плоский диск обнаружен в слое Тепе-Гиссара III в северо-западном Иране (рисунок, *9*) [8], а вогнутый — в погр. 135 кладбища А в Кише (рисунок, *10*) [9]. Утилитарное предназначение этих предметов не вполне ясно. Авторы раскопок полагают, что чегемская находка могла служить блюдом [10].

Датировка майкопского погр. 3 кург. 5 у с. Чегем I устанавливается по золотым бусам. Оба их типа (граненая и рифленая) редки в майкопских памятниках. Биконические рифленые бусы наподобие чегемской входят в состав ювелирных украшений Майкопского кургана (рисунок, *7*), что позволяет говорить об определенной хронологической близости захоронений. Граненые бипирамидальные бусы из золота — далеко не частый вид украшений III тысячелетия до н. э. в Передней Азии. Они известны лишь из некрополя Ура (погр. 429), относящегося к ранней

---

[2] *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Ук. соч., с. 19, 21.

[3] *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, вып. 20, 1936, с. 81, рис. 84, рис. 4, *6*; *его же.* К хронологии больших кубанских курганов.— СА, XII, 1950, с. 198.

[4] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 214, рис. 33, *8*; с. 243, рис. 47, *6*, *7*.

[5] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 36—40.

[6] *Кореневский С. Н.* Новые данные по металлообработке майкопской культуры. Тезисы докладов VIII Крупновских чтений. Нальчик, 1977, с. 62—64.

[7] *Le Breton L.* Early periods at Susa Mesopotamia Relations.— Iraq, v. XIX, № 2, p. 93, fig. 9, p. 124.

[8] *Schmidt E.* Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia, 1932, pl. LIV, H. 3192.

[9] *Mackey E.* A Sumerian Palace and the «A» cemetry at Kish Mesopotamia, pt II. Chicago, 1929, pl. XLIII.

[10] *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Ук. соч., с. 12.

Результаты спектрального анализа состава металла бронзовых предметов из погр. 3 кург. 5 у с. Чегем I

№ анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
18351	Основа		0,002			0,03	0,01	5	0,005	0,9		0,003–0,01
18391	»		0,015		0,001		0,01	5	0,003	0,9		0,001
18392	»		0,002		0,03	0,007	0,009	1	0,09	0,02		0,001–0,003

части преддинастического кладбища. Л. Вулли специально называет их датирующей формой граненых бус, выделяя в тип 10. По его замечанию, такие украшения исчезают в могилах саргонского времени (с 2370 г. до н. э.) [11]. Дата собственно царского кладбища в Уре относится ко второй и третьей фазе раннединастического периода, подразделенных на основании изменений архитектуры [12]. Однако сам раннединастический этап развития шумерской металлообработки, представленный находками в Уре и Кише, видимо, характерен для всего периода, так как в могилах более раннего времени Джамдет-Насра металлический инвентарь гораздо беднее и не содержит оружия, золотой посуды, сложного комплекса ювелирных украшений, обычных для раннединастического кладбища [13].

Подобные соображения заставляют выбирать хронологические рамки датировки чегемского и майкопского погребений в пределах всего раннединастического периода Шумера, но не более ранним временем. Дата этого отрезка истории народов Месопотамии дискуссионна. В работах последних десятилетий она определяется примерно в пределах первой половины III тысячелетия до н. э. или более узко — второй четверти III тысячелетия до н. э.[14] Вероятно, этим временем можно датировать и чегемское захоронение с Майкопским курганом, содержащие одинаковые формы редких бус. Колебания их хронологии будут прямо зависеть от датировки памятников раннединастического Шумера. Такое решение вопроса определения возраста чегемского погребения и Майкопского кургана не выделяет их в особо древние памятники майкопской культуры на основании ближневосточных аналогий. Исследователи и ранее отмечали, что формы изогнутых и прямых булавок курганов у ст. Новосвободной напоминают вещи из тех же царских некрополей Ура и Киша [15].

Таким образом, в свете новых находок в Кабардино-Балкарии существование майкопских комплексов с металлом может быть удревнено до первой половины III тысячелетия до н. э. Круг переднеазиатских аналогий ряда других металлических майкопских вещей: диска, черешкового копья, желобчатых долот, черпака и т. д.— довольно широк в пределах середины — второй половины III тысячелетия до н. э. Близкие им изделия известны в пределах огромного ареала от Ура и Киша до Трои II, Гиссара III, цивилизации Хараппы [16]. Они отражают производство сходных типов вещей на бескрайних просторах Передней Азии той эпохи. Верхняя дата майкопских погребений с металлом, видимо, связана с кон-

---

[11] *Woolley L.* Ur excavations. The Royal cemetery, v. II. London, 1937, U. 8693, pl. 134, 430—431.

[12] *Dyson R.* Annotations and Corrections of Relativ Chronology of Iran, 1968.— AJA, v. 72, № 4, 1968, p. 310; *Mallowan M. E.* Early Mesopotamia and Iran. London, 1965, p. 83—87.

[13] *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961, с. 45.

[14] *Брентьес Б.* От Шанидара до Аккада. М., 1976, с. 191. *Dyson R.* Op. cit., p. 310; *Mallowan M.* Op. cit., p. 83—87.

[15] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 139.

[16] *Dörpfeld W.* Troia und Ilion. Athen, v. I, 1902, p. 348, fig. 271; *Schmidt E.* Tepe-Hissar Excavations, 1931. Museum Journal, v. XXIII, 4. Philadelphia, 1933, p. 404, pl. CXX; H. 773, pl. LII, H. 3131; *Rao S. R.* Lothal and The Indus Civilizations. New York, 1973, p. 83, fig. 10, 12.

цом III тысячелетия до н. э., как отмечал А. А. Иессен [17], но типичных форм изделий для переднеазиатской металлообработки именно этого отрезка времени в майкопских комплексах нет [18]. Поэтому она в определенной степени условна и зависит от хронологии памятников эпохи средней бронзы. Для кавказской археологии такая датировка майкопских древностей сближает их по времени с материалами погребений и поселений куро-араксинской культуры Закавказья, содержащих сходные или весьма близкие предметы: штыковидное оружие, бесчеренковый кинжал, диадему из захоронения в Квацхелеби, литейные формы топоров с открытым для заливки металла брюшком, датирующиеся примерно первой половиной — серединой III тысячелетия до н. э.[19] На примере металлического инвентаря майкопской культуры и его переднеазиатских аналогий рассмотренных памятников невозможно говорить о хронологическом подразделении майкопской металлообработки на этапы. Новый материал подтверждает замечание А. А. Иессена, что «типология медных изделий дает не вполне отчетливую картину в смысле места, занимаемого внутри раннекубанской группы подгруппами Майкопа и Новосвободной и сама по себе недостаточна еще для решения этого частного вопроса» [20]. Поэтому периодизацию майкопской культуры по керамике, вероятно, следует рассматривать особо и не ставить в прямую связь с динамикой металлообрабатывающего производства.

Таков, на наш взгляд, основной круг проблем, которые возникают при решении датировки погр. 3 кург. 5 у с. Чегем I в Кабардино-Балкарии, содержащего своеобразный инвентарь, имеющий аналогии в переднеазиатском материале и захоронениях майкопской культуры Предкавказья.

Погребение 3 кург. 5 у с. Чегем I — редкий случай находки богатой могилы подростка с уникальными золотыми украшениями, оружием, бронзовым котлом. Для майкопской культуры это второй пример столь высоких погребальных почестей умершему молодому человеку. Другое погребение ребенка с золотой серьгой и кинжалом происходит из кург. 3 у хутора Рассвет [21]. Видимо, необычное чегемское захоронение позволяет предполагать передачу по наследству юному члену общества какого-то знатного ранга, высокого общественного положения. Его характер в этом смысле представляет собой проявление определенных черт родовой социальной дифференциации, свойственной племенам майкопской культуры. Используя обширные наблюдения Л. Моргана, можно предположить, что ее наиболее общими свойствами были привилегированные права рода (племени) выдвигать из своей среды вождей, военачальников, жрецов и тому подобных административных, военных, религиозных руководителей и т. д.[22] Нередко она сочеталась с имущественным неравенством. На примере майкопских племен, видимо, можно проследить тот же случай.

---

[17] *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка. Тезисы на заседаниях ИА АН СССР, посвященных полевым исследованиям 1961 г. М., 1962, с. 19—21.

[18] Например, характерных предметов саргонского периода и времени Ура III в Месопотамии, среднего бронзового века I по К. Шефферу. *Scheffer C.* Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948.

[19] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 114, рис. 40, *4*, *5*, *9*; с. 118, рис. 42, *9*; с. 73.

[20] *Иессен А. А.* К хронологии больших кубанских курганов..., с. 175.

[21] *Мунчаев Р. М.* Ук. соч., с. 226.

[22] *Морган Л.* Древнее общество. Л., 1934, с. 68, 86, 124.

В. И. МАМОНТОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГЛАЗУНОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Глазуновский курганный могильник находился в 2 *км* на юг от ст. Глазуновской Подтелковского р-на Волгоградской обл., в 1 *км* к северо-западу от р. Медведицы. Могильник оказался в зоне планирования поля под орошение, поэтому Приволжский отряд ЛОИА АН СССР провел здесь в 1971 г. охранные раскопки.

Среди группы поздних памятников [1] встретились курганы, относящиеся к эпохе бронзы.

Погребения 1 и 2 кург. 7 помещены в овальные ямы. Яма впускного погр. 1 (рис. 1, *1*) имеет длину 1,6, ширину 0,95 и глубину 0,5 *м*. На дне ямы на спине лежал скелет женщины, ориентированный головой на юго-восток. Сильно поджатые ноги коленями вверх упали позднее на левую сторону. Кости рук лежали вдоль туловища. У головы обнаружен кусок гранита со следами стертости по верхней площадке (рис. 2, *5*).

Яма основного погр. 2 имела в длину 2,4 ширину 1,5 и глубину 0,77 *м* (рис. 1, 2). В засыпи ямы встретились мелкие кусочки древесного угля. На дне, устланном легким слоем куги, лежал на спине скелет мужчины, ориентированный головой на северо-восток. Кости рук лежали вдоль туловища, ноги, подогнутые в коленях, упали на правую сторону.

В основе кург. 8 находилось погр. 2 ямной культуры (рис. 1, *5*). Могильная яма представляла неправильный квадрат со стороной в 2 *м*, глубина ямы 1,1 *м*. В засыпи встретились древесные угольки. На дне ямы обнаружены кости скелета плохой сохранности. Погребенный лежал на спине, ноги упали в поджатом положении направо, кости рук лежали вдоль туловища. Костяк ориентирован головой на восток.

В небольшом кург. 11, не выделяющемся своими размерами среди окружающих его насыпей периода средневековья, было обнаружено погр. 1 ребенка катакомбной культуры. Оно являлось основным и находилось в прямоугольной яме с округлыми углами, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток (рис. 1, *3*). Засыпь плотная. Длина входной ямы 1,9, ширина 0,65 *м*. На глубине 0,45 *м* от уровня погребенной почвы вдоль северо-восточной стороны проходила ступенька шириной 0,6, высотой 0,5 *м*. На дне погребальной камеры длиной 1,95 и шириной 0,95 *м*, усыпанной охрой, покоился скелет. Он лежал на правом боку, спиной к ступеньке и был ориентирован головой на северо-запад. Кости рук направлены к тазовым костям, ноги подогнуты.

Интересен могильный инвентарь. Лепной сосуд, стоявший перед лицом погребенного, имеет высокий, отогнутый наружу венчик диаметром 12,5 *см*. Тулово сосуда от шейки до донышка покрыто орнаментом. На шейке концом палочки нанесен ряд выемок. Ниже все тулово покрыто «елочкой», выполненной мелкозубчатым штампом. Высота сосуда 11, диаметр дна 7 *см* (рис. 2, *3*).

Миниатюрная курильница находилась у южной стенки камеры. Представляет собой четырехугольную чашу (5,5×5,5 *см*). По краю венчика нанесен ряд «личинок». От каждого угла отходит ножка к общему квадратному основанию. Размеры основания курильницы 2,3×2,5, высота 3,7 *см* (рис. 2, *2*). Рядом с курильницей лежали кусочки красной охры.

Жаровня из донышка большого сосуда находилась в северном углу могильной камеры. Диаметр дна 11,5 *см*. Внешняя и внутренняя поверхности фрагмента светлые, со следами сглаживания травой (рис. 2, *7*). На дне жаровни лежали кусочки древесного угля.

[1] В курганах 1—6, 9, 10, 12—16 находились погребения периода средневековья, вероятно, кладбище средневекового поселения, расположенного в 2,5 *км* юго-западнее курганов.

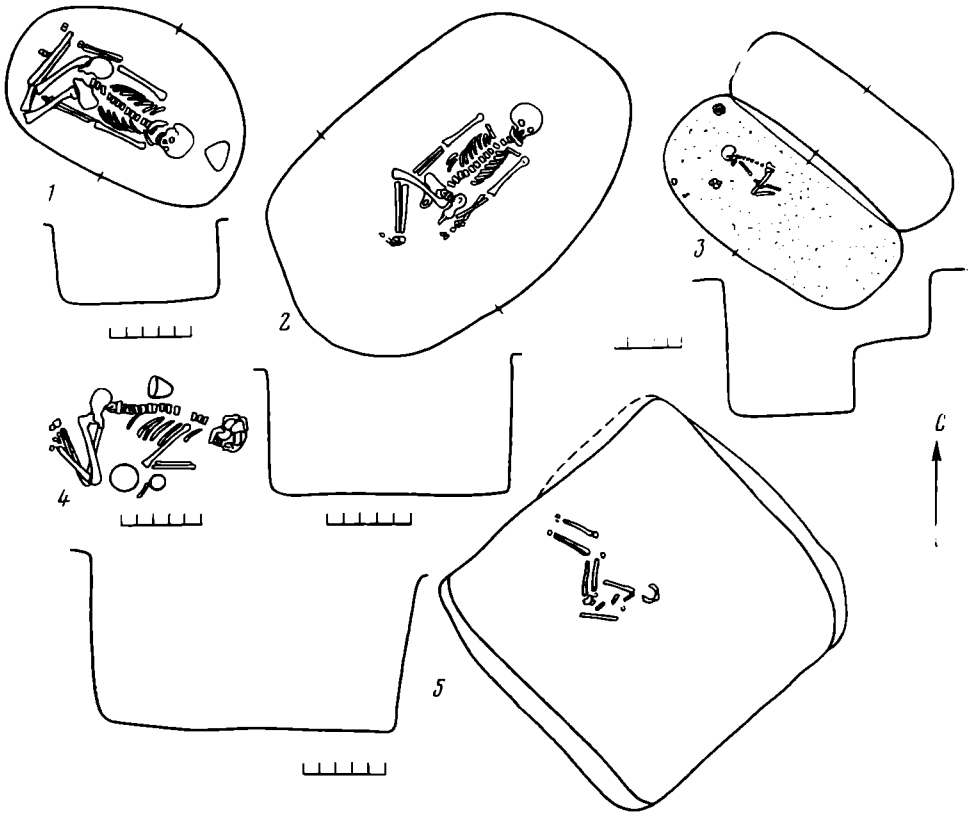


Рис. 1. Глазуновский курганный могильник. Погребения эпохи бронзы: *1* — погр. 1, кург 7; *2* — погр. 2, кург. 7; *3* — погр. 1, кург. 11; *4* — погр. 1, кург. 8; *5* — погр. 2, кург. 8

С правой и левой стороны от черепа ребенка находились 4 бронзовые височные подвески в полтора оборота. Концы широкие, заходящие друг за друга. Размер 1,4×1,2 *см* (рис. 2, *6*).

Впускное погр. 1 кург. 8, встреченное на уровне горизонта, относится к срубной культуре. Скелет мужчины лежал на левом боку в скорченном положении, ориентированный головой на восток. Кости рук, согнутые в локтях, ладонями направлены к лицу, ноги поджаты (рис. 1, *4*). Рядом с погребенным стоял баночный сосуд с выделенной шейкой. Глина в изломе черная, с примесью шамота. Внешняя и внутренняя поверхность сосуда светло-палевого цвета. Под венчиком нанесен зигзаг. От венчика ко дну сосуда проходят следы сглаживания пучком травы. Диаметр венчика 18,5, высота сосуда 16, диаметр дна 12,5 см (рис. 2, *4*). У сгиба правой руки погребенного обнаружен баночный сосуд. Глина в изломе темчая, с примесью шамота, диаметр венчика 21, высота 18, диаметр дна 7,7 *см* (рис. 2, *8*). Западнее баночного стоял остроребериый сосуд. Он имеет отогнутый наружу край венчика, диаметр которого 30 *см*. Между венчиком и ребром имеется орнамент, нанесенный веревочкой, намотанной на стержень. Композиция представляет собой двойные углы, вершиной к венчику. У внешних и внутренних сторон углов тем же предметом нанесены короткие оттиски. Ряд коротких оттисков проходит ниже ребра (рис. 2, *1*).

В ямных погребениях Глазуновского курганного могильника отсутствует охра и отмечено наличие древесных угольков, в связи с чем они, возможно, относятся к позднему хронологическому пласту. Катакомбное захоронение 1 кург. 11 относится по своему погребальному обряду к

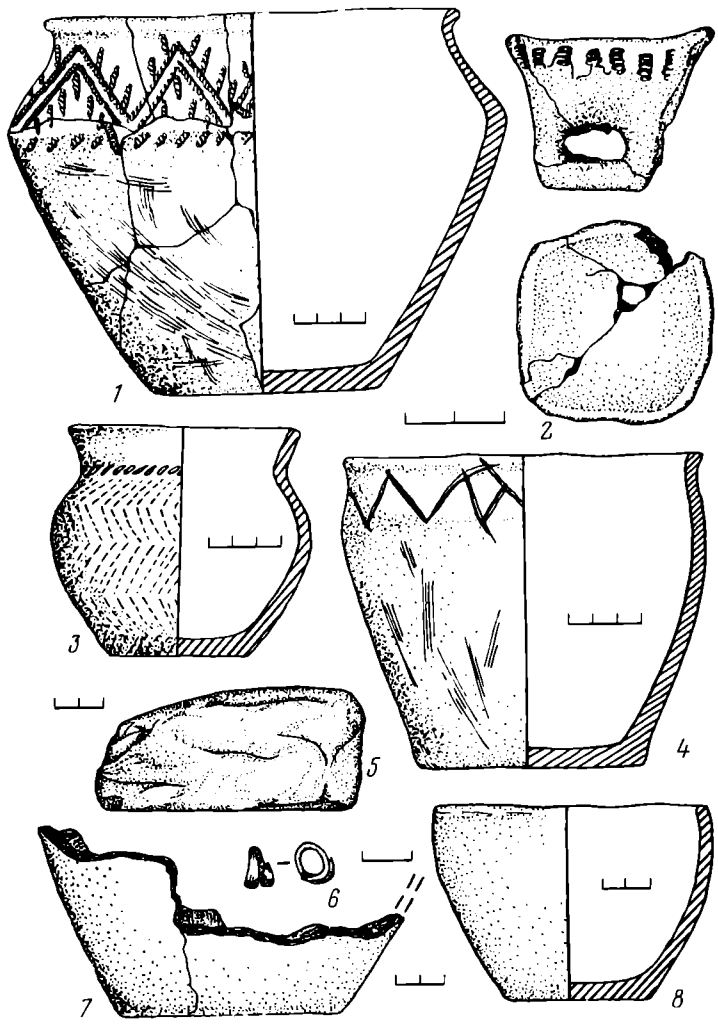


Рис. 2. Глазуновский курганный могильник. Вещи из погребений: *1*, *4*, *8* — сосуды из погр. 1, кург. 8; *2*, *3*, *6*, *7* — сосуды и бронзовая подвеска из погр. 1, кург. 11; *5* — обломок камня со следами стертости из погр. 1, кург. 7

кругу памятников, которые датируются 2000—1700 гг. до н. э.[2] Погребение срубной культуры содержит остроребериые сосуды, встречающиеся в ранних памятниках. Его можно датировать XV—XIV вв. до н. э., т. е. временем проникновения первых отрядов срубников в районы, еще заселенные поздними носителями катакомбной культуры и племенами абашевской общности[3]. Таким образом, опубликованные погребения могут служить хронологическими реперами для северо-западных районов волгоградской части Волго-Донского междуречья.

---

[2] *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 153.
[3] *Пряхин А. Д.* Древнее поселение Песчанки. Воронеж, 1973, с. 137.

Ю. С. ГРИШИН

ЗАКАМЕНСКИЙ КЛАД МЕДНО-БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ

На обширной территории Забайкалья, по-видимому, как вследствие слабой ее изученности, так и некоторых других причин — сравнительно слабой заселенности края, большого количества нераспаханных пространств и т. д., в настоящее время обнаружен только один клад медно-бронзовых изделий, найденный на р. Джиде, в Закаменском районе Бурятской АССР. Но и он был открыт сравнительно недавно, в 1958 г., и сведения о нем очень кратко опубликованы в виде маленькой информационной заметки тезисного характера Е. А. Хамзиной [1]. Так же как и известные металлические клады Южной Сибири, он относится к скифо-тагарскому времени [2].

Этот клад, содержащий в своем составе более 30 медно-бронзовых предметов, состоит из ножей, рукояти кинжала, кельтов, шильев, зеркала, предметов конской сбруи, обломка котла скифского типа. Большая часть этих изделий принадлежит ножам кольчатым, петельным и «плоскосрезным» (у которых навершие рукояти было сломано, а затем подправлено подточкой), в основном дугообразнообушковой формы (рис. 1, *5*, *7—24*), которые зачастую сохраняют такие существенные карасукские черты, как желобчатость рукояти и некоторую отогнутость спинки клинка, в особенности его окончания (вогнутообушковость). Но в то же время многие из них имеют гораздо меньшую массивность, по сравнению с основной массой забайкальских ножей карасукского типа, и такой важный признак, как часто фиксируемую на тагарских ножах несколько утонченную, четко выделенную лезвийную полосу, отграничивающую лезвие от остальной части клинка. Уже эти признаки, видимо, могут говорить в пользу раннетагарского возраста рассматриваемого клада, о чем свидетельствует и единственный нож явно тагарского типа с несколькими петельными отверстиями на рукояти (рис. 1, *17*). Он находит аналогии в минусинских ножах первой стадии тагарской эпохи (VII—V вв. до н. э.) [3].

Часть других изделий рассматриваемого клада подтверждает эту дату, а остальные хотя и могут быть датированы гораздо шире во времени, во всяком случае не противоречат ей. Фрагмент рукояти кинжала вкладышевого типа (с расширенным подпрямоугольным навершием и несколько углубленной втулкой для вкладыша) находит аналогии в раннетагарских минусинских кинжалах (рис. 1, *6*) [4]. Шилья с грибовидной головкой также фиксируются в памятниках с первой стадии тагарской культуры Минусинской котловины, причем в середине I тысячелетия до н. э. они получили широкое распространение в степях Европы и Азии (рис. 1, *1*, *2*, *4*) [5]. Три таких шила из клада прежде всего близки целому ряду забайкальско-монгольских шильев, известных из случайных находок. Все они имеют четырехгранные острия, рукояти округлого сечения с вертикальными петельками на них, заканчивающиеся сравнительно широкими и небольшими шляпками [6].

---

[1] *Хамзина Е. А.* Новые находки бронзовых изделий в Забайкалье. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (Тезисы докладов и сообщений). Иркутск, 1960, с. 72.

[2] *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху. М., 1960, с. 176, 177.

[3] *Киселев С. В.* Древняя история южной Сибири.— МИА, № 9, 1949, с. 116, 117, табл. 2.

[4] Там же.

[5] Там же, с. 131; *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 52.

[6] *Диков Н. Н.* Ук. соч., с. 52, табл. XXXIII, *9—11*; *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 52, рис. 17, *3—7*.

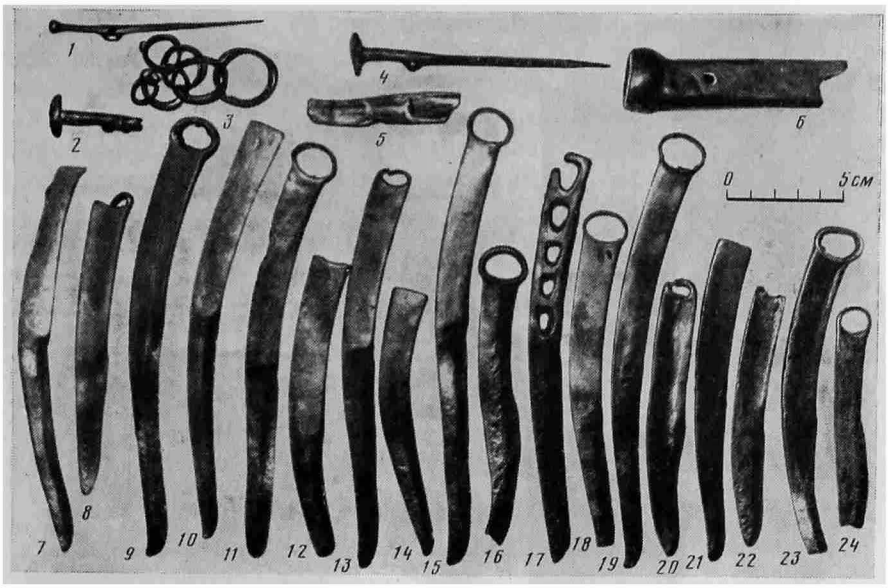


Рис. 1. Медно-бронзовые изделия Закаменского клада: *1*, *2*, *4* — шилья; *3* — цепочка проволочных колец; *6* — фрагмент кинжала; *5*, *7—24* — ножи

Четыре кельта клада относятся к двум типам: клиновидным с параллельными поясками-валиками по краю втулки и асимметричным со слегка изогнутой в одну сторону лезвийной частью, с выпуклым сравнительно широким «валиком» или муфточкой по краю втулки (рис. 2, *1—4*). Ближайшие аналогии этим кельтам известны из случайных находок в Забайкалье и Монголии. В. В. Волков в специальной статье, посвященной бронзовым монгольским кельтам, определяет время бытования этих типов VIII—V вв. до н. э.[7]

Из предметов конской сбруи в кладе имеются две бляшки на четырехногой обойме (одна со сплошным полушарным основанием, а другая с широким округлым отверстием в центре его), которые имеют аналогии в тасмолинской культуре Центрального Казахстана, где датируются VII—V вв. до н. э.[8] (рис. 2, *6*, *7*); округлая ворворка с отверстием в центре, датирующаяся широко скифо-тагарским временем[9] (рис. 2, *8*), и округло-овальная пряжка с подпрямоугольным выступом, напоминающая по форме некоторые минусинские тагарские пряжки, датированные Н. Л. Членовой VII—VI вв. до н. э., но она не имеет перемычки, отделяющей подпрямоугольный выступ[10] (рис. 2, *5*).

Из предметов украшения следует прежде всего отметить слегка выпукло-вогнутое с дужковой (близкой и подпрямоугольной) петлей с вогнутой стороны большое округлое массивное зеркало (рис. 2, *9*). Наряду с такими более ранними чертами, как большой размер (диаметр до 9 см), массивность и форма петли, как будто несколько омолаживает его выпукло-вогнутая форма с острыми краями. Но и она вряд ли позволяет отнести это зеркало к более позднему времени, чем V в. до н. э.[11] Кроме того, имеется несколько спиральных медно-бронзовых проволочных колец, соединенных в цепочку (рис. 1, *3*), которые встречаются не только в плиточных могилах Забайкалья, но бытовали и довольно широко, в том

[7] *Волков В. В.* Бронзовые кельты из музеев Монгольской Народной Республики.— В сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 180.

[8] *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. Классификационная таблица, рис. 51.

[9] *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 79.

[10] Там же, с. 80, табл. 17, *21*.

[11] Там же, с. 81—84.

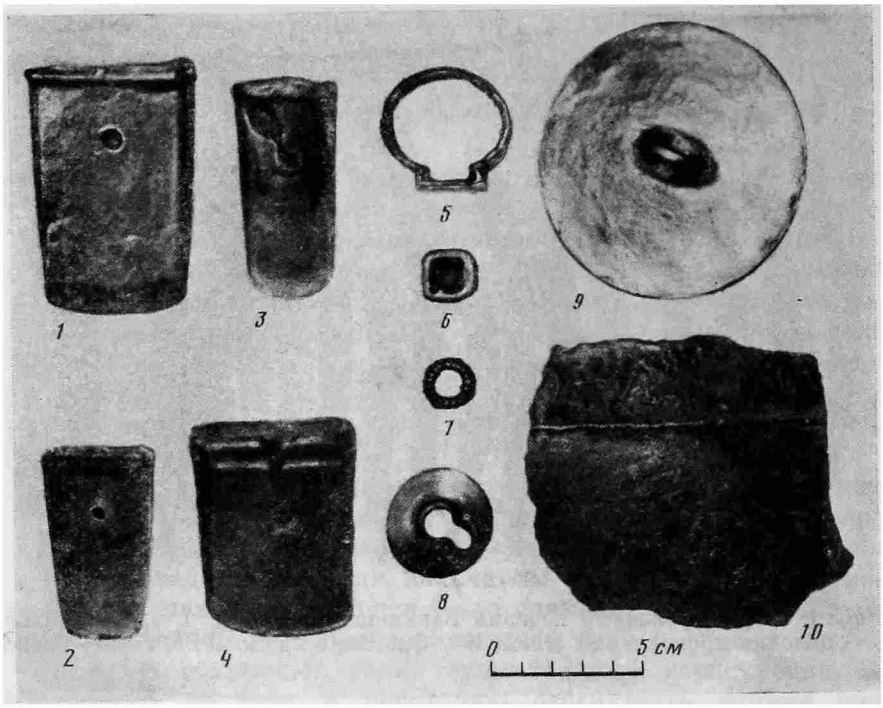


Рис. 2. Медно-бронзовые изделия Закаменского клада: *1—4* — кельты; *5* — пряжка; *6*, *7* — бляхи; *8* — ворворка; *9* — зеркало; *10* — фрагмент бронзового котла

числе нередко фиксируются и в памятниках эпохи бронзы Южной Сибири [12].

Наконец, в составе клада находится обломок медно-бронзового котла с валиком (рис. 2, *10*). Подобные котлы были широко распространены в евразийских степях в скифо-тагарское время.

Рассмотренный клад был датирован Е. А. Хамзиной VI—IV вв. до н. э.[13] В результате вышеприведенного хронологического анализа ряда хорошо датируемых категорий его изделий, относящихся в основном к VII—V вв. до н. э., эту дату можно если не удревнить, то несколько уточнить, отнеся клад скорее всего к VI—V вв. до н. э.

Недавно медно-бронзовые изделия рассматриваемого клада были подвергнуты спектральному анализу. К сожалению, были опубликованы только самые общие данные об их результатах. Но и они вполне определенно показали, что основой их металла являлась медь (90% и более) и олово (0,82—7,2%), причем последнее являлось специальной легирующей присадкой [14]. Таким образом, металлические изделия клада по своему основному химическому составу не отличаются от других известных ранее, подвергшихся спектральным анализам забайкальских бронз [15].

Обращает на себя внимание тот факт, что преобладающее большинство изделий клада составляют частично поломанные, сработанные или не-

---

[12] *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— САИ, вып. В3—12. М., 1971, с. 28.

[13] *Хамзина Е. А.* Ук. соч., с. 72.

[14] *Сергеева Н. Ф., Хамзина Е. А.* Бронзовые изделия из Посольска на Байкале.— В сб.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 3. Иркутск, 1975, с. 178, 179.

[15] *Гришин Ю. С.* К вопросу о древней добыче олова в Забайкалье. КСИА АН СССР, № 114, 1968, с. 10—12; *Ивашина Л. Г.* Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья.— Изв. Сибирского отд. АН СССР (серия обществ. наук), вып. 1. Новосибирск, 1975, с. 100—103.

удачно отлитые изделия. Скорее всего они были заготовлены как металлический лом. Это обстоятельство заставляет предполагать принадлежность Закаменского клада мастеру-литейщику, ведь для эпохи поздней бронзы и раннего железа находки металлических изделий, заготовленных специалистами-литейщиками, явление довольно обычное. В частности, подобные клады медно-бронзовых изделий так же, как уже говорилось выше, относящиеся к скифо-тагарскому времени, известны из сравнительно близкой области Южной Сибири — Минусинской котловины [16].

[16] *Киселев С. В.* Ук. соч., с. 151; *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху, с. 176, 177.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

БРОНЗОВЫЙ КИНЖАЛ ИЗ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА (Вахшувар)

Маршрутный отряд Узбекистанской искусствоведческой экспедиции после завершения обследования равнинной и адырной зон приступил к изучению предгорьев и гор Сурхандарьинской обл. УзССР [1].

В процессе этих обследований особо интересные находки были сделаны в кишлаке Вахшувар, расположенном по обоим сторонам живописной долины одноименного сая, у подножья Байсун-тау, в 40 км к северо-западу от г. Денау.

На втором уступе высокой речной террассы левого берега Вахшувар-сая было обследовано поселение Сар-тепе, указанное нам местным жителем Санакулом Хайдаровым. Поселение со всех сторон окружено дворами и домами, при постройке которых уничтожена значительная его часть. В настоящее время оно имеет вид неправильного, вытянутого вдоль сая прямоугольника длиной 80 *м*, шириной от 25 *м* в северо-западной до 43 *м* в юго-восточной части, с высокими обрывистыми краями.

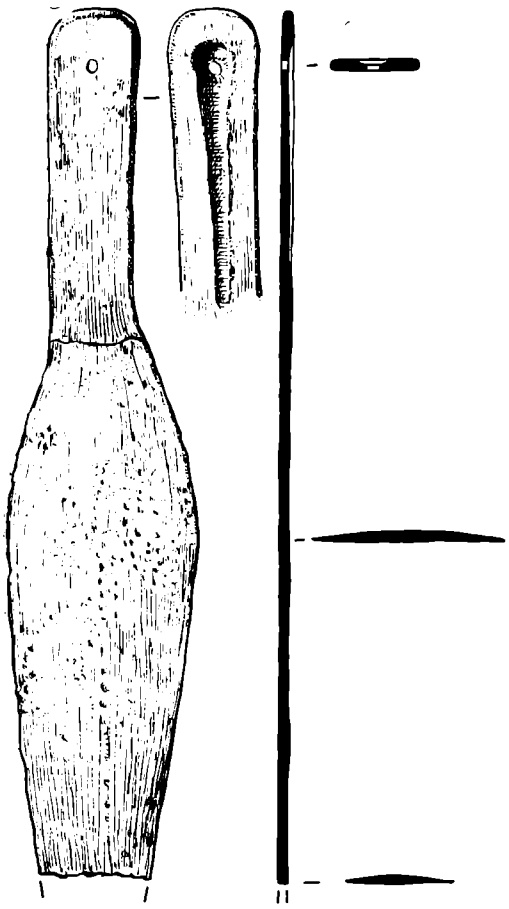
Судя по керамике, найденной на поверхности и в обрезах, верхние горизонты поселения можно датировать X—XV вв. Отсутствие на поселении керамики после XV в. подтверждает свидетельство письменных источников о том, что в начале XVI в. Вахшувар подвергся опустошительному разгрому войсками Шейбани-хана [2]. Обращают на себя внимание находки лепной керамики, покрытой красным или коричневым ангобом, иногда с росписью ярко-красной краской, встреченной вместе с глазурованной керамикой X—XII вв. Эта керамика найдена уже на ряде горных и равнинных поселений бассейна Сурхандарьи, что свидетельствует о ее широком распространении в данном регионе.

В северо-западной части тепе при копке ямы для хозяйственных нужд примерно на глубине 6—7 *м* местный житель Тахиров Али нашел целый бронзовый кинжал (рисунок). Его конец был отломан и утерян при очистке кинжала. Клинок ромбовидной формы, сравнительно широкий, обоюдоострый. Рукоятка массивная, прямоугольных очертаний, с овальным верхом. По обеим сторонам рукоятки вдоль краев прослеживаются валики, у верхнего конца небольшое отверстие, видимо, для крепления обкладки рукояти. Длина сохранившейся части кинжала 21 *см*, но первоначально она равнялась 25—26 *см*. Длина рукоятки 8 *см*, ширина 2,2 *см*, наибольшая ширина клинка 4,7 *см*, толщина 2 *мм*.

Описанный кинжал представляет значительный интерес, поскольку аналогичные кинжалы известны по ряду памятников Восточного Казах-

[1] В маршруте принимали участие М. Х. Исхаков и О. С. Маликов.

[2] Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Ташкент, 1967, рис. 138.



Бронзовый кинжал из Вахшувара. Натуральная величина

стана и Средней Азии эпохи поздней бронзы. По своему типу он относится к так называемым кинжалам с обособленной рукояткой. Наиболее близкой аналогией ему является кинжал из могилы 6 раннего Тулхарского могильника[3]. Подобные погребения А. М. Мандельштам относит к категории ям со спуском и датирует XIII—IX вв. до н. э.[4] Особенно характерны такие кинжалы для Восточного Казахстана, где они датируются тем же временем[5]. Исходя из данных аналогий, можно отнести и вахшуварский кинжал к XIII—IX вв. до н. э.

Находка кинжала на Сар-тепе показывает, что нижний культурный слой в этом месте, вероятно, относится к эпохе поздней бронзы.

Любопытно, что наряду с расписной лепной керамикой X—XII вв. н. э. здесь найдены несколько фрагментов лепной расписной керамики иного типа — со светло-коричневой поверхностью и росписью наклонными мазками, схожей с керамикой начала I тысячелетия до н. э. из Бандыхан-тепе I.

До находки кинжала в Вахшуваре считалось, что поселения эпохи поздней бронзы — раннего железа занимали только равнинные и адырные зоны. Теперь же можно предполагать, что в эту эпоху происходит и освоение предгорий, в частности плодородной долины Вахшувар-сая. Район Вахшувара расположен на высоте 1500—1600 м над уровнем моря, а известные прежде поселения (Кучук-тепе, Джаркутан, Бандыхан I, Миршаде) находятся на высоте 200—500 м. Таким образом, Сар-тепе является наиболее высокогорным поселением этого времени на юге Узбекистана.

Восточноказахстанское происхождение кинжалов с обособленной рукояткой, судя по количеству их в этой области, не вызывает сомнения. В Средней же Азии до находки в Вахшуваре единственным экземпляром кинжалов подобного типа был упомянутый тулхарский. Примечательно, что оба кинжала происходят с территории Северной Бактрии, что может свидетельствовать о наличии контактов между племенами, населявшими этот регион, и восточноказахстанскими племенами.

---

[3] *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, № 115, 1968, с. 63, 78, табл. IV, *5*.

[4] Там же, с. 92.

[5] *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88, 1960, с. 164, 165; с. 257, табл. LXIV, *2—4*.

С. ЛЕВУШКИНА, Е. ФЛИЦИЯН

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА КИНЖАЛА ИЗ ВАХШУВАРА

Состав металла кинжала из Вахшувара определялся различными видами анализа. Первоначальная полуколичественная характеристика элементарного состава примесей к основному металлу была получена с помощью эмиссионного спектрального анализа[1]. Несмотря на приближенность, метод этот удобен тем, что он быстр и прост и может быть проведен со сравнительно малым количеством пробы от изучаемого объекта. В последнее время он нашел широкое применение в археологии и довольно успешно используется многими исследователями.

Отбор проб произведен стальными борами из рукоятки и клинка кинжала. Данные анализа приведены ниже:

Элементарный состав, %	Рукоятка	Клинок	Элементарный состав, %	Рукоятка	Клинок
Si	0,3	0,1	Pb	0,4	0,5
Al	0,01	0,003	As	>3	>3
Ca	0,05	0,03	Bi	0,04	0,07
Fe	0,7	0,5	Ni	0,04	0,04
Mg	0,1	0,1	Co	0,003	0,05
Mn	0,02	–	Sb	0,03	0,03
Ag	0,02	0,02	Sn	0,0005	0,0005
Cu	Осн.	Осн.			

Как можно видеть из приведенных данных, основным металлом изделия служил сплав меди с мышьяком. Примесь таких элементов, как кремний, алюминий, кальций, можно отнести к естественной примеси, так как эти элементы входят в состав основных рудообразующих минералов.

Содержание олова (0,0005%) очень низкое, следовательно, в данном изделии в качестве легирующей добавки оно не было использовано и измеренное количество его следует отнести к естественной примеси.

Незначительна примесь таких элементов, как серебро, марганец, висмут, никель, кобальт, сурьма и свинец. Эти металлы, как правило, сопровождают медные и мышьяковистые руды. Сурьма является ближайшим аналогом мышьяка. В данном случае со значительной долей вероятности их можно также отнести к естественной примеси.

На основании спектрального анализа можно прийти к заключению, что изучаемый предмет состоит из медно-мышьякового сплава с естественной примесью железа, свинца и сурьмы. Разнообразная микропримесь других элементов к этому сплаву, возможно, свидетельствует о металлургическом происхождении данного металла.

Для характеристики распределения содержания мышьяка по поверхности кинжала (верхней и нижней) без изменения его внешнего вида использовался рентгено-флуоресцентный метод. Определенное содержание мышьяка в кинжале колеблется от 2,1 до 3,4%. Добавка к меди такого количества мышьяка наряду с последующей проковкой изделия в холодном виде, по мнению древних мастеров, должна была, видимо, улучшать свойства металла и способствовать упрочнению изделия. О существовании последнего факта свидетельствуют следы, оставленные на поверхности кинжала. Беря за основу исследования медных сплавов различных металлических находок, проведенные в свое время И. Р. Селимхановым с со-

[1] Анализ был произведен в Центральной лаборатории Министерства геологии УзССР.

трудниками [2] и И. В. Богдановой-Березовской [3], мы пришли к выводу, что по содержанию примеси мышьяка, железа и сурьмы в сплаве кинжала из Вахшувара его можно условно отнести к мышьяковистым бронзам I типа и датировать концом II — началом I тысячелетия до н. э.

[2] *Селимханов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.

[3] *Богданова-Березовская И. В.* Химический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине.— МИА, № 145, 1968, с. 163—168.

В. И. САРИАНИДИ

ЗЕРКАЛА ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

Открытие и исследование древнеземледельческих памятников эпохи бронзы в Бактрии показали, что во II тысячелетии до н. э. в этом регионе были распространены медно-бронзовые (в единичных случаях серебряные) зеркала, нередко помещенные в могилы в качестве заупокойных приношений. Особенно большое количество таких зеркал происходит из грабительских раскопок могильников эпохи бронзы области Балх, которые в конечном счете попали в антикварные лавки г. Кабула, где автор имел возможность сфотографировать и зарисовать их. В меньшем количестве, но встречены подобные зеркала и при археологических раскопках могильников эпохи бронзы Бактрии.

Как правило, это круглые (от 7—8 до 15—17 *см* в диаметре), слегка вогнутые зеркала в виде простого круглого диска с рельефным ободком по краю. Наряду с такими имеются зеркала с простой боковой ручкой, отлитые вместе, в одной форме [1].

Наряду с такими достаточно простыми по оформлению зеркалами имеется небольшая группа, ручки которых сохранили фигурное оформление в виде сильно стилизованной антропоморфной фигуры. Большая часть их происходит из грабительских раскопок могильников, но два встречены в могилах Сапалли-тепе [2], что дает веские основания рассматривать их все как относящиеся к эпохе бронзы (рис. 1, *1—3*). Как правило, ручки таких зеркал массивны, отлиты отдельно (рис. 1, *4*) и лишь затем припаяны к зеркалу. Имеющиеся образцы, как правило, отображают сильно стилизованные антропоморфные фигуры, у которых диск изображает голову, а сама ручка — тело с упирающимися в бедра руками. Наблюдается разная степень стилизации — от сравнительно реалистичных (рис. 1, *2—4*) до предельно стилизованных (рис. 1, *1*), когда руки переданы в виде двух изогнутых петелек, украшенных на плечах «погонами».

Помимо Бактрии известно еще лишь одно зеркало подобного типа в Белуджистане, ручка которого отлита в виде женской фигуры с подчеркнутой грудью и опущенными вниз руками. Подобно бактрийским образцам и это зеркало входило в состав погребального инвентаря могильника в Мехи [3].

Долгое время это зеркало, относящееся к культуре Кулли, оставалось единственным из известных в системе Юго-западной Азии, так что было высказано вполне обоснованное для своего времени мнение о его чисто местном происхождении [4].

[1] *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1978, с. 78, рис. 40, *1, 3*; *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, табл. XXXVII, *1—5, 7, 9—10*.

[2] *Аскаров А.* Ук. соч., табл. XXXVII, *6, 8*.

[3] *Stein A.* An Archaeological Tour in Gedrosia. Memoires of the Archeological Survey of India, № 43, Calcutta, 1931, pl. XXXII.

[4] *Piggott S.* Prehistoric India to 100 b. c. London, 1962, p. 114, fig. 11.

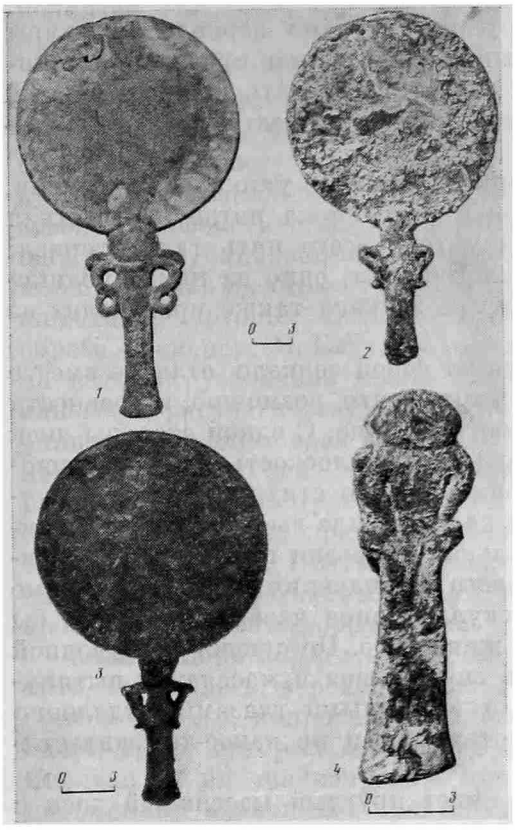


Рис. 1. Зеркала, происходящие из могильников эпохи бронзы области Балх (Афганистан). *1—3* — зеркала, *4* — ручка от зеркала

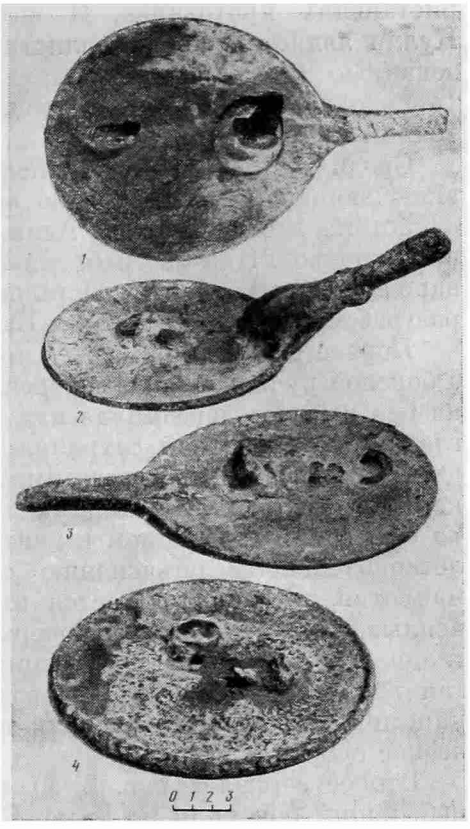


Рис. 2. Зеркала, происходящие из могильников эпохи бронзы области Балх (Афганистан)

В настоящее время благодаря широким раскопочным работам в Бактрии количество подобных зеркал превосходит все, что было известно ранее, однако это еще не обязательно указывает, что изготовление такого типа зеркал принадлежит только Бактрии. Не исключая полностью возможности проникновения зеркал с антропоморфными ручками в соседние с ней области, в том числе в Белуджистан, не следует исключать и иное допущение, а именно предположение о возможном существовании общего для них более западного центра. В этом плане показательны изделия так называемых луристанских бронз, среди которых имеется зеркало с ручкой, отлитой в виде женской фигуры [5]. Правда, на этом иранском зеркале руки у женской фигуры подняты вверх, а не опущены вниз, так что последняя поза, характерная для бактрийских зеркал, скорее всего отражает местную переработку более западного прототипа. В этом плане показательна устойчивая иранская традиция изображения ручек в виде нагой женской фигуры с руками, поднятыми вверх, отмечаемая на зеркалах селевкидского времени, как, например, в Масджиди Сулейман [6]. Впрочем, и здесь имеются фигуры, одна рука у которых поднята вверх, а вторая упирается в бок.

Возвращаясь к бактрийско-белуджистанским зеркалам с антропоморфными ручками, думается, что подобные изделия не столько являлись импортом из Ирана, сколько были изготовлены на месте под влиянием лу-

[5] *Godard A.* Les Bronzes du Luristan. Ars Asiatic, v. XVIII, Paris, 1931, pl. XXXIII.

[6] *Ghirshman R.* Terrases Sacrées de Bard-e-Nechandeh et Masiid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe S. av. n. ére and V[e] S de n. ére, vol. II. Paris, 1976, tabl. CIV, *1—4*.

ристанских прототипов. И возможно, не случайно зеркало культуры Кулли является более реалистично выполненным, чем предельно стилизованные бактрийские зеркала, что может указывать на длительный (а не одноактный) период воздействия иранской торевтики далее в восточном направлении.

Среди коллекции бактрийских зеркал имеется уникальная группа, включающая всего несколько образцов и более пока нигде неизвестная в системе всей Передней Азии. Нами учтено всего пять таких зеркал; все происходят из разграбленных могил Бактрии; одно из них опубликовано недавно П. Амье [7]. Остальные четыре зеркала также происходят из разграбленных могил области Балх.

Первое из них (рис. 2, *1*) представляет собой зеркало, отлитое вместе с боковой ручкой, конец которой заострен так, что, возможно, в древности на ней имелась деревянная или костяная обкладка. С одной стороны диск гладкий, с оборотной сохранил гравированную плоскость в виде сплошных завитков, скорее всего имитирующих водную стихию. Ближе к ручке имеется рельефный пирамидальный налеп в виде выступающего кружка с высоким навершием в центре; сильная коррозия препятствует удовлетворительному объяснению смыслового назначения рельефа. Прямо напротив него располагается второе скульптурное изображение как бы всплывающего на водную поверхность животного. По существу на водной глади изображена лишь верхняя часть спины, шея и массивная вытянутая голова с выделенными ноздрями и выпуклыми глазами, отдаленно напоминающая крокодила или гиппопотама, если не какое-то фантастическое существо.

Второе зеркало (рис. 2, *2*) также имеет круглый массивный диск с небольшим бортиком по краю. Боковая ручка изготовлена отдельно и отходит от диска не строго горизонтально, а, напротив, несколько приподнята вверх и по общему контуру напоминает вышеописанные антропоморфные ручки.

Одна сторона диска гладкая и являлась рабочей, вторая плоскость сохранила чеканный узор в виде волн и рельефный декор в виде двух фигур. Почти в самом центре имеется изображение пары выступающих наверх изогнутых внутрь рогов, по-видимому, принадлежащих какому-то крупному рогатому животному, скорее всего быку. Напротив рогов имеется четко сохранившееся рельефное изображение извивающейся змеи с выделенной и слегка приподнятой головкой. Есть все основания предполагать, что, как и на описанном выше зеркале, на этом образце мы также имеем взаимосвязанную, скорее всего тематическую композицию: из водной пучины на поверхность всплывает бык, навстречу которому устремляется легко скользящая по воде змея.

Третье зеркало имеет простую ручку, отлитую вместе с округлым диском и слегка заостренную на конце, что может указывать на былую обкладку. Одна сторона гладкая, оборотная сохранила чеканную разделку в виде волн и рельефные изображения: ближе к ручке пирамидальный, прямоугольный в плане выступ, перед ним сильно распластанная фигура лягушки и за ней подковообразный, с расширением на одном конце предмет. Думается, что и здесь мы имеем взаимосвязанную тематическую композицию, однако, к сожалению, кроме достоверной фигурки лягушки, два других изображения остаются неясными.

Наконец, четвертое зеркало круглое, с четко выделенным бортиком по краю, единственное из известных, которое не имело ручки (рис. 2, *3*). Его лицевая сторона гладкая; оборотная плоскость сохранила чеканный узор в виде всех тех же волн и два рельефных изображения в центре. Одно из них сильно корродировано и почти полностью разрушено. Второе читается более определенно: это свернувшаяся в кольцо змея с

[7] *Amiet P.* Bactriane Proto-Historique.— Syria, t. LIV, fasc. 1—2, 1977, fig. 20.

поднятой головкой, как бы нацеленная на возвышающийся перед ней предмет.

Уникальные зеркала Бактрии не имеют себе пока аналогий, и можно допустить, что они являются чисто местным изобретением. Это тем более так, если учесть, что только в бактрийско-маргианском центре так широко была распространена практика украшения изделий прикладного искусства композиционными, явно повествовательными сценами преимущественно мифологического содержания. Ярким свидетельством тому служат уже опубликованные каменные амулеты мургабского стиля [8], сохранившие гравированные, явно сюжетные сцены, изображающие мирных животных, которых атакуют фантастические существа, чаще всего в образе драконов. В Бактрии [9] известно еще больше подобных амулетов, на которых устойчиво прослеживается идея борьбы, противоборства реальных и фантастических существ. Необходимо подчеркнуть, что в композиционных сценах едва ли не главную роль играют змеи и драконы, олицетворяющие собой диаметрально противоположные начала. Предварительный анализ гравированных изображений на бактрийско-маргианских амулетах дает право предполагать, что змеи были носителями добра, а драконы — зла. Почти все подобные сцены при всей лаконичности и скупости художественных форм изображения буквально пронизаны общей идеей борьбы добра и зла, противоборства доброго и злого начала.

Если теперь обратиться к бактрийским зеркалам, то нетрудно заметить, что и здесь, вероятнее всего, изображены не изолированные и самостоятельные, а, напротив, взаимосвязанные в единую композицию персонажи, среди которых особо выделяются рептилии (возможно, драконы). Сколько бы ни анализировать эти тематические сцены, очевидно, что без письменных источников трактовка их будет выглядеть весьма гипотетично и условно, что, однако, не исключает поиски косвенных данных, позволяющих до определенной степени заглянуть в духовный мир людей, создавших эти изделия. Так, можно выделить признаки, устойчиво повторяющиеся на рассмотренных зеркалах, и в первую очередь то обстоятельство, что всегда эти сцены разыгрываются на фоне водной стихии. Думается, что это наблюдение не случайно, а отражает ту основную сюжетную канву, на фоне которой разыгрываются сами сцены.

В самом деле, почти на всех рассмотренных зеркалах имеются изображения типично земноводных существ, таких, как лягушки и змеи. Думается, что подобное сочетание признаков не случайно и отражает реально существовавшие верования древних бактрийцев, в которых водная стихия, так же как и водолюбивые существа, играла основную, глубоко символическую роль.

Если верна наша предпосылка о том, что гравированные изображения на каменных амулетах и скульптурные сцены на зеркалах являются художественным отражением народных мифов, своего рода «конспектами мифов», то в порядке предварительной гипотезы можно допустить, что водная стихия олицетворяла собой подземный мир, царство мертвых.

В этом плане показательны явно ритуальные сосуды, известные пока только в Бактрии и Маргиане, со скульптурными фигурками людей и животных по венчику, а также рептилий и предположительно тюленей, находящихся глубоко внутри на стенках подобных сосудов. На бактрийских сосудах змеи и тюлени располагаются на самом дне, и если учесть, что некогда подобные сосуды были заполнены жидкостью, то станет очевидным присутствие именно этих существ внутри, в то время как птицы, животные и люди располагаются по бортику сосудов. В этом плане весьма показателен маргианский культовый сосуд, внутри которого находилось еще пять миниатюрных, но обычных, предназначенных скорее всего

---

[8] *Сариниди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1, с. 42—68.

[9] Неопубликованные материалы автора.

для разливания самой жидкости. И здесь люди, птицы, животные венчают бортик сосуда, а змеи и предположительно тюлени помещены изнутри — они как бы выбираются из воды на сушу. Нет необходимости специально указывать на то, что у многих, в первую очередь индоевропейских, народов именно подземный мир часто ассоциируется с царством мертвых, куда после смерти попадают души умерших.

Не исключено, что в религии обитателей бактрийско-маргианского центра царство мертвых действительно помещалось под землей, где оно мыслилось в виде водной стихии, мирового океана. Есть и еще косвенные данные, как будто бы свидетельствующие в пользу подобной гипотезы. Среди медно-бронзовых перегородчатых печатей Бактрии имеются изображения антропоморфных фигур, нередко с короной на голове и крылышками, поднимающимися из-за плеч. Судя по эламо-месопотамской и харапской глиптике, наличие пары рогов или рогатой короны является одним из главных признаков божеств местных пантеонов, так что вряд ли Бактрия, входившая в систему передневосточного мира, представляла исключение из этого правила. На бактрийских образцах такие персонажи, нередко с птичьим лицом, обычно восседают на высоком кресле (возможно, троне) или извивающемся существе [10] и скорее всего действительно олицетворяют собой местные божества. Если такое допущение правильно, то в этом контексте особое значение приобретает главный атрибут бактрийских божеств — крылья, с бесспорностью указывающие на воздушное пространство, точнее небо, как место их постоянного обитания. В этом плане особенно показательна одна бактрийская печать, на которой такое антропоморфное существо с птичьим лицом восседает на кресле-троне, причем руки у него отсутствуют вообще, а вместо них изображены крылья, упирающиеся в круглый ободок самой печати [11]. Налицо синкретичный образ, наделенный больше птичьими, чем человеческими чертами, что безусловно отражает божественную веру в существа, обитающие в небе и как бы парящие над землей. Особого интереса заслуживает сама иконография крылатых бактрийских божеств: сидя на возвышении, они упираются руками (руками-крыльями) в круглый ободок печати, создавая впечатление божественного существа, поддерживающего небосвод мироздания.

Приведенные косвенные наблюдения дают право выдвинуть гипотезу о трехчленной модели мира в бактрийской (а скорее всего и маргианской) космологии: небо как обиталище богов местного пантеона; земля, населенная людьми; подземное царство мертвых, выступающее в виде водной стихии или мирового океана. Естественно думать, что предложенная трехчленная модель мироздания лишь в самой общей форме намечает пути возможных реконструкций бактрийско-маргианской космологии, которая отличалась многоярусной мифологической системой.

Опираясь на эти наблюдения, попробуем теперь подойти к возможной интерпретации рельефных изображений на бактрийских зеркалах. Упорное постоянство, с которым древние мастера чеканили на их дисках бесчисленные волнистые завитки, скорее всего имитирующие водную стихию, заставляет нас допустить, что основная тематика этих сцен связана с загробным миром. Подобно тому как «верхний мир» населен был божественными крылатыми существами, точно так же «подземный мир» заселен был животными и в особенности рептилиями. Хотя семантика подобных тематических сцен во многом еще неясна, показательны два зеркала (рис. 2, *4*), где в явно противоборствующей позиции изображены змеи и в одном случае предположительно крупное рогатое животное, скорее всего бык. Думается, что перед нами тематическая сцена, когда из водных глубин «мирового океана» на поверхность «мироздания»

---

[10] *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, рис. 47, *4*, *7*, *10*.
[11] *Amiet P.* Op. cit., pl. VI.

всплывает (появляется?) бык, навстречу которому в стремительном движении с приподнятой в агрессивной позе головой устремляется змея или дракон. Представляется, что в такой же агрессивной позе изображено и другое существо (рис. 2, *4*), однако плохая сохранность второго объекта затрудняет более полное толкование всей сцены.

Дальнейшее исследование в этом направлении уточнит наши представления о конкретных образах, изображенных на бактрийских зеркалах, но одно положение кажется уже сейчас вполне очевидным: если не все, то большинство рассмотренных сцен отражают идею противоборства, противопоставления двух начал, связанных с представлениями о потустороннем мире. Упорное постоянство, с которым встречается сочетание водной стихии и змей или драконов, невольно заставляет вспомнить «змея глубин» Ригведы, одного из основных мифологических персонажей. Возможно, это случайное совпадение, что, однако, не исключает существования общих индо-иранских представлений, но получивших свои собственные интерпретации в мифах отдельных регионов этой части Юго-западной Азии.

Наконец, зеркало, отражая человеческий образ владельца, тем самым отражает и его возрастные изменения, ведущие к старению и в конечном счете к смерти. Очевидно, что зеркала приобретали магическое значение, так что сцены на них скорее всего должны были быть связаны с представлениями о загробном мире в том виде, как это было засвидетельствовано в местном мифотворчестве. Естественно думать, что подобные мифы носили повествовательный характер с длинной сюжетной канвой, и лишь наиболее яркие и драматические моменты можно было изобразить на подобных зеркалах. И в таком случае можно допустить, что жизнь и смерть, по представлениям древних бактрийцев, в конечном счете зависели от борьбы, постоянного противоборства добра и зла, доброго и злого начала, на чем по существу строилась и сама этико-религиозная концепция, находящая в таком случае знаменательную перекличку в философском миропонимании зороастрийской религии.

Н. Г. НЕДОШИВИНА

НОВЛЯНСКИЕ КУРГАНЫ

Курганная группа, состоящая из 22 насыпей, расположена на правом берегу р. Пахры близ дер. Новлянская Домодедовского р-на Московской обл. [1]

Часть курганов обнесена оградой из земляных валов, внутри которых насыпи имеют неправильные, расплывшиеся очертания и носят следы более поздних нарушений. За пределами валов курганы выше и имеют форму правильного полушара.

Раскопки показали, что внутри ограды находятся старообрядческие захоронения XVIII в. в деревянных колодах с крестами [2]. Старообрядцы, по-видимому, и обнесли часть старого вятичского кладбища оградой из земляных валов и использовали курганы для своих захоронений. Поэтому внутри валов все насыпи имеют неправильную форму и содержат по несколько поздних погребений, часто полностью разрушивших ранние вятичские могилы.

---

[1] Курганы были обследованы А. А. Юшко во время разведки 1968 г., когда ею была раскопана одна насыпь.

[2] Аналогичной формы, но серебряные кресты в отделе драгоценных металлов ГИМа определены как старообрядческие XVIII в.

В Новлянской курганной группе нами было исследовано 14 насыпей[3]. Среди них есть небольшие насыпи диаметром 5—6 *м* при высоте 0,7—1 *м* (кург. 1, 13) и большие курганы диаметром 13—14 *м* и высотой 1,5—1,9 *м* (кург. 2—4). Все высокие курганы сосредоточены в северо-восточной части кладбища.

Два самых больших из исследованных курганов не содержали захоронений. В кург. 3, кроме мелких угольков и обломка венчика сосуда, в насыпи ничего не найдено; в кург. 4 на глубине 0,6 *м* в одной стороне обнаружен целый горшок, а в другой на этой же глубине — горелая плаха.

В двух насыпях от вятичских погребений ничего не сохранилось, так что судить о способе захоронения и инвентаре в них невозможно. В остальных 10 курганах обнаружено 17 погребений, причем в пяти из них раскопано по одному захоронению, в трех — по два, в двух курганах были найдены тройные разновременные погребения.

Удалось проследить последовательность захоронений и порядок сооружения насыпей. Выясняется, что в ряде случаев (кург. 2, 14, 15, 21) сначала над одним погребенным насыпался небольшой курган. Позднее к существующей насыпи с севера или юга подкладывали еще одного умершего и подсыпали ранее сооруженный курган, который увеличивался как в высоту, так и в диаметре. Так, например, в кург. 21 основное женское погребение находилось в северной части насыпи на горизонте. В профиле хорошо видны контуры первоначального небольшого кургана, насыпанного над женским костяком. Позднее с юга к нему было подложено мужское погребение, и насыпь, сооруженная над ним, перекрыла также и ранее насыпанный курган.

Отмеченные подсыпки свидетельствуют о том, что в насыпи хоронили членов одной семьи. Это подтверждает и небольшой хронологический разрыв между основными и дополнительными погребениями. Так, в кург. 2 в основном мужском захоронении найден только горшок, стоящий в ногах костяка. Однако в дополнительном женском погребении обнаружены наиболее ранние из вятичских украшений (семилопастные височные кольца с каплевидными лопастями, золото-стеклянные бусы, бубенчик грушевидной формы). Остается предположить, что и основное погребение относится к раннему времени.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что дополнительные погребения являются столь же характерными для вятичей, как и для кривичей XI—XII вв.[4]

Помимо разновременных захоронений, о которых речь шла выше, в кург. 13 найдено одновременное погребение мужчины и женщины. Они лежали на материке, тесно прижатые друг к другу, в ногах у них стоял общий горшок. Насильственное умерщвление жены в это время (XII в.) предположить трудно, тем более что налицо примеры, когда жену, умершую после мужа, клали потом в тот же курган. Остается предположить, что в данном случае супруги умерли одновременно и были положены рядом в одну насыпь.

Из 10 курганов, в которых обнаружены погребения, в семи костяки основных захоронений лежали на материке и три были положены в могильные ямы. В яме находилось также вводное погребение кург. 21, основное захоронение которого было положено на материке. Глубина могильных ям при этом очень незначительна — 0,2, 0,35, 0,5 м.

Во всех углубленных погребениях костяки лежали со сложенными на груди (тазу или животе) руками, в то время как погребенные на материке положены с вытянутыми вдоль тела руками. Исключение со-

---

[3] Остальные курганы испорчены кладоискателями и туристами.

[4] *Шмидт Е. А.* О некоторых особенностях курганных погребений XI—XIII вв. в земле кривичей.— В сб.: Новое в археологии. М., 1972.

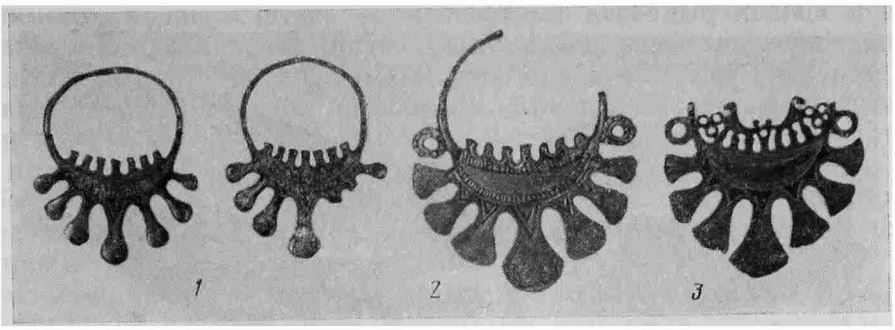


Рис. 1. Височные кольца из курганов у дер. Новлянская

ставляет парное погребение в кург. 13, в котором у женщины правая, а у мужчины левая рука положены на грудь. Положение рук в этом захоронении как бы объединяет оба костяка в одно целое.

Уголь, зола и обожженные плахи обнаружены в нескольких курганах. Так, в кург. 1, 2, 21 погребенные лежали на тонком золистом слое: по-видимому, перед захоронением площадка, на которую должны были положить умершего, обжигалась для очищения. Кроме того, большое количество угля и золы было найдено в кург. 1 в ногах костяка рядом с горшком. Горелые плахи, уголь и зола находились вокруг погребенного в кург. 21. В погребении 1 кург. 5 большие горелые доски лежали в головах и ногах женщины, а в погребении того же кургана остатки горелых плах найдены у правой руки и головы костяка.

В большинстве курганов умершие были, по-видимому, положены без гроба, только в четырех насыпях рядом с погребенными сохранились следы дерева. Однако характер погребальных сооружений по этим остаткам восстановить трудно. Только в одном случае с уверенностью можно говорить о том, что дно могильной ямы было все сплошь выстлано досками, на которые и была положена умершая (кург. 5).

Важной деталью погребальной обрядности в курганах является керамика. Целые горшки найдены в шести насыпях Новлянского кладбища, при этом в пяти курганах они стояли в ногах погребенных на горизонте людей, а в одном случае горшок находился в насыпи кургана, погребение в котором отсутствовало.

В двух курганах отмечен обряд битья посуды. Так, в кург. 15 на материке вокруг костяка были разбросаны фрагменты двух горшков, которые не удалось полностью склеить, так как они, видимо, и были положены в курган во фрагментированном состоянии. Обломки двух неполных сосудов лежали на материке вокруг могильной ямы в кург. 17.

В четырех курганах найдены вещи, положенные в качестве дара умершему: в трех это были перстни, лежавшие у ног погребенных, и в одном случае 4 перстнеобразных височных кольца, находившихся у правой руки костяка.

Известный интерес представляет и погребальный инвентарь Новлянских курганов. Девять из раскопанных погребений оказались женскими, причем в каждом из них найдены семилопастные височные кольца. Наиболее ранними среди них являются серебряные височные кольца с капловидными лопастями конца XI или рубежа XI и XII вв., найденные в кург. 2 (рис. 1, *1*). По всей видимости, это самое раннее захоронение кладбища. В этом убеждают нас и другие вещи из данного кургана: бубенчик грушевидной формы и бусы, имитирующие золото-стеклянные. Интересно, что курган расположен на краю кладбища.

Височные кольца других курганов почти все имеют закругленные лопасти и боковые колечки на дужке и относятся к кольцам первой половины XII в. (рис. 1, *2*). Несколько более поздними по времени,

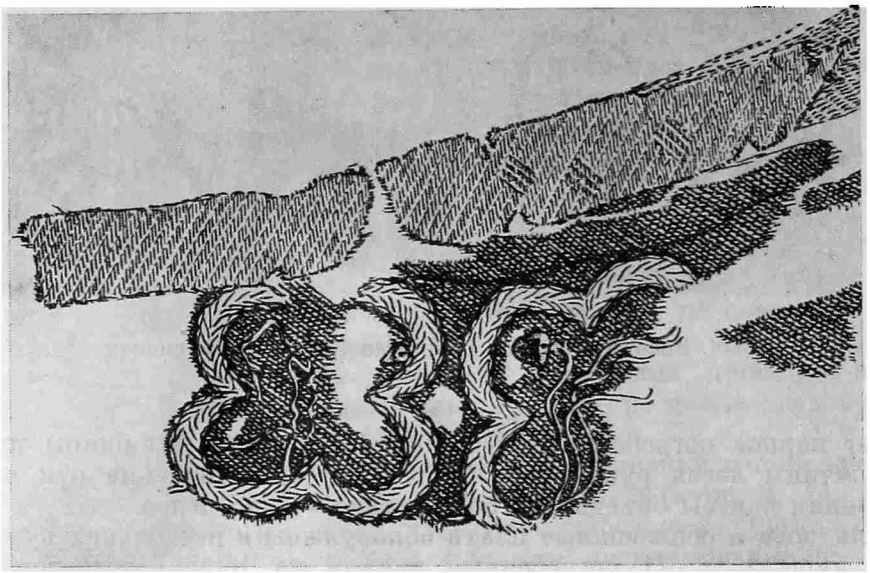


Рис. 2. Фрагмент шелковой ткани из кург. 5 (погр. 1)

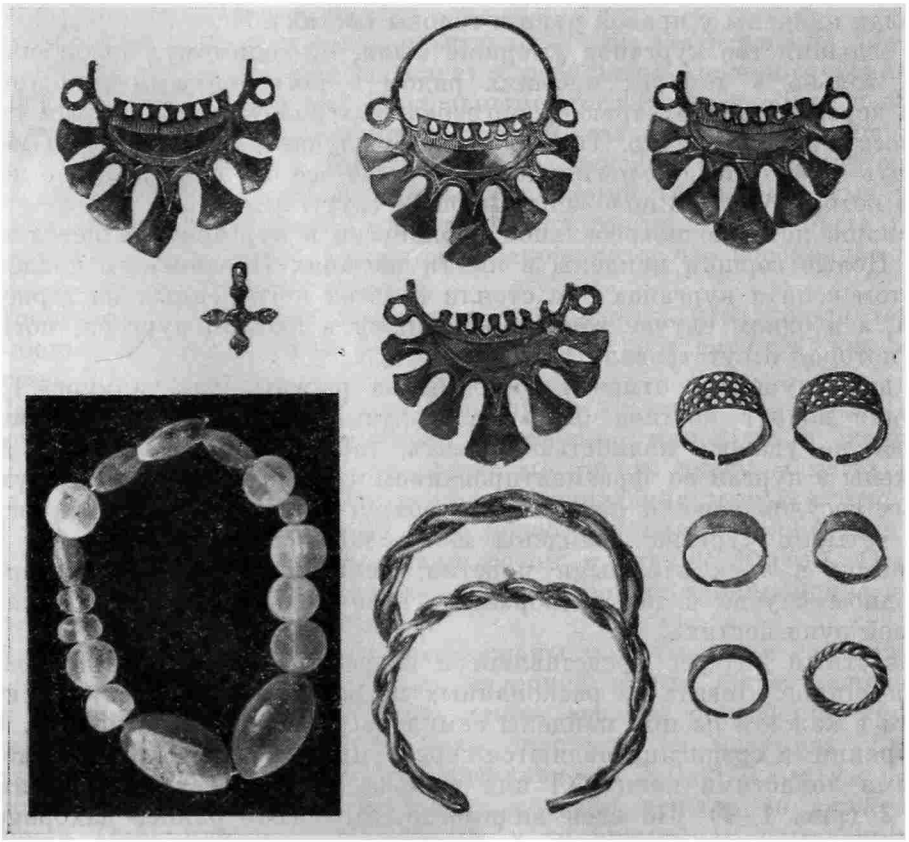


Рис. 3. Украшения из кург. 5 (погр. 1)

по-видимому, можно считать семилопастные височные кольца с двумя птичками в верхней части щитка — тип колец, впервые встреченный в вятичских курганах (рис. 1, *3*). Найдены они в женском впускном захоронении кург. 21, основное погребение которого лежало на горизонте и содержало 5 семилопастных височных колец начала XII в., отлитых в одной литейной форме.

Кроме височных колец в женских погребениях найдены хрустальные и сердоликовые бусы, решетчатые перстни, пластинчатые браслеты, характерные для подмосковных курганов.

Наибольший интерес среди женских захоронений представляет собой погребение 1 в кург. 5. В нем найдена женщина, которая лежала в могильной яме глубиной 0,2 *м*; правая рука ее была положена на грудь. Дно могильной ямы было выстлано досками. У головы и ног лежало по большой обгорелой плахе.

У головы погребенной найдено было 4 семилопастных височных кольца, 3 из которых оказались серебряными. Под ними сохранились мелкие фрагменты бересты, на которую они крепились, и небольшой кусочек шелковой ткани с мелкими дырочками от несохранившейся вышивки. Слева у виска, кроме того, лежали бронзовые перстнеобразное кольцо и крестик. На шее было ожерелье из 4 сердоликовых бипирамидальных, 10 хрустальных шарообразных и 2 больших агатовых овальной формы бус. Здесь же у ворота лежали 3 маленькие бронзовые пуговки и фрагмент шелковой золотной двухосновной ткани сложного саржевого переплетения, вышитой золотными нитями и украшенной тонкими позолоченными бляшками (рис. 2). М. В. Фехнер определила ее как византийскую и датировала первой половиной XII в.[5] На руках было надето 2 витых браслета и 4 перстня. Бронзовый перстень лежал у правой голени на куске дерева, еще один находился между ступней ног (рис. 3).

Без сомнения, женщина являлась представительницей местной знати. Интересно, что она была похоронена по христианскому обряду: в могильной яме, с крестиком у виска, правая рука ее была положена на грудь. Горшок в этом погребении отсутствовал, тогда как в большинстве соседних захоронений на материке целые сосуды стояли в ногах костяков.

Инвентарь мужских погребений беден и состоит из железных и бронзовых поясных колец, лировидной пряжки, а также ножей, найденных у пояса в трех погребениях, лежащих на материке. Кроме того, в одном из этих курганов два ножа лежали в ногах костяка рядом с горшком. Следует отметить находку в одном из мужских погребений 17 мелких (диаметром 1 *см*) колечек, не связанных друг с другом, лежащих слева, в области грудной клетки. Назначение их пока выяснить не удалось.

Все кладбище сооружалось в короткий промежуток времени. Наиболее ранее погребение (кург. 2) может быть датировано рубежом XI и XII вв. Все остальные насыпи кладбища по височным кольцам, витым четверным браслетам, а также по характеру вышивки шелковой золотной ткани могут быть отнесены к первой половине XII в. Таким образом, Новлянские курганы — одно из наиболее ранних вятичских кладбищ.

Число раскопанных курганов невелико. Но и они позволяют поставить важные вопросы о развитии семейных отношений у вятичей, а также о проникновении в среду местной знати христианской религии.

---

[5] *Фехнер М. В.* Вышивка по шелку. Рукопись. Архив отдела археологических памятников ГИМ.

Е. А. РЫБИНА

ТОВАРНЫЕ ПЛОМБЫ ИЗ ТУРНЭ В НОВГОРОДЕ

В 1977 г. при раскопках на Торговой стороне Новгорода (Дубошин раскоп на Суворовской улице) была найдена свинцовая западноевропейская пломба. Находка обнаружена в слое, который датируется рубежом XIV—XV вв. Пломба круглой формы диаметром 2,4 *см*, в центре лицевой стороны (рис. 1, *а*) изображена лилия, вокруг которой расположена надпись «De Tournai», означающая «из Турнэ». На обратной стороне (рис. 1, *б*) видны два небольших приплюснутых выступа (заклепки), служившие, вероятно, для соединения со второй половиной пломбы или для привешивания ее к товару. Аналогичная пломба, но другой матрицы (рис. 2) была обнаружена в 1978 г. под Новгородом на Городище одним из участников ленинградской экспедиции [1]. В том, что данные пломбы привешивались к товарам, поступавшим в Новгород из Турнэ, сомнений быть не может.

Город Турнэ расположен в Бельгии на р. Шельда недалеко от франко-бельгийской границы. В средневековье же этот город, получив в 1188 г. городские права от французского короля, был подчинен французской короне. Турнэ наряду со многими фландрскими городами был одним из средневековых центров сукноделия. Эти города снабжали в средневековье своими сукнами всю Европу. Для того чтобы отличать изделия разных центров, в каждом из городов сукна делались определенной длины и складывались особым образом. Но главным отличительным признаком были пломбы, которые привешивались к каждому куску сукна. Они и указывали на место производства тканей. Иногда по количеству употребленных пломб в том или ином городе можно судить о размерах и динамике развития сукноделательного производства в этих городах [2]. Именно к такого рода пломбам принадлежат и наши находки.

Пломбы из Турнэ — вещественное доказательство ввоза в Новгород турнэйских тканей. Первое известное нам письменное свидетельство о доставке в Новгород сукон из Турнэ содержится в документе 1389 г. [3] В дальнейшем «сукна из Турнэ,— как указывает исследовательница новгородской торговли Л. Л. Хорошкевич,— в течение всего XV в. ввозились в Новгород» [4].

Однако не следует думать, что существовал непосредственный торговый контакт между Новгородом и Турнэ. Вся западноевропейская торговля Новгорода в средние века осуществлялась главным образом через посредство Ганзейского союза, члены которого основали в Новгороде свою торговую факторию. В конце XIV — начале XV в. главными посредниками в торговле Новгорода с Западом стали лифляндские города, также входившие в состав Ганзы. Они-то и поставляли в это время в Новгород все западноевропейские товары.

Тем не менее находки пломб из Турнэ в Новгороде вызвали живой интерес в бельгийском городе Турнэ. Летом 1978 г. профессор Жан Бланкоф по поручению мэра Турнэ вручил руководителю Новгородской экспедиции и Новгородскому горсовету памятные медали в ознаменование этого события.

Пломба из Турнэ, найденная на Дубошине раскопе, помогает определить в какой-то степени социальную принадлежность владельца частично открытой здесь усадьбы в слоях XIV—XV вв. Дело в том, что западно-

---

[1] *Носов Е. Н., Пахомов Н. П.* Новые данные о Новгородском (Рюриковом) городище.— АО — 1978. М., 1979, с. 26.

[2] *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. М., 1937, с. 256, 381.

[3] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, с. 190.

[4] Там же.

Рис. 1. Пломба из Турнэ, найденная в Новгороде (*а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона)

Рис. 2. Пломба из Турнэ, найденная на Городище

Рис. 3. Пломба из Турнэ, найденная в Лунде

европейские сукна продавались в Новгороде, как правило, целыми кусками, которые стоили очень дорого. Приобрести целый кусок иностранного сукна, а именно о такой покупке и свидетельствует найденная на участке пломба, мог только состоятельный новгородец.

Хотя по материалам раскопа пока трудно установить, к какой определенной социальной группе принадлежал владелец усадьбы, несомненно, он был тесно связан с торговлей. На усадьбе обнаружены остатки ювелирного производства и производства колоколов: сотни обломков больших тиглей и маленьких льячек, бракованные литые перстни, крестики и их заготовки, обломки небольших колоколов, отходы производства в виде шлаков и многочисленных сплавленных кусочков меди. Для такого значительного по своим масштабам производства требовалось много цветного металла, который также доставлялся в Новгород ганзейскими купцами.

Перечисленные материалы позволяют предположить, что владелец усадьбы был богатым купцом, который скупал у ганзейских купцов в больших количествах западноевропейские товары в виде сырья (цветной металл) и готовых изделий (ткани).

Среди западноевропейских материалов также известны подобные пломбы. При раскопках средневекового шведского города Лунда найдено несколько западноевропейских пломб, одна из которых совершенно аналогична новгородской пломбе, найденной на Дубошине раскопе (рис. 3) [5]. Эти находки дают историкам торговли дополнительные сведения о распространении турнэйских сукон в средневековой Европе.

[5] *Mårtensson A. W., Wahloo C.* Lundafynd en Bilderbok.— Archaeologica Lundensia, Bd VI. Lund, 1970, S. 90, Taf. 139.

С. И. ТАТАРИНОВ, А. Г. КОПЫЛ

ДРОНОВСКИЕ ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ МОГИЛЬНИКИ НА р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

В среднем течении р. Северский Донец в пределах Донецкой обл. до настоящего времени был известен Зливкинский древнеболгарский могильник, открытый в 1901 г. В. А. Городцовым [1] и ставший эталонным [2].

На территории Донецкой обл., занимающей часть среднего и нижнего степного правобережья р. Донец, сравнительно недавно исследовались кочевья на побережье Азовского моря [3], городище с могильниками у с. Маяки Славянского р-на [4]. Количество выявленных в последние годы донецкими археологами кочевий, селищ и городищ салтово-маяцкой культуры по рекам Донец, Жеребец, Кальмиус, Грузский Еланчик, Казенный Торец и Бахмут [5] все возрастает и свидетельствует о довольно густом заселении этой территории в VIII—X вв.

В то же время все еще существует резкий разрыв между количеством могильников и поселений салтово-маяцкой культуры, который прежде всего следует связывать с характером хозяйства болгар — кочевым скотоводством, а также с недостаточной исследованностью данной территории. В какой-то мере этот разрыв заполняют открытые в последние годы три могильника, группирующиеся в районе с. Дроновка Артемовского р-на Донецкой обл. [6] (рис. 1).

В 1 *км* к югу от с. Дроновка в урочище Мертвый Донец на первой надпойменной террасе правого берега р. Донец доисследованы в откосах оврага два разрушенных погребения. Дальнейшие раскопки [7] показали,

[1] *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года.— Тр. XII АС в Харькове. М., 1905; в 1956 г. С. А. Плетнева исследовала там еще два погребения.

[2] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 94.

[3] Там же, с. 13—16, рис. 3.

[4] *Михеев В. К.* Клад железных вещей с селища салтовской культуры.— СА, 1968. № 2.

[5] Работы С. И. Татаринова и А. Г. Копыла (Отчеты в Архиве ИА АН УССР); А. В. Колесника, С. М. Дегерменджи, В. В. Винидиктова (материалы в музее г. Ново-Азовска), Т. А. Шаповалова (материалы в археологическом музее Донецкого гос. ун-та), О. Г. Шапошниковой (*Шапошникова О. Г.* Багатошарове поселення поблизу с. Роздольне на р. Кальміус.— Археологія, XXIII, 1970, с. 150, рис. 9).

[6] *Татаринов С. И., Копыл А. Г.* Исследования в Донецкой и Харьковской областях.— АО — 1974. М., 1975, с. 357, 358 (кроме того, несколько погребений болгар исследованы в Краснолиманском районе Т. А. Шаповаловым и А. П. Рудаковым).

[7] Раскопками 1970 г. руководил В. К. Михеев.

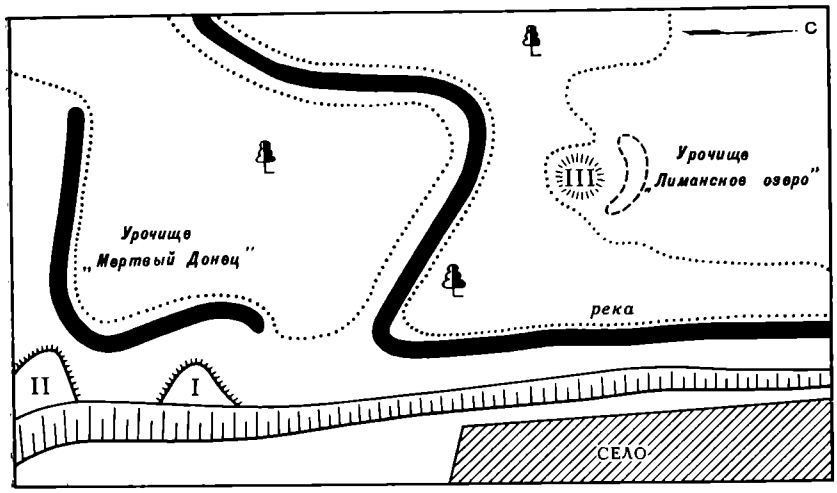


Рис. 1. Схема размещения могильников у с. Дроновка: I — Дроновский, II — Платоновский, III — «Лиманское озеро»

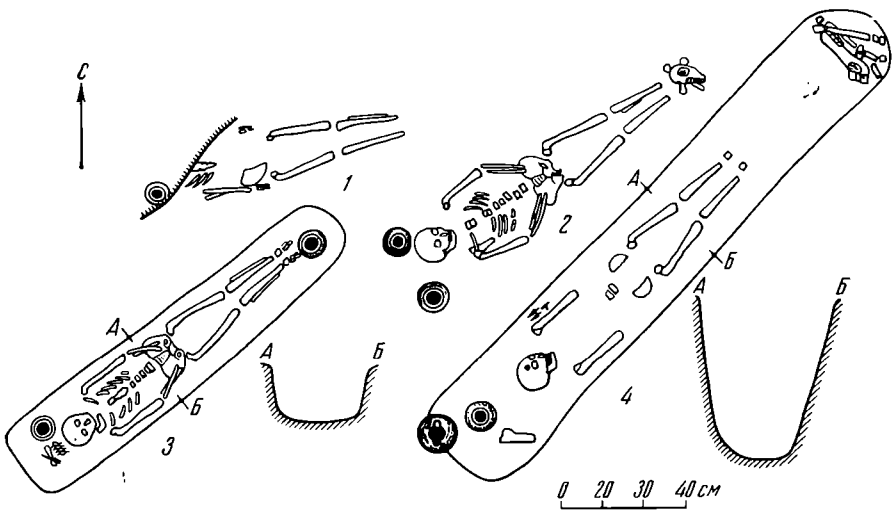


Рис. 2. Древнеболгарские погребения: *1* — могильник I, погр. 2; *2* — могильник II, погр. 2; *3* — могильник III («Лиманское озеро»), погр. 4; *4* — там же, погр. 7

что погребения были впущены в толщу многослойного поселения эпохи средней и поздней бронзы. В 0,2 *км* к юго-западу от открытых погребений находится древнее старичное озеро. На поселении слои эпохи бронзы перекрыты салтово-маяцким культурным слоем мощностью до 0,4 *м*.

Погребение 1 встречено на глубине 1,5 *м* от дневной поверхности, имело каменную наброску над скелетом в вытянутом на спине положении, ориентированным головою на запад (табл. 1). От скелета сохранились кости ног и таза.

Погребение 2 находилось на расстоянии 100 *м* от первого, на глубине 2,5 *м*, яма не прослежена. Скелет наполовину разрушен (рис. 2, *1*) — сохранились ребра, кости таза и ног в вытянутом положении, руки вдоль туловища; ориентировка западная. Над ним, видимо, в засыпке ямы найдены кости дикого кабана и три обломка амфоры. У правой руки лежали железный нож с брусковидным перекрестьем (рис. 3, *1*), сильно корродированная железная бляха, железный наконечник стрелы. У изголовья находился лощеный одноручный кувшин (рис. 4, *1*).

Могильник II расположен в 2 *км* к югу от с. Дроновка, 0,7 *км* от первого могильника (рис. 1), на большой пологой террасе высотой

Таблица 1

Положение скелетов в погребениях

Могильник	№ погребения	Ориентировка	Вытянут	Скорчен	Кисти на тазу	Кисти у таза	Кисти на груди	Правая рука согнута, левая вытянута	Ноги сведены	Кости хорошей сохранности	Кости плохой сохранности	Примечания
Дроновский	1	З	+						+	+		Разрушено на 1/3
	2	З	+									Разрушено на 1/2
Платоновский	1	ЮЮЗ	+			+			+	+		
	2	ЮЮЗ	+		+				+	+		
	3	В	+									Разрушено
	4	З		+								Разрушено
Лиманское озеро	1	ЮЮЗ	+					+	+	+		
	2	ЮЮЗ	+			?					+	
	3	З	+			+			+		+	
	4	ЮЮЗ	+		+				+			
	5	З	+					+			+	
	6	ЮЮЗ	+				+	+	+		+	Череп с отверстием
	7	ЮЗ	+			?			+		+	

от 2 до 10 *м*. Терраса понижается с востока на запад, где находится южный конец старичного озера, омывающего и могильник I. В древности терраса была занята обширнейшим поселением эпохи бронзы. Погребения встречены на двух участках, отстоящих друг от друга на 100—120 *м*: у фермы совхоза «Ямский», где ряд погребений разрушен при земляных работах в 1972 г. (к нам поступили билоновое зеркало и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел — рис. 3, *7*, *12*), и на полотне грунтовой дороги, ведущей в с. Платоновку, где случайно были открыты два разрушенных погребения — 3 и 4. С юго-запада от этой дороги нами исследованы еще два погребения — 1 и 2. Все они, как указывалось выше, были впущены в культурный слой поселения эпохи бронзы, поэтому их ямы не прослеживались.

В разрушенном погр. 3 оказались нетронутыми кости ног, судя по которым, скелет был вытянут на спине с восточной ориентировкой. В погр. 4 сохранились кости таза и ног, свидетельствовавшие о положении скелета на левом боку скорченно с западной ориентировкой.

Погребение 1 находилось на глубине 1,6 *м* от дневной поверхности и содержало скелет ребенка 7—10 лет в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища; ориентировка ЮЮЗ. У изголовья с двух сторон стояли приземистая чернолощеная кубышка высотой 6 *см* (рис. 4, *2*) и груболепной плечистый горшок высотой 12 *см* (рис. 4, *3*), с круглым вертикальным ушком с одной стороны и сливом с другой. Венчик его слегка отогнут и орнаментирован по краю насечками. У ног ребенка справа лежала костяная полированная трубочка (рис. 3, *15*) длиной 12 *см* с ровно срезанными краями, возможно, игрушка.

Погребение 2 располагалось на расстоянии 3,5 *м* севернее погр. 1 на глубине 1,7 *м* (рис. 2, *2*). Скелет взрослого мужчины в вытянутом на спине положении, головой на ЮЮЗ, руки положены кистями на таз. У черепа с двух сторон стояли два сосуда: кухонный горшок высотой 15 *см* (рис. 4, *5*), орнаментированный прочерченными линиями, и кружальный кувшин-кружка с одной ручкой и слабым лощением (рис. 4, *4*). На тазу лежал крючковидный амулет, возможно, имитирующий коготь волка, с обломанным ушком для подвешивания. Под правым предплечьем

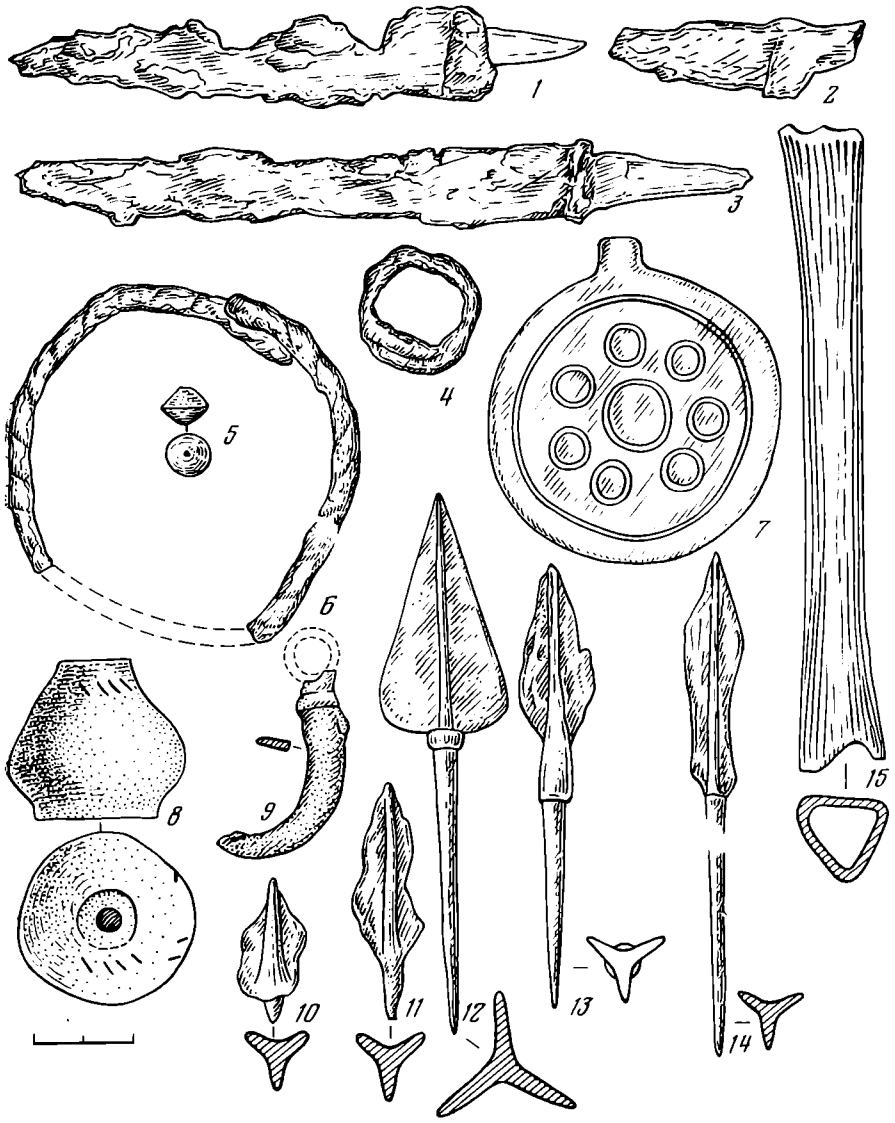


Рис. 3. Вещевой состав древнеболгарских погребений: *1* — могильник I, погр. 2; *2* — «Лиманское озеро», погр. 2; *3* — там же, погр. 4; *4*, *5*, *6*, *8* — там же, погр. 1; *7*, *12—14* — из разрушенных погребений могильника II: *9* — могильник II, погр. 2; *15* — могильник II, погр. 1

находились четыре бараньих астрагала — игральные кости. У ног погребенного были помещены кости ног и череп козы.

Могильник III открыт в 1974 г. в урочище Лиманское озеро, в 1,5 *км* к западу от с. Дроновка на левом берегу р.Донец. Здесь расположена песчаная дюна площадью до 2 *га*, с юго-востока окруженная новым и древним руслами реки, с северо-запада — старичным озером, высохшим лет семь назад. Дюна имеет высоту до 2,5 *м* над уровнем поймы, окружена лугами с буйным травостоем и островками смешанного леса.

Раскопками 1974—1976 гг. вскрыто до 1000 $м^2$ площади, установлено наличие слоев неолита, бронзы (срубной, бондарихинской культур), раннего железного века [8].

В северо-западной половине дюны встречено семь погребений салтово-маяцкой культуры, впущенных в культурный слой и прорезающих его

[8] В раскопках памятника принимают участие кроме авторов С. М. Дегерменджи, Л. Г. Ковалева, В. А. Цыганенко.

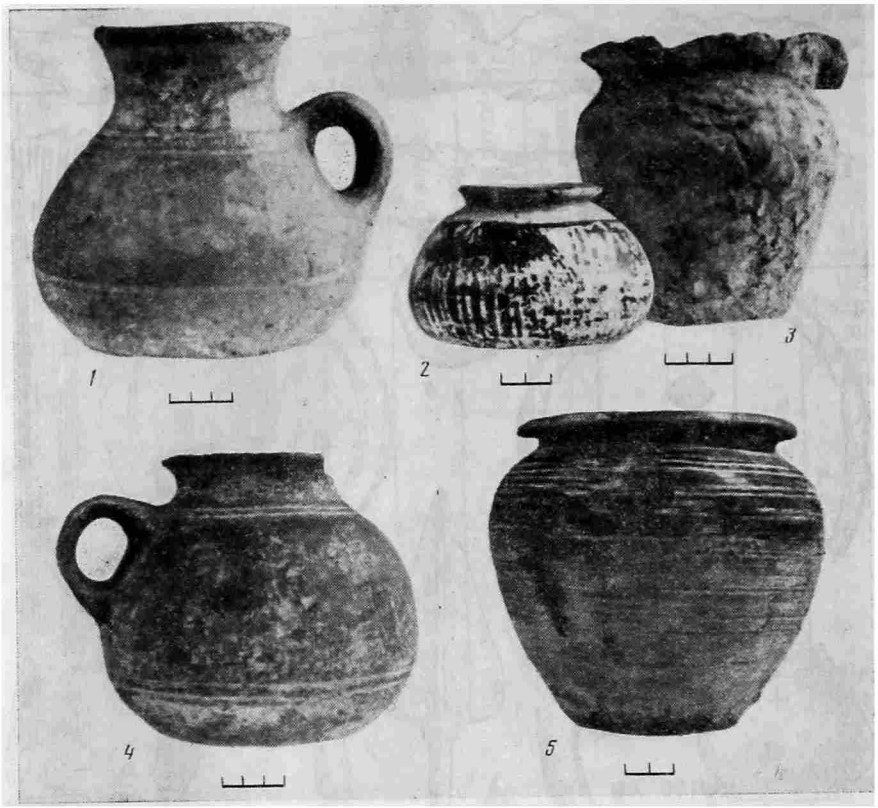


Рис. 4. Керамика из погребений: *1* — могильник I, погр. 2; *2*, *3* — могильник II, погр. 1; *4*, *5* — могильник II, погр. 2

до материкового белого песка. Контуры могильных ям не прослеживались в ряде случаев в культурном слое, а в песке фиксировались от дна на высоту 0,2—0,3 *м*. Ямы имели вытянутую в плане форму длиной до 1,7 *м* и шириной 0,4—0,5 *м*, с закругленными углами (рис. 2, *3*, *4*). Яма погр. 7 имела в разрезе клиновидную форму, резко сужаясь до щелевидной внизу (рис. 2, *4*). Глубина погребений различна — от 0,42 *м* (погр. 5) до 1,75 *м* (погр. 7), в среднем 1,2 *м*.

Положение костяков вытянутое на спине, ориентировка З — ЮЮЗ. Кисти рук на тазе, у таза, на груди и т. д. Ноги в пяти случаях сведены в стопах (связывались?). Кости скелетов плохой сохранности, что вызвано особенностями грунта; на черепе погр. 7 над правой глазницей отверстие диаметром до 2,5 *см* — следствие удара острым орудием, приведшего также к деформации лобно-теменных швов.

Инвентарь погребений (рис. 3, 4, 5) прежде всего представлен посудой (табл. 2). В пяти погребениях кружальные кухонные горшки, в трех погребениях в сочетании с великолепно выполненными лощеными одноручными кувшинами (рис. 5, *3*, *6*, *8*), в одном с лощеной большой кубышкой (погр. 2 — рис. 5, *7*). Погребения 5 и 6 сосудов не имели. Сосуды делятся на две основные группы: лощеную парадную и столовую посуду и кухонную посуду. Обе группы изготовлены на гончарном круге.

Кувшины (рис. 5, *3*, *6*, *8*), по классификации С. А. Плетневой[9], относятся к типу А-2, имеют приплюснутое тулово и узкое воронковидное горло, орнаментированы врезными полосками, сплошным или зональным лощением (в виде полос, треугольников). На кувшине из погр. 3 имеется (как и на найденном вместе с ним кухонном горшке) клеймо

[9] *Плетнева С. А.* От кочевий..., с. 115.

Таблица 2

Вещевой состав древнеболгарских погребений у с. Дроновка

Могильник	№ погребения	Кувшин лощеный	Кухонный горшок	Кубышки	Груболепная посуда	У черепа 2(1) сосуда	У ног 2 сосуда	1 сосуд у черепа, 1 — у ног	Ножи	Железный браслет	Железный перстень	Пряслице	Игральные кости	Костяная трубка	Бусы	Крючковидный амулет	Железные наконечники стрел	Железная корродированная бляха	Жертвенная пища и ее положение: корова	лошадь	овца	у ног	у черепа	у туловища слева	Примечания
Дроновский	1	+				+			+								+	+							Разрушено
	2																								»
Платоновский	1			+	+	+								+											
	2	+	+			+							+			+					+	+			
	3																								Разрушено
	4																								»
Лиманское озеро	1		+			+				+	+	+			+						+			+	
	2		+	+		+			+												+			+	
	3	+	+				+																		
	4	+	+					+	+												+		+		
	5																								Безынвентарное
	6																	+	+			+			
	7	+	+			+					+						+	+		+		+	+		Кости и череп жеребенка

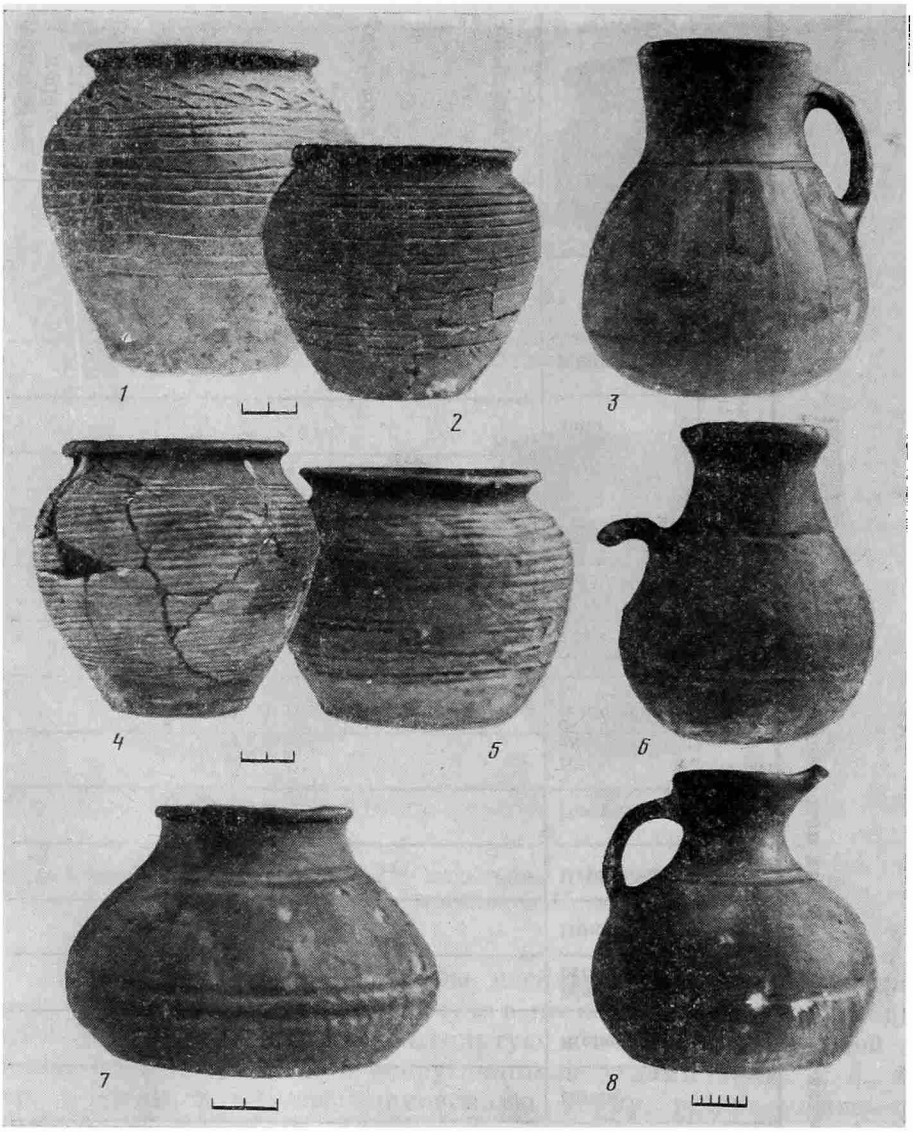


Рис. 5. Керамика из погребений могильника III: *1*, *8* — погр. 7; *2*, *3* — погр. 4; *4*, *7* — погр. 2; *5*, *6* — погр. 3

типа «пи» на дне, типичное для района Зливок, как показала С. А. Плетнева [10]. Кубышка (рис. 5, *7*) со слабым полосчатым лощением.

Как уже отмечалось выше, кухонные горшки являются основным элементом погребального инвентаря. Они имеют вытянуто-шаровидные очертания и покрыты линейным врезным орнаментом на две трети высоты (рис. 5, *1*, *2*, *4*, *5*), как и в Зливкинском могильнике [11]. Зависимость состава керамики и жертвенной пищи от пола погребенного, установленная ранее для Волоконовского и Дмитровского могильников [12], в дроновских могильниках пока не наблюдается, что скорее всего связано с малочисленностью погребений, а также трудностью установления половой принадлежности погребенных из-за плохой сохранности скелетов.

В погребениях могильника III жертвенная пища встречена в пяти случаях: найдены кости овцы (3), коровы (1), лошади (1). Пища поме-

[10] Там же, с. 126, рис. 32, *6*.

[11] Там же, с. 108.

[12] *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, 1976, № 3, с. 289. Пользуемся случаем выразить благодарность С. А. Плетневой за постоянную помощь.

щалась и у изголовья погребенного, и у ног, и слева от погребенного. Кости животных представлены овечьим «седлом», частями лопаток, конечностей. Только в погр. 7, где среди инвентаря (рис. 3, *10*, *11*) были обнаружены сильно корродированная железная бляха (фибула?) и два трехперых наконечника стрел, у ног погребенного, погибшего от ранения, были положены череп и ноги жеребенка. Обряд этот некоторые исследователи считают возможным связывать с венграми [13].

В двух случаях на костях жертвенных животных встречены ножи с брусковидным перекрестьем (рис. 3, *2*, *3*), предназначавшиеся для разделки мяса.

Сосудами, ножами, корродированными бляхами и жертвенной пищей (табл. 2) исчерпывается типичный состав древнеболгарских погребений в урочище Лиманское озеро. Только в женском (?) погребении 1 встречены глиняное биконическое пряслице, небольшая костяная буса (рис. 3, *8*, *5*), железный витой браслет с заходящими концами (рис. 3, *6*) и железный перстенек (рис. 3, *4*).

Вещевой состав древнеболгарских погребений в могильниках I—III, группирующихся у с. Дроновка, имеет многочисленные аналогии среди салтово-маяцких древностей Подонья — Подонцовья. Единство погребального инвентаря и погребального обряда [14] свидетельствует о том, что все погребения совершены одной группой населения за относительно небольшой промежуток времени.

Ориентировка погребенных (табл. 1) в диапазоне З — ЮЮЗ, вероятно, указывает, что погребения связаны с весенне-летним кочеванием болгар со стадами скота в богатой травостоем пойме р. Донец и вокруг старичных озер. Осенью болгары откочевывали в другие места. Археологические разведки показали, что в этом районе в радиусе 20 *км* как на левом, так и на правом берегах р. Донец отсутствуют какие бы то ни было долговременные поселения VIII—IX вв.

---

[13] *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, 1976, № 3, с. 145.

[14] На наш взгляд, погребение 7 — болгарское, несущее на себе венгерское влияние.

А. А. ЮШКО

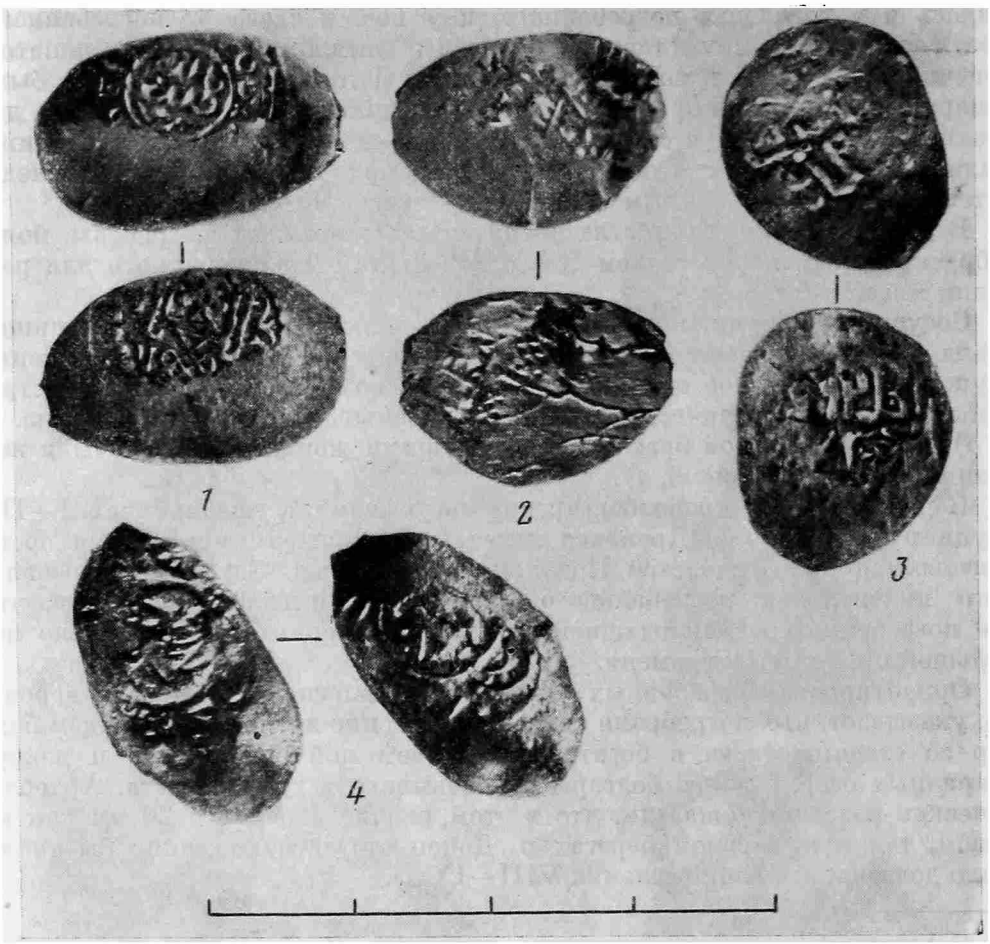
МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК ЗВЕНИГОРОДА МОСКОВСКОГО

В 1976 г. при раскопках Звенигорода Московского (городище «Городок») здесь впервые были найдены серебряные монеты удельного периода.

Как известно, Звенигород являлся столицей удела второго сына Дмитрия Донского — князя Юрия Дмитриевича, жившего здесь почти безвыездно в течение 36 лет (1389—1425 гг.). При нем город укрепляется мощными оборонительными сооружениями, строится княжеский дворец и возле него — придворный Успенский собор, стройностью и утопченностью форм напоминающий соборы Владимиро-Суздальской Руси.

Надо думать, что и чеканка монеты Юрием Дмитриевичем производилась здесь, а не в далеком Галиче, где он провел последние 9 лет своей жизни (1425—1434 гг.), заполненные в основном дальними и ближними походами междуусобной феодальной войны.

Однако в нумизматической литературе утвердилось обратное мнение, и при публикации монет удельных и великокняжеских центров чеканки



указывается, как правило, Галич, а не Звенигород [1]. Подтверждений такому заключению не имеется, в то время как свидетельством чеканки монет в Звенигороде является публикация «пула звенигородского» в сводке А. Д. Черткова [2]. Дальнейшие раскопки в Звенигороде смогут внести ясность в этот вопрос. Пока же из четырех обнаруженных в 1976 г. в Звенигороде монет ни одну нельзя связать с чеканом Юрия Дмитриевича [3] (рисунок).

Монета № 1. Л.с. Подражание татарской надписи. Круговая надпись среди линейных ободков: П...ЬВ(Б?)Е...ОВ(Б?) (по аналогиям должна быть надпись: ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО В(Б?) [4].

О.с. Подражание татарской надписи и две тамги. 0,85 *г*.

Монета № 2. Л.с. Изображение стерто.

О.с. Подражание татарской надписи и две тамги. 0,82 *г*.

---

[1] *Векслер А., Мельникова А.* Монетные клады. М., 1973, с. 65. А. В. Орешников считал, что более тяжеловесные монеты чеканились в Звенигороде, а остальные — в Галиче и в Москве (после 1425 г.).— *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, с. 133.

[2] *Чертков А. Д.* Описание древних русских монет. М., 1834, № 542, табл. XXXII, рис. 43.

[3] Автор пользуется случаем выразить благодарность за консультации по определению монет А. С. Мельниковой, Г. А. Федорову-Давыдову и В. Л. Янину.

[4] *Орешников А. В.* Ук. соч., табл. XVI, рис. 734, 735; *Чертков А. Д.* Ук. соч., № 371, табл. XVII, рис. 9; *Чижов С. И.* Дроздовский клад русских денег времени великого князя Василия Дмитриевича Московского. Пг., 1922, табл. VI, рис. 82; *Ильин А. А.* Классификация русских удельных монет. Вып. 1. Л., 1940, табл. VI, рис. 12; *Мец Н. Д.* Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества.— Историко-археологический сборник (в честь 60-летия А. В. Арциховского). М., 1962, рис. 1, *б*, с. 310.

Монета № 3. На обеих сторонах подражание татарской надписи. Подражание типу монет хана Джанибека. 0,78 *г*.

Монета № 4. Л.с. Птица с поднятыми крыльями, идущая влево. За линейным ободком — плохо читаемая круговая надпись (по аналогиям должна быть надпись: ПЕЧАТЬ КНЯЖА [5].

О.с. Изображение неясно. Среди линейных ободков видны парные полукружия. 0,59 *г*.

Стратиграфия залегания монет не может дать определенных выводов об их датировке. Три монеты (№ 1, 2, 3) были обнаружены у подножия насыпи северо-восточного вала городища (раскоп № 4) и залегали очень компактно, на расстоянии 8—10 *см* одна от другой, в слое, содержащем стеклянные браслеты, шиферные пряслица и цилиндрические замки (домонгольское время). Хронологическое несоответствие этих монет и остального материала, а также компактность их расположения в слое, заставляют предположить, что монеты были закопаны в землю из вышележащих пластов. Монета № 4 обнаружена в заполнении хозяйственного сооружения, расположенного в 6,5 *м* южнее находки монет № 1—3 и датированного по обломкам белокаменных известняковых блоков, аналогичных блокам кладки расположенного поблизости Успенского собора, концом XIV — началом XV в. Сооружение погибло, по-видимому, от пожара. Монета имела следы пребывания в огне и была реставрирована, так что действительный вес ее был, видимо, бóльшим.

Монета № 1 относится к тому типу монет, которые многими исследователями приписываются Суздальско-Нижегородскому князю Василию Дмитриевичу Кирдяпе. Полемика в отношении этих монет имеет давнюю историю.

В 1896 г. А. В. Орешников впервые выделил из числа монет, относимых ранее Василию Дмитриевичу Московскому, монеты, не имеющие великокняжеского титула при имени князя, и отнес их на этом основании Василию Дмитриевичу Кирдяпе — удельному князю Суздальско-Нижегородскому и современнику Василия Московского [6].

Как уже не раз отмечалось исследователями, политическая история Нижегородского княжества, также как и нижегородский чекан, сложна и запутанна [7]. А. В. Орешников, исследуя свидетельства Никоновской летописи о борьбе Василия Кирдяпы и его брата Семена против их дяди великого князя Бориса Константиновича, приходит к выводу, что братья в 1387 г. отняли Нижний Новгород у Бориса и оставались великими князьями нижегородскими до 1391 г. [8] Это обстоятельство дало возможность исследователю выделить из общего числа монет, относимых Василию Кирдяпе, монеты, чеканенные им в качестве великого князя в период 1387—1391 гг.[9] Попытаемся проанализировать эти свидетельства.

Во-первых, очевидно, что использование такого позднего источника, каким является Никоновская летопись, относимая сейчас к 20-м годам XVI в. [10], требует определенного критического анализа. Достаточно ска-

---

[5] *Орешников А. В.* Ук. соч., № 992, табл. XX, рис. 900; № 1009, табл. XX, рис. 921; *Чижов С. И.* Ук. соч., табл. VI, рис. 124.

[6] *Орешников А. В.* Ук. соч., с. 179, 180.

[7] Событиям Нижегородской политической истории посвящена статья В. А. Кучкина (*Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв.— В сб.: Польша и Русь. М., 1974, с. 234—252).

[8] *Орешников А. В.* Ук. соч., с. 178.

[9] Классификация монет Василия Кирдяпы вошла затем во многие нумизматические издания (*Ильин А. А.* Ук. соч., с. 31; *Мец Н. Д.* Ук. соч., с. 310). Однако высказывались и сомнения, когда подобные монеты попадали в разряд неопределенных суздальских денег (*Чижов С. И.* Ук. соч., с. 48), а также возражения (*Толстой И. И.* Монеты великого князя Василия Дмитриевича. СПб., 1911, с. 25).

[10] *Клосс Б. М.* Деятельность митрополичьей мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи.— В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 327, 328.

зать, что о смерти Василия Дмитриевича Кирдяпы она сообщает дважды: один раз под 1403 г. [11], а другой — под 1405 г. [12]

Во-вторых, если все же обратиться к тем событиям 1387 г. Никоновской летописи, о которых упоминает А. В. Орешников, то там они изложены следующим образом: «Того же лета князь Василий Дмитриевич Суждальский и Городецкий да брат его князь Семен Дмитриевич Суждальский, собравше воиньства много с своея отчины, с Суждаля и Городца, еще и изспросиша себе у великого князя Дмитрия Ивановича Московьскаго силу в помощь Звенигородцкую и Волотцкую, и поидоша на дядю своего, на князя Бориса Коньстянтиновича, к Новугороду Нижнего и, пришед, стояше у града 8 дней; и потом смиришася с дядею своим, с великим князем Борисом Коньстянтиновичем. И рече им дядя их: „милые мои сыновцы, ныне яз от вас плачю, потом же и вы всплачете от врагов своих". И отступися им властей своих Новогородцких, а они ему отступишася его уделов; и тако взяша мир межи собою» [13]. Речь здесь идет, по-видимому, лишь о взаимных территориальных уступках. О походе братьев на Нижний Новгород упоминает и Новгородская IV летопись [14] и Воскресенская [15]. Симеоновская летопись, которая содержит об этих событиях столь же подробный рассказ, что и Никоновская, заключает его фразой о том, что князья «взяша мир между собою и възвратишася каждый в свояси» [16].

Таким образом, ни в одном из приведенных свидетельств мы не находим данных о том, что братья Василий и Семен стали великими князьями Нижнего Новгорода в результате этого похода, в то время как такое важное событие, как утверждение на великокняжеском столе, связанное обычно с поездкой в Золотую Орду и санкцией хана,— факт, как правило, фиксируемый русскими летописями [17]. Вследствие этого и вопрос о возможности чеканки монет с именем великих князей Василия либо Семена Нижегородских кажется крайне сомнительным.

Переходя к чисто нумизматическим доводам в пользу возможности чеканки указанной группы монет (табл. XVI, рис. 734—737) Василием Кирдяпой в бытность его великим князем Нижегородским, А. В. Орешников прежде всего указывает, что на монетах собственно московских имеется правильное «воспроизведение арабской надписи с именем Тохтамыша, современника Василия Дмитриевича, тогда как на деньгах, изображенных на табл. XVI, рис. 734 и след., находятся или подражания восточным легендам, или воспроизведения с надписей татарских монет ханов, царствовавших ранее Василия Дмитриевича» [18]. В отношении первого довода следует сказать, что подражания восточным легендам свойственны были монетам удельного периода как московским, так и нижегородским. Надписи же ханов на русских монетах бывают настолько приблизительные, что определить их истинную принадлежность оказывается нередко очень трудно. К примеру, сходный лицевой штемпель нашей монеты № 1 имела монета, опубликованная А. В. Орешниковым под № 950 (табл. XVIII, рис. 846) в числе монет с неясными подражаниями [19]. В отношении восточной надписи в центре лицевой стороны этой монеты исследователь приводит два совершенно разных мнения извест-

---

[11] ПСРЛ, т. XI, с. 188.
[12] ПСРЛ, т. XI, с. 192.
[13] ПСРЛ, т. XI, с. 93.
[14] ПСРЛ, т. IV, с. 95.
[15] ПСРЛ, т. VIII, с. 52.
[16] ПСРЛ, т. XVIII, с. 137.
[17] В 1911 г. И. И. Толстой, возражая А. В. Орешникову, указал на то обстоятельство, что в источниках великим князем ни один из братьев (Василий и Семен Дмитриевичи) нигде не называются, и выражал сомнение в возможности чеканки ими великокняжеских монет в период 1387—1391 гг. (*Толстой И. И.* Ук. соч., с. 38).
[18] *Орешников А. В.* Ук. соч., с. 184.
[19] *Орешников А. В.* Русские монеты..., с. 208.

ных нумизматов: В. Г. Тизенгаузена — о том, что это — подражание монетам Тохтамыша, и А. Д. Черткова о том, что это «безобразная копия» с монет Абдуллах-хана [20].

Немаловажным обстоятельством является и место находки монеты. А. В. Орешников категорично писал по этому поводу: «... вопрос о принадлежности монеты тому или другому княжеству может решаться только путем находок» [21]. И, высказывая предположение о выделении чекана Василия Кирдяпы, исследователь также подчеркивал ту мысль, что дальнейшие находки монетных кладов смогут подтвердить это предположение [22]. И в этом смысле местонахождение спорной монеты на территории Московской земли является весьма показательным.

Вторая линия споров, связанная с группой монет, в которую входит и наша монета № 1, касается прочтения круговой надписи на лицевой стороне (ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО В/Б?). Если признать последний вариант прочтения (Б в конце надписи), то в этом случае встает вопрос о принадлежности этой группы монет Борису Константиновичу — великому князю Суздальско-Нижегородскому. А. В. Орешников, как уже говорилось, читал в надписи имя Василия [23]. С. И. Чижов возражал против такого чтения и предлагал видеть в надписи начальную букву имени Бориса [24]. Один из доводов в этом споре основан на сопоставлении буквы «В» в слове «великого» и соответствующей буквы в конце надписи. Встречаются монеты, на которых форма буквы «В» в титуле «великого» читается как «Б», что и послужило основанием А. В. Орешникову прочесть обе буквы как «В» и посчитать монеты, относящимися к чекану Василия Кирдяпы.

В нашей монете в верхней части обеих букв также имеются горизонтальные черточки, которые затрудняют их прочтение.

Если обратиться к материалам чисто нумизматическим и сопоставить нашу монету с достоверными монетами Бориса Константиновича [25], то можно убедиться, что наша монета значительно от них отличается и по форме и по сюжетным изображениям. Одна группа монет Бориса Константиновича имеет на лицевой стороне изображение геральдического льва или барса и вес 0,93—1,02 *г*, другая группа ближе к нашей по весу (0,8—0,87 *г*), но также резко от нее отличается, так как имеет на лицевой стороне изображение креста и четырех точек по углам.

В силу всего сказанного выше, думается, есть основания ставить вопрос о принадлежности группы монет, выделенных А. В. Орешниковым, а следовательно, и нашей монеты № 1, Василию Дмитриевичу Московскому.

Монета № 2 имеет очень стертое изображение, вследствие чего сказать что-либо определенное об ее принадлежности трудно. Можно лишь указать, что изображение плетенок, просматриваемое на обратной стороне монеты, часто встречается на монетах Василия Дмитриевича Московского.

Монета № 3, имеющая на обеих сторонах подражание татарской надписи, тем не менее бесспорно русского происхождения, так как она чеканена на расплющенной проволоке и имеет вес, значительно более легкий, чем вес золотоордынских монет. Серия монет, имеющих двухсторонние подражания татарским надписям, опубликована А. В. Орешниковым [26] и С. И. Чижовым из собрания Зубова [27], но монет, аналогичных

[20] Там же.
[21] Там же, с. 176.
[22] Там же, с. 184.
[23] *Орешников А. В.* Ук. соч., с. 184.
[24] *Чижов С. И.* Ук. соч., с. 49.
[25] *Орешников А. В.* Ук. соч., № 846, табл. XV, рис. 709. *Ильин А. А.* Ук. соч., табл. V, рис. 7, *16*.
[26] *Орешников А. В.* Ук. соч., № 1025—1042, табл. XXXI, рис. 940—956.
[27] *Чижов С. И.* Ук. соч., с. 11, 12, рис. 1, *9*.

нашей, среди них нет. Наша монета принадлежит, по-видимому, к типу монет, подражающих монетам Джанибека (1340—1357 гг.).

Монета № 4 имеет аналогии среди монет, не поддающихся атрибуции, но следует заметить, что тип монет с изображением птицы, идущей влево, встречается среди монет Суздальско-Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича [28]. Однако отнесению нашей монеты к этой серии противоречит отсутствие титула «великий» в круговой надписи лицевой стороны.

[28] *Орешников А. В.* Ук. соч., № 842—843, табл. XV, рис. 703—706.

А. А. ФОРМОЗОВ

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В КИЕВЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

История археологических раскопок в Киеве известна в целом неплохо. Мы знаем, кто, когда и где пытался искать остатки старины в древнейшем русском городе [1]. Но побуждало людей вести эти изыскания не одно и то же желание восстановить утраченные страницы отечественной истории. Цели были разными, о чем особенно определенно свидетельствуют сообщения о раскопках в Киеве в начале XIX в.

В 1816 г. в Вышгороде и около Михайловского Златоверхого монастыря вела раскопки «девица Турчанинова». Это имя знакомо историкам русской культуры как имя одной из первых женщин-писательниц в России, человека, вызывавшего определенный интерес у Пушкина [2]. Книги Анны Александровны Турчаниновой (1774—1848 гг.) посвящены, однако, отнюдь не научным проблемам, и не как ученую даму характеризуют ее мемуаристы. Мистика, магнетизерство — вот сфера деятельности Турчаниновой. Название основной ее книги— «Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекающие» (СПб., 1803).

В 1824 г. начались раскопки в Киеве Кондратия Андреевича Лохвицкого. О них мы знаем гораздо больше, чем об изысканиях Турчаниновой, по публикациям самого Лохвицкого и других авторов. Он исследовал остатки Десятинной церкви, руины Золотых ворот, «Дирову могилу», район Софийского собора и Андреевской церкви. И эта фигура в достаточной мере загадочна. Почему раскопки в Киеве были поручены ему? [3] Лохвицкий был и не молод (родился в 1774 или 1775 г.), и не чиновен («отставной чиновник пятого класса»), не обладал какой-либо научной подготовкой, в его биографии были темные пятна (три года находился под судом). В 1820-х годах, бесспорно, можно было найти более подходящее лицо для руководства раскопками.

Известно, что в работе по изучению киевских древностей важную роль играл в 1820-х годах митрополит Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов, 1767—1837). Представляется вероятным, что Лохвицкого как человека, способного вести раскопки, рекомендовал именно он. Их знакомство должно было быть давним: оба участвовали в новиковском кружке в конце XVIII в. [4]

[1] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, с. 11—62.

[2] *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 426, 427; *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды.— «Звенья», V. М.— Л., 1935, с. 101—103.

[3] О нем см. *Никольский А.* Лохвицкий К. А. Русский биографический словарь, т. 10 (Лабзина-Ляшенко). СПб., 1914, с. 705—707.

[4] *Формозов А. А.* Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории.— ВИ, 1976, № 10, с. 205.

О встречах с Н. И. Новиковым Лохвицкий упоминает в своих записках. Они опубликованы посмертно и носят название «Записки, самою истиною совести внушаемые, для памяти». Это не дневник, не мемуары, а довольно сумбурный поток сновидений, пророчеств, откровений. Оказывается, и Лохвицкий был масоном и мистиком [5].

Между Турчаниновой и Лохвицким обнаруживается, таким образом, нечто общее. А это позволяет предположить, что прежде всего влекло к изысканиям в Киеве этих людей.

В работе С. В. Ешевского «Материалы для истории русского общества XVIII века» упомянуто о немецком масонском издании 1785 г., посвященном П. А. Татищеву, где дано «описание мистического изображения в Софийском монастыре (так!) в Киеве» [6]. Мы знаем, что масонство зародившееся в XVIII в. в Англии, всегда стремилось подчеркнуть свою глубокую древность, выставить себя как наследника древнеегипетских мудрецов и т. д. Отсюда интерес масонов к истории. В России, в новиковском кружке, этот интерес распространялся не только на древний Египет, но и на русскую старину [7].

Можно поэтому с достаточной долей уверенности сказать, что мистики Турчанинова и Лохвицкий занялись раскопками в Киеве не из интереса к материальной культуре русского средневековья, а в поисках масонских тайн, сохранившихся якобы на древнейших киевских зданиях.

---

[5] *Терновский Ф.* Материалы для истории мистицизма в России (записки К. А. Лохвицкого).— Труды Киевской духовной академии, т. 3, 1863, № 10, с. 161—203.

[6] *Ешевский С. В.* Соч., т. III. М., 1870, с. 417.

[7] *Формозов А. А.* Ук. соч., с. 204, 205.

Критика и библиография

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., «Наука», 1977, 392 с; **Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности.** М., «Наука», 1979, 352 с.

Послевоенные десятилетия ознаменовались для советской науки исключительно крупными достижениями в изучении археологии Дальнего Востока и, в частности, Северо-Востока Азиатской части СССР, обеспеченными главным образом весьма плодотворной деятельностью Сибирского отделения и Дальневосточного научного центра АН СССР. Исследования в этой области связаны в первую очередь с именем акад. А. П. Окладникова и его учеников — А. П. Деревянко, Р. С. Васильевского, В. А. Голубева, Д. А. Сергеева, Ю. А. Мочанова, Р. В. Козыревой, а также С. А. Арутюнова и др. В данном ряду одно из почетнейших мест занимает член-кор. АН СССР Н. Н. Диков, двум недавно вышедшим фундаментальным книгам которого посвящена наша рецензия. Н. Н. Диков не гость, пусть даже самый внимательный и вдумчивый, на землях, археологии которых посвящены его труды. Почти вся его научная жизнь прошла в Анадыре, где он с 1955 г. по 60-е годы был директором Чукотского окружного краеведческого музея, а затем в Магадане, где он с 1960 г. возглавляет Лабораторию Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР, с грифом которого опубликованы и рецензируемые книги. Они были подготовлены десятками статей их автора, в первую очередь обобщающей и в то же время научно-популярной книгой Н. Н. Дикова «Древние костры Камчатки и Чукотки», изданной в Магадане в 1969 г.

Многолетняя исследовательская деятельность Н. Н. Дикова на Камчатке, Чукотке и Верхней Колыме дала выдающиеся результаты. На этой огромной территории, примерными размерами 1,5 на 2,5 тыс. *км*, им открыто и раскопано большое число памятников исключительного научного значения. Н. Н. Диков установил, что Камчатка была заселена людьми уже в позднем палеолите, открыл и раскопал Ушковские многослойные палеолитические поселения, доставившие серию радиоуглеродных дат. На территории Камчатки и Чукотки и по течению Верхней Колымы им обнаружено и исследовано свыше 170 стоянок и могильников, относящихся к неолиту и железному веку и имеющих разную этническую принадлежность. Наконец, он открыл и изучил уникальные наскальные изображения Чукотки. Рецензируемые книги подытоживают 25-летние исследования Н. Н. Дикова. Они содержат свод всех материалов по археологии Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы, исчерпывающе вводят их в науку и в то же время устанавливают датировку, культурную и этническую принадлежность памятников, дают их историко-археологическое освещение на фоне археологии Сибири и Америки [1].

[1] Исключение составляет проблема петроглифов Чукотки, которая в рецензируемых книгах детально не рассматривается. Ей посвящен специальный труд

Рецензируемые книги Н. Н. Дикова представляют собой, по сути дела, единый, целостный, законченный двухтомный труд. Его характеризует очень живой, не шаблонный, образный литературный слог, а также тщательная продуманность и отработанность структуры, архитектоники. Первая книга носит источниковедческий характер, она содержит вслед за обстоятельным историографическим разделом детальное описание и анализ всех археологических памятников рассматриваемой территории, как открытых автором, так и обнаруженных другими исследователями. Каждый из публикуемых памятников имеет номер, что значительно облегчает поиск источников в приложениях. Особый интерес представляют типологические разработки форм каменных изделий Камчатки, Чукотки и Северо-Охотского побережья, которые даны в приложении ко второй книге. Жаль только, что рецензируемые книги, столь насыщенные разнородным фактическим материалом, лишены указателей. Предметные, географические и именные указатели оказали бы здесь неоценимую помощь читателю. Этот свод подытоживается (1977, с. 226—246) рассмотрением опорной стратиграфии многослойных памятников. Здесь автор дает критику источников, определяет их сравнительную ценность, формулирует и обосновывает принципы своей исследовательской методики. Особое внимание уделяется доказательствам безупречности в стратиграфическом отношении четырех Ушковских многослойных стоянок, где все культурные слои четко разделены стерильными прослойками вулканических пеплов и, таким образом, возможность неконтролируемого перемещения культурных остатков совершенно исключена. В итоге формулируется общая хронологическая последовательность археологических памятников и культур (табл. 4), а также излагаются и обосновываются принимаемые и проводимые автором принципы выделения и периодизации древних культур рассматриваемого региона. Замыкает книгу ряд приложений, содержащих, в частности, данные по одонтологии древнего населения Чукотки и Камчатки (А. А. Зубов), по ихтиофауне (Е. А. Цепкин) и палинологии (Г. Н. Лисицына). Определения фауны млекопитающих включены в основной текст книги.

На источниковедческой основе, образуемой первой книгой, вырастает вторая рецензируемая книга Н. Н. Дикова. Она посвящена памяти многолетнего руководителя кафедры археологии Ленинградского университета, одного из учителей Н. Н. Дикова, проф. М. И. Артамонова. В нее включены некоторые новые находки каменного века, обнаруженные на Чукотке автором и его учениками в 1977 г. уже после выхода из печати первой книги. Но основное содержание второй книги — обобщения, интерпретация. Если в первой книге Н. Н. Диков выступал перед нами по преимуществу как осторожный методист, не спеша взвешивающий различные аргументы «за» и «против», то во второй книге проявляется и другая сторона научного дарования Н. Н. Дикова. Привлекая обширные сравнительные материалы по каменному веку Якутии, Японии, Америки, детально рассматривая их, он выдвигает смелые гипотезы о распространенной на северо-востоке Азии какой-то очень древней культуре, относящейся к палеолиту, пережиточным фрагментом которой является слой VII Ушковской стоянки (14 300±200 лет назад), о проникновении этой культуры или ее влияний в заледниковую культурную область запада Северной Америки (с. 286), о принадлежности слоя VI стоянки Ушки протоэскимоско-алеутской культуре (с. 287). Каждую из этих гипотез автор обстоятельно аргументирует и серьезно защищает, вступая в острую (иногда, чрезмерно острую по форме — см., например, с. 75—76) полемику с исследователями, придерживающимися иных концепций. Мы не считаем возможным в пределах краткой рецензии присоединяться к тому или другому из участников этой дискуссии. Полагаем, что подобные весьма оживленные споры, базирующиеся на большом, все время увеличивающемся археологическом материале, относящемся как к территории СССР, так и к зарубежным странам,— нормальный путь развития науки.

Крупное научное значение рецензируемых книг Н. Н. Дикова бесспорно. Оно ни в какой мере не снижается дискуссионностью некоторых положений автора, равно

Н. Н. Дикова. См. *Диков Н. Н.* Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971.

как и неразработанностью на современном уровне развития науки ряда трактуемых проблем. Но налицо и недостатки, на которых следует остановиться.

Характерной чертой второй интерпретационной книги, как и многих предшествующих публикаций Н. Н. Дикова, является его стремление установить истоки и процесс формирования этнических групп северо-востока Азии (эскимосов, чукчей, коряков, кереков, ительменов и юкагиров), проследить процесс сложения их культур на основе археологических материалов, включая даже находки верхнепалеолитического возраста. Н. Н. Диков широко привлекает при этом материалы этнографии, антропологии и лингвистики. Крупные исследования такого рода в последние годы стали редкостью, хотя работы в этом направлении ведутся, особенно среди археологов Сибири, о чем говорит массовость участников уже много раз проводившихся в Томске и Новосибирске конференций «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» и «Этногенез народов Сибири». В настоящее время назрела необходимость коллективного труда специалистов разных наук, занимающихся этногенезом сибирских народов, в котором были бы выявлены и согласованы остающиеся нередко противоречивыми выводы ученых, работающих в этой области знаний. Исследование специалиста одной из наук всегда будет недостаточно полным и не лишенным погрешностей. Поэтому и работа Н. Н. Дикова, несомненно, вызовет некоторые нарекания. Круг проблем, им затронутых, велик и в данной рецензии не может быть полностью освещен, тем более критически рассмотрен с разных точек зрения. Во всяком случае высказываемые Н. Н. Диковым предположения весьма интересны, во многом оригинальны и, вызвав интерес читателей, будут способствовать дальнейшему развитию исследований по этногенезу народов Сибири.

Мы частично коснемся здесь лишь одного из доказательств, во многом сомнительных, на основе которых Н. Н. Диковым делается попытка установления генетической связи «проточукотского компонента усть-бельской культуры» Чукотки с карасукской культурой Южной Сибири через предков кетов, которые могли попасть на Чукотку через Енисей и Таймыр (1979. с. 159—161). При этом автор пытается связать происхождение бронзовых изделий усть-бельской культуры с югом Сибири через посредство обнаруженных на Таймыре бронзолитейных мастерских пясинской культуры, которая только в самой предварительной публикации была датирована концом II—I тысячелетием до н. э.[2] К сожалению, Н. Н. Дикову осталась неизвестной уточненная дата этой культуры — VI—V вв. до н. э.[3] Возраст пясинской культуры оказывается моложе времени существования усть-бельских находок. Концом II тысячелетия до н. э. датируется бронзолитейное производство на таймырских и североякутских памятниках ымыяхтахской культуры, с которым и следует связывать бронзовые изделия Усть-Бельского могильника. Привлечение Н. Н. Диковым археологических и этнографических материалов Таймырского Заполярья для установления родства древнего населения Таймыра и северо-востока Азии является оправданным, поскольку на Таймыре существуют легенды о народе «сюпся» или «чукча», а также сделаны находки лабреток и грибовидной подвески, обнаруживающих весьма близкие аналогии в VI слое Ушковской стоянки на Камчатке и датируемых III тысячелетием до н. э.[4] Этот возраст таймырских лабреток также не принимается во внимание Н. Н. Диковым. Увлечение отдаленными и не всегда оправданными аналогиями проявилось и в привлечении пластинок с краевой ретушью Печерской стоянки близ Нарьян-Мара для доказательства далеких контактов неолитической культуры Камчатки (1979, с. 118). Следует отметить также, что отдельные утверждения Н. Н. Дикова «камчатоцентричны», грешат своего рода стремлением вывести некоторые каменные изделия, встречающиеся в Патагонии — из Ушков (1979, с. 50—53).

Мы полагаем, что Н. Н. Диков, даже несмотря на ряд делаемых им справедливых оговорок, придает чрезмерное значение радиоуглеродным датам памятников каменного века Камчатки. Напомним, что во многих странах тихоокеанского бассейна

[2] *Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н.* Работы Заполярного отряда на Таймыре.— АО-1971. М., 1972, с. 297.

[3] *Хлобыстин Л. П.* Памятники Сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны.— В сб.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 108.

[4] *Хлобыстин Л. П.* Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири.— КСИА АН СССР, № 131, 1972, с. 103—106.

радиоуглеродные даты отдельных многослойных поселений противоречат их стратиграфии. Нижний культурный слой на основании радиоуглеродных определений представляется более молодым, чем перекрывающий его и в действительности более молодой верхний культурный слой. Такая картина отмечена, в частности, в известной японской многослойной пещере каменного века Фукуи. Да и сам Н. Н. Диков (1977, с. 246) отмечает несколько явно завышенных дат, полученных для его памятников. Мы не призываем, разумеется, в связи с этим к игнорированию радиоуглеродных дат. Нужна, видимо, бóльшая осторожность и проверка дат C^{14} обсидиановыми, что широко проводится японскими исследователями каменного века.

Необходимо сделать несколько замечаний, касающихся неолита Чукотки. В первой книге при публикации памятников со смешанными материалами разных эпох следовало бы оговорить культурно-возрастную принадлежность находок. Так, в источниковедческой книге находки на Осиновой и Краснепской косах опубликованы как относящиеся к неолитическим стоянкам и лишь во второй, интерпретационной книге читатель узнает, что материалы этих местонахождений разновременны и включают мезолитические изделия (1979, с. 131). Мезолитический или ранненеолитический возраст найденных на этих местонахождениях бифасно-ретушированных изделий (1979, рис. 47) недостаточно обоснован. Касательно определения возраста шнуровой керамики следует отметить, что Н. Н. Диков допускает ее датировку по I тысячелетие до н. э. включительно, тогда как на Устье-Бельском могильнике, где она найдена, имеется более поздняя рубчатая керамика усть-бельской культуры, которая датируется им II — началом I тысячелетия до н. э. Стоянка Камешки — другой памятник со шнуровой керамикой — расположена в непосредственной близости от Усть-Бельского могильника. Таким образом, шнуровая керамика должна быть датирована раньше рубчатой и, следовательно, конец ее существования может быть отнесен самое позднее ко II тысячелетию до н. э.

Книги не лишены досадных опечаток, которые полностью не выявлены и мешают читателю, иногда вводя его в заблуждение. Так, например, на рис. 53 второй книги, под которым стоит подпись «Керамика усть-бельской культуры» и на котором читатель ожидает увидеть керамику с рубчатыми отпечатками на поверхности, помещены образцы сетчатой керамики с Усть-Бельской сопки (рис. 53, *2*) и шнуровой керамики со стоянки Камешки (рис. 53, *1*).

Мы не будем останавливаться на вопросах правильности употребления терминов «мезолит», «неолит», «пережиточный неолит» и т. п. относительно тех или иных памятников Чукотки и Камчатки. Отметим, что вводимое Н. Н. Диковым понятие «неразвитый железный век» применительно к памятникам, синхронным железному веку Восточной Сибири, кажется удачным и было бы желательным употребление аналогичных терминов для памятников и культур, соответственно синхронных восточносибирским неолитическим и памятникам других эпох, но отличных от последних отсутствием ведущих признаков — керамики, металла.

Обширная часть второй книги посвящена вопросам формирования культур северо-востока Азии в I тысячелетии до н. э.— I и II тысячелетиях н. э. и их американским аналогам, а также выяснению их этнической принадлежности. Их связь с исторически известными народами, устанавливаемая Н. Н. Диковым, выглядит убедительной, хотя в некоторых случаях, как отмечает сам автор, остается предположительной. Н. Н. Диков уделяет много внимания вопросам формирования палео- и неоэскимосских, а также древнекорякской культур, иногда он соглашается, но чаще спорит со своими оппонентами, защищая и более обоснованно развивая высказанные им ранее мнения. Здесь читатель встретится с новыми материалами, касающимися выделения культур древних кереков и вариантов древнеительменских культур. Большой интерес представляет выделение на основе находок с о. Врангеля первой в Азии палеоэскимосской культуры. Она датируется по радиоуглеродному анализу угля из кострища серединой II тысячелетия до н. э. Поскольку в костре, возможно, сжигался древний плавник, а не местная растительность, полученная дата может быть древнее остатков материальной культуры. Эти находки, по нашему мнению, несомненно, являются древнейшими среди материалов эскимосских культур Азии, но они, вероятно, ближе по времени к существованию оквикской культуры, с изделиями которой они сходны.

Большое значение придает Н. Н. Диков климатическим и экологическим факторам, во многом обусловившим формирование рассматриваемых культур и сложение их хозяйства. Затронуты им и вопросы общественных отношений, которые решаются в общепринятом плане как переход от материнского рода к отцовскому, причем этот процесс связывается с развитием морской охоты и особенно пастушеского оленеводства.

В рецензии мы высказали ряд критических замечаний. Их число может быть несколько увеличено. Однако они отнюдь не умаляют ценности нового труда Н. Н. Дикова, являющегося важным вкладом в археологию нашей страны. Широк круг проблем, в нем решаемых. Они выходят далеко за рамки обычного археологического исследования и, естественно, привлекут внимание большого числа читателей — специалистов разных наук, связанных с археологией. Этот труд Н. Н. Дикова, синтезирующий итоги его полевых открытий и их интерпретацию, фактически стал первой фундаментальной работой по древней истории Северо-Восточной Азии. Но его нельзя ограничить в значении только этим регионом. Он очень важен и для разработки проблем заселения Америки. Недаром обе книги имеют подзаголовок «Азия на стыке с Америкой в древности», а на обложке контурно изображены Чукотка и Камчатка, как бы связанные нитями путей с Аляской.

П. И. Борисковский, Л. П. Хлобыстин

Гурина Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., «Наука»., 1976, 178 с.

История древнего горного дела — одна из важнейших по своему значению отраслей истории древней культуры. Памятники древнего горного дела сохранились в большом количестве. Их много известно у нас на Урале и Кавказе, в Казахстане и Средней Азии, в Саяно-Алтае и в других местах. Они уже давно изучаются. В литературе имеется много сведений о них. Есть и монографические сочинения, посвященные рассмотрению древних горных работ в отдельных районах нашей страны. Но они изучались не археологами, а геологами и специалистами горного дела попутно при их геологических и поисковых изысканиях, не были предметом специального историко-культурного исследования, не подвергались сколько-нибудь значительным раскопкам, тем более раскопкам археологическим. Участие археологов в этих работах было весьма редким явлением и крайне ограниченным по объему производимых работ. Вот почему многолетние исследования кремнедобывающих шахт, произведенные в 1963—1972 гг. специалистом-археологом Н. Н. Гуриной в Западной Белоруссии, и затем выход в свет ее монографического исследования, посвященного этим и другим неолитическим и энеолитическим шахтам,— явление совершенно исключительное в археологической науке.

Исследования красносельских шахт были предприняты Н. Н. Гуриной в исключительно крупных масштабах. Достаточно отметить, что вскрытая экспедицией площадь составляет 22 тыс. $м^2$, на ней выявлено около 1000 шахт, из которых раскопано свыше 200. Несмотря на громадный размах проведенных изысканий, скрупулезность их, особенно в части различных способов фиксации, наблюдений, не может не привлечь внимания. В этом плане работы Н. Н. Гуриной, обобщенные в рецензируемой монографии, поистине уникальны.

Анализу памятников в книге предшествует раздел, посвященный разработанной автором в процессе полевых работ методике раскопок. Последние, как показала Н. Н. Гурина, имеют свою специфику, связанную со своеобразием самих памятников, а также с условиями их нахождения в материковой меловой породе. Наибольшую сложность представляет полное вскрытие шахты, включая ее устье (входное отверстие), без нарушения древней конфигурации. Поэтому уже при снятии балласта особые требования предъявлялись к работе бульдозера. Обычное его движение

могло снять и уничтожить пятна устьев шахт, которые нелегко было обнаружить и зафиксировать на широких пространствах мелового поля.

Были разработаны специальные приемы и для расчистки вертикальных стволов шахт в целях выявления их первоначальной формы. Начало расчистки шахты производилось в заведомо суженном диаметре до глубины, где заполнявшая шахты меловая крошка легко отделялась от стенок. После этого ствол шахты выбирался до подлинных размеров. Для всестороннего и полноценного изучения самой шахты нужно было, по мнению Н. Н. Гуриной, проделать ту же работу, которую в свое время проделал древний шахтер, для чего изготавливались некоторые специальные инструменты, примитивным способом поднималась на поверхность меловая крошка (заполнение шахты), в результате восстанавливался тот облик всего комплекса древней горной выработки (шахты, центральной камеры, штолен и штреков), каким он был по окончании работ древних рудокопов. Исследователь изучал и такие детали их: следы от ударов кайлы при прокладке коридоров, ямки от деревянных конструкций крепления, следы средств освещения в виде копоти и цепочек угля от сгоревшей лучины. Для наиболее полного и адекватного представления о древних процессах работы были организованы экспериментальные исследования под руководством С. А. Семенова — выкопана опытная шахта и проделаны некоторые производственные операции с помощью каменных и роговых орудий собственного изготовления. Эксперимент хронометрировался, в результате чего можно было прийти к ряду интересных выводов о количестве труда и времени, затрачиваемых в древности на тот или иной вид работы. Совершенный метод раскопок и данные опытов позволили Н. Н. Гуриной предложить максимально достоверную реконструкцию древних горных работ.

Основу исследования Н. Н. Гуриной составляет изучение самого древнего горного дела во всем его многообразии и во всех деталях. Серийность добытого материала позволила автору провести его систематизацию и выработать типологию. Выделено среди красносельских шахт четыре их типа: 1) просто колодцы; 2) шахты с подбоями; 3) шахты с подбоем и штреками; 4) шахты с подбоями, штреками и камерами. Сравнительный анализ белорусских и европейских памятников позволил автору проследить в красносельских шахтах общие закономерности, присущие горному делу изучаемой эпохи. Они проявились в сходных, а иногда идентичных конструкциях, способах крепления и освещения камер, в одинаковых приемах извлечения конкреций из меловой породы. На это указывает сходство использованных роговых орудий и ряд других аналогий. Вместе с тем выявлены особенности и характерные черты именно красносельских шахт, обусловленные в первую очередь спецификой геологических условий. Вырубленные в мелу, они отличались небольшим диаметром стволов, сравнительно невысокими подбоями, наличием отдельных небольших камер и короткими штреками. Форма их была подчинена расположению в мелу кремневых конкреций. Глубина шахт в среднем не превышала 5 *м*, штреки и подбои варьировали по форме и размерам в соответствии с направлением цепочек кремня.

Особые главы книги посвящены изучению роговых и кремневых изделий. Основные формы роговых изделий были уже известны в соответствующей западноевропейской литературе. Они имеют близкое типологическое сходство как в западных, так и восточных районах Европы в связи с общностью трудовых процессов. Однако Н. Н. Гурина впервые уделяет внимание не только их применению, но и приемам их изготовления. Тщательно изучая следы обработки, она установила ее последовательность и употребление определенных каменных орудий — ножа, резца и др. Роговая индустрия красносельских шахт достаточно разнообразна, и анализ ее выгодно отличается от краткого и зачастую излишне скупого описания роговых инструментов в шахтах Европы.

При изучении каменной индустрии, являющейся основным видом вещественных остатков в красносельских шахтах, наибольшее внимание автор уделил проблеме первичного расщепления конкреций кремня. Некоторые особенности его были выявлены, пожалуй, впервые в истории техники каменного века. Первичное расщепление кремня, произведенное в шахте, пока по не совсем понятным причинам не оставляло на своей продукции обычных следов в виде ударного бугорка и раковистого излома, т. е. основных показателей преднамеренности раскола. Поэтому, есте-

ственно, возникла дискуссия, закончившаяся, однако, признанием за расколотыми кремнями изделий человеческих рук, как доказывала это Н. Н. Гурина. Весь комплекс кремневых находок, насчитывающий свыше 50 тыс. единиц, систематизирован и представлен в книге выразительными типолого-статистическими таблицами. В вопросе абсолютной хронологии и этнокультурной принадлежности шахт Н. Н. Гурина не ограничилась данными сравнительно-типологического анализа вещественных остатков, чем пока довольствуется большинство исследователей при датировке горных разработок. Красносельские шахты и в этом плане изучены с помощью современных методов науки. Произведена серия радиокарбоновых определений, которые указывают на длительный период разработки шахт в основном в пределах 1640—1240 гг. до н. э., но также, вероятно, и в середине III тысячелетия до н. э.

Н. Н. Гурина связывает шахты преимущественно с поздненеманской культурой и поздним этапом культуры шнуровой керамики. Можно упрекнуть автора лишь в том, что в книге остался неосвещенным вопрос о возможных связях процесса зарождения и развития кремнедобывающих разработок в наших северных районах с развитием горнорудного дела в южных районах, производственные традиции которого насчитывали тогда уже тысячелетнюю давность.

Исследование шахт — очень емкая и многогранная сфера. Именно шахты и связанные с ними мастерские — памятники производственного характера — являются одним из лучших источников для разработки экономических проблем — степени развития трудовых процессов и обусловленных ими социальных отношений: форм разделения труда, обменных связей и других внешних контактов. Книга Н. Н. Гуриной содержит и этот научный аспект, правда, несколько более лаконичный, чем было бы желательно. Масштабы древних выработок в красносельских шахтах, как она справедливо отмечает, бесспорно свидетельствуют о добыче кремня не только для собственного потребления, но и для обмена с другими коллективами. Длительность же существования шахт, стандартизация орудий и продукции позволяют предполагать зарождение специализации горняка-шахтера.

Таким образом, книга Н. Н. Гуриной отражает весь своеобразный, сложный и взаимосвязанный процесс изучения шахт от начала полевых исследований до решения ряда историко-культурных проблем. Книга вносит чрезвычайно важный вклад в советскую археологию, являясь новым словом буквально в каждом ее разделе, по каждому рассматриваемому вопросу. Она обогащает новыми фактами, наблюдениями и решениями и общеевропейскую разработку этой отрасли первобытной археологии. Кроме того, в книге рассматриваются материалы, представляющие большую ценность и для других отраслей науки: 1) политэкономии докапиталистических обществ в части, посвященной конкретно-историческим процессам развития экономики в сфере производств (специализация и разделение труда) и в сфере обращения (обмен как форма общественных связей); 2) геологии по разделу горного дела.

В целом выход в свет книги Н. Н. Гуриной — весьма положительное явление в археологической науке. Она раскрывает новые горизонты в познаниях о далеком прошлом страны.

М. П. Грязнов

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ПЕТРОГЛИФАМ ДАГЕСТАНА

Недавно опубликованная книга В. М. Котович[1] представляет первую развернутую публикацию памятников наскального искусства этого района. Как указывается во вступительной части книги, до недавнего времени наука располагала лишь незначительными и фрагментарными сведениями о наскальных изображениях Горного Дагестана. Теперь же, в результате специальных поисков Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, в горах обнаружено и вновь обследовано 26 местонахождений, в которых имеется более 7 тыс. рисунков.

Естественно, что все эти памятники не могли быть собраны в одной моногра-

[1] *Котович В. М.* Древнейшие писаницы Горного Дагестана. М., 1976.

фии, и поэтому книга содержит описание и анализ лишь трех из них. Это Чинна-Хита, Чувал-Хвараб Нобо, Харитани. Однако эти три местонахождения явились вполне достаточными для большой специальной работы. Ими представлен, можно сказать, не только новый район распространения наскальных изображений на Кавказе, но и неизвестный прежде исследователям наскального искусства новый локальный мир древнего искусства, для которого характерны свои собственные художественные традиции, свой путь развития, собственные эстетические представления и круг идей.

Нужно отдать должное методическим приемам, применявшимся при изучении рисунков Горного Дагестана в полевых условиях. Фиксация рисунков в поле представляла здесь немало специфических затруднений. Рисунки эти были нанесены различной по сохранности краской. Большинство изображений видны при любой погоде, но часть «проявлялась» только во время дождя или при обильном смачивании камня водой.

Сомневаться в точности фиксации писаниц тем не менее не приходится. С изображений снимались традиционные кальки и делались фотографии, а также и цветные копии. Такая тщательная фиксация дает вполне убедительное и полное представление о характере дагестанских писаниц, об их содержании, о своеобразии. Что касается своеобразия, то оно видно уже в технике исполнения дагестанских наскальных рисунков. В отличие от других районов того же Дагестана, приморских и предгорных, наскальные рисунки высокогорного Дагестана выполнены не выбивкой, а красками. Это позволяет называть их подобно сибирским наскальным рисункам не петроглифами, а именно писаницами. Открытие красочных рисунков в горах Дагестана было полной неожиданностью, тем более что и по содержанию, и по количеству они «образуют крупнейший очаг на Кавказе древних рисованных изображений». Тем самым открытие это принесло, по словам автора книги, «лавину» принципиально новой информации, которая дается в сжатом виде в работе. Что касается краткого содержания книги, то в описании памятников отмечается, что, за исключением ущелья Харитани, все изображения нанесены на стенах небольших гротов. При этом в сюжетном плане и по стилю рисунки гротов Чувал-Хвараб и Чинна-Хитта отличаются от петроглифов Харитани. Если в тематике первых двух преобладают солярные знаки, животные и символические рисунки, то сюжетом рисунков Харитани являются человек, бык, змея, может быть, заяц.

Первая общая проблема, которая ставится в книге,— о причине применения необычной техники исполнения рисунков — красочной техники. Как полагает В. М. Котович, причиной ее явилось обилие запасов легкодоступного сырья — залежей охры. При раскопках Чохской стоянки, расположенной всего в 8—9 *км* от местонахождения писаниц, были обнаружены неопровержимые доказательства использования минеральных красителей древними жителями этого края. Существенно притом, что в разное время использовались минеральные краски (охра) различного тона. Так, замечено, что в некоторых случаях рисунки, выполненные светло-желтой охрой, перекрывают темно-красные изображения. Отсюда следует важный для истории наскального искусства Дагестана вывод об их неодновременности, о том, что темно-красные рисунки старше светло-желтых.

Вывод о неодновременности писаниц подтверждается и стилистическими наблюдениями. Наиболее ранними являются рисунки реалистического характера, в поздних преобладают абстрактные, символические изображения.

Эти выводы не вызывают возражения. Такая последовательность подтверждается более широкими общими закономерностями первобытного искусства: от реализма к схеме и абстракции, от «физиопластического» стиля к «идеопластическому», от «сенсорного» к «имажитивному». Детализируя схему стилей наскальных рисунков, В. М. Котович выделила далее три стилистические группы изображений. Это рисунки контурные, силуэтные и линейные, которые существовали в рамках двух основных стилей: реалистического (контурные и силуэтные) и схематического (линейные). Хронологически, как, видимо, следует из стилистической классификации, группы распределяются следующим образом: контурные — мезолит, силуэтные — неолит, линейные — бронза. Бесспорной заслугой автора книги является то, что она не ограничивается публикацией и хронологией рисунков, но дает им и развернутую, насыщен-

ную мыслями интерпретацию как художественному явлению и как свидетельству богатства идейного мира древних обитателей Горного Дагестана.

В. М. Котович склонна видеть в наскальном искусстве Горного Дагестана существование своего рода пережитков традиций палеолитического искусства Франко-Кантабрийского района. К числу таких пережитков она относит не только «двуногость» изображенных животных как свидетельство особой древности писаниц, но и ряд сюжетных особенностей. Например, выделяется композиция, состоящая из двух фигур: козла и женщины. В этой сцене исследовательница видит иллюстрацию мирового мифологического сюжета о связи женщины и тотемного животного. В. М. Котович сделала смелую попытку проследить общую линию развития этого сюжета от изображений в петроглифах Англер-сюр-Англер, Романелли и Комбарель (женщина и олень) вплоть до писаниц Горного Дагестана. Попутно можно заметить также, что свою мысль о сочетании рисунков зверя и человека — женщины как конкретного указания на тотемистические представления, на идею о происхождении родовой общины от брака женщины с тотемным животным В. М. Котович подтверждает ссылкой лишь на один широко известный в литературе палеолитический рисунок из Нижней Ложери. К этому можно добавить и еще одно аналогичное изображение с Нижней Ангары. На нем даны в определенном сочетании антропоморфное существо (видимо, женщина) и козел [2]. Несмотря на существование больших временны́х и территориальных различий между этими двумя комплексами наскального искусства, эти соображения весьма интересны, так как касаются столь важной для понимания истории первобытного искусства проблемы, как связь между искусством палеолита, реалистическим в основе, и искусством позднейших этапов каменного века, отмеченным печатью схематизма и абстракции.

Одним из авторов этой рецензии ранее была высказана мысль о такой преемственности в первобытном искусстве. О том, в частности, что такая преемственность обнаруживается не только у охотников Сибири, но и в искусстве неолитических земледельцев по отношению к центральному образу искусства ледниковой эпохи — женщины-матери. Образ этот в искусстве неолитических земледельцев продолжает жить, но испытывает при этом глубокие качественные изменения по своему идейному содержанию, связывается с новыми мифами и новыми обрядами, с фундаментальными идеями аграрной религии [3]. Можно, следовательно, согласиться с В. М. Котович в том, что на материалах дагестанских петроглифов, которые она относит к мезолиту и неолиту, выявляется определенная палеолитическая традиция. Так, она справедливо интерпретирует своеобразный вилообразный знак на писаницах грота Чинна-Хитта как женский символ, родственный женским изображениям из Дольних Вестониц.

Большое внимание уделено автором книги наличию не только знакового, но и числового символизма. В этом плане она продолжает линию исследований Б. А. Фролова, в частности посвященных «магической семерке» и лунному календарю.

На основании тщательного семантического анализа писаниц Горного Дагестана В. М. Котович пришла к выводу, что древние жители Северного Кавказа умели не только считать, но и пользоваться этими подсчетами в повседневной практике. Самыми распространенными у них были числа 14 и 21, отмечающие полнолуние и три фазы луны. Исходя отсюда, она пришла к выводу о том, что создателям петроглифов была известна система времяисчисления по луне — лунный календарь. Это обстоятельство ставит писаницы Горного Дагестана в один ряд с петроглифами Армении, памятниками мирового значения, где система исчисления времени по луне и лунный календарь древних жителей Гегамских гор наглядно были увековечены языком символов.

Очень вероятна далее и мысль ее о том, что ромбовидные клетки на большой колоколовидной юбке женоподобного существа могут быть сопоставлены с символическими знаками в виде ромбов и треугольников, означающими еще в искусстве па-

---

[2] *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. М.— Л., 1966, табл. 170, 2, с. 100, 101. Как сказано в тексте: «Не исключено, что мы видим здесь своего рода иллюстрацию к рассказу о происхождении родоначальника от звериного предка и женщины-первопредка».

[3] *Окладников А. П.* Утро искусства. Л., 1967, с. 217.

леолита женское начало. Однако о наличии тех или иных палеолитических элементов в семантике наскальных изображений Горного Дагестана можно говорить лишь как о переживании очень далеких традиций. Значительно ближе сложившиеся на этой древнейшей основе новые мифы, новые идеи. Эти новые идеи входят в обширный цикл представлений, выросших на почве прогрессивного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Мысль о том, что в наскальном искусстве Горного Дагестана, конкретно в рисунках Харитани, принадлежащих древним земледельцам Кавказа, представлен образ Великой Матери, прародительницы всего живого, носительницы плодородия, известной по петроглифам Азербайджана, по скульптурам Переднего Востока, аргументируется сравнительными материалами достаточно надежно. Об этом свидетельствуют и ромбовидные символы, и наличие сопряженных с женщиной образов быка, змей, представленных на писаницах Дагестана.

Значительный интерес представляют далее и такие рисунки, которые, по мнению автора книги, относятся к эпохе бронзы. Это рисунки на стенах гротов Чувал-Хвараб-Нохо, выполненные в линейном стиле.

Среди абстрактно-символических фигур выделяется также изображение лабиринта в гроте Чинна-Хитта. Как известно, мотив лабиринта нашел необыкновенно широкое распространение в искусстве не только Ближнего Востока, Крита, Кольского полуострова, Австралии, но и Северной Америки. Лабиринты индейцев юго-западной части Северной Америки, как выбитые, так и нарисованные на камне, практически «копируют» лабиринты Дагестана. Однако дагестанский лабиринт выделяется тем, что он построен на основе спирали, чем, по мнению В. М. Котович, подчеркивается его движение. Отсутствие изображения входа на этом рисунке рассматривается исследовательницей как символ неизбежности конца всякого движения.

Среди других знаков круг с отростками, как и аналогичные знаки на петроглифах Карелии, вслед за В. И. Равдоникасом определяется как солярный символ, с чем следует согласиться. Таково богатое содержание работы В. М. Котович.

Разумеется, в ней есть и слабые, недостаточно обоснованные мысли и суждения. Нельзя, например, ручаться за полную ясность периодизации рисунков по эпохам мезолита, неолита и бронзы. Не исключено, что они могут относиться лишь к двум близким друг другу эпохам неолита и бронзы или даже к одной длительной эпохе. Нужно думать, что дальнейшие исследования позволят более надежно обосновать и уверенно построить периодизацию этих интереснейших памятников.

Требует некоторого уточнения терминология: изобразительным элементом называется то, что по сути является сюжетом — человек, безоаровый козел, зубр, точечный знак. Остается поэтому непонятным, существуют ли **не изобразительные** элементы? Не очень ясно толкование одного сюжета в гроте Чувал-Хвараб-Нохо, которому уделено особое внимание. Как полагает В. М. Котович, это фигура «синкретического» существа, которое гармонично сочетает в рисунке черты хищника и копытного животного. Этот мифический зверь выступает, по ее мнению, в композиции грота как грозный страж, стерегущий вход в грот, стены которого покрыты сакральной живописью. Однако с таким толкованием согласиться трудно, поскольку в действительности рисунок не дает оснований для такой излишне сложной, надуманной расшифровки. Скорее всего, изображен бык. Об этом свидетельствует мощное туловище с подчеркнуто выпуклой грудью, горбом в передней части тела и лирообразными рогами. На рис. 20, *1* ясно показан и типично бычий хвост, свисающий вдоль задней ноги зверя. Что касается трактовки концов ног, то и здесь нет ничего необычного, ничего похожего на лапы хищника. В таком утрированном виде изображены, видимо, копыта быка. Следовательно, перед нами весьма живое, реалистическое изображение животного, а не «синкретическое» существо. В той же манере, кстати, изображен на той же таблице круторогий безоаровый козел (табл. 20, *13*).

Вообще же «синкретическому» образу животного, о котором здесь идет речь, придается неоправданно широкое значение как показателю культурно-этнических связей, начиная с эпохи палеолита. Значение это целиком основывается на единственном и, как мы видели, вовсе не реальном признаке, на рогах будто бы «орикса», «серно-быка» Аравии и Сомалийского полуострова.

В целом же книга В. М. Котович представляет важное событие в изучении столь сложного и богатого возможностями для понимания духовной жизни древнего чело-

века источника, каким являются наскальные рисунки. Нужно отдать должное ее полиграфическому оформлению. Издательство «Наука» сделало все, чтобы достойным образом передать древние рисунки Дагестана, в том числе в превосходных цветных иллюстрациях, а это вообще в нашей научной литературе бывает нечасто.

А. П. Окладников,
Е. А. Окладникова

«Hispania antiqua. Revista de historia antigua». Universidad de Valladolid, 1976, vol. VI, 448 p.

В послевоенные десятилетия в Испании появился целый ряд научных журналов, посвященных тем или иным проблемам истории античности. Рецензируемое периодическое издание «Античная Испания» представляет особый интерес, ибо оно ставит своей задачей охват наиболее важных теоретико-методологических и конкретных проблем античной истории, в первую очередь народов Пиренейского полуострова.

Большинство статей VI тома «Античной Испании» трактует различные аспекты римской деятельности в Испании. Их рецензирование представляется логичным начать с исследования Х. М. Рольдана Эрваса «Римское войско и романизация Испании» (с. 125—146), которое, как явствует из названия, посвящено выяснению роли римского войска в процессе освоения Испании (с. 127). По мнению автора, в I период романизации (для него это 218—90 гг. до н. э.) римское войско, выполняющее политическую миссию, оказало минимальное социальное влияние на туземцев. Окончание карфагенской кампании приводит к демобилизации воинов и их оседанию в Испании. Так открывается эпоха подлинной романизации Испании. Август (им автор открывает II период романизации Испании), утвердившись здесь после серии войн в 19 г. до н. э., резко меняет политику. Понимая, что италики будут не в состоянии нести все тяготы по охране римских границ, он привлекает на свою сторону туземцев путем дарования им гражданских прав, привлечения на военную службу и признания автономии их муниципиев. Таким образом, заключает автор, Испания романизуется теперь как бы изнутри, руками самих испанцев. Конечный результат этого процесса известен: полное принятие туземцами римской культуры и латинского языка (с. 345).

Своего рода оппонентом Х. Рольдану и его идее «романизации Испании изнутри» выступает Х. Муньос Коэльо в небольшой работе о римской Картиме (пров. Бэтика — с. 19—27); которая прекратила сопротивление римлянам лишь после дарования ей в 170-х годах до н. э. положения civitas libera или, возможно, даже civitas foederata наряду с Малакой, Гадесом, Секси и другими городами пунийского происхождения.

М. Пастор Муньос в исследовании «Астуры-Августаны и их романизация» (с. 267—283) ставит своей задачей изменить традиционное представление о практическом отсутствии следов римского влияния на территорию Conventus Asturum. Он отстаивает идею дифференцированного подхода к проблеме, ибо источники позволяют, по его мнению, говорить об определенной романизации астуров-Августанов в отличие от астуров-Трансмонтанов. Ее начало было сопряжено с тяжелыми боями, в которых приняло участие несколько римских легионов. После усмирения астуры получили седьмой легион в качестве гарнизона и отряды вексилляриев вплоть до р. Видриалес (пров. Леон). Отслужив, многие римские воины остались здесь на правах римских граждан. Их автор предлагает считать основными проводниками романизации Астурии (с. 269). Другой отряд составили cannabae. Третья группа была представлена самими туземцами, которых римляне рекрутировали в алы и когорты и наделяли, начиная со времени Веспасиана, правами латинского гражданства.

Думается, что автор преувеличивает степень романизации Астурии и вообще культуртрегерскую миссию римлян, так как даже в конце античности этот регион Иберийского полуострова сохранял практически во всех аспектах родоплеменной строй стадии разложения и романизация явилась для него чисто поверхностным наслоением на язык и религию туземцев. Такая позиция М. Муньоса может быть

объяснена двумя причинами: 1) влиянием романоцентристской традиции западноевропейского антиковедения и 2) затушевыванием (пусть даже бессознательным) роли социально-экономического фактора в процессе романизации. В этом плане более доказательными являются, к примеру, работы Х. М. Бласкеса, не вошедшие однако в рецензируемый сборник [1].

Логическим продолжением работы Х. Рольдана является исследование Л. Сагредо «I Испанская когорта в Британии» (с. 285—296). Поставив своей задачей изучить на основе эпиграфики организацию этого отряда и социальный состав его руководства, автор приходит к следующим выводам: 1. I Испанская когорта находилась в Британии в 98—138 гг. (с. 287). 2. Первоначально она была quingenaria, во главе ее стоял префект; с 125 г. представляла собой конную когорту. Результатом реорганизации явилась cohors milliaria, возглавляемая двумя трибунами. 3. Командный состав был этнически разнородным. Это не только римляне, но нередко италики, далматинцы, нумидийцы (с. 290—293). 4. Дальнейший путь когорты представляется автору так: с середины II в. она дислоцируется в Африке, солдаты продолжают рекрутироваться в Испании. Второй этап своей жизни она открывает в III в. вновь как конная когорта, призванная теперь нести охрану стены Адриана в Укселлодунуме.

Полезная работа Л. Сагредо в соавторстве с С. Кресно Ортис по сбору и классификации эпиграфического материала для изучения вопроса о характере свободных профессий в позднеимператорской Испании (с. 53—78) представляет собой своеобразный эпиграфический корпус из 41 надписи. Авторы совершенно справедливо полагают, что проделанная ими подготовительная работа дает значительный материал в руки тех исследователей, которые интересуются вопросами о распространении тех или иных свободных профессий в Испании III—V вв., социальном статусе и происхождении их носителей, формах их организации и т. д. (с. 62). Представленный материал, безусловно, можно будет использовать и при решении более общего вопроса о степени романизации Испании.

Давая общую оценку работам о романизации античной Испании, следует отметить, что их авторы стоят, как правило, на позициях господствовавшего до недавнего времени мнения о практически полной завершенности этого процесса. Их основной заботой и предметом полемики выступает распределение причин этого процесса по принципу их значимости. Для Х. Рольдана и М. Пастора Муньоса это римское войско, для Х. Муньоса Коэльо — дарование гражданских прав и т. д. Одержимые этой идеей, авторы не замечают, что часто используемый ими материал требует принципиально иного вывода о том, что, к примеру, население Кантабрии и Астурии продолжает жить и развиваться лишь под внешним покровом романизации. Безусловно, исследуемые авторами факторы играли значительную роль, однако только в том случае, если почва для их воздействия уже была подготовлена, так как культурной романизации явно должна была предшествовать романизация социальная. Таким должно быть и понимание идеи «романизации изнутри» в отличие от варианта Х. Рольдана. Следует также помнить, что римская культура могла глубоко привиться только там, где возникали города либо поселения городского типа как организмы гражданской общины и античной формы собственности. В то же время одного декларативного признания численного роста городов в римской Испании мало. Важнее было бы вписать политику основания римлянами многочисленных городов в социально-экономический аспект романизации.

В сборник вошел ряд статей, посвященных истории и археологии греческой и римской античности. Из них обращает на себя внимание попытка И. Муньоса Валье прокомментировать недавно изданную работу о заселении Греции [2]. Это исследование привлекло испанского ученого в силу совпадения с его идеей об отсутствии каких бы то ни было этногенетических связей греческих Danaói и восточных Danuna. Концепция Бэста, принятая И. Валье, такова: 1. Население средиеэлладской Греции

---

[1] *Blázquez J. Mª.* La Romanización, Madrid, 1975, II, p. 67; id., Rechazo y asimilasión de la cultura romana en Hispania (Siglos IV y V).— In: Assimilatión et résistance a la cultura gréco-romaino dans le monde ancienn. Travaux du Congrès International d'Etudes Classiques. Paris, 1976, p. 64.

[2] *Jan G., Best P. y Yigael Yadin.* The Arrival of the Greeks. Amsterdam, 1973.

было первопачально единым для Балкан, Греции и Троады и являлось потомком носителей минийской культуры (с. 169—170). 2. Родиной этой культуры были северные Балканы, время ее появления здесь — 2300—2250 гг. до н. э. 3. Носители этой культуры были фракийцами. Они же и вторглись в Грецию и Малую Азию в 2100 г. до н. э., т. е. до появления там греков. Далее мнение Бэста расходится с точкой зрения Валье. Для Бэста 1600-е годы до н. э. принесли Греции новую иммиграцию племен. Это были протогреки, или микенские греки. Они прибыли с юга. Автор отождествляет их с гиксосами, которые, будучи изгнаны из Египта, переселились в занятые фракийцами районы Греции (с. 183). С точки зрения этнической, гиксосы были для Бэста смесью индоевропейцев Кавказа и семитов Сирии-Ханаана. И. Валье в споре со второй частью концепции Бэста выдвигает следующий контраргумент: если гиксосы были протогреками, следовательно, они явились создателями линейного письма А. Тогда как объяснить тот факт, что язык этого письма не является греческим?! (с. 185).

Если обратиться к оценке концепции Бэста — Валье, то следует отметить ее большую новизну, ибо из поля зрения исследователей не ускользнуло так называемое промежуточное звено, то, которое выступает отрицанием старого качества в процессе создания нового. Для них этим звеном являются гиксосы XVI в. до н. э. Какой бы «взрывной» ни показалась эта мысль в первый момент, думается, что она заслуживает серьезного внимания либо с целью ее еще большей аргументации, либо для отказа от нее. Во всяком случае несомненной заслугой Бэста следует признать очерчивание им на новой источниковедческой основе круга подлежащих рассмотрению конкретных вопросов этногенеза греков.

К. Г. Томас, автор статьи «От ванаки к басилею. Царская власть в темный период Греции» (с. 187—206), ставит своей задачей выяснение эволюции царской власти в Греции в 1150—750 гг. до н. э. Исходной формой для него является власть ванаки времени разрушения Микенского дворца. Басилеос, по линейному Б pa2-si-re-u, являлся ранее всего местным правителем, затем к этому добавились обязанности жреца и военачальника (с. 191). Конечный вариант basileus — главенство (военное, законодательное и религиозное) выдающегося физическими и духовными способностями «лидера», имеющего также особый статус в системе therapontes — councillors — demos. Процесс оформления басилейи протекал параллельно со сложением аристократии. Спецификой басилейи Аттики является ее значительная независимость от аристократии, в то время как в Малой Азии басилейя была ей подконтрольна, что и привело к наиболее раннему возникновению там тирании (с. 205).

Наибольший интерес из статей по истории и археологии Греции вызывает, пожалуй, работа А. Лосано о рабстве на Родосе в эллинистическую эпоху (с. 97—125). Автор ставит своей задачей выяснение вопроса об удельном весе рабов в экономике и обществе Родоса III—II вв. до н. э. Основным источником выступает эпиграфический материал. Выводы А. Лосано могут быть сформулированы следующим образом: 1. В эллинистическом Родосе наряду с различными формами зависимости и полузависимости [3] существовало общественное и частное рабовладение с преимущественным развитием последнего. 2. Если общественные рабы использовались, как правило, на привилегированной службе, то частных применяли в первую очередь в торговле и банковских операциях. В сельском хозяйстве рабский труд играл вспомогательную роль. 3. Манумиссии на Родосе были очень распространенным явлением (с. 112) [4]. При этом право гражданства было практически недоступным для либертина, естественным являлся иной вариант: раб — ксен — метек с широкими имущественными правами. 4. Родос дал множество примеров существования рабских коллегий, а также смешанных по принципу равенства в них свободного и раба. 5. Надписи дают возможность говорить об участии рабов в жизни храмов, где они занимались организацией культа (с. 123).

---

[3] А. Лосано использует здесь работы советских исследователей: И. С. Свенцицкой, Е. М. Штаерман, С. Л. Утченко и их коллег из Польши и ГДР (см. с. 104, 105, 108, 109).

[4] В вопросе о манумиссиях А. Лосано придерживается широко распространенной точки зрения А. Кальдерини. См.: *Calderini A.* La Manomissione e la condizione del liberti en Grecia. Milano, 1908.

Высказывая свои суждения, хочется отметить прежде всего, что наибольшего внимания и одобрения заслуживает сама попытка А. Лосано определить специфику рабства на Родосе и место раба в обществе. В этом плане привлекает своей логичностью та часть его исследования, которая посвящена eggēneis (с. 104—106). Для автора это рожденные на Родосе рабы, туземцы, количество которых было значительным. Не оспаривая мысли о торговле и ремесле как преимущественных сферах применения труда eggēneis, следует тем не менее отметить, что их основная масса использовалась, видимо, все-таки в сельском хозяйстве, а их главное отличие от спартанских илотов или фессалийских пенестов состояло лишь в способе их приобретения. Таким образом, очень возможно, что и по способу приобретения они были аналогичны, к примеру, хиосским ойкетам, т. е. принадлежали и к κτῆσις, и к οἶκος одновременно [5]. В заключение следует отметить, что А. Лосано при всей своей заинтересованности ограничился рассмотрением традиционных (хотя и необходимых) вопросов рабства, в некоторых случаях допустил декларативное моделирование процесса развития рабства и осветил лишь один аспект чрезвычайно интересного вопроса о месте раба в обществе.

Римской проблематике посвящено семь исследований. Они охватывают различные стороны истории Рима: от социально-политической до религиозной.

Прежде всего отметим работу Х. Ф. Родригеса Нейлы, в которой преследуется цель определения этимологии термина municipium и его эволюции на протяжении римской истории (с. 147—167).

Статья А. Мильяна Мендеса «Воинская присяга. Характеристика присяги на верность Августу в 32 г. до н. э.» (с. 27—43) трактует очень актуальную проблему природы власти Августа и ее характер. Автор ставит своей задачей доказать, что в восхождении к вершинам власти Август опирался исключительно на силу своей auctoritas. Значение Sacramentum Militiae Августу состоит для А. Мендеса в формировании нового типа власти (imperium maximum), нового типа государства (империи) и в противопоставлении имущих неимущим (с. 42).

Давая общую оценку исследованию А. Мильяна Мендеса, следует отметить прежде всего, что автором была предпринята попытка подойти к выяснению сущности учрежденного Августом политического режима не с традиционных формально-правовых или государственно-правовых основ, а с социально-политических. Этим объясняется верная, на наш взгляд, оценка auctoritas Августа как второстепенного атрибута его власти. Более реальными автору справедливо представляются такие механизмы, как армия и новые слои господствующего класса. В то же время в этой картине свое достойное место должен был занять новый бюрократический аппарат, основное детище Августа, которому А. Мендес не придал, к сожалению, никакого внимания. Советскому читателю его работы ясно, конечно, что именно аппарат был призван окончательно вытеснить выборные органы полисно-республиканского Рима. Можно не один раз упрекнуть автора и в расплывчатости его социальной терминологии, ибо понятно, что подмена понятий классов противопоставлением богатые — бедные приводит к упрощенному пониманию любого исторического процесса. Мы не видим необходимости давать этому факту развернутую критику, так как известно, что подобный внеклассовый подход к истории все еще является ахиллесовой пятой многих наших зарубежных коллег-немарксистов [6].

Своеобразное исследование опубликовал на страницах ежегодника Р. Теха Касусо: «О положении городского населения Запада накануне варварских нашествий» (с. 7—18). Цель автора — выяснить причины преданности провинциальных городов Запада Риму. Если бы городское население западных провинций страдало от политического и иного гнета Рима, пишет автор, то оно по аналогии с крестьянством содействовало бы атакам варваров на Рим и тем самым его падению (с. 8). Анализ

---

[5] *Шишова И. В.* Рабство на Хиосе.— В сб.: Рабство на периферии античного мира. М., 1969, с. 83.

[6] В то же время нельзя не заметить, что ряд коллег А. Мендеса стремится подойти с позиций марксизма к изучению социально-экономической проблематики древности. См., к примеру, упомянутую статью А. Лосано о рабстве на Родосе, а также большое исследование Х. Мангаса (*Mangas Manjarres J.* Esclavos y libertos en la España Romana. Salamanca, 1974).

источников приводит Р. Касусо к осознанию необходимости дифференцированного решения проблемы. Он справедливо считает, что окончательное уравнение в правах населения империи, приведшее к новому социальному делению по типу humiliores — honestiores, очень способствовало рустификации большинства городов при одновременном росте удельного веса в политической жизни Римской империи немногочисленных крупных административных городских центров, сохранявших свой привилегированный статус благодаря бдительным заботам центральной власти. Эти последние и выступают оплотом римского господства на местах, в то время как большинство городов и их крестьянская округа видят в варварах своих единственных избавителей и всячески способствуют их стремлениям устроить на римской территории свое государство (с. 16—17).

Не оспаривая правоты Р. Теха в намеченной линии развития провинциальных городов, представляется необходимым обратить внимание на незавершенность его намерения дифференцированно подойти к проблеме. Дифференцированность должна бы включить такое необходимое понятие, как время. Исключив его, автор абсолютизирует восстановленный им вариант и проецирует его на всю римско-императорскую действительность, в то время как и диалектика явления, и логика исследования подводят к выводу о действии «модели» лишь до эпохи кризиса III в. Оживление в правление Диоклетиана было исключительно временным и держалось на искусственных, насильственных мерах. Таким образом, общая линия поведения провинциальных горожан совпадает с крестьянской. И это вполне понятно, так как и те и другие в своем большинстве составляли одинаково эксплуатируемый класс. Общность интересов позволила им соединить свои усилия в мощном антиримском движении на Западе в середине III в., результатом которого явилось 15-летнее существование самостоятельной Галльской империи (Галлия, Испания, Британия), а их расхождения, вылившиеся в восстание багаудов, кстати говоря, привели к насильственному возврату отпавших провинций в состав Римской империи.

В сборнике имеются большой раздел «Критика и библиография», а также «Полемические статьи».

В заключение необходимо сказать, что, несмотря на замечания, которые были сделаны и могли бы быть сделаны еще, VI том «Античной Испании» представляет, безусловно, сумму интересных по проблематике, материалам и подходу исследований. Их авторы проявили внимание к целому ряду малоизученных, но важных аспектов истории античности и тем самым дали много поводов для размышлений и работы. Нельзя не отметить в качестве положительного момента стремление авторов воспользоваться результатами, а нередко и методикой исследования ведущих историков-античников СССР и социалистических стран.

В. И. Козловская

Хроника

ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ «ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ХРОНОЛОГИИ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

В Ленинграде в Государственном Эрмитаже с 19 по 22 февраля 1979 г. проходил симпозиум по вопросам происхождения и хронологии скифской культуры. Симпозиум был организован в память Михаила Илларионовича Артамонова — выдающегося советского археолога, ученого исключительно широких научных интересов, среди которых особое место принадлежало скифской проблеме, директора Эрмитажа с 1951 по 1964 г.

В симпозиуме участвовали ученые Ленинграда, Москвы, Киева, Чернигова, Грозного, Краснодара, Ростова-на-Дону, Николаева, Каменец-Подольского. Об интересе к симпозиуму, о значимости его тематики свидетельствует присутствие на заседаниях свыше 100 археологов из разных городов нашей страны. Было заслушано и обсуждено 25 докладов из 29 намеченных.

Симпозиум открыл директор Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровский, отметивший наиболее актуальные проблемы скифской археологии и большую роль в их изучении М. И. Артамонова. Глубокий анализ научных взглядов ученого был дан в докладе Л. С. Клейна «Идеи в археологии (скифы в системе взглядов М. И. Артамонова)».

К сожалению, по проблеме происхождения скифской культуры обобщающий доклад А. М. Лескова «Археологический аспект происхождения скифов» не состоялся. Поэтому данная тема на симпозиуме в целом не прозвучала, хотя большинство докладчиков касались отдельных ее вопросов. Самое прямое отношение к ней имел доклад А. И. Шкурко и А. М. Хазанова «Проблема происхождения скифо-сибирского звериного стиля». Докладчики выдвинули и обосновали гипотезу о полицентричном процессе формирования скифо-сибирского звериного стиля. Выделяются три основные культурно-исторические и географические зоны, связанные с появлением этого вида искусства: переднеазиатская, кавказско-причерноморская и азиатская степная. Допуская возможность возникновения отдельных образцов звериного стиля в разных районах еще в первой половине VII в. до н. э., докладчики считают, что формирование искусства в целом, включающего в себя конкретный комплекс идеологических, социальных и этико-эстетических представлений, а также сюжетно-стилистических особенностей, падает на вторую половину VII — начало VI в. до н. э. Окончательное же его сложение начинается со второй четверти VI в. до н. э.

Д. С. Раевский выступил с докладом «Антропоморфные памятники из раннескифских комплексов (в связи с проблемой происхождения скифского искусства)», в котором показал, что скифам VI—V вв. до н. э. не были чужды антропоморфные образы. Хотя и выполненные в инокультурных традициях, они содержат попытку воплощения собственно скифских мифологических концепций.

Непосредственное отношение к проблеме происхождения скифской культуры имели также доклады В. А. Кореняко «О характере и причинах изменения погребальных обрядов степного населения юго-востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу» и В. В. Дворниченко «Некоторые вопросы культуры предскифского периода». Оба докладчика показали сложный характер формирования различных элементов культуры ранних кочевников. Особенно насыщенным материалами и убедительным был доклад В. В. Дворниченко.

Хотя организаторы симпозиума ограничили географические рамки Северным Причерноморьем и Кавказом, для Тувы было сделано исключение, так как именно там в последнее десятилетие были сделаны археологические открытия, имеющие первостепенное значение для решения вынесенных на симпозиум вопросов. М. П. Грязнов в докладе «Курган Аржан и вопрос о начальном этапе скифских культур» убедительно показал одновременность всех 29 погребальных комплексов этого уникального памятника. Появление такого кургана, по мнению докладчика, знаменует собой начало нового, скифского этапа развития населения Тувы, отражает переход к скотоводческому кочевническому хозяйству. Такой же переход в Се-

верном Причерноморье показывают курганы типа Черногоровки — Камышевахи, которые М. П. Грязнов считает синхронными Аржану, но в отличие от А. И. Тереножкина придерживается датировки их VIII—VII вв. до н. э. В заключительной части доклада М. П. Грязнов высказал предположение, что культуры скифского типа на территории Евразийских степей не могли происходить из одного источника, а сложились одновременно в среде ранних кочевников от Дуная до Китая.

А. Д. Грач представил культурно-историческую периодизацию памятников Тувы VIII—III вв. до н. э. Курган Аржан и синхронные с ним погребения среднего слоя кочевого населения, выявленные недавно в Центральной Азии, он рассматривает в рамках алдыбельской культуры, выделяя их лишь в наиболее ранний этап этой культуры (аржанский, VIII—VII вв. до н. э.). На следующем, усть-хемчинском этапе (VII—VI вв. до н. э.) продолжается дальнейшее развитие алдыбельской культуры. В V в. до н. э. алдыбельскую культуру сменила саглынская, принесенная извне пришельцами, частично вытеснившими прежнее население. Но традиции алдыбельской культуры остались, они особенно ярко прослеживаются в развитии скифо-сибирского звериного стиля.

Несколько докладов было посвящено собственно скифской архаике. Ю. Г. Виноградов в докладе «Политическая и династийная история скифского царства в конце VI — первой половине V в. до н. э.» на основании анализа надписи на золотом перстне царя Скила и текста Геродота пришел к интересным выводам относительно событий в Скифии после войны с Дарием. Первым актом, последовавшим за поражением Дария, докладчик считает покорение или замирение царскими скифами племен лесостепи, вторым — выступление против городов Северо-Западного Причерноморья и далее на юг вплоть до Херсонеса Фракийского. В результате таких действий лесостепные племена подпали под власть скифов, а полисы Северо-Западного Причерноморья — под протекторат скифских царей.

В докладе В. Ю. Мурзина «Некоторые особенности погребального обряда степных скифов в VII—V вв. до н. э.» были анализированы все известные к настоящему времени в степной зоне Северного Причерноморья архаические скифские погребения. Докладчик пришел к выводу о единстве погребального обряда на всей территории степи в VII—V вв. до н. э. Какие-либо локальные различия для этого времени не наблюдаются. Говоря о происхождении скифской погребальной обрядности, В. Ю. Мурзин связывает с местными традициями лишь отдельные ее элементы. Большинство черт представляются ему пришлыми, характерными для многих ранних кочевников евразийских степей. Этот доклад органически дополнили информационные сообщения о раннескифских погребениях в междуречье Южного Буга и Ингульца (Ю. С. Гребенников) и на территории Нижнего Дона (В. А. Кореняко и С. И. Лукьяшко), открытых в последние годы.

Э. В. Яковенко рассмотрела погребения с кубками VI—V вв. до н. э., известные в курганах Восточного Крыма, которые многие исследователи считают таврскими. Основываясь на особенностях погребального обряда, сходных с характерными для скифских погребений Восточного Крыма, она настаивает на их принадлежности скифам.

Сводка неизвестных до сих пор раннескифских прорезных наверший из Прикубанья была представлена в сообщении И. Г. Волкова.

Значительное место в программе симпозиума занимали доклады, посвященные хронологии скифских памятников и отдельных находок на Кавказе и взаимодействиям киммерийцев и скифов с местным населением Кавказа. По этой проблеме было сделано пять докладов. В. Г. Петренко на основании обработки старых и новых материалов выделила наиболее ранние скифские комплексы Северного Кавказа, убедительно обосновав их докелермесский возраст. Сопоставление данных письменных и археологических источников позволило ей предположить присутствие в степях Предкавказья значительного скифского населения уже в VII в. до н. э. Очевидно, эта территория была базой скифов на пути в Переднюю Азию.

Важные и интересные данные о пребывании скифов в Западном и Центральном Закавказье во второй половине VII — начале VI в. до н. э. привела М. Н. Погребова в докладе «Памятники скифской культуры в Закавказье».

Совместный доклад В. Б. Ковалевской и В. И. Козенковой «Хронология памятников раннего железного века долины реки Эшкакон» касался стратиграфии и археологического материала из новейших раскопок, что позволило построить твердую хронологическую шкалу исследованных комплексов кобанской культуры от IX—VIII до середины VII в. до н. э.

В докладе В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева речь шла о 28 комплексах раннекобанской культуры с оружием и предметами конского убора новочеркасского типа. Появление таких вещей, чуждых для местной культуры, исследователи объясняют межплеменными контактами аборигенов с пришлыми кочевниками — киммерийцами и скифами. Наиболее значительную роль в их распространении у племен кобанской культуры уже в VII в. до н. э. они отводят скифам.

В отличие от всех докладчиков, выступавших по проблеме «Скифы и Кавказ», Н. В. Анфимов в докладе «К вопросу о пребывании скифов на Северо-Западном Кавказе» настаивал на том, что скифы времен походов в страны Передней Азии не составляли сколько-нибудь значительной группы населения на территории Предкав-

казья. По-прежнему он считает курганы келермесского типа в Прикубанье принадлежащими не скифской, а меотской знати.

Семь докладов касались вопросов формирования, развития и хронологии культур лесостепных племен предскифского и раннескифского времени. А. И. Мелюкова и Г. И. Смирнова пришли к близким выводам относительно роли фракийцев в происхождении населения и культуры VIII—VII вв. до н. э. на территории Буго-Днестровского междуречья. А. И. Мелюкова предполагает присутствие довольно значительного южнофракийского компонента среди населения чернолесской культуры этого района, продвинувшегося из лесостепной Молдавии, с территории распространения памятников сахарнянско-солончepisкого типа. Существованием тесных контактов между племенами правобережной украинской лесостепи и южными фракийцами она объясняет появление нарядно украшенной различными штампами и резьбой лощеной керамики у племен Правобережья на второй ступени чернолесской культуры. Г. И. Смирнова в докладе «Материальная культура Григоровского городища в связи с вопросами формирования жаботинских памятников» на основании тщательного изучения материалов Григоровского городища и сопоставления их с теми, которые известны сейчас на Нижнем Дунае и в памятниках сахарнянско-солончepиского типа, убедительно показала существенную роль фракийцев в сложении чернолесско-жаботинских памятников в южной зоне лесостепи. Положения, высказанные в обоих докладах, хорошо подтверждались материалами широко исследованного Рудковецкого городища на Среднем Днестре, относящегося к чернолесско-жаботинскому времени. О них подробно рассказал А. Ф. Гуцал. Информация о раскопках поселения раннескифского времени у с. Залесье была сделана О. Д. Ганиной. Продемонстрированный ею комплекс керамики и находок VII—VI вв. до н. э. отражает специфику культуры населения Среднего Поднестровья в раннескифское время.

Г. Т. Ковпаненко представила тщательно отработанную хронологическую классификацию всех известных к настоящему времени курганов в бассейне р. Рось, относящихся к чернолесско-жаботинской и раннескифской поре. Это особенно важно для сопоставления Поросской группы памятников с одновременными им памятниками бассейна р. Тясмин и общей характеристики культуры племен Днепровского лесостепного Правобережья в предскифскую и раннескифскую эпоху. Б. А. Шрамко ознакомил с методом обработки массового керамического материала, разработанным им на основе анализа керамики Бельского городища. Принципы выделения и описания типов, предложенные докладчиком, вполне применимы для керамики из других памятников лесостепи. О результатах спектрально-аналитического изучения бронзовых изделий из архаических курганов Посулья доложила Т. Б. Барцева. Ею выявлены вещи местного производства и импортные из разных металлургических центров, как западных, так и восточных.

В прениях по докладам выступило 25 человек. Особенно значительными участники конференции признали результаты работ по хронологии и интерпретации ранних скифских памятников и материалов на Кавказе и в Закавказье. Единодушно было принято предложенное В. Г. Петренко выделение докелермесских комплексов, относящихся к VII в. до н. э. Интересно, что в степи Северного Причерноморья столь ранние определенно скифские памятники пока не представлены. Получила поддержку и мысль относительно пребывания в степях Предкавказья скифского населения в период походов в Переднюю Азию. Точка зрения о меотской принадлежности памятников келермесского типа в Прикубанье, которой придерживается Н. В. Анфимов, не получила признания в выступлениях по его докладу.

Живой отклик вызвал на симпозиуме доклад В. В. Дворниченко. Г. И. Смирнова отметила правильный подход к объяснению сложного состава элементов культуры ранних кочевников степной полосы Восточной Европы. В противоположность ему доклад В. В. Кореняко вызвал ряд критических замечаний. Н. К. Качалова и Е. Е. Кузьмина убедительно показали, что докладчик в части своих построений исходил из неправильных, устаревших представлений о датировке памятников бронзового века Поволжья и Приуралья. В связи с этим общая картина погребальной обрядности ранних кочевников, нарисованная им, и ее интерпретация являются, по мнению выступавших, ошибочными.

В ряде выступлений подчеркивалось большое значение работ по изучению тувинских материалов, важных для решения некоторых вопросов скифской проблемы в целом. Вместе с тем отмечалась необходимость более детальной разработки их хронологии на основании создания собственной хронологической шкалы, а не только в связи с датировками, существующими для памятников Северного Причерноморья. Поиски, предпринятые А. Д. Грачем для создания такой шкалы, признаны весьма перспективными. Получила поддержку мысль М. П. Грязнова об одновременном возникновении в разных районах евразийских степей культур скифского типа, а также идея А. И. Шкурко и А. М. Хазанова о полицентричном процессе формирования искусства скифо-сибирского звериного стиля.

Получило самую высокую оценку исследование надписи на перстне царя Скила, однако последовавшие за этим выводы Ю. Г. Виноградова о раннескифской династийной генеалогии, по мнению А. М. Хазанова, Д. С. Раевского и И. Б. Брашинского, далеко не бесспорны.

Не вызвали принципиальных возражений доклады, посвященные вопросам сло-

жения и развития лесостепных культур предскифского и раннескифского времени. При обсуждении их было обращено внимание на периодизацию и хронологию памятников VIII—VI вв. до н. э. Выступавшие по этой проблеме отметили неправомерность выделения раннежаботинского этапа как промежуточного между чернолесской культурой и памятниками раннескифского времени. Материалы, обычно помещаемые в этот этап, не имеют существенных отличий от чернолесских и поэтому могут рассматриваться как наиболее позднее проявление чернолесской культуры. Жаботинскими же следует считать только те памятники, которые относятся к раннескифской поре. Не получило признания предпринятое в последние годы А. И. Тереножкиным удревнение черногоровской и новочеркасской ступеней позднейшей предскифской культуры степи и соответствующих им по времени лесостепных памятников.

Симпозиум принял резолюцию, в которой подводились итоги и определялось дальнейшее направление исследований в области происхождения и хронологии скифской культуры. В решении отмечена необходимость активизации поисков и изучения культур переходного периода от бронзового века к железному как в степях Евразии, так и на Кавказе. Для получения новых материалов признано необходимым возобновить полевые работы в лесостепи, сделав особый упор на изучение хронологического соотношения памятников, расположенных в различных регионах этой зоны.

А. И. Мелюкова, Г. И. Смирнова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АІІУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода
АН — Архитектурное наследство
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВВАЭ — Верхневолжская археологическая экспедиция
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВССА — Сб. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского Географического Общества
ВЯ — Вопросы языкознания
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. (Под ред. Валка С. Н.). М.— Л., 1949
ГИБИ — Гръцки извори за българска история
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева
ГСУ ИФФ — Годишник на Софийския университет, историко-филологический факултет
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖС — Жизнь Сибири. Новосибирск
ЗИркНМ — Записки Иркутского народного музея. Иркутск
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗТМ — Записки Тетюшского музея. Казань
ИАИ БАН — Известия на Археологически институт на Българска Академия на науките
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук. Алма-Ата
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Иркутск
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
ИИГА — Известия на института по градоустройство и архитектура
ИКЗ — Историко-краеведческие записки. Волгоград
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань
ИРИ — История русского искусства
КГУ — Казанский государственный университет
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАФЭ — Московская археолого-геофизическая экспедиция Всесоюзного научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений
МГПИ — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР — Музей им. Андрея Рублева в Москве
МИРА — Музей истории религии и атеизма в Ленинграде
МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
МИСО — Материалы по истории Смоленской области

МОКМ — Московский областной краеведческий музей
МСПГК — Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов. Тбилиси, 1977
НИМ — Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник
НОСА — Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Киев, 1975
НСб.— Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПГПИ — Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова
ПВЛ — Повесть временных лет. Ч. I, II. М.— Л., 1950
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических формаций. Л.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. Л.
ПИХАМЗ — Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГУ — Саратовский государственный университет
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СЖС — Сибирская Живая старина. Иркутск
СОАОК — Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения
СПЖ — Сибирский педагогический журнал. Новониколаевск
СЭ — Советская этнография
ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр.ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр.ОИПК ГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ТССМАИЧП — Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УДН — Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира. М., 1976
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧиП — Человек и природа. Л.
ЧНИИ — Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ЭБВСОРГО — Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Иркутск
AAC — Acta archaeologica Carpathica. Kraków
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AM — Arheologia Moldovei
AR — Archeologické rozhledy. Praha
BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique. Paris
BRGK — Berichte der Römisch — Germanischen Komission
BSA — The Annual of the British School at Athens. London
BSPF — Bulletin de la Société Préhistorique Française. Paris
CVA — Corpus vasorum antiquorum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
IPE — B. Latyschev. Insciptiones antiquae orae Septentrionales Ponti Euxini.
MAGW — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge
RA — Revue archéolodique
SCIV — Studii si cercetări de istorie veche. Bucureşti
UISPP — Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Nice

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В этом номере журнала печатаются Правила приема статей с изменением требований к оформлению библиографии в связи с Правилами, принятыми ГОСТом.

Новый порядок оформления библиографии вводится с № 3 — 1981 года.

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. В тексте указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80].

Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой (^{1}, ^{2}, ...).

5. **В журнале принят следующий порядок оформления списка литературы:**

Книги, сборники

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
2. Череножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

Для литературы на иностранных языках вместо — В кн.: писать In:

Журналы и продолжающиеся издания (Труды, Ученые Записки, Сообщения, а также сборники типа МИА, КСИА, КСИИМК)

3. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2.
4. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 252. Сер. истории искусств, вып. 29.
5. Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.

Для литературы на иностранных языках: том — *v*, *t*, *B.*; страница — *S*, *p.*

Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

7. Фамилия автора. Название статьи.— АО — 1969. М., 1970.
8. ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

9. Черных Е. Н.— СА, 1976, № 3.— Рец. на кн.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.— EW, v. 23, N 1—2.

Авторефераты диссертаций

11. Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1968.
12. Аскаров А. Низовья Зеровшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1962.

Архивные материалы

13. Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис.: ИА АН СССР, 1966. Архив ИА АН СССР, р-2, № 1959.
14. Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4876.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.10.80 Подписано к печати 30.12.80 Т-19653 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 29,4 Уч.-изд. л. 31,4 Бум. л. 10,5 Тираж 3591 экз. Зак. 3581

Издательство «Наука», 103717, ГСП. Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099 , Москва, Шубинский пер., 10